

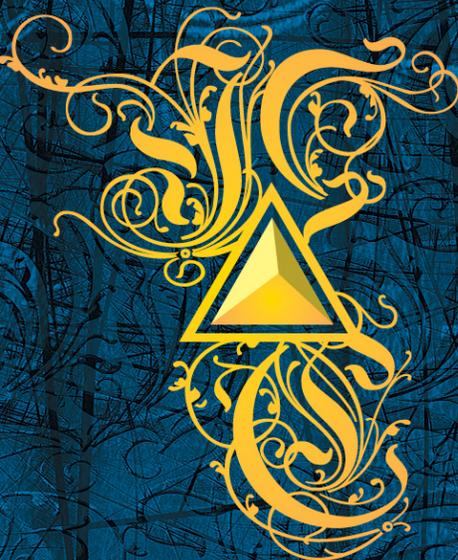

Большое собрание
ПРЕДАНИЙ, СКАЗОК И МИФОВ
западных славян

Большое собрание
ПРЕДАНИЙ, СКАЗОК И МИФОВ
западных славян

**Большое собрание преданий,
сказок и мифов западных славян**

С молитвой о мире славянском

Дорогой читатель! Сейчас вы попадете в волшебное царство древних народных преданий, созданных и сохраненных народами, относящимися к нашей общей, огромной и разноликой, славянской семье. Задумывались ли вы когда-нибудь о том, что славяне – самая большая в Европе группа родственных народов? По приблизительным подсчетам, численность славян сейчас составляет от 300 до 350 миллионов человек.

Существует несколько версий происхождения слова «славяне», например, предполагается, что в основу легло «слово» – то есть СЛОВЪНЕ – люди, владеющие словом, говорящие на понятном языке, что отличало их от НЕМЦЕВ, – «немых», «не владеющих словом» – чужаков. Кроме того, возможно, в основу легло и слово «слава». Тогда славяне – означает «славные».

В «Повести временных лет» летописец говорит о событиях после Потопа так: «...по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же 70 и 2 язык произошел и народ славянский (...).

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне, иные – ободриты.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели

по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ...»

В настоящее время многочисленная и многоликая семья славян делится по языковым и географическим признакам на три группы: восточные славяне (к которым относимся и мы с вами, русские, и наши ближайшие соседи – украинцы и белорусы), южные славяне и западные славяне. История каждого славянского народа драматична, богата подвигами, победами, поражениями. У каждого народа есть свои герои, которых помнят из-за того, что они подают пример – из поколения в поколение – величия духа и любви к своей родине. А каждый народ силен прежде всего духом и чистотой помыслов лучших своих сынов. И собранные в этой книге сказания – тоже свидетельство подвига каждого отдельного человека, собравшего сокровища, созданные когда-то давно славянскими братьями и сокровищами не считавшимися.

Но сначала о западных славянах. К ним относятся сорбы, или лужичане (верхние и нижние), поляки, силезцы, кашубы, словаки, чехи. Общее число этих народов – около 80 миллионов человек.

Современные лужичане – это остатки лужицких сербов (на нижнелужицком – Serby, на верхнелужицком – Serbja, на немецком – Sorben). Когда-то они входили в союз полабских (то есть живущих вдоль реки Лабы (Эльбы) славян. Они заселяли не менее трети (север, северо-запад, восток) территории современной Германии. В XII–XIII веках в ходе немецкой экспансии на восток полабские славяне были вытеснены со своих земель и онемечены (так, лютичи и ободриты полностью ассимилировались). Только лужичане сохранили свой язык и культуру. Современный лужицкий язык разделяют на верхнелужицкий и нижнелужицкий. Сейчас их всего 50–60 тысяч человек. Живут они в основном в Германии, где признаны национальным меньшинством. Небольшие общины лужицких славян есть в Польше и Чехии.

Кашубы – западнославянский народ, проживающий в основном на севере Польши (около 300 тысяч человек). Кашубы – прямые потомки

древнеславянского племени поморян. В начале XIX века бедность гнала кашубов в другие края в поисках заработка. Началась эмиграция, принявшая к концу XIX века массовый характер. Кашубы уезжали в Германию, США, Канаду. В канадской провинции Онтарио было основано поселение Вильно, жителям которого удалось сохранить свои исконные традиции и родной язык. В США в конце XIX века оказалось примерно 90 тысяч кашубов, в Канаде – 25 тысяч, в Бразилии – 15 тысяч.

Поляки – самый многочисленный западнославянский народ, давший миру большое количество ученых, поэтов, писателей, музыкантов, государственных деятелей (всем известны имена Николая Коперника, Адама Мицкевича, Фредерика Шопена – славных сыновей Польши). На сегодняшний день в Польше живет 36 миллионов поляков. Всего в мире их насчитывается около 60 миллионов.

Силезцы – западнославянский народ, который живет в Польше (817 тысяч человек), в Чехии (более 12 тысяч человек) и небольшое количество – в Германии. Предками силезцев были племена слензан.

Словаки – западнославянский народ, в Словакии их численность составляет 4,5 миллиона, в США – 800 тысяч, в Чехии – около 200 тысяч, большие группы словаков живут в Сербии, Канаде, Ирландии, Германии, Венгрии, Австрии, Латинской Америке. Некоторые слависты высказывают мнение, что словацкий язык развился непосредственно из праславянского.

Чехи – второй по численности (после поляков) западнославянский народ, общая численность которого составляет более 12 миллионов человек. В Чехии живет около 10 миллионов чехов, в США – более 1,5 миллиона, в Великобритании – около 90 тысяч, в Канаде – около 80 тысяч, в Германии – около 50 тысяч. Большие группы чехов живут также в Словакии, Аргентине, Австралии, Швейцарии и других странах. Весь мир знает великих сынов Чехии – Яна Амоса Коменского, Карла IV, Антонина Дворжака, Бедржиха Сметану, Карела Чапека, Ярослава Гашека, Франца Кафку и многих других. Чешский язык близок к словацкому и верхнелужицкому.

В 622 году в Моравии (сейчас это часть Чешской Республики) было основано первое в истории славянское государство Само. Основной частью ядра населения державы Само были предки словаков

и чехов. Не сохранилось точных данных о границах этого государства, но остались хроники (летописи), из которых и черпают историки сведения об основателе государства и его истории. Так, Хроника Фредегара (основной источник по истории государства Само) сообщает, что создано было оно франкским торговцем по имени Само, который возглавил восстание славян против Аварского каганата, выиграл войну и в результате был избран королем. Есть и другая версия, которая содержится в «Обращении баваров и хорутан», написанном, правда, спустя два века после образования державы Само. В «Обращении» говорится: «Во времена славного короля франков Дагоберта славянин некий, именем Само, проживавший у хорутан, был вождем этого племени».

К IX – началу X века относится существование сильного государства Великая Моравия, которое сыграло огромную роль в развитии общеславянской культуры. В период наивысшего расцвета Великой Моравии в нее входили Моравия, Словакия, Чехия, а также Лужицы, часть Словении и малой Польши.

В столице Великой Моравии Оломоуце в 863 году началась великая просветительская деятельность двух братьев из Салоник – Константина (Кирилла) и Мефодия. Именно там, в Оломоуце, Константин разработал первый славянский алфавит – глаголицу. Для моравской миссии Константин избрал так называемый старославянский язык, на который они с Мефодием перевели литургические и библейские тексты. Во время пребывания в Моравии братья перевели всю Библию на старославянский язык. Благодаря миссии в Моравии Константин (Кирилл) и Мефодий считаются основателями всей славянской литературы.

В марте 868 года старославянский язык был допущен римским папой (Адрианом II) в качестве четвертого литургического языка западной церкви наряду с латынью, греческим и еврейским языком. Ни один папа не повторял подобного для другого языка вплоть до XX века. В Великой Моравии старославянский язык использовался наряду с латинским. На нем говорили при дворе и в образованных кругах.

В IX веке происходил бурный процесс христианизации славян. В результате церковного раскола начала XI века большинство южных славян и все восточные оказались в греко-православной церкви, а

западные славяне и некоторые южные (хорваты, словенцы) стали исповедовать католицизм.

К X веку на берегах Влтавы закладываются крепости Вышеград, а чуть позже, на противоположном берегу, – Пражский град. Козьма Пражский, первый чешский летописец, в начале XII века писал о том, как была основана Чехия, пользуясь исключительно народными преданиями, передававшимися из уст в уста. Благодаря его записям дошло до нас имя первого князя чехов – Крок. Его дочь, Либуше, вышла замуж за Пржемысла – простого пахаря из села Стадице. Потомков их называют Пржемысловичами. Из этого рода был и среднечешский князь Борживой. Его и его супругу Людмилу крестил по православному обряду архиепископ Мефодий. За крещение без согласия чешского сейма Борживой был низложен, но через год он одержал над сеймом победу и на старом сеймовом поле поставил свою крепость, в ней появился и первый христианский храм. Эта крепость и стала основой современного Пражского града. Сыновья Борживоя, стремясь избавиться от моравской зависимости, отправились в Регенсбург (совр. Германия), принесли местному князю вассальную грамоту. Они обязывались платить дань и соглашались на подчинение Чехии церковной власти регенсбургского епископа. Так в Чехию стал проникать латинский церковный обряд. Славянский же обряд богослужения сохранялся в Чехии еще на протяжении двух веков, постепенно теряя свои позиции.

В начале X века вторжение мадьярских племен положило конец Великоморавской державе. Православие в Великой Моравии было разгромлено. Просветительская деятельность, начатая Константином (Кириллом) и Мефодием в Оломоуце, была продолжена их учениками в Болгарии.

В 988 году Древнерусское государство принимает православие. Письменность всех восточных славян – кириллица – и по сей день остается нашим средством письма. Она открывает нам мир, привычная и родная. Но кто из нас имеет представление о том, какому месту на земле обязаны мы нашей азбукой? Лишь единицы знают об Оломоуце, западнославянском моравском городе, где македонцы Константин (Кирилл) и Мефодий создали глаголицу. Вот какой разноцветный венок, вот чудеса высшего промысла: сами западные славяне ныне пользуются латиницей, приняв католический обряд

христианства. А кириллица вошла в нашу плоть и кровь. Но от этого раздела мы не перестаем быть братьями. И в этом правда и улыбка истории человечества. Пусть ветки могучего дерева и смотрят в разные стороны, растут они из одного ствола и корни у них одни.

Сейчас мы пристально взглянем в одну из ветвей нашего общего генеалогического древа. Книга сказаний западных славян переведена с чешского, и вся она – красноречивое свидетельство того, чем живут и благодаря чему выживают те или иные народы, почему одни уходят с исторической сцены бесследно, а другие, какие бы испытания ни выпали на их долю, возрождаются после, казалось бы, полного разрушения. Яркий тому пример – история Чехии и драматическая судьба чешского языка.

С XI века на протяжении трех веков Чехия находилась под властью германских императоров. Под мощной защитой страна процветала. Особо благоприятным временем для развития Чехии стал период правления императора Карла I (или Карла IV – как императора Германии) (1346–1378). Именно Карл основал в Праге в 1348 году первый в Средней и Восточной Европе университет – знаменитый Карлов университет.

Не будем подробно рассматривать кровавые междоусобицы, религиозные войны, битвы за власть, происходившие в Чехии на протяжении многих веков. Одна война следовала за другой, пока бедствия Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), начавшейся как религиозное столкновение между протестантами и католиками и переросшей в борьбу против доминирования в Европе Габсбургов, не привели к разорению Чехии, уничтожению в результате боевых действий, голода и эпидемий тысяч поселений и трех четвертей чешского населения (из 2,5 миллиона жителей после войны осталось менее 700 тысяч). Давайте задумаемся в эту цифру: 700 тысяч оставшегося в живых чешского населения! Это по нынешним меркам небольшой город (для сравнения – население современной Риги как раз составляет 700 тысяч человек). А тут – целая страна, причем обнищавшая и изнуренная многолетними разорениями. Что ее ожидало? Что ожидало чешскую культуру и самую основу народного существования – чешский язык? Прямо скажем: в этом отношении ничего хорошего ожидать было нельзя. После Тридцатилетней войны усилилась немецкая колонизация чешских земель. В Чехии активно

распространялось лютеранство. Много земель пустовало. Земли эти переходили в руки иностранцев, заселялись выходцами из Германии, естественно, говорившими на немецком языке. Центральные органы управления страной находились в те времена в Вене, и все официальные документы составлялись на немецком языке, вся деловая переписка велась на немецком. Те, кто хотел сделать карьеру при дворе, занять мало-мальски важный пост на государственной службе, должны были свободно владеть немецким языком. Как следствие этого – образование стало вестись на немецком языке. Некоторые чешские дворяне полностью онемечивались, забывали родной язык.

Впрочем, история вполне нам знакомая и понятная. То же, хотя и по иным причинам, происходило и в Российской империи. После прорубленного Петром Великим окна в Европу какие только языки не считались в высшем обществе приличнее, чем родной русский! Вспомним: на каком языке писала милая нашему сердцу Татьяна Ларина письмо Евгению Онегину? На французском! Потому что по-русски грамотно писать не умела. А начало романа Л. Н. Толстого «Война и мир», которое так трудно бывает одолеть читателю из-за того, что написано оно частично на французском? Лев Толстой совершенно реалистично передал атмосферу великосветского столичного салона начала XIX века. Русский язык – язык дворни, аристократам на нем изъясняться было неприлично. При этом русскому языку исчезновение не грозило – многочисленным был этот славянский народ.

Для чешского же народа онемечивание грозило исчезновением! Распространение иезуитов в Чехии тоже способствовало упадку чешского языка. Они, как и другие миссионеры, не были принципиальными противниками непонятого им языка, но, по собственному невежеству и религиозному фанатизму, истребляли чешские рукописи и книги, причисляя их к еретическим. К концу XVIII века (в 1784 году) на немецком языке преподавали в гимназиях и Карловом университете в Праге. Все правительственные и государственные учреждения использовали исключительно немецкий язык.

К началу XIX века Чехия была преимущественно аграрной страной и находилась в составе Австрийской империи. Политическая

стабильность в стране способствовала благополучию граждан, население чешских земель постоянно увеличивалось и к 40-м годам XIX столетия составило уже 6,7 миллиона человек. Австрия не поддерживала в Чехии народное образование, имперская политика базировалась на централизации и германизации (в отношении языка), что вызывало протесты в народе, который стремился сохранить родной язык и культуру. Без свободного владения немецким невозможно было сделать достойную карьеру. Чешский же был языком народа, считался языком малокультурных слоев и использовался в приватном семейном общении. На защиту возможностей и красоты родного языка постепенно вставали просветители, старавшиеся шире распространить чешский язык, доказать его великолепное прошлое и современные возможности. Старания их почти не приносили плодов, потому что многие чехи уже едва говорили по-чешски. Однако среди дворянства возникло движение за сохранение родного языка, которое назвали «земский (т. е. областной, провинциальный) патриотизм». Патриотизм постепенно пробуждался. Ядро народа составляли жители деревень и местечек (маленьких городков), мелкие ремесленники, крестьяне, как зажиточные, так и батраки, и некоторое количество интеллигенции. В глубинке всюду сохранялся чешский язык, пусть и небогатый, грамматически не оформленный, но именно в нем, родном языке, жило народное сознание, хранимое из поколения в поколение. После освобождения в 1781 году от рабской привязанности к определенному месту проживания (крепостного права, распространенного в Чехии с середины XVII века) жители чешских деревень могли перемещаться по стране свободнее. Возникла социальная мотивация для распространения чешского языка. Однако уравнивать чешский язык в правах было невероятно трудно и стоило огромных затрат сил и энергии.

Первая чешская программа охраны родного языка была представлена Йозефом Добровским в докладе перед императором Леопольдом II на заседании Общества чешских наук 25 сентября 1791 года. Тема доклада звучала так: «О преданности и расположении славянских народов императорскому австрийскому дому». Добровский говорил об отношении чехов к Габсбургской монархии и

напоминал об их заслугах перед ней, прося не лишать чешский народ наследия и дать возможность развивать родной язык.

Медленно, но неуклонно народное движение развивалось, а с ним появлялись поэты, писатели, ученые, пишущие на родном языке. С развитием литературы стал расширяться и круг читателей. Литераторы черпали вдохновение в произведениях устного народного творчества, собирали народные песни и сказания, которыми так богата была Чешская земля. И вот уже в 1834 году впервые зазвучала песня «Где дом родной?», музыку которой сложил Франтишек ШкROUP на слова Йозефа Каэтана Тыла:

Где дом родной,
где дом родной?
Журчат воды по долинам,
шумят боры по скалинам,
а в садах – весенний цвет,
рай земной – и краше нет!
Это все земля родная,
земля чехов – вот мой дом,
земля чехов – вот мой дом!

Со временем песня эта стала «общей песней всех чехов» и была принята как народный гимн, который позднее стал государственным гимном. Им он остается и по сей день.

И все же борьба за место чешского языка, за его равноправие длилась долго. Борьба эта была невидимой, но ей подчинялись судьбы людские, потому что требовала она героических решений. Яркий тому пример – судьба Яна Неруды, крупнейшего чешского поэта XIX столетия. Именно языковой барьер способствовал тому, что он не был провозглашен великим европейским поэтом. Он, как каждый образованный чех того времени, свободно владел немецким языком, но когда один из друзей посоветовал ему писать стихи по-немецки, Неруда отказался, решив остаться в народных «красно-белых красках». Отказался от бóльшей славы во имя любви к родному языку.

В начале XIX века вместе со стремлением к возрождению национального языка возник интерес к народному поэтическому творчеству. Причем тенденция эта наблюдалась у всех европейских народов. Что искали энтузиасты, записывая сказки своего народа, к

которым принято было относиться пренебрежительно, как к пустой болтовне примитивных неграмотных бабок? Что они хотели в них обнаружить? На этот вопрос мы все можем ответить строками А. С. Пушкина, которые давно стали частью нашего народного сознания:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет-бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!..

Дух своего народа увековечил Александр Пушкин в поэмах и сказках. И если вчитаться внимательно в Лукоморье, мы увидим

родные образы нашей природы, наших героев, наших сверхъестественных персонажей: лес и дол – леса и равнины, морской берег, витязи, победы в боях, царевна в темнице, волк у нее на службе, Баба-яга, царь Кашей...

Дух своего народа – вот что стремились найти, ощутить и те чешские собиратели, которые решили сохранить сказки, песни, загадки, предания, собирая их повсюду, где жили славяне. В книге мы встретим другие картины природы, других чудовищ, другие обстоятельства и сюжеты. Мы узнаем о скалах, которые открывают свои волшебные двери, а за ними... О кладах, которые открываются лишь раз в году, на Страстную пятницу, о чертях, которых удалось обмануть простым крестьянкам, о водяном, утаскивающем людей на дно, а потом хранящем в горшочках их души...

Какая идея владела К. Я. Эрбеном, который отправился собирать сказания лужичан, кашубские сказки, польские, белорусские, малоросские, великорусские, южнославянские предания? Он вполне мог ограничиться бездонным морем фольклора своего народа. Мы знаем, что это была за мысль. К. Эрбен четко обозначил ее в первом стихотворении бессмертного сборника народных баллад «Букет»:

Мать умерла и взята могилой,
Сиротки после нее остались,
Каждое утро к ней приходили,
По матушке своей сокрушались,
Пожалела мать сыночков и дочек;
Душа ее возвратилась
И воплотилась в малый цветочек,
Им вся могила покрылась.

Узнали матушку детки по духу,
Узнали и заплясали;
Простой цветочек, свою утеху
Материнской душою назвали.

Мать-душа нашей родины милой,
Вы, простые наши преданья!
Собрал я вас на той давней могиле,
Кому принесу эту дань я?

В скромный букет цветки соберу я,
Лентой его украшу,
В широкие земли путь укажу я,
Там семьи, близкие нашим.

Может, и вспомнит о матери дочка,
Дух материнский почуяв,
Может, найдется далекий сыночек,
Сердцем услышит родную.

Идея собрать в единое целое, по крупице, по цветочку, в один букет все наследие нас, сыновей и дочек общей нашей славянской матери, – великая и трогательная идея побуждала замечательного сына чешского народа совершать свой труд.

И вот сейчас – в наших руках цветы из этого букета. Мы узнаем его дух, увидим тени наших далеких предков, почувствуем в своих душах радость узнавания и счастье единства.

Пусть наш славянский мир не знает раздоров. Пусть даруется нам покой, а чудовища, страшные, злобные, приходят только в захватывающих дух сказках и снах. Об этом наша молитва.

Галина Лифшиц-Артемьева,

кандидат филологических наук, семантик, славист, ученица выдающегося философа и филолога А. Ф. Лосева и видного российского лексиколога, академика РАН Д. Н. Шмелева, известный писатель, автор более 30 книг, в числе которых романы, сборники рассказов, монографии по семантике русского языка, издания по практической психологии; имеет квалификацию логотерапевта и экзистенциального аналитика, занимается нарративными техниками в психотерапии, которые позволяют широко использовать сказки, предания и мифы в терапевтических целях

Карел Яромир Эрбен

Биографическая справка

Кто в России не знает строчки: «У лукоморья дуб зеленый» или – «Мороз и солнце; День чудесный!»? Мне такие не встречались. Слова Пушкина давно стали кровной частью нашего сознания.

Говоря о Кареле Яромире Эрбене, попробуем задать тот же вопрос: кто в Чехии не знает о Златовласке? Кто с детства не слышал стишок:

*Хúпы, хúпы, хúпы,
Съела кошка крúпы...*

Сколько их, сказок, пословиц, считалок, стихов, ставших настолько частью народной жизни, что не все и знают, что нашел их и записал великий подвижник чешского народа – Карел Яромир Эрбен, чью жизнь смело можно назвать удивительной, наполненной стремлением к высоким целям и – очень непростой. Частые болезни, множество преждевременных смертей его близких – и такими мрачными вехами отмечен его жизненный путь. Родился Эрбен 7 ноября 1811 года в Милетине (Подкрконошье). На свет появились мальчики-близнецы, но брат его Ян умер через семь недель после рождения. В целом же семья Эрбенов имела девять детей, но, кроме Карла и его младшей сестры Йозефки, все остальные умирали почти сразу после рождения.

Отец поэта, Ян Эрбен, был сапожником и садовником; мать, Анна, была дочерью учителя. По материнской линии достались Карлу любовь и тяга к учению. Он окончил гимназию в Градце Кралове, после этого изучал философию, а потом право. Во время учения его другом и собеседником стал Карел Гинка Мах, завязал Эрбен дружбу с Франтишком Палацким, а позже и с Боженной Немцовой, познакомился с известными зарубежными собирателями фольклора и много времени проводил в архивах. До 1843 года работал судебным

чиновником, потом ассистентом в Национальном музее, а в 1851 году получил место архивариуса города Праги, позднее был назначен руководителем канцелярских учреждений города Праги. Был дважды женат. Первая жена Барбора (Бетинка) Мечирова умерла в 1857 году, после ее смерти он женился на Софии Мастной. От первого брака у Эрбена было три дочери; сыновья его умирали в младенческом возрасте.

Умер Эрбен 21 ноября 1870 года в возрасте 59 лет. Наследие, оставленное им чешскому народу, огромно. Удивительно, как много удалось ему собрать, переработать за его не особо долгую жизнь.

Эрбен собирал и сочинял сказки, песни, баллады, считалки, наговоры, писал статьи для научного словаря Ригера, издавал старочешские труды (например, избранные труды Яна Гуса), переводил свод гражданских законов и уголовный кодекс, принял участие в составлении гимназических учебников, был редактором «Пражских новостей», много путешествовал – в Вену, Загреб, в Москву. В связи со своей исследовательской работой был членом многих известных обществ, например членом Чешской королевской академии наук, членом археологического общества в Москве, членом совета Харьковского университета, корреспондентом Императорского геологического института в Вене; получил множество наград и отличий: например, черногорский князь Николай Первый провозгласил его рыцарем третьей степени. Сборник баллад Эрбена «Китице» («Букет») был торжественно помещен в личную императорскую библиотеку.

Уже в 40-х годах начал Эрбен издавать сказки в «Чешской пчеле» (одной из первых была сказка «Как хорошо, что есть смерть на свете»). Он был сторонником мифологического происхождения сказок. Письменный вариант сказок К. Эрбен реконструировал из двух или более записанных по устным преданиям вариантов (как, например, «Златовласка», «Три золотых волоса деда Всеведа» и др.). Он интересовался деятельностью братьев Гримм, был хорошо знаком с немецкой мифологией Якоба Гримма. По Эрбену, в сказках отражается вечное противостояние зимы и весны, тьмы и света, смерти и жизни, что символизирует мертвая (ледяная) и живая (текучая) вода.

Эрбен не успел осуществить все, что было им задумано: чешские сказки были изданы уже после его смерти, планы, касающиеся дальнейшего собирания фольклора, также были выполнены не целиком, но, несмотря на это, Эрбен по праву считается основателем чешской этнографии и ведущим воплостителем основ народного творчества во времена романтизма, причем не только в чешской, но и в мировой литературе. «Чешские сказки» Эрбена издал позже Вацлав Тилле (1905 г.). Славянские сказки Эрбену удалось издать при жизни. В 1869 году вышла книга «Избранные народные сказания и легенды других ветвей славянских». Книга содержала 90 переведенных на чешский язык и литературно обработанных сказаний. Эрбен черпал их из собрания А. Н. Афанасьева (русские и украинские), К. Балинского (польские), А. И. Глиньского (польские и белорусские), В. С. Караджича (сербо-хорватские и словенские), Г. С. Раковского (болгарские) и других собирателей, с которыми Эрбен состоял в переписке (из этой книги в настоящем издании приведены западнославянские предания).

Самое известное творение Эрбена «Букет» («Kytice») вышло с первоначальным названием «Букет из народных преданий» (1853 г.), а в 1861 году автор расширил книгу, назвав ее «Букет из поэм Карла Яромира Эрбена». Поэмы из «Букета» по-прежнему вызывают глубокий интерес: они положены на музыку, по их сюжетам сняты фильмы, к ним обращаются художники. В начале своего творческого пути Эрбен считал главной задачей только сохранить народные сказания, но в «Букете» ему удалось создать произведения неумирающей художественной ценности. Основная тема «Букета» – неотвратимость судьбы и вина героев или героинь поэм в собственной участи.

Эрбена очень серьезно занимал вопрос объединения славянского мира. Он с надеждой и уважением смотрел на русский народ и его творчество – история языка самого многочисленного в мире славянского народа внушала надежду на то, что языки малых славянских народов когда-нибудь обретут равноправие в европейском мире. Еще в 50-е годы XIX века Эрбен был избран членом-корреспондентом русской Академии наук.

В конце жизни он работал над русскими историческими памятниками: в 1867 году вышел его перевод летописи Нестора, в

1869-м – перевод «Слова о полку Игореве» и «Задонщина», отличающиеся высокими художественными достоинствами.

Крылатая фраза об истоках русской литературы: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели», если ее перефразировать относительно литературы чешской, должна звучать так: «Все мы родом из баллад и сказок Эрбена». В том числе и великий роман Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», который оставил неизгладимый след в мировой культуре, роман, состоящий из баек, болтовни, историй, рассказываемых сочным народным языком с пражскими просторечиями, любимым героем Чехии – Швейком.

К истории издания «Букета» К. Я. Эрбена в русском переводе

Настоящее издание «Букета» К. Я. Эрбена представляет собой первый полный (без купюр) перевод на русский язык всех баллад великого классика чешской литературы. И это своего рода юбилейное издание, поскольку ровно семьдесят лет отделяют это издание от книги «Букет из народных преданий», изданной в 1948 году Государственным издательством художественной литературы. Что же предшествовало изданию 1948 года? В Чехословакии произошло историческое событие, которое принято называть «Победный февраль» – в феврале 1948 года Коммунистическая партия Чехословакии заняла ведущие позиции в политической системе страны. Именно в ознаменование этого события и был дан приказ руководством СССР выпустить книгу чешского классика.

Перевод готовился в спешном порядке, и уже в том же, 1948 году книга увидела свет.

Вышла она под общей редакцией профессора П. Г. Богатырева.

Редакцию стихотворных текстов осуществили М. Зенкевич и М. Голодный.

Перевод подготовил Николай Асеев.

К сожалению, переводчик не владел чешским языком, он работал с подстрочником (что было обычным явлением в его переводческой деятельности – он переводил всех, кого удавалось, от французских поэтов до Мао Цзэдуна), часто излишне «украшая» и утяжеляя простой и чистый, как живая вода, поэтический язык К. Я. Эрбена. Кроме того, в тексте перевода имеются некоторые купюры, сделанные по непонятным причинам. Вот что об этом переводе пишет чешская журналистка Петра Прохазкова: «За русский язык «отвечал» Николай Николаевич Асеев (<...>), друг Пастернака, переводчик Мао Цзэдуна. Что не мешает констатировать факт, что русский перевод Kytice ему не удался». «В нескольких местах русского перевода стихов зияют белые, пустые места. Точнее, в этих местах вместо букв, которые Эрбен складывал в слова, стоят точки...» Эти строки Петра Прохазкова написала уже в XXI веке, точнее, в 2012 году, в статье, посвященной знаменательному событию, о котором речь пойдет ниже.

В 2011 году в Чехии отмечали 200-летие со дня рождения К. Я. Эрбена. В связи с этим доктор филологии Иржи Клапка, председатель Чешской ассоциации русистов, осуществил эпохальное издание «Букета» К. Я. Эрбена на трех языках: чешском – русском – словацком. Эта трехязычная книга с прекрасными иллюстрациями была издана в Праге и, к сожалению, практически не дошла до российского читателя. В качестве русского перевода Иржи Клапка использовал единственный имевшийся в то время перевод Н. Асеева. Работу над изданием этой книги нельзя назвать иначе, чем подвижнической, поскольку господину Клапке пришлось преодолевать ряд сложностей, в том числе и экономического характера. Это издание продемонстрировало насущную необходимость нового перевода К. Я. Эрбена на русский язык.

И вот в 2016 году издательство «Эксмо» выпустило книгу «Предания, сказки и мифы западных славян», изданную в серии «Библиотека Всемирной литературы». Великий чешский классик Эрбен занял свое место среди мировых классиков: Гомера, Мольера, Гюго, Гёте, Дидро, Свифта и многих других. В издании 2016 года было опубликовано 9 баллад (из 13). В 2017 году, при переиздании, «Букет» был уже представлен одиннадцатью балладами.

Иржи Клапка, которого Петра Прохазкова справедливо назвала «современным деятелем эпохи чешского Возрождения», горячо приветствовал выход нового перевода. Он же оказал неоценимую помощь в подборе материалов для настоящего издания.

И вот сейчас русскоязычному читателю впервые предстоит знакомство с полным переводом всех баллад «Букета». Что можно пожелать в связи с этим? Только любви к прекрасной поэзии, любви, звучащей в каждой строке Эрбена. Пусть она отзовется в наших сердцах!

Букет

из народных преданий

Букет

Мать умерла и взята могилой,
Сиротки после нее остались,
Каждое утро к ней приходили,
По матушке своей сокрушались.

Пожалела мать сыночков и дочек;
Душа ее возвратилась
И воплотилась в малый цветочек,
Им вся могила покрылась.

Узнали матушку детки по духу,
Узнали и заплясали;
Простой цветочек, свою утеху
Материнской душою назвали^[1].

Мать-душа нашей родины милой,
Вы, простые наши преданья!
Собрал я вас на той давней могиле,
Кому принесу эту дань я?

В скромный букет цветки собираю я,
Лентой его украшу,
В широкие земли путь укажу я,
Там семьи, близкие нашим.

Может, и вспомнит о матери дочка,
Дух материнский почуяв,
Может, найдется далекий сыночек,

Сердцем услышит родную.

Клад

I

На пригорке, между буков,
храм построен с башней низкой,
с башни разносились звуки
лесом к деревеньке близкой.
То не колокола пенье,
что терялось в отдаленье, —
била грохот деревянный
созывал к молитве ранней.

Из деревни к Божьей славе
вверх идет толпа людская,
люди, что боятся Бога,
Христа муки воспевают.

В храме грустно, голы стены,
алтарь с покрывалом черным,
Христа страсти незабвенны
воспевает хор церковный.

Что же там в лесу белеет,
в лесу черном, за рекою?
То крестьянка поспешает,
мальша обняв рукою,
торопливыми шагами,
в лучшем праздничном наряде,
быстро к речке приближаясь,
с драгоценной своей ношей
бежит, к берегу спускаясь,
поспешает к службе Божьей.
Тут, вблизи лесной сторонки,
костел висится над нею,
крепко детские ручонки
обнимают мать за шею.

Ветерок легонько веет,
из костела слышно пенье,
хор по-прежнему рыдает
об Иисусовых мученьях.
Пятница идет Страстная,
люди Бога поминают.
Вдоль скалы она бежала,
вдруг, глазам своим не веря,
удивленно оплянулась,
вопрошая: «Где я? Где я?»
Побежала – и вернулась,
пригляделась, обернулась.
«Что со мною? По дороге
этой столько раз ходилось,
привели куда же ноги?
Неужели – заблудилась?»
Снова встала, оглянувшись,
переменам удивляясь,
очи потеряв, вздохнула,
снова к храму устремляясь,
повторяя изумленно:
«Боже, что за перемена!»

Триста лишь шагов от храма,
лес закончился дремучий,
здесь лежал обычный камень,
что ж такое? Дивный случай!
Взору что ее явилось?
Почему глазам не верит?
Вместо камня появилась
тут скала с открытой дверью.
Как от веку здесь стояла!
Что же прежде не видала?
В глубине видны чертоги,
что-то светится оттуда,
и, охвачена тревогой,
тянется она, как к чуду,

к пламени, что серебрится
лунным ярко-белым светом,
чтобы вмиг перемениться,
поражая солнца цветом,
медно-рыжим цветом солнца
на закате ясным летом.

Видя это, что есть мочи
на огонь она дивится,
заслонив ладонью очи,
чудо разглядеть стремится.
«Боже, что это там светит?»
Протерев глаза рукою,
застывает перед скалою.
«Как это блестит чудесно,
что же, что это такое?»
Внутрь идти боится все же,
преступить порог не может.

И стоит, глядит на пламя,
неотрывно им любясь,
страх тихонько отступает,
любопытство побуждает,
и она в скалу проходит,
шаг за шагом, дале, дале,
словно манит ее кто-то,
шаг за шагом, – эхо в зале
раздается из-под свода.
И чем далее, тем ярче
разгорается сиянье,
и к нему ее толкает
будто чье-то настоянье.
Блеск ей голову туманит
и, пугая, манит, манит.
Видит, видит – что там видит?
Кто-то видел ли такое?
Быть такой красы не может!

Это что-то неземное.

Двери настежь распахнулись,
зал невиданно прекрасен,
стены золотом сверкают,
потолок в рубинах красных,
и хрустальные колонны,
отражая свет, сияют,
своды, мрамор пола, арки...
Кто не видел, не поверит:
два светильника у двери,
два огня всю пылают,
погасить никто не властен:
левый – лунным полыхает
светом, что дарует счастье,
правый – золотом трепещет,
рыжим, солнечным, опасным.
Сребро слева, злато справа
к потолку огни вздымают,
что мощны и негасимы,
берегут и освещают
клад, от века здесь хранимый.

Встала робко на пороге,
ослепленная, застыла,
очи вниз, недвижны ноги,
но виденье сердцу мило.

И, младенца прижимая,
трет глаза рукою правой,
 снова смотрит, привыкая,
к красоте той небывалой.
И, вздыхая преглубоко,
говорит сама с собою:
«Боже, видит Твое око —
целый век живу с бедою!
Нищета и голод вечно

спину гнуться заставляют,
хоть бы день прожить беспечно!
Но нужда не позволяет!
Сколько серебра и злата
в этой каменной пещере!
Горсть – и я б была богата,
к счастью мне б открылись двери!»

И стоит, и часто дышит,
разгорается желанье,
и идет, перекрестившись,
влево, к лунному сиянию.
Недоверчиво любуясь,
серебра кусок поднимет
и назад его положит,
снова слиток с места сдвинет,
но вернет на место то же?
Нет, в передник убирает
и становится смелее:
«Это Бог мне помогает,
это Он меня жалеет,
это Он мне счастье дарит,
не взяла бы – согрешила,
Ах, спасибо, Боже милый!»

Так с собою согласившись,
сына на пол усадила,
на колени опустившись,
быстро фартук расстелила,
серебро в него сгребает
и опять себе бормочет:
«Это Бог нам помогает,
это Он спасти нас хочет!»
И берет, берет без счета,
фартук полон, встать не может,
но еще нашлась работа:
больше взять платок поможет!

Но дитя мешает очень:
много ли ухватишь с милым?
И оставить клад нет мочи,
и нести его не в силах.

Серебро она уносит,
а дитя дрожит, боится:
«Мама! мама!» – слезно просит,
в страхе к матери стремится.
«Ты не плачь, не плачь, сыночек,
подожди совсем немножко,
мама скоро возвратится,
посиди тут, милый крошка!»

И бежит, бежит из зала,
вот пещеру миновала
через реку, в лес тот темный,
дома в уголок укромный
клад сложила и вскочила,
побежала что есть силы,
запыхавшись, в зал вбежала,
словно и не покидала.

Ветерок тихонько веет,
из костела слышно пенье,
хор церковный воспевает
Иисусовы мученья.

Мальчик радостно встречает:
«Ха-ха, мама! Ха-ха, мама!»
Только маму замечает,
хлопает, смеясь, руками.

Мать на это и не глянет,
а бежит теперь направо,
злата блеск оттуда манит,
блеск могущества и славы!
И коленопреклоненно

снова фартук расстелила,
глядя на металл влюбленно,
весь передник им покрыла.
Фартук полон, встать не может,
больше взять платок поможет,
сердце часто-часто бьется!
Как же рада! Как смеется!

Золото она уносит,
а дитя остаться просит.
«Мама! Мама!» – к ней стремится,
быть один он тут боится.
«Ты не плачь, не плачь, мой крошка,
подожди еще немножко».
И из фартука достала
две монетки золотые,
друг о дружку побренчала:
«Вот игрушки дорогие!
Динь-динь! Слышишь? Как звоночек!»
Но ребенок хнычет, плачет,
он монетки брать не хочет.

В фартук руку опустила,
горстку золотых достала
и ребенку на коленки
все монетки положила.
«Посмотри, что есть у мамы!

Ты не плачь, не плачь, сыночек,
Дитяtko, ты – лучший самый,
Динь-динь, поиграй в звоночек.
Мама скоро возвратится,
будем вместе веселиться».

И бегом, бегом из зала,
на ребенка не взглянула,
вот пещеру миновала,
вот к реке опять свернула,

забежала в лес тот темный,
устремясь к избушке скромной.

«Гой ты, хижина простая,
ты останешься пустая!
Жить теперь начнем богато,
мне такой не нужно хаты!
Прочь уйду из чащи темной,
от отцовской крыши скромной,
чудом улыбнулось счастье,
нас покинуло ненастье.
Хватит мне в земле копать,
буду жить и улыбаться!
Все теперь начнется снова
после этого улова.
Я большой дворец построю,
стану жить я госпожою.
Ну, счастливо оставаться!
Мне пора с тобой прощаться!
Вдовья доля, нищета
в прошлом – я уже не та!
Посмотри, что принесла!»
В фартук смотрит – чудеса!
От испуга помертвела,
задрожала, побледнела,
видит, видит – ой, что видит!
Нет, неправда, так не выйдет,
быть того совсем не может!
Где монеты? Это что же?
Нет, она тому не верит,
открывает дома двери,
вот сундук, где серебро,
но пропало все добро:
видит, видит без сомненья:
в сундуке лежат каменья!
Глина в фартуке, в платке!
И лишь камни в сундуке!

Что за наважденье было?
Что же, что ее сгубило?
Всюду прах и запустенье:

Не дал Бог благословенья!

II

Как чудовищна утрата,
горе, боль, беда какая!
Сердце вдруг зовет куда-то:
про малютку вспоминает.
Стены дрогнули от крика:
«Ах, дитя! Дитя родное!»
«Ах, дитя-дитя-родное» —
Воет эхо под горою.

И в предчувствии ужасном
Бежит женщина, несется,
словно птица в день ненастный
с криком к скалам страшным рвется,
где нашла тот клад обманной,
Там вблизи костел туманный.

От костела ветер веет,
почему ж не слышно пенье?
Хор уж больше там не славит
Иисусовы мученья.

Как к пещере прибежала,
что в испуге увидала?
Триста лишь шагов до храма,
лес закончился дремучий,
и лежит обычный камень.
А ее загадка мучит:
нет скалы, и нет пещеры,
лишь кустов сухие сучья.

Как испуг ее пронзает!

Как зовет, как ищет, бьется!
На пригорок как взбегает,
сквозь кустарник дикий рвется!
А в очах ее безумье,
губы сини, щеки серы!
Меж шипами без раздумья
ищет страшную пещеру.
«Ах, беда! И здесь ошиблась!»
Вся она в кровавых ранах,
вновь упала и ушиблась,
платье все в лохмотьях рваных.
Нет! Нигде пещеры нету!
Боль и страх ее терзают,
уж глаза не видят свету,
к небесам она взывает:
«Кто вернет дитя родное?
Мой сыночек! Где ты? Где ты?»

«Глубоко я под землю! —
слышен тихий голосочек,
доносимый шумом ветра, —
ни глазами не увидеть,
ни ушами не услышать,
хорошо тут под землю,
мне еды, питья не нужно,
лишь играть с кусками злата,
сидя в мраморной палате!

Нет ни дня здесь, нет ни ночи,
здесь не засыпают очи,
я играю, все играю —
дзынь – монетки собираю!»

Снова ищет, но напрасно!
Наземь падает, рыдает,
стеснена тоской ужасной,
волос клочья вырывает,

неустанно причитает:

«Ах мне горе! Горе! Горе!
Где дитя мое родное?
Где найду тебя, мой милый?»
«Милый – милый!» – что есть силы
плач несется в гущу леса.

III

День прошел, другой проходит,
вот в неделю превратились,
месяц из недель выходит,
солнце лета закатилось.

На пригорке, среди буков,
храм построен с башней низкой,
с башни той несутся звуки
в лес и к деревеньке близкой.
Рано утром, до работы
к мессе колокол сзывает,
перед образом Господним
пахарь голову склоняет.

Кто узнает ту особу,
что лицом к земле склонилась?
Уж погасли свечи в храме,
а она еще молилась.
Кажется, она не дышит.
щеки, губы посинели,
Кто ее молитвы слышит?
Кто она? Узнаешь еле.
После службы окончанья
дверь у храма затворится.
Видят меж дерев сельчане,
будто тень с пригорка мчится,
а потом идет неспешно
стежкой меж кустов колючих,
где металась безуспешно

в страшных зарослях дремучих.
Тут вздыхает преглубоко,
уронив лицо в ладони:
«Ах, дитя мое!» – и око
уж в слезах горячих тонет.

Да, та самая бедняжка,
вечно в грусти и печали,
все она вздыхает тяжело
от утра и дале, дале.
Взор ее всегда туманен,
ночью спать она не может,
утро радостью не манит,
с мукой рано встанет с ложа:
«Ах, дитя мое родное!
Ах, беда мне, горе злое,
Ах, прости, помилуй, Боже!»

Лето кончилось,
и осень, и зима уж на исходе,
только горе не кончалось,
слезы вечно на подходе.
И хоть солнце выше стало,
разогревши землю снова,
ей веселья не послало,
все еще рыдает вдова.

IV

Слышишь? Сверху, между буков
из костела с башней низкой
снова раздаются звуки,
как призыв, к деревне близкой.
Вновь спешит толпа людская,
Нынче пятница Страстная,
К храму, вверх, ко славе Божьей,
поспешают все, кто может.

Нежно веет ветер вешний,

он доносит хора пенье:
вновь в костеле вспоминают
об Иисусовых мученьях.

Кромкой леса, вдоль реки
женщина бредет, вздыхает,
тяжелы ее шаги,
словно кто идти мешает.
В горе прожила весь год,
боль идти ей не дает.
Что ж пред нею предстает?

Что ее явилось оку?
Лишь в трехстах шагах от храма
странный камень одинокий
вырос на дороге прямо,
рядом с серою скалою,
словно вечно здесь стоящей,
дверь открыта под горою —
вход пугающий, манящий.

В страхе женщина застыла,
ужас волосы вздымает —
здесь пропал сыночек милый,
но – надежда оживает.
Нет, надеяться не надо,
только как же без надежды?
Ведь прошла кругами ада!
Манит вход ее, как прежде.

Двери снова распахнулись,
зал невиданно прекрасен,
Стены золотом сверкают,
потолок в рубинах красных,
и хрустальные колонны,
отражая свет, сияют,
своды, мрамор пола, арки...
Кто не видел, не поверит:

два светильника у двери,
два огня вовсю пылают,
погасить никто не властен:
левый – лунным полыхает
светом, что дарует счастье,
правый – золотом трепещет,
рыжим, солнечным, опасным.
Серебро слева, золото справа
к потолку огни вздымают,
что мощны и негасимы,
берегут и освещают
клад, от века здесь хранимый.

Ужас женщину толкает,
страх, но и надежда тоже.
Вновь на золото взирает —
неужели снова, Боже,
жажда денег раздирает?
«Ха-ха, мама! Ха-ха, мама!»
Глядь, сынок, сыночек милый,
по кому весь год тужила,
к маме тянется руками!

Задыхается, дрожит,
мигом к сыну подбегает
и в объятия хватает,
прочь из зала с ним бежит,
крепко к сердцу прижимает.

Треск-треск! Что это за звуки?
по пятам за ней несется
грохот, ветра вой и стуки,
вся скала теперь трясется,
от себя не отпускает.
«Божья Матерь, помоги мне!» —
молит женщина в смятенье,
за спиной скрежещут стены,

рухнет все через мгновенье.

Вдруг – о, как все изменилось!
Тихо, благодать воцарилась.
Это было иль приснилось?
Камень тот же у дороги,
Входа нет, как не бывало.
о страстях Христовых в храме
паства хором допевала.

У нее зашло дыхание,
вся от ужаса трясется,
у нее одно желанье:
с сыном прочь она несется,
обнимает, прижимает,
сохранит его? Спасется?
Лес уж ближе подступает,
далеко скала – и бьется
у бедняжки сердце громко,
и почти не держат ноги.
Вот и принесла ребенка
от скалы в свой дом убогий.

«Слава Богу!» – повторяет,
слезы счастья щедро льются,
сына милого ласкает,
вместе с ним они смеются.
И целует лобик, ручки, губки —
к сердцу прижимает,
все любит, вздыхает.

Глядь – блеснуло, зазвенело
что-то в фартучке сыночка —
горстка золотых монеток,
что ему тогда всучила,
чтоб играл один той ночью.

Но ее не занимает

то, что столько горя стало!
Боль и слезы вспоминает,
хоть благодарит немало
Бога за подарок этот.
Ей богатств дороже света,
всех милей сыночек малый —
клад прекрасный, небывалый!

V

Уж давно костел разрушен,
Смолкло колокола пенье,
Где росли когда-то буки,
Догнивают их коренья.

Старец помнит те преданья,
Хоть и канули иные,
Все же люд еще укажет
Те места, где прежде жили.

Если вечером морозным
Молодежь с ним вместе сядет,
Старец с радостью расскажет
О вдове и вдовьем кладе.

Свадебные рубашки

Одиннадцать уже пробило,
а лампа все еще светила,
а лампа все еще горела,
что над иконою висела.

На стенке комнатки низкой
Был образ Девы Пречистой,
Матери Божьей с младенцем Христом,
Как розы бутон с прекрасным цветком.

А перед ликом светлым

девушка на коленях,
лицо к земле склонила,
руки в молитве сложились,
слезы из глаз ее падали,
грудь тоскою теснилась,
плакала бедная девушка,
слезы так и катились:

«Господи! Где же мой батюшка?
Травкой могилка покрылась!
Господи! Где моя матушка?
И та под землю сокрылась!
Сестра и год не прожила,
а брата пуля стерегла.

Когда бы милый рядом был,
отдать бы жизнь хватило сил,
но он давно в чужом краю,
не слышно там печаль мою.

Как на чужбину собирался,
все утешал, все улыбался:
«Любимая, ты лен посеи
и понапрасну слез не лей,
а в первый год – пряди, пряди,
и на второй – холсты бели.
На третий – шей и вышивай,
рубашки к свадьбе собирай.
Рубашки только ты сошьешь,
веночек из руты заплетешь».

Рубашки те давно я сшила,
в сундук с приданным уложила,
завяла рута на веночке,
а нету, нету все дружочка!
В свете ль бродит он широко,
камнем в море ли глубоком —
где пропал мой ясный свет?

Лета три как вести нет!

Мария, Дева непорочная,
Ты моя защита прочная:
мне верни любимого,
одного-единого,
мне любимого верни
или жизнь мою возьми,
жизнь его – весенний цвет,
без него не мил мне свет.
Мария, Матерь милости,
куда без Твоей жалости!»

Погнулся образ на стене,
забилось сердце в глубине,
лампа, что едва горела,
вспыхнув, сразу потемнела.
То ли буря погасила,
то ль знаменья злого сила!

Слышишь, что там? что за звук?
А в окошко: тук! тук! тук!
«Спишь, красотка, или бдишь?
Что, красотка, не глядишь?
Ждешь меня или забыла?
Тут я, тут, жених твой милый —
Мне верна иль изменила?»

«Ах, мой милый, жизнь моя!
Я молилась за тебя!
Моя мольба тебе подмога,
за тебя прошу у Бога!»

«Брось молитвы! Встань, иди,
впереди вся ночь в пути.
Месяц светит нам в подмогу.
Ну, невеста, нам в дорогу!»

«Боже правый! Ты о чем?
Да куда же мы пойдём?
Воет буря, ночь темна,
ночь для смертных – время сна».

«День как ночь, а ночь как день,
Все равно, что свет, что тень.
Я до криков петухов
мужем стать твоим готов.
Не тяни, вставай, иди,
У нас венчанье впереди!»

Ах, как была ночь глубока!
Светил лишь месяц свысока.
И тихо, пусто все вокруг,
лишь ветра вой и рядом друг.

Он впереди – все скок да скок,
она за ним, к шажку шажок,
Псы разом взвыли в тишине,
учуяв пару вдалеке,
и выли, выли беспокойно,
как будто рядышком покойник!

«Прекрасна ночь, ясна – как раз
Встают из гроба в этот час
усопших тени – встретив их,
ты не лишишься чувств своих?»

«Чего бояться? Ты со мной,
а око Божье надо мной, —
скажи-ка лучше, милый мой,
здоров ли, жив отец родной?
И захотят отец и мать
меня в семью свою принять?»

«Ты слишком много говоришь!
Иди скорее, – увидишь,

иди скорее, час не ждет,
дорога далеко ведет.
Что правой удержишь ты рукой?»

«Молитвослов всегда со мной».

«Брось это прочь, слова молитв
тяжеле всех могильных плит!
Брось это прочь, без ноши путь
гораздо легче, не забудь».

Он книжку бросил что есть сил,
И одолели десять миль.

Путь шел их по горам пустым,
по скалам, по лесам густым.
В ущельях несся хищный вой,
и филин ухал над главой,
несчастье будто предрекал,
невесту бедную пугал.

Он впереди – все скок да скок.
Она за ним – к шажку шажок,
по скалам острым, по шипам
ступать пришлось ее ногам,
и белы ножки где ступали,
следы кровавы оставляли.

«Прекрасна ночь, ясна – как раз
живых и мертвых встречи час.
Готова ль ты, дружочек мой,
увидеть мертвых пред собой?»

«Чего бояться? Ты со мной,
а рука Божья надо мной.
Скажи-ка лучше, милый мой,
а как обставлен домик твой?
Чиста ль светлица? Весела?

И храм далеко от села?»

«Ты слишком много говоришь!
Уже сегодня поглядишь.
Скорей идем, бежит наш час,
дорога долгая ждет нас.
А что несешь за пояском?»

«То четки я несу в твой дом».

«Как змеи, четки обвились,
тебя задушат, берегись!
Сними и выброси скорей,
и поспешим мы веселей!»

Отбросил четки что есть сил,
и одолели двадцать миль.

Теперь дорога низом шла,
через болота и луга,
на топях низких вдоль реки,
кружась, мигали огоньки.
По девять два ряда летят,
как будто к гробу встали в ряд,
и жабий крик вещает что-то,
как погребальный хор с болота.

Он впереди – все скок да скок,
она за ним – слабей шажок,
осока – всех ножей острей,
как бритва, режет ножки ей,
на папоротнике вдоль воды
ее кровавые следы.

«Прекрасна ночь, ясна – как раз
живым спешить к могилам час.
Не страшно ли, дружок мой,
Увидеть мертвых пред собой?»

«Ах, не боюсь, ведь ты со мной,
и воля Бога надо мной!
Давай лишь чуть передохнем,
немножко дух переведем,
дыханье сбилось, в ножках дрожь,
и в сердце словно острый нож!»

«Сейчас должны мы поспешить,
ко времени должны прибыть:
Ждут гости, пенный ждет нас квас,
и как стрела летит наш час —
А что там, мой дружок,
на шее за шнурочек?»

«То крестик матушки моей».

«А ну, сними его скорей,
Все беды из-за злата,
Беду несет, проклято!
Отбрось его, девица,
и станешь словно птица!»

Отбросил крест что было сил,
и одолели тридцать миль.

А на равнине широкой
дом показался высокий.
Высокие узкие окна в ряд,
и колокольни строгий наряд.

«Вот, дорогая, мы уже здесь!
Видишь – не видишь все, что тут есть?»

«Ах, ради Бога! Ведь это храм?»

«Нет, не храм, это замок мой там!»

«Кладбище это? Могильный ряд?»

«То не могилы, это мой сад!
Ты на меня посмотри поскорей
И через стену – прыг веселей!»

«Нет, подожди, оставь меня так,
Облик твой странен, на нем смерти знак,
Дыханье твое – отравленный смрад,
И в сердце твоём и лед, и яд!»

«Не бойся, милая, ничего!
В доме моем полно всего:
мяса полно, без крови блюда,
сегодня впервые иначе будет!
А что в узелке ты несешь, дорогая?»

«Рубашки, что сшила, тебя ожидая».

«А нам их нужно только две:
одна тебе, другая мне».

Взял узелок и, словно вор,
на гроб забросил, за забор.
«Не бойся, прыгай, на меня глянь,
Свой узелок сама достань».

«Ты шел всегда передо мной,
я за тобой дорогой злой,
так будь и нынче впереди,
дорогу укажи, иди!»

Перемахнул одним прыжком,
не чуя хитрости ни в чем;
подпрыгнул вверх, как бы взлетел,
ее нигде не углядел,
лишь что-то белое мелькнуло,
в ночном тумане утонуло,
спасенье для нее нашлось,

того не ждал ее злой гость!

Стоит каморка тут, стоит,
засов железный дверь хранит,
она дрожа туда вошла,
дверь за собою заперла.
Темно в каморке, окон нет,
сквозь щели – только лунный свет,
строенье крепкое, как клеть,
а посреди лежит мертвец.

Хей, а снаружи шум и толк —
могильных чудищ грозный полк,
стучат и воют – сотни тут —
и песню жуткую поют:

«В могилу, тело, поспеши,
раз не сберег своей души!»

И стук раздался: бух, бух, бух!
Стучит снаружи ее друг:
«Вставай, мертвец, вставай скорей,
открой затворы у дверей!»

И мертвый очи открывает,
и мертвый очи протирает,
сбравшись, голову поднял,
вокруг себя все озирал.

«О, святой Боже, помоги,
от дьявола убереги!
А ты, мертвец, ложись сейчас,
Господь покой тебе подаст!»

И мертвый голову роняет,
и очи крепко закрывает.

И снова звуки: бух, бух, бух!

Сильней стучит ужасный друг:
«Вставай, мертвец, вставай скорей,
открой засовы у дверей!»

На этот стук, на этот глас
поднялся мертвый в тот же час,
как будто снова он проснулся,
к дверям руками потянулся.

«Христе Иисусе, вечный Спас,
помилуй душу в страшный час!
Ты, мертвый, не вставай, ложись,
на милость Бога положишься!»

И мертвый без движенья лег —
глаза пустые в потолок.

Снаружи снова: бух, бух, бух!
В глазах мутится, гаснет слух!
«Вставай, мертвец, хола, хей, хай,
и нам живую отдавай!»

Ах, трудный час, ужасный час!
Мертвец поднялся в третий раз,
глаза пустые повернул,
на полумертвую взглянул.

«Мария Дева! Рядом стой!
И Сын Твой будет пусть со мной.
Я прежде не о том просила,
прости меня, я согрешила!
Мария, Матерь Милости,
от зла меня спаси, спаси!»

И тут поблизости как раз
крик петуха туман потряс,
и, отовсюду повторен,
понесся крик со всех сторон.

Тут мертвый, что столбом стоял,
на землю, как бревно, упал,
снаружи тихо – смолк весь звук,
исчез мгновенно страшный друг.

А утром люди к мессе шли,
картину страшную нашли:
пуста могила, гроб раскрыт,
в камерке девушка сидит,
и ключья свадебных рубах
висят на памятных крестах.

* * *

Девушка, ты верно сделала,
что о Боге только думала,
друга злого не послушала!

А решила б по-другому,
так пришла б к концу дурному:
не рубашек ключья были —
тела ключья на могиле!

Полудница^[2]

У скамьи дитя стояло,
Криком мать измучило,
– Хоть бы ты уж замолчало,
Цыганенка чучело!

Вот придет отец с работы,
Печь еще холодная,
Ничего не дал мне сделать,
Злыдня подколотная.

Цыц! Смотри: гусар, коляска,
Петушок – играй себе!
Бах – петух, гусар, повозка

Разлетелись по избе.

Вновь зашелся диким криком,
Слышно аж на улице.

– Я тебе, негодник, мигом
Позову Полудницу.

– Полудница, приходи к нам,
Негодника заberi. —
Глядь – и кто-то появился
У раскрывшейся двери.

То ль старуха, то ль девица,
Кривоногая, с клюкой
Низкоросла, темнолица,
Голос – будто вихря вой.

– Дай сюда дитя! – О Боже!
Отпусти мне, грешнице! —
Смертный страх ей студит кожу:
Перед ней – Полудница!

Подползает к стулу тихо
Полудница зыбкой тенью,
Мать от страха еле дышит,
На лице смятенье.

Мать ребенка прижимает,
Горе, горе рядом,
Полудница подползает,
Обжигает взглядом.

Уж протягивает руку —
Мать к себе ребенка тянет:
«За Христа святую муку!» —
Падает, теряя память.

Слышишь? Бьют часы на башне,

Полдень звон выводит.
Звякнул ключ, под кров домашний
Муж в избу заходит.

Мать без чувств лежит,
Малютки обнимая тело.
К ней вернется жизнь,
Но сына душа отлетела.

Золотая прялка

I

Около леса, охотою пьян,
гой, едет, едет из лесу пан,
на вороном буйном едет коне,
весело подковки звенят в тишине,
едет – сам и сам.

И пред избушкой с коня – хоп!
и в дверь избушки – хлоп, хлоп, хлоп!
«Хола-хей! откройте мне двери,
я заблудился, охотясь на зверя,
дайте воды испить!»

Вышла дівчина, словно цвет,
такой красоты не видел свет,
принесла воды из колодца,
села стыдливо за веретенце
пряла и пряла лен.

Пан стоит, позабыв, что хотел,
жажда пропала, склонился несмел,
смотрит на тонкую ровную нить,
очи не может свои отвратить
от пряжи прекрасной.

«Свободна ли, панна, рука твоя,

будь мне женою, прошу тебя!»
Дэвицу хочет нежно обнять —
«Ах, пан мой, не знаю, что скажет мать,
я буду лишь волю ее исполнять».

«А где же, дэвица, мать твоя?
Никого рядом не вижу я». —
«Ах, пан мой, мачеха с дочкой родной
завтра должны возвратиться домой,
в город поехали».

II

Около леса, от счастья пьян,
гой, едет, едет снова пан;
на вороном буйном едет коне,
весело подковки звенят в тишине,
прямо к избушке.

А пред избушкой с коня – хоп!
и в дверь избушки – хлоп, хлоп, хлоп!
«Хола! откройте, милые люди,
пускай скорей пред глазами будет
утешенье мое!»

Вышла старуха, кожа да кость:
«Эй, с чем пожаловал редкостный гость?»
«В дом твой немало несу перемен,
руку и сердце отдай мне взамен
падчерицы твоей».

«Хо-хо, кукленок! Вот чудеса!
Такого еще не видали глаза!
Добро пожаловать, редкостный гость,
откуда же счастье такое взялось,
как звать-величать вас?»

«Я этой земли король и пан,
судьбою вчера сюда был зван:

дам серебро, дам тебе золото,
дочь мне отдай и будешь богата,
пряжу прекрасную».

«Ах, пан король! Вот чудеса!
Такого еще не видали глаза!
Ведь мы незаметно привыкли жить! —
Чем же сумели тогда заслужить
милости ваши?»

Но все же совет, совет вам дам:
вместо чужой – свою дочь отдам;
они ведь похожи обе-две,
как око с оком в одной голове —
нить ее – чистый шелк!»

«Плохой ты, бабка, совет дала!
Исполни приказ, что даю тебе я:
завтра, на утренней ясной заре
будешь ты на королевском дворе
с падчерицей своей!»

III

«Вставай, дочурка, уж близок час,
уже король во дворце ждет нас,
разве мне когда мечталось,
чтобы вдруг я оказалась
в залах королевских!»

«Спеши, сестричка моя, спеши,
веселей в королевском замке пляши:
высоко ты поднялась,
для тебя я пыль да грязь —
что ж, здорова будь!»

«Пойдем же, Дорничка, краток миг,
чтобы не гневался твой жених:
как только минуешь лесную границу,

дом родной и во сне не приснится —
пойдем скорей, пойдем!»

«Мама, мамочка, откройте,
зачем с собою нож берете?» —
«Нож нам нужен, чтоб злой змее
выколоть очи в лесной норе —
пойдем скорей, пойдем!»

«Сестра, сестричка, мне скажите,
зачем топор с собой несете?» —
«Топор нам нужен – в лесной пещере
разрубим кости лютому зверю —
пойдем скорей, пойдем!»

Когда ж оказались в тени пещер:
«Ты та змея, ты тот зверь!»

Горы и доли заплакали
видя, что женщины делали
с панной несчастной!

«Тешься теперь с королем своим,
ласкайся и тешься, как хочешь, с ним:
свежее тело его обнимай,
лоб его ясный к губам прижимай,
пряха прекрасная!»

«Мамочка, нынче хотелось бы знать,
глаза и кости – куда девать?»
«Не оставляй их подле тела,
чтобы их кто-то вновь не приделал —
лучше возьми с собой».

И как зашли в глубь хвои лесной:
«Не бойся, доченька, я с тобой!»
Ведь вы похожи обе-две,
как око с оком в одной голове —

не бойся совсем!»

И как приблизились к замку они,
король смотрел из окна на них;
и с приближенными вышел встречать
свою невесту и ее мать,
обмана не чуя.

И была свадьба – полный грех,
панна невеста – просто смех;
и были танцы, ликование,
балы, народные гулянья
до седьмого дня.

И как восьмой день рассветал,
король на войну с войском умчал:
«Дождись дома, пани моя,
на жестокий бой уезжаю я
да со злым врагом.

Коль не отправлюсь я на тот свет,
вновь зацветет любви нашей цвет!
Пока же в память обо мне
пряди-ка нить в веретене,
усердной пряхой будь!»

IV

А в глубине чащи лесной
что было с девушкой брошенной?
Шесть открытых потоков было,
кровь из них ключами била
на зеленый мох.

Внезапно возшла ее счастья мощь,
а ныне грозила ей смерти ночь:
вот-вот жизнь из тела уйдет навсегда,
беда пришла к ней, беда, беда
из-за любви короля!

Откуда-то из глубины лесных скал
старец чудесный к ней поспешал,
седые усы у него по колено —
он девушки тело взвалил на рамена
и в пещеру отнес.

«Встань-ка, сынок, ты хват, беги,
веретенце златое с собой бери:
в королевском замке его продавай,
за цену одну его отдавай,
только за ноги». —

Сидит парнишка у ворот,
веретенце златое продает.
Королевна глядит на него в окно:
«Вот бы купить мне то веретено
из красного золота!»

«Узнайте, мама, нет покою,
почем веретено златое?» —
«Купите, пани, стоит малость,
отцу недорого казалось:
только две ноги».

«За ноги? Ай-яй, диву быть!
Но мне так хочется купить:
идите, мамочка, в каморку,
лежат там ноги нашей Дорки,
дайте их ему».

Парнишка ноги быстро взял
и в чашу леса побежал. —
«Подай, сынок, живой воды,
пускай исчезнут все следы
этих страшных ран».

И рану к ране приложил,

в ногах огонь живой ожил,
и вдруг срослось мгновенно тело,
всегда как будто было цело,
цело-невредимо.

«Иди, сынок, теперь велю я,
возьми ту пряслицу златую,
в королевском замке ее продавай,
за цену одну ее отдавай,
только за руки».

Сидит парнишка у ворот,
златую пряслицу продает.
Королевна глядит на него в окно:
«Ох, о пряслице этой мечтала давно
к веретену моему!»

Встаньте, мамочка, с лавицы,
спросите, почем эта пряслица?» —
«Купите, пани, стоит малость,
отцу недорого казалось:
только две руки».

«За руки! Диву, диву быть!
Но мне так хочется купить:
идите, мамочка, в каморку,
лежат там руки нашей Дорки,
дайте их ему».

Парнишка руки быстро взял
и в чащу леса побежал. —
«Подай, сынок, живой воды,
пускай исчезнут все следы
этих страшных ран».

И рану к ране приложил,
в руках огонь живой ожил,
и вдруг срослось мгновенно тело,

всегда как будто было цело,
цело-невредимо.

«Снова, сынок, иди со двора,
кужель золотую продать пора:
в королевском замке ее продавай,
за цену одну ее отдавай,
только за очи».

Сидит парнишка у ворот,
Златую кужель продает.
Королевна глядит на него в окно
«Мне для пряслицы нужно одно:
эту вот кужель!

Встаньте, мамочка, снова идите,
почем та кужель, у него спросите?»
«За очи, пани, никак иначе,
отец такую цену назначил,
лишь за ока два».

«За очи! Вот так чудеса!
Как имя твоего отца?»
«Не нужно знать отца моего:
кто ищет, не найдет его,
захочет, сам придет». —

«Мама, мамочка, как же быть?
Кужель так хочется купить!
Идите снова и в каморке
найдете очи нашей Дорки,
пусть их заберет».

Парнишка очи быстро взял
и в чащу леса побежал. —
«Подай, сынок, живой воды,
пускай исчезнут все следы
этих страшных ран».

В глазницы очи положил,
огонь погасший в них ожил;
и панна вокруг себя смотрела,
но никого не углядела,
лишь саму себя.

V

И вот трех недель дни сочтены,
весело едет король с войны.
«Как ты жила, моя пани милая,
делала что и не забыла ли
моих последних слов?»

«Ох, в самом сердце я их носила,
и посмотрите, что я купила:
прялка такая одна на свете,
пряслица, кужель – золото светит,
в них любовь моя к вам!

«Пойдем, моя пани, за прялку садись,
спряди мне с любовью златую нить». —
К прялке она с охотою села,
как та завертелась, вся побледнела —
беда, что за песня звучит!

«Вррр – ты злую нить прядешь,
королю во всем ты врешь:
сестру сводную ты убила,
ног, рук и глаз ее лишила —
вррр – злая нить!»

«Что это у тебя за прялка?
Поет песню – слушать жалко!
Сыграй-ка мне, пани, снова,
хочу понять каждое слово —
пряди, пани, пряди!»

«Вррр – ты злую нить прядешь,
королю несешь ты ложь:
невесту ты его убила,
жизнь ее отнять решила —
вррр – злая нить!»

«Страшной песня оказалась!
Ты не та, какой казалась!
Заиграй-ка в третий раз,
хочу слышать прялки глас:
пряди, пани, пряди!»

«Вррр – ты злую нить прядешь,
королю во всем ты врешь:
в лесу, в скале сестра твоя,
украдена у короля —
вррр – злая нить!»

Король, как это услышал,
не медля к лесу поскакал;
и крики его по округе неслись:
«Где ты, Дорничка, отзовись!
Где ты, любимая?»

VI

От леса к замку, радостью пьян,
гой, едет, едет с пани пан;
на вороном буйном едут коне,
весело подковки звенят в тишине,
к замку короля.

И снова свадьба в замке была,
панна невеста как цвет цвела;
и были танцы, ликование,
балы, народные гулянья
больше трех недель.

А что ж та мачеха злючая?

А что та дочка змеючая? —
Гой, воют четыре волка в лесу,
ноги в норы свои несут
от двух женских тел.

И нет очей в глазницах пустых,
ни ног, ни рук не осталось у них:
что с панной они сотворили,
так их за то и казнили
в лесу дремучем.

А что та прялка золотая?
Какую песенку играет?
Как третий раз она сыграла,
так насовсем уж замолчала,
исчезла без следа.

Сочельник

I

Тьма, как в могиле, мороз в окна веет,
тепло у печки в светлице;
светло от камина, старушка дремлет,
лен мягкий прядут девицы.

«Моя прялочка, крутись-вертись,
Рождество, скорее нам явись,
близок, близок Щедрый день!^[3]»

Мило девице прядь красной
грустными зимними вечерами,
знает, что труд ее не напрасный,
верит – счастье не за горами.

И придет добрый мóлодец к панне усердной,
скажет: «Иди за меня, краса моя,
будешь ты мне женою верной,

тебе верным мужем буду я.

Я тебе мужем, ты мне женою,
дай руку, краса-девица!»
И девушка, что пряжу пряла зимою,
рубашки к свадьбе шьет, веселится.

«Моя прялочка, крутись-вертись,
Рождество, скорее нам явись,
близок, близок Щедрый день!»

II

Гой ты, вечер Щедрый,
праздник чудес!
Что кому ты, добрый,
на память принес?

Пироги хозяину,
коровам корм в кормушку;
петуху чесноку,
гороху его дружке.

Фруктовому дереву
от ужина кости,
блики злата на стену
постившемуся гостю.

Ой, я, девица млада,
сердце кто-то манит,
что же будет и когда,
узнать меня тянет.

Ах, под лесом, под леском,
прямо над водою
стоят вербы старые
с головой седою.

Одна верба горбится,

низехонько склоняется
туда, где сине озеро
подо льдом скрывается.

Тут-то девице в полночи
при луне при полной
суженый явится друг
да во глади водной.

Ой, мне полночь не укор,
ни ведьмы лихие,
пойду я, возьму топор,
льды пробью плухие.

И загляну в озеро
глубоко́-глубо́ко,
посмотрю я милому
прямо оком в око.

III

Мария, Гана – милые имена,
панна, как розы весенней цвет:
какая из двух милее была,
никто не сумеет дать ответ.

Если одна к пареньку обернется,
в огонь тот идти за нее готов;
если другая чуть-чуть улыбнется,
парень тут же лишается слов.

Настала полночь. В небе, как свечки,
звезды мерцают прекрасные,
словно вокруг пастуха овечки,
а тот пастух – месяц ясный.

Настала полночь, всех ночей мать,
полночь после Щедрого вечера,
следы ведут по снежной скатерти

от деревушки до озера.

Одна склонила к самой воде личико,
другая стоит рядом с ней:

«Гана, Ганночка, златое сердечко,
что видишь, скажи скорей?»

«Ах, вижу я домик, но как в тумане,
это же Вацлава домик, ах —
вот прояснилось – двери пред нами,
вижу фигуру мужскую в дверях.

На нем сюртук темно-зеленый,
шляпа набок – ведь знаю ее же!
на ней цветочек, мною дареный —
Это сам Вацлав! Милый мой Боже!»

На ноги вскочила, сердечко бьется,
другая у проруби на коленях:
«Ради Бога, Мария, золотце,
скажи теперь о своих виденьях!»

«Ах, вижу, вижу, дымка трепещет,
и сквозь густой туман
красные огоньки далекие блещут,
кажется, это наш храм.

Меж фигурками белыми что-то чернеет,
лучше уж видно окрест:
это подружки, а между ними —
Боже мой! гроб – черный крест!»

IV

Ветерок ласкает
молодые всходы,
поле расцветает
милостью природы;
от костела поутру музыка льется,

а под музыку в цветах
свадьба – глядь – несется.

Молодой жених, влюбленный,
в окруженьи сватов,
сюртук на нем темно-зеленый,
шляпа его набок,
таким видела его, о судьбе гадая.
Входит Гана к мужу в дом,
жена молодая.

* * *

Угасло лето. По полям
зиму ветер носит.
Погребальный звон. Из храма
гроб, скорбя, выносят,
подружки в белом, свечи пылают,
плач и стон, молитвы
к небесам взлетели, люди умоляют:
Miserere mei!^[4]

Кого венки зеленые,
кого в гробу укрыли?
Умерла, ах, умерла
нетронутая лилия!
Отцвела, как залита росой,
увяла, как подкошена косой,
бедная Мария!

V

Настала зима, в окна хладом дохнуло,
тепло у печки в светлице,
светло от камина, старушка уснула,
лен снова прядут девицы.

«Моя прялочка, крутись-вертись,
Рождество, скорей опять явись,
недалеко Щедрый день!

Ах ты, вечер Щедрый
чудотворной ночи!
Как о тебе вспомню,
сердце бьется очень!

Сидели мы точно так,
вместе все собрались:
год прошел, и вот уже
двух недосчитались!

Одна, голову склонив,
распашонки шьет,
другая уж три месяца
в земле сырой гниет,
бедная Мария!

Сидели мы точно так,
как сидим сейчас,
что же ждет нас через год,
каждую из нас?

Моя прялочка, крутись-вертись,
счастье, каждой нынче улыбнись,
жизнь людская, словно сон!»

Все ж лучше в пустой надежде мечтать
перед зияющей темнотой,
чем будущее свое узнать
и ужаснуться пред истиной той.

Голубок

Около кладбища
дорога столбовая.
Шла туда, плакала
вдова молодая.

Горевала, плакала
о муже своем милом,
ведь туда навсегда
его проводила.

От белого двора
по зеленому лугу
скачет добрый молодец,
ищет он подругу.

– Не плачь ты, краса,
вдова молодая,
пожалей свои глаза,
выплачешь, рыдая.

Не плачь, не горюй,
розе стон не нужен,
если умер твой муж,
я могу стать мужем.

Один день плакала,
другой тихо минул,
а на третий – плач ее
навсегда покинул.

Грусть ее и тоска
быстро отпустила:
еще месяц не прошел,
к свадьбе платье шила.

Около кладбища
дорога веселится:
едут парень с девушкой —
собрались жениться.

Была свадьба, была,
музыка заливалась:
прижимал жених невесту,

она лишь смеялась.

Ты, невеста, смейся,
жизнь весельем дышит,
а покойник под землей
ничего не слышит.

Обнимай милого,
нечего бояться,
гроб зарыт глубоко —
вовек не подняться.

Целуйся, целуй,
чье лицо – не важно,
мужу – яд, дружка милуй,
ничего не страшно!

* * *

Бежит время, бежит,
все собой меняет:
что не было – приходит,
что было – исчезает.

Бежит время, бежит,
год, как час, несется,
одно камнем лежит:
вина остается.

Три года минули,
что покойник лежит,
холм его могильный
травой покрылся свежей.

На холмике травка,
в головах дубочек,
а на том дубочке
белый голубочек.

Сидит голубочек,
жалобно воркует:
кто его услышит,
сердцем затоскует.

Только всех сильнее
женщина горюет:
за голову схватившись,
с голубком толкует:

«Не воркуй, не зови,
не кричи мне в уши:
так жестока песнь твоя —
разрывает душу!»

Не воркуй, не зови,
голова кружится,
или громче позови —
в реке утопиться!»

Течет вода, течет,
волна волну гонит,
а между волнами
кто-то в белом тонет.

То нога белела,
то рука всплывала,
жена-горемыка
смерть себе искала.

Вытащили на берег,
схоронили скрыто,
где тропки-дорожки
углубились в жито.

Никакой могилы
ей не полагалось,
под тяжелым камнем

тело оказалось.

Но не так тяжело
каменно заклятье,
как на ее имени
тяжкое проклятье.

Загоржево ложе

I

Седые туманы над лесом склонились,
как духи, влекомые мглою,
уже журавли в теплый край пустились,
пусто в саду пред зимою.

Ветер студеный с запада дышит,
жухлые листья на ветках колышет.
Песня знакома: как осень, так снова
листья дубовые шепчут тревожно,
но мало кто понимает хоть слово,
а если поймет, рассказать невозможно.

Путник неведомый в рубище сером,
с распятем в руке, что посохом служит,
с четками – кто ты, уставший без меры,
куда направляешься вечером, в стужу?
Куда так спешишь? Ступни твои босы,
холодная осень – студеные росы:
останься у нас, мы ведь добрые люди,
о госте достойно заботиться будем.

Путник любезный! – ты юн еще все же,
щеки твои бородой не покрыты,
гладкая, словно у девицы, кожа —
но отчего же так бледны ланиты,
как же печальны запавшие очи,
в сердце печаль, что скрывать нету мочи?
Что за печаль твое тело сковала,
ноша какая идти не давала?

Юноша милый, ночь переждал бы,
телу уставшему отдыха дал бы,
что, если сможем тебе быть полезны.
Не сомневайся, с радушием примем,

печали развеем, тоску отодвинем,
стань нашим гостем, странник болезный.

Не слышит, не дрогнет и глаз не поднимает,
и движется, словно во сне непробудном,
Так пусть же в дороге Господь не покинет
скитальца без сил на пути его трудном!

II

Далекое поле, широкое поле,
и путь бесконечный чрез поле бежит,
а подле дороги холм низкий лежит,
распятие на нем для молитвы о доле.
Ствол грубо обструган высокий, еловый,
и брус поперечный прибит сероватый,
на той перекладине – в муках, в терновом
венце Иисус, наш Спаситель распятый.
Глава окровавлена вправо склонилась,
пробитые руки растянуты вширь, и
в две стороны света дороженька вилась,
куда указали ей руки мессии.
Направо – восток, где светило выходит,
налево – на запад, где ночь верховодит.
Ворота небесные там, на востоке,
там счастливы в вечном раю Божьи дети,
кто жил на земле, веря в счастья истоки, —
сам Бог посылает им радости эти.
На западе ада ворота открыты,
смола там и сера огнем полыхают,
там бесы пируют, грехи не забыты,
там грешные души в огонь вечный бросают.
Господь милосердный, направь нас направо,
спаси чад своих от дороги неправой!

На взгорке на этом стоит на коленях
наш путник молодой в тени предрассветной,
к кресту приникает он в жарком моленьи,

бесчувственно древо, мольба безответна.
Быстро шепчет что-то, слез не держит око
и вздыхает часто – тяжело, глубоко.

Так он расстается с девушкой любимой,
юноша любезный, навсегда прощаясь,
в край чужой, далекий участью гонимый,
без надежд на встречу с милой расставаясь:
не сказать словами, как крепко обнимает,
поцелуй последний огнем обжигает:
счастья любимой горячо желает —
«Рок меня жестокий гонит-прогоняет!»

Лицо побледнело, взгляд заледенелый,
но в сердце пламень горячий пылает,
с колен поднимается путник несмелый
и шаг свой на запад легко направляет.

Так пусть же в дороге Господь не покинет
скитальца ни в чаще, ни в знойной пустыне!

III

Стоят, стоят скалы да во лесу глубококом,
возле них дорога, грабов чаща рядом,
вырос дуб могучий на скале высокой,
как король вознесся над дерев отрядом:
к небесам поднята безлистная крона,
зеленые ветви тянет на все стороны;
кора его тугая распорота громами,
тело гниющее расклевано воронами:
просторное дупло, глубокое, удобное —
годится для ночлега хищнику злобному.

И глядь – под тем дубом на мшистом ложе
чья там фигура огромная, грозная?
Зверь или человек в медвежьей коже?
Нет ничего человеческого в образе.
Тело его – как скала на скале лежит,

члены его, как дубовые корни,
власы с усищами никто не разделит,
с шерстью сплелись, что торчит во все стороны;
а под бровями взгляд, все пронзающий,
взгляд ядовитый и очень подобный
взгляду змеиному в траве зеленой.
Кто человек тот? Злобой пылающий
лоб его полон мечтой устрашающей.
Кто человек тот? Что хочет он в чаше? —

Нет, не расспрашивай! Глянь в леса гуще
по сторонам, и увидишь там кости,
что превращаются в прах придорожный,
их расспроси да слетевшихся в гости
воронов стаю, кричащих тревожно,
те много видели – те больше знают!

Вдруг великанище, с ложа вскочивший,
яростным взглядом в дорогу вгляделся
и, булаву над головой раскрутивши,
среди дороги как смерть зачернелся.

Кто приближается? Путник наш кроткий,
посох с распятем, за поясом четки,
Лучше беги! Обратись-ка обратно!

Смерть поджидает на этой дороге.
Жизнь коротка, а судьба так превратна,
на роковом твоя участь пороге!
Оборотись, убегай что есть силы,
пока булава тебя тут не убила,
на части головушку не раскроила! —

Не слышит, не видит в печали глубокой,
бредет тихим шагом дорогой широкой,
навстречу концу продвигаясь уныло. —

«Стой, червь! Кто ты есть? И куда путь свой держишь?»

Встал путник, лицо побледнело сильнее лишь:
«Я проклят, – ответил он чудищу тихо. —
Дорога мне в ад, в сатанинское лихо!»
«Хо-хо, прямо в пекло? – Которое лето,
что я сижу тут, и многое слыхивал,
и видывал много, но именно это
никто еще в уши мои не запихивал! —
Хо-хо, прямо в пекло! Тогда уж не двигайся,
я быстро домчу, не успеешь и охнуть,
когда ж мой черед подойдет адской милостью,
вместе закусим тогда в преисподней!» —

«Не поругаема милость Господня!
Раньше, чем я на свет Божий явился,
кровью своей мой отец поручился
сына взрастить для огня преисподней.
Но велика Божья милость, я верю,
сила креста сокрушит царство зверя!
И сатаны одолеет коварство!
Бога великая милость поможет,
и слабый путник, попав туда, сможет
стать победителем адского царства».

«Что ты несешь? Я за сорок годочков
душ в ад отправил без всякого счета,
но возвращенья не видывал что-то!

Слышь, червь, ты юн еще, с кожей цветочка,
тело твое повкусней, чем у зверя, —
славной закуской ты стал бы, я верю:
но отпущу тебя – дам тебе волю —
хоть никогда и никто из идущих
не миновал булавы моей бьющей! —
Иди себе, червь, только выслушай волю:
мне поклянись, что вернувшись, расскажешь,
что в пекле увидел сквозь пламя и сажу». —

И путник высоко свой посох возносит
с крестом наверху, и обет произносит:
«Во имя святого креста присягаю —
о пекле поведать тебе обещаю!»

IV

Зима миновала, снег в горах тает,
долины наполнены талой водой;
журавль уж вернулся из дальнего края:
но где же сейчас странник наш молодой?

В зелень оделись деревья лесные,
воздух фиалок полн ароматом,
уж соловьи распевают шальные,
но нет известий о пекле проклятом.

Промчалась весна, а за нею и лето,
холодные ветры листву обрывают,
но вести из ада не прилетают,
да жив ли наш путник, блуждает ли где-то?
Или уж вороны тело склевали?
или же бесы в аду удержали?

У дуба лесное чудовище в гневе
все смотрит на запад, на тучи на небе;
сидит и бурчит: «Сколько шло их тут мимо,
не спасся никто от удара дубиной!
Лишь одному я поверил на слово,
этот один не воротится снова!» —

«Не обманул я!» — глас отозвался,
путник пред чудищем вдруг оказался;
фигура стройна, смотрит прямо и смело,
хладный покой на челе его белом,
бледен и светел лик благородный,
ясным сиянием солнцу подобный.

«Не обманул я! Присягой святою

пообещал, что увижусь с тобою;
грешный раб Божий, тебе я поклялся,
и на кресте клянусь снова и снова:
прямо из пекла принес тебе слово!»
И великан задрожал, испугался,
вверх подскочил и в дубину вцепился,
и, пораженный, остановился,
взглядом ответить на взгляд не решался.

«Сядь тут и слушай! Ужасную повесть
я расскажу, пусть пробудится совесть,
о Божьем гневе сейчас ты узнаешь
и милость Бога с почтеньем признаешь!»

Путник поведал, что в пекле увидел:
полчища бесов среди огненна моря;
если при жизни ты многих обидел,
смерть превращается в вечное горе.

Мрачный разбойник под дубом сидит,
ни слова не молвит, лишь в землю глядит.

Путник поведал, что в пекле услышал:
тщетные жалобы, крики, проклятья —
зовы о помощи – чертова братия
не утешает, огонь так и пышет,
вечные стоны и вечны несчастья! —

Мрачный разбойник под дубом сидит,
ни слова не молвит, лишь в землю глядит.

Путник поведал, как крестным знаменьем
велел Сатане отдать распоряженье,

чтоб бес, искусивший отца дать то слово,
ему возвратил ту расписку-проклятье,
но бес отказался так просто отдать ее,
отказ повторяя свой снова и снова.

Разгневался ада тогда повелитель:
«В адскую лаву его окуните!»
Беса схватили, согласно приказу,
в купель из огня окунули и мрза;
с одной стороны уголь адский пылает,
с другой стороны холод льда обжигает;
и чтоб увеличить без меры страданья,
тот лед обращают опять в ада пламя.
Бес страшно кричит, извиваясь змеею,
сознание теряет и никнет плавою.
Кивнул Сатана тут, отдав повеленье,
чтоб беса пока прекратили мученья.
Как только в себя он пришел, раздышался,
расписку отца отдавать отказался. —

И приказал Сатана в жгучем гневе:
«Отдайте в объятья его адской деве!»
Та дева отлита была из металла,
руки раскинула в страстном желаньи,
беса к груди своей твердой прижала,
кости трещали, раздались стенанья,
бес дико кричал, извиваясь змеею,
сознание терял, поникая плавою.
Кивнул Сатана, чтоб разжались объятья,
и бес с облегченьем взглянул на собратьев.
Но тут же плавой с отрицаньем мотает,
расписку отца отдавать не желает. —

Тогда Сатана приказал в гневе диком:
«В Загоржево ложе его киньте мигом!»

«В ложе Загоржа? В Загоржево ложе?» —
голос разбойника дикий несется,
тело огромное страшно трясется,
пот покрывает лица его кожу.
«Ложе Загоржа! – Загорж – называла
так меня мать, когда хлопцем был малым,

бывало, учила меня плеть рогожи,
рогожами этими мох устилала,
шкурою волчьей меня прикрывала.
В пекле теперь то Загоржево ложе? —
Ну-ка, поведай мне ты, слуга Божий,
что ждет Загоржа на адовом ложе?»
«Божией мести рука знает меру,
только от смертных сокрыты решенья,
надо принять, что услышишь, на веру —
видно, огромны твои прегрешенья.
Знай же, тот бес, как услышал про ложе,
унять не сумел уж чудовищной дрожи, —
расписку он отдал без промедленья!»

Сосна вековая всех выше на склоне,
крону свою к небу гордо вздымает,
ударит топор – сосна голову клонит
и с тяжким стоном к земле припадает.

Тур лесной дикий в ярости скачет,
деревья с корнями в пути сокрушая,
вонзится копьё – взвоят зверь и заплачет,
с болью и кровью к земле припадая.

Так и разбойник, той вестью сраженный,
наземь бросается в дикой тревоге,
корчится, бьется, кричит пораженный,
обнял он путника пыльные ноги:
«Смилуйся, сжался, ты – человек Божий,
не дай мне попасть на то адское ложе!»
«Что же могу я! Я червь, тебе равный,
без милости Божьей навеки проклятый,
к Нему обратись и Ему давай клятву,
и кайся, пока час не пробил твой главный». —

«Да как же мне каяться? Видишь дубину
с зарубками – каждую помню щербину,
сочти их, коль сможешь, за каждой – убийство,

ты видишь – бессчетно мое кровопийство!»

И путник дубину с земли поднимает —
оружьем был яблони ствол – и бросает.
В твердое темя скалы он попал,
как в рыхлую землю бы прутик вогнал.

«Тут, пред свидетелем всех преступлений,
ночами и днями стой на коленях!
Часы не считая, не ешь и не пей,
лишь жертв вспоминай страшной злобы своей,
кайся, к Творцу обращаясь в молениях.
Огромна вина, ты великий злодей:
так пусть беспримерным раскаяние будет,
тогда лишь Господь о тебе не забудет!
Стой тут на коленях в горячей мольбе,
Бог даст, и вернусь я однажды к тебе».

И путник уходит дорогой своей,
и на коленях взмолился злодей;
ночами и днями не ест и не пьет,
лишь милости Божьей с терпением ждет. —
Бежит день за днем, вот зима настает,
снега и морозы с собою несет:
Загорж все стоит и стоит на коленях —
напрасно он путника ждет появленья,
тот не приходит, пусты ожиданья,
Боже, Загоржа прими покаянье!

V

Десять десятков годов пролетело,
многое в мире с тех пор изменилось:
уж поколение людей постарело,
тех, что в ту пору едва народилось.

И стариков-то осталось немного,
гробом закончилась жизни дорога.
Лица чужие – новое племя —

все унесло беспощадное время,
только вот солнышко в небе лазурном,
только оно временам неподвластно,
сотни веков улыбается ясно,
всем одинаково – умным и дурням.

Весна вновь вернулась. Ветерок дует,
свежие травы на поле качает,
соловушка вновь о любви повествует,
воздух фиалками благоухает.

Грабовой тенью леса глубокого
двое скитальцев бредут по дороге:
сгорбленный старец с епископским посохом,
еле несут его слабые ноги,
юноша старцу идти помогает.

«Остановись, сын мой, отдых мне нужен,
ах, как покоя душа ожидает!
К предкам почившим стремлюсь я, натружен,
но милость Божья другого желает.
Только безмерною милостью Бога
смог я пройти через адские врата,
Он указал мне к спасенью дорогу,
сил мне придал для спасенья когда-то.
Твердо я верил в тебя, мой Спаситель,
будь на земле Ты всегда победитель!
Сын мой, я жажду! Испить бы водицы:
Ты оглядись вокруг, здесь, без сомненья,
что-то найдется для отдохновенья, —
близок источник или криница».

Юный помощник ушел в леса чащу,
чтобы найти там источник журчащий.
Дальше и дальше он продирался,
пока до замшелой скалы не добрался.
Тут вдруг, как вкопанный, остановился,
как светлячок, что ночами летает,

блеск удивленья лицо озаряет, —
благоуханию он удивился,
невыразимое благоуханье,
будто бы райского сада дыханье.
Путник сквозь хвою густую продрался,
выше вскарабкался, что было мочи, —
что же за диво увидели очи:
дерева ствол перед ним возвышался,
яблоня дивная с кроной густой,
на веточке каждой плод золотой —
из золота яблоки благоухают,
их райский дух все собой наполняет.

И юноши сердце от счастья забилося,
и радости чувство в глазах заискрилось;
«Ах, ясно! Я вижу, что Бог милосердный
добр к старцу, который молился усердно:
послал Он ему вместо хладной воды
от яблони дивной золотые плоды».

Но только к плоду он рукой потянулся,
как сразу же, страхом объят, содрогнулся.

«Касаться не смей – ведь не ты посадил их!» —
глас низкий, глубокий возник ниоткуда,
пришедший из мира невидимых, дивных,
и голос тот был обещанием чуда.
Вблизи находился лишь пень великанский,
кусты ежевики его окружили,
и высился дальше ствол дуба гигантский
с огромным дуплом, что века сотворили.

Юноша пень обошел, огляделся,
дальше продвинулся, в зелень всмотрелся:
но и следа одного не бывало,
что тут нога человека ступала,
в безлюдной пустыне лишь лес зеленелся.

«Наверное, уши мои подкачали?
Наверное, дикие звери кричали?
Наверное, был это звук водопада?» —
подумал он, больше не слыша ни звука,
и к яблоку поднял опять свою руку.

«Чужое оставь – прикасаться не надо!» —
вновь голос глубокий возник ниоткуда,
и юноша снова подумал про чудо,
и глядь – великанский вдруг пень шевельнулся,
как будто от сна векового очнулся,
широкие плечи, вздымаясь, расправил,
взгляд глаз смоляных на пришельца направил,
как свечи в ночи, эти жаркие очи,
и выдержать взгляд этот не было мочи.

Испуганный юноша крестным знаменьем
в ужасе трижды себя осеняет
и, пораженный кошмарным виденьем,
как перед страшным врага нападеньем,
бежит, и дорогу не разбирает,
до крови шипами себя раздирает
и падает ниц, весь охвачен смятеньем.

«Ах, старче, в лесу этом зло процветает:
скала, на ней яблоня там, на вершине,
она плодоносит плодами златыми,
а пень великанский их рвать запрещает,
и пень этот молвит, очами вращает,
он яблоню от чужаков защищает,
ах, старче, так бесы людей обольщают!»

«Ты ошибаешься, сын мой! От Бога
все чудеса там, Ему лишь во славу!
Вижу, что путь свой закончу по праву
именно здесь, так сложилась дорога,
В этой земле мне лежать. Напоследок,
сын мой, со мной на скалу ты последуй».

Сквозь заросли юноша путь проложил
и старца наверх на руках потащил.

Когда уже к яблоне той поднялись,
пень к старцу поднял свою голову ввысь
и, руки к нему протянув, ликовал:
«Ах, мой господин, посмотри на плоды —
то саженец твой, как же долго я ждал:
сорви, вот молитв твоих долгих следы!»

«Загорж, ах, Загорж, скоро отдохновенье:
остались последние жизни мгновенья!
Безмерна к нам милость великая Божья,
обоих спасла нас от адского ложа!
Прости меня ныне, тебя я прощаю,
мы вместе с тобой рядом головы сложим,
а души пусть ангелы ввысь забирают!»

«Аминь!» – отозвался Загорж и мгновенно
навеки почил, в скудный прах превратился,
и лишь ежевика на голых камнях
осталась на память, что здесь он молился.

И замертво старец на землю упал —
земной его путь в тот же миг завершился!
Средь леса лишь юноша бедный стоял,
исполнить последнюю волю стремился.

А над головой его в то же мгновенье
две белых голубки на небо взлетели,
они возносились в счастливом паренье
и вот уже с ангелов хором запели.

Водяной

Водяной над озером
Поет песню вечером:
«Ярче месяцу светить,
Пусть сшивает крепче нить.

Шью себе я боты
Для любой работы.
Ярче месяцу светить,
Пусть сшивает крепче нить.

Как настанет завтра пятница,
Водяной в свой плащ нарядится.
Ярче месяцу светить,
Пусть сшивает крепче нить.

Наряд зеленый, боты красные,
Завтра свадьба ждет прекрасная.
Ярче месяцу светить,
Пусть сшивает крепче нить».

II

Рано утром панна встала,
белье в узел завязала:
«К озеру пойду я, матушка,
постираю свое платьишко».

«Ах, к озеру не ходи,
дома, дочка, посиди.
Сон я видела к беде,
не ходи сейчас к воде:

Тебе жемчуг выбирала,
в бело платье одевала,
юбка – пена водяная,
не ходи к воде, родная.

Платье белое – к печали,
Перлы – слезы предвещали,

пятница – беду сулит», —
мать, тревожась, говорит.

Панне дома не сидится,
Тянется она к водице,

что-то к озеру толкает
и от дома отвлекает.

Лишь стирать расположилась,
доска под ней проломилась,
словно в матушкином сне,
панну тянет к глубине.

Снизу волны забурлили,
и круги все шире, шире.
А на тополе у скал
Водяной рукоплескал.

III

Невеселые, тоскливые
будни водяного края,
за осокой среди лилий
рыбки плещутся, играя.

Солнышко не согревает,
ветерок не веет,
хладно, тихо – будто горе
в сердце холодеет.

Невеселые, тоскливые
эти водные края,
в полутьме и полусвете
все течет день ото дня.

Водяного двор большой,
в нем богатства много,
но не веселы душой

гости водяного.

Если кто-нибудь войдет
во врата хрустальные,
того больше не увидят
родичи печальные.

Водяной у ворот
начинает шить,
его жена молодая —
дитяtko кормить.

«Баю-баю, дитяtko,
сыночек нежданный,
улыбка на личике —
тоска в сердце мамы.

Ты любовно протянул
ко мне ручки обе:
а я лучше бы лежала
под землей, во гробе.

На кладбище за костелом
с крестом в черной нише,
чтобы мамочке моей
идти ко мне ближе.

Баю-бай, сыночек мой,
мой малютка-водяной!
Как мне хочется домой,
к своей матушке родной!

Старалась бедная она,
приданое шила,
а сейчас в тоске, одна,
без доченьки милой.

Вышла, вышла замуж дочь,

но и тут ошибки:
сваты были – черны раки,
а подружки – рыбки.

А мой муж – помилуй Бог!
Мокрый и на суше,
он в горшочках под водою
людей прячет души.

Ах, сыночек, баю-бай,
волосики зеленые —
выходила мама замуж,
не была влюбленная.

Обманули, затянули
в неразрывны сети,
мне осталась одна радость —
ты на этом свете!»

«Что поешь, жена моя?
Ишь, что напевает! —
Твоя песнь проклятая
гнев во мне рождает.

Замолчи, жена моя,
Желчь во мне вскипает,
или сделаешься рыбой,
с другими так бывает!»

«Не гневайся, водяной,
что твои угрозы!
Что возьмешь с растоптанной,
выброшенной розы.

Юности весенний цвет
загубил давно ли?
И ни разу ты моей
не исполнил воли.

Сто раз я тебя просила,
умоляла сладенько,
чтоб пустил хоть на часочек
к моей милой маменьке.

Сто раз я тебя просила,
слез лились потоки,
чтоб позволил мне проститься
с мамой одинокой.

Сто раз я тебя просила,
на коленях, в горести,
в твоём сердце камня сила —
где там взяться жалости!

Не гневайся, не сердись,
водяной, мой муж.
Или – гневайся и пусть
все случится уж.

Если хочешь рыбой сделать,
чтоб была немая,
преврати-ка лучше в камень,
камень чувств не знает.

Сделай камень из меня,
кровь застынет в жилах,
чтоб душа о свете дня
больше не тужила».

«Рад бы, рад бы был, жена,
я поверить слову,
только рыбку в синем море
кто поймает снова?

Не препятствовал бы я
к матушке явиться,
но лихие мысли женщин —

кто их не боится?

Ну же, ладно, отпущу,
облегчу-ка долю,
если только слово дашь
исполнить мою волю.

Мать не смей ты обнимать,
ни кого иного,
а не то любовь земная
пересилит снова.

Никого не обнимай
с зари до заката,
а как благовест услышишь,
воротись сюда ты.

С заутрени до вечерни
время тебе дарится,
а для верности дитя
пусть со мной останется».

IV

Как бы, как бы это было
чтоб без солнышка весной?
Что же это за свиданье
без объятия с родной?
Если к матери прижмется
дочь в тоске сердечной,
кто ее тогда осудит
за порыв извечный?

Плача, с матерью проводит
время водяная:
«Время к вечеру подходит,
я боюсь, родная».
«Ты не бойся, моя дочка,
темной силы дерзкой,

я тебя не дам в обиду
ублюдине мерзкой!»

Пришел вечер. Муж зеленый
под окнами шляется,
женщины, засов задвинув,
от него скрываются.
«Ты, дитя мое, не бойся
твари водяной,
он на суше не имеет
власти над тобой».

Звон вечерний отзвонили,
Бух! Бух! – стук раздался:
– Ну, жена, пошли домой,
Я проголодался!
– Вон отсюда, враг поганый,
прочь иди, на дно свое,
там устроишь ужин званый,
все, что здесь, то – не твое!

В полночь – бух! бух! – снова
стук в запертые двери:
– Ну, жена, пойдем домой —
постели постели!
– Вон отсюда, враг поганый,
прочь иди, на дно свое,
пусть тебе устелют илом
ложе гадкое твое.

В третий раз – бух! бух! – раздался,
как зари занялся свет:
– Ну, жена, пойдем домой,
дитя плачет, еды нет!
– Ах, матушка, чем он манит,
как к младенцу сердце тянет!
Отпусти меня, родная,
Жизни без дитя не знаю.

«Не ходи, останься, дочка!
Ложь во всех его словах,
о младенце ты тоскуешь,
за тебя растет мой страх.
Душегуб, иди отсюда!
Дочь останется со мной.
Коль дитя без мамки плачет,
к нам носи его домой».

На озере буря стонет
и сквозь стон младенца крик:

он любую душу тронет,
хоть прервался в тот же миг.
«Ах, матушка, горе, горе,
холодеет кровь моя:
мама, мамочка родная,
страшусь водяного я!»

Что упало? Из-под двери
лужица кровавая,
Страхом скована, застыла,
дверь открывши, старая:
как принес им враг младенца,
как снести удар судьбы! —
Голова дитя без тельца,
тельце дальше – без главы.

Верба

Встретив раннюю зарю,
муж спросил жену свою:

– Ответь, милая моя,
ты со мной всегда честна,

ты со мной всегда честна,

но одно лишает сна —

уж два года мы с тобою,
и не знаю я покоя.

Жена моя, голубица,
что с тобой во сне творится?

Спать ложишься свежей, бодрою,
ночью – рядом тело мертвое.

И ни вздоха, и ни трепета,
и ни стопа, и ни лепета.

Вся ты словно изо льда,
будто мертвая вода.

Ночью даже детский крик
не пробудит ни на миг.

Жена моя, золотая,
расскажи мне, не скрывая.

Если это хворь какая,
позову тебе врача я.

В поле разных травок много,
мы найдем тебе подмогу.

Есть другое средство тоже:
слово мощное поможет.

Слово тучи разгоняет,
в бурю лодки охраняет,

С неба звездочку достанет —
сила слова не обманет.

– Господин любимый мой,

Пусть все течет само собой. —

Если что-то суждено,
излечить то не дано.

Что Судьба кому-то скажет,
людское слово не развяжет.

Хоть безжизненна на ложе,
все идет по воле Божьей.

Все идет по Божьей воле,
ночью Он хранит от боли.

Мертвой суждено мне спать,
но с утра жива опять.

Поутру светла дорога —
положись на помощь Бога!

Но жена напрасно просит —
муж иную думу носит.

Сидит бабка у ворот,
из миски в миску воду льет.

Двенадцать мисок ряд стоит,
муж старухе говорит:

– Слушай, мать, ты знаешь много,
ляжет как кому дорога,

Знаешь, как болезнь родится, —
куда жена моя стремится?

Спать ложится свежей, бодрою,
ночью – рядом тело мертвое.

И ни вздоха, и ни лепета,

и ни стога, и ни трепета.

Вся как будто изо льда,
словно мертвая вода.

– Как бы мертвой ни была,
ведь лишь днем она жила.

Днем с тобой живет, дыша,
ночью – в вербочке душа.

У потока под горой
верба с белою корой;

ветки желтые на ней,
там душа жены твоей.

– Не хочу с женою жить,
чтобы с вербою делить;

пусть жена со мной живет,
верба пусть в земле гниет.

На плечо топор взвалил,
Под корень вербочку срубил.

В реку пала и на дне
зашумела в глубине.

Зашумела, завдыхала,
словно мать душой страдала.

Будто тяжело умирала,
с болью на дитя взирала.

– Что у дома за собранье?
О ком слезы, причитанья?

– О твоей супруге милой,

как косою, ее срубило;

То ходила, напевала,
как подкошена, упала;

умирая, завздохала,
с болью на дитя взирала.

– О беда, судьбина злая,
я жену убил, не зная,

что дитя в минуту ту,
превратил я в сироту!

Верба с белою корой,
что ты сделала со мной!

Одному теперь мне жить,
что с тобой мне учинить?

– Пусть достанут из воды,
срежут желтые пруты;

И потом за прутом прут
колыбельку пусть сплетут.

Уложи в нее сыночка,
и спокойной будет ночка.

Будет колыбель качаться —
дитя с мамой обниматься.

А другие прутья ты
посади-ка у воды.

А как мальчик подрастет,
резать дудочки начнет.

Будет в дудочку дудеть,

вместе с мамой песни петь.

Лилия

Почила дева в пору юных лет,
Как будто высох розы ранней цвет,
Почила дева, розе не дышать.
Жаль ее, жаль – в земле ей лежать.

«Не хороните меня
Средь деревенских могил,
Там жалобы вдов и сироток
Мне спать не дадут.

Хочу, чтоб мой вечный покой
Лес дремучий хранил,
Пусть вереск могилу накроет,
И птицы над нею поют...»

И не прошло еще года и дня,
Могила вся в вереск облачена.
И не прошло еще даже трех лет,
На могиле ее расцвел редкостный цвет.

Белая лилия – кто ее увидал,
Каждый боль и тоску испытал.
Лилии запах – кто им проникался,
В каждом жажды огонь разгорался.

«Эй, слуга, готовь мне коня!
Манит сегодня охота меня,
Поскачем в леса, под еловый кров,
Будет сегодня особенный лов!»

Хэй-хэй, хо! Борзые скулят,
Для всадника не существует преград,
Похоже, добыча дана судьбой:
Видит он белую лань пред собой.

«Хэй-хэй, хо! Добыча моя,
Ни поле, ни куст не спасут тебя!»
Прицелился – что же случилось с глазами?
Лилия белая вместо лани.

На лилию смотрит, охвачен смятеньем,
Сердце дрожит, не справляясь с волненьем
Замер в тоске, почти не дыша,
Виной тому – лилии белой душа.

«Эй, верный слуга, за дело берись,
Выкопай лилию, в замок мой мчись.
В моем саду ей отныне цвести,
Чувствую, нет без нее мне пути.

Эй, слуга верный, доверенный мой,
Храни цветок, защищая собой,
Ночью и днем, не смыкая очей,
Дивная сила влечет меня к ней!»

Ходит слуга за цветком день, другой,
Хозяин ее околдован красой.
На третью ночь, в свете полной луны
Прервал слуга хозяина сны.

«Вставай, пан мой, в изумлении я —
По саду ходит находка твоя.
Поспеши, не мешкай, послушай – вот:
Твоя лилия дивную песню поет!»

«Вернулась я к жизни на миг, в тоске.
Я – как в поле роса, как дым на реке,
И с первым же блеском зари поутру
Роса испарится, и я умру».

«Твой век – не роса на рассветном лугу,
От солнца тебя защитит я смогу:

Крепкие стены – спасенье от жарких лучей.
Душа моя, будешь женою моей».

Женою стала, счастливо жила.

Живут в покое, счастливо, но вот
от короля гонец письмо несет:

«Мой верный друг! – король его призвал. —
Явись на службу, ты мне присягал.
Каждый, кто верен, должен завтра быть,
Дела домашние прошу пока забыть!»

Прощался грустно он с женою милой,
Как будто чуя дух судьбы постылой:
«Не буду рядом я, защитник твой,
Но мать моя останется с тобой».

Но мать была защитницей плохой:
ее мечта – расстаться со снохой.
Высоко солнце светит, слепит неба синь:
«Сгинь, тварь ночная! Сгинь, ублюдок, сгинь!»

Домой пан едет – что и как там есть?
Летит ему навстречу злая весть:
«Младенца твоего взяла земля,
Увяла лилия – жена твоя».

«Матушка, матушка, злая змея!
Чем тебе помешала радость моя?
Отравила ты жизни моей цвет,
Так пусть станет черным тебе Божий свет!»

Дочернее проклятье

«Что ты стала так уныла,
дочь моя?
Что ты стала так уныла?»

И куда веселье сплыло,
почему не слышен смех?»

«Я убила голубенка,
мать моя!
Я убила голубенка —
сиротинушку-цыпленка,
белого, как снег!»

«Голубенок это не был,
дочь моя!
Голубенок это не был,
ты стоишь под темным небом,
твой обманчив взгляд!»

«Ох, убила я ребенка,
мать моя!
Ох, убила я ребенка,
беззащитного дитенка,
жалость, словно яд!»

«Что же думаешь ты делать,
дочь моя?
Что же думаешь ты делать,
кому грех свой исповедать,
Божий гнев смирить?»

«Цветик я найду, быть может,
мать моя!
Цветик я найду, быть может,
что вину забыть поможет,
рану исцелить».

«Где найдешь ты того цветку,
дочь моя?
Где найдешь ты того цветку
по всему большому свету?
в садике каком?»

«Над воротными столбами,
мать моя!
Над воротными столбами —
перекладина с гвоздями,
там петля с узлом!»

«Передать ли другу что-то,
дочь моя?
Передать ли другу что-то,
он, когда была охота,
тешился с тобой».

«Пусть пойдут ему на пользу,
мать моя!
Пусть пойдут ему на пользу
смерть младенца, мои слезы,
что предал с другой».

«С чем же матери остаться,
дочь моя?
С чем же матери остаться,
как несчастной утешаться —
для тебя жила!»

«А тебе – мое проклятье,
мать моя!
А тебе – мое проклятье,
без забот могла гулять я —
волю мне дала!»

Вестница

(отрывки)

«Когда очи ваши зальются слезами...»

Когда очи ваши зальются слезами,
когда вдруг тяжкий настанет час,
ветка надежды окажется с вами,
в душах мой отзовется глас.

Не пренебрегайте речами моими,
дух пророчества сходит с небес,
закон непреложен над всеми живыми,
долг свой заплатит каждый здесь.

Свой путь у моря река кончает,
пламя к небу устремлено;
земля творит, а потом забирает:
бесследно уйти ничему не дано.

Шаги судьбы уверенны, тверды,
что должно стать, то станется;
один день в себе сокроет годы,
в другой – открытым станет все.

«Я видела мужа на бреге Белины...»

Я видела мужа на бреге Белины,
праотца славных князей,
шел он по пашне за плугом старинным,
среди родимых полей.

Тут появились послы от собранья,
пахаря князем назвав,
дали златые ему одеянья,
поле он бросил, не допахав.

Плуг положил и волов отпускает:
«Откуда вы вышли, вернитесь туда!»

бич и кнуты в поле он оставляет,
пусть их сокроет трава и листва.

И волы ушли в недалекие горы —
и ныне в следах их стоит вода;
а кнутовища, вросшие в доли,
оборотились в три буйных куста.

Они и цвели, и плодоносили,
но только один плод вполне созрел,
другие упали на землю бессильно,
и прорасти ни один не сумел.

Слышьте и знайте – сильное слово
в душах людских пусть вечно живет:
время благое вернется снова,
когда и мертвая ветвь оживет.

Обе те ветки в цвету благородном
снова воспрянут, все шире, сильнее,
вдруг, к удивлению разных народов,
плод принесут от прастарых^[5] корней.

Приидет князь, облаченный в золото,
чтобы вернуть старый долг свой вдруг,
и миру явит из пыли и праха
Пржемысла изъеденный ржавчиной плуг.

Волы с высокой горы вернутся
и снова будут в плуг впряжены,
поля недопаханные проснутся,
зерном золотым станут пашни полны.

Весна засияет, прогонит ненастье,
и зацветет буйно колос златой,
с ним расцветет на земле этой счастье,
старая слава взойдет над страной.

«Скалу я видала над бурной рекою...»

Скалу я видала над бурной рекою,

а на скале Крока замок златой;
около замка цветущий весною
Княгини Либуши сад молодой.

В подножии замка домик свободный —
купальня княгини стоит на воде;
княгини я видела лик благородный
платье сияло, все в серебре.

У входа стояла купальни любимой,
глядя в мутный речной поток,
читала слова там, тревогой томима,
что посылает стране ее рок.

«Вижу пожары, кровавые битвы,
острый меч, что тебя проткнет,
вижу беду, поруганье, молитвы —
духом не падай, мой милый народ!»

Тут ей две девы, стоящие сбоку,
подали колыбель золотую;
поцеловала ее – и потоку
бросила дар во глубокие струи.

Слышьте и знайте Либушино слово —
слышала я ее вещей глас:
«Спи тут, ложе сына, когда-то снова
я позову тебя, будет час!

Из темного лона глубокого моря
поднимется новый мир молодой;
широкие липы отцова подворья
распустят душистый свой цвет золотой.

Грусть всю смоеет поток весенний,
из ночи родится ясный день:
народ, что славен был когда-то,
новой славы узнает ступень.

Тут на свет Божий из пропасти водной
наверх золотая кроватка всплывет,
и, повинувась судьбе предреченной,
народ, как младенец, на ней отдохнет».

«Я тебя видела, ложе святое...»

Я тебя видела, ложе святое,
знаю, звезда путевая моя!
Жду, как настанет время иное,
время снова увидеть тебя.

Лето за летом без усталости мчится,
зима за зимой неуклонно бежит,
незыблема вера в душе хранится,
надежда растёт, что на сердце лежит.

Ежели летом вглубь под скалою
кто-то нырнул и уже не всплывет,
если с веселой дружиной зимою
проломится вдруг под санями лед,

вздыхаю: к полкам Либуши, ликуя,
прибыло много новых борцов!
Будет ли время, когда отдохну я?
Ах, нет еще, этот час не готов!

Так в книгах судьбы написано было,
слышьте и знайте весть мою:
«Придет рассвет, в то благое утро,
мертвые встанут в родном краю.

Тогда Либуша с полком великим
войско свое поднимет из вод,
и руку подняв материнскую, кликом
к славе направит чешский народ!»

«Видела храм я над Орлицей речкой...»

Видела храм я над Орлицей речкой
слышала я золотой его звон,
когда еще честь страны нашей чешской
не разорвал лютой страсти гон.

Когда в Чехии к Богу почтенье забылось:
вера, любовь и надежда остыли,
храм глубоко под землю сокрылся,
воды то место залили.

Но не останется вечно в могиле,
воды отхлынут – время придет,
встанет тот храм в былой своей силе,
колокол к храму народ позовет.

Слышьте и знайте, писано это
в книге судеб как закон:
«Увидите солнце златое рассвета,
услышав сначала тот звон.

С другой стороны Орлицы дунет
ветер и новый засеет лес,
поднимутся всходы, время наступит,
сосны поднимутся до небес.

Когда с краю леса сосна вековая
сама собой свой век доживет,
засохнет и в Орлицу рухнет сухая,
а корень ее в земле догниет.

Придут туда кабаны лесные,
чтобы сожрать остатки корней,
и тут сквозь корни блеснет гнилые
колокол чудный, что спал в глубине.

Такое было судьбы назначенье:
чтобы в подземный отправился путь,
и своего чтоб дождался мгновенья,

чтоб в душу народа силу вдохнуть». —

Знайте, у края зеленого бора
ствол, что назначен, вот-вот доживет,
сильный, высокий, почти без убора,
только верхушка свежа и цветет.

Может, и колокол в путь уж пустился?
К цели придет в нужный час?
Чей вещий голос до нас доносился,
все укрепляя надежду в нас?

Видела пахаря я за плугом,
рядом текла речка Быстрица,
песня его разносилась над лугом:
«О Боже, святая Троица!»

Дивным препятствием плуг остановлен,
из борозды вдруг послышался гул:
«Дьявол из ада тут похоронен?
К черту в могилу я плуг свой воткнул!»

Так проклял пахарь, и стоном глубинным
отозвался проникающий глас —
златого колокола плач голубиный:
«Ах, не пришел, не пришел мой час!»

Ах, не пришло, не пришло еще время!
Все ж приложите ухо к земле
звон донесут до вас сосен коренья,
дивные звуки надежды во мгле.

«Не сокрушайтесь о собственном роке...»

Не сокрушайтесь о собственном роке,
что к вам бывал беспощадно жесток,
но сожалейте, что горя уроки
не укрепили ваш дух в нужный срок.

Вижу вершину я над вершиной —
гора та прекрасно знакома вам —
буйно цветут сады по долинам,
а на верхушке ее Божий храм.

Тремя воротами в храм тот входят,
тремя вратами выходят опять,
слышите и знайте, то в Книге находят,
в сердце слова эти должно держать.

«Тщетны надежда в душе и забота!
Не избежите бед и невзгод,
пока не пойдет чрез одни ворота
уверенно сильный чешский народ!»

Имеющий уши, чтоб ими слышать,
зачем же их пальцами затыкать?
И разум, который подарен свыше, —
зачем ногами его топтать?

Тысячу лет ушло, как сынов милых,
единству учил Святоплук,
но не проник к нам на времени крыльях
мудрого слова золотой звук!

«Вы, кто отцов своих славных деянья...»

Вы, кто отцов своих славных деянья
рады назвать с хвастовством,
памятник половине героя пред вами
в Праге рядом с мостом.

Голову ветры с дождями размыли,
грудь раздробил шведский бой;
живот и ноги пока еще в силе,
твердо стоят и гордятся собой.

Не говорите, мол, долгое время

напрочь разрушило эти камни!
Знайте, то нашего часа знаменье,
наше отмечено здесь небреженье!

Слышьте с почтением каждое слово:
надежда без дела будет пуста,
пусть статуи сердце появится снова,
а на широких плечах голова!

Чешские сказки

Златовласка

Жил-был король, и был он такой мудрый, что понимал язык всех-всех живых существ. Вот послушайте, как он этому научился. Пришла к нему однажды одна старая бабушка, принесла в корзинке змею и сказала, чтобы он отдал эту змею приготовить: а когда он ее съест, то будет понимать разговоры птиц в небесах, всех земных и подводных тварей. Тому королю понравилось, что он будет уметь то, что никто не умеет, бабушке он хорошо заплатил и немедленно поручил слуге, чтобы тот приготовил ему на обед рыбу.

– Но, – говорит, – ни кусочка в рот не бери, иначе поплатишься за это своей головой!

Иржику, слуге, было удивительно, почему это король так строго запретил ему попробовать кушанье.

«Сколько живу, такую рыбу не видел, – сказал он себе. – Выглядит точно как змея! И какой же повар не попробует то, что приготовил?»

Когда рыба была испечена, взял он кусочек на язык и попробовал. И тут же услышал около ушей жужжание:

– Нам тоже немножко, нам тоже немножко!

Иржик огляделся – что такое? И никого на кухне не увидел, кроме нескольких летающих мух. Но тут уже снаружи, с улицы кто-то сипло прокричал:

– Куда? Куда?

А голоса потоньше отвечали:

– На ячмень к мельнику, на ячмень к мельнику.

Иржик выплянул в окно и увидел стаю гусей.

– Ага, – говорит, – так вот что это за рыба!

Теперь-то он знал! Быстро засунул себе в рот еще кусочек, а потом отнес змею королю как ни в чем не бывало.

После обеда король поручил Иржику оседлать коня, чтобы прогуляться, а слуга должен был его сопровождать. Король ехал впереди, а Иржик за ним. Когда скакали по зеленому лугу, конь Иржика подскочил и заржал:

– Иго-го, брат, мне так легко, что хотел бы я скакать через горы!

– Что ж, – говорит другой, – я бы тоже рад был скакать, но на мне старик сидит, если я подскочу, он свалится на землю, как мешок, и

сломает себе шею.

– Ну и пусть ломает, что с того? – сказал конь Иржика. – Вместо старого будешь носить на себе молодого.

Иржик от всего сердца засмеялся, услышав эту беседу, но только тихонько, чтобы король не заметил. Однако король тоже хорошо понимал, о чем разговаривают кони, оглянулся и, видя, что Иржик смеется, спрашивает:

– Чему это ты смеешься?

– Ничему, ваша королевская светлость! Просто так, – стал оправдываться Иржик.

Но старый король уже заподозрил его, да и коням тоже не доверял. Он повернулся и поехал домой.

Когда они приехали в замок, велел король Иржику налить в стакан вина:

– Но головой отвечаешь, – говорит, – если недольешь или перельешь!

Взял Иржик кувшин с вином и принялся наливать. Но тут за окном пролетели две птички. Одна гналась за другой, а у той, за которой гнались, было три золотых волоска в клювике.

– Отдай мне их, – говорит та, что гналась за первой, – ведь они мои!

– Не дам! Они мои! Я их подняла.

– Но я их увидела, когда они упали, когда златовласая девица расчесывалась. Дай мне хотя бы два.

– Ни единого!

Тогда вторая птичка рванулась за первой и схватила те золотые волоски. Покуда они так на лету тягались, остался у каждой в клюве один волосок, а третий упал наземь, даже звон раздался. А Иржик, пока на него смотрел, перелил в стакан вина.

– Пропавшая твоя жизнь! – выкрикнул король. – Но я могу тебя и помиловать, если найдешь эту златовласую девицу, чтобы я взял ее в жены.

Что было Иржику делать? Если он хотел сохранить свою жизнь, должен был отправиться за девицей, хотя и не знал, где ее искать. Оседлал он коня и поехал куда глаза глядят. Приехал к черному лесу, а перед лесом у дороги горел куст, его пастухи подпалили. Под кустом

был муравейник, искры падали на него, и муравьи разбежались в разные стороны, унося белые яички.

– Ох, помоги, Иржик, помоги! – звали они жалобно. – Сгорим мы, и детки наши в яичках.

Иржик тут же соскочил с коня, вырвал куст и потушил огонь.

– Когда тебе будет нужно, вспомни о нас. Мы тебе тоже поможем.

После этого поехал он лесом и приехал к высокой ели. На верхушке той ели было воронье гнездо, а внизу на земле два вороненка пищали и причитали:

– Отец и мать от нас улетели, мы должны сами себе искать пропитание, а мы, несчастные пискуны, еще и летать не умеем! Ох, помоги, Иржик, помоги! Накорми нас, ведь умрем от голода.

Иржик, недолго думая, соскочил с коня и всадил ему меч в бок, чтобы было вороньятам что есть.

– Когда тебе будет нужно, – весело прокаркали воронята, – вспомни о нас. Мы тебе тоже поможем.

Дальше уже пришлось Иржику идти пешком. Шел он долго-долго лесом, а когда наконец из лесу вышел, увидел перед собой далекое-широкое море. На берегу моря ссорились два рыбака. Они поймали в сеть большую золотую рыбу, и каждый хотел взять ее себе.

– Моя сеть, моя и рыба!

А другой на это:

– Мало бы было пользы от твоей сети, если бы не моя лодка и не моя помощь. Вот когда в другой раз такую же поймает, будет твоя.

– Ну нет! Ты подожди другую, а эту отдай мне.

– Я вас рассужу, – говорит Иржик. – Продайте мне эту рыбу, я вам хорошо заплачу, а деньги разделите пополам.

И отдал им за рыбу все деньги, которые король дал на дорогу, ничего себе не оставил. Рыбаки были рады, что так хорошо рыбу продали, а Иржик отпустил рыбу в море. Она весело заплескалась в воде, ушла на глубину, а потом недалеко от берега еще раз вынырнула:

– Когда понадобится, Иржик, вспомни обо мне, я тебе добром отплачу.

И после этого исчезла.

– Куда ты идешь? – спросили рыбаки Иржика.

– Иду за невестой для своего господина, старого короля, за девицей золотоволосой, и не знаю даже, где ее искать.

– Ох, тут мы тебе сможем помочь, – сказали рыбаки, – это Златовласка, королевская дочь из хрустального замка, на том острове. Каждое утро, когда рассветает, она расчесывает свои золотые волосы. Свет от них идет по небу и по морю. Если хочешь, мы сами тебя на тот остров отвезем, потому что ты нас так хорошо рассудил. Но будь осторожен, выбери настоящую Златовласку. Там двенадцать девушек, дочерей короля, но только у одной из них золотые волосы.

Оказавшись на острове, отправился Иржик к хрустальному замку просить короля, чтобы тот отдал свою дочь замуж за его господина – короля.

– Отдам, – сказал король, – но ты должен ее заслужить: должен за три дня выполнить три задания, которые я тебе дам, в день по одному. А пока до завтра можешь отдохнуть.

На следующий день утром говорит король Иржику:

– У моей Златовласки была нитка дорогих жемчугов. Нитка перетерлась, и жемчужины рассыпались в высокой траве на зеленом лугу. Ты должен собрать все до одной жемчужины.

Пошел Иржик на луг, далекий-широкий, опустился в траву, начал искать. Искал, искал с утра до полудня, но ни одну жемчужинку не увидел.

– Ох, были бы здесь мои муравьи, они бы мне сумели помочь!

– Так мы же тут, чтобы помочь тебе, – сказали муравьи. Они появились рядом с Иржиком откуда ни возьмись. – Что тебе нужно?

– Я должен на лугу жемчужины собрать, но ни одну не увидел.

– Ты только подожди немножко, мы их вместо тебя соберем.

И очень быстро принесли ему из травы горку жемчужин, осталось только нанизать их на ниточку. И потом, когда нужно было завязать ниточку на узелок, приковылял еще один муравейчик, хромой: у него ножка сгорела, когда в муравейнике был пожар, и закричал:

– Подожди, Иржик, не завязывай ниточку, я несу еще одну жемчужинку!

Когда Иржик принес королю жемчужины, тот их пересчитал.

– Хорошо сделал свое дело, – говорит, – завтра тебе дам другую работу.

Утром Иржик пришел, и король ему сказал:

– Моя Златовласка купалась в море и потеряла там золотой перстень, найди его и принеси.

Пошел Иржик к морю и ходил грустно по берегу. Море было чистое, но такое глубокое, что он не мог даже дна увидеть, а не то что на дне искать перстень!

– Ох, если бы тут была моя золотая рыба, она бы смогла мне помочь!

Тут в море что-то блеснуло, и из глубины на поверхность воды выплыла золотая рыба:

– Я здесь, чтобы помочь тебе. Что тебе нужно?

– Я должен в море найти золотой перстень, а я даже дна не вижу.

– Я только что повстречала щуку, она несла золотой перстень на плавнике. Подожди немножко, я тебе его принесу.

И очень быстро вернулась из глубины и принесла ему щуку вместе с перстнем.

Король Иржика снова похвалил, что тот хорошо сделал свое дело. А потом утром дал ему третью работу:

– Если хочешь, чтобы я свою Златовласку отдал твоему королю в жены, ты должен принести ей мертвую и живую воду, она ей пригодится.

Иржик не знал, куда и податься за этой водой. Пошел он куда глаза глядят, куда ноги несут, пока не пришел к черному лесу:

– Ох, были бы тут воронята, они бы мне, наверное, помогли!

Тут у него над головой что-то зашумело, и откуда ни возьмись появились два вороненка:

– Мы здесь, чтобы тебе помочь. Что ты хочешь?

– Я должен принести мертвой и живой воды, но не знаю, где ее искать.

– О ней мы хорошо знаем. Подожди немножко, мы принесем ее тебе.

И очень скоро воронята вернулись, каждый нес в клюве полую тыквочку, наполненную водой. В одной тыкве была живая вода, а в другой мертвая. Иржик обрадовался, что счастье ему улыбнулось, и поспешил к замку. На краю леса увидел он паутину от ели до ели, а в середине сидел огромный паук и высасывал муху. Иржик взял тыквочку с мертвой водой, брызнул на паука, и тот замертво свалился наземь, как спелая вишня. Потом брызнул на муху из другой тыквицы живой водой, и муха начала двигаться, высвободилась из паутины и взлетела в воздух.

– Твое счастье, Иржик, что ты меня воскресил, – зажуужжала ему в ухо, – ведь без меня ты бы едва ли угадал, которая из двенадцати сестер Златовласка.

Когда король увидел, что Иржик и третье задание исполнил, сказал, что отдаст ему свою златовласую дочку.

– Но только должен будешь сам ее выбрать.

После этого король повел Иржика в большой зал с круглым столом в центре, вокруг него сидели двенадцать прекрасных девушек, друг на друга похожие, и у каждой голова была покрыта белой, как снег, шалью аж до самого пола. И из-за этих шалей не было видно волос девушек.

– Вот мои дочери, – говорит король. – Если угадаешь, которая из них Златовласка, получишь ее и сможешь сразу увезти с собой; если не угадаешь, значит, не судьба тебе, должен будешь уйти без нее.

Иржик затосковал, не зная, что ему делать. И вдруг кто-то зашептал ему в ухо:

– Бзз-бзз! Иди вокруг стола, я тебе скажу, которая из них Златовласка.

Это была та самая муха, которую Иржик воскресил живой водой.

– Это не та – это не та – это тоже не та – а вот это Златовласка!

– Эту дочь мне дай! – выкрикнул Иржик. – Эту я заслужил для своего господина.

– Ты угадал, – сказал король, и девушка сразу встала из-за стола, откинула шаль, и золотые волосы потекли густыми потоками с головы до самой земли, и было от них так светло, как утром, когда солнышко встает, Иржик даже зажмурился.

Потом король, как полагается, дал своей дочери приданое, и Иржик отвез ее как невесту своему господину. У старого короля глаза разгорелись, и запрыгал он от радости, когда увидел Златовласку. Тут же повелел он, чтобы готовились к свадьбе.

– Хотел приказать повесить тебя за непослушание и чтобы тебя вороны склевали, – сказал король Иржику, – но за такую хорошую службу велю только отрубить секирой голову, а после этого прикажу тебя похоронить как подобает.

Когда Иржика казнили, попросила Златовласка старого короля, чтобы он подарил ей мертвого слугу, и король не смог отказать своей златовласой невесте. Она приложила голову Иржика к телу,

покропила его мертвой водой, и тело срослось с головой, да так, что от раны и памяти не осталось. Потом покропила она его живой водой, и Иржик встал, как будто снова родился, резвый, как олень, светясь молодостью.

– Ох, как же я крепко спал! – сказал Иржик и потер глаза.

– Верю, ты крепко спал, – сказала Златовласка, – и не будь меня, во веки веков бы не пробудился.

Когда старый король увидел, что Иржик ожил и стал еще красивее и моложе, чем прежде, захотелось и ему омолодиться. Он немедленно велел себя обезглавить, а после этого покропить водой. Его обезглавили и кропили живой водой, кропили, кропили, пока она не кончилась, но голова его никак не хотела прирастать к телу. После этого стали кропить его мертвой водой, и голова моментально приросла, но король все равно оставался мертвым, потому что живой воды для воскресения уже не было... А поскольку королевство без короля не могло существовать и никого такого же разумного и понимающего языки всего живого, как Иржик, в округе не было, то его и сделали королем, а Златовласку – королевой.

Три золотых волоса деда Всеведа

Было не было, судите сами: жил однажды король, который любил охотиться за зверями в лесах. Однажды пустился он далеко за оленем и заблудился. Был в лесу он один-одинешенек, пришла ночь, и король был рад, когда нашел на лесной лужайке избушку. В ней остался на ночлег угольщик. Король попросил его вывести на дорогу из леса и обещал хорошо заплатить.

– И рад бы с вами, – сказал угольщик, – но, видите ли, моя жена на сносях, не могу уйти. Да и куда вы пойдете ночью? Ложитесь на чердаке на сено, а утром я вас провожу.

Этой же ночью у угольщика родился сыночек. Король лежал на чердаке и не мог уснуть. В полночь увидел он внизу, в светлице, какой-то свет. Посмотрел в щель и видит: угольщик спит, жена его лежит в обмороке, а рядом с младенчиком стоят три старые бабушки, совсем белые, и у каждой в руке горящая свеча. Первая говорит:

– Я даю этому мальчику великие опасности в его жизни.

Другая говорит:

– А я ему даю возможность из всех опасностей счастливо выйти и долго жить.

А третья говорит:

– А я ему даю в жены доченьку, которая сегодня родилась у того короля, что наверху на сене лежит.

После этого у бабушек свечи погасли, и наступила тишина. Это были парки, вестницы судьбы.

Король застыл, словно ему меч в грудь вонзили. Не спал до утра. Все думал, как бы не свершилось то, о чем он услышал. Когда рассвело, начало дитя плакать. Угольщик встал и видит, что жена его уснула вечным сном.

– Ох, бедный мой сиротинушка, – запричитал угольщик, – что же мне с тобой делать?

– Дай мне этого младенца, – велел король. – Я о нем позабочусь, будет ему хорошо, а тебе дам денег столько, что до смерти не надо будет уголь добывать.

Угольщик обрадовался этому, и король обещал, что пришлет за младенцем. Когда король пришел в замок, ему с огромной радостью

доложили, что у него в эту ночь родилась прекрасная доченька. Именно в ту самую ночь, когда король видел трех вестниц. Помрачнел король, позвал своего слугу и сказал:

– Пойдешь туда-то и туда-то, до самого леса, там в избушке найдешь угольщика. Дай ему деньги, а он тебе отдаст малое дитя. Это дитя по дороге утопишь, а если ослушаешься, сам будешь на дне речном.

Слуга все выполнил, положил младенца в корзинку, а когда оказался на мостике через широкую и глубокую реку, бросил корзинку с ребенком в воду.

– Доброй ночи, зять незванный! – сказал король, когда слуга рассказал ему об этом.

Король думал, что младенец утонул, а не нет. Плыл он в корзинке, как в колыбельке, по воде, спал, будто колыбельную ему пели, пока не приплыла корзинка к избушке одного рыбака. Рыбак сидел на берегу, чинил сеть. Вдруг видит: по реке плывет что-то, прыгнул в лодчонку и вытянул из воды корзинку с младенцем. Принес своей жене и говорит:

– Ты всегда хотела иметь сыночка, вот тебе сыночек: принесла нам его вода.

Жена рыбака была рада и вырастила дитя, как свое собственное. Звали его Плавачек, потому что он к ним по воде приплыл.

Течет река, минуют годы, и из мальчика вырос прекрасный юноша, которому во всей округе равных не было. Однажды летом случилось, что в это самое место прискакал на коне король, один-одинешенек. Было душно, захотелось ему пить, и он завернул к рыбаку, чтобы тот дал немного свежей воды напиться. Когда Плавачек подал воду, удивился король, глядя на него.

– Пригожий парень у тебя, рыбак! – говорит. – Это твой сын?

– И да и нет, – отвечает рыбак, – как раз двадцать лет тому, как приплыл в корзинке по реке, а мы его вырастили.

У короля красные точки пошли перед глазами, побелел он, как стена. Король понял, что это тот самый младенец, которого он велел утопить. Однако он быстро опомнился, соскочил с коня и говорит:

– Мне нужен гонец в мой королевский замок, а никого я с собой не взял. Может этот юноша туда пойти?

– Ваша королевская Милость прикажет, и парень пойдет, – сказал рыбак.

Король сел и написал своей жене письмо:

«Этого юношу, которого тебе посылаю, вели без промедления проткнуть мечом: это мой злейший враг. Когда вернусь, пусть все будет исполнено. Такова моя воля».

Потом он записку сложил, запечатал и приложил свой перстень.

Плавачек быстро пустился с письмом в дорогу. Он должен был ехать огромным лесом, потерял дорогу и заблудился. Ходил из чащи в чащу, пока не начало темнеть. Тут встретил он старую бабушку:

– Куда это ты, Плавачек, куда?

– Иду с письмом в королевский замок и заблудился. Вы не могли бы, матушка, указать мне дорогу?

– Сегодня все равно не дойдешь, темно, – сказала бабушка, – останься у меня на ночь. Не у чужих остановишься, я твоя крестная.

Юноша согласился, и через несколько шагов увидели они перед собой чудесный домик, словно бы из-под земли выросший. Ночью, когда парень уснул, вытащила бабушка у него из кармана письмо и взамен положила другое, в котором было так написано:

«Этого юношу, которого к тебе посылаю, не мешкая, пожени с нашей дочерью: это суженый мне зять. Когда вернусь, чтобы все было исполнено. Такова моя воля».

Как только королева прочитала письмо, она немедленно устроила свадьбу, и обе, королева и молодая королева, не могли на жениха налюбоваться, так он им понравился. Плавачек был своей королевской невестой тоже доволен. Через несколько дней приехал домой король и, когда увидел, что произошло, страшно рассердился на свою жену, что она это устроила.

– Ведь ты же сам велел, чтобы я выдала за него нашу дочь прежде, чем ты вернешься! – ответила королева и подала ему письмо. Король письмо взял, рассмотрел – печать, бумага – все было его собственное. Он велел позвать зятя и спросил его, что да как, да где ходил.

Плавачек рассказал, что заблудился в лесу и остался переночевать у своей старой крестной.

– А как выглядела?

– Так и так.

Король узнал из его слов, что это была та самая особа, которая двадцать лет назад судьбу его дочери связала с судьбой сына угольщика. Думал-думал, а потом говорит:

– Что случилось, то случилось, ничего не изменишь, но задарма моим зятем быть не позволю. Если хочешь быть мужем моей дочери, должен в приданое принести три золотых волоса Деда Всеведа.

Король думал, что так он избавится от своего немилого зятя.

Попрошался Плавачек со своей женой и пошел незнамо куда, но ведь крестной его была вестница судьбы, наверное, потому и нашел он правильную дорогу. Шел он долго и далеко, через горы и доли, через воды и броды, пока не пришел к черному морю. Увидел он лодку, а на ней перевозчика.

– Бог в помощь, старый перевозчик!

– Дай-то Господи, молодой путник! Куда путь держишь?

– К Деду Всеведу за тремя золотыми волосами.

– Хо-хо, так это я тебя так давно жду! Двадцать лет перевожу тут людей, и никто не приходит меня освободить. Если пообещаешь, что спросишь у Деда Всеведа, когда будет конец моей работы, перевезу тебя.

Плавачек пообещал, и перевозчик его перевез.

Потом пришел он к какому-то большому городу, но было там многолюдно и грустно. Перед городом повстречал он старичка с палкой, который едва тащился.

– Бог в помощь, седой дедушка!

– Дай-то Господи, прекрасный юноша! Куда путь держишь?

– К деду Всеведу за тремя золотыми волосами.

– Ай-яй, так это тебя я давно поджидаю. Я должен тебя немедленно отвести к нашему королю.

Когда они пришли, король сказал:

– Слышал я, что идешь ты к деду Всеведу. Была у нас яблоня, приносила молодильные яблоки: если кто съедал одно, сразу становился юным, даже если до этого был стариком у гробовой доски. Но уже двадцать лет яблоня не приносила ни одного плода. Если пообещаешь, что спросишь у деда Всеведа, можно ли нам с яблоней помочь, по-королевски тебя награжу.

Плавачек пообещал, и король его милостиво отпустил.

Потом подошел он к другому большому городу, наполовину уничтоженному пожаром. Недалеко от города сын хоронил умершего отца, и слезы градом текли по его щекам.

– Бог в помощь, печальный могильщик! – сказал Плавачек.

– Дай-то Господи, добрый путник! Куда путь держишь?

– Иду к деду Всеведу за тремя золотыми волосами.

– К деду Всеведу? Жаль, что ты не пришел раньше. Наш король такого гонца давно поджидает. Я должен тебя к нему отвести.

Когда они пришли, король сказал:

– Слышал я, что идешь ты к Деду Всеведу. Был у нас тут родник, текла из него живая вода. Когда кто-то ее пил, даже если умирал, тут же делался здоровым. А если был уже мертвым, стоило покропить его той водой, как он вставал и шел. Тому уже двадцать лет, как вода перестала течь. Если ты пообещаешь, что спросишь у деда Всеведа, можно ли нам как-то помочь, дам тебе королевскую награду.

Плавачек обещал, и король его милостиво отпустил.

Шел он долго и далеко черным лесом и посреди леса увидел большой зеленый луг с прекрасными цветами, а на лугу золотой замок. Это был замок деда Всеведа, сверкающий, как пламя. Плавачек вошел в замок, но не нашел там никого, только в одном закутке сидела старая бабушка и пряла.

– Добро пожаловать, Плавачек, – сказала она, – рада снова тебя видеть.

Это была его крестная, у которой он останавливался в лесу на ночлег, когда нес то послание короля.

– Что же тебя сюда привело?

– Король не хочет, чтобы я задарма был его зятем, вот и послал меня за тремя золотыми волосами деда Всеведа.

Бабушка улыбнулась и говорит:

– Дед Всевед – мой сын, ясное солнце: утром он младенец, в полдень – мужчина, а вечером старый дед. Я тебе три волоса из его бороды достану, не зря же я твоя крестная. Но просто так ты тут остаться не можешь! Мой сын вообще-то добрая душа, но когда приходит вечером домой голодный, легко может стать, что тебя зажарит и съест на ужин. Тут вот пустая кадушка, залезай, я тебя укрою.

Плавачек попросил, чтобы она спросила деда Всеведа о тех трех вещах, что обещал он узнать по дороге.

– Спрошу, – сказала бабушка, – и внимательно слушай, что скажет.

Вдруг изнутри дунул ветер и в западное окно в светлицу прилетело солнце – старый дедушка с золотой головой.

– Чую, чую человечину, – говорит, – кто тут, мать, у тебя?

– Звезда дневная, кто у меня может быть, чтобы ты об этом не знал? Вот всегда у тебя так: летаешь целый день по Божьему свету, нанюхаешься там человечины, неудивительно, что вечером дома тебе все еще человечиной пахнет.

Старичок на это ничего не ответил и сел ужинать.

После ужина положил он свою золотую голову бабушке на колени и задремал. Когда бабушка увидела, что он уже уснул, выдернула у него из головы один золотой волос и бросила его наземь – он зазвенел, как струна.

– Что такое, мама? – сказал старичок.

– Ничего, сыночек, ничего. Я задремала и увидела удивительный сон.

– А что тебе снилось?

– Снилось мне, что в одном городе был источник с живой водой. Когда кто-то болел, пил из него и выздоравливал, а если умирающего кропили той водой, человек оживал. Но тому уж двадцать лет, как вода перестала течь. Можно ли как-то помочь этому?

– Легко помочь: в том источнике сидит жаба, она и не дает воде течь. Пусть убьют жабу и вычистят колодец, вода снова и потечет.

Когда старичок снова уснул, выдернула у него бабушка еще один золотой волос и бросила его наземь.

– Что опять, мама?

– Ничего, сыночек, ничего, я дремала и приснилось мне опять что-то удивительное. Приснился мне один город, в котором была яблоня, приносящая молодильные яблоки. Когда кто-то старел, съедал одно и снова становился молодым. Но последние двадцать лет яблоня не принесла ни одного плода. Можно ли как-то помочь?

– Помочь-то просто: под яблоней лежит змея и сжирает ее силы. Пусть змею убьют и яблоню пересадят, и снова она будет приносить плоды, как прежде.

После этого старичок опять быстро уснул, а бабушка выдернула у него третий золотой волос.

– Что ты мне, мама, спать не даешь? – спросил старичок раздраженно и хотел встать.

– Лежи, сыночек, лежи, не гневайся, не хотела я тебя будить. Но пришла ко мне дремота, и увидела я снова удивительный сон.

Приснился мне перевозчик на черном море. Двадцать лет уже там перевозит, и никто не приходит его освободить. Когда будет конец его работы?

– Это сын глупой матери! Пусть даст другому весло в руки, а сам выскочит на берег, тогда тот другой станет перевозчиком. Но теперь-то уж дай мне покой. Я должен рано вставать и идти сушить слезы, которые каждую ночь проливает королевская дочь о своем муже, сыне угольщика, которого король послал за тремя моими золотыми волосами.

К утру поднялся снаружи ветер, и на коленях своей старой матушки проснулось вместо старичка прекрасное златовласое дитя, Божье солнышко, оно попрощалось с матерью и через восточное окно вылетело наружу. Бабушка открыла кадушку и сказала Плавачеку:

– Вот тебе три золотых волоса, и что дед Всевед на те три вопроса ответил, уже тоже знаешь. Иди с Богом, больше меня не увидишь, в этом не будет нужды.

Плавачек сердечно поблагодарил бабушку и ушел.

Когда пришел в первый город, спросил его король, какую им несет новость.

– Добрую, – сказал Плавачек. – Велите вычистить колодец, и жабу, что сидит на источнике, убейте. И опять потечет вам вода, как когда-то раньше.

Король велел это немедленно сделать, и когда увидел, что вода бьет полным ключом, даровал Плавачеку двенадцать коней, белых как лебеди, а на них столько золота и серебра и драгоценных камней, сколько могли они унести.

Когда пришел Плавачек во второй город, спросил его король, какую им несет новость.

– Добрую, – сказал Плавачек, – выкопайте яблоню, найдите под ее корнями змею, убейте ее. Потом яблоню снова посадите, и будет приносить она вам плоды, как когда-то раньше.

Король немедленно приказал так и сделать, и яблоня за ночь оделась цветами, словно бы розами ее кто-то осыпал. Король очень обрадовался и подарил Плавачеку двенадцать вороных коней, а на них столько богатства, сколько те могли унести.

Плавачек поехал дальше, и когда оказался у черного моря, спросил его перевозчик, узнал ли юноша, когда будет он свободен.

– Узнал, – сказал Плавачек, – но сначала перевези меня, потом тебе скажу.

Перевозчик сначала заупрямился, но когда увидел, что другой помощи ему не будет, перевез Плавачека и его двадцать четыре коня.

– Когда снова будешь кого-то перевозить, – сказал ему после этого Плавачек, – дай ему весло в руку и выскочи на берег, и будет тот вместо тебя перевозчиком.

Король глазам своим не поверил, когда Плавачек принес ему три золотых волоса Деда Всеведа, а дочь его плакала не от жалости, а от радости, что он вернулся.

– А где ты добыл этих прекрасных коней и это великое богатство? – спросил король.

– Я заслужил все это, – сказал Плавачек и поведал, как одному королю помог, чтобы снова у того росли молодильные яблоки, которые старых людей делают молодыми, а другому королю помог, чтобы была у него снова живая вода, которая больных превращает в здоровых, а мертвых в живых.

– Молодильные яблоки! Живая вода! – повторял потихоньку король. – Если бы съел одно, омолодился бы, а если бы и умер, от живой воды снова бы ожил!

Не мешкая, отправился он в путь за молодильными яблоками и за живой водой и оттуда до сих пор не вернулся.

Так стал сын угольщика зятем короля, как вестница судеб рассудила, а король – наверное, все еще работает перевозчиком на черном море.

Живая вода

Жил-был один король, и было у него три сына. Когда эти сыновья подросли, разболелись у короля глаза так, что не мог он глядеть на свет Божий, должен был оставаться в темноте, и никто не знал, чем ему помочь. Однажды ночью приснилось королю, что, если бы достал он живую воду и ею глаза промыл, выздоровел бы. На следующую ночь приснилось ему то же самое, и на третью ночь опять. Позвал он к себе своих трех сыновей и сказал им:

– Милые сыновья, снилось мне три ночи подряд, что выздоровел бы я, если бы умылся живой водой. Кто из вас пойдет за ней?

– Я! Я! Я! – отвечали все.

Король был очень доволен, но сказал:

– Милые дети! Все трое идти не можете! Я старый и больной, кто обо мне будет заботиться, если вы все уйдете? Иди ты, самый старший мой сын, тебе это по праву положено.

Самый старший сын тотчас же приготовился в дорогу. Выбрал доброго коня, набрал из королевской кладовой много золота и серебра, попрощался с отцом и поехал. Ехал три дня подряд, нигде не задерживался, пока не приехал к большому городу; он сильно устал, да и город ему понравился, захотелось ему тут пару дней отдохнуть. Пришел в пивную, видит: три прекрасные девицы играют в кости. Королевич к ним подошел, смотрел-смотрел – и очень ему эта игра понравилась. Тут одна девица ему говорит:

– Не хочешь с нами сыграть?

Королевич не отказался и начал играть. Играл три дня и три ночи, все свое серебро и золото проиграл. Потом поставил на своего коня и снова проиграл. И когда уж не имел ничего, на что мог бы поставить, сказала та девица:

– Будем играть друг на друга. Если ты выиграешь, будем твои со всем, что нам принадлежит, а если выиграем мы, ты будешь наш.

Королевич согласился, взял кости, перемешал, бросил на стол и – проиграл себя самого.

Король дома ждал, ждал, но сына дождаться не мог, а с глазами его было все хуже и хуже. Тут пришел к нему средний сын и сказал:

– Отец, позволь мне поехать за живой водой, может быть, и о брате что-то узнаю.

– Поезжай, сын мой, – сказал король. – Помогай тебе Господь!

Королевич оседлал доброго коня, набрал из кладовой королевского золота и серебра и поехал. Ехал он той же самой дорогой и на третий день приехал в тот же самый большой город, и был он уже усталый, и город ему понравился, и захотел он тут отдохнуть. Пришел он в пивную, увидел трех прекрасных девиц, играющих в кости. Королевич встал возле них и смотрел, пока ему та самая красна девица тоже не предложила сделать ставку. Королевич начал играть и проиграл все свое золото и серебро, потом коня, а напоследок и самого себя.

Король опять долго-долго ждал, и поскольку ни один, ни второй его сын не возвращались, а болезнь его день ото дня усиливалась, сказал ему младший сын:

– Отец, позволь мне поехать за живой водой для тебя; может, где-то там и братьев своих встречу и приведу их с собой.

Король отказывался, не хотел его отпускать:

– Кто знает, что там с моими сыновьями приключилось, – говорит, – и если и ты от меня уйдешь и где-то сгинешь, кто меня потом утешит в моей скорби?

Но сын просил неустанно, и король в конце концов дал согласие.

Королевич, не мешкая, оседлал своего доброго коня Сивака и взял из отцовской кладовой ровно столько, сколько ему казалось необходимым, попрощался с отцом и пустился в дорогу. Когда он приехал в город, где оставались его братья, ему там тоже понравилось, но он в городе все же не задержался. Вспомнил он об отце, что ждет его дома и считает дни до его возвращения, и поехал дальше.

Потом через несколько дней увидел перед собой другой город, и когда приблизился к нему на расстояние трех стрел из лука, оказался у моста через глубокий ров. Но перед мостом начал вдруг под ним конь Сивак брыкаться и никакими силами не хотел переходить по мосту. Королевич соскочил с него – видит во рву человеческий труп, наполовину истлевший и разодранный птицами и зверями. Королевич спросил людей, шедших из города, почему тело не похоронили.

– Это был должник, – сказал один, – умер и не заплатил, а каждого такого мы выбрасываем для устрашения в ров, чтобы его сожрали вороны и волки.

– А если за него кто-то заплатит долги? – спросил королевич.

– Тогда мы его похороним как подобает, – ответил тот человек.

Королевич приехал в город, заплатил за покойника долги и велел его похоронить.

Выехал он из города и оказался в большом лесу, подошел к нему большой серый волк и стал ласкаться, как пес. Королевич вынул меч и хотел волка убить.

– Оставь меч в ножнах и возьми меня с собой, – сказал волк, – я тебе пригожусь. Я знаю, куда ты идешь, и хочу помочь добрым советом и делом.

Королевич всадил меч в ножны и взял волка с собой. Пришли они на большой прекрасный луг с шелковой травой. Тут говорит волк:

– Пусти своего коня Сивака на этот луг, пусть пасется, пока мы не возвратимся, а сам садись на меня, я тебя понесу.

Сел королевич на волка, и волк, вертя мохнатым хвостом, вознесся с королевичем в воздух, выше леса, ниже облаков. Стрелой летели они через горы и доли, через воды и броды, пока не прилетели на одну гору. И была та гора хрустальная, а на ней замок из чистого серебра. Тут говорит волк:

– У тебя час времени, иди в замок, во дворе найдешь два колодца с золотыми ведрами. В левом колодце – мертвая вода, а в правом – вода живая. Набери воды из правого колодца и нигде не мешкай. Смотри, вернись раньше, чем минует час, иначе будет тебе плохо.

Пошел королевич в замок, увидел во дворе колодец с живой водой, набрал в бутылку, спрятал и хотел уже уйти. Но поразмыслил и говорит себе:

– Что же это, оказался я в серебряном замке и не увижу, что в нем?

Повернулся он и пошел в замок. У двери первой комнаты увидел он на страже грозного дракона с двенадцатью головами, спящего. В другой комнате увидел он двенадцать прекрасных девушек, они лежали рядом друг с другом на серебряных постельках и все спали. Пришел он в третью комнату – видит девушку одну-одинешеньку. Была она так прекрасна, что невозможно ни слово вымолвить, ни мысли помыслить, а где уж в сказке сказать? Спала она на золотом ложе, с золотой короной на голове, а серебряный пояс лежал на столике возле нее. Королевич замер в восхищении и стоял бы так еще долго, если бы волк за окном не подавал знаки, чтобы он поспешил

оттуда. Королевич быстро снял свой серебряный пояс и положил на столик, а пояс той девушки взял с собой. И едва он сел на волка и вознесся в небеса, разразилась в замке страшная буря, и двенадцатиголовый дракон погнался за ними и быстро их догнал. Но королевич вытащил меч и одним ударом отрубил дракону крыло. Дракон упал с облаков вниз, в море, и вода взбурлила вверх, до облаков.

Когда они оказались в лесу в том месте, где королевич встретил волка, волк ему сказал:

– Будь здоров! Должен тебя оставить. Спасибо тебе за службу, которую ты мне сослужил, и знай, что я – дух того покойника, за которого ты заплатил долги и велел похоронить. Поэтому я должен был тебе отплатить. И все же, прежде чем уйти, дам тебе еще добрый совет: не покупай по дороге мясо у виселицы, иначе случится с тобой зло.

После этого волк исчез без следа.

Королевич поехал обратно, пока не приехал к тому городу, где остались его братья. И видит: идет от ворот большая толпа народу. Королевич остановил своего коня Сивака и спросил одного из шедших, что случилось.

– Ведут двоих на виселицу, – сказал тот человек. – Проиграли сами себя в кости и хотели убежать.

Когда этих двоих подвели ближе, увидел королевич, что это его братья. Они его тоже сразу узнали, упали на колени и просили ради всего, что ему на свете мило, чтобы он их выкупил. Королевич быстро заплатил, сколько было необходимо, и взял их с собой.

По дороге братья его спрашивают:

– Ну что, брат, несешь отцу живую воду?

– Несу, – ответил королевич и показал им бутылку.

– Слава Господу Богу, что ты так хорошо все устроил, – сказали братья, но мед у них был только на языке, а в сердце был яд. Завидовали они его счастью и боялись, чтобы брат не рассказал отцу, как плохо они повели себя. Поэтому договорились братья в сторонке между собой отнять живую воду, а дома перед отцом брата оклеветать. Уговорили они его остановиться на ночлег в одном городе.

– Едешь днем и ночью, – сказали, – нигде не отдыхаешь, можешь причинить вред своему здоровью, отец расстроится.

Ночью, когда брат спал, взяли у него бутылку с живой водой, а вместо нее подложили другую, похожую, но была в ней вода отравленная.

Когда они приехали домой, третий королевич пошел скорее к отцу и с радостью подал ему свою бутылку.

– Вот, милый отец, – говорит, – то, что ты просил, и теперь ты будешь здоров.

– Не верь ему, отец, – вмешались два старших сына, – это мошенник и предатель, он хочет тебя отравить. По дороге мы его выкупили от виселицы, когда мы возвращались с живой водой. Если нам не веришь, попробуй его воду на собаке и увидишь.

Король велел, чтобы ту воду дали собаке, и собака умерла на месте. Вынули братья бутылку, которую взяли у третьего брата, брызнули из нее водой на мертвую собаку, и собака тут же оказалась живой и здоровой. Разгневался король на своего младшего сына, не хотел ни слова от него слышать и видеть его не хотел, а приказал, чтобы замуровали его в башне.

Когда сидел королевич, заключенный в башне, и размышлял о том, что с ним приключилось, вспомнил он слова волка, который ему советовал не покупать по дороге мясо у виселицы.

– Если бы я тебя послушал, – вздохнул юноша, – не погибал бы позорно с голоду, как преступник.

– Не погибнешь, – отозвался голос сверху из маленького башенного окошка. – Злость многое может, но правда победит. Думай о добре и станешь сильнее.

Это был волк, он принес королевичу еду.

– Я буду навещать тебя каждую ночь, – сказал он, – пока не придет час твоего освобождения.

А пока заглянем в серебряный замок, что происходит там? Когда королевич уехал из замка и по дороге сразил двенадцатиголового дракона, пробудилась королева на золотом ложе, и все ее двенадцать девушек пробудились тоже. Вся голая хрустальная гора и окрестности зазеленели от радости, а где раньше была пустошь, встал большой прекрасный город. В нем было полно людей, и все плясали и кричали от радости, что освобождены от своего заклятия и дракона.

Вскоре родился у королевы прекрасный сыночек. Рос он не по дням, а по часам. Когда ему исполнилось семь лет, нашел он среди драгоценностей своей матери в золотом шкафу тот самый серебряный пояс, что оставил королевич. Взял он пояс, пошел к матери и спросил:

– Мамочка, что это?

– Это пояс твоего отца, – ответила королева.

– А где мой отец, как бы мне его найти?

– Подожди, придет, я за ним пошлю.

Та королева была великая и сильная властительница, все короли и князья боялись ее. Она хорошо знала, кто побывал в серебряном замке, – увидела это по меткам на поясе. Она написала послание королю, отцу трех сыновей, а написано было так:

«Пошли мне сюда без промедления того сына, который тебе из моего серебряного замка принес живую воду».

Когда король прочитал послание, позвал он двоих сыновей и объявил им повеление королевы. Сыновья смутились, но чтобы не выдать себя, предложили, что поедут к королеве вдвоем. Они думали, что обманут ее так же, как обманули своего отца.

– Вместе не можете ехать, – сказал король, – я стар, почти на пороге смерти стою, один из вас нужен мне дома. Поезжай ты, старший сын, это тебе по праву положено.

Поехал старший сын – долго ли, далеко ли – забыл тот, кто рассказывал, – и приехал благополучно к серебряному замку. К замку вели ворота и два моста: один железный, а другой золотой. Сыночек королевы глядел в окно, а как увидал королевича, позвал мать:

– Мамочка, мамочка! Уже едет мой отец!

– Где едет, сын мой? – спросила его королева.

– По железному мосту едет.

– Это не твой отец, – сказала королева, – твой отец не жалел своей жизни ради живой воды, так и золота на мосту не пожалел бы!

Когда королевич предстал перед королевой, спросила она его:

– Что ты видел в моем замке, когда сюда приходил за живой водой?

Королевич не знал, что на это ответить.

– Предатель ты и мошенник, – сказала королева, – замуровать его в башне!

После этого написала она другое послание королю:

«Пошли мне другого сына, того, который из моего серебряного замка принес живую воду. Сын, присланный тобою, предатель и мошенник».

Король, прочитав второе послание, очень испугался, быстро позвал второго сына и спросил, действительно ли он добыл живую воду.

– Добыл, отец, – сказал королевич, – и без промедления поеду к королевне.

Он был изворотливый и думал, что обманет королеву.

Когда он подъезжал к серебряному замку, посмотрел сыночек королевны в окно и позвал мать:

– Мамочка, мамочка, мой отец уже едет!

– Где едет?

– По железному мосту.

– Это не твой отец. Твой отец не жалел своей жизни ради живой воды, так и золота на мосту не пожалел бы!

Когда королевич предстал перед ней, спросила она его опять, что видел он в замке, когда приходил за живой водой. Королевич отвечал, что видел много господ и много слуг.

– Лжешь, – сказала королева, – предатель ты и мошенник! Замуровать его в башне!

Потом написала она третье послание королю:

«Если дороги тебе твое королевство и твоя голова, пошли мне без промедления своего сына, но того, который действительно в моем серебряном замке был и принес тебе из него живую воду. Оба сына, которых ты мне послал, оказались предателями и мошенниками и получили свое».

Бедный король стоял как громом пораженный. Он видел, что был постыдно обманут двумя сыновьями, и смертельно печалило его, что младшего сына осудил он так поспешно, даже не выслушав. Что ему было делать сейчас? Королева грозит, а сын-то казнен. И решил он, что пошлет ей его кости. Немедленно приказал, чтобы башню проломили и собрали кости его сына. Когда каменщики разобрали стену, тут же заточенный королевич выскочил наружу и побежал к отцу, обнял его и рассказал, что на самом деле произошло и как он был спасен от смерти. Старый король с глазами, полными слез, едва не упал перед сыном на колени, просил прощения и тут же рассказал, что

приключилось с его злыми братьями и что требует королева. Королевич подскочил от радости, когда это услышал, быстро оседлал своего коня Сивака, попрощался с отцом и поехал.

Сынок королевы опять стоял у окна и, увидев подъезжающего королевича, крикнул:

– Мамочка, мамочка, мой отец едет!

– Где едет, сын мой?

– Едет по золотому мосту, аж куски золота от моста отлетают.

– Это твой отец, – сказала королева. – Разве я не говорила, что не будет он жалеть золота на мосту, если не жалел ради живой воды своей жизни?

Когда же королевич предстал перед ней, спросила она его:

– Что видел ты в моем замке, когда приходил за живой водой?

Королевич все подробно рассказал, а потом достал в доказательство ее собственный серебряный пояс, что взял со столика, а на его место положил свой.

Сколько же было потом радости и плясок! Сколько вопросов и рассказов! Немедля послали за старым королем, и, когда он приехал, плакал от радости, как дитя. Приказала королева устроить великие празднования, которые длились четырнадцать дней. Она выпустила всех заключенных в королевстве на свободу, а молодой король заплатил долги за всех должников.

Жалко-прежалко, что было это так давно. Если бы это было в наши дни, у многих должников и тех, кому они должны, камень упал бы с души!

Повесть о Литошском роднике

В стародавние времена к Литошскому роднику ходили купаться три лесные нимфы. Шел однажды Голечек в сумраке мимо родника домой, встретил их, и одна ему так понравилась, что стал он как одурманенный, даже когда нимфы исчезли.

С той минуты Голечек нигде не находил себе места. Задумал он во что бы то ни стало эту лесную нимфу поймать и привести ее домой как жену. Каждый день ходил он к роднику и ждал, спрятавшись поблизости в зарослях, и наконец, на третий день, милые нимфы пришли опять.

Едва приблизились они к Голечку на шаг, выскочил он из зарослей, схватил свою возлюбленную и побежал с ней домой. Он не оглядывался и не видел, что другие нимфы превратились вдруг в белых голубиц и звали свою подружку, летая в вышине:

Линда, Линда, Линдушка,
не рассказывай, почему есть вода в Литоше!

Линда обходилась с Голечком хорошо, но взамен попросила, чтобы он никогда ее не упрекал, что была она лесной нимфой. Голечек всеми святыми божился, что все исполнит.

Однажды был Голечек в поле. Линда вышла к роднику, посмотрела на небо, набрала в жбан воды, а когда вернулась домой, велела челяди, чтобы быстро все полили, и, хотя все было еще зеленое и едва ползерна в колосе, чтобы быстро все сжали и свезли домой. Линда сама при сем присутствовала, и в короткое время урожай, хоть и незрелый, был дома.

Уже по дороге домой Голечек услышал, что случилось, «добрые» люди ему наговорили полную голову.

Совсем разгневанный вошел он домой и, когда увидел Линду посреди зеленых злаков, держащую в руке глиняную миску и кропящую водой зерно, не смог сдержаться и набросился на нее:

– Дичь ты дикая! Что же ты наделала?

У Линды миска выпала из руки, посмотрела она грустно на Голечка, заломила молча руки, переступила порог и исчезла.

Через три дня после того случился страшный град и побил весь урожай так, что и узнать было нельзя, что было засеяно.

Только тогда понял Голечек, что Линда не была обычным существом, как другие люди, что она предвидела град и хотя бы что-то хотела спасти.

Каково же было удивление Голечка, когда пришел он под навес, где было уложено зерно. Там он нашел от самой земли аж по гребень крыши огромные, тяжелые и, как золото, желтые колосья, и выглядело зерно так, будто прекрасно дозрело на поле. Теперь-то он причитал и сокрушался, что выгнал Линду из дому. Ходил по лесам, ходил к роднику, звал Линду, но напрасно.

Ждал Голечек целыми днями и целыми ночами у родника и домой уж больше не возвратился.

Разум и счастье

Встретились однажды Счастье с Разумом на мосточке.

– Уступи мне дорогу, – сказала Счастье.

Разум был тогда еще неопытный, не знал, кто кому должен уступать, и сказал:

– Почему это я должен тебе уступать? Ты ничем не лучше меня.

– Лучше тот, – отвечало Счастье, – кто больше может. Видишь там деревенского сынка, что пашет на поле? Войди в него, и если с тобой он обойдется лучше, чем со мной, буду тебе каждый раз вежливо уступать дорогу, где бы мы ни повстречались.

Разум на это согласился и тут же вошел пахарю в голову. Как только пахарь почувствовал, что у него в голове разум, начал он рассуждать:

– Что ж я должен до смерти за плугом ходить? Ведь я могу и в другом месте сыскать свое счастье!

Оставил он пахоту, положил плуг и поехал домой.

– Папаша, – говорит, – не нравится мне эта деревенская жизнь, буду лучше учиться на садовника.

Отец сказал:

– Что у тебя, Ванек, разум помутился?

Но потом поразмыслил и говорит:

– Ну, если хочешь, благослови тебя Бог. А домишко этот после меня получит твой брат.

Ванек лишился домика, но пренебрег этим и пошел к королевскому садовнику на обучение. Немного ему садовник показывал, но Ванек многое понимал. Скоро не слушал уже и садовника, что должен делать, а делал все по-своему. Сначала садовнику это не понравилось, но потом увидел, что все хорошо получается, и остался доволен.

– Вижу, разума у тебя больше, чем у меня, – сказал он и оставил Ванека садовничать, как тот сам хотел. За короткое время обустроил Ванек сад так, что король был очень доволен и часто прогуливался по саду с королевой и своей единственной дочкой. Королевская дочь была очень красивой девицей, но с двенадцати лет перестала говорить, и никто слова от нее не слышал. Король очень из-за этого

огорчался и велел объявить по всему королевству: кто поможет его дочери опять заговорить, тот будет ее мужем.

И объявилось много молодых королей, князей и других благородных господ, но как они приходили, так и уходили ни с чем. Ни единому не повезло, чтобы она заговорила.

«А почему бы мне тоже не попытать своего счастья? – подумал Ванек. – Кто знает, не получится ли у меня заставить ее ответить на мой вопрос?»

И он быстро оказался у короля, а король со своими советниками привели его в покой, где находилась королевская дочь.

У этой дочери был красивый песик, которого она очень любила, потому что пес был очень умный. Все понимал, что королевне было надо. Когда Ванек с королем и советниками вошли в ее покой, парень сделал вид, что королевскую дочь и не видит вовсе. Он обратился к ее песику и говорит:

– Слышал я, песик, что ты очень умен, и пришел к тебе за советом. Было нас трое друзей: один резчик, другой портной и я. Однажды шли мы по лесу и должны были в нем заночевать. Развели костер, чтобы от волков защититься, и договорились стеречь друг друга по очереди. Сначала стерег резчик и, чтобы скоротать время, взял он чурбанчик и вырезал прекрасную куклу. Когда она была готова, разбудил резчик, портного, чтобы тот теперь стерег их сон. Портной, увидев деревянную куклу, спросил, что это.

– Как видишь, – сказал резчик, – было у меня много времени, и вырезал я из чурбанчика куклу. Если у тебя тоже будет много времени, можешь ее одеть.

Портной быстро достал ножницы, иголку, нитку, выкроил платье и принялся его шить. Когда платье было готово, нарядил он куклу. Потом разбудил меня, чтобы я шел стеречь. Я тоже спросил, что это у него.

– Как видишь, – сказал портной, – у резчика было много времени, и вырезал он из чурбанчика куклу, а я ее нарядил. Если у тебя тоже будет достаточно времени, можешь научить ее говорить.

И я действительно научил ее к утру говорить. Но утром, когда мои товарищи пробудились, каждый хотел ту куклу взять себе. Резчик говорит:

– Я ее сделал.

Портной:

– Я ее нарядил.

И я тоже защищал свое право. Скажи мне, песик, кому из нас принадлежит эта кукла?

Песик молчал, но вместо него ответила королевская дочь:

– Кому иному она может принадлежать, как не тебе? Какое дело до безжизненной резчиковой куклы? Какое дело до нарядов портного без речи? Ты ей дал самый лучший дар: жизнь и речь, а потому по праву она принадлежит тебе.

– Ты сама так решила, – сказал Ванек. – И тебе я дал речь и новую жизнь, а потому ты принадлежишь мне по праву.

Тогда сказал королевский советник:

– Его Королевская Милость даст тебе щедрую награду за то, что тебе удалось развязать язык его дочери, но жениться на ней ты не можешь, ты простолюдин.

И король сказал:

– Ты простолюдин. Дам тебе вместо моей дочери щедрую награду.

Но Ванек не хотел ни о какой другой награде слышать и сказал:

– Король без всяких условий пообещал: кто сделает так, чтобы его дочь снова заговорила, тот будет ее мужем. Королевское слово – закон, и если король хочет, чтобы другие уважали его слово, должен сам прежде всего слово свое держать. И потому король должен отдать мне в жены свою дочь.

– Слуги, свяжите его! – закричал советник. – Кто указывает королю, что он должен делать, оскорбляет Его Королевскую Милость и заслуживает смерть. Ваша Королевская Милость, извольте приказать, пусть этому преступнику отсекут мечом голову.

И король сказал:

– Пусть отсекут ему мечом голову!

И Ванека быстро связали и повели на казнь.

Когда привели его на место казни, там его уже ожидало Счастье. Оно обратилось тихо к Разуму:

– Гляди, как этот человек с тобой обошелся. Аж головы сейчас лишится! Уступи-ка, дай-ка я на твое место войду!

Как только Счастье вступило в Ванека, переломился у палача меч, прямо у самой рукоятки, как будто его кто-то перерезал. И пока ему несли другой, приехал из города на коне трубач, как на крыльях

прилетел, весело трубил и размахивал белой хоругвью, а за трубачом приехала за Ванеком королевская карета. А было так. Королевская дочь сказала отцу, что Ванек говорил правду и что королевское слово нельзя не держать, а если Ванек простого роду, так его король легко может сделать князем. И король сказал:

– Ты права, пусть будет князем!

Быстро послали за Ванеком королевскую карету, а вместо него был казнен советник, который короля восстанавливал против Ванека.

И когда потом Ванек и королевская дочь ехали с венчания, шел той же дорогой Разум и, понимая, что может повстречаться со Счастьем, склонял голову и убегал стороной, как будто за ним гнались. И с тех пор Разум, если встречается где-то со Счастьем, издалека ему дорогу уступает.

Так хорошо, что есть смерть на свете

В те давние времена, когда еще Господь Иисус Христос и святой Петр вместе ходили по свету, однажды вечером пришли они к кузнецу и попросились на ночлег. Кузнец их радушно поприветствовал, положил молот под наковальню, провел их в горницу и устроил хороший ужин. А после ужина сказал гостям:

– Вижу, что вы очень устали с дороги и хотели бы отдохнуть, к тому же сегодня стояла такая духота – ложитесь на мою постель, выспитесь хорошенько, а я лягу в сарае на солому.

Он пожелал им доброй ночи и ушел. А когда настало утро, устроил им завтрак, а потом еще проводил их немного. Когда уже с ними прощался, сказал:

– Дал я что у меня было, надеюсь, вы довольны.

Святой Петр потянул Господа Иисуса за рукав и произнес:

– Господь! Неужели ты никакой награды не дашь ему, ведь он такой хороший человек и так нас хорошо принял?

Ответил ему Иисус:

– Награда на этом свете – пустая награда, я ему готовлю другую, на небесах.

Потом обратился к кузнецу и промолвил:

– Проси что хочешь, три твои просьбы будут исполнены.

Кузнец обрадовался и сказал:

– Ну, если так, тогда, Господь, сделай, чтобы я еще сто лет был жив и здоров, как сейчас.

И сказал на это Иисус:

– Будь по-твоему, как просишь. А что хочешь еще?

Кузнец засмеялся и сказал:

– О чем мне просить? Все у меня и так хорошо, на то, что мне нужно, я своим ремеслом всегда заработаю. Сделай, чтобы у меня всегда работы было достаточно, как сейчас.

И ответил ему Господь Иисус:

– И это исполнится. А какое твое третье желание?

Этого милый кузнец уже и не знал, но поразмыслил и через минуту сказал:

– Ну, если ты, Господь, такой добрый, тогда сделай, чтобы каждый, кто сядет на стул, на котором ты у меня за столом сидел, приморозился к нему и не мог с места сдвинуться, пока я его не отпущу.

Святой Петр на это засмеялся, но Господь Иисус промолвил:

– Да будет так, как ты сказал!

На том они и разошлись, Господь Иисус и святой Петр пошли дальше своей дорогой, а кузнец побежал радостно домой. И произошло так, как обещал Господь Иисус. Все знакомые кузнеца уже померли, а он был все еще здоров и свеж, как огурчик, работы имел вдоволь и пел от радости с утра до вечера.

Но все до времени. В конце концов те сто лет тоже прошли, и смерть постучалась в его двери.

– Кто там? – отозвался кузнец.

– Это я, Смерть, за тобой иду.

– И добро пожаловать! Вот это гости! – сказал кузнец и лукаво улыбнулся: – Проходи-проходи, гостыя дорогая! Подожди только, я молоты и клещи уложу по порядку и тут же буду готов. А пока что присядь ненадолго на этот стул. Ты и так уже столько ходишь по свету!

Смерть не заставила себя долго уговаривать и, ничего не опасаясь, села. Тут уж кузнец рассмеялся в голос и сказал:

– Теперь сиди тут и не двигайся, пока я не захочу!

Смерть начала дергаться, громыхать костями и стучать челюстями, но ничего не помогало, не могла она сдвинуться с места и должна

была сидеть как прикованная. Кузнец смеялся, аж живот свело, закрыл двери и ушел по своим делам, он был рад, что больше не должен смерти бояться: она сидела у него дома пойманная.

Но радость его не долго длилась, он быстро увидел, что ошибся.

Был у кузнеца дома хорошо откормленный поросенок, и хотел он его на радостях забить и сделать копченую ветчину, потому что очень любил поесть хорошо копченой ветчинки. Взял кузнец топор и так ударил поросенка по голове, аж сам свалился. Но пока нагибался за ножом, чтобы его прирезать, а кровь спустить в горшок, чтобы сделать свиную колбасу, поросенок вдруг поднялся и скок! скок! скок! – убежал прочь, и, прежде чем кузнец опомнился от испуга, его уже и след простыл!

– Подожди, стервец, все равно никуда от меня не денешься! – сказал кузнец, а пока пошел в хлев и вытянул оттуда гусыню. Он ее уже две недели откармливал для престольного праздника.

– Хоть тобой сегодня полакомлюсь, – сказал он сам себе, – раз уж свиная колбаса удрала.

Взял нож, хотел гусыню зарезать. Но вот диво! С гусыни ни капли крови не упало, а когда он из гусиной шеи вытянул нож, и следа от раны не осталось! Пока кузнец этому удивлялся, гусыня у него из рук выскользнула и – «га-га-га!» – полетела за поросенком.

Это уж было для кузнеца слишком! Так хорошо все управил, а теперь и вкусеньким не закусить? Плюнул он на поросенка и гусыню, пошел в голубятню и принес двух голубей. И чтобы они опять ему ничего такого не устроили, топором отсек им головы на колоде – обоим одним ударом.

– Ну, хотя бы с вами получилось, – пробормотал он и бросил их наземь.

Но смотрите-ка! Едва голуби упали на землю, их головы опять оказались на шеях и – фрррр! – были голуби далеко. Вдруг кузнеца озарило, схватился он руками за голову и сказал:

– И правда, правда! Об этом я не подумал. Они же потому не могут умереть, что я Смерть поймал!

И задумался он, и не очень ему нравилось, что теперь он должен навсегда проститься с прекрасной ветчиной и свиной колбасой, с вкусными запеченными гусями и жареными голубями. Но что же делать? Смерть выпустить? Ну уж нет! Та прежде всего свернула бы

ему шею. И придумал он, что вместо мяса станет теперь есть горох и каши, а вместо жаркого – печь пироги – ведь если ничего другого нет, так и они вполне вкусные!

Какое-то время все так и получалось, пока были старые запасы. Но пришла весна, и тут уж настала настоящая нищета! Все живые существа, что до этого жили, так и оставались живыми, ни один не пропал. И к тому же выросло множество молодых, так что все повсюду кишмя кишело.

Птицы, мыши, кузнечики, жуки, клещи и прочая живность сожрала и испортила все зерно на полях, луга выглядели, будто их выпалили, деревья в садах стояли, как мётлы, листья и цветы сожрали мотыли и гусеницы – и было невозможно никого из них убить! В озерах и реках было такое множество рыбок, жаб, водяных пауков и других насекомых, что вода от них засмердела и не было возможности напиться. В воздухе была туча комаров, мух и мошкар, а на земле такое количество противных насекомых, что они могли бы уморить человека, если бы тот мог умереть. И ходили люди полумертвые, как тени, не имея возможности ни жить, ни умереть.

Увидел кузнец, какое несчастье своей безрассудной просьбой сотворил, и сказал:

– А ведь Господь Бог хорошо устроил, что есть смерть на свете!

Пошел и сам ей поддался, отпустил ее, а она его тут же и загубила. И так потом постепенно все пошло по старому порядку.

Горшочек, вари!

В одной деревне жила-была бедная вдова, и была у нее единственная дочь. Избушка у них была старой, с дощатой дырявой крышей, и всего-то у них было – несколько курочек на чердаке. Старушка ходила зимой в лес по дрова, летом по ягоды, осенью на поле собирала, что осталось, а дочь носила в город яйца, что несли им курочки, на продажу. Тем они и кормились.

Однажды летом старушка слегка занемогла, и дочке пришлось в одиночку идти в лес по ягоды, чтобы им было что есть. А из ягод они варили кашу. Взяла она горшок и кусок черного хлеба и пошла. Когда уже собрала полный горшок ягод, вышла в лесу к роднику. Села у

родника, вынула из фартука хлеб и начала обедать. Был как раз полдень.

Вдруг откуда ни возьмись появилась какая-то старая женщина, выглядела она как нищенка, а в руке держала горшочек.

– Ах, девица моя золотая, – говорит нищенка, – поешь бы мне! Со вчерашнего дня не было у меня во рту и кусочка хлеба. Не дала бы ты мне кусок хлеба?

– Почему нет, – сказала та девушка, – если хотите, берите хоть весь, я все равно домой иду. Он не слишком черствый для вас?

И отдала ей весь свой обед.

– Награди тебя Господь, девица моя золотая, награди тебя Господь! Но раз уж ты, девица, такая добрая, должна и я тебе тоже что-то дать. Смотри, я дам тебе этот горшочек. Когда его дома поставишь на стол и скажешь: «Горшочек, вари!», наварит он тебе столько каши, сколько будет угодно. А когда поймешь, что каши уже достаточно, скажи: «Горшочек, хватит!», и он тут же перестанет варить. Только не забудь, что ты должна сказать эти волшебные слова.

Она подала девушке горшочек и вдруг исчезла, та и не поняла куда.

Когда пришла домой, рассказала матери, что с ней в лесу приключилось, быстро поставила горшочек на стол и велела:

– Горшочек, вари!

Она хотела проверить, не обманула ли ее та нищенка. Но в горшочке быстро начала вариться каша, ее становилось больше и больше, и едва успела она до десяти сосчитать, как горшочек был уже полный.

– Горшочек, хватит! – И горшочек тут же перестал варить.

Вскоре они обе сидели и с удовольствием ели, каша была – пальчики оближешь. Когда наелись, взяла молодая в корзинку несколько яиц и пошла в город, продавать. Но пришлось ей там долго на базаре сидеть, давали ей за них мало, только к самому вечеру продала.

Старуха дома не могла ее дожидаться, ей снова захотелось есть, снова захотелось той каши. Взяла она тогда горшочек, поставила его на стол и сказала:

– Горшочек, вари!

Тут в горшочке начала быстро вариться каша, не успела старуха обернуться, как был он уже полный.

– Надо еще за миской и за ложкой сходить, – сказала старуха и пошла в кладовку.

Но когда вернулась, остановилась в страхе: каша валилась полным горлом из горшочка на стол, со стола на лавку, с лавки на землю. Старуха забыла, что должна сказать, чтобы горшочек перестал варить. Она подскочила и прикрыла горшочек миской, думала, что этим кашу остановит. Но миска упала на землю и разбилась, а каша неустанно вытекала из горшочка вниз, как паводок. Ее уже было в комнате столько, что старуха убежала от нее в сени, а там заламывала руки и все время причитала:

– Ах, эта несчастная девчонка, что же это такое она принесла! Я сразу подумала, что ничего хорошего из этого не выйдет!

Через минуту каша потекла уже из комнаты через порог в сени; чем дальше, тем больше ее прибывало. Старуха не знала, куда деваться, и в страхе полезла на чердак, все время причитая, что это несчастная девчонка принесла. Но каши становилось все больше и больше, и скоро вытекала она как туча через двери и окна на улицу, и кто знает, чем бы все это кончилось, если бы в это время как раз не вернулась девушка и не крикнула:

– Горшочек, хватит!

Но на дороге была уже такая гора каши, что крестьяне, возвращавшиеся домой с поля, уже не могли проехать, и пришлось им дорогу через кашу проесть.

Длинный, Широкий и Остроглазый

Жил-был старый король, и был у него единственный сын. Однажды позвал он к себе этого сына и говорит ему:

– Дорогой мой сын! Ты хорошо знаешь, что зрелый плод падает, чтобы дать место другому. Голова моя тоже созрела, видно, скоро на нее солнце светить не будет, но, прежде чем ты меня похоронишь, хотел бы я увидеть свою будущую дочку, твою жену. Женись, сын мой!

А королевич сказал:

– Рад бы, отец, исполнить твою волю, но нет у меня невесты, ни одной не знаю.

Полез старый король в карман, вытянул оттуда золотой ключ и подал его сыну.

– Иди наверх, на башню, на самый высокий этаж, посмотри оттуда вокруг, а потом мне скажешь, которую выберешь.

Королевич, не мешкая, пошел. Отроду там, наверху, еще не был и к тому же никогда не слышал, что там такое.

Когда пришел наверх, на последний этаж, увидел в крыше маленькую железную дверцу, размером с люк, дверца была заперта, открыл ее королевич тем золотым ключом и поднялся наверх. Оказался королевич в огромном круглом зале с синим потолком, похожим на небо в ясной ночи, серебряные звезды трепетали на нем, пол был застелен зеленым шелковым ковром, а в стене двенадцать высоких окон в золотых рамах, и в каждом окне на хрустальном стекле были изображены радужными красками девицы с королевской короной на голове, каждая в разных одеждах, но одна другой краше, удивительно, что королевич, глядя на них, не ослеп. И в то время, как он на них с удивлением смотрел, не зная, которую себе выбрать, начали девицы двигаться, как живые, оглядывались на него и улыбались, только что не говорили.

Заметил королевич, что одно из двенадцати окон было затянуто белым покрывалом, и отодвинул покрывало, чтобы увидеть, что за ним. А там была девица в белой одежде, опоясанная серебряным поясом, с жемчужной короной на голове, и была она всех прекрасней, но грустна и бледна, словно из гроба встала. Долго стоял королевич

перед этим портретом в изумлении, и, пока смотрел на нее, разболелось у него сердце, и сказал он:

– Ее хочу взять в жены, и никого больше!

И как только произнес он эти слова, склонила девица голову, покраснела, как роза, и в тот же момент все портреты исчезли.

Когда он спустился вниз и рассказал отцу, что видел и какую девицу себе выбрал, опечалился старый король, задумался и сказал:

– Плохо ты сделал, сын мой, что открыл то, что было закрыто, в большой опасности ты оказался. Девица эта во власти злого чернокнижника, в железном замке заключена; кто ни пытался ее освободить, назад еще не возвращался. Но чему быть, того не миновать, данное слово – закон. Иди, попытай счастья и возвращайся домой живым и здоровым!

Попрощался королевич с отцом, сел на коня и поехал за невестой. И пришлось ему ехать большим лесом, и ехал он так долго, что дорогу потерял. И когда блуждал с конем в чаще среди скал и болот, не зная, куда податься, услышал вдруг за спиной чей-то голос:

– Эй, подождите!

Королевич оглянулся и увидел высокого человека, спешившего к нему.

– Подождите и возьмите меня с собой, а если возьмете меня на службу, жалеть не будете.

– А кто ты есть, – спросил королевич, – и что умеешь делать?

– Меня зовут Длинный, и я умею вытягиваться. Видите на той высокой ели птичье гнездо? Я вам это гнездо сниму, не надо будет даже лезть наверх.

И начал Длинный вытягиваться, тело его удивительно выросло, стал он высоким, как ель, потом он схватил гнездо, в один момент уменьшился и подал его королевичу.

– Это ты хорошо умеешь, но на что мне птичьи гнезда, если ты меня из этого леса не можешь вывести!

– Гм, так это легче легкого! – сказал Длинный и снова начал вытягиваться, пока не стал в три раза выше самой высокой сосны в лесу, тогда оглянулся вокруг и говорит: – Вон там ближайшая дорога из леса.

Потом он уменьшился, взял коня под уздцы и пошел вперед, и, раньше чем королевич выбранился, вышли они из лесу. Перед ними

была далекая-широкая равнина, а за той равниной высокие серые скалы, как стены большого города, и горы, поросшие лесом.

– Вон там, господин, идет мой товарищ, – сказал Длинный и указал в сторону равнины, – его тоже вы могли бы взять на службу, верю, что он вам хорошо послужит.

– Крикни ему, позови, чтобы я увидел, что к чему.

– Это, господин, далековато, – сказал Длинный, – едва ли бы он меня услышал, и долго бы он сюда шел, потому что он много на себе носит. Лучше я за ним подскочу.

Снова Длинный вытянулся так высоко, что голова оказалась в облаках, сделал два-три шага, взял товарища за плечи и поставил его перед королевичем. Это был грузный парень, с животом с четырехведерный бочонок.

– Кто ты есть, – спросил королевич, – и что умеешь делать?

– Меня, господин, зовут Широкий, и я могу расширяться.

– Так покажи мне.

– Господин, быстро уезжайте – быстро назад в лес! – крикнул Широкий и начал раздуваться.

Королевич не понял, почему должен уезжать, но видя, что Длинный быстро погнался к лесу, пришпорил коня и припустился за ним. И вовремя спохватился, иначе его вместе с конем Широкий раздавил бы: брюхо его быстро росло во все стороны, будто гора надвигалась. Потом Широкий перестал надуваться, выдохнул так, что леса заколыхались, и сделался снова таким, каким был поначалу.

– Ну, ты мне показал! – сказал ему королевич. – Такого парня не каждый день встретишь, пойдём со мной.

И пошли они дальше. Когда подошли близко к скалам, встретили человека с завязанными платком глазами.

– Кто ты есть, – спросил королевич, – и почему у тебя глаза завязаны, ведь ты не видишь дорогу?

– Ой, господин, наоборот, именно потому, что я слишком хорошо вижу, приходится мне завязывать свои глаза; я с завязанными глазами вижу так, как иной с незавязанными, и если я их развяжу, все насквозь разгляжу, а если пристально на что-то посмотрю, загорится оно пламенем, а что не может гореть, то на куски развалится. Потому меня и называют Остроглазый.

После этих слов повернулся он к скале напротив и уперся в нее своими горящими глазами, и скала начала раскалываться, куски отлетали от нее во все стороны, и вскоре осталась лишь куча песка. И в песке этом что-то сверкало, как огонь. Остроглазый пошел к куче, достал оттуда то, что блестело, и принес королевичу. Это было чистое золото.

– Ого, да ты бесценный парень, – сказал королевич. – Безумцем был бы тот, кто отказался бы взять тебя на службу. Но если у тебя такое острое зрение, посмотри-ка и скажи мне, далеко ли до железного замка и что там сейчас делается?

– Если бы вы, господин, в одиночку поехали, – ответил Остроглазый, – наверное, и за год туда не попали, но с нами придете еще сегодня – как раз сейчас там готовят для нас ужин.

– А что делает моя невеста?

– За стенами железными,
на башне высокой
сторожит ее чернокнижник.

И сказал королевич:

– Кто из вас добрый, помогите мне ее освободить!

И друзья обещали королевичу, что будут ему помогать. Повели его между серыми скалами, через пролом, что сделал в нем Остроглазый, и так шли они по скалам, по высоким горам и темным лесам все дальше и дальше, а если по дороге встречалось им какое-то препятствие, три друга быстро его убрали. Когда солнце склонялось к западу, начали горы снижаться, леса редеть, скалы исчезли, а когда оно уже стояло у горизонта, увидел королевич перед собой железный замок, а когда садилось, поднялся железный мост сам собой, ворота закрылись, и королевич с товарищами оказались пленниками железной крепости.

Когда они огляделись вокруг, отвел королевич коня в конюшню, а там уже все было для коня приготовлено. И пошли они в замок. И на подворье, и в конюшне, и в залах замка, и в комнатах увидели они в полутьме много богато одетых людей, господ и прислужников, но никто из них не двигался – все были окаменевшими. Прошли они через несколько комнат и вошли в трапезную. Была она ярко освещена, посередине стол, на нем стояли разные яства и напитки, и накрыто

было на четверых. Ждали они, ждали, думали, что кто-то придет, но раз уж никто не приходил, сели, ели-пили сколько влезет.

Когда наелись, стали оглядываться, где бы лечь спать. Вдруг разом распахнулись двери, и в комнату вошел чернокнижник, скрюченный старик в длинной черной одежде, лысый, с седыми усами по колена, а вместо пояса были на нем три железных обруча. Он вел за руку красную-прекрасную девицу в белом, с серебряным поясом и с жемчужной короной на голове, но была она такая бледная и грустная, как будто из гроба встала. Королевич сразу же ее узнал, вскочил и быстро встал напротив нее, но не успел он и слова вымолвить, как обратился к нему чернокнижник:

– Знаю, зачем ты пришел, хочешь королеву увести отсюда. Что ж! Будь по-твоему, заберешь ее, но только если три ночи сможешь уследить, чтобы она от тебя не ушла. Если же уйдет, окаменеешь вместе со своими прислужниками, как все, что пришли раньше тебя.

После этого он указал королевне, чтобы та села, и ушел.

Королевич не мог глаз отвести от девушки, так она была прекрасна. И начал он с ней говорить, спрашивал ее обо всем, но она не отвечала, не улыбалась и ни на кого даже не взглянула, будто была из мрамора. Сел он рядом с ней и решил целую ночь не спать, чтобы она от него не ушла; а для большей уверенности вытянулся Длинный, как ремень, и обвился по стенам вдоль всей комнаты; Широкий сел к двери, надулся и так ее загородил, что ни одна мышка бы не проскочила, а Остроглазый встал на стражу к колонне в центре комнаты. Но через минутку все начали дремать, уснули и спали всю ночь, как убитые.

Когда начало светать, королевич проснулся первый, и ему как будто кто-то нож в сердце вонзил – королевны не было. Он немедленно разбудил слуг и спросил, что же делать.

– Не волнуйтесь, господин, ничего, – сказал Остроглазый и посмотрел в окно, – вот я ее уже вижу! За сто миль отсюда стоит лес, посередине леса – старый дуб, а на вершине этого дуба желудь – этот желудь и есть она. Пусть меня Длинный возьмет на плечи, и мы до нее дотянемся.

И Длинный его быстро на плечи усадил, вытянулся и пошел – что ни шаг, то десять миль, а Остроглазый указывал дорогу.

И не прошло еще времени, которого хватило бы вокруг избы обежать, они уже были тут как тут, и Длинный подал королевичу желудь:

– Господин, опустите этот желудь на землю!

Королевич его опустил, и в тот же миг встала рядом с ним королева.

Когда же солнце стало подниматься из-за гор, растворились с грохотом двери, вошел в комнату чернокнижник, победно усмехаясь, но когда обнаружил там королеву, помрачнел, забурчал, и – треск! – один железный обруч на нем разломился и отскочил. Потом взял он девицу за руку и увел ее прочь.

Весь день после этого нечего было королевичу делать, кроме как ходить по замку и вокруг замка и смотреть, что там было удивительного.

Жизнь всюду словно бы замерла в один момент. В одном зале увидел он какого-то королевича, державшего обеими руками занесенный топор так, как будто хотел кого-то разрубить пополам, но удар не получился, и королевич окаменел. В другой комнате был окаменевший рыцарь, как будто он от кого-то убегал в страхе и, споткнувшись о порог, переступил его, но не упал. У печи сидел слуга, он держал в одной руке кусок жаркого с ужина, а другой рукой подносил кусок ко рту: когда еда была уже у губ, застыл. И много увидел других окаменевших, застывших в разных положениях, когда чернокнижник приказал:

– Окаменейте!

А также увидел королевич много прекрасных окаменевших коней, и в замке, и около замка все было пусто и мертво, деревья были без листьев, луг – без травы, была река, но не текла, нигде ни одной птички-певички, ни цветочка – земного дитятка, а в воде ни одной рыбки.

Утром, в полдень и вечером нашел королевич со своими товарищами в замке доброе и обильное угощение; еда появлялась сама, вино само наливалось. А когда ужин закончился, снова отворились двери, и чернокнижник привел королеву, чтобы королевич ее стерег. И хотя все твердо решили, что будут сопротивляться сну, все же ничего не помогло, и снова уснули. Когда

на рассвете королевич пробудился и увидел, что королева исчезла, вскочил и потряс Остроглазого за плечо:

– Эй, ты, Остроглазый, вставай! Знаешь ли ты, где королева?

Тот протер глаза, посмотрел и говорит:

– Уже вижу ее! За двести миль отсюда стоит гора, а в той горе скала, а в той скале драгоценный камень, и камень этот она и есть. Если меня туда Длинный донесет, получим ее.

Длинный тут же взял его на плечи, вытянулся и пошел – что ни шаг, то двадцать миль. Остроглазый уставился своими жгучими глазами на гору, и гора рассыпалась, и скала раскрошилась на тысячу кусков, а между ними сверкал драгоценный камень. Они взяли камень и принесли королевичу, и как только положили камень наземь, на этом месте оказалась королева. И когда пришел чернокнижник и ее увидел, у него глаза от злости заискрились и – треск! – опять один железный обруч разломился на нем и отлетел. Забурчал чернокнижник и отвел королеву из комнаты.

И снова все повторилось, как вчера. После ужина чернокнижник привел королеву, посмотрел колючими глазами в глаза королевича и насмешливо произнес:

– Посмотрим, кто кого, ты победишь или я!

И с этим удалился.

Снова королевич и его слуги сделали все, чтобы уберечься от сна, но напрасно: уснули один за другим, и королева исчезла.

Утром пробудился королевич раньше всех и, когда не увидел королеву, разбудил Остроглазого:

– Эй, Остроглазый, вставай, посмотри, где королева!

Остроглазый долго всматривался.

– О, господин, – далеко она, далеко! За триста миль отсюда есть черное море, и посреди этого моря, на дне лежит скорлупа, а в той скорлупе золотой перстень – и перстень этот она и есть. Не тужите, мы ее достанем! Но для этого сегодня должен Длинный и Широкого с собой взять, он нам понадобится!

Длинный посадил на одно плечо Остроглазого, а на другое Широкого, вытянулся и пошел – что ни шаг, то тридцать миль. И когда пришли к черному морю, показывал Длинному Остроглазый, куда лезть в воду за той скорлупой. Длинный вытянул руку как можно дальше, но не сумел достать до дна.

– Подождите, друзья, подождите немножко, я вам помогу, – сказал Широкий и надулся изо всех сил, потом лег на берег и стал пить. Вскоре вода в море опала так, что Длинный легко достал до дна и вытащил скорлупу. Он вынул из скорлупы перстень, взял друзей на плечи и поспешил назад. Тяжело ему было бежать с Широким на плече, ведь у того в животе была половина моря, и в просторной долине стряхнул он Широкого с плеча на землю. Бухнуло так, будто с высокой башни бурдюк сбросили, и в один момент вся долина оказалась под водой, разлилось огромное озеро; Широкий сам едва из него вылез.

А в это время королевичу в замке было очень тяжело; солнечная заря уже показывалась из-за гор, а прислужники его еще не вернулись, и чем ярче выступали лучи, тем сильнее он тосковал: смертный пот выступил у него на лбу. Вскоре после этого показалось солнце на востоке огненным кругом – от сильного удара распахнулись двери, и на пороге оказался чернокнижник, он огляделся и, видя, что королевны нет, мерзко захихикал и вошел в комнату. Но в этот момент – дзынь! – разлетелось окно на куски, и золотой перстень упал на землю, и в тот же момент на этом месте снова появилась королевна.

Остроглазый, видя, что делается в замке и в какой опасности находится его господин, сказал об этом Длинному; Длинный сделал шаг и бросил перстень через окно в комнату.

Чернокнижник завопил от злости так, что замок затрясся, и тут – треск! – третий железный обруч лопнул на нем и отскочил, чернокнижник превратился в ворона и вылетел прочь через разбитое окно.

И сразу прекрасная девушка заговорила и поблагодарила королевича за то, что он ее освободил, и покраснела, как роза. А в замке и около замка все вдруг ожило: тот, что держал в руках поднятый топор, рубанул им в воздух так, что засвистело, а потом засунул топор за пояс, тот, что споткнулся о порог, упал на землю, но тут же встал и принялся себя оглядывать: цел ли; тот, что сидел у печи, засунул кусок жаркого в рот и принялся жевать; и так каждый доделал, что начал перед тем, как застыл. В конюшнях весело топали и ржали кони; деревья около замка пышно зазеленели, на лугах было полно полевых цветов, высоко в небе порхал жаворонок, а в быстрой реке плавали стайки мелких рыбок. Всюду живо, всюду весело.

В комнату, где был королевич, пришло много господ, и все благодарили его за освобождение. Но он сказал:

– Меня благодарить не за что; если бы не было моих верных слуг Длинного, Широкого и Остроглазого, был бы я сейчас тем, чем были все вы недавно.

Вскоре после этого пустился он в дорогу домой к отцу, старому королю, с невестой и слугами Длинным и Остроглазым, и все господа их провожали. По дороге встретили они Широкого и тоже взяли его с собой.

Старый король плакал от радости, что сыну так посчастливилось; он-то думал, что уже не увидит его. Вскоре после этого была шумная свадьба на три недели, все господа, которых освободил королевич, были приглашены. После свадьбы объявили Длинный, Широкий и Остроглазый молодому королю, что снова пойдут по свету искать работу. Молодой король их уговаривал остаться:

– Я все вам дам, что будет нужно до самой смерти, и не нужно будет работать!

Но не нравилась им такая ленивая жизнь, получили они от короля вольную и ушли, и с тех пор так и бродят по свету.

Водяной

Недалеко от одной деревни был большой пруд, в котором время от времени можно было повстречать водяного. Дни проводил он в своем подводном имении, а в ясные ночи любил сидеть на берегу под вербой. Когда темнело, люди старались пруд обходить стороной.

Однажды случилось, что маленькая Бетушка, которая пасла коз на лугу рядом с прудом, не вернулась домой. Искали ее родители, но нашли только козочек, дочка как под землю провалилась.

– Ее унес водяной! – говорили люди.

И были правы.

Подманил он девочку красными ленточками и затянул ее под воду.

Маленькая пастушка плакала и просила, но водяной ее назад уже не отпустил.

Прошло время, родители давно уже оплакали дочку.

Тем временем из маленькой девочки выросла прекрасная панна (дева), и заботилась она о хозяйстве водяного, готовила и убиралась. Всегда, когда она подметала, приказывал ей водяной мести мусор со двора в светлицу. А там мусор превращался в золото и серебро.

Однажды попросила девушка водяного, чтобы что-то из этого богатства он отнес ее родителям. Набрала она золота и серебра столько, сколько поместилось в корзину, и когда вышел месяц, собрался водяной в дорогу.

– Только смотри, нигде не останавливайся, – попросила его Бетушка. – Если остановишься, я тебя увижу и тут же тебя позову!

Водяной пришел к избушке Бетушкиных родителей, осторожно открыл дверь и поставил корзину в сенях. К утру он вернулся домой.

Девушка неплохо жила с водяным, но часто вспоминала о своих родителях и рада была бы к ним вернуться. Думала она, как бы ей водяного перехитрить. И вот однажды, когда она пекла хлеб, сделала она из сухого камыша фигуру, одела в свое платье и поставила к печке. Потом позвала водяного:

– Я снова приготовила корзинку золота и серебра. Отнеси ее моим родителям. Но говорю тебе: нигде по дороге не останавливайся отдыхать! Сразу это увижу и тебя позову!

Влезла она сама в корзину, спряталась под золотом и серебром и стала ждать.

Водяной пришел, поднял корзину, взвалил ее себе на спину и пошел.

Но в этот раз ноша показалась ему гораздо тяжелее.

– Отдохну-ка я немножко, – сказал он себе.

Но тут же услышал голос Бетушки:

– Я тебя вижу! Вставай-ка быстрее и беги дальше.

Водяной испугался и продолжил свой путь, пока не принес корзину в избушку. Когда вернулся он домой, спросил у девушки у печи, испечен ли хлеб. Никто ему не ответил. Подошел он ближе и в ту же минуту понял, что умная и прекрасная Бетушка его перехитрила.

Черт и цыган

Старый цыган пошел служить к черту, и черт ему сказал:

– Дам тебе, что хочешь. Будешь мне только хворост и воду носить да под котлом огонь разжигать.

– Хорошо!

И дал ему черт ведро и сказал:

– Иди и набери из колодца воды.

Милый цыган пошел, набрал воды и стал крутить колодезную рукоять, чтобы поднять ведро наверх, но был он уже стар, не мог его вытянуть, и пришлось ему воду вылить, чтобы ведро в колодце не осталось. Но что же принести домой? Вытащил милый цыган из забора кол и стал тыкать им около колодца, как будто копал. Черт не мог его с водой дожидаться и пошел ему навстречу:

– И что ты тут делаешь? Почему воду не принес?

– Ну что! Хочу весь колодец выкопать и тебе принести.

– Оставь это, слишком много бы притащил. И потом – лучше бы ты просто ведро воды принес, пока у меня просто так дрова не сгорели.

После этого черт набрал воды сам и понес ее:

– Да если бы я знал, что ты делаешь, я бы давно сам принес!

Однажды послал цыгана черт в лес за хворостом. Пошел цыган, но в лесу его настиг дождь и промочил насквозь. Простыл старик, и не было у него сил хворост набрать. И что же он сделал? Надрал лыка, пошел лесом, привязывая лыком дерево к дереву. Черт ждал-ждал и пошел сам за ним.

– Что это ты делаешь, неразумный?

– Что делаю! Хочу тебе деревья принести, поэтому связываю целый лес в охапки, чтобы зря не ходить лишний раз.

Черт, видя, что ничего с цыганом не поделает, набрал хворосту и пошел домой. А потом пошел к старому черту за советом.

– Нанял я цыгана, – сказал он, – и не знаю, что с ним делать: мы, черти, сильные и умные, но он еще сильнее и умнее... Мне ничего не остается, кроме как его убить.

Старый черт сказал:

– Хорошо, когда пойдет спать, убей его, чтобы он еще кого-нибудь из наших не облапошил.

Пришел черт домой и отправился спать. Цыган, без сомнения, что-то почуял и положил свой тулуп на лавку, где обычно спал, сам же залез в угол под лавку. Черт подумал, что цыган крепко спит, взял железную палку и ударил по тулупу, так что тот разлетелся, и пошел себе спать, думая, что цыгану пришел конец.

А цыган вздохнул:

– Ох! – и задрожал в углу.

– Что с тобой? – спросил черт.

– Эх! Блоха меня укусила.

Пошел черт опять к старому черту на совет.

– Да как же его убить, – говорит, – если я его железной палкой ударил, а он только задрожал и сказал, что блоха его укусила.

– Тогда лучше заплати ему, сколько он хочет, – сказал старый, – пусть идет куда-нибудь по свету другую службу искать.

Взял цыган мешочек с дукатами и ушел.

Но черту стало жалко денег, которые он ему дал, и пошел он снова к старому черту советоваться, как деньги назад вернуть. И сказал старый:

– Беги за ним и скажи: «Кто из нас сильнее пнет ногой камень, тому деньги и достанутся».

Побежал черт за ним:

– Эй, подожди, цыган! Я тебе что-то скажу.

– И что ты хочешь, негодяй?

– Подожди, давай силами мериться: будем вместе камень пинать; кто сильнее его пнет, того и деньги будут.

– Тогда пинай первый, – сказал цыган.

Черт пнул один раз, другой, аж уши заложило. А цыган тем временем налил под камень воду и говорит:

– Что же ты, глупец! Вот я сейчас пну сухой камень, и вода прыснет.

Пнул и – пшшшш – брызнула вода из камня.

Пошел черт опять на совет к старому черту, и тот сказал:

– Беги за ним, померяйтесь еще раз: кто из вас выше палку забросит.

Цыган за это время прошел уже несколько миль, вот оглянулся и видит: бежит за ним черт:

– Эй, подожди, цыган!

– И что ты хочешь, подлец?

– Давай так: кто из нас выше палку бросит, того и деньги будут.

– Ну! Значит, будем бросать, а у меня два брата на небесах, оба кузнецы, и попадет им эта палка на молот или на клещи.

Подбросил черт палку, так высоко, что почти и видно не было. А цыган взял палку, приподнял ее и крикнул:

– Эй, братья! Подставляйте руки!

А черт схватил его за руку:

– Подожди, не бросай, а то еще ущерб им устроишь.

После этого старый черт посоветовал:

– Беги снова за цыганом и померяйтесь силами в беге.

Догнал черт цыгана, передал ему, что сказал старый черт, а цыган говорит:

– Я с тобой бегать не буду, но есть у меня маленький сыночек, Яца. Ему сейчас только три дня исполнилось, вот если ты его догонишь, после этого и со мной померяешься.

Увидел цыган в борозде зайца:

– Видишь его, – говорит, – это мой маленький Яца. Да! Яца, беги!

Заяц и поскакал по полю туда-сюда, и след его простыл.

– Ай, – говорит черт, – ведь он неправильно бежит.

– И что? В моей семье еще никто правильно не бегал: куда глаза глядят, туда и бежит.

Потом старый черт посоветовал, чтобы они померялись силами в борьбе.

– Э, – говорит цыган, – что я буду с тобой силами меряться, вот есть у меня отец, он такой старый, что мы уже семь лет еду ему в нору носим, вот если ты его осилишь, тогда уж и я с тобой силами померяюсь.

Цыган знал о медведе и повел черта к его норе.

– Иди туда, – говорит, – разбуди его и схватись с ним.

Залез туда черт и сказал:

– Вставай, усач! Будем с тобой бороться!

Медведь набросился на него, подмял под себя, исцарапал хорошенько, а потом выбросил его из норы.

Наконец, старый черт посоветовал проверить, кто громче свистнет, чтобы хотя бы за три мили было слышно. Черт свистнул так, что зазвенело и зашумело. А цыган сказал:

– Это что! Вот когда я свистну, тогда ты ослепнешь и оглохнешь. Завяжи себе глаза и уши.

Черт завязал. Тут взял цыган дубину и угодил ею черту сначала по одному, а потом по другому уху.

– Ой, подожди, ой не свисти, ты убьешь меня! Чтоб тебя с твоими деньгами несчастье задавило! Иди себе прочь!

Тем все и закончилось.

Полешко

Жили-были муж с женой; избушка их стояла в конце деревни у леса. Были они бедные: муж батрачил, а жена пряла на продажу, и все время они говорили:

– Вот если бы было у нас дитяtko!

– Радуйтесь, что вам его Господь Бог не дал, – говорили иные люди, – ведь у вас у самих есть нечего.

А они на это отвечали:

– Нам хватает, хватит и нашему дитяtko... Лишь бы оно только у нас было!

Однажды поутру корчевал муж в лесу пни и выкопал пенек, который выглядел точно как маленький ребенок: головка, тельце, ручки, ножки... нужно было только немножко темечко топором обтесать, чтобы было оно круглое и гладкое, и корешочки на ручках и ножках подрезать, чтобы выглядели они как пальчики, и получился настоящий младенец.

Принес муж этот корень домой и говорит жене:

– Вот тебе то, что ты хотела – сыночек Полешко. Если хочешь, можешь его нянчить.

Завернула жена дитяtko в перинку, стала качать его на руках и запела ему:

– Баю-бай, баю-бай, Полешко, засыпай! Как проснется мой сынок, сварю кашки я горшок. Баю-бай, баю-бай, мой сыночек, засыпай!

Вдруг дитя в перинке начало двигаться, завертелo головой и стало кричать:

– Мама, я есть хочу!

Женщина от радости не знала, куда бежать. Положила ребенка на кровать и кинулась варить кашу. Когда сварила, Полешко все съел и снова закричал:

– Мама, я есть хочу!

– Подожди, дитяtko, подожди!

Побежала она к соседке и принесла полную кринку молока.

Полешко пил захлеб. Когда выпил, снова закричал, что хочет есть.

Жена очень этому удивилась:

– Как это, дитя, тебе еще не хватило еды?

Пошла она и одолжила в деревне буханку хлеба, положила ее дома на стол и вышла из комнаты, чтобы поставить суп на огонь. Едва она вышла, Полешко, видя на столе хлеб, вымотался из перинки, прыгнул на лавку, в один миг проглотил буханку и закричал:

– Мама, я есть хочу!

Мама пришла, хотела крошить хлеба в суп, смотрит – хлеб исчез. В углу стоял Полешко, как маленький бочонок, и смотрел на нее во все глаза.

– Господь с тобой, Полешко, неужели ты всю эту буханку съел?

– Съел, мама, и тебя съем!

Открыл он рот, и прежде чем мать опомнилась, оказалась внутри Полешка.

Через минуту пришел домой отец, как только вошел он в дверь, закричал ему Полешко:

– Папа, я есть хочу!

Испугался отец, увидев перед собой тело размером с печь, оно открывало рот и вращало глазами. А когда узнал он Полешка, сказал:

– Забодай тебя бес! Где мама?

– Я ее съел и тебя сейчас съем!

Раскрыл он рот, и в один момент отец оказался внутри. Но чем больше съедал Полешко, тем больше хотел он есть. В избе уже ничего не было, что годилось для еды, и пошел он по деревне, поискать себе пропитание.

Повстречал он девушку, везла она с поля полную тачку клевера.

– Сколько же ты всего съел, что у тебя такое огромное брюхо! – сказала девушка с удивлением.

Полешко ответил:

– Я ел – я съел: каши кастрюлю, крынку молока, хлеба буханку, маму, папу и тебя сейчас съем!

Подскочил, и девушка с тачкой исчезла в его брюхе.

Потом повстречал он крестьянина, тот вез сено с луга. Полешко встал ему поперек дороги, и кони остановились.

– Ты что, отойти не можешь, чудовище? Я сейчас на тебя наеду! – закричал крестьянин и поднял кнут.

Но Полешко этого даже не заметил и начал говорить:

– Я ел – я съел: каши кастрюлю, крынку молока, хлеба буханку, маму, папу, девушку с клевером и тебя еще тоже съем!

И прежде чем крестьянин опустил кнут, очутился он с конями и с возом в его брюхе.

Потом пошел Полешко дальше. На поле пастух пас свиней. Полешко захотел и его съесть. И пролотил всех свиней с пастухом, так что от них и следа не осталось.

На пригорке увидел он овчара со стадом овец.

– Раз я уже столько съел, съем-ка я и это!

Пошел и все в себя забросил: овец, овчара и его собаку. Потом снова заковылял дальше, пока не пришел к полю, на котором какая-то бабушка окапывала капусту. Полешко, недолго думая, пошел и начал зеленые кочаны срывать и заплывать.

– Что это ты мне, Полешко, урон наносишь? – сказала бабушка. – Ведь ты уже много всего съел, мог бы уже и наесться!

Полешко оскалился на нее и говорит:

– Я ел – я съел: каши кастрюлю, крынку молока, хлеба буханку, маму, папу, девушку с клевером, крестьянина с сеном, пастуха с поросятами, овчара с ягнятами – и тебя съем!

И захотел он ее проглотить. Но бабушка была шустрая, угодила Полешку мотыгой в брюхо и распорола его.

Полешко свалился наземь... Он был мертв.

И тогда – вы бы только видели! Из его брюха сначала выбежала собака, за ней овчар, за овчаром выскочили овцы. Собака собрала их вместе, овчар свистнул и погнал их домой. Потом из брюха выскочило стадо свиней, за ними пастух, щелкнул бичом и поспешил за овчаром.

Потом вышли кони, они тянули полный воз сена, крестьянин натянул вожжи и поехал за пастухом к деревне. За возом выехала девушка на тачке с клевером, а за девушкой выскочили из брюха муж с женой, которая несла под мышкой взятую в долг буханку хлеба.

И больше муж с женой никогда не просили о дитятке.

Близнецы

Жили однажды король с королевой, не было у них детей, и они из-за этого очень тужили. Однажды, когда они вместе смотрели в окно, пришла к ним одна старая женщина с семью детьми, один меньше другого, а самого маленького она держала на руках. Просила она, чтобы ей что-то подали на пропитание, потому что ей нечем детей кормить. Вдруг королева принялась плакать, и плакала так, что сердце разрывалось, и когда женщина ее спросила, о чем она плачет, королева сказала:

– Как же мне не плакать, когда я тебя вижу с семьей детьми, и тебе их кормить нечем, а у меня еда есть, но ни одного ребеночка у меня нет!

Женщина ей и говорит:

– Не плачьте, госпожа королева! Вы себе сами легко можете помочь. У господина короля есть пруд, а в нем достаточно рыбы. Пусть поймает одну, а вы ее сварите и ешьте, и что не съедите, отдайте кобыле, и что кобыла не съест, отдайте собаке, а что собака не съест, закопайте в саду.

Исполнила все королева, и когда пришло время, родились у нее два прекрасных сыночка, у кобылы родились два беленьких жеребенка, у собаки – два коричневых щеночка, а в саду выросли два прутика, как два диких цветка шпажника.

Королевские сыночки росли, но не так, как иные люди растут – потихоньку. Когда им исполнился год, были они, как семилетние мальчики; когда им исполнилось два года, были как четырнадцатилетние парни; когда им исполнилось три года, были уже взрослые, как парни двадцати одного года; и были они так друг на друга похожи, что и король-отец одного от другого не мог отличить.

Когда сыновья сильно подросли, пошли они к отцу и сказали:

– Отец, мы пойдем по свету.

– Идите, – сказал король, – нужно что-то испытать и чему-то научиться.

Собрались в дорогу: каждый взял себе по родившемуся в одно и то же время белому коню, по коричневому псу, сделали по мечу и

отправились в путь. Долго они ехали, пока не приехали к густому лесу. В том лесу стоял огромный дуб, а перед дубом дорога расходилась в разные стороны: одна шла направо, другая налево. Когда братья подъехали к дубу, не могли решить, какую дорогу выбрать.

Тогда старший говорит:

– Знаешь что, брат, давай разойдемся, ничего хорошего нет в том, что мы вместе едем, ты ездай одной дорогой, а я поеду другой. А в ствол этого дуба воткнем свои ножи, чтобы остался у нас знак, когда вернемся сюда через год и один день. Если один из нас вернется первым и увидит, что нож второго чист и без ржавчины, то поймет, что второй здоров, и подождет его у дуба. Если же нож будет ржавым со всех сторон, это будет означать, что тот мертв, поэтому ждать не будет и поедет домой один.

Попрощались они, и поехал старший направо, а младший налево.

А мы пока посмотрим, что было со старшим.

Ехал он долго-долго лесом, пока наконец не выехал из него и не оказался у большого города. Этот город был целиком, внутри и снаружи, затянут черным сукном в знак траура. Вблизи городских ворот был трактир. Вошел туда старший и спросил трактирщика, что значит этот траур. Трактирщик сказал:

– Ох, милый господин, вы, должно быть, издалека, что не знаете, какое у нас тут несчастье!

– И какое же?

– Видите там в лесу небольшую скалу, а под ней часовенку? В той скале уже много лет сидит огромный дракон, и каждый год мы должны ему в часовенку привести на съедение девушку, на которую падет жребий, а если бы мы этого не делали, он бы нас всех раздавил и весь город бы уничтожил. В этом году жребий пал на единственную дочь нашего короля. Король разослал послов по всем четырем сторонам света и объявил: кто убьет дракона и освободит дочь, тому он отдаст дочь в жены и к тому же полкоролевства, потому что уж очень король любит свою дочь – девушка невероятно красива и добра. Но пока еще никто не объявился, а завтра ее уже должны отправить на погибель.

– Тогда объявлюсь я, – сказал королевич, быстро пошел к королю и сказал, что хочет дракона убить и освободить его дочь. Король был очень обрадован и пообещал, что отдаст ему дочь в жены, а к тому – полцарства.

На следующий день утром девушку привели в часовенку, вскочил королевич на белого коня, взял коричневого пса, привязал к поясу меч, поехал к скале и остановился перед пещерой, из которой выходил дракон. Вдруг начал его пес лаять, белый конь встал на дыбы, а меч королевича стал хлестать, как живая змея, а из пещеры раздался громовой голос:

– Здесь ли моя еда?

– Здесь, – сказал королевич, – и будет у тебя ее предостаточно!

Дракон высунул голову из пещеры и, когда увидел королевича, готового к бою, зарычал, заревел так, что скала задрожала, деревья стали гнуться, из глаз дракона сыпались искры, из носа столбами валил дым, а из пасти полыхало пламя. Но королевич не мешкал и накинулся на дракона с мечом, пес рвал его зубами, белый конь кусал его и бил копытами. Долго длилась та битва, но наконец закончилась к счастью королевича и к несчастью дракона. Дракон лежал убитый, а был он длиной тридцать три шага, и кровь из него лилась рекой.

Король не знал, что делать от радости, когда королевич привел дочь здоровой и веселой. Король быстро повелел, чтобы отовсюду сняли черное сукно, и город был затянут красным сукном в знак радости. Вскоре после этого король выполнил свое обещание. Он отдал королевичу в жены свою дочь, принял его как равного себе короля. Жили все потом весело и счастливо, но длилось это недолго.

Однажды вечером посмотрел молодой король в окно и увидел на полуночной стороне глубоко в лесу яркий свет. На следующий вечер он снова увидел этот свет, на третий – снова. И очень он этому удивился и сказал своей жене:

– Странное дело, золотая моя жена, мы уже вместе без малого год, а ты до сих пор мне не сказала, что означает этот свет в глубине леса, который я вижу каждый вечер.

Молодая королевна очень испугалась и попросила его:

– Не смотри туда и даже не думай об этом свете, иначе случится несчастье!

Но это королевичу не давало покоя, и решил он пойти в лес ночью и посмотреть, что происходит.

Когда стемнело, подпоясавшись молодой мечом, оседлал белого коня, взял с собой пса и поехал в лес к тому месту, где светил огонь. Но чем сильнее углублялся он в лес, чем больше приближался он к тому месту, тем становился огонь слабее и слабее, так что оказался королевич в полной темноте в незнакомом лесу и дальше двигаться не мог. Слез он с коня, а поскольку было холодно, развел огонь и стал греться.

Неожиданно выскочила откуда-то старая бабка:

– Охо-хо, добрый молодец, холодно, холодно, – говорила она, дрожа от холода.

– Иди сюда, бабушка, согрейся.

– Охо-хо, рада была бы, да боюсь коня твоего и пса.

– Ничего не бойся, садись поближе к огню.

– Но, добрый молодец, позволь мне коня и пса вот этим прутиком стегнуть и от огня отогнать.

Вытащила она прутик, стегнула белого коня и пса, и тут же они окаменели. И не успел молодой король опомниться, подскочила она к нему, стегнула прутиком, и он тоже окаменел.

А теперь пришло время посмотреть, что делал младший брат-королевич.

Он объездил много чужих стран и повидал много дивных вещей, и когда прошел год и день, собрался он домой и приехал к тому самому огромному дубу, где они с братом разлучились. Когда он не нашел там брата, вытянул из дуба его нож и очень испугался. Нож был с одной стороны весь покрыт ржавчиной, но с другой стороны блестел, как стекло.

– Брат не жив и не мертв, – сказал он себе, – но с ним ничего хорошего не происходит! Пойду его искать.

Повернул он коня и поехал за братом по дороге, что вела вправо. Ехал он долго-долго, наконец, выехал из леса, попал в большой город и зашел именно в тот трактир у ворот, как и год назад его брат.

Трактирщик, как увидел королевича, сразу с большим почтением его приветствовал и сказал:

– Ах, Ваша Королевская Милость, какое нам беспокойство изволили учинить! Три дня вас ищем повсюду, и Ее Милость, вашу прекрасную госпожу королеву, невозможно утешить.

Трактирщик подумал, что это молодой король, потому что братья были так друг на друга похожи, что никто одного от другого не мог отличить. Из этих речей младший королевич узнал, что брат жил здесь и кем он стал, но себя выдавать не хотел. И когда разнеслась весть о возвращении молодого короля, пришли за ним дворяне и повели его в замок. Молодая королева с огромной радостью выбежала ему навстречу, целовала его и упрекала:

– Три ночи я из-за тебя глаз не сомкнула и сколько страху я из-за тебя натерпелась, что ты так долго не возвращался. Что же с тобой случилось?

Но он молчал. Когда же она спросила, где он так долго был, проговорил:

– Я был на охоте, зашел глубоко в лес и заблудился.

Этим ответом королева осталась довольна.

Но когда настала ночь и все пошли отдыхать, положил королевич в ложе между собой и невесткой свой меч. Королева этому очень удивилась и спросила, что это значит, ведь он никогда раньше так не делал. Но королевич сказал:

– Я дал обет, что эти три дня и три ночи не дотронусь до тебя. Не допытывайся, прекрасная госпожа, почему, Бог даст, скоро все узнаешь.

Уже в первый вечер заметил королевич, когда выглянул в окно, что на полуночной стороне леса было очень светло. В другой вечер он снова увидел свет и в третий тоже. И спросил он королеву:

– Скажи мне, прекрасная госпожа, что означает этот свет, который я вижу каждый вечер в лесу?

Она очень этому удивилась и сказала:

– Ведь я тебя уже просила, чтобы ты об этом не спрашивал и даже не думал об этом, потому что это приведет к твоему и моему несчастью!

Ничего не сказал королевич, но сразу подумал, что в лесу, где этот свет, и должен он искать своего брата.

На следующий день, когда стемнело, опоясался он мечом, оседлал белого коня, взял с собой пса и пошел в лес к тому месту, где был свет. Но чем больше углублялся он в лес и чем ближе оказывался к тому месту, тем больше терялся свет, и потом уже из-за полной тьмы не мог он идти дальше. Слез королевич с коня, а поскольку было холодно, развел костер и стал греться. И когда огонь разгорелся, оглянулся королевич и увидел рядом с собой окаменевшего коня, окаменевшего пса и узнал окаменевшего брата. Тут откуда ни возьмись появилась старая бабка:

– Охо-хо, добрый молодец, холодно, холодно, – тряслась она от холода.

– Иди сюда, бабушка, согрейся.

– Охо-хо, рада бы, но боюсь я твоего коня и пса боюсь.

– Не бойся, бабушка, ничего и садись поближе к огню.

– Но, золотой молодец, позволь мне коня и пса немножко этим прутиком стегнуть, чтобы от огня отогнать.

Вытянула она прутик, стегнула белого коня, и тот окаменел. Но пес отскочил от нее, лаял и прыгал рядом с бабкой. Бабка старалась стегнуть его прутиком, но у нее ничего не вышло.

Королевич с самого начала очень внимательно наблюдал за старухой и, когда увидел, что она делает и как превратила коня в камень, подскочил к ней сзади, пока она гонялась за псом, и внезапно вырвал прутик у нее из руки.

– Ты попалась, злаязыкая бабка, и беда тебе, если не сделаешь так, как я велю; отдам тебя разорвать на куски моему псу.

– Охо-хо, золотой молодец, охо-хо, все для тебя сделаю, только отдай мне прутик.

– Верни жизнь этим трем камням и моему коню и попробуй только не сделать этого!

– Сделаю, молодец, сделаю. Вот тебе скляночка с живой водой, покропи те камни, и они снова станут живыми.

– Сама это сделала, сама и исправляй!

Пришлось бабке послушаться. Она покропила четыре камня: молодого короля, пса и двух белых коней, и они немедленно ожили, как будто бы пробудились от сна.

– А вот тебе и плата за работу! – сказал королевич и снес бабке голову одним ударом.

И тут вдруг будто гром ударил, так что земля затряслась, а вместо бабки встала перед королевичем такая прекрасная-распрекрасная девица, что он и взглянуть на нее боялся. Поблагодарила она его за то, что освободил он ее от долгого и злого заклятия.

– Я королева этой земли, – сказала эта девица, – а вот мои подданные.

И когда королевич оглянулся, увидел вместо леса большой прекрасный город. Со всех сторон тянулись к нему люди: старые, молодые, благородные и простые, и все его благодарили за освобождение и называли своим королем.

После этого братья с великой радостью возвратились в замок, и молодая королева не могла поверить своим глазам, когда увидела вместо одного мужа двух, и младший королевич рассказал ей обо всем, что произошло и почему лежал по ночам между ними меч.

Вскоре после этого состоялась громкая свадьба младшего королевича с той королевой, которую он освободил от заклятия в лесу, и длилась свадьба целых три недели. Столько было удовольствий и увеселений, столько питья и еды! А тот, кто это рассказал, на свадьбе побывал, булки ел и вино пил, только жаль – ничего от тех лакомств не осталось.

Школа богатства

Жаловался бедный батрак своей жене:

– Слушай, жена, не знаю, что это такое: все время работаю, устаю, как собака, а все равно есть нам нечего, хожу босой и драный. А наш священник ничего не делает, и все у него хорошо, хорошо ест и пьет, и ходит при этом как пан.

Жена его усмиряла:

– Молчи, дурачок, так уж заведено на свете, чтобы у кого-то было все хорошо, а у кого-то плохо.

Однако муж не успокоился, пошел к священнику и спросил его о причине плохой жизни батрака и хорошей жизни священника.

– Милый брат, – ответил священник, – меня столько раз секли в свое время, и именно поэтому теперь все у меня хорошо.

Пошел муж домой, по дороге нарезал много прутьев вербы и велел жене изо всех сил сечь его аж до крови, напоминая ей неустанно:

– Только посильнее, только посильнее!

Когда, наконец, батрак решил, что денег у него будет достаточно, встал и принялся ждать, не свалятся ли на него откуда-то деньги. Сидел он первый день, второй день, но дожидаться ничего не смог. Пошел он снова к священнику и пожаловался, что высекли его, да еще как, а дела идут еще хуже, чем раньше.

– Ах, ты глупец, я же не это имел в виду, тебе нужно в школу ходить и учиться, как это делал я.

Ушел батрак, купил себе букварь и отправился в школу. По дороге нашел мешочек с дукатами, поднял его и повернул назад, радуясь, что школа ему так быстро помогла.

А случилось так, что пан, потерявший деньги, велел повсюду объявить, чтобы тот, кто найдет такой-то мешочек с деньгами, вернул его в канцелярию. Также в канцелярию донесли, что батрак, который раньше жил в нищете, теперь хорошо одет. Вызвали его в канцелярию и спросили, не находил ли он деньги.

– И нашел, когда в школу шел.

А поскольку батраку было уже пятьдесят лет, его отпустили со словами:

– Ну, это было очень давно, об этом мы не спрашиваем.

Так деньги остались у батрака.

Король Хорек

Были когда-то в Чехии времена, давным-давно, когда каждая куриная община была сама себе хозяйкой. У каждой был свой двор и своя свалка, где куры могли свободно рыться, а за старшего был петух, который общиной руководил. Что курица нароет – было ее, а если петух находил какое-то зернышко, звал всех к себе и потом отдавал его курице, которая ему больше всех нравилась, или склевывал это зернышко сам. Если же какая-нибудь курица сердилась на это, петух

ее клевал, и та успокаивалась. Как только на одном дворе начинал петух кукарекать, после него кукарекали и остальные петухи по всей деревне. Так продолжалось многие века в наилучшем порядке и дисциплине.

Случилось, к несчастью, однажды, что лягушки-квакушки стали ругать свое старое руководство. Квакали-квакали и доквакались до того, что выбрали себе королем длинноногого журавля. Увидели это петухи и куры, не захотели отставать от лягушек и постановили, что хорошо было бы и им выбрать своего короля.

Созвали они общинное собрание и начали обсуждать, что и как, и все были единомышленниками. Но когда пришло время выбирать короля, начались между ними ссоры и драки, потому что никто не хотел терпеть господство другого, каждому хотелось самому властвовать. И петухи набрасывались друг на друга, и щипались, аж перья из них летели и гребешки кровоточили.

Один старый важный петух посоветовал, что будет лучше всего для сохранения мира и порядка пригласить какого-нибудь сильного короля из-за границы. И тут же назвал им господина хорька: это был зубастый, сильный господин, которого каждый будет бояться, и он наверняка устроит им покой и хорошее управление.

Этот совет понравился всем, отправились они к господину хорьку, чтобы заключить с ним договор.

Господин хорек выслушал их просьбу, был к ним очень внимателен и приветлив. Пообещал, что сохранит все их права и стародавние свободы, что будет защищать их от коршуна, который уносит цыплят, от куницы, которая выпивает куриные яйца, и от злодеев-воробьев, которые перед самым носом крадут зерна. Пообещал также, что самых больших петухов сделает он членами своего королевского совета, придворными и другими офицерами.

Всем очень понравились его обещания – и курам, и петухам, – и с великой славой посадили они господина хорька на королевский трон и были рады такому сильному и добродетельному королю.

Прошло немного времени, и захотелось господину королю хорьку куриной крови. И задумал он обвинить своего подданного в чем-нибудь, чтобы потом его под этим предлогом можно было укусить и высосать из него кровь. Пока он не хотел явно показывать свою хорьковую повадку, чтобы петухи и куры не всполошились.

Король хорек любезно позвал к себе красивого тучного петуха и спросил, не чувствует ли тот что-то странное.

Петух был честным и почтительным душой и прямо сказал:

– Соблаговолите простить меня, Ваша Королевская Милость, чувствую невероятный смрад.

Был это смрад, который исходит от всех господ хорьков, даже тех, кто восседает на королевском троне.

– Эй, дерзкая, позорная падаль, – насупился на него хорек, – так-то ты осмеливаешься говорить со своим королем и господином?

И – хрум! – одним махом откусил петуху голову и высосал у него кровь.

Потом позвал он к себе другого петуха и спросил так же: не чувствует ли тот что-то странное. Петух, видя безглавое тело товарища и уста Его Милости хорьковой, вымазанные кровью, понял, что творится что-то нехорошее. И начал он от страха дрожать всем телом и не мог вымолвить ни слова.

– Ты что дрожишь? – насупился на него король. – Полагаю, совесть твоя нечиста. Говори, что ты чувствуешь.

Петух собрал все свои силы, поклонился глубоко и сказал тонким сладеньким голоском:

– Королевская Милость, чувствую приятнейший аромат.

– Ах ты, ничтожный предатель! – воскликнул король гневно. – Хочешь лестью прикрыть свое падение?

И – хрум! – откусил ему голову и высосал кровь.

Хорек уже был вполне сыт на этот раз, но игра с петухами развлекала его. Поэтому позвал он еще одного петуха и спросил, что тот чувствует.

Тот был хитрецом, он увидел два обезглавленных тела и, кроме того, увидел на королевских усах что-то похожее на кровь, но сделал вид, что ничего не замечает.

Он учтиво поклонился несколько раз и ответил господину королю со всей осторожностью:

– Извольте простить меня, Ваша Королевская Милость, у меня ужасный насморк из-за нынешней промозглой погоды, а поэтому, к сожалению, ничего не чувствую!

Господин король видел, что петух на уловку не попался, другой хитрости у него подготовлено не было, поэтому приятно ему

улыбнулся и милостиво отпустил.

Верхнелужицкие сказки

Еник и Ганичка

Жили-были отец и мать, и было у них очень много детей. Отец пошел в город, купил связку гороха и дал каждому ребенку по гороховому зернышку, а Енику и Ганичке не досталось. Очень они из-за этого плакали. Отец же сказал:

– Перестаньте плакать, я пойду в лес за дровами, а вы пойдете по ягоды.

Отец взял с собой дощечку и валик и повесил их на дерево. И сказал он Енику и Ганичке:

– Ну, идите уж, собирайте! Можете собирать ягоды до тех пор, пока я буду дрова рубить.

Ветер стучал валиком по дощечке, а они думали, что отец рубит деревья, и собирали ягоды дальше. Наелись досыта, набрали полные жбаны и пошли искать отца. Пришли туда, где висели дощечка с валиком, но отца там не было. Тут они расплакались, бегали кругом по лесу, звали, но никого не нашли. Вдруг случайно увидели они пряничную избушку и принялись стучаться:

– Тук-тук в избушку старой Веры!

На стук прибежала старая Вера:

– Кто это тут?

Они быстро спрятались, чтобы она их не нашла. Но потом снова стучали:

– Тук-тук в избушку старой Веры!

И снова прибежала старая Вера:

– Кто это тут?

И они быстро спрятались, чтобы она их не нашла.

Потом все равно бежали стучаться в избушку:

– Тук-тук в избушку старой Веры!

Тут она быстро выскочила и поймала их. Привела их в избушку и говорит:

– Сейчас я буду вас откармливать.

Заперла Вера детей в хлеву и кормила только булочками с молоком. Потом пошла она посмотреть, достаточно ли они откормлены.

– Еничек, высунь-ка свой пальчик, хорошо ли ты откормлен?

Но он высунул свою дудочку, которую из дому с собой принес. Вера ткнула в нее ножом.

– Ох, ты еще недостаточно упитанный, все еще костлявый! Ганичка, высунь ты свой пальчик, хорошо ли ты откормлена?

Ганичка высунула пальчик в наперстке. Вера ткнула ножом прямо в наперсток.

– Ох, ты еще недостаточно упитанная.

Дети так самозабвенно играли в хлеву, что Еник потерял свою дудочку, а Ганичка свой наперсток. Снова пришла старая Вера проверить, достаточно ли они откормлены.

– Еничек, высунь-ка свой пальчик, проверю, достаточно ли ты откормлен.

Высунул он свой палец, и старая Вера ткнула в него ножом так, что кровь полилась.

– Ганичка, высунь-ка свой пальчик, я посмотрю, достаточно ли ты откормлена.

Высунула она пальчик, старая Вера ткнула в него ножом, тоже полилась кровь.

– Да-да, вы оба хорошо откормлены, теперь я вас за жарю.

Растопила она хорошенько печь, взяла Еника и Ганичку и велела:

– Теперь садитесь-ка на эту лопату.

Садилась она на лопату то так, то сяк, и Вера все время говорила, как дети должны сесть, но они все время падали с лопаты.

– Мы не знаем, как должны сесть, покажи нам!

Тут уселась старая Вера на лопату, и дети ее – фук! – засунули в горящую печь. Старая Вера совершенно испеклась в раскаленной печи, а дети выбежали из избушки к пруду, на котором блестел лед, и стали весело кружиться на льду. Вдруг появилась Верина сестра и хотела детей поймать. Она быстро выбежала из избушки, но поскользнулась на льду, упала и разбилась насмерть. Енику и Ганичке досталась пряничная избушка, владеют они ею до сих пор, если только не продали.

Все-таки право останется правом

Жил-был лесник, и был у него сын, тоже лесник. Послал лесник сына в чужие края, чтобы на свет посмотрел и еще чему-нибудь научился.

Пришел тот в корчму, где повстречал чужеземца, с которым разговорился. Они рассказали друг другу всякие новости и начали говорить о праве. Чужеземец сказал, что за деньги величайшее бесправие можно сделать правом. Молодой лесник утверждал, что право всегда останется правом, и сказал, что хочет с чужеземцем поспорить об этом на триста талеров. Выигравший спор получит деньги, а проигравший лишится жизни. Чужеземец был условиями доволен, и они порешили, что попросят рассудить спор трех знатоков права.

Пошли они к первому присяжному поверенному, и тот сказал, что за деньги можно бесправие сделать правом. Потом пошли они к другому. Тот тоже сказал, что за деньги можно бесправие сделать правом. Напоследок пошли к третьему. И он тоже сказал, что можно за деньги бесправие сделать правом. Вернулись они домой, а поскольку целый день проходили, пришли поздно вечером в трактир. Чужеземец спросил лесника, неужели тот еще не верит, что можно величайшее бесправие за деньги сделать правом, а лесник ответил, что после разговора с присяжными должен этому поверить, но все-таки это не кажется ему правильным.

Чужеземец хотел уже мирно распрощаться, не лишая жизни лесника, если получит свои триста талеров, но вдруг подошел к ним один человек, который стал уговаривать чужеземца, чтобы тот настоял на договоренности. Но чужеземец не стал лишать жизни лесника. Он лишь выколол тому глаза раскаленным железом, приговаривая, что только тогда поверит, что право останется правом, если лесник снова станет зрячим.

Попросил лесник трактирщика вывести его на правильную дорогу до города. Но тот привел его на дорогу к виселице и ушел восвояси. Когда прошел лесник немного вперед, дорога закончилась, и слышно было, как часы бьют одиннадцать. Не мог он идти дальше и остался лежать, надеясь, что кто-нибудь утром пройдет мимо. Вскоре услышал он шорох, словно кто-то шел мимо, потом еще, а вскоре и третий раз

услышал шорох. Это были три духа, оставившие ночью тела, чтобы творить всякие шалости. Стали они говорить между собой, и один сказал:

– Сегодня исполняется год и один день с тех пор, как мы собирались здесь и говорили о том, что сотворили за год. Вот опять год прошел, настало время узнать, кто из нас в прошедшем году совершил самый лучший поступок.

Первый отозвался:

– Я лишил жителей города Рамули воды, но им можно помочь, если кто-нибудь найдет, чем засыпан источник.

– И чем же? – спросил второй.

– Посадил я на источник огромную жабу. Уберут оттуда жабу, потечет вода, как раньше.

Другой сказал:

– А я сделал так, что принцесса Сарагавская потеряла всю свою красу и остались от нее кожа да кости; но ей можно помочь, если найдут серебряный гвоздик, забитый в балку над ее постелью.

Третий сказал:

– А я сделал так, что одному человеку раскаленным железом глаза выжгли; но ему можно будет помочь, если смочит он глаза водой из родника недалеко от этой виселицы.

Пробило в городе двенадцать часов, и все трое тут же исчезли. Лесник же запомнил все, что услышал, и стал надеяться, что сможет вернуть себе зрение.

Утром следующего дня услышал он поблизости шаги прохожего и попросил, чтобы тот прислал людей из города, которые бы показали этот прекрасный родник. Пришли разные люди, но никто не мог указать, где находится родник, только одна старая женщина сумела. Довели лесника до родника, и как только промыл он свои глаза, зрение и вправду к нему вернулось.

Спросил лесник, где находится город Рамули, и пошел туда. Как только он оказался в городе, объявил, что хочет вернуть им воду. А поскольку до него желающих вернуть воду много было и город платил им большие деньги, но никто ничего не сделал, горожане уже ничего не хотели снова предпринимать. Но лесник сказал, что сделает все задаром, только чтобы ему дали несколько батраков в помощь. Так и сделали. Когда докопались до русла, по которому прежде текла вода, а

потом и до заброшенного источника, отослал лесник всех работников прочь, немножко сам разгреб землю и – глянть-ка! – на источнике сидела жаба, размером со сковороду. Отодвинул лесник ее, и тут же потекла вода, вскоре все колодцы были полны воды.

В его честь приготовил город большой пир и заплатили ему много денег.

После этого пошел лесник дальше, туда, где жила принцесса Сарагавская. Там узнал он о болезни принцессы, как и слышал от духа, и что ни один врач ей помочь не может, так что король пообещал тому, кто ее вылечит, отдать ее в жены. Оделся лесник в прекрасную одежду, пошел в крепость к королю, сказал, что пришел из далеких краев и хочет принцессе помочь. Король ответил, что уже потерял всякую надежду, но что согласен еще раз попытаться. Лесник сказал, что должен сходить за лекарством. Лесник пошел, накупил всяких лакомств и вернулся к принцессе. Дал ей первую порцию и посмотрел, в какую именно балку забит серебряный гвоздик. Утром следующего дня пришел снова к принцессе, дал ей опять немножко лекарства и при этом попытался вытащить гвоздик. Тот стал слегка двигаться. После обеда принцесса почувствовала, что ей уже легче. На третий день он пришел снова и после того, как принцесса приняла лекарство, подошел к балке, вытянул гвоздик целиком и незаметно сунул его в карман. В полдень принцесса была уже здорова настолько, что захотела пообедать, и король позвал лесника на большой обед. Назначили они день свадьбы, но лесник попросил, чтобы прежде мог он съездить домой.

Когда лесник приехал домой, то пришел снова в тот трактир, где потерял зрение, а тот чужеземец тоже там оказался. Начали они снова делиться всякими новостями, и лесник вспомнил, как лежал под виселицей, как нашел воду и как вернул зрение, и сказал, что теперь чужеземец должен поверить, что право все же остается правом на свете. Чужеземец очень удивился и сказал, что хочет верить.

После этого вернулся лесник к принцессе, и праздновали они свадьбу целую неделю. Чужеземец тем временем тоже решил пойти к виселице в надежде, что узнает что-то такое, что поможет ему тоже найти какую-нибудь принцессу и взять ее в жены. И когда минул год, чужеземец отправился туда. Услышал он, как пробило одиннадцать, а

потом послышался шорох, потом другой, а вскоре и третий. Начали духи разговаривать, и первый сказал:

– Не иначе как нас кто-то в прошлом году подслушал, потому что все, что мы сделали, у нас не получилось. Давайте-ка прежде, чем говорить о своих делах, поищем тут хорошенько.

Стали они искать и нашли чужеземца. Разорвали его на три части и повесили эти части на три угла виселицы.

Когда старый король умер, выбрали лесника королем, и, если жив он еще, правит аж до сегодняшнего дня и заботится о том, чтобы в его королевстве право всегда оставалось правом.

Дева Мария – крестная

Грустно шел один человек по свету. И встретил он чужестранца, а тот ему и говорит:

– Приятель, что ты такой грустный?

– Как же мне не быть грустным, – ответил тот, – хочу крестины отпраздновать, но никого не могу упросить, потому что я всех знакомых уже часто приглашал.

– Тогда пригласи меня! – сказал тот.

– Так приходи завтра, мой новый друг!

Дальше человек встретил другого чужестранца, который тоже к нему обратился:

– Приятель, что ты такой грустный?

– Как же мне не быть грустным, – ответил он, – хочу крестины отпраздновать, но никого из знакомых не могу упросить, потому что уже часто всех приглашал.

– Тогда попроси меня! – сказал чужестранец.

– Так приходи завтра, мой новый друг!

Прошел человек еще немного, встретил чужестранку, которая тоже к нему обратилась:

– Приятель, что ты такой грустный?

– Как же не быть мне грустным, – ответил он, – хочу крестины отпраздновать и не могу знакомых упросить, потому что слишком часто их приглашал.

– Пригласи меня, – сказала иностранка.

– Так приходи завтра, моя новая подруга!

Вот на следующий день пришли к нему дьявол, святой Петр и Дева Мария. Перед самым крещением они начали спорить о том, кто же из них станет крестным, но поскольку младенец был девочкой, то достался он Деве Марии. После крестин Дева Мария, сказала, что через три года придет за своей крестницей.

Три лета минули, и когда приблизился установленный день, одела мать всех детей в лучшие наряды, посадила их на лавку у печи, а самую меньшую, из-за ее красоты, усадила отдельно, в кадучку для теста.

Пришла Дева Мария в избу и увидела детей, сидящих на лавке у печи. Стала спрашивать она у первого ребенка:

– Ты моя крестница?

И так спрашивала всех по очереди, но ни один ребенок не сказал «да», только напоследок кто-то из дальнего уголка отозвался:

– Я здесь, крестная!

Огляделась Дева Мария и нашла свою крестницу в кадучке. Взяла она девчущку с собой и отправилась в замок.

– Вот здесь, крестница, – сказала Дева Мария, – наше жилище. В замке десять комнат. Девять будешь убирать и подметать, но в десятую заходить запрещено. Нельзя даже через замочную скважину туда заглядывать, не то что пробовать отпереть.

Долго вела себя крестница так, как приказала Дева Мария, но когда однажды Девы Марии не было дома, попыталась она все же попасть в запретную комнату. Пробовала она по-всякому, но ничего у нее не получилось, тогда крестница засунула палец в замочную скважину и – глядь! – когда палец оттуда вытащила, он был золотой! Она убежала и быстро замотала палец. Когда Дева Мария вернулась домой, тут же спросила, что у крестницы с пальцем.

– Рубила я капустный кочан, – ответила та, – вот и порезалась.

Услышав это, Дева Мария взяла крестницу и отвела ее в лес. Там посадила ее в кусты и сказала:

– Была ты непослушной, а теперь будь немой и в замок мой не возвращайся!

Вскоре проезжал мимо один господин, собаки его гонялись по лесу и вдруг начали лаять. Господин велел кучеру:

– Пойди-ка, глянь, что это собаки так разлаялись?

Кучер пошел и увидел очень красивую девицу. Узнали они, что она немая, и взяли ее с собой. А поскольку она была так прекрасна, господин на ней женился. Его мать долго не хотела это допустить и потому была очень зла на молодую жену.

Когда молодая жена родила первое дитя, пришла ночью Дева Мария, забрала младенца, а крестнице помазала губы кровью. Утром все это увидели, и свекровь сказала, что не иначе съела она ребенка, и посоветовала сыну сжечь за это жену. Но тот жену очень любил; не допустил убийства, а сказал, что хочет еще подождать.

Когда жена родила второе дитя, ночью пришла опять Дева Мария, забрала младенца, а ей помазала губы кровью. Утром снова это увидели, и ее свекровь сказала, что точно – не иначе она съела ребенка, и еще настойчивее советовала своему сыну сжечь жену. Но тот горячо любил жену и не хотел этого делать и сказал, что подождет еще.

И когда родила она третье дитя, пришла опять ночью Дева Мария, забрала младенца, а ей помазала губы кровью. Утром все это увидели, и свекровь сказала, наверняка – не иначе жена съела ребенка. И уговорила сына своего, велел он растопить печь и засунуть туда жену. Но потом стало очень жаль ее, пошел он к печи – глядь! – жена его сидит перед печью на золотом стуле и держит на руках младшего ребенка, а рядом стоят двое других.

И удивлялся он, и радовался всему этому, а потом и еще больше, когда услышал, что она может говорить. И она рассказала ему все, и то, как Дева Мария пришла к ней с тремя ее детками, вывела ее из пекла и сказала:

– Достаточно ты уже вытерпела за свое непослушание, слушайся своего господина и говори снова!

А когда после этого хотели сжечь свекровь, просила жена за нее так долго, что ту простили, свекровь ее после очень полюбила.

И крестница Девы Марии родила еще много детей, и все были красивые и послушные. И она сообщила родителям, братьям и сестрам новости о себе и что навестит их. Было это им очень приятно, радовались они, что все так хорошо закончилось.

Золотой клад

У зажиточного отца было три сына, которых он очень любил и правильно воспитывал. Старшие очень хорошо учились, но не было у них такого доброго сердца, как у младшего, Петра, который, по мнению людей, был глуповат, и братья над ним посмеивались. Старших во всей округе считали лучшими женихами, они смолоду умели себя вести в любом обществе. Всюду их уважали, каждый знал, что им не нужно гроши считать, ведь они – наследники отцовского золотого клада. Во всех семьях с девушками на выданье рады были видеть братьев, и каждая мать мечтала, чтобы они обратили внимание на ее дочь. Петру тоже никто камней на дорогу не бросал, но никто его и не замечал, не был он ничем примечателен. Он и сам знал, что не годится для светского общества, поэтому стал нелюдимым, чтобы отцу не пришлось его стыдиться. Уже долгие годы ждали старшие братья, что отец передаст им поместье с золотым кладом, а сам удалится на покой. Наконец в глубокой старости позвал отец сыновей к себе и сказал:

– Дети мои! Нельзя мне дальше заботиться о своем имуществе, хочу оставить все одному из вас, хотел бы, конечно, моих любимых сыновей одарить одинаково, но не могу делить золотое имущество. Даю вам три задания. Кто их исполнит лучше всего, тот и получит золото. В первом задании победит тот, кто принесет от своей девушки самый красивый платок.

Старшие весело ушли выполнять задание, им и в голову не пришло, что Петр может их обогнать, ведь он не был знаком ни с одной девушкой. Попросили они у своих невест самые красивые платки. Но ни одна не дала самый красивый, потому что думала, что ее подружка тоже не отдаст свой лучший платок. Петр, который о золоте отца прежде и не помышлял, грустно пошел за околицу, не зная, куда направиться. Впрочем, он немного утешился, когда услышал, как кто-то ласковым голосом позвал его по имени. Петр не мог отыскать, кто его позвал, посмотрел вокруг, но никого не увидел. Через мгновение он понял, что говорит с ним большая зеленая жаба. Стала она спрашивать о причине его грусти. Когда Петр все ей поведал, жаба сказала:

– Не горюй, есть у меня дочка, которая может подарить тебе самый красивый платок. Пойдем со мной.

Подвела его к какому-то лазу, залезли они внутрь и наконец оказались в прекрасной комнатке. Сказала жаба своей дочери, которая шла у окна:

– Я пообещала этому парню платок, дай ему свой самый красивый!

Та весело подвела его к шкафу, чтобы он выбрал красивейший. Но мать посоветовала дочке самой выбрать, потому что мужчины ничего в этом не понимают. Когда получил Петр самый красивый платок, поблагодарил жаб и весело отправился домой, где отец и братья уже ждали его. Но как же они перепугались, когда увидели, что платок Петра самый красивый. Отец же на это не обратил особого внимания и сказал:

– Дети мои! Ничего еще не решено, вас еще другое задание ждет: каждый должен принести домой драгоценный перстень.

Старшие братья помрачнели, да и Петр опечалился, что должен снова просить жительницу подземного мира. Но все же Петр осмелился и попросил ту о золотом перстне, который немедленно и получил. Странно было, что не жабу Петр в этот раз увидел, а старую женщину, которая прохаживалась по саду. Но он не стал особо вглядываться в нее, а поспешил домой, где его давно уже ждали. Весело показал он отцу и братьям перстень, не зная его цены. И в этот раз Петр победил, потому что перстень его был самым ценным. Братья уже думали, что для них все потеряно. Но отец сказал:

– Дети мои! Ничего еще не решено. Тот из вас получит золото, кто завтра приведет самую красивую и самую добрую невесту.

Полные радости отправились старшие братья к своим богатым невестам, уверенные в победе, зная, что Петр девушкам и в глаза смотреть не отваживался, а уж тем более говорить с ними и признаться в любви. Без всякой надежды пошел он за околицу, вспоминая о своей благодетельнице, но не мог же он осмелиться попросить ее о невесте. Медленно шел он по саду, когда вдруг услышал знакомый голос, спрашивавший его о причине грусти.

– Как же не быть мне грустным, – ответил он. – Вчера я думал, что уже добыл золотое наследство, но сейчас отец обещал его тому, кто завтра приведет самую красивую невесту. Вот братья меня высмеют, когда я приду один.

Жаба (в этот раз это снова была она) утешила его, пообещав помощь. Быстро привела Петра в свое жилище, где шутливо сказала дочери:

– Дважды ты уже помогла этому парню – платком и перстнем, но его отец хочет теперь увидеть его невесту. Столько надежды мы ему дали, неужели сейчас отпустим братьям на смех? Иди, дай ему руку для обручения!

Но жаба с улыбкой ответила:

– А ты уверена, что он хочет быть моим женихом?

После этих приветливых слов Петр оставил всякие страхи и сказал:

– Сердечно рад! Я все время думал о тебе, но не осмеливался о своем желании сказать.

Они быстро сговорились, и девушка пошла переодеваться в свадебный наряд. Через минуту вернулась она со своей матерью и превратилась в прекрасную, великолепно одетую невесту. Петр, недолго думая, привел ее к отцу, который был немало удивлен, что Петр обручился с такой девушкой. Вскоре вошли и другие братья с гордыми невестами. Теперь велел отец, чтобы каждый со своей невестой станцевал галоп. Вскоре у каждой красавицы слетела верхняя одежда, потому что она плохо держалась. На невесте Петра оказалась еще более красивая одежда, а две другие невесты стояли в повседневных платьях. Отец с удивлением сказал:

– Мы и раньше видели, что невеста Петра красивее всех, но не думал я, что под верхней одеждой у нее еще более великолепное платье! Что ж, Петру, против моего ожидания, счастье даровало золотое наследство.

Подошел отец к невесте Петра и поприветствовал ее как невестку. А поскольку отец знал, что старшие братья будут Петру завидовать и вредить, дал он им много денег, чтобы они купили себе поместья и сами вели хозяйство.

Звонящая липка

Жили однажды отец и мать, и была у них единственная доченька. Не успела доченька подрасти, как ее мать умерла. Однажды пришла

доченька к крестной, и та просила уговорить отца, чтобы он на ней женился.

– Буду потом, – пообещала крестненькая, – тебе ножки молоком мыть, а головушку пивом.

Отец женился на крестненькой, и крестненькая помыла доченьке ножки молоком, а головушку пивом. А уж в другой раз и дальше мыла ее крестненькая навозом. Со временем обзавелась крестненькая четырьмя доченьками, и у первой был один глаз, у второй – два, у третьей – три, а у четвертой – четыре глаза. Теперь должна была падчерица коров пасти и получала от мачехи с собой на пастбище глиняные буханки и перечный сырочек, но все равно лицом была она прекраснее своих сводных сестричек.

Мачеха хотела знать, почему остается падчерица такой красивой. Послала она свою первую одноглазую доченьку с ней на пастбище, чтобы та понаблюдала, отчего падчерица такая прекрасная. Когда выгнали они коров на пастбище, сказала одноглазая дочка:

– Сядь рядом и заплети мне волосы!

И когда падчерица ее расчесывала, шептала:

– Спи, глазок!

И та уснула.

И тогда пришла пестрая корова и дала падчерице из одного рога пить, а из другого есть. Вечером девушки вернулись домой, и мачеха спросила свою доченьку:

– Что ты видела?

А та ничего и не видела.

Назавтра с падчерицей погнала коров на пастбище другая дочь и сказала так:

– Садись, расчеши мне волосы!

А падчерица шептала:

– Спи, глазок, спи, другой, спите, оба!

Опять пришла пестрая корова и дала падчерице из одного рога пить, а из другого есть. И когда настал вечер, сказала падчерица:

– Вставай, сестричка, пойдём домой.

Мачеха спросила у доченьки:

– Что ты видела?

А та ничего и не видела.

Утром погнали коров на пастбище с третьей дочерью. И сказала третья:

– Садись, сестра, расчеши мне волосы.

Падчерица шептала:

– Спи, глазок, спите, два глазка, спите, все три.

Снова пришла пятнистая корова и дала ей из одного рога пить, а из другого есть. И когда настал вечер, сказала падчерица:

– Сестричка, вставай, пойдём домой.

Дома спросила мачеха доченьку:

– Что ты видела?

А она не видела ничего.

На следующий день погнала с падчерицей коров на пастбище четвертая доченька. И когда пригнали коров на пастбище, та сказала:

– Садись, сестра, расчеши мне волосы.

И падчерица села и прошептала:

– Спи, глазок, спите, два глазка, спите, три глазка.

А про четвертый глаз забыла.

Снова пришла пятнистая корова и давала падчерице из одного рога пить, а из другого есть. Четвертый глаз все видел, пока три спали. Вечером сказала падчерица:

– Вставай, сестричка, пойдём домой.

Дома спросила мачеха доченьку:

– Что ты видела?

Та рассказала:

– Когда три глаза спали, пришла пятнистая корова и давала сестрице из одного рога есть, а из другого пить.

Мачеха разгневалась и стала откармливать пятнистую корову, чтобы ее зарезать. А падчерица должна была оставаться дома и есть глиняные куличи с перченым сыром. Каждый день навещала падчерица свою пятнистую коровушку и плакала у нее. Однажды сказала коровушка:

– Сегодня меня зарежут, но попроси у мачехи мое вымя. В нем найдешь камешек, посади его под окном, из него вырастет стеклянная липка, и будет она звенеть, а под липкой будет тьявкать песик.

Сделала девушка, как велела коровушка, и выросла из камешка стеклянная липка, а под ней тьявкали песики. А под липкой бил

источник, и девушка должна была в источнике стирать белье, да так, что у нее руки кровоточили.

Однажды проезжал мимо богатый господин, и когда увидел девушку, захотел ее взять в жены, хоть и была она бедная. Но мачеха не допустила этого. Через неделю приехал господин снова и снова попросил руки падчерицы. На этот раз мачеха разрешила, но приказала своим доченькам:

– Возьмите цепь и замотайте липку!

Девушка оделась, села на повозку и поехала с женихом прочь. Липка вырвалась из цепей, запрыгнула на повозку, а песик тявкал и бежал за ними.

Через год родился у молодой госпожи сын. Когда узнала об этом мачеха, пришла ее навестить:

– Доченька, ты больна или здорова? – спросила.

И уходя, обещала, что завтра снова наведается.

Назавтра привела она свою доченьку с двумя глазами и спросила падчерицу:

– Доченька, ты больна или здорова?

Падчерица ответила:

– Да, спаси Господи, я здорова.

– Посмотри-ка в окно, девочка, – сказала мачеха, – видишь, как в пруду рыбки играют!

И когда молодая госпожа посмотрела в окно, вытолкнула ее мачеха из окна в пруд, и бедняжка утонула, а ее душа вселилась в уточку, и уточка стала грустно плавать на пруду. Мачеха положила свою доченьку в постель и ушла домой. Когда молодой господин пришел домой и увидел госпожу, то спросил:

– Почему ты такая уродливая, ты, наверное, заболела?

– Заболела, – ответила та, и господин ее пожалел.

Ночью, в двенадцать часов, залетела в окно уточка, превратилась в молодую госпожу и купала, плача, своего сыночка, а когда снова его запеленала, поцеловала его и заплакала:

– Моя липка не звенит, песик не тявкает, а сыночек мой тоскует, тоскует и плачет! Две ночи приду еще, а уж после никогда!

Превратилась в уточку и полетела к пруду.

На следующую ночь залетела снова уточка в окно и превратилась в человека; приготовила ванну и выкупала сыночка. И когда запеленала

его, поцеловала и заплакала:

– Моя липка не звенит, песик не тьякает, и сыночек мой горько плачет! Одну ночь еще приду, а уж после никогда.

И снова слетела уточкой из окна в пруд. А господин спрятался за занавесом, увидел жену, услышал ее слова и заплакал. Третью ночь прилетела госпожа снова и выкупала сыночка, а когда его запеленала, горько заплакала и стала жаловаться:

– Моя липка не звенит, мой песик не тьякает, мой сыночек все горюет, плачет, я теперь уж больше не приду.

Вдруг выскочил молодой господин, прятанный за занавесом, и схватил жену прежде, чем она превратилась в уточку. Молодая госпожа грустно попросила:

– Пусти меня, милый, пусти, пока еще не закончилось отпущенное время.

– Я тебя уже не отпущу, – отозвался господин.

А молодая госпожа сказала:

– Если можешь, сделай вот что: перережь мой пояс одним махом, тогда я смогу остаться, а если не получится, будет мне плохо.

Господин взял кинжал и перерезал одним махом пояс, и вот перед ним молодая жена, такая же прекрасная, как и прежде. Она рассказала, что с ней мачеха сотворила. Утром на виду у всех была мачеха за волосы привязана к хвосту коня, коня испугали, и он поскакал через пни и кочки.

А когда конь вернулся домой, от мачехи остались только волосы, привязанные к хвосту. Липка снова звенела, песик тьякал, а маленький сыночек улыбался.

Жена водяного

Любят о водяном поговорить сорбы и о жене его рассказывают всякие байки. Иногда видели ее, как она прядет у ручья или у пруда, или отбеливает свои одежды, или расчесывает волосы. А то, бывало, придет, как и ее муж, на рынок. А обычай такой: когда водяной покупает жито и дорого за него платит, наступает всюду дороговизна. Когда же продает водяной его дешевле, чем другие, все дешевеет. Точно так же поступает его жена с маслом. На рынке ее узнают по

мокрой кромке на юбке. Однажды была жена водяного роженицей, и рассказывают такую байку о ее родовых схватках:

Одна женщина как-то раз убирала траву поблизости от воды. Приблизилась к ней невероятно толстая жаба. Хотя и неприятно было женщине, но она забеспокоилась о жизни твари, боясь поранить ее серпом, и сказала:

– Прочь, жаба, ведь я буду твоя повивальная баба.

Через какое-то время, когда женщина совсем забыла о разговоре, пришел к ней некий человек, напомнил ее обещание, и попросил, чтобы она пошла с ним и помогла его жене при родах. С огромным волнением спрашивала женщина у дворян и духовенства совета и поучения, как ей поступить.

Получила она совет исполнить свое обещание. Тогда пошла она без опасений с этим человеком (а был это водяной). Когда пришла к тому месту, где познакомилась с жабой, разделил человек прутом воду на две половины, как некогда Моисей, и провел ее посуху в свое подводное хозяйство. Увидела женщина жену водяного в самых сильных родовых схватках. Со всей ловкостью и к удовольствию роженицы исполнила женщина свою работу, и вскоре на свет появилось здоровое дитя. В благодарность за помощь посоветовала ей роженица не просить за свою работу больше, чем ценится она обычно. Когда водяной принес женщине целую меру всяких денег и сказал, чтобы она взяла сколько хочет, не взяла она больше обычного. И это было к ее счастью и к злости водяного, потому что тот хотел ради собственной шалости скрутить женщине шею. А поскольку она не попросила лишнего, обязан был водяной без препон ее отпустить. Как и прежде, ударил он прутом по воде, которая разделилась, и вышла женщина посуху пешком, и вода быстро за ней соединилась. Что стало с младенцем, родившимся у водяного, женщина никогда не узнала.

Нижнелужицкие сказки

Красная Шапочка

Жила-была однажды маленькая хорошенькая девочка, которую все любили, но больше всех любила ее бабушка; не знала она, что бы милой внучке любя подарить. Однажды подарила бабушка ей чепчик из красного бархата, который так шел девочке, что ничего другого она носить не хотела, вот и прозвали ее «Красная Шапочка».

Однажды сказала мать Красной Шапочке:

– Вот тебе пирог и бутылка вина, отнеси это бабушке, совсем она больная и слабая, а это прибавит ей сил. Но будь добра, когда войдешь в избу, ничего там не разглядывай и не забудь сказать: «Доброе утро». Также будь осторожна и смотри внимательно по сторонам, не заблудись и не споткнись по дороге, а то упадешь и разобьешь бутылку, и больной бабушке нечем будет поддержать свои силы.

Красная Шапочка ответила:

– Я хорошо все исполню. – И в знак этого подала мамочке руку.

Бабушка жила в глубине леса, в получасе ходьбы от деревни. Когда Шапочка вошла в лес, повстречала она волка. Но она не знала, что это злой зверь, а потому и не боялась.

– Бог в помощь, Красная Шапочка, – сказал волк.

– Спаси Бог, волк!

– Куда так рано собралась, Красная Шапочка?

– К бабушке.

– Что у тебя в корзинке?

– Пирог и вино; вчера испекли, старая больная бабушка должна хорошенько наесться и набраться сил.

– А где живет твоя бабушка, Красная Шапочка?

– Еще добрые четверть часа ходьбы отсюда, там, в лесу, под тремя огромными дубами стоит ее дом, в глубине лесной чащи, его сразу узнаешь, – сказала Красная Шапочка.

Волк подумал: «Эта маленькая пухленькая девочка – лакомый кусочек, она повкуснее старухи будет, я должен действовать поумному, чтобы поймать обеих».

Он еще немножко проводил Шапочку, а потом сказал:

– Шапочка, ты только посмотри, какие красивые повсюду цветы, почему ты их не замечаешь? Мне кажется, ты даже не слышишь, как мило поют птички. Идешь просто так, как шла бы в школу, а ведь в лесу так весело.

Шапочка подняла глаза и, когда увидела, как сияют солнечные лучи над деревьями и все вокруг цветет и пахнет, подумала:

– Если я принесу бабушке душистый букет, она тоже обрадуется, и я к ней приду вовремя, ведь еще рано.

Побежала Красная Шапочка в подлесок и стала собирать цветы. И когда срывала один, казалось ей, что дальше растут цветы еще красивее, и она бежала туда, все дальше и дальше в лес. А волк тем временем пошел прямой дорогой к бабушке и постучался в ее дверь.

– Кто там? – спросила бабушка.

– Шапочка, которая несет тебе пирог и вино, открой!

– Стукни по засову, – сказала бабушка, – я так слаба, что встать не могу.

Волк отодвинул засов, вошел внутрь, ни слова не говоря, подошел к бабушкиной постели и съел бабушку. Потом оделся в ее одежду, надел на голову чепец, лег в постель и затянул занавески у кровати.

А в это время Шапочка все собирала цветочки и, когда нарвала их столько, что больше унести не могла, подумала о бабушке, и тут уж пошла прямой дорогой к ней. Шапочка очень удивилась, что двери были распахнуты настежь, а когда вошла в комнату, стало ей как-то тревожно, все казалось ей каким-то странным, и она подумала: «Ох ты, Боже мой, как мне здесь тоскливо, а ведь я обычно так рада быть в гостях у бабушки!»

И она поздоровалась с бабушкой:

– Доброе утро! – Но никакого ответа не получила.

Шапочка подошла к постели, открыла занавески. На кровати лежала бабушка, чепец ее был надвинут на лицо, и выглядела она как-то странно.

– Бабушка, а почему у тебя такие длинные уши?

– Чтобы лучше тебя слышать! – ответил волк.

– Бабушка, а почему у тебя такие большие глаза?

– Чтобы лучше тебя видеть!

– Бабушка, а почему у тебя такие большие руки?

– Чтобы я лучше могла тебя обнять!

– Но, бабушка, какой у тебя страшный огромный рот!

– А это чтобы я лучше могла тебя съесть!

И тут вдруг выскочил из постели волк и съел бедную Шапочку.

Когда волк утолил голод, то улегся в постель, уснул и начал ужасно храпеть. Мимо как раз шел охотник и подумал: «Разве может старая женщина так храпеть? Я должен зайти посмотреть, что там».

Зашел он в комнату, поглядел на кровать, а там лежал волк.

– Наконец-то я тебя нашел, старый разбойник, – сказал охотник. – Я уже давно тебя ищу. – Охотник уже хотел прицелиться, но подумал, вдруг еще получится спасти бабушку. Поэтому он не выстрелил, а стал вспарывать брюхо спящему волку. После нескольких разрезов увидел он Красную Шапочку, надрезал еще несколько раз, Красная Шапочка выскочила и закричала:

– О как мне там было тесно и какая тьма в волчьем брюхе!

Потом вышла наружу еще живая бабушка, но она едва дышала. Шапочка сбегала за большими камнями, они с охотником набили камнями волчье брюхо. Волк проснулся и хотел выскочить и убежать, но брюхо с камнями столько весило, что он упал наземь и убился насмерть. Все трое обрадовались этому: охотник взял себе волчью шкуру, бабушка съела пирог и выпила вина, которое ей принесла Шапочка, и от этого поправилась. А Шапочка думала: «Сколько жива буду, буду делать как велела мамочка: никогда с дороги в лес не сверну!»

Предания

В Тржтенце вырыла свинья колокол

Есть в городе Тржтенце, в полутора шагах от башни маленький пруд, вода в нем мелкая и ржавая. В том пруду рылась когда-то во время засухи свинья и копошились куры и выкопали там большой колокол, который жители Тржтенца повесили на башню. Звон его звучал так: «Свинья вырыла, кура выгребла».

Услышали жители Хошобуза о том колоколе и его прекрасном звуке и захотели его купить, но жители Тржтенца ни за какие деньги колокол продавать не захотели. Поэтому хошобузцы решили колокол украсть.

Ночью колокол сняли с башни, завернули в перины, уложили на повозку и, никем не замеченные, доехали хошобузцы потихоньку из

деревни аж до самой границы. А там начал колокол звонить, и никакими земными силами нельзя было остановить его звон. Так получили жители Тржтенца свой колокол назад, и звонит он им до сегодняшнего дня: «Свинья вырыла, кура выгребла».

А в том пруду лежит колокол поменьше, но из-за ужасного запаха никто не отваживается лезть в пруд.

Людьки

В Лютоле за кладбищем есть гора, названная «виноградник». На той горе жили когда-то людьки, были это маленькие люди, которые жили в земле и с другими людьми хорошо соседствовали.

Людьки ходили все время к соседям по фамилии Хулькойц и говорили:

– Одолжите нам кадку-некадку, испечем вам пирог-непирог.

Хулькойц ставил им кадку через порог, людьки в нее садились и катились в ней домой.

На другой день с утра стояла кадка перед порогом, а в ней обещанный прекрасно испеченный пирог.

Через какое-то время в том краю стали звонить колокола, чей звон людьки не выносили. Они говорили:

– Это львы рычащие!

Отправились они в другую страну и до сих пор не вернулись.

Ездили люди искать, где поселились людьки, но никого не нашли, только там-сям находили большие или меньшие норки людьков.

Светлячки

На лугах и в топях обитали когда-то малые детки, которые в темноте бегали с горящими пучками в руках. Когда кто-то ругался на деток: «Светляк, светляк, свиной помет!», они тут же грубияна окружали и заводили в топь и болото, чтобы тот заблудился. Когда же кто-то обращался к деткам с добрым словом и говорил: «Светляк, светляк, проводи меня домой, я дам тебе грошик», светляки светили ему до самого дома. Если же потом грошик не получали, то досаждали человеку так долго, что тот давал им грошик; а если обещанный грошик получали сразу, быстро убегали на луга.

Серп

На лугах обитали светлячки, а в полях резвилась женщина. Одетая она была в длинное белое платье; глаз ее видно не было; в руке она держала большой острый серп, поэтому ее так и звали – «Серп». Как только наступал полдень, гнала Серп всех людей с поля домой, а кто не хотел уходить добровольно, того рубила Серп своим серпом до той поры, пока домой не загоняла. Кроме того, жила Серп и в бороздах, поджидала детей, которые шли мимо, отсекала им голову и прятала ее в мешок.

Клятва

Однажды жители Бобова и Жушова завели большой спор из-за границ своих деревень. Жители Бобова хотели, чтобы граница проходила по реке Кржишовке. Жители Жушова считали, что границу надо провести дальше, до Бобовского поля. После долгих переговоров приехали господа, чтобы дело решить на месте. Когда они собрались, вышел один из жителей Жушова далеко на Бобовское поле и стал клясться и присягать, что там, где он стоит, и есть настоящая граница.

Между всем прочим, он клялся и божился, что готов провалиться на месте, если в старые времена на этом месте границы не было. И глядь! Вдруг стал проваливаться и звать на помощь, но прежде чем подскочили помочь, провалился, и земля закрылась над его головой. В память о том несчастье привалили на то место огромный камень.

А провалившийся человек еще долго ходил под землей и кричал:
– Здесь, здесь настоящая граница!

Камень и поле с лугом до сих пор называют «Клятва», и каждый человек после захода солнца это место обходит стороной.

Кашубские сказки

О трех братьях, двух умных и одном глупом

Жил однажды король, и была у него единственная доченька. И велел он огласить: тому, кто сделает лодку, которая может ходить и по земле и по воде, тому он отдаст в жены свою доченьку. В это же время жил-был крестьянин, и было у него три сына, два умных, а третий глупый. Двое все время высмеивали глупого и никуда его с собой брать не хотели. Так и в этот раз ничего не сказали глупому и отправились мастерить лодку. Когда братья работали, проходил мимо старичок и сказал:

– Помогай Господь Бог, сыночки!

А они ответили:

– Дай Господи!

Дедушка хотел еще поговорить и сказал:

– Дайте мне закурить.

Но они, даже не оглянувшись, коротко отказали:

– Некогда нам.

Тогда он, уходя, сказал им:

– А будет так: хороший желоб для свиарника сделаете, но дочь королевскую не получите.

Так и вышло.

Тем временем глупый брат узнал о работе братьев и захотел тоже попытать счастья. Стал младший брат делать лодку, пришел к нему тот же старичок и сказал:

– Дай Господь Бог счастья!

А глупый ответил:

– Дай Бог, батюшка!

И потом стал говорить:

– Хотел бы я, батюшка, с тобой посоветоваться, как сделать такую лодку, чтобы ходила и по морю, и по земле.

А старичок ему ответил:

– Просто работай, сын мой! Господь Бог тебе поможет!

Так и получилось: сделал глупый брат лодку, которая ходила по земле и по морю. Когда он закончил свою работу, пришел к нему снова старичок и сказал:

– Когда отправишься к королю, бери с собой каждого, кого по дороге встретишь.

И первым встретил глупый брат нищего у канавы, который никак не мог из нее воды напиться, и взял его с собой. Потом, когда поднялся на гору, встретил старого нищего в теплом кожухе, который, хоть и солнце палило, кричал:

– Холодно мне, холодно!

Взял и его с собой. Дальше поехал на своей лодке и встретил старика, который грыз мосол и кричал:

– Есть хочу! Есть хочу!

С тремя этими стариками в лодке предстал наш путник перед королем, и король увидел, что лодка сделана так, что может ходить по морю и по земле. Это была обычная лодка, но внизу с осью и колесами. Королю показалось, что парень этот слишком бедный, поэтому не захотелось ему отдать за него дочку, не дав прежде еще задания. И велел король глупому брату найти такого человека, который двенадцать караваев хлеба съел бы за одну ночь, а потом такого, который за одну ночь съел бы двенадцать волов и выпил бы двенадцать бочек пива, а потом еще такого, который просидел бы целую ночь в железной печи. Озаботился жених и пошел посоветоваться с теми стариками, которых привез в лодке с собой. Один ему сказал, что он даже 12 караваями не наелся бы, а другой сказал, что он и 12 волами не наелся бы и 12 бочками пива не напился, а третий – что и в железной печи не согрелся бы хорошенько. Утром пришел король посмотреть, получилось ли у них хоть что-то, а старики кричали:

– Есть! Пить! Холодно!

Но король был очень упрямый и все еще не хотел отдавать дочь в жены глупому брату. Тут война приключилась. Ответил король войной соседнему королю, который и объявил войну, и сказал, что отдаст в жены свою дочь лучшему воину. Два умных брата поехали на войну на добрых конях, а глупый брат поехал на тощей доходяге. Когда тащился он по дороге, встретил того старичка и сказал ему:

– Прославлен будь Иисус Христос!

Старичок любезно принял это христианское приветствие и ответил:

– Во веки веков, аминь!

Потом они завели разговор о том о сем, старик давал добрые советы и между прочими такой:

– Когда придешь к большому лесу и встанешь на перекрестке дорог, увидишь по правую руку старую-престарую липу; той липе скажешь: «Липка, липка, откройся!», и выйдет из нее оседланный конь, на седле будет лежать новая одежда, а на шее коня будет висеть кожаная торба. Оденься в эту одежду, сядь на коня, а когда встретишься с неприятелями, тогда скажи: «Все войско из торбы!» И появятся тысячи человек, и будут они так воевать, что ты всех победишь. А теперь поезжай с Богом!

Наш глупец все так и сделал, как почтенный старичок посоветовал. Разбил он в одиночку целое войско наголову, но один вражеский солдат ранил его в ногу. Король это увидел, оторвал половину своего платка и ногу ему перевязал, а другую половину оставил у себя. Когда война закончилась, поехал наш рыцарь к липе и все вернул, что брал. А король никак не мог дознаться, кто был герой, который войну выиграл, и послал своих слуг искать человека с раненой ногой, завязанной половиной его королевского платка. Долго-долго не могли слуги найти такого человека, потому что искали среди богатых господ. Тогда велел им король осмотреть каждого в королевстве. Так оказались слуги в избе, где сидели два умных брата и обедали, а глупый брат пек себе в золе колобки. И как же слуги удивились, когда увидели, что именно у него ранена нога и перевязана половиной платка. Но глупец ни в коем случае не хотел уходить от своих колобков. Старшему королевскому слуге было очень жаль, что дочь их короля, такая достойная королева, должна получить в мужья грубого парня, он и сам мечтал получить ее в жены. С таким умыслом, когда шли слуги через лес, через который проходила их дорога, убил старший слуга сначала своего товарища, а потом и глупца, и сам себе ногу поранил, завязал той половиной платка, которую с убитого снял. И так пришел к королю. А был он человеком достойным, поэтому король и его дочка обрадовались.

Но помогавший глупому брату почтенный старичок видел убийство и подошел к тем убитым, разбудил их и сказал:

– Встаньте и идите, ведь у королевы завтра свадьба.

Так они поспешили в столицу и пошли к самому королю и все ему рассказали: как тот слуга их убил и себе ногу порезал. Король велел немедленно позвать слугу к себе и спросил его, что бы заслужил человек, который совершил такой поступок. Слуга на это ответил королю:

– Такой человек заслуживает, чтобы его разорвали железными воротами.

Ему и в голову не приходило, что его предательство выплыло наружу.

Тогда сказал король:

– Какую смерть ты себе установил, такой и уйдешь с этого света.

И запрягли четырех черных волов, чтобы они тащили железные ворота, и разорвали того на части.

А глупый парень получил в жены королевскую дочку, и устроили большой пир.

И я там был, ел, пил и танцевал, но плохо меня на том пиру угощали: дали мне стеклянные башмаки, бумажный камзол и масляный колпак. Разгорячился я во время танцев, масло растеклось, камзол разорвался, стекло раскрошилось. Так что после этого забили меня в пушечное дуло и выстрелили, так что прилетел я к вам сюда за стол, тут и сижу. А двое новобрачных и до сих пор живы, едят, пьют, веселятся, если только вчера не померли.

Обух, шевелись!

Один сапожник зашивал в субботу старые башмаки, чтобы в воскресенье пойти в них в костел. Работал он поздно ночью, а утром, когда работу свою закончил, прилично оделся, взял молитвенник и пошел. В костеле он услышал, что если кто-то свое имущество пожертвует костелу, того за это Господь Бог другим способом стократ вознаградит. А поскольку был сапожник бедным, решил продать свою избу и сапожные колодки, а выручку отдать настоятелю на костел. Пришел сапожник домой, рассказал жене, что хочет сделать, и через несколько дней деньги были уже у священника. Но день шел за днем, дети плакали от голода, жена – удивительно еще, что палкой мужа не поколотила, а награды нет и нет. Наконец, совсем одолел сапожника

голод, решил он пойти нищенствовать, взял в руки палку и отправился искать помощи у Господа Бога. Шел он день, шел другой и увидел старого пастуха, который пас большое стадо овец. И поскольку был сапожник страшно голоден, подошел он к пастуху, чтобы попросить разрешения доесть из горшочков остатки его еды. Ел сапожник и рассказывал обо всем, что сотворил и как идут теперь его дела. Сжалился старый овечий пастух над бедным сапожником и подарил ему барашка, с которого каждый раз после слов «Барашек, отряхнись!» сыпались дукаты, но поставил такое условие: не останавливаться по дороге у своей кумы в пивной. С огромной радостью взял сапожник барашка на плечи, поблагодарил старика и поспешил домой, чтобы порадовать жену и детей. Но отойдя немного, усомнился он в словах пастуха, потому что и представить себе не мог такое чудо. И, желая удостовериться, поставил он барашка на землю и сказал:

– Барашек, отряхнись!

И в этот момент посыпались дукаты под барашка, и сапожник посчитал себя самым счастливым на свете. Без промедления взвалил он барашка на плечи и поспешил домой. А когда шел мимо той пивной, вышла ему навстречу кума и попросила, чтобы он ее навестил, так как давно они не виделись. Сапожник поначалу отнекивался, но уж очень хотелось ему похвалиться дукатами в кармане и своим счастьем. Зашел он к куме и прежде всего дал ей спрятать барашка с предупреждением:

– Только не говори ему: «Барашек, отряхнись!»

Потом сел сапожник на лавку и выпил стаканчик горилки. Но кума, пронырливая баба, тут же сообразила, что за его словами должна быть какая-то тайна. Принесла она барашка в свою комнату и, когда осталась одна, сказала барашку:

– Барашек, отряхнись!

И, видя, что из него посыпались дукаты, стала думать, как бы кума обмануть. И решила она сапожника напоить, чтобы он остался на ночь, а на следующее утро дать ему другого барашка из своего стада, похожего на волшебного; и все у кумы получилось, как она хотела. Утром взял сапожник барашка на плечи и поспешил теперь прямо домой к жене и детям; они плакали от голода, а он им бросил несколько дукатов, чтобы жена устроила хороший обед. Жена не могла

надивиться, откуда ее старик набрал столько денег, но спросить боялась. После обеда поставил сапожник барашка на стол, позвал детей, чтобы они порадовались вместе с ним, когда покатыся дукаты, и крикнул:

– Барашек, отряхнись!

Но барашек стоял, как деревянный, и головой даже не пошевелил. Сытые дети стали смеяться, а жена решила, что муж сошел с ума. Сапожник, разгневанный из-за того, что не исполнилась его воля, еще раз повторил слова старого пастуха, но напрасно, и сбросил барашка со стола. Пока хватало дукатов, было хорошо, но когда запас подошел к концу, стала жена ругать мужа, что тот ничего не делает, не заботится о домашней скотине. Сапожнику ничего не оставалось, как снова взять палку в руки и идти искать старого пастуха. Хоть и знал он хорошо, что тот его добром не встретит, но что было делать? Старый пастух все же снова сжалился над убогой семьей и дал сапожнику скатерть, которая на каждый приказ «Скатерть, накройся!» сама расстилалась, и появлялись на ней самые лучшие яства и напитки; но при этом строго-настрого запретил сапожнику останавливаться у кумы. Сапожник был очень рад подарку, поблагодарил старика и пошел домой. Отойдя немного, сел он на землю и велел скатерти расстелиться – не из любопытства, а из-за голода, от которого у него уже в животе урчало. Когда, наевшись, шел он мимо пивной, старая кума уже ждала его у дверей и настойчиво просила, чтобы не проходил он мимо ее дома, и прибавила старую поговорку: «Кто в пивную не зайдет, ногу у того сведет».

Сапожник долго думал, но наконец вошел внутрь, а куме дал спрятать скатерть, говоря:

– Но только, милая кумушка, не говори: «Скатерть, накройся!»

Кума была хитрая и наливала ему горилку бесплатно, кум пил стаканчик за стаканчиком, пока у него в голове не потемнело. Потом сделала кума со скатертью то же, что и раньше с барашком. Прибежал сапожник со скатертью домой к жене и детям, бросил скатерть на стол и крикнул:

– Скатерть, накройся!

Но скатерть и не пошевелилась, и сапожник принялся в отчаянии проклинать подлую куму. После этого снова он возвратился к старому пастуху и на коленях просил его простить за то, что опять не

послушался предупреждения, умолял сжалиться над ним и последний раз ему помочь. Старик долго колебался, но в конце концов дал ему окованную серебром и выложенную драгоценными камнями палицу и велел ему на этот раз остановиться у кумы, не забывая слова: «Обух, шевелись!»

Сапожник обрадовался, сто раз поблагодарил старика и поспешил как можно скорее домой к жене и детям, но когда отошел немного, захотелось ему посмотреть, что может эта палица. И сказал он:

– Обух, шевелись!

В тот же момент выросли перед ним два огромных парня и начали его молотить. Охваченный страхом сапожник не знал, как приказать, чтобы они перестали его бить, но в конце концов, когда уже ему сильно навалили, опомнился и закричал:

– Обух, хватит!

И тут же парни исчезли, и стояла перед ним палица.

– Хорошо же, хорошо же! – сказал сапожник, вставая с земли. – Тут ты мне поможешь вернуть прежние подарки старого пастуха!

Когда пришел он в деревню, где жила его кума, то остановился у нее и поприветствовал ее, как старую знакомую. Кума была рада его видеть, потому что думала, что опять получит хорошую добычу, радушно его встретила, а потом стала выпрашивать, нет ли у него чего-то, что нужно спрятать. Тут сапожник подал ей палицу и попросил, чтобы она не говорила: «Обух, шевелись!» Баба тайком смеялась над глупцом и думала:

– Хоть бы он мне не рассказывал, чего делать нельзя!

Пошла она быстро с палицей в другую комнату и, едва переступила порог, нетерпеливо крикнула:

– Обух, шевелись!

И тут же два парня принялись ее молотить палками, да так, что она разум потеряла. На ее пронзительный крик прибежал на помощь трактирщик, а тут – бац, бац! – ему тоже досталось ударов. Сапожник между тем все время кричал:

– Обух, давай еще! Обух, давай еще! Пока она не вернет мне моего барашка и мою скатерть.

Тут уж куме ничего другого не оставалось, как вернуть ему то, что ему и так принадлежало, велела она принести барашка и скатерть.

Когда сапожник удостоверился, что они действительно волшебные, крикнул:

– Обух, хватит!

И потом с тремя этими дарами поспешил он домой к жене и детям.

И была у них радость великая, потому что денег и еды было у них достаточно, но при этом никогда не забывали они о Боге и о других людях и каждому бедняку рады были помочь.

Коровьи разговоры

Старые люди рассказывают, что в прежние времена в пасхальную ночь беседовала между собой домашняя скотина о том, что в будущем году случится. Один любопытный хозяин залез в хлев, чтобы подслушать, о чем будет говорить его скот. Ночью сказал один вол другому:

– Через неделю повезем нашего господина на кладбище.

Очень испугался хозяин, когда это услышал, быстро вылез из хлева, пошел в дом и рассказал об этом жене. Но жена не хотела в это верить и сказала:

– А что же это наши кони не смогут тебя на кладбище отвезти? Да и если бы они не смогли, наверняка бы соседи тебе в последний путь одолжили своих коней.

Через три дня после этого разговора занемог хозяин и на следующий день умер.

И действительно случилось так, как волы говорили. Потому что в ту ночь, когда он скончался, воры украли у него лошадей, лучшие соседские лошади нуждались в отдыхе, а другие соседи не хотели своих лошадей давать для перевозки мертвеца. Так что должны были те два вола, что между собой говорили, запрячься и везти покойника на кладбище.

О заклятом замке

Над Жарновским озером на Кашубской земле высится большая гора, а на той горе – заклятый замок. Однажды пошел на гору по дрова церковный сторож и заблудился; подошла к нему одетая в прекрасные черные одежды девушка, которая попросила его донести ее до костела,

но только в полном молчании, тогда и она, и весь замок будут освобождены. Сторож пообещал ей это сделать, но не в этот день, потому что он искал потерянный топор в кустарнике так, что вспотел весь; к тому же уже смеркалось. На следующий день послал сторож своего брата, очень отважного человека, чтобы тот поискал этот топор. Когда брат уже хотел возвращаться домой, снова подошла к нему та девушка с той же просьбой: а было уже поздно. Брат, человек отважный и сильный, взял ее себе на хребет и понес по тропе до ручья, где воду набирают. А когда захотел идти дальше, под горой у деревни, к Жарновцу, начало что-то свистеть и шуметь, и столько привидений появилось в воздухе, что парень испугался, упал и выкрикнул:

– О, Господи Иисусе!

После этого привидения напали на бедную девушку, а замок, который уже начал появляться на поверхности горы, тут же вместе с девушкой еще глубже провалился, и теперь можно видеть только кусок трубы или четыре башни по углам, похожие на колодцы, в чем каждый любопытный может и сегодня удостовериться собственными глазами.

О глупом волке

Как-то раз приснилось одному волку, что он получит хороший завтрак, и это исполнилось. Вылез он из своей норы, пошел какой-то стежкой и нашел сало. Посмотрел он на него и сказал сам себе:

– Всегда говорят, что сны – просто ветер, а у меня сон сбылся.

Половину сала он съел, а другую половину спрятал. Потом пошел дальше, пришел к какой-то луже, там ходила кобыла с жеребенком, и волк ей сказал:

– Съем я твоего жеребенка!

Кобыла была умная и сказала волку:

– Тогда давай быстренько, а то у меня и так дела идут плохо: то жеребенок меня кусает, то крестьянин запрягает и много поклажи велит тянуть, а ко всему тому я еще и хромая. Ах, если бы ты был так добр и вытащил из моей ноги занозу, уж очень мне больно!

Волк был рад помочь; кобыла подняла заднюю ногу, и волк стал разглядывать, что нужно вытащить. И тут кобыла лягнула его так, что

волк перекувырнулся и какое-то время лежал, как мертвый, а когда снова собрался с силами, была кобыла с жеребенком далеко.

Пошел волк дальше, нашел свинью с малыми поросятами и говорит ей:

– Съем я всех твоих поросятков!

Но свинья была хитрая и сказала ему:

– Я этому очень рада, уж очень они меня грызут, а еда у меня скудная. Но вот только поросятки у меня еще не крещеные, должны мы их сначала покрестить.

Волк на это согласился и пошел с поросятами на реку. А дело было недалеко от мельницы. Поросятки так сильно визжали, что мельничные псы услышали этот визг и прибежали к реке. Тут свинья осмелела, а у волка как раз последний поросенок в реке вырвался и волка самого толкнул в воду. Вылез он мокрый из реки, а тут на него набросились мельничные псы и так волка покусали, что с него клочья свисали. Но все-таки волк вырвался от собак живым и поковылял дальше, пришел на высокую гору, тут бегали козы, и он им сказал:

– Козы, я всех вас съем.

А козы ему сказали:

– Делай, что хочешь, но мы должны перед смертью немного помолиться.

– Только быстро, – сказал волк и начал с ними четки перебирать: – Аууууу! Аууууу! Ауууу!

Услышала его овчарка, прибежала и то, что не сделали мельничные псы, завершила так, что у волка на теле не осталось здорового местечка, едва жив остался.

Полежал он там некоторое время, а потом встал и уселся на хвост, и вдруг учуял приятный запах. Собрался он с силами, пошел дальше и увидел старого барана, тот пасся один. И сказал ему волк:

– Баран, я тебя съем.

А баран ему ответил:

– Делай, что хочешь, я уже достаточно старый, но что толку об меня зубы ломать? Знаешь что, иди-ка вниз и открой рот пошире, а я тебе прямо в него и вскочу.

Волк был такой глупый, что слез с горы и встал внизу с открытым ртом. Баран как следует разбежался и волка так ударил, что тот перекувырнулся и упал полумертвый, а баран пошел своей дорогой.

Прошло много-много времени, волк снова опамятовался и потащился дальше, шатаясь туда-сюда, вправо-влево, вперед-назад, как пьяный. Так приполз он к какому-то большому дубу, сел под ним и говорит сам себе:

– Как у меня все глупо получилось! Правда, приснилось, что получу я хороший завтрак, но какое счастье и несчастье мне потом повстречается, о том не снилось мне ничего. Но ведь во всех несчастьях я сам был виноват. Где был мой разум, когда я согласился кобылу лечить? А что может быть глупее, чем выдавать себя за священника и крестить поросят? Или какой же я был глупый, что хотел, как органщик, с козами молитвы выводить! Но глупее всего было поверить, что мне целый баран прыгнет в рот! Да, да, ни на что я не годен, кроме как на то, чтобы кто-нибудь мне до самой задницы хвост отрубил!

А за дубом стоял крестьянин с топором, которым он рубил палки для колеса, и тут – бац! – отлетел волчий хвост.

И глупый волк так до сих пор и бегает без хвоста, если только вчера не окочурился.

Польские сказки

О королевиче Ненадалеке^[6]

Жили-были король и королева. Три года уже вместе жили, а детей все у них не было, оба из-за этого мучились. Случилось однажды, что король должен был ехать осматривать свою страну, разлучились они с королевой, уехал он и больше восьми месяцев дома не был. К концу девятого месяца возвращался король из своего путешествия и был уже близко от своего замка; ехал он пустым полем, изнывая от жары, и так захотелось ему пить, что разослал он слуг по всей округе, чтобы они нашли ему воду и немедленно об этом доложили. Слуги разбежались в разные стороны, целый час напрасно искали воду и, вернувшись, сообщили королю об этом. Страдающий от жажды король решил сам проехать все поле вдоль и поперек, не веря, что нет нигде поблизости ключа; и тут на равнине, где перед тем воды не было, вдруг увидел колодец под совершенно новым срубом, был он полон до самых краев ключевой водой, а в центре плавал серебряный ковшик с золотым ушком. Король быстро соскочил с коня, левой рукой оперся о сруб, а правой потянулся к ковшику, но ковшик был как живой и все видел; быстро отскочил он в другую сторону; король встал на колени и начал ловить его то правой, то левой рукой, но ковшик уворачивался, так что король, не сумев схватить его одной рукой, решил поймать его обеими руками, но только к нему тянулся, как ковшик, будто рыбка, нырял, а потом снова показывался на поверхности воды.

«Черт возьми, – подумал король, – ничего не могу с этим ковшиком поделаться, да ладно, и без него обойдусь!»

Наклонился он к воде, чистой, как хрусталь, и холодной, как лед, сгорая от жажды, и начал пить. При этом его длинная борода по пояс погрузилась в воду. Утолив жажду, захотел король встать... но что-то держало его за бороду и не отпускало. Дернулся он раз, другой, все напрасно, и крикнул гневно:

– Кто там? А ну пусти!

– Это я, король подземный, Кощей Бессмертный, и я тебя не отпущу, пока ты мне не подаришь то, что, сам того не зная, оставил дома, а вернувшись домой, сразу найдешь.

Посмотрел король в глубокий колодец – и глядь – там кто-то с головой, огромной, как бадья, с зелеными глазами, со ртом до ушей,

держит короля за бороду длинной, будто рачьей, клешней и хитро смеется. Король подумал, что вещь, о которой он перед отъездом не знал и которую найдет, вернувшись, не должна быть особенно ценной, и сказал этому призраку:

– Хорошо, отдам!

Призрак зашелся смехом, блеснул очами, исчез, а с ним исчез и колодец, вода, сруб, ковшик, король снова был наверху у леса, на сухом песке, и ничего вокруг не было. Король встал, перекрестился, вскочил на коня, догнал свою дружину и поехал дальше.

Через неделю-две вернулся король в свой замок, толпы людей пришли его приветствовать, с почестями въехал он во внутренний двор и ступил на лестницу. А наверху лестницы стояла королева и ждала его, у груди держала она перинку, с дитятей в пеленках, прекрасным, как месяц ясный. Все понял король, горестно вздохнул и сказал себе:

«Так вот что я, сам того не ведая, оставил дома, а вернувшись, сразу нашел».

И горько-горько заплакал он, все удивились, но никто не осмеливался спросить о причине. Взял король дитяtko на руки и долго всматривался в его невинное личико, потом принес его во дворец, положил в колыбельку и, затаив печаль, посвятил себя государственным делам, но никогда уже не был веселым, как прежде, все время мучился при мысли, что Кощей придет и напомнит ему о сыне.

Проходили недели, месяцы, годы, и никто за сыном не приходил. Королевич, названный Ненадалеком, рос, рос и наконец стал прекрасным юношей. И король со временем стал снова веселым, как и прежде, и забыл о том, что случилось, но, к сожалению, не все забыли.

Однажды охотился королевич в лесу, отстал от своей дружины и заехал далеко в дикую чащу.

Вдруг встал перед ним уродливый старик с зелеными глазами и сказал:

– Как дела, королевич Ненадалек? Долго ты себя ждать заставил!

– Кто ты?

– Это ты позже узнаешь, но когда ты вернешься к отцу, передай ему поклон от меня и скажи, что хочу, чтобы он со мной рассчитался, а если он быстро долг не заплатит, горько о том пожалеет.

Сказал это уродливый старик и исчез, удивленный королевич повернул коня, поехал домой и рассказал королю о том, что с ним приключилось. Король побелел, как полотно, и открыл сыну ужасную тайну.

– Не плачь, отец, – ответил королевич, – не так все плохо. Я смогу заставить Кощея отречься от права на меня, которое он так мошеннически выудил, но если не вернусь я в течение года, будет это означать, что никогда уж больше не увидимся!

Собрался королевич в дорогу, король дал ему стальные доспехи, меч и коня, королева повесила ему крест из красного золота на шею; потом обнялись они горячо, заплакали сердечно, и королевич уехал.

Ехал он день, два, три, в конце четвертого дня, на заходе солнца, приехал на берег морской и нашел у самого залива двенадцать девичьих рубашек, белых, как снег, а в воде, насколько глаз мог видеть, не было ни одной живой души, только вдали от берега плавало двенадцать белых гусочек. Любопытствуя, чьи это рубашки, взял королевич одну, пустил коня на луг, а сам спрятался в камышах поблизости и стал ждать, что будет. Гусочки, наигравшись в море, приплыли к берегу, одиннадцать из них подбежали к рубашкам, ударились оземь, превратились в прекрасных девушек, быстро оделись и улетели в поле. Двенадцатая гусочка, меньше и прекраснее всех остальных, не отваживалась выйти на берег и только боязливо вытягивала шейку и оглядывалась по сторонам. Заметила она королевича и заговорила человеческим голосом:

– Королевич Ненадалек, верни мне мою рубашку, я тебя за это отблагодарю.

Послушался королевич, положил рубашку на траву и скромно отвернулся. Гусочка выбежала на травку, превратилась в девушку, быстро оделась и встала перед королевичем, и была она такая красивая, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Зарделась она, подала королевичу белую ручку и, опустив глазки, сказала любезным голосом:

– Спасибо тебе, добрый королевич, что ты сделал, как я просила; я младшая дочка Кощея Бессмертного; у него двенадцать дочек, и царствует он в подземном царстве. Отец мой уже давно тебя ждет, королевич, и сильно гневается, но ты не бойся, сделай только то, что я тебе скажу. Как только увидишь короля Кощея, упади сразу на колени,

не обращай внимания на его крики, топот и угрозы, но смело к нему приближайся. Что потом будет, увидишь, а сейчас пойдём!

Сказав это, топнула принцесса своей маленькой ножкой, земля перед ней расступилась, и они спустились в подземное королевство, в Кошечей дворец, который освещал все подземелье яснее, чем наше солнце землю. Королевич смело вошел в зал. На золотом троне сидел Кощей с горящей короной на голове. Глаза его блестели, как две зеленые стекляшки, а руки у него были как рачьи клешни. Как только увидел его королевич издали, упал на колени, а Кощей так грозно закричал, что своды подземного царства затряслись, но королевич смело приближался на коленях к трону, а когда приблизился он на расстояние нескольких шагов, рассмеялся король и сказал:

– Ты счастливчик, повезло тебе, что удалось меня рассмешить; оставайся в нашем подземном царстве, но, прежде чем станешь ты его законным обитателем, должен выполнить три моих поручения, но сегодня уже поздно, начнем утром, а пока иди в свою комнату.

Королевич хорошо выспался в комнате, а на следующий день утром Кощей позвал его к себе и сказал:

– Посмотрим, королевич, что ты умеешь! Построй-ка мне за сегодняшнюю ночь дворец из чистого мрамора, окна пусть будут хрустальные, крыша золотая, вокруг него – прекрасный сад, а в саду – скамьи и фонтаны; если построишь, заслужишь мою любовь, а нет – прикажу тебя заколоть.

Выслушал его королевич, вернулся в свою комнату, задумался о грозящей ему смерти и так сидел, погруженный в свои мысли, когда вдруг у окна снаружи зажужжала пчелка и попросила:

– Открой!

Открыл он окно, пчелка влетела внутрь, и перед удивленным королевичем появилась принцесса, самая младшая дочка Кощей.

– О чем задумался, королевич Ненадалек?

– Ах, думаю я о том, что отец твой хочет лишить меня жизни.

– Не бойся! Ложись спать, а завтра утром будет твой дворец уже готов!

Так и случилось. На рассвете вышел королевич из комнаты и увидел такой прекрасный дворец, какой никогда не видывал, удивился он, не веря собственным глазам.

– Ну, на этот раз ты выиграл, – сказал Кощей, – но теперь слушай мое второе задание: завтра предстанут перед тобой двенадцать моих дочерей, если не угадаешь, которая из них самая младшая, голову на плаху положишь!

«Чтобы я не смог узнать самую младшую принцессу? – сказал королевич сам себе в своей комнате. – Что в этом может быть трудного?»

– А то, – ответила принцесса, влетевшая в комнату пчелкой, – что, если я тебе не помогу, не узнаешь, потому что мы очень похожи, сам отец различает нас только по одеждам.

– А что я должен делать? – спросил Ненадалек.

– А вот что: самая младшая – та, у которой над правой бровью найдешь солнышко, только хорошенько это запомни! До свидания!

Назавтра Кощей снова позвал королевича Ненадалека. Принцессы уже стояли в ряд, все в одинаковых одеждах, с опущенными глазами. Посмотрел на них королевич и удивился, как же принцессы друг на друга похожи, прошел мимо каждой раз, другой, нигде не увидел знака, о котором было договорено, – и только в третий раз увидел над бровью одной из них солнышко и крикнул:

– Вот самая младшая принцесса!

– Черт возьми! Как ты это угадал? – воскликнул Кощей гневно. – Тут какой-то подвох. Ну что ж, испытаю тебя по-другому. Придешь сюда снова через три часа и в моем присутствии покажешь нам свою мудрость; подожгу я соломку, и пока будет она гореть, сошьешь пару башмаков, а не успеешь – сгинешь!

Разгневанный королевич вернулся в свою комнату, а пчелка уже его там ждала.

– О чем задумался, королевич?

– Как же мне не задуматься, когда твой отец хочет, чтобы я ему пару башмаков сшил, а разве я сапожник?

– Так что будешь делать?

– А что я должен делать? Башмаки шить не буду, смерти я не боюсь – двум смертям не бывать, а одной не миновать!

– Нет, королевич, ты не умрешь, я о твоём освобождении позабочусь, или вместе спасемся, или вместе погибнем; мы должны убежать – другого способа нет!

Так сказала принцесса, плюнула на окно, и слюна ее в ту же минуту замерзла; вместе с королевичем вышла она из комнаты, двери заперла, а ключ выбросила подальше, взялись они за руки и быстро вознеслись ввысь и в один момент очутились в том самом месте, где спускались в подземное царство; опять море, залив, заросший осокой и камышом, тот же свежий луг, а на лугу бегают сытый конь королевича, который, учуяв своего ездока, заржал и подбежал прямо к нему. Королевич, не долго думая, вскочил на коня, принцесса села за ним, и полетели они стрелой.

Кощей, не дождавшись королевича в указанное время, пошел спрашивать, почему он не идет. Слуги нашли двери запертыми, сильно в них постучали, а из комнаты послышался им голос королевича, который ответил:

– Скоро иду!

Слуги передали этот ответ королю; тот ждет, ждет – нет королевича; послал он снова слуг, услышали они опять:

– Скоро иду!

И передали королю, что услышали.

– Это что? Шутить он со мной вздумал? – крикнул гневно король. – Немедленно бегите туда, высадите двери и приведите его ко мне!

Слуги побежали, двери выбили, вломились внутрь... черт возьми, никого там нет, а слюна на окне безобразно смеется. Кощей чуть не лопнул от злости, поручил всем пуститься в погоню за королевичем и посулил слугам смертную казнь, если вернуться ни с чем. Вскочили они на коней и погнались за Ненадалеком.

Королевича Ненадалека с принцессой уносил статный конь, но вдруг услышали они топот. Королевич соскочил с коня, приложил ухо к земле и говорит:

– Это спешат за нами!

– Лишнего времени нет, – сказала принцесса и в ту же минуту превратила себя в реку, королевича – в мост, коня – в ворона, и большая дорога за мостом разделилась на три. Торопятся гонцы по свежим следам, подъехали к мосту и встали, остолбенев от неожиданности, след ведет к мосту, потом исчезает, а дорога делится на три пути. Не знали Кошечевы слуги, что им делать, помчались назад и приехали ни с чем. Распалился Кощей гневом и крикнул:

– Мост и река – это и были они, вам это не пришло в голову? А ну-ка назад и без них не возвращайтесь!

Снова пустились слуги в погоню.

– Слышу гул! – закричала принцесса, дочь Кощеева, во весь голос королевичу Ненадалеку, тот соскочил с коня, приложил ухо к земле и ответил:

– Гонятся во всю мочь, и уже близко!

И в ту же минуту принцесса с королевичем, а с ними конь обернулись темным лесом, и дорожек, тропок и стежек было в нем не счесть, а по одной из них будто бы мчались два всадника на коне. По свежим следам прискакали преследователи в лес и, когда увидели беглецов, пустились во всю мочь за ними. Скачут-скачут и видят вокруг тот же густой лес, широкую дорогу, а на ней беглецы; им уже кажется, что вот-вот их догонят, но беглецы вдруг исчезли в густом лесу, а их преследователи оказались на том самом месте, где пустились в погоню. Вернулись слуги к Кощею, снова не выполнив приказ.

– Коня мне, коня, сам полечу, не уйдут из моих рук! – закричал Кощей с пеной у рта и помчался.

Снова говорит принцесса королевичу Ненадалеку:

– Кажется, опять погоня за нами, и на этот раз сам Кощей, мой отец! Но у первого же костела кончится предел его царства, и дальше он нас не сможет схватить. Дай мне свой золотой крест!

Снял королевич подарок своей доброй матери, дал его принцессе, и она тут же превратила себя в костел, королевича – в священника, коня – в колокольню, и в ту же минуту прискакал Кощей.

– Не видел ли ты, монах, путешественников верхом на коне? – спросил Кощей священника.

– Проезжал тут только королевич Ненадалек с принцессой, дочкой Кощеевой, вошли они в костел, помолились за твое здоровье и велели тебе кланяться!

Так Кощей и вернулся ни с чем. А королевич Ненадалек с принцессой, дочкой Кощеевой, не боялись больше погони и поехали дальше.

Ехали они потихоньку, и вот увидели перед собой прекрасный город, и очень захотелось королевичу заехать туда.

– Королевич, – сказала принцесса, – не заезжай туда, чует мое сердце беду!

– Я только на минуточку, гляну на город, и снова пустимся в дорогу!

– Что ж! Заехать туда не трудно, а вот вернешься ли! Ну, в конце концов, если ты так хочешь, езжай, а я стану белым камнем и подожду тебя, будь только осторожен, мой милый; король, королева и принцесса, их дочь, выйдут тебя поприветствовать, а с ними будет красивый мальчик, не целуй его, если поцелуешь, тут же обо мне забудешь, а потом уж никогда меня на этом свете не увидишь: я умру от отчаяния. Смотри: здесь на дороге буду ждать тебя три дня, если ты на третий день не вернешься, помни, что я погибну, и погибну по твоей вине.

Королевич перекрестился и поехал в город, а принцесса превратилась в белый камень и осталась у дороги.

День проходит, другой проходит, проходит и третий, а королевича все нет и нет. Бедная принцесса! Не послушал он ее совет; в городе пришли его поприветствовать король, королева, принцесса, их дочка, а с ними выбежал кудрявый малыш, веселый мальчик, глазки – как звездочки, и быстро побежал к королевичу на ручки, а тот был так очарован красотой малыша, что обо всем забыл и поцеловал дитя малое. И в эту минуту затмилась его память, и забыл он о принцессе, дочке Кощеевой.

Первый и второй день лежала принцесса, превращенная в белый камень, у дороги, а когда минул третий день и королевич из города не вернулся, горестно всхлипнула, превратилась в василек и прыгнула в жито у дороги.

– Останусь я тут, у дороги, может быть, кто-нибудь из прохожих сорвет меня или в землю втопчет, – сказала она, и слезы, как капли росы, заструились по ее небесно-голубым лепесткам.

В это время шел по дороге старик, увидел в жите при дороге василек, и красота цветка так его поразила, что выкопал он его осторожно из земли и принес в свое жилище, пересадил в цветочный горшок, полил его водой и стал заботливо за васильком ухаживать. Но диво дивное! С той минуты, как принес он василек в свое жилище, стали там твориться чудеса. Только старик проснется, а в доме все убрано, нигде ни пылинки. В полдень придет домой – обед готов, стол

накрыт, только садись и ешь на здоровье. Удивлялся-удивлялся старик, и стало ему в конце концов страшно, пошел он посоветоваться к старой гадалке, известной во всей округе.

– Сделай так, – посоветовала ему гадалка, – встань перед рассветом, прежде чем петухи закричат, и смотри внимательно, что начнет в доме двигаться, и то, что двигается, накрой вот этим платочком, а что дальше будет – увидишь!

Старик целую ночь глаз не сомкнул, и когда начало рассветать и в комнате можно было все разглядеть, видит – василек вдруг задвигался в цветочном горшке, спрыгнул и начал по избе ходить, и все начало укладываться на свои места, пыль сама сметалась, и в печи разгорелся огонь. Старик проворно соскочил с кровати и набросил на бегающий цветок платочек, глядь – из цветка появилась прекрасная девушка – принцесса, дочка Кощеева.

– Что же ты наделал, – воскликнула принцесса, – зачем ты мне жизнь вернул? Мой жених, королевич Ненадалек, забыл обо мне, и жизнь мне опостылела!

– Твой жених, королевич Ненадалек, как раз сегодня женится, свадебное угощение уже готово, и гости начинают съезжаться.

Заплакала принцесса, но через минуту вытерла слезы, оделась в платье из грубого полотна и как деревенская девушка пошла в город. Пришла она к королевской кухне, а там шум, гам, толкотня; подольстилась она к повару и сладким голосом произнесла:

– Милый господин, будь так любезен, дозвожь мне спечь свадебный пирог для королевича Ненадалека!

У повара дел было невпроворот, хотел он сначала напуститься на девушку, но когда взглянул на нее, грубые слова застыли у него на губах, и он ответил приветливо:

– Ах ты, красота моя ненаглядная, делай что хочешь, я сам королевичу твой пирог подам!

И глядь – пирог испечен, все гости сели за стол. Повар поставил перед королевичем огромный пирог на серебряном подносе, но едва королевич надрезал его с одной стороны, глядь, у всех перед глазами случилось диво дивное: сизый голубок с белой голубкой выбежали из пирога, голубь ходит по столу, а голубка ходит за ним и воркует:

Голубок мой, подожди,
Рядом с милой посиди;
Ты неверный мой милочек,
Как Ненадалек королечек,
Что Кощея дочку предал!

Как только королевич Ненадалек услышал воркованье голубки, сразу вернулась к нему потерянная память, выскочил он из-за стола, побежал к дверям, а у дверей взяла его принцесса, дочка Кощеева, за руку, выбежали они на лестницу, а перед ними уже стоял оседланный конь.

Чего было ждать? Королевич Ненадалек с принцессой, дочкой Кошеевой, вскочили на коня, пустились в дорогу и в конце концов счастливо прибыли в страну отца королевича Ненадалека. Король и королева с радостью их встретили и, не откладывая, устроили такую шумную свадьбу, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

О глупом Пецивале^[7]

Жил однажды старик, и было у него три сына: двое были женатые и разумные, а третий, младший, Пецивал, был и без жены, и глупый. Разболелся отец тяжело и, видя перед собой смерть, завещал все свое имущество старшим сыновьям, к тому же каждому сыну дал по сто золотых и умер. Похоронили его как полагается, а потом двое разумных братьев взяли свое хозяйство. И сказали они однажды Пецивалу:

– Знаешь что, брат, дай нам свои деньги: мы поедем по белу свету на заработки, а когда вернемся, привезем тебе красную шапку, красный пояс и красные сапоги, а ты пока седи дома и делай то, что поручат тебе наши жены.

Глупец давно мечтал о красном поясе, красных сапогах и шапке, и согласился он с братьями, и отдал им свои деньги. Пошли братья по белу свету, а глупец остался дома, но поскольку был он невероятным лентяем, все время валялся на печи, а невесток, когда они ему что-то поручали, не слушал, зато больше всего нравились ему квас, лук и подливка из поджаренной муки.

– Пойди, Пецивал, – сказали ему однажды невестки, – принеси нам воды.

Было это зимой, на улице морозно, не хотелось Пецивалу с печи слезать, вот он и сказал:

– Сами идите, а меня оставьте в покое.

– Пойди, глупый, мы тебе приготовим квасу, подливку и лук, а не послушаешься, вернутся наши мужья и не получишь ни пояса, ни сапог, ни красную шапку.

Услышав это, глупец слез с печи, взял бидоны, топор и пошел по воду. Придя на реку, вырубил он прорубь, набрал воды, поставил бидоны на лед и, почесывая за ушами, стал смотреть на воду, и вдруг из-под воды показалась щука. Подскочил Пецивал, схватил ее за жабры и вытащил.

– Отпусти меня, – попросила щука, – а я тебе за это любое желание исполню.

– Я хочу иметь такой дар, чтобы все исполнялось, что я ни пожелаю.

– Это исполнится, как только ты произнесешь эти слова:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Пусть будет то-то и то-то!

– Увидим, – ответил глупец и сказал:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Пусть будут тут лук, квас и подливка!

И немедленно все появилось. Глупец наелся, напился и сказал:

– Хорошо, мне уже хватит, больше не хочу! А будет ли так все время?

– Будет, – ответила щука.

После этого глупец отпустил ее в реку, встал у бидонов и сказал:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Пусть эти ведра сами идут домой!

После этого коромысло с ведрами двинулось и пошло потихоньку домой, а глупец, шагая за ними, жевал лук с подливкой и запивал квасом. Ведра шли перед ним, как гуси. Когда ведра наконец пришли

домой, глупец снова залез на печь и уснул. Вскоре невестки снова начали его дергать:

– Иди, Пецивал, наколи нам дров.

– А вы что? Сами не можете?

– Да разве женщины должны это делать? Если не наколешь нам дров, замерзнешь на печи и красную шапку, пояс и сапоги никогда не получишь.

Глупец повернулся на печи и сказал:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Пусть сделается так, как они хотят.

Тут из-под лавки выскочил топор, наколол дров у дровяного сарая, принес их к печке, а потом снова улегся под лавку, глупец же все это время нежился на печи, ел лук с подливкой и запивал квасом.

– Пецивал! – позвали его через несколько дней невестки. – В дровяном сарае ни одного полешка не осталось, поезжай в лес и привези, а то красную шапку, сапоги и пояс не получишь.

В тот раз глупец быстро послушался, потому что хотел показать всем в деревне, на что он способен. Слез он с печи, оделся, обулся, вышел во двор, вытянул сани, положил на них тарелку с луком с подливкой, взял кнут в руки, уселся, и, по его хотению, по щучьему велению, побежали сани сами через всю деревню в лес, только снег под ними свистел. А по пути проезжал он людным местом, и сбежалось много любопытных посмотреть на сани, которые едут без коней, так что глупец, быстро мчась, много людей переехал, много возов опрокинул, а женщин и детей напугал. Когда же приехал он в лес, произнес:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Как скажу, пусть быстро станет:
Иди, топор, руби дрова,
Дрова в вязанки вяжитесь,
А вязанки на сани ложитесь!

И как велел, так все и сделалось, глупец уселся, и санки понесли его домой, но в том самом месте, где подавил он столько людей, как

только его увидели, тут же окружили со всех сторон, вытащили из саней, схватили за волосы и начали бить. Глупец-то поначалу думал, что его просто пощекотать хотят, чтобы он рассмеялся, но когда стало ему больно, произнес он в душе:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Пусть каждому поленом достанется!

После этого быстро из саней выскочили поленья и начали скакать по людям, так что все они мгновенно разбежались в разные стороны, а глупец чуть не лопнул от смеха; поехал он дальше своей дорогой и вскоре снова оказался на своей печи. С того времени по всей округе разнеслась весть о глупце, и люди ходили на него посмотреть, как на чудотворца, пока в конце концов о нем не узнал сам король и захотел его тоже увидеть, и послал специально за ним воеводу.

– Слезай с печи, Пецивал! Одевайся, и пойдем к королю! – сказал ему воевода.

– А зачем? Ведь у меня луку, подливки и квасу и так хватает.

За такую дерзость дал ему воевода подзатыльник, но глупец, и не двинувшись с печи, прошептал:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Пусть ему помелом достанется!

Помело, измазанное сажей, окунулось в помои и набросилось на посланца короля – бедняга едва через окно убежал, вскочил в коляску и без промедления вернулся к королю. Тогда король послал другого посла, более осторожного; тот сначала разузнал, что глупец любит, а уж потом подошел к печи, поклонился и сказал:

– Пецивал, пойдем со мной к королю, он хочет тебе подарить красную шапку, красный пояс и красные сапоги!

– Если так, поеду, только поезжайте вперед, я вас догоню.

Посол поехал, а глупец наелся подливки с луком, напился квасу, выспался, а когда его разбудили братья, говоря, что уже время отправляться в дорогу, а он все еще на печи, произнес:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Пусть прямо на печи окажусь я сейчас перед королем!

В печи тут же задымилось, загорелось, двери дома распахнулись настезь, и печь с глупцом побежала по дороге, обогнала посла и остановилась перед королевским дворцом. Король со всем своим двором в удивлении выбежал на открытую галерею, а глупец как раз доедал лук с подливкой, запивал квасом и никого не замечал.

– Ты кто? Что ты делаешь? Зачем приехал? – спросил его король.

– Я глупец Пецивал, ем лук с подливкой и квасом запиваю, а приехал я к тебе, король, за красной шапкой, красным поясом и за красными сапогами.

Так глупец отвечал королю, а тот его о других вещах спрашивал, и тут вышла на галерею дочка королевская, и была она очень красивая. Как только увидел ее глупец, тут же в нее влюбился и подумал:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Пусть королева станет моей милой!

После этих его слов печь снова двинулась, и поехал глупец домой, двери дома снова открылись, печь встала на свое место, а глупец принялся на ней валяться, ел лук с подливкой и запивал квасом.

А тем временем прекрасная королевская дочка так в глупца влюбилась и тосковала, что упала королю в ноги и всю правду ему открыла. Король всячески ее отговаривал, но когда ничего не помогло, а королева погибала от любви, снова послал за глупцом. Но глупец ни за что не хотел ехать к королю до тех пор, пока посол не напоил его допьяна, а потом связал и привез к королю. Король, не мешкая, позвал к себе чернокнижника и в наказание велел Пецивала с королевной заключить в стеклянную бочку, засмолить и пустить ее по ветру. Бочка с ними взлетела в облака как птица. Королева в бочке горько плакала и просила глупца, чтобы он ее освободил, но глупец ответил, что ему в бочке хорошо. Потом все-таки смягчился перед ее мольбами и сказал:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Пусть сейчас же окажусь на острове угощений!

Так и сделалось: бочка повернулась над морем, спустилась на остров угощений и развалилась на куски. А тот остров был волшебный, кто на нем был и что-то желал, все исполнялось. Прогуливался глупец с королевной по острову, и ни в чем у них нужды не было, могли есть и пить, чего только ни пожелали, стол сам собой накрывался, а когда они наедались и напивались, стол сам собой исчезал. Глупцу нравилось это безмерно, но королевне было этого мало, она попросила глупца, чтобы позаботился он о дворце для нее. По его хотению, по щучьему велению встал немедленно на острове мраморный дворец с хрустальными окнами, золоченой мебелью и янтарной крышей. Потом попросила королева глупца, чтобы он соединил остров с сушей и привел на остров людей, потому что она очень тосковала, не могла жить без горничных, а также очень хотела видеть своего отца. И сказал глупец:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Пусть станет так, как хочет королева!

И на следующий день утром стоял через море хрустальный мост на золотых сваях, с алмазными перилами, и был он такой длинный, что шел прямо ко дворцу отца королевны. Хотел уж было глупец вместе с королевной отправиться в путь, но вспомнил внезапно, что все люди как люди, а сам он глупец и что стыдно было бы таким оказаться при дворе короля да с его дочерью, и решил он еще раз, но уж напоследок, воспользоваться щучьим даром и сказал:

По моему хотению,
По щучьему велению,
Пусть немедля стану умным!

И едва он это произнес, немедленно получил разум и хорошие манеры, пустился он в путь с королевной, перешли они по чудесному мосту на твердую землю прямо к королю, пали к его ногам и попросили о благословении. И в тот же вечер их повенчали, король объявил зятя своим преемником и устроил праздничные гулянья:

ели, пили
и веселы были,
и я там был,
мед и вино в три горла пил,
и все, о чем я там узнал,
как умел, вам рассказал.

Дух погребенного

Шел однажды бедный юноша в город и нашел под стеной у ворот непохороненного мертвеца, а кто мимо проходил, на тело плевал. У юноши в кармане было негусто, но то, что он имел, отдал на погребение, чтобы на мертвого не плевали и не били его дубинками. Потом помолился он над свежей могилой и пошел дальше по свету своей дорогой. Пришел он в дубраву и там уснул, а когда проснулся, с удивлением обнаружил, что карман его полон дукатов. Поблагодарил он неведомого дарителя и пошел к большой реке, где должен был найти перевозчика. Перевозчики, увидев, что у юноши полный карман дукатов, взяли его в лодку, но когда приплыли на середину реки, забрали у него дукаты, а его выбросили в воду. Когда уносило его течением, сумел юноша ухватиться за доску и с помощью этой доски счастливо выплыл на берег. Но это была не простая доска, в ней был дух того погребенного, который вдруг обратился к юноше так:

– Ты устроил погребение моему телу – благодарю тебя! И из благодарности научу тебя превращаться в ворону, серну и щуку.

Когда юноша научился этому заклинанию, мог он с легкостью обратиться вороной, серной или щукой. Шел он долго и далеко, пока не пришел ко двору могущественного короля, и тот взял его на службу дворцовым стрелком. У короля была красивая дочка, но жила она посреди моря на неприступном острове в медном замке, и был у нее такой меч, что стоило только им махнуть, как самое большое войско становилось побежденным. В это время как раз напал враг короля на его страну, и потребовался этот побеждающий меч, и очень нужно было его получить. Но как его достанешь, если пока никто не ступал на одинокий остров! И объявлено было тогда, что тот, кто побеждающий меч от королевны принесет, не только получит ее руку, но и унаследует королевский трон. Но никто не хотел даже пытаться,

только достойный юноша, ныне дворцовый стрелок, предстал перед королем и сказал, что пойдет за мечом, но только король должен дать юноше в доказательство письмо, чтобы ему королева поверила и отдала меч. И удивились все вокруг этому, и король дал юноше письмо к своей дочери. Ушел юноша в лес, не зная, что другой дворцовый стрелец следует за ним по пятам. Вот юноша превратился в серну и быстро побежал, пока не оказался на морском берегу. Превратился он в щуку и стремительно поплыл к тому самому острову; а там превратился в ворону и влетел в медный замок. В замке он снова превратился в человека и подал прекрасной королеве письмо от отца и попросил отдать ему побеждающий меч. Прекрасной королеве понравился красивый стрелец, и спросила она его, как смог он попасть в замок, ведь до сих пор туда не ступала нога человека. И доверился ей стрелец, что знает заклинания, с помощью которых превращается в серну, щуку и ворону. Королева попросила, чтобы он перед ней превратился в серну. И когда он это сделал и скакал около нее, вырвала она незаметно из хребта серны немного шерсти. Потом превратился он в щуку, и королева снова выдернула из хребта щуки несколько чешуек. Наконец превратился он в ворону и начал летать по комнате, а королева вырвала у него из крыла несколько перышек.

Потом королева быстро написала письмо отцу и передала юноше побеждающий меч. Юноша, приняв и то и другое, вороной слетел к морю, щукой море переплыл, а потом серной побежал через горы и доли, пока не очутился в ближнем к замку лесу. А там поджидал его предатель-стрелок и, узнав его, натянул лук и серну застрелил. Потом забрал у него письмо и побеждающий меч, отнес королю и попросил, чтобы король любезно исполнил то, что обещал. Король на радостях пообещал ему руку своей дочери, сел на коня и с мечом в руке смело отправился воевать с врагом. Как только увидел он неприятельские знамена, сильно взмахнул мечом, и при каждом взмахе падали ряды врагов, а те, что не падали, бросались наутек. С победой весело возвращался король домой и вел свою красивую дочку, чтобы отдать ее в жены стрелку, который принес ему меч. Принялись готовиться к свадьбе. Уже и музыка играла, и весь замок был ярко освещен. Однако королева грустно сидела рядом со стрелком-убийцей; она-то сразу узнала, что это не тот, кого она видела в замке, но боялась у отца

спросить, куда делся тот красивый стрелок: она его полюбила и тайно о нем плакала.

А он, бедняга, в шкуре серны лежал убитый под дубом целый год, пока однажды ночью не почувствовал, что кто-то пробудил его от глубокого сна. И встал перед ним тот дух, чье тело юноша предал погребению. Воскресив его к жизни, дух рассказал, что и как с ним случилось, и произнес:

– Завтра у королевны будет свадьба: поспеши в замок, она тебя узнает, а тот стрелок, который тебя предательски убил, узнает тебя тоже.

Юноша вскочил на ноги и поспешил в замок, где в огромном зале разные гости уже ели и пили. Прекрасная королевна сразу его узнала, вскрикнула от радости и потеряла сознание, а стрелок-убийца, как только его увидел, побледнел и позеленел от страха. Тут юноша рассказал, как его стрелок предал и убил, а в доказательство того, что он говорит правду, превратился перед всеми собравшимися в серну и начал ласкаться к королевне. Королевна взяла ту шерстку, которую выдернула у него, когда он был в ее замке, приложила серне на хребет, и шерсть тут же приросла. Потом превратился юноша в шуку, а королевна приложила чешуйки, которые были у нее спрятаны, на их место, и они тут же приросли. Наконец превратился юноша в ворону, и королевна взяла перышки, которые выдернула у него в замке, и они снова приросли. Тогда приказал король, чтобы стрелка-убийцу казнили, а юноша получил молодую прекрасную королевну в жены. Снова готовились к свадьбе: весь замок был ярко освещен – ели, пили и веселы были, и королевна уже не плакала, потому что получила то, что хотела.

Милостыня

Один нищий шел по деревне побираться и пришел к крестьянке Блажковой. Но Блажкова была скупая и мелочная, ни куска черствого хлеба нищему не дала, да еще и обругала его и прогнала, не сказав: «Поддай Господь!» Нищий ушел от Блажковой и заглянул к Яновой, живущей поблизости. Янова была добрая и милосердная женщина, как только увидела она нищего, взяла у своих детей из рук два куска хлеба, которые только что маслом намазала, и отдала их нищему,

пожелав, чтобы ему Господь Бог что-то лучшее подал, а она бедная, и ничего другого у нее в избе нет.

– Помогай тебе Господь Бог, милосердная женщина, чтобы тебя за это Бог наградил десятикратно, чтобы могла ты одеть своих детей и была счастлива, а то, что сегодня начнешь делать, чтобы успела до захода солнца.

Так сказал, уходя, тот нищий.

– Спаси, Господи, спаси, Господи! – благодарила Янова за добрые слова нищего, но то, что он говорил, всерьез не приняла, даже толком и не поняла его слова. Янова была бедной вдовой, было у нее двое детей на пропитании. Когда нищий ушел, было уже за полдень, а дети еще не обедали, и на ужин у нее не было ничего. Еще весной получила Янова от соседки Блажковой три грядки льна, за которые много дней должна была тяжело трудиться, но отработала это; лен она сама собрала, намочила, вычесала и спряла, как положено, а потом ткач из него соткал около двадцати локтей полотна, а полотно это, все свое имущество, Янова спрятала на зиму, себе и детям на рубашки. Когда нищий уходил от нее, в доме была такая бедность, что и топор не во что было воткнуть, дети плакали, хотели есть, да и хозяйке хотелось плакать. Не знала она, что делать, и вот пришло ей в голову отнести несколько локтей полотна жиду на продажу, чтобы купить на вырученные деньги хлеба и соли. Начала она мерить полотно. Дети утихли, а она мерила и мерила без конца, аж до захода солнца. Вместо своих двадцати локтей тысячу локтей полотна намерила. Полная радости, поблагодарила она Господа Бога, и, желая скорее накормить детей, не побежала она на другой конец деревни к жиду, а взяла несколько локтей полотна и продала их Блажковой, конечно, за гроши, но что было делать, коли детям есть хотелось?

На следующий день была в городе ярмарка, и Янова понесла туда свое полотно, а поскольку было оно тонкое и нежное, ей хорошо заплатили. Принесла Янова с ярмарки домой много разных вещей и, кроме того, еще полный кошель денег. Сразу купила себе Янова две коровы, часть поля и луга, наняла прислугу, благодарила Бога и работала дальше. Но счастье ее не нравилось соседке Блажковой, которая хоть и стала ее кумой, не была чистосердечной с Яновой. Однажды за стаканчиком палинки стала Блажкова выпрашивать Янову, как удалось ей выйти из нужды, как она все устроила? И Янова

все точно и с самого начала рассказала, как это было: как пришел к ней нищий побираться, как у детей из рук взяла два куска хлеба и ему отдала, как он за это напоролил добра и просил за нее Бога, а она даже не приняла это всерьез, как потом дети хотели есть и плакали, как собиралась полотно отнести жиду, чтобы были деньги на хлеб и соль, как это полотно мерила до захода солнца – все-все ей рассказала. Блажкова, когда все это услышала, пригубила ее палинки и сказала:

– Ах, моя золотая кумушка! Если бы ты только знала, какая у меня временами тоже бывает бедность! Ведь и у меня тоже детки, а мой муж не может как следует заработать, и хотя мы оба работаем, но все равно все проедаем – ах, милая кумушка, если вас тот нищий еще раз навестит, скажите ему, чтобы и ко мне зашел.

– Милая кумушка! – отвечала Янова. – Если его Господь Бог еще раз пошлет, конечно, я его попрошу, чтобы он и к вам зашел.

Блажкова попросила налить ей еще одну рюмочку, потом они расцеловались, обнялись и разошлись. Прошла неделя после этого разговора, шел тот же самый нищий по деревне, и снова пришел он к Яновой. Милая женщина от радости не знала, куда его и усадить, благодарила его, уважила и одарила, а когда нищий прощался с ней, попросила, чтобы он зашел и к ее куме, Блажковой, и нищий пообещал, что обойдет деревню, а потом зайдет к ней. Когда нищий, обойдя деревню, шел к Блажковой, та, увидев его издали в окно, намазала своим детям по куску хлеба, а как только он вошел в дом, быстро вырвала у них хлеб из рук и отдала его нищему.

– Спаси, Господь Бог! – сказал нищий. – И как начнешь работать, работай до захода солнца.

И после этого ушел. Блажкова уже и полотно приготовила, чтобы его измерять, уже локоть из угла вытаскивала и хотела начать мерить, но в этот момент дети захотели пить, и саму ее одолела невероятная жажда. Чтобы не терять времени, побежала она быстро к колодцу по воду, а как только принесла одну бадью воды, побежала за другой, а как принесла другую, побежала за третьей, четвертой, десятой и так без конца воду носила аж до захода солнца.

Беда

Была у обедневшего хозяина красивая дочка, которую старый господин, владелец той деревни, хотел взять себе в жены, но девушка его не любила, и родители ее не хотели давать на этот брак благословение. Старый жених тиранил их как мог, нагружал работой, а за самую малую провинность велел их бить, так что бедный хозяин не мог это выдерживать и решил переехать в другую деревню. В избе, где жила эта семья, часто за печью что-то скрипело, и, несмотря на то что все не раз осматривали, ничего найти не смогли. Но когда семья уже переезжала и убиралась в последний раз, услышали они вдруг за печкой громкий скрип и прислушались: что это? И скрип-скрип, шуп-шуп, выскочило из-за печки тощее и бледное существо, похожее на шуструю девицу.

– Ай, что за дьявол! – вскрикнул отец.

– Ради Господа Бога! – воскликнула мать, а за ней все дети взялись кричать.

– Никакой я не дьявол, – сказала тощая бледная девица, – я ваша Беда, и когда вы отсюда переедете, должны и меня забрать в новое жилище.

Хитрый хозяин видел, что Беду свою не поймает и не задушит, а потому поклонился ей низко и сказал:

– Хорошо, золотая моя милостивая госпожа! Если тебе так у нас нравится, тогда пойдем с нами, но сама видишь: мы все на себе переносим, помоги нам и ты что-то нести, чтобы мы побыстрее съехали.

Беда на это согласилась и хотела взять несколько мелочей из дома, но мелочи хозяин раздал детям, а ей сказал, что на дворе стоит колодушка, ее тоже надо взять с собой. После этого вышел он во двор, колоду топором сверху донизу расщепил и, позвав Беду, вежливо попросил, чтобы она помогла нести эту колоду. Беда не знала, как за колоду ухватиться, пока хозяин не указал ей на трещину. Засунула она свои длинные зяблые пальцы в щель, а хозяин будто бы хотел колоду сдвинуть с другой стороны, быстро вытащил оставленный топор, и длинные зяблые пальцы Беды накрепко защемил в колоде, да так, что она не могла их вытянуть. И кричала Беда во все горло, но ничего не помогало; хозяин с детьми собрал вещи и съехал из избы и потом уж никогда в то место не возвращался. Поселился он в другой деревне, а там дела его пошли так хорошо, что скоро он из всей деревни стал

самым богатым. Дочка его красавица вышла замуж за достойного сына зажиточных крестьян, и вся семья была счастлива. А в той деревне, где хозяин тиранил эту семью, захотел хозяин деревни опустевшую избу дать другому крестьянину и пришел на эту избу посмотреть, увидев Беду, которая стонала у колоды с защемленными пальцами, смиловался над бледной девицей и с помощью клина высвободил ее пальцы. С той поры бледная девица ни на шаг не отступала от своего освободителя, а когда еще дьявол-искуситель разжег в господине, как в старой печи, огонь любви на старости лет, стал он терять имущество, терял, терял, пока не потерял все, что имел.

Дьявольский танец

У одной батрачки было две дочери: своя собственная и падчерица. И поскольку зарабатывала батрачка на пропитание своими руками, должны были и девушки зарабатывать сами – всю весну и лето копали в садах, жали в полях, а зимой пряли пряжу. Вот настала зима, и получила батрачка от хозяек гору льна для прядения, а девушки ходили друг к другу в гости и до полуночи пряли, рассказывая сказки и напевая песни. Но поскольку дочери батрачки не были друг другу настоящими сестрами, вместе в гости они не ходили: одна шла на один конец деревни, а другая – на другой.

В одном конце деревни была пустая изба. Однажды вечером шла падчерица прясть пряжу к подругам и увидела в той избе свет. Стало ей любопытно узнать, кто там поселился, вошла она в избу, и тут же подскочил к ней какой-то молодой пан в коротком плаще, приглашая ее к танцу, а девушка так его испугалась, что от страха перекрестилась. Как только девушка осенила себя крестом, молодой пан тут же ее отпустил и очень вежливо попросил, чтобы она села и прядла, и пообещал, что хорошо ей поможет и она до полуночи нарядет больше всех других девушек. Девушка села прясть и, хотя до полуночи было еще далеко, все сделала, а молодой пан сказал:

– Спряла ты, девица, кудель, пойдем танцевать.

А девушка ему ответила:

– Хоть я и спряла кудель, танцевать не пойду, пока не отдохну и не наемся.

Молодой пан побежал и принес девушке много всяких лакомств, и, когда она их съела, сказал:

– Спряла ты, девица, кудель, спряла и наелась, пойдем танцевать.

А она снова ответила:

– Хоть и спряла я кудель, и наелась, танцевать не пойду, пока воды не напьюсь.

Молодой пан побежал и принес чистой воды из колодца, и когда она напилась, сказал:

– Спряла ты, девица, кудель, отдохнула, наелась и напилась – пойдем танцевать.

А девушка ему ответила:

– Хоть и спряла я кудель, отдохнула, наелась и напилась, танцевать не пойду, пока дрова в камине не разгорятся и не станет светлее.

И тут закукарекал петух, и молодой пан в коротком плаще исчез.

Падчерица пошла домой и принесла мачехе в три раза больше пряжи, чем ее неродная сестра. И так падчерица каждый вечер ходила прясть в пустую избу, а молодой господин каждый раз ей помогал и приносил ей одно за другим, а девушка танцы всегда откладывала до тех пор, пока петух не закукарекает, а после приносила мачехе в три раза больше пряжи, чем сестра. И когда мачеха любопытствовала, куда это падчерица ходит прясть и кто ей так помогает, рассказала падчерица правду, и мачеха послала в ту избу свою родную дочь. Пошла мачехина дочка в пустую избу, и быстро прибежал молодой пан в коротком плаще и сказал ей:

– Пряди, девица, пряди, и пойдем танцевать.

А она ответила:

– Принеси мне есть и пить, и разожги огонь, чтобы было светло, и пойду танцевать.

И молодой пан побежал и принес все, и в камине сделал яркий огонь, а поскольку мачехина дочь крестом себя не осенила, потащил ее на танец, два круга с ней прошел, а на третий открутил ей голову и поставил на подоконник, а ее душу взял с собой и улетел.

Рано утром шла мать мимо пустой избы и, когда увидела в окне голову своей дочери, сказала:

– Ой, много напярла моя дочка, поэтому смотрит в окно и смеется.

Но как вошла в избу, увидела, как оно на самом деле было.

Дудочка

Жили-были три сестры, все рослые и красивые, а самая младшая красивее всех. Приехал в деревню пан с далекой Украины, встретил сестер на лугу, когда они собирали цветы и травы, чтобы венки плести, и понравилась ему самая младшая сестра, захотел он взять ее в жены. Через несколько дней пошли сестры в лес по ягоды, и самая старшая, влюбившаяся в пана, убила младшую сестру. Средняя защищала ее, но спасти не смогла. После выкопала старшая глубокую могилу, схоронила там ее тело, а родителям сказала, что сестру сожрали волки. Приехал пан, спросил о своей невесте, а все плача стали рассказывать, какое несчастье с ней приключилось. Горько оплакал пан ее смерть, но время усыпило его тоску, а убийца, утешавшая пана, склонила к себе его сердце настолько, что попросил он ее руки, и день свадьбы был установлен.

А на могиле убитой сестры выросла верба; пошел туда пастух, сделал из веточки вербы дудочку и начал играть. Но как же он удивился! Дудочка не играла, как другие, а неустанно пела дрожащим голоском песенку:

Играй, пастух, играй!
Бог тебе помогай!

Старшая сестра меня убила,
Средняя сестра меня хранила:
Играй, пастух, играй,
Бог тебе помогай!

Пошел пастух к матери и отцу убитой, а дудочка без усталости пела все те же слова. Когда же играть начала мать, услышала она песенку:

Играй, мамочка, играй!
Бог тебе помогай!
Старшая сестра меня убила,
Средняя сестра меня хранила:
Играй, мамочка, играй,
Бог тебе помогай!

Потом взял дудочку отец и слышал то же самое:

Играй, папочка, играй!
Бог тебе помогай!

Средняя сестра с плачем взяла дудочку, и раздалась та же песенка:

Играй, сестричка, играй!
Бог тебе помогай!
Старшая сестра меня убила,
Ты, сестричка, меня хранила,
Играй, сестричка, играй,
Бог тебе помогай!

Старшая сестра, слыша эту песню, побледнела, тогда отец и мать подали дудочку ей, но едва ее губы прикоснулись к дудочке, кровь убитой сестры полилась на ее щеки, и дудочка запела песенку напоследок:

Играй, сестричка, играй!
Бог тебя покарай!
Ты, сестра, меня убила,
Средняя сестра меня хранила!
Ты, сестра, меня убила,
Зависть ко мне душила!
В яме меня схоронила,
Черной землею завалила,
Выросли там вербочки,
Из них будут дудочки:
Играй, сестричка, играй,
Бог тебя покарай!

Так это преступление вышло наружу, привязали убийцу за руки за ноги к диким коням, и те ее разорвали. И пан совсем ее не жалел, а в жены взял оставшуюся сестру.

Чумная толпа

Один крестьянин русин^[8], потерявший во время чумного мора жену и детей, убежал из своей опустевшей избышки в леса и искал там спасения. Блуждал он целый день, а к вечеру сделал из хвои шалаш, развел огонь и уснул. В полночь разбудил его сильный шум.

Он встал, прислушался: услышал вдалеке какое-то пение и звуки бубнов и дудочек. Послушал он и удивился, что кто-то веселится, когда вокруг свирепствует смерть. Шум слышался все ближе и ближе, и испуганный русин заметил на широкой дороге какую-то суматоху. Приближалась к нему толпа странных чудовищ и в середине ехала черная высокая повозка с Моровой женой. С каждым шагом прибывали пугающие дружины, потому что все, что оказывалось на дороге, превращалось в чудовищ.

Еле горел огонь крестьянина, только одно бревно слегка дымилось, но как только приблизилась толпа, бревно встало на ноги, подняло две руки, и горящие угли превратились в блестящие глаза, и начало бревно петь вместе с другими. Крестьянин словно окаменел, в отчаянии схватил он топор и хотел ударить чудовище, которое было ближе всех к нему, но топор вылетел у него из руки и превратился в высокую женскую фигуру с черными волосами, которая с песней исчезла с глаз его. Толпа чудовищ тянулась дальше, и крестьянин увидел, как деревья, кусты, совы превращаются в страшные фигуры, увеличивая толпу. Пугающим было такое умножение жуткой смерти. Упал крестьянин без чувств, а когда утром разбудило его теплое солнышко, увидел он, что все вещи, которые взял он с собой, были поломаны и растоптаны, одежда разорвана, а еда испорчена. И понял он, что никто другой не причинил ему столько зла, как та чумная толпа; поблагодарил он Бога, что в живых остался, и пошел дальше искать спасения и пищи.

Искрицкий

Один пан из окрестностей Тарнова искал приказчика. Был он этим очень озабочен, и вот пришел незнакомый человек, по имени Искрицкий, который искал работу. Именно такой работник и был нужен пану, они обсудили все без затруднений и подписали договор. Пан уже возвращал его Искрицкому, когда заметил, что у того нечеловечьи лапы. Сначала пан смутился, стал думать, что ему делать, но наконец, набравшись смелости, решил от договора отказаться. Искрицкий же об этом и слышать не хотел, настаивая на договоре и клянясь, что, подписав договор, должен исполнить то, что обязался, пока не отслужит срок по договору, а только потом исчезнет

с глаз долой. Жильем выбрал он одну из печей в доме и оттуда выполнял свою службу, рьяно откликаясь на каждый зов, только был он для всех невидим. Сначала господа его боялись, но понемногу привыкли к Искрицкому и настолько уверились в его преданности, что, уезжая из дому, оставляли детей под его защитой. Но соседям была противна эта дьявольская служба, они открыто роптали, их речи беспокоили госпожу, она, со своей стороны, уговаривала мужа. Наконец, после долгих настойчивых просьб вытянула хозяйка из него обещание, что на какое-то время они оставят свое жилище. Выбрали они поместье где-то за Вислой и отправились туда. И глядь – едут они по дороге и радуются, что дьявола провели. К несчастью, ехали они в одном месте такой плохой дорогой, что карета наклонилась, и госпожа вскрикнула от страха, и тут же из-за кареты отозвалось:

Не бойтесь, пани,
Искрицкий с вами!

Господа остолбенели и быстро поняли, что невозможно было избавиться от такого верного слуги, так что вернулись домой и жили с ним в полном согласии, пока не закончилось обозначенное в договоре время. После этого Искрицкий оставил дом навсегда.

Стихи и загадки

Солнышко жизни

Так, как солнышку на небе
Радостно светить,
Так же мило, так премило
Нам на свете жить!

Даже если звезда счастья
На миг закатилась,
Выше всякого ненастья
Этой жизни милость!

Жизнь всего, всего дороже,

Я тебя люблю;
Выше жемчуга и злата
Я тебя ценю!

Коли скажет мира царь:
«Дам тебе полсвета,
Только через год отдай
Жизнь свою за это»,

Я б сказал: «Себе оставь
Обещанья эти,
Хорошо и так, представь,
Жить на белом свете».

А явился б ангел вдруг
И сказал бы мне:
«Волю Господа, мой друг,
Объявлю тебе:

Можешь ты с себя сложить
Тяжесть жизни бременной,
В небесах ты можешь жить
Душенькой нетленной»,

Я б сказал: «Прошу тебя,
Дай повеселиться,
В небесах успею я
Навечно поселиться!

Буду за бесценный дар
Век благодарить,
Лишь под солнцем-солнышком
Оставь меня пожить!»

Солнышко, солнышко,
Мысль моя благая:
Свети, радуй, грей меня,
Не переставая.

О сотворении мира

Когда еще не было начала света,
тогда не было неба и земли,
но было только синее море,
а посреди моря были два дубка.
И сели на них два голубка,
начали свою думу думати,
думу думати и ворковати:
Как бы нам мир основати?
Ай спустимся на дно морское,
принесем оттуда мелкого песочка,
мелкого песочка да золотых камешков.
Этот мелкий песок посеем мы,
на золотые камешки подуем мы:
из мелкого песка будет земелька,
черная земелька, зеленая травка;
из золотых камешков ясное солнышко,
ясное солнышко, светлый месяцок,
светлый месяцок, малые звездочки^[9].

Загадки

Стоит дуб, стоит дуб.
На том дубу
двенадцать ветвей,
на каждой ветке
по четыре гнезда,
а в каждом гнезде
по семь яичек.

(Год, месяцы, недели, дни)

* * *

Двенадцать счастливых,
Тридцать сильных,
Пятьдесят мудрых,

Сто глупых.

(Годы человеческие)

* * *

Пришел к нам белый конь,
занес нам целый двор.

(Снег)

* * *

Ходит в короне – но не король,
носит шпоры – но не рыцарь,
имеет саблю – но не гусар,
по утрам будит – но не ночной сторож.

(Петух)

* * *

Корона на голове,
Ангельский наряд,
Злодейский шаг,
Дьявольский крик.

(Павлин)

Божена Немцова

Биографическая справка

Божена Немцова (4 февраля 1820 г. – 21 января 1862 г.) – одна из основателей современной чешской прозы. Ее по праву называют великой женщиной в чешской истории.

Родилась Б. Немцова в Вене, отец ее был австрийским немцем, а мать чешкой. Первые полгода своей жизни она носила фамилию матери и звалась Барбора Новотна. Через полгода после ее рождения отец, Иоганн Панкель – кучер, женился на служанке Терезии Новотной (матери Барборы), после чего девочка получила имя Барбара Панклова (Pankeľ). Вскоре семья переехала в Чехию, где отец служил в поместье герцогини Катержины Заганьской. В 1825 году туда приехала бабушка – 55-летняя Мария Магдалина Новотна, оказавшая большое влияние на одаренную девочку. Впоследствии образ Марии Магдалины, доброго ангела своего детства, Божена Немцова воплотила в образе главной героини своей всемирно известной книги «Бабушка».

Семья жила небогато, платить за образование не имела возможности, поэтому Барбара окончила лишь начальную школу.

Уже в 1837 году, когда Барбаре едва исполнилось 17 лет, родители нашли ей жениха, который был на 15 лет ее старше, и сыграли свадьбу. Так Барбара стала Немцовой (муж – Йозеф Немец). Это был брак без любви. Единственное, что объединяло супругов, – их неприятие Австро-Венгерской монархии и дети. Муж был комиссаром финансовой полиции, ярким чешским патриотом, вспыльчивым человеком, из-за чего его часто переводили на другие места службы, и семья вынуждена была следовать за ним. В супружестве у Немцовых родилось четверо детей (три сына и дочь). Барбаре Немцовой было двадцать лет, когда в руки ей впервые попали чешские книги и книги, переведенные на чешский язык. В 22 года она – мать четверых детей – переезжает с семьей в Прагу, куда Йозеф Немец был переведен в связи с повышением по службе.

Именно в Праге под влиянием Вацлава Болемира Небеского и Карела Яромила Эрбена начинает Божена Немцова писать по-чешски. Первые ее литературные опыты связаны с поэзией. В чешскую литературу вошла она автором стихов «Женщинам чешским», «Моя родина» и «Славное утро».

Переезды семьи стали еще более частыми после 1848 года, когда Йозефа Немца обвинили в антигосударственной деятельности и перевели на другое место службы. В результате Божена Немцова с четырьмя детьми вернулась в Прагу, где наладилось ее тесное общение с соотечественниками-литераторами. Жила она очень нуждаясь, вынуждена была зарабатывать стиркой, уборкой, изредка писательским трудом, часто брала в долг. Удивительно, как при таких тяжелых условиях жизни сумела Немцова внести столь большой вклад в развитие чешской литературы: она писала стихи, повести, собирала сказки и предания, делала их литературную обработку. В сказках Немцовой всегда торжествует справедливость, побеждают добро и любовь.

Всю жизнь она прожила в унижительной бедности, а часто и в голоде. «Тяжело возвыситься духом, если отягощает забота о хлебе», – писала Божена Немцова. Болезни, разногласия с мужем, который не раз поднимал на нее руку, так что ей приходилось обращаться в полицию, смерть сына от туберкулеза – все эти тяжкие обстоятельства привели к тому, что она ушла из жизни в 41 год. Бедность ее жизни оказалась в резком контрасте с теми похоронами, которые устроили ее соотечественники, и той всемирной славой, которая пришла к ней после смерти.

По поводу происхождения Божены Немцовой существует версия, что рождена она не от служанки и кучера, а от самой герцогини Катержины Заганьской или от ее младшей сестры Доротеи фон Бирон, которая во время рождения девочки была уже графиней де Таллейран-Перигорд. Очевидцы свидетельствовали об удивительном сходстве возможной матери с девочкой и удивительно нежном ее отношении к ребенку. С матерью же, записанной в метрике, у Божены были очень прохладные отношения, которые никак нельзя назвать добрыми. Возможно, свой литературный дар великая чешская писательница получила по наследству от именитых предков. Другого наследства от них Божене не досталось. Но дар свой

Божена использовала в полной мере – на благо развития словесности чешского народа.

Чешские сказки

Дивотворный меч

Умерла у Вавра жена. В утешение оставил ему Господь Бог сына – маленького Войтеха, прелестного мальчика. Когда он вырос, стал порядочным крестьянином-хозяином, как отец, только более ученым и находчивым. Однажды посеяли они с отцом горох и ходили его сторожить, чтобы чего не случилось.

Первый день сторожил отец. В полночь показалось ему, что увидел он посреди поля пасущегося белого коня; удивился крестьянин своему видению и подумал, как это конь туда попал; и побежал за конем, чтобы его прогнать. Но когда отец приблизился к нему, конь умчался в другую сторону и так шалил с бедным Вавром аж до часу ночи. Рано утром рассказал Вавр об этом сыну.

Войтех не сказал ни слова, но подумал, что отец наверняка у кума хорошенько выпил и что это ему привиделось. Но, чтобы самому убедиться, пошел на поле, там все было в полном порядке, листочек с места не сдвинут, не то что где-то конем затоптано. Так что отцовское видение, без сомнения, было всего лишь сном.

На следующий день пришел черед Войтеху поле сторожить. Когда смерклось, взял он ружье на плечо и пошел. Он уже долго обходил поле, но ничего, даже самой мелочи, не нашел, что могло бы возбудить его подозрение; вдруг вышел месяц из-за туч, и на противоположном конце поля появился конь, вышагивающий через горох. Конь был белый, как только что упавший снег. Пристально вглядывался Войтех, не обманывают ли его глаза, потом вскинул ружье на плечо и хотел уже выстрелить, но тут конек крикнул ему:

– Не стреляй, это принесет тебе несчастье.

После этих слов приблизился он легким шагом к Войтеху и продолжил:

– Я твоя матушка, если хочешь меня освободить, а себя сделать счастливым, садись на меня, я тебя отсюда унесу.

– Я был бы очень рад это сделать, если бы только мог сказать об этом отцу, чтобы он из-за меня не терзался.

– А вот как раз этого делать нельзя.

Войтех слегка смутился, но потом подумал: «Ну и что же с того! Отец немножко будет переживать, но когда я вернусь и скажу, что

освободил бедную матушку, знаю наперед, что он меня простит». Сказав это себе, вскочил он на белого коня, и тот вознесся с ним в воздух. Летели они целую ночь, целый день и опять ночь и день, и это еще не был конец дороги, а на третий день прилетели они в очень красивую страну, и там спустился конек вниз.

– Этой дорогой, – сказала мать Войтеху, – придешь к замку, где находится княжна-чародейница, попросись к ней на службу, но остерегайся делать то, что она прикажет. Как выслужишь у нее службу, приходи снова на это место, и я тебя отнесу дальше.

Войтех послушался и пошел той дорогой, пока не пришел к прекрасному замку. Из него как раз выезжала карета, в ней сидела госпожа дивной красоты. Только увидела она Войтеху, тут же его позвала и спросила, что он ищет в замке.

– Милостивая княжна, ищу я какую-нибудь службу, хоть самую маленькую.

– Если ты не захочешь за лошадьми ухаживать, уйдешь с пустыми руками.

– Я люблю с конями возиться.

– Тогда пойдем, – сказала княжна, выскочила из кареты и пошла через весь двор к конюшне, в которой стояли три коня.

– Вот этих двух, – сказала она, указывая на прекрасных вороных коней, – будешь хорошо кормить и за ними ухаживать, но третьему будешь давать один раз в день совсем немного еды и каждый день трижды отмолотишь его железным прутом. Если ты этого не сделаешь, будет он слишком буйный, и я не смогу на нем ездить. Если выполнишь мой приказ, наказан не будешь.

Договорила она и ушла из конюшни.

– Эх, бедняга, – сказал Войтех и подошел к третьему коню, – я тебя должен голодом морить, железным прутом молотить, а ты и без того тощий, как лучина, правильно мне матушка советовала, чтобы я эту чародейницу не слушался.

Когда пришло время кормления, положил он исхудалому коню столько, сколько другим, и даже пальцем его не тронул. Грустно, с выражением благодарности смотрел на него коник и ласково об него терся мордой, как будто хотел сказать спасибо. Вечером принес Войтех после своего ужина кусок белого хлеба, протянул его коньку, а тот повернулся к нему и сказал человеческим голосом:

– Спасибо тебе, Войтех, что ты меня освободил. Сколько конюхов у меня служило, каждый слушался чародейницу, мою мачеху, которая из злости превратила меня в коня и хотела уничтожить на веки вечные. Ты один сжалился надо мной, а за это хочу тебя наградить. Сдвинь эту кормушку, под ней лежит дивотворный меч, о котором, кроме меня, ни одна живая душа не знает; возьми его и спрячь хорошенько, а завтра попроси чародейницу, чтобы она тебе позволила сесть на меня и немного проехаться. Это она разрешит, но при этом будет смотреть из окна, глаз с тебя не спуская. А ты вытяни меч и скажи: «Той бабе – голова долой!» Голова ее слетит, а что дальше будет – увидишь.

Войтех сделал так, как ему коник посоветовал. Когда отодвинул он кормушку, увидел под ней небольшой меч из чистой стали с золотой рукояткой; взял он этот меч и спрятал под кровать. Утром Войтех дал коням корм и пошел к княжне просить разрешения на прогулку. Она разрешила только тогда, когда Войтех пообещал, что будет мучить коня. Пошел Войтех в конюшню, спрятал меч под одежду, сел на коня и начал его гонять по двору. Княжна, желая удостовериться, действительно ли конюх бьет и мучает коня, высунулась из окна, но в тот момент блеснул меч в руке Войтеха, и голова княжны полетела вниз. Коник подскочил, льющаяся кровь его обрызгала, и он в ту же минуту превратился в прекрасного юношу. Войтех стоял как одурманенный, когда к нему подошел молодой князь и горячо поблагодарил за освобождение. Тут сбежались слуги и, узнав своего господина, с великой радостью его приветствовали. Князь просил Войтеха остаться у него, но тот ни за что не хотел, тогда принц велел сшить ему одежды, щедро украшенные золотом и драгоценными камнями, которые он должен был на вечную память хранить у себя вместе с дивотворным мечом. Потом они пожелали друг другу добра, и пошел Войтех к своему любимому белому конечку.

Издавека уже кивала ему лошадка.

– Так, сыночек, так! – сказала мать, видя его в прекрасной одежде. – В такой одежде, с этим мечом я и хотела тебя видеть, именно так ты и найдешь свое счастье. Садись на меня, отнесу тебя в другие края.

Опять летели они несколько дней и ночей, пока не прилетели к большому городу, там спустился конь вниз и повел Войтеха к скале. Трижды топнул он копытом, скала отворилась, и стал виден сад,

прекрасный, как рай. Душистых цветов, поющих птиц и сладких фруктов было там в изобилии, а в центре бил источник воды, чистой, как хрусталь.

Когда Войтех немного огляделся и поел вкусных фруктов, сказала мать:

– Теперь походи и смочи свою голову водой из источника.

Войтех пошел, смочил голову водой, и его волосы, до этого каштановые, стали золотыми. В изумлении стоял юноша, не понимая, что с ним произошло. Но мать быстро отвлекла его от раздумий:

– Теперь послушай, мой златовласый, что тебе скажу: в том большом городе, рядом с которым мы остановились, живет король, у которого есть единственная прекрасная дочь. Поскольку король уже стар, он постоянно просит дочь, чтобы она из многих принцев, которые добиваются ее руки, выбрала себе мужа и будущего короля. Но своенравная девушка не хочет делать это обычным способом. Поэтому созвала она большой съезд. В центре огороженного круга велела она поставить шест и повесить на него свою фату, кто сможет на всем скаку проткнуть эту фату, тот будет ее женихом. Возьми свой меч, садись на меня и попробуй добыть невесту, но будь очень осторожен: когда проткнешь фату, нужно быстро уехать, потому что там оставаться нельзя.

Войтех расчесал золотые кудри, поправил свою роскошную одежду, сел на коня и поехал.

Поблизости от города, в огороженном кругу, сидело множество зрителей и с любопытством ожидало, кто из всех собравшихся принцев и князей проткнет фату. На высокой площадке появилась принцесса Милада, платье ее было вышито золотом, в темных волосах переливались бриллианты, как звезды в небе. Едва началась езда, стала она смотреть темными глазами вниз, на всадников, и только в тот момент прояснялось ее миловидное лицо, когда очередному ездоку не удавалось проткнуть фату. Очень ее мучило, что между всеми собравшимися не было ни одного, кого могло бы выбрать ее сердце. Вот уже все всадники попытались, а фата была все еще цела, и Милада всем сердцем радовалась, что она свободна. Вдруг появился юноша на белом коне, голова его сияла как солнце, он мчался во весь опор, проткнул фату мечом и, поклонившись принцессе, исчез, как дуновение ветра.

Все кинулись искать всадника, но от него и след простыл. Миладе было очень обидно, что гордый юноша пренебрег ее рукой, и, чтобы проверить, придет ли он еще раз, она немедленно объявила, что на следующий день снова будет большой конный съезд. Кто проткнет подвешенный на шнуре перстень, того возьмет она в мужья.

Войтех сидел в саду за скалой, задумавшись. Темные глаза Милады его очаровали, вот пришла к нему мать – белый конек и рассказала о том, что принцесса опять объявила, и в конце концов велела:

– Садись на меня, сын мой, возьми меч, и поедem туда!

Войтеху и самому очень этого хотелось, он ни секунды не мешкал, и через несколько минут они уже летели к городу.

Опять сидела Милада рядом с отцом, но глаза ее смотрели на дорогу, откуда вчера приехал златовласый юноша. Но так она его и не увидела, пока все претенденты на ее руку не попытали счастья. И вот последним прилетел золотоплавый, выхватил меч, проткнул перстень, поклонился принцессе и исчез.

Все рассердились, что юноша пренебрегает принцессой, которую почитали как богиню, но больше всего, конечно, обидно было Миладе. И придумала она третье испытание, о котором тут же объявила: чтобы снова завтра собрались претенденты, и тот, кто зеленый веночек на скаку проткнет, тот станет ее мужем.

– Мамочка, – попросил Войтех на следующее утро, когда готовился ехать в город, – разреши только, чтобы я на минутку возле принцессы остановился, только несколько слов ей сказал, чтобы она не думала, что ее ненавижу; а потом покорно пойду с тобой, куда ты меня поведешь.

– Милый Войтех, не проси этого у меня. Если ты поговоришь с принцессой, ты предашь меня, а этого делать нельзя; послушайся, не жалуйся и не сокрушайся; счастье твое тебя не минует.

Молча с трепещущим сердцем сел Войтех на коня и поехал в город, чтобы в третий раз попытать свое счастье.

Король, ничего не сказав Миладе, поставил могучих стражников на дороге, куда Войтех дважды уезжал, и крепко-накрепко приказал солдатам, если будет рыцарь уезжать, стрелять по коню.

Войтех приехал, зеленый веночек проткнул, но не смог иначе: остановился на миг под возвышением, на котором сидела Милада, и

невольно впустил в себя заразительный огонь ее глаз. Все уже вставали, кричали, а Милада то краснела, то бледнела от радости, потому что думала, что на этот раз златокудрый ездок останется с ней. Но вдруг белый коник подскочил, повернулся в ту сторону, откуда приехал, и исчез с глаз.

Народ гневался, король грозил наказанием; а Милада смеялась, и только оставшись одна, заплакала.

Войтеху было не лучше. Сидел он в саду сам не свой, ни слова не говоря, не ел и не спал. На следующий день подошла к нему мать и сказала:

– Теперь, милый сын, должны мы на короткое время расстаться. Оставь здесь свое роскошное платье и меч, оденься в крестьянскую одежду. Недалеко отсюда пасутся овцы, поймай ягненка, убей, сними с него шкуру и заверни голову в шкуру, чтобы никто не увидел, что у тебя золотые волосы. Потом иди и поищи в городе службу. Когда я тебе понадобится, ты знаешь, где я. Только не выдай себя, пока я тебе не разрешу.

Войтех сделал все, что велела ему мать, и, попрощавшись с ней, ушел в город.

Милада как раз сидела в саду; вот слышит снаружи крик и спор между слугами и чужестранцем, выплянула она посмотреть, что происходит, и тут увидела скрюченного неприметного человека с кожей на голове и одним завязанным глазом.

– Что хочет этот человек? – спросила она слугу.

– Службу он ищет, милостивая принцесса, – ответил слуга, – как будто здесь для таких нищих служба есть.

– Ну и хорошо, что он здесь службу ищет, мы ему можем работу дать. А кто ты таков?

– Ах, милостивая принцесса, – ответил иностранец, целуя край ее одежды, – я убогий бедный человек, рад бы работать, но я уродлив, и люди не хотят брать меня на работу, говоря, что боятся такого отвратительного лица и такую безобразную голову, так что я должен прикрывать ее кожей. Слышал я о твоей доброте, прекрасная дева, и потому решил я, что пойду к тебе, чтобы Твою Милость попросить о самой маленькой службе.

– Не хочу обмануть твое доверие. Как тебя зовут?

– Войтех.

– Если бы ты понимал в садоводстве, я бы тебя оставила в своем саду, чтобы доказать людям, что не должны они отказывать несчастному человеку.

– О, я в садоводстве хорошо разбираюсь, милостивая принцесса! – ответил Войтех.

– Хорошо, тогда быстро иди за мной. Главная твоя работа, чтобы каждое утро ты приносил в мою комнату свежие цветы.

– Это будет моей самой приятной обязанностью, – сказал новый садовник и со склоненной головой и сгорбившись последовал за своей госпожой, боясь, как бы она его не узнала. Но Милада показала Войтеху сад и больше на него уже не взглянула.

Теперь наступили для Войтеха дни, полные приятной работы и милых радостей. Все, что он делал, было для той, которую он с каждым днем все больше и больше любил, поэтому все у него получалось играючи, все выходило, будто он этому три года учился. Милада не могла нахвалиться на нового садовника и никогда бы не подумала о нем что-то плохое. Когда она утром просыпалась, чувствовала чудесный запах дивных цветов, которые стояли на столе в прекрасных вазах. И так было во всех покоях, в каждом дышал свой, отличный от других, приятный аромат. Когда выходила принцесса в сад, шла, как по шелку, и изо дня в день находила что-то новое: здесь новая скамейка, здесь куст, здесь клумба. Но самой красивой была увитая беседка, где сидела Милада большую часть дня. Дивной красоты цветы вились по стенам, а на столике стояли в хрустальных вазах вкусные фрукты.

– Не знаю, как это получается, – сказала Милада, – под твоими руками все само собой растет.

– Не росло бы, если бы мою работу не благословлял ваш милостивый взгляд, – ответил Войтех и поцеловал руку, ему с улыбкой поданную.

Спросила однажды принцесса честного садовника, был ли он в городе, когда три дня подряд съезжались принцы, и видел ли он златовласого всадника.

– Видеть я его не видел, но слышал о нем. Но если бы даже был он весь из бриллиантов, все-таки он неблагородный, потому что три раза от вас уехал.

– Кто знает почему, – сказала принцесса и спрятала лицо в букете, чтобы Войтех не увидел слезы, которые, как росинки, текли по ее щекам. Но Войтех-то все видел и готов был от радости упасть к ее ногам, если бы не вспомнил о матери. Быстро опустил он горящий взгляд и принялся работать как ни в чем не бывало.

Частенько в сад к дочери приходил король и разговаривал с садовником. Но Войтех был очень осторожен, чтобы ничем себя не выдать. Долгое время жил он в замке, и каждый любил и уважал его добросердечность.

Однажды рано утром, как обычно, понес Войтех букет цветов в покои принцессы, и когда вошел в первый покой, где обычно его ожидала горничная, увидел вместо нее принцессу, одетую в черное и совершенно заплаканную.

– Унеси, Войтех, эти цветы радости и собери мне траурный букет, – сказала она изумленному садовнику.

– Ах, наимилостивейшая принцесса, что же с вами такое страшное приключилось? Ведь я ни о каком несчастье не слышал!

– Верю тебе, однако поздно вечером пришел гонец и принес отцу известие, что великое множество врагов движется к нашей земле! Где собрать нам столько войска, чтобы одолеть такую силу? Из ближайших соседей едва ли нам кто поможет, потому что их обуяла злоба и ненависть, что никого из них не выбрала я в мужа.

– Положитесь на Бога, он пришлет вам освободителя, – сказал в утешение сгорбленный Войтех и поковылял потихоньку с цветами назад.

На другой день собралось в замке множество вооруженного народа, и поехали они по полю во главе с королем и его героической дочерью. Милада ничего другого не хотела, как отправиться со старым отцом. Раз уж не смогла порадовать его замужеством, хотела она быть ему в походе вместо сына или зятя. Уезжая, простилась она с Войтехом и просила его, чтобы на все обращал внимание и особенно заботился о ее любимом саде. Он это пообещал, но в душе думал по-другому. Уже на следующий день исчез Войтех из замка и все, кроме сада, оставил как есть. Только сад он запер, и никто в него не мог попасть.

А пока приблизился король к неприятелю, в поле поставили палатки и готовились к бою – к настоящей смерти, потому что видели

перед собой далеко-широко огромные неприятельские войска, в десять раз больше, чем их войско. И вот уже стоят войска друг против друга и ждут знака начать битву. Милада, дрожа от страха, смотрит из своей палатки и вдруг видит, как едет на белом коне златовласый юноша, плащ на нем развевается, а на синей, украшенной диамантами шапке колышется белое перо, в одной руке держит он золотую узду белого коня, а в другой небольшой стальной меч.

Когда увидела его Милада, начало ее сердце под серебряной кольчугой биться от радости, щеки ее зарделись, как весенние розы, больше не чувствовала она ни тоски, ни страха. Юноша встал во главе отцовских полков, вытащил меч и крикнул:

– Всем врагам головы долой!

И почерневшие тела врагов падали обезглавленные с коней. Но тут же стали прибывать новые полки, как саранча. Снова выхватил юноша меч, и головы попадали, и в третий раз так же, пока не осталось в живых ни одного врага. Но как только пала последняя вражеская голова, повернул всадник коня и ускакал восвояси. Милада почувствовала, что ее из рая будто перенес кто-то в голую пустыню, и глубокая печаль разлилась по ее прекрасному лицу.

Обогащенные добычей, которой завладели, обходя опустевший неприятельский стан, возвращались королевские войска назад. Войтех к тому времени уже вернулся в сад, и, когда Милада с отцом приехали, был весь замок сплошным цветущим садом. Красивее всего были убраны покои принцессы.

– Ах, Войтех, – сказала Милада, войдя в замок и увидев невероятное множество цветов, – где же ты набрал всю эту красоту? Ты, наверное, все сады опустошил!

– Милостивая принцесса, кому тяжело делать вам радость! Люди принесли столько цветов, что мне не пришлось ни одного цветочка сорвать в нашем саду.

Но это была неправда, он сам принес эти цветы из сада за скалой, чтобы утешить любимую. Но принцесса с тех пор, как вернулась, все время была грустной, никто не видел улыбку на ее некогда светлом лице, и Войтех часто наблюдал, что она прячет от него заплаканные глаза. Это было ему больно, и решил он, что пойдет к матери и попросит, чтобы разрешила она ему наконец открыться принцессе.

Милада, заметив, что отец ее слабеет с каждым днем, решила облегчить ему последние часы и дала свое согласие выйти замуж за одного из тех князей, что добивались ее руки.

Обрадованный этим, созвал король много гостей, между которыми было достаточно пригожих женихов.

Повара и кухарки целых восемь дней не знали, где у них головы, портные и швеи потеряли весь разум от раздумий, по какой моде сшить для принцессы множество свадебных платьев. Весь город готовился, наряжался, украшался. Только Милада ходила, как заблудшая овца, и втайне вздыхала и плакала. Съезжались кареты, столы были накрыты, музыка играла, а невеста сидела все еще не одетая в своем покое и грустно смотрела в сад. Войтех как раз ходил по саду и выбирал цветы для букета, который заказала принцесса к столу. Потом сел он под дерево, положил цветы на колени и снял с головы кожу. Милада аж вздрогнула, когда увидела, как у старого Войтеха из-под бараньей шкуры золотые волосы падают на щеки. Выдернул Войтех три золотых волоса, связал ими букет и снова тут же голову покрыл. Но Милада уже знала достаточно! С улыбающимся лицом, с ясными глазами позвала она горничную и велела себя нарядить как можно краше. Когда вошла принцесса в зал, где все ее ждали, собравшиеся остолбенели от ее красоты, а молодые князья хотели скорее узнать, кому из них достанется прекрасный букет.

– Ну что же, милая дочь, – сказал отец, когда все должны были сесть за стол, – возьми букет и отдай его тому, кого ты выбрала себе в мужа.

Тут взяла Милада роковой букет и сказала:

– Люблю того, кто связал этот букет, и только его возьму в мужа.

– Милая дочь, опомнись, что ты такое говоришь. Ведь тебе его связал Войтех, твой уродливый садовник!

– Я знаю, милый отец! И именно этот уродливый садовник будет моим мужем, – ответила Милада и послала слугу, чтобы тот привел садовника наверх. Но слуга выболтал Войтеху, зачем его зовет принцесса, поэтому Войтех послал слугу впереди себя сказать, что очень скоро придет. Не прошло и десяти минут, и Войтех появился в дверях во всей своей красе!

Счастливая невеста побежала ему навстречу и представила его всем как своего мужа.

– Ты уже не гневаешься, отец, что я выбрала уродливого Войтеха? – спросила она застывшего в изумлении отца.

Но тот с радостным лицом протянул им руки и со спокойным сердцем их благословил. Потом все сели за стол, и снаружи началась праздничная стрельба, аж окна тряслись. Но ничего этого молодожены не слышали и не видели, потому что должны были о многом друг другу рассказать.

Только тут Войтех узнал, почему его Милада вдруг выбрала в мужа. Но хотя она очень хитро выпытывала у жениха, почему он так долго ее сторонился, на это он ей все же не ответил. На следующий день была свадьба и коронация Войтеха и Милады.

Когда веселье было в самом разгаре, молодой король, никем не замеченный, сел на коня и как можно быстрее поспешил к скале, где ждала его мать.

– Ах, как же я тебе, мамочка, благодарен, – сказал он, когда вошел в скалу, и погладил шею белого коня. – Как хорошо я поступил, что во всем тебя послушался. Ты сделала меня самым счастливым человеком на свете.

– Милый сын, за то, что я тебе указала, где найдешь ты животворный меч, которым ты добыл свое счастье, и за все то добро, которое я тебе сделала, возьми теперь этот меч и отруби мне голову, тогда буду я освобождена, а ты сможешь все рассказать своей жене.

– Мама! Мама! Как ты можешь такое от меня требовать?

– Если ты этого не сделаешь, мы с тобой оба будем несчастны.

Что было бедному Войтеху делать! Взял он меч и одним ударом отрубил белому коню голову. После этого вылетела из коня белая голубица, затрепетала крылышками и улетела из скалы. Печально пошел за ней Войтех, но в дверях скалы остановился, вернулся и набрал Миладе полные карманы вкусных фруктов. Когда вышел он наружу, скала за ним закрылась навсегда.

Запыхавшись, пришел Войтех к вечеру во дворец, где все были в смятении из-за его отсутствия. Милада сидела в своем покое и не могла себе объяснить, почему Войтех уехал в свадебный день.

Тут потихоньку открылись двери, и с просящим взглядом вошел в них муж.

– Ах, Войтех, ты меня испугал! Где ты был все это время?

– Прости, моя Милада! Я прощался с матерью.

После этого рассказал он жене все свои приключения.

Когда же Войтех договорил, сунул руку в карман, чтобы доказать Миладе, что и в грустный миг помнил о ней. Но вместо мягкого сочного яблока вытянул он твердое, золотое яблоко, вытянул грушку, точно такую же – все было из красного золота, только в виноградной грозди вместо косточек блестели бриллиантовые зерна.

Войтех слегка удивился, но быстро опомнился и сделал вид, что обо всем знал, и положил роскошные драгоценные фрукты Миладе на колени, которую этот подарок очень обрадовал.

Празднования длились еще много дней, но потом послал молодой король за своим отцом.

Вавр до сих пор оплакивал потерянного сына, и когда получил о нем такую радостную весть, то чуть с ума не сошел от удивления. Раздал он все и направился к сыну, где для него приготовлены были лучшие покои.

Прекрасная Милада родила мужу много сыновей, но хоть все они были красивы, ни у кого все же не было золотых волос, как у их отца.

Сказка о пряничном домике

Жил-был однажды один бедный отец, и было у него двое детей: Гонзичек и Марушка. Отец ходил в лес рубить дрова и не мог заботиться о детях; а поскольку у них, деток малых, мама умерла, отец женился, чтобы снова была у детей мать. Но вторая мать не была доброй, не любила ни мужа, ни детей, и отцу было на что жаловаться. Однажды дети так опротивели мачехе, что велела она мужу увести их, и чтобы домой они больше не возвращались. Напрасно муж противился, жена не давала ему покоя, а он ее боялся, и поэтому однажды с грустным сердцем сказал детям:

– Возьмите кувшинчики, пойдете сегодня со мной в лес по ягоды.

Дети запрыгали от радости, взяли кувшинчики и отправились с отцом в лес. Когда пришли они в чащу, привел их отец на большую поляну, красную от ягод, и сказал:

– Ну, милые мои детки, собирайте-ка ягоды, а я туда пойду лес рубить, покуда будете слышать звук моего топора, будете знать, что я на том самом месте.

Дети жадно набросились на ягоды, а отец отошел подальше, привязал между деревьями палку, которая, когда дул ветер, билась о стволы, как будто стучал топор. Обманув так детей, вернулся отец домой, а их оставил в лесу.

Когда дети набрали полные кувшины и досыта наелись, захотелось им пойти посмотреть на отца. Пошли они туда, откуда поминутно раздавались удары палки о деревья, но отца не нашли, только его палка висела на дереве.

– Где же наш папочка, наверное, пошел домой, а нас тут оставил, – сказал Гонзичек.

– Что ты придумал такое, ведь папочка где-то здесь и, конечно, придет за нами, главное – нам тут оставаться, – сказала Марушка.

Долго ждали они, ели ягоды из кувшинов, пока те не опустошились, – потом снова наполняли свои кувшины, так и время прошло. Когда начало темнеть, затих звук палки, бившейся о стволы деревьев, детям стало тоскливо, и пошли они отца искать.

– Солнышко все ниже, вечер все ближе, папа, пойдем домой! – звали они в лесу, но никакого ответа не слышали.

– Это мы, милый Гонзичек, заблудились и папочку не найдем, надо нам здесь переночевать, – сказала Марушка – она была старше и умнее.

– Но я боюсь, – ответил Гонзичек.

– Ну, подожди здесь, я залезу на дерево, если увижу какой-то свет, в ту сторону и пойдем, – утешила его Марушка и быстро залезла на дерево.

С дерева посмотрела она вокруг и, когда увидела вдалеке свет, позвала Гонзичка, чтобы он уж не боялся, слезла вниз, и отправились они в сторону света. И вышли они из леса на зеленый луг, на лугу увидели хорошенький домик, а домик этот был пряничный. Подошли они к окошку, заглянули внутрь и увидели, что там сидят старые дед да баба.

– Подожди, – сказал Гонзичек, – я залезу на крышу, отломлю кусок пряничка, и будет нам хорошо.

– А если нас схватят, – испугалась Марушка, но Гонзичек уже был на крыше, отломил пряничек и бросил его вниз Марушке.

И послала баба дедку, чтобы он пошел посмотреть, а то показалось ей, что кто-то отломил на крыше пряничек. Вышел дедка из домика и

спрашивает:

– Кто это на моей крыше пряничек ломает?

– Нет, дедушка, это ветерок, – тонким голоском ответила Марушка под окном, и дедка успокоился. Дети были сыты и улеглись под окном спать.

Рано утром Гонзичек снова залез на крышу, чтобы отломить от нее кусок пряника, а баба опять послала дедку посмотреть. Марушка снова хотела дедушку обвести вокруг пальца, но он ее увидел и пошел сказать об этом бабе.

– Слезай, Гонзичек, мы должны бежать, иначе плохо нам будет, – позвала Марушка Гонзичка, потому что услышала, как баба дедку посылает, чтобы тот их привел, а она их зажарит.

Гонзичек спрыгнул с крыши, Марушка схватила его за руку, и они побежали куда глаза глядят, как могли, а дедка гнался за ними, но он был толстый и неповоротливый, поэтому не мог за детьми угнаться. И все же не убежали бы от него детки, если бы не появилась вдруг посреди льняного поля женщина.

– Просим вас, добрая госпожа, скажите, куда нам бежать, злой дедка из пряничного домика гонится за нами, хочет нас зажарить, потому что мы у них кусок крыши отломали.

– Бегите в лес по той тропинке, а я уж деда задержу, – сказала крестьянка и показала детям дорогу.

Дети побежали дальше, а через минуту прибежал сильно запыхавшийся дедка.

– Тут дети не пробегали? – спросил он у женщины.

– Я тут лен пропалываю, – ответила женщина, как будто совсем его не понимая.

– Я тебя спрашиваю, не видела тут детей?

– Как прополю, и созреет он, будем его собирать.

– Ты что же, не поняла меня? Я спрашиваю, не видела ли тут идущих детей.

– А как соберем, будем лен тереть, а потом станем лен мочить.

– Да разве ты не понимаешь? Я спрашиваю, не видела ли тут идущих детей.

– А как вымочим, расстелем и высушим.

– Да ты, наверное, глухая! Я спрашиваю, не видела ли тут идущих детей.

– А как высушим, станем мять и трепать.
– Ты не слышишь? Я спрашиваю, видела ли детей.
– Так, а потом расчешем, наденем на кужель^[10] и будем прясть.
– Да что мне до того! Я тебя спрашиваю, не видела ли ты детей.
– А когда нарядом хороших тонких нитей, будем ткать.
– Я просто спрашиваю, не видела ли тут детей.
– А ткать будем прекрасное тонкое полотно.
– Да что мне до этого полотна! Я тебя спрашиваю, не видела ли ты детей.

– А как наткем, будем белить, а как отбелим, будем кроить и шить рубахи, рубашки, платки, ленты, юбки и фартучки.

– Да что же это такое! Тебе медведь на ухо наступил? Я спрашиваю, не видела ли ты тут детей.

– А, вот оно что! Что мы со всем этим будем делать? Будем в это одеваться и носить – новое, белое.

– Прошу, не видела ли ты тут детей?

– Когда это порвется? Сделаем из него трут. Ну а трут послужит до тех пор, пока будет теплиться на нем огонечек, и пока огонечек этот Божий его не дождет вконец. Божий огонечек превратится в дым, дым в ветер, тут и речи моей конец.

– Да я же об этом и не спрашивал. Я тебя спрашиваю, не видела ли тут детей.

– Ну, так бы сразу и сказали! Как же не видела, когда видела, шли там вон, по той дорожке, по полям, прямо к тому ручью, где вербы растут. Да только вы их уже не догоните, скакали, как птички, – сказав это, женщина указала деду в сторону, противоположную той, куда послала она детей.

Услышав это, дед плюнул от злости и пошел назад в дом, а когда он ушел, исчезла и женщина с поля, а дети вернулись домой.

Лесная нимфа

Бетушка была маленькая девочка, мать ее была вдовой, и не было у нее ничего, кроме худой избушки и двух коз, но Бетушка все равно всегда была весела. С весны до осени пасла она коз в березняке.

Всегда, когда уходила она из дому, мать укладывала в ее мешочек краюшку хлеба и веретено, наказывая, чтобы на нем к вечеру было много пряжи. А поскольку кужела у Бетушки не было, то крутила она веретено около головы. Бетушка брала мешочек и, весело напевая, бежала за козами в березняк. Когда они туда приходили, козы паслись, а Бетушка садилась под дерево, левой рукой тянула из головы, которую она использовала вместо кужела, волокна, а правой запускала веретено, да так, что оно по земле кружилось. И при этом Бетушка пела, так что во всем лесу слышно было, а козочки тем временем паслись.

Когда солнце указывало на полдень, откладывала она веретено, звала коз, давала им по ломтю хлеба, чтобы они от нее не убежали, а сама собирала в лесу немножко ягод или других лесных плодов, которые в это время года поспевают в лесу, чтобы было чем полакомиться. Наевшись, вскакивала Бетушка и принималась петь и танцевать. Солнышко улыбалось ей сквозь зелень деревьев, а пасущиеся козочки думали: «Какая у нас веселая пастушка!» После танцев девочка опять усердно пряла, а вечером, когда пригоняла козочек домой, никогда матери не приходилось ругать Бетушку, что принесла она пустое веретено.

Однажды, когда, как обычно, после скромного обеда в полдень готовилась Бетушка танцевать, откуда ни возьмись встала перед ней прекрасная девушка, был на ней белый наряд, тоненький, как паутинка, до пояса струились ее золотые волосы, а на голове красовался венок из лесных цветов. Бетушка оцепенела.

Девушка ей улыбнулась и сказала любезным голосом:

– Бетушка, ты любишь танцевать?

Когда девушка так мило с ней заговорила, страх оставил Бетушку, и она ответила:

– Ох, я бы целый день танцевала!

– Тогда пойдём, станцуем вместе, я тебя научу! – так сказала девушка, юбку по бокам подоткнула, обняла Бетушку и начала с ней танцевать. Как только закружились они, тут же зазвучала над их головами такая приятная музыка, что у Бетушки сердце разыгралось. Музыканты сидели на березовых ветвях в черных, пепельных, коричневых и разноцветных фрачках. Это был ансамбль лучших музыкантов, собравшийся по велению прекрасной девушки: соловьи, жаворонки, пеночки, щеглы, зеленушки, дрозды и очень умный пересмешник.

Личико у Бетушки горело, глаза светились, забыла она и о своей работе, и о козах, только смотрела на свою подружку, которая вертелась перед ней в самых разных позах, и так легко у нее это получалось, что трава под ее тонкими ножками даже не гнулась. Танцевали они с полудня до вечера, а у Бетушки даже ноги не устали, не то что заболели. Наконец прекрасная девушка остановилась, музыка умолкла – как пришла она, так и исчезла.

Бетушка огляделась, солнышко спускалось за лес; подняла она руки к голове и, дотронувшись до неспряденного льна, вспомнила, что веретено, лежащее на траве, не наполнено. Сняла она лен с головы и уложила в мешочек вместе с веретеном и, позвав коз, побежала домой. По дороге она не пела, а сильно ругала себя, что так очаровалась прекрасной девушкой, и пообещала, что, если еще раз такое же случится, больше девушку не послушает. Козочки, не слыша за собой веселого пения, оглядывались, идет ли за ними пастушка.

И мать удивилась и спрашивала у дочери, не заболела ли она, раз не поет.

– Нет, мамочка, не больна, но у меня от пения в горле пересохло, поэтому я не пою, – проговорила Бетушка и шла прятать веретено и неспряденный лен. Она знала, что мать сразу пряжу не сматывает, и хотела на следующий день сделать то, что не успела, и ни словом не обмолвилась о прекрасной девушке.

На следующий день, как обычно, гнала Бетушка коз к березняку – и снова весело пела. Пригнала она их в березняк, козочки стали пастись, а она, усевшись под дерево, принялась старательно пряхть и при этом петь, потому что песня помогала ей в работе.

Солнце указывало на полдень. Бетушка дала козочкам по куску хлеба, сбегала за ягодами и, вернувшись, стала обедать и

разговаривать с козочками.

– Ах, козочки мои, нельзя мне сегодня танцевать, – вздохнула она, когда собирала после обеда крошки с колен, чтобы положить их на камень для птичек.

– А почему же нельзя? – раздался приятный голос, и прекрасная девушка встала перед ней, как будто с облака упала. Бетушка испугалась еще больше, чем в первый раз, и зажмурилась, чтобы не видеть девушку; но когда девушка повторила свой вопрос, застенчиво ответила:

– Ах, простите, прекрасная госпожа, я не могу с вами танцевать, потому что снова не выполню свою работу, и мать меня будет ругать. Сегодня до захода солнца должна я догнать то, что вчера не успела сделать.

– Пойдем танцевать, пока солнце не зайдет, а помощь тебе найдется, – сказала девушка, подоткнула юбку, обняла Бетушку, сидящие в березовых ветвях музыканты заиграли, и плясуньи пустились в круг. И еще быстрее прекрасная девушка заплясала, Бетушка глаз с нее не сводила, забыв и о козах, и о пряже. Тут ноги танцовщицы остановились, музыка умолкла, солнце уже садилось. Бетушка подняла руки к голове, где прикреплен был неспряденный лен, и взялась плакать. Прекрасная девушка дотронулась до ее головы, сняла с нее лен, обернула его возле ствола березы, взяла веретено и начала прясть. Веретено крутилось и росло на глазах, и прежде, чем солнце зашло за лес, был весь лен спряден и даже тот, который Бетушка в предыдущий день не спряла. Протягивая девочке полный моток, прекрасная девушка сказала:

– Мотай и судьбу не ругай, запомни мои слова: мотай и судьбу не ругай.

После этого она исчезла без следа.

Бетушка была довольна и думала по дороге: если она так добра, буду еще с ней танцевать, коли в другой раз придет. И снова она пела, чтобы козочки веселее бежали.

Однако мать встретила ее неприветливо: хотела она днем пряжу смотать и увидела, что веретено неполное, поэтому стала она ворчать на дочь:

– Чем это ты вчера занималась, что не спряла, сколько положено? – укоряла она ее.

– Простите меня, мама, я немножко танцевала, – сказала Бетушка сокрушенно и, показывая матери свое веретено, добавила: – Зато сегодня переполнено.

Мать замолчала и пошла доить коз, а Бетушка положила веретено. Хотела она рассказать маме, что с ней приключилось, но тут же подумала: нет, вот если девушка еще раз придет, тогда и спрошу ее, кто она, и скажу все матери. Так она подумала и промолчала.

На третье утро, как обычно, погнала она коз в березняк, козы стали пастись, а Бетушка, сев под дерево, начала петь и пряхть.

Солнце указывало на полдень, Бетушка положила веретено в траву, дала козочкам по куску хлеба, насобирала ягод, пообедала и, насыпая птичкам крошки, весело сказала:

– Мои козуленьки, сегодня я вам спляшу!

Подскочила она и хотела уже попробовать, сможет ли она танцевать так же великолепно, как прекрасная девушка, как та оказалась перед Бетушкой.

– Вместе пойдем, вместе, – сказала она Бетушке с улыбкой, обняла ее, и в тот момент зазвучала над головами музыка, и закружились они в танце.

Бетушка снова забыла о веретене и козах, ничего не видела, кроме прекрасной девушки, у которой тело гнулось во все стороны, как вербовый пруттик, ничего Бетушка не слышала, кроме приятной музыки, под которую ее ноги сами прыгали. Танцевали они с полудня до вечера. Тут девушка остановилась, и музыка умолкла. Бетушка оглянулась, солнце уже было за лесом. С плачем подняла она руки к голове и, повернувшись к неполному веретену, стала сетовать, что ей теперь мать скажет.

– Дай мне свой мешочек, тебя вознагражу за то, что ты весь день промешкала! – сказала прекрасная девушка.

Бетушка подала ей мешочек, и девушка на какой-то момент стала невидимой, но потом появилась и вернула Бетушке мешочек со словами: «Вот, бери, дома посмотри!» После этого она сразу исчезла, будто ветром ее сдуло.

Сначала Бетушка боялась заглянуть в мешочек, но на полдороге что-то стало ее подталкивать: мешочек был такой легкий, словно ничего в нем и не было, она должна была посмотреть, не обманула ли ее девушка. Как же она испугалась, когда увидела, что мешочек полон

березовыми листьями! Вот тут и пустилась она в жалобный плач, ругая себя, что была так легковерна. В злости выбросила Бетушка пригоршню листьев, но потом подумала: «Подстелю-ка я это козочкам» – и оставила листья в мешочке. Ей было страшно идти домой. И снова козуленьки не могли свою пастушку узнать.

Мать ждала ее на пороге, полная тревоги.

– Ради бога, что за пряжу принесла ты вчера домой, девочка? – были первые ее слова.

– А что такое? – смущенно спросила Бетушка.

– Когда ты утром ушла, принялась я мотать – мотаю, мотаю, а пряжи все равно полно – один моток, два, три, а пряжи полно! Какой злой дух это пряд – рассердилась я – и в тот же миг пряжа исчезла с веретена, как будто ее кто проглотил. Так скажи мне, что же это такое.

Тут Бетушка призналась и стала рассказывать о прекрасной девушке.

– Это была лесная нимфа! – воскликнула мать в изумлении. – Она появляется около полудня и в полночь. Но девчат она жалеет и многих щедро одаривает. Что ж ты мне об этом раньше не сказала, я бы не ругалась и была бы у меня пряжи полная комната.

Тут вспомнила Бетушка о мешочке, и пришло ей в голову, что там что-то может быть под листьями. Вынула она веретено и неспряденный лен, посмотрела еще раз и:

– Посмотрите, мама! – вскрикнула.

Мать заглянула и всплеснула руками: березовые листья превратились в золото!

– Она мне сказала: «Вот, бери, дома посмотри», а я не послушалась, – рассердилась Бетушка сама на себя.

– Хорошо, что ты весь мешочек не опустошила, – сказала мать.

Утром пошла мать посмотреть на то место, где Бетушка выбросила пригоршню листьев, но на дороге лежали только свежие березовые листочки.

Однако богатств, что принесла Бетушка домой, и без того было много. Мать купила усадьбу, было у них много скотины. У Бетушки появились красивые платья, и не должна была она уже коз пасти, но что бы она ни имела, как бы ни была весела и счастлива, никогда больше не испытывала она того блаженства, какое чувствовала, танцуя с лесной нимфой. Часто ходила Бетушка в березняк, ей там

было хорошо, она прядла, надеясь встретить прекрасную девушку, но больше никогда ее не встретила.

Мудрый золотых дел мастер

Радосу было восемнадцать лет, когда умерли его родители. Теперь ему ничего не оставалось, как идти на службу. И подумал он: «Если уж я должен работать, пойду-ка я в большой город и там устроюсь на службу, хоть какую-то работу найду». Собрал он вещи и пошел. Недалеко от города поприветствовали его Мудрость с Разумом. И с той минуты был он такой мудрый и разумный, как будто учен был в высших школах, и все, что брал в руки, легко у него получалось.

Шел Радосх по прекрасным улицам, и вот попался ему на глаза великолепный и роскошный ювелирный магазин, в нем сидело за работой много подмастерьев. Очень ему это понравилось, и он подумал, что служить не пойдет, а будет учиться на ювелира. Без раздумья вошел он в мастерскую, поприветствовал мастера и попросил, чтобы его приняли в ученики.

– Что ж, я тебя приму, – сказал мастер, – но ты немного старый для ученика, когда выучишься, тебе уже исполнится двадцать шесть. Кроме того, чем за уроки заплатишь?

– Конечно, господин мастер, денег у меня нет, чтобы за учение платить. Но вы точно будете мною довольны, ни минутки напрасно у вас не проведу, – сказал Радосх.

– Тогда оставайся, – ответил мастер, указал ему место для его вещей и для сна.

Как только Радосх устроился, тут же взялся за указанную ему работу. Сперва подмастерья смеялись над ним, что он такой неумелый, но быстро умолкли: что бы ни брал в руки Радосх, все у него спорилось, и то, чему иные учились два года, у него получалось уже через неделю. Через две недели он уже делал перстни, серьги и браслеты настолько прекрасные, что любо-дорого смотреть.

– Не знаю, – сказал мастер жене, – что мне о Радосхе и думать: или он уже раньше нашему делу выучился и просто морочит мне голову, или рожден он под счастливой звездой.

– Нет, и не думай, что он тебя обманул, он честный, – заступилась жена мастера за ученика, который пришелся ей по душе.

Через четыре недели Радосх уже выучился всему, и мастер очень его полюбил. Однажды пошел он с мастером на прогулку по

большому городу, в котором был королевский дворец. И тут увидел Радош на воротах насаженный на кол череп. И спросил он мастера, что это значит, и мастер стал ему рассказывать:

– Есть у нашего короля единственная дочь, такая прекрасная, что другой такой не найдешь. Но с двенадцати лет она не говорит, и никто не знает почему: по воле Божией или по собственной воле. Сколько смотрело ее врачей и других ученых мужей, ни один ей речь не вернул. Она читает, ездит верхом, прогуливается, вышивает, но все молча. Три года назад появилась мудрая пророчица, которая рассказала, что принцесса Либена под властью чар, и будут они длиться так долго, пока не найдется юноша, который вернет ей речь. И издал король указ, что тот, кто вернет его дочери речь, получит ее в жены, и не важно, какого он будет происхождения: простой или благородный. Тут объявились разные люди, которые только время отнимали, но принцессу не вылечили. Королю это было неприятно, а принцессе еще больше, поэтому она оставалась в своих покоях и выходить из них не хотела. И приказал король, что тот, кто придет лечить принцессу и в течение трех дней этого не сделает, лишится головы. Суэта утихла, но через некоторое время объявился молодой господин приятной наружности. Король позволил ему попытаться излечить принцессу. Три дня стоял он на коленях перед Либеной и без устали просил, чтобы вымолвила она хоть одно-единственное слово, но она и глазом не моргнула, так что на третий день лишился он головы, которая после казни и была тут насажена на острие. С того времени больше никто не объявлялся, и пятый год уже после этого проходит.

Очень удивился Радош, и было ему жалко прекрасную Либену. Он уже год жил у мастера, который его берег как зеницу ока и даже решил с женой, что, если Радош и дальше останется таким хорошим парнем, он будет считать его своим сыном, потому что своих детей у них не было.

Однажды пришел королевский придворный и заказал у мастера украшения для принцессы. Они должны быть такими прекрасными, каких еще никто не видел, и с самыми драгоценными камнями. Мастер пообещал, но когда посланец ушел, стал чесать затылок, не зная, как он это исполнит и кому эту работу поручит.

– Что с вами, господин мастер, приключилось, что вы такой печальный? – спросил Радош.

Мастер все ему рассказал.

– Не печальтесь, мастер, я эту работу исполню, и уверен, что король будет мной доволен.

– Думаешь, Радош, что я тебе доверю работу, которую сам не могу исполнить? Как я тебе дам столько золота и драгоценных камней испортить?

– А вы дайте мне что-нибудь на пробу, и если вам понравится, потом дадите и другое.

Мастер был доволен, дал золото и камень, и Радош тут же углубился в работу. Но как же удивился старый золотых дел мастер, когда принес ему Радош готовый перстень. Равного ему не было в целом магазине. С радостью дал мастер золото и бриллианты, чтобы Радош изготовил и остальные драгоценные украшения. Он сделал все, что от него зависело, и когда завершил работу, сделал еще и серебряную шкатулку для драгоценностей, уложил в нее все и принес мастеру.

Мастер посмотрел на драгоценности, обнял Радоша и сказал:

– Мальчик мой, с сегодняшнего дня ты мастер. Я тебе больше указывать не могу, потому что ты меня превзошел.

Это была такая работа, которую мало кто мог сделать. Мастер не знал, чем раньше восхищаться, королевской ли диадемой, тонким ли ожерельем или драгоценными сережками, браслетами и другими мелочами. Это были нити, будто пауком спряденные, и лепестки, и цветы, как живые.

– Мальчик мой, что должен я тебе за такую работу? – спросил совершенно блаженный мастер своего товарища.

– Ничего. Только позвольте мне самому отнести это королю.

Мастер с удовольствием исполнил его желание, и Радош отправился в королевский замок. Когда объявил, что несет заказанные драгоценности, тут же был к королю допущен. Он низко поклонился и подал королю серебряную шкатулку. Открыл тот крышку, прояснилось его лицо, и смотрел он на украшения с удивлением.

– Не можешь ли мне сказать, юноша, кто сделал эту работу? – приветливо спросил король.

– Я сам, все милостивейший король! – ответил Радош.

– Ай, юноша, ты такой ловкий искусник, какого я до сих пор не знал. Если есть у тебя какая-то просьба, говори, – предложил король Радошу, который от радости чуть не плакал.

– Всемиловейший король! Я слышал, что к принцессе допускают каждого, кто хочет попробовать вернуть ей речь. И я хотел бы попытаться, а потому просил бы Вашу Королевскую Милость разрешить мне к ней прийти.

Так просил Радош короля, со страхом ожидая ответа.

– Конечно, юноша, ты можешь к ней пойти и попробовать ее излечить, но мне будет жалко, если у тебя ничего из этого не получится, ты же сам знаешь, что тебя в этом случае ждет.

– Знаю, всемиловейший король, рад буду умереть, если у меня не получится.

Король позвал своего придворного и приказал, чтобы тот отвел Радоша в покои к принцессе и оставил его там одного, но дал придворному тайный знак, подслушивать, что там будет происходить. Привел его придворный через множество покоев в зал, в котором все выглядело как в раю, столько там было цветов, деревьев, прекрасной обивки, золота, серебра, ковров – всего предостаточно. Солнечный свет едва пробивался через разрисованные окна на белый мраморный пол. Во всем зале от потолка до пола висели тяжелые шторы, которые придворный чуть раздвинул и показал Радошу рукой, чтобы тот вошел.

Радош оказался в маленькой роскошной комнатке, так удобно и ладно обставленной, что человеку делалось приятно, когда он в нее входил. Но прекраснее всего была принцесса Либена. Она сидела у окна и вышивала золотом. Ничто не дрогнуло в ее лице, когда вошел Радош, ни на мгновение не обратила она на него свой взор, и казалась безжизненной, как картина в золотой рамке, что висела на стене, где принцесса была запечатлена еще маленьким ребенком. Глядя на нее ясными глазами, склонился Радош перед принцессой и, встав перед ее портретом, сказал:

– Разрешите ты, прекрасный портрет, жестокою схватку, которая ведется в этом замке: резчик сделал куклу, портной сшил ей платье, а сказитель дал ей речь. Кому в таком случае принадлежит кукла?

– Кому принадлежит, как не сказителю, который дал ей речь? – проговорила принцесса и тихо шила дальше.

Радош с поклоном вышел из комнаты, но завистливый придворный сообщил королю, что принцесса Радошу не ответила ни слова, и он должен был остаться в замке, где ему было вполне хорошо. Мастер не знал, что и думать, когда слуга принес ему деньги за драгоценности и передал, что его подмастерье вернется на третий день.

На следующий день Радоша снова провели в покои принцессы, и, как в предыдущий день, встал он перед портретом и спросил:

– Разрешит ли тебе, прекрасный портрет, жестокую схватку, которая ведется в этом замке. Резчик сделал куклу, портной сшил ей платье, но сказитель дал ей речь. Теперь ее каждый хочет взять себе. Кому же она принадлежит?

– Я тебе вчера сказала, что принадлежит она сказителю, – ответила опять принцесса.

Придворный, который подслушивал, не хотел, чтобы Радош стал королем, и опять сказал королю, что принцесса не заговорила. И снова Радош был задержан в замке. На третий день король пошел послушать сам. Радош вошел в комнату и снова спросил у портрета:

– Разрешит ли тебе, прекрасный портрет, жестокую схватку из-за куклы, которая ведется в этом замке. Резчик ее сделал, портной сшил ей платье, но сказитель дал ей речь. Кому же она принадлежит?

– Я тебе уже два раза говорила, что сказителю, почему ты никак не успокоишься? – сказала Либена и встала со стульчика. Тут вбежал в комнату король и, плача, поцеловал дочь. После этого он взял Радоша за руку и сказал:

– Юноша, ты меня сделал счастливым отцом и всю радость мне вернул, стань же моим сыном и королем, потому что, как я вижу, ты мудрее других.

– Мой всемилостивейший господин, – ответил Радош, – как же могу я быть королем, я же низкого роду, не знаю, как вести себя при дворе, и вряд ли прекрасная принцесса будет меня как мужа уважать.

– Ты меня своей мудростью освободил от волшебных пут, и никого я не хочу видеть своим мужем, кроме тебя, – сказала Либена и подала Радошу руку, которую он горячо поцеловал.

По городу быстро разнеслась весть, что принцесса выздоровела и что ее освободитель – простой подмастерье золотых дел мастера. Поспешил старый мастер в замок, чтобы удостовериться, так ли все на самом деле, и когда Радош с радостью представил его королю как

своего доброго мастера, старик в душе благодарил Бога, что послал ему такого ученика.

Через некоторое время состоялась свадьба, и королевская невеста красовалась в драгоценностях, которые ей сделал жених своими руками. Радош правил мудро, как ни один король до него, и народ молился за него денно и ночью. Было у него несколько сыновей, и каждый смолodu должен был чему-то учиться, и ни один не получил титул, не заслужив его. А вот поприветствовали ли их Мудрость с Разумом, это неизвестно.

Принц Байайя

Молодой король должен был разлучиться со своей женой и уехать на войну. Вскоре после его отъезда родила королева двойню, двух сыновей. Были празднества по всей земле, и королю быстро послали гонцов, которые должны были принести ему радостную весть. Мальчики были здоровыми и росли не по дням, а по часам, но тот, что родился на несколько минут раньше, был более открытым миру, чем другой, такими же они и оставались, когда немного подросли. Старший всегда был на дворе, бегал, прыгал, вскакивал на жеребенка, с которым был одного возраста. Второму же сыну больше нравилось кувыркаться на мягких коврах, он ползал около матери и в сад выходил только с ней; старшему мать не уделяла столько внимания, а младший остался ее баловнем. Мальчикам было семь лет, когда король возвратился с войны и с невыразимой радостью прижал к сердцу жену и детей.

– И все же – который из них старше и который младше? – спросил отец королеву.

Та, думая, что муж спрашивает, чтобы знать, кто из сыновей станет в будущем королем, выдала своего баловня за старшего. Король любил сыновей в равной мере, но когда они стали юношами и старший слышал, как младшего называют будущим королем, ему было это так неприятно, что жизнь дома ему опротивела и мечтал он пойти по свету. Однажды пожаловался он на свою боль и сожаление своему коньку и сказал ему, что хотел бы уехать из дома.

Тут отвечает ему конь человеческим голосом:

– Раз тебе не нравится дома, иди по свету, но без отцовского позволения ни шагу не делай. И советую тебе никого с собой не брать и ни на какого коня, кроме меня, не садиться. Это для твоего же счастья.

Принц удивился, что конь говорит человеческим голосом, и спросил, как это получается.

Конек ему ответил:

– Об этом меня не спрашивай; я хочу быть твоим защитником и советчиком, куда будешь меня слушаться.

Принц пообещал коньку, что во всем будет слушаться его совета, и пошел в замок спрашивать у отца разрешения пойти по свету. Когда он высказал родителям свою просьбу, отец никак не хотел ему это разрешить, но мать легко готова была дать свое позволение. Но все же принц добился и от отца разрешения. Сразу же должны были собрать слуг, лошадей и багаж для принца в дорогу. Но только он от всего этого отказался и сказал отцу:

– Зачем мне, отец, столько багажа, лошадей и людей около себя, я с собой возьму немного денег и поеду на своем маленьком коньке один-одинешенек по миру, тогда у меня не будет столько забот и затруднений.

Снова пришлось ему упрашивать отца, чтобы тот ему это позволил. Наконец, все было приготовлено в дорогу, маленький конь стоял оседланный у ворот, а наверху принц прощался со своими родителями и братом. Все горько плакали, в последнюю минуту и матери стало жалко, что она дитя отпускает вот так идти по свету, и приказала она ему твердо, чтобы или вернулся через год домой, или хотя бы дал о себе знать.

Через час конек уже бежал рысью по широкому полю далеко от столицы. Кто-то может подумать, что семнадцатилетний конь уже не такой быстрый! Но тот конь не состарился, потому что не был обычным: шерсть его была бархатной, ноги, как струнки, и был он быстрый, как серна. Дорога сокращалась, ехали они долго, принц знать не знал, куда несет его конек. Вдруг увидел он перед собой башни прекрасного города. Тут конек сошел с дороги и поскакал через поле к скале, которая возвышалась неподалеку от красивого лесочка, и когда подъехали, конь ударил копытом о скалу, она открылась, и они въехали внутрь. Это была отличная удобная конюшня.

– Теперь оставь меня здесь, – сказал конек принцу, – а сам иди в город, поближе ко двору, но выдавай себя за немого. Король тебя примет на службу, но будь осторожен, не проговорись. Когда тебе что-то понадобится, что бы ни было, придешь к скале, трижды постучишь, и скала тебе откроется.

Принц подумал: мой конек такой мудрый, он точно знает, что мне на пользу; взял он свою одежду и пошел. Пришел принц в город, который был недалеко от скалы, и объявился у короля. Увидел король, что он немой, сжалился над его молодостью и оставил его у себя. Но

вскоре король понял, что может юношу очень хорошо использовать в разных вопросах. Что бы в замке ни происходило, он во всем мог помочь и целый день бегал по замку и работал. Если королю требовался писарь, не было лучше него. Все его любили, но, поскольку был он немой и на все отвечал только «байайя», осталось за ним имя Байайя, так что потом никто его иначе и не называл.

У короля было три дочери, одна красивее другой. Старшую звали Здобена, вторую Будинка, а самую младшую – Славена. Эти три девушки больше всех любили Байайю, а он тоже готов был проводить с ними целые дни. Был он немой, к тому же смуглый до ужаса, и один его глаз был завязан; мог ли король подумать, что он понравится кому-то из принцесс? Но принцессы любили юношу, и он должен был всюду с ними ходить. Он им плел венки, приносил букеты, свивал золотые нити, рисовал птиц и разные цветы для вышивания, и это им очень нравилось. Но самой младшей он любил служить больше всего, и то, что делал для нее, было всегда самым красивым, так что сестры в шутку подтрунивали. Славена была сама доброта и все от сестер сносила.

Некоторое время оставался Байайя при дворе. Однажды утром пришел он в зал, где завтракал король, и увидел, что сидит тот совершенно опечаленный. И спросил Байайя знаками о причине печали.

Посмотрел на него король грустно и сказал:

– Милый юноша, зачем ты меня спрашиваешь, разве не знаешь, какое грозит нам несчастье и какие горькие три дня настают?

Байайя покрутил головой, мол, не знает, а на его лице был виден большой испуг.

И сказал ему король:

– Тогда я тебе это скажу, хоть ты нам ничем помочь не сможешь. Много лет тому назад прилетели сюда три дракона, один девятиглавый, второй восемнадцатиглавый и третий двадцатисемиглавый. И настала тогда такая нужда в моем городе, что от ужаса волосы на голове вставали. Люди прятались, потому что боялись за свою жизнь. Постепенно не осталось домашнего скота, всех пришлось отдать этим чудовищам, чтобы они не разрушили город. Тем не менее они сожрали и множество людей. Не мог я дальше смотреть на этот ужас и велел привести ко двору чародейницу,

чтобы она сказала, как прогнать этих чудовищ с моей земли. Но что за горе я испытал, когда она объявила, что спасу свою землю обещанием отдать им своих дочерей, которые тогда только расцветали. Я думал, что избавлюсь от них, поэтому и дал такое неслыханное обещание. Королева умерла после этого от горя, но дочери о данном мной слове не узнали. С того момента драконы убрались, и все эти годы не было о них ни слуху ни духу, но вчера вечером прибежал перепуганный пастух и сообщил, что драконы опять здесь, на той самой скале, где были раньше, и страшно режут. Горе мне, завтра должен отдать свое первое дитя в жертву ради своей земли и народа, послезавтра – второе, а потом – третье, и после этого стану несчастным навеки.

Так жаловался бедный король и рвал волосы на голове.

С грустным лицом пошел Байайя к принцессам, но вид их привел его в ужас. В черных платьях, с лицами, как из белого мрамора, сидели они рядышком и плакали прежалобно, что должны так жестоко закончить свой век. Байайя начал их утешать и показывал жестами, что какой-то способ освободить их найдется. Бедняжки этому не верили и не переставали лить слезы. В городе было ужасное смятение и скорбь, потому что все любили королевскую семью. Весь город, как и замок, был затянут черным сукном.

Байайя тайно поспешил из города через поле к скале, где был закрыт конек; когда он трижды постучал, скала открылась, и Байайя вошел внутрь. Погладил он блестящую гриву конька, поцеловал его белый лоб и сказал:

– Милый конек! Пришел я к тебе за советом, и если мне поможешь, буду навсегда счастлив.

После этих слов рассказал он коньку все, что произошло в замке.

– Обо всем этом я знаю, – ответил конек, – и потому я тебя сюда и привел, чтобы ты помог принцессам. Завтра рано утром приходи ко мне, и я расскажу тебе все остальное.

С великой радостью побежал Байайя к замку, и многие могли бы очень разозлиться на него за то, что был он так весел, но, к счастью, никто его не увидел. Весь день не выходил он из комнат принцесс и выдумывал что угодно, лишь бы их как-то утешить, что все же не получилось.

На следующий день рано утром, еще в сумерках, Байайя был уже у скалы. Конек его поприветствовал и сказал:

– Сдвинь под моей кормушкой камень и вынь то, что там найдешь.

Байайя охотно послушался и вынул из дыры, которая была скрыта под камнем, большой сундук. Конек велел ему открыть сундук, и когда он это сделал, вынул оттуда три прекрасных одеяния, меч и лошадиную узду. Одно одеяние было красное, расшитое серебром и бриллиантами, и с шлемом из блестящего металла, к нему прилагался белый с красным щит. Второе одеяние было белое, вышитое золотом, шлем тоже золотой, а щит белый. Третье одеяние было голубое, богато расшитое серебром, бриллиантами и жемчугом, к нему прилагался белый с синим щит. Ко всему этому был один меч, его ножны из драгоценных камней просто светились, так же как и лошадиная узда.

– Эти три одеяния – твои, и прежде всего возьми красное.

Байайя переоделся, пристегнул меч и накинул узду на коня.

– Вот что я тебе скажу: ты не должен бояться дракона и слезать с меня. Просто секи это чудовище и положишься на свой меч.

Так приказал конечек, когда выезжал из скалы. А в замке тем временем происходило грустное прощание, и толпа провожала бедную Здобену из города. Когда все были недалеко от назначенного места, принцесса спустилась и, увидев, что должна идти к скале, упала наземь без чувств. Вдруг вдали показался конь, и на нем сидел рыцарь с красно-белым щитом. Когда он подъехал к ним, велел, чтобы люди удалились, увели принцессу, а его оставили одного. С какой радостью эти приказы были исполнены – этого мы и представить не можем, но принцесса не хотела уходить, а хотела посмотреть, чем все закончится.

Едва поднялись они на одну вершину, как с треском открылась скала, и девятиглавый дракон вылез наружу, ища свою добычу. Тут прискакал на конике Байайя, выхватил меч и разом отрубил три головы. Дракон извивался, изрыгал огонь и плевался ядом, но принц этого не боялся, рубил мечом, пока не отсек все девять голов, а остальное доделал конек копытами.

Когда дракон погиб, принц повернулся и уехал туда же, откуда появился. С удивлением смотрела на него Здобена, но вспомнила, что отец будет ее ждать, поэтому быстро повернула к замку вместе с дружиной. Невозможно было описать отцовскую радость, когда он увидел дочь живой, и радость сестер, что, может быть, и к ним явится

освободитель, кто бы он ни был! Байайя тоже прибежал и все время показывал, чтобы верили, что Бог пошлет освободителя. И хотя сестры боялись второго дня, но были уже веселее и с Байайей разговаривали.

На следующий день вывели Будинку. С ней произошло то же, что произошло с ее сестрой. Едва они приехали на место, увидели приближающегося рыцаря с белым щитом, и через несколько мгновений он сразил восемнадцатого дракона. После этой сечи рыцарь умчался, как и в первый день. Когда принцесса вернулась в замок, все жалели, что не могли показать удалому рыцарю свою благодарность.

– Я знаю, сестры, – сказала Славена, когда они собрались вместе, – вы не просили рыцаря. Но я встану перед ним на колени и так долго буду просить, чтобы он пошел со мной, пока он этого не сделает.

– Что ты смеешься, Байайя? – спросила Здобена, видя смеющееся лицо немого.

Но Байайя начал скакать по комнате, давая понять, что радуется тому рыцарю.

– Дурачок, его же еще тут нет, – ответила Здобена.

На третий день была вывезена Славена, и на этот раз с ней поехал сам король. Сердце у бедняжки дрожало от ужаса, когда она думала, а вдруг не приедет ее освободитель, и она будет отдана дракону. В тот же миг раздался радостный крик, что рыцарь едет. Так же как первых двух драконов, убил Байайя и третьего, хотя он и его конь чудом не потеряли сознание во время битвы. Тут подошли к рыцарю король и Славена и попросили его поехать с ними в замок, что он никак не хотел делать. Славена встала перед ним на колени и, поняв его волнение, просила его так старательно, так любезно, что у принца забилось сердце. Но тут конек встрепенулся, и рыцарь исчез.

Грустная от того, что не может своего освободителя отблагодарить, возвращалась Славена с отцом домой. Все думали, что они приведут рыцаря, но опять были разочарованы.

Теперь все в королевстве были счастливы! Но вскоре постигло их новое горе. Соседний король объявил войну. Король очень этого испугался, потому что знал, что сосед гораздо сильнее. Он немедленно написал письма, и гонцы разлетелись по королевству, звать князей и благородных господ ко двору на собрание. Вскоре господ съехалось видимо-невидимо. Король рассказал им о своих

заботах и попросил помощи, пообещав в награду своих дочерей. Кто бы отказался от такой награды? Все разъехались и пообещали, что в назначенный день придут со своими войсками. Теперь все готовилось к бою, и король сам захотел вести войско на поле боя. В предпоследний день приехали князья, и было устроено большое угощение, потом король попрощался с плачущими дочерьми, приказал Байайе, чтобы тот следил за всем, и при звуках труб и пищалей отправился на битву.

Байайя был послушен королевскому слову, за всем присматривал, но больше всего старался, чтобы принцессы не затосковали. Но однажды показалось Байайе, что он простыл, и, не надеясь на лекаря, который хотел помочь, показал, что сам пойдет за кореньями, которые его вылечат лучше всяких лекарств. Принцессы подумали, что он сошел с ума, и позволили ему пойти. Но Байайя не пошел за кореньями, тем более что боль его таилась не где-нибудь, а в ясных очах прекрасной Славены, отправился он к своему коньку, чтобы посоветоваться, не должен ли он помочь королю в войне. Конек его поприветствовал и велел одеться в белые одежды, взять меч, усесться на него, и поехали они на битву.

Столько дней уж длилась война и королевское войско слабело, но не могло одолеть великие силы неприятеля. На следующий день была назначена главная битва, в которой должно было решиться, кто кого. Целую ночь отдавал король приказы и отправил гонцов к дочерям с указаниями, что им делать, если бой будет проигран. Утром войска отдали себя под охрану Божию и встали в штыки. Вдруг зазвенели трубы, залязгало оружие, полетели стрелы, крик и грохот разнесся по всей долине. Очутился среди неприятеля всадник в белых одеждах, в золотом шлеме и с белым щитом. Он сидел на маленьком коне и в руке держал огромный меч, которым так разил врага, что казалось, злой дух колет их острием. Тут опомнилось и королевское войско и встало по бокам статного героя. Быстро одолели они неприятеля, а когда белый рыцарь убил вражеского короля, враги рассыпались, как стадо без пастуха. Но был белый рыцарь легко ранен в ногу, так что кровь окрасила белую ткань. Как только король это обнаружил, соскочил с коня, разорвал свой плащ и сам завязал рыцарю кровавую рану, прося, чтобы он вошел в королевскую палатку. Рыцарь поблагодарил короля, прищипорил коня, и только его и видели. Король

чуть не плакал от расстройства, что рыцарь, которому он стольким был обязан, уже в четвертый раз уехал. Победителем возвращался король домой с огромной добычей. С ликованием был он встречен в столице, и в замке приготовили разные торжества и празднества.

– Ну, мой управляющий, – окликнул король Байайю, – как руководил ты нашим домом, пока я был далеко?

Байайя знаками показал, что хорошо, но принцессы принялись смеяться, и Славена сказала:

– Должны тебе пожаловаться, отец, на твоего управляющего, потому что он непослушный. Начал он болеть, наш лекарь хотел ему дать хорошее лекарство, а он сказал, что сам пойдет за кореньями. Пошел и вернулся только через два дня, хромой и больней сильнее, чем был раньше.

Король повернулся к Байайе, но тот засмеялся и повернулся на пятке, показывая, что у него все в порядке. Когда принцессы услышали, что их освободитель опять помог отцу в бою, не захотели они соглашаться, что должны стать женами князей, потому что надеялись, что за одной из них может прийти рыцарь. Конечно, никто из них не знал, красив он или нет, потому что лица его не видели, но каждая в мыслях рисовала его прекрасным, как ангел.

Король был в растерянности, не зная, как ему быть с обещанным вознаграждением. Каждый из князей помогал ему, насколько хватало сил, и все в войне держались геройски. Кому отдать дочерей? И придумал он одно средство, с помощью которого все бы остались довольны, и пришел к князьям, говоря:

– Милые друзья! Я пообещал тем, кто больше всего мне поможет в этой войне, отдать своих дочерей в жены. Но вы мне все верно помогали, поэтому хочу сделать так, чтобы никому не было обидно. Встаньте в ряд под балконом, а мои дочери бросят с балкона вниз золотое яблоко, к кому это яблоко докатится, тот и станет мужем принцессы. Довольны ли вы этим?

Все согласились. Король объявил принцессам свое решение, чтобы они не посрамили отца. Принцессы роскошно оделись, каждая взяла в руку золотое яблоко и пошла на балкон, под которым выстроились князья и благородные дворяне. Между зрителями рядышком с женихами стоял Байайя.

Первой бросила яблоко Здобена, катилось оно, катилось и прикатилось прямо к ногам немого. Но Байайя уклонился, и оно остановилось прямо у ног одного прекрасного князя, который радостно его поднял и выступил из ряда. Теперь яблоко бросила Будинка, оно, как и первое, катилось и снова прикатилось к ногам Байайи, но немой снова незаметно отошел, и яблоко прямой дорогой прикатилось к красивому пану, который его поднял и жадно посмотрел на прекрасную невесту на балконе. Пришла очередь бросать Славене, на этот раз Байайя от яблочка не уклонился, наоборот, с радостью его поднял, побежал в покои, пал перед принцессой на колени и поцеловал ее руку. Но она вырвалась и стала горько плакать, что должна выйти за немого. Король сердился, князья роптали, но что случилось, то случилось, исправить ничего было нельзя. Устроили угощение, а после этого – рыцарский турнир, после которого награды раздавать должна была одна невеста. Во время угощения Славена сидела, как каменная, ни слова не вымолвила, жениха Байайи видно не было, и король подумал, что он рассердился и убежал. Все жалели бедняжку-невесту и, желая ее немножко развлечь, попросили, чтобы награды раздавала она.

В конце концов Славена согласилась. Уже сидели достойные господа у перил, уже сразились соперники и один другого побеждал, и тут громко объявили, что приехал рыцарь на маленьком коне и просит, чтобы его допустили к игре. Король кивнул. И вот выехал на арену рыцарь в синей с серебром одежде, в серебряном шлеме и с бело-синим щитом. Принцессы чуть не закричали от радости, увидев статную фигуру их освободителя на коне. Рыцарь поклонился собравшимся и начал сражаться с князьями, и всех он одолел и стал победителем. Славена спустилась к нему и принесла золотой пояс. Рыцарь опустился перед ней на колени, и она повесила ему на шею пояс, который сама вышивала. Руки ее дрожали, щеки ее горели; она не знала, то ли солнце так палит, то ли горячие взоры прекрасного рыцаря. Опустив глаза, услышала она сладкие слова:

– Прекрасная невеста, еще сегодня тебя увижу.

Король и обе невесты спустились вниз, чтобы задержать рыцаря и за все его поблагодарить. Но он на лету поцеловал Славене руку и исчез. Та думала о словах, которые он ей прошептал. Потом опять

были гулянья, и только Славена сидела в своем покое и не хотела идти к гостям.

Светил месяц, и от скалы нес конек своего господина. Когда принес он его до самого замка, Байайя соскочил с него, поцеловал его лоб и шею, и конек исчез с его глаз. С грустью утратил наш рыцарь верного друга, но зато его ждала сладкая награда.

Славена сидела, углубившись в свои мысли, и думала, что рыцарь едва ли приедет, вдруг горничная отворила двери и сказала, что Байайя хочет поговорить с ней. Славена не ответила, и голова ее упала на подушку. Но кто-то взял принцессу за руку, она подняла голову и увидела перед собой прекрасного героя, своего освободителя.

– Ты сердишься на своего жениха, раз скрываешься перед ним? – спросил Байайя.

– Почему ты спрашиваешь меня об этом, ведь ты не мой жених, – прошептала Славена.

– Я твой жених, девица, перед тобой стоит немой Байайя, который вязал тебе цветы, спас тебя и твоих сестер от смерти и помог твоему отцу на войне. Я твой жених!

В том, что Славена на него больше не сердилась, каждый может быть уверен. Через некоторое время распахнулись двери праздничного зала, и в них показалась Славена с рыцарем в белых одеждах и золотом шлеме и представила его отцу как своего жениха, немого Байайю! Отец радовался, гости удивлялись, а сестры смотрели во все глаза. Только теперь и настало настоящее веселье и пили за здоровье обрученных до самого утра.

После свадьбы поехал Байайя со своей Славеной навестить родителей, но как же он испугался, увидев родной город, затянутый черным сукном. На вопрос, что это значит, услышал, что умер молодой король. Он поспешил к замку, чтобы утешить своих родителей, что ему удалось, потому что его и считали покойным, так как долгое время ничего о нем не слышали. Опять поселилась в замке радость, черное сукно было убрано, а его место заняло сукно красное. Байайя был королем в своем королевстве и до самой смерти был с женой нерушимо счастлив.

Семеро воронов

Пекла мать хлеб и пообещала своим семи сыновьям, что сделает каждому по калачику, если будут тихо себя вести. Мальчики на минутку замолчали, как рыбы, но калачики за такое короткое время еще не испеклись, и у мальчиков быстро кончилось терпение. Начали они опять сердить маму, неустанно тянуть ее за юбку и кричать, когда же будут готовы калачики. Долго мать это терпела, но наконец терпение ее лопнуло, гневно крикнула она на них:

– Да чтоб вы все в воронов превратились!

Едва договорила она эти несчастные слова, превратились все ее сыночки в семь воронов, посмотрели грустно на мать, взмахнули крыльями, взлетели в небо, и не успела испуганная мать опомниться, как исчезли они с ее глаз. Как ни рвала она на голове волосы, как ни плакала, как ни жаловалась, но все напрасно – дети были неизвестно где. А уж когда вернулся домой отец и кудрявый Ярославчик не прибежал его встречать и ни один из сыновей его не приветствовал, тут уж он заплакал и чуть с ума не сошел, когда узнал об их несчастной судьбе. Жену он не наказал, видя, что она еще тяжелее несет свое горе, к тому же он очень любил ее и потому свою боль спрятал глубоко в сердце.

Со временем и материнская боль поутихла, и вот Господь Бог смилостивился над ней и ради утешения одарил ее доченькой, которую она уже давно хотела вместо одного из мальчишек. Богданка была милейшим ребенком и чем больше росла, тем становилась очаровательней и тем больше радости приносила родителям, как будто бы знала, что должна за многое их вознаградить. Однажды, когда она уже немного подросла, стояла она в комнате у сундука, в котором мать что-то искала, и вот нашла внизу маленькие курточки и рубашки для мальчика.

– Но, матушка, чьи это курточки и рубашки? – спросила она у матери с любопытством.

– О, не спрашивай меня, милое дитя, – ответила мать, и из глаз ее полились горькие слезы.

Богданка, видя плачущую мать, не хотела больше спрашивать, но теперь она думала непрестанно, чьи это курточки и почему, глядя на

них, мать плакала. Спросила она отца, но тот тоже начал лить слезы, и Богданка опять ничего не узнала. И пришло ей в голову, не было ли у нее братьев, но ее удивляло, почему родители скрывают, что с ними – умерли ли, живут где-то в чужой стране, почему никто о них не говорит.

В доме среди челяди жила старая дева по имени Доротка, которая служила семье многие годы и, можно сказать, была уже членом семьи, ее-то наконец и спросила Богданка, что это за курточки и рубашки, которые лежат в сундуке и над которыми плакала мать. Долго не хотела Доротка говорить, но противостоять лести и уговорам не сумела и рассказала девочке о потере семерых братьев. О, как горевала Богданка о несчастной их судьбе!

– Расскажи мне, Доротка, – попросила девочка, – Расскажи, как выглядели мои братики.

Доротка начала описывать мальчиков с головы до пят, рассказывала, кто что любил делать и есть, какой из них был хороший, а кто еще лучше.

– О, как бы я любила своих братьев! – вздохнула девочка, когда Доротка закончила свою хвалебную речь, и на минутку задумалась.

Вдруг подняла она свою кудрявую головку и спросила:

– Но, Доротка, куда же улетели мои братья, неужели они навек потеряны?

– Потеряны? Ну, нет, наверное, но кто же знает, где они. Сомневаюсь, что кто-то отважится идти их искать по свету.

– Если бы я только была такая большая и сильная, как вы, я бы их искала так долго, пока не нашла.

– Милая барышня, свет огромный, вы в нем потеряетесь, как зернышко мака в чистом поле, все это блажь, – отговаривала старая дева Богданку.

Но отважную девочку не отпускали эти мысли. Где бы она ни была, всюду думала о бедных братьях, думала о горе своих родителей, которых часто видела тайно плачущими, и день ото дня рос ее замысел отправиться в дорогу, когда она подрастет.

Проходил год за годом, и Богданка выросла, как елочка, тело ее было крепкое, а лицо прекрасное, прекраснее же всего была ее чистая благородная душа. Все это время не забывала она о своем предназначении, и когда минуло ей восемнадцать лет, решила, что час

настал. Беспокоило ее лишь то, что скажут на это родители и отпустят ли любимое дитя идти по свету. Но у Богданки было твердое желание выпросить родительское благословение. Однажды сидели отец и мать рядышком и заплакали, вспомнив своих сыновей, тут подошла к ним Богданка и взяла их за руки, говоря:

– Мамочка, папочка, не прячьте от меня слезы, я знаю, что вас мучает, и хочу вам помочь.

– Ты? Ты знаешь, что нас мучает, и хочешь нам помочь! Это невозможно! – воскликнули оба разом.

– Нет, это возможно, я вам точно помогу, только если разрешите мне то, о чем я вас попрошу.

– Кто тебе это сказал? Как ты нам хочешь помочь? О чем ты просишь? – спросили они удивленно.

– Мне уже три ночи подряд снится, что прилетает к моей кровати вороненок и говорит: «Не мешкай, Богданка, и отправляйся в путь. Я один из твоих семи братьев, превращенных в воронов, мы ждем, чтобы ты нас освободила. Скажи это родителям и отправляйся в дорогу, мы тебя поведем и будем охранять, когда это понадобится». Так мне вороненок три ночи подряд говорил, и теперь я знаю, что у меня было семь братьев, по которым вы тоскуете, я вам их приведу назад, если дадите мне благословение в дорогу и отпустите меня, – договорила Богданка, которая про сон придумала, чтобы легче получить разрешение родителей.

– Дитя, дитя, мы же и по тебе будем тосковать, как же нам потерять последнюю нашу радость? Нет-нет, ты не можешь нас оставить, – сокрушались несчастные, испугавшиеся дочкиных слов.

– Что же мне – оставить на погибель братьев, которые только на меня и возлагают надежду? Отпустите меня и не беспокойтесь, что погибну, если пойду по свету, меня любовь поведет и сохранит на всех дорогах. Какая это будет радость, когда я вам приведу братьев и сама живая-здоровая вернусь в ваши объятия!

Так и еще гораздо настойчивее просила и добивалась разрешения от родителей Богданка, и наконец они позволили, хотя и с горькими слезами, и с тяжелым сердцем.

Тогда собрала Богданка дорожную одежду и через несколько дней была готова отправиться в путь. Когда она прощалась с родителями, дала ей мать перстень с руки и сказала:

– По этому перстню узнают тебя старшие сыновья, это была их самая любимая игрушка, когда я их на коленях держала.

С болью благословили родители свое единственное дорогое дитя, и с тяжелым сердцем разлучилась с ними Богданка. Но замысел ее ни капли не ослаб. Решительно пустилась она в далекий мир без сопровождающих, без защитников, только чистая сестринская любовь вела ее и не давала сникнуть.

Долго Богданка шла, но о братьях ничего не узнала. Однажды пришла она в большой лес и, долго блуждая по нему, нашла избушку, в которую и вошла. Там было прохладно и приятно, но тихо и пусто. Богданка села и стала ждать, когда кто-то придет. Вдруг двери отворились, и в них с шумом вошел дикий парень.

– Что ты ищешь? Ты кто? – спросил он, обдав ее своим дыханием.

– Не гневайтесь, господин, я ищу семерых своих братьев, сегодня я заблудилась в лесу и зашла в вашу избушку. Позвольте мне здесь отдохнуть.

– Я Ветер и каждого, кто перейдет мне дорогу, разорву. Но если ты устала, разрешаю тебе отдохнуть.

Богданка снова уселась и подумала, что Ветер мог что-то знать о ее братьях, и решила спросить о них.

– Господин, – начала она через минутку, – уже долгое время хожу я по свету и ищу семерых своих братьев, которые превратились в воронов, не знаешь ли ты, где они могут быть?

– Ничего не могу тебе о них сказать, но мой брат Месяц, он-то может знать, где они. Раз уж ты такая хорошая, могу тебя к нему отнести.

Богданка была довольна, услышав это предложение, дикий парень взял ее на руки. Грудь его словно была наполнена ароматом цветов, так приятно пахло его дыхание.

Месяц был бледным молодым человеком с серебряными волосами.

– Что ты ищешь? – спросил он у Богданки, когда ее принес Ветер.

– Господин, я ищу семерых братьев, превращенных в воронов. Твой брат сказал мне, что ты можешь о них знать. Поэтому прошу тебя, скажи, где они.

– Рад был бы сказать, где они находятся, но не знаю о них ничего. Брат мой Солнце, тот даст тебе самое точное известие. Если хочешь, отнесу тебя к нему.

Как было Богданке не хотеть? С радостью доверилась она молодому человеку с серебряными волосами, и тот отнес ее к Солнцу, брату своему.

Солнце было златовласым юношей с прекрасным лицом. Когда произнесла Богданка свою просьбу, он ответил:

– Я знаю, где твои братья, и хочу тебя к ним отнести. Но сначала отдохни и поужинай.

После этих слов должна была Богданка сесть и поужинать. На ужин получила она цыпленка.

Когда она наелась, промолвил брат Солнце:

– Девушка, не выбрасывай косточки, собери их и возьми с собой, они тебе пригодятся.

Богданка послушалась и косточки собрала в фартук. Потом она еще немного отдохнула, а когда ночь прошла, приехало Солнце в золотой повозке, Богданка села в нее и поехала через горы и доли. Трудно сосчитать, сколько часов длилась езда, пока не очутились они в темной долине, окруженной высокими скалами. Там златовласый юноша высадил ее из повозки, сказав:

– Теперь помогай себе сама!

И исчез.

Богданка оглянулась вокруг и, глядя на высокие скалы и пустынную долину, не знала, где искать братьев.

– Может, они на какой-то скале, – говорила она себе, – но как я, бедная, туда залезу?

И ходила она от одной скалы к другой, пока не остановилась у той, что показалась ей наиболее доступной. Чтобы легче было лезть, засучила она юбку, но тут из ее фартучка выпали косточки. И плянька, какое чудо! Из косточек собралась лесенка, достающая прямо до верхушки скалы. Богданка начала проворно лезть по ступенькам и, когда ступила на последнюю, очутилась в пещере, где с первого взгляда увидела, что нашла жилище братьев. Стояло там семь кроватей, в центре стол, и было на нем накрыто на семь персон. Продуктов было много, и огонь еще не погас. Быстро выбрала Богданка, что нужно, и начала готовить семь блюд, для каждого брата свое. Покончив с приготовлением, поставила она еду на стол, сняла с пальца перстень матери и положила его под тарелку, которая была на первом месте, потому что надеялась, что там наверняка будет сидеть

старший брат. Потом она все прибрала, спряталась за одну кровать и стала ждать, когда придут братья. Не прошло много времени, и братья-вороны пришли с охоты домой.

– Что это! – воскликнул первый. – Еда на столе, кто это приготовил?

– А посмотрите-ка, братья, эти блюда будто специально для нас приготовлены, у каждого то, что он больше всего любит, – воскликнул другой.

– Братья, братья, тут у меня матушкин перстень, тут должен быть кто-то из родного дома, – вскрикнул радостно самый старший, когда сдвинул наклонившуюся тарелку и нашел перстень.

– Давайте-ка поищем в пещере, – предложил Ярославек.

Все принялись искать и нашли Богданку.

– Кто ты? – спросили они в один голос.

– Ваша сестра Богданка, несу вам привет от матери и от отца, а чтобы вы мне поверили, дала мне мама свой перстень.

– О, мы верим, что ты наша сестра, кто ж иной осмелился бы добраться к нам! – воскликнули братья.

Они быстро дали ей место у стола, и когда она села между ними, должна была рассказать, что происходило дома после их исчезновения, что она с удовольствием и сделала. После окончания своих новостей спросила она братьев, как можно их освободить.

– Это тяжелая задача, хотя она и может показаться тебе легкой, – сказал самый старший. – Если хочешь нас, милая сестра, освободить, должна сшить каждому по рубашке. Но ты должна сама лен посеять, прополоть, собрать, приготовить, спрясть, пряжу сама соткать, полотно выбелить и из него сшить рубашки. При всем этом не должна ни слова вымолвить, что бы с тобой ни происходило. Если сумеешь все это проделать, то освободишь нас.

– Это не такое тяжелое дело, эту работу я хорошо умею делать, а молчать мне не будет тяжело, я же знаю, что этим вас освобожу, – ответила добрая сестра.

За эти слова братья принялись целовать ей руки. После ужина сделали ей ложе, и она быстро уснула.

Утром после завтрака дал ей брат ящичек с семенами и сказал:

– Сейчас ты должна покинуть нас, милая сестра. Если хочешь нас освободить, возьми эти семена, пойдем с нами, и мы укажем место,

где их посеять.

Богданка была готова сделать то, что сказал ей брат, взяла ящичек в руки и пошла за ним. Когда пришли они в прекрасную долину, показали ей братья поле для посева льна и разросшуюся дуплистую вербу для жилья, потом грустно с ней попрощались и улетели в свою пещеру. Богданка быстро приготовила поле и посеяла семена. Пока семена всходили и подрастал лен, прошло, конечно, достаточно много времени, но она ходила по долине и по лесу или украшала свое жилище, дуплистую вербу. О еде заботиться ей было не нужно, потому что всегда вовремя были у нее в вербе завтрак, обед и ужин, и хотя она знала, что это приносят братья, все же никогда ни одного не видела. Вскоре лен вырос так высоко, что она должна была его прополоть, а это была немалая работа. От прополки до сбора льна опять прошло время, и тут Богданка уже понимала, что долгим ожидание больше не будет. Она старательно разложила лен на росе, переворачивала его, а когда он был очищен, отбит, стал мягким, как шелк. Веретено, прясла и кужель нашла она в вербе тогда, когда они ей потребовались. Теперь у нее весь лен был в связках, она могла начать прясть. Села она к прялке, веретено кружилось как волчок, вспомнила она о своих родителях, как сидела, бывало, с матерью и Дороткой за прялками, а отец о чем-нибудь рассказывал или читал.

«Теперь, наверное, одни сидят, – думала она, – сидят и меня вспоминают, где я и увидят ли они меня. Как я была бы рада, если бы к завтрашнему дню работа моя была бы исполнена, но это невозможно. Но время пройдет, и Господь Бог не допустит, чтобы нас родители не дождались».

При этом вытирала она фартучком слезы, которые выступили было у нее из глаз, а когда фартучек опустила, увидела перед собой пса, который принюхивался и стал лаять. Вышла Богданка из вербы и посмотрела, нет ли кого поблизости, кому принадлежал бы этот пес. И тут увидела вдалеке проезжающую коляску. Спряталась она в вербу и начала отгонять пса, но тот не хотел уходить и постоянно лаял. В коляске сидел молодой господин, который возвращался из путешествия в свой родной замок и заблудился в этой долине. Услышав лай пса, послал он кучера, чтобы тот посмотрел, что это значит. Кучер пошел, и поскольку и раньше видел Богданку, сидящую в вербе, спросил ее, кто она и почему в этой вербе сидит.

Но Богданка покачала головой и указала на губы, что она, мол, немая. После этого знака кучер вернулся к господину и рассказал, что увидел, добавив, что эта немая девица прекрасна. Господин немедленно велел кучеру подъехать к вербе, там он выскочил из коляски и подошел к девушке. Как прежде кучеру, показала Богданка и господину, что говорить не может, но тот, не обращая внимания, решил, что возьмет прекрасную пряжу с собой, потому что очень она ему понравилась. Об этом он тут же Богданке и сказал.

Девушка от этого, конечно, еще больше испугалась, но тут же вспомнила о словах брата, что должна сносить все, что бы ни случилось, терпеливо и молча, и тогда решительно покорилась воле господина, уверенная, что это необходимое для освобождения братьев испытание.

Господин, полный радости, что девушка не противится, не мешкал, и по его указанию весь лен, как и прялку, и веретено отнесли в коляску. Когда Богданка и сам он уселись, хлестнул он коней, и те мгновенно помчались. По дороге хотела Богданка посмотреть на молодого человека, потому что от удивления она поначалу на его лицо и внимания не обратила, но едва подняла на него глаза, как тут же их опустила. Ведь она встретилась глазами с его прекрасными очами, и были это два солнца, на их лучи глядеть она не могла.

Молча приехали они к его замку. Богданка говорить могла, но не смела, он говорить смел, но не мог из-за того, что влюбился. Слуги с удивлением смотрели на Богданку, когда господин высаживал ее из коляски и приказывал, чтобы лен и прялку несли за ними. Из дома навстречу им вышла немолодая госпожа, сводная сестра господина, приветствуя их, а в душе сокрушаясь. Была это злая особа, которая никого на свете не любила, кроме себя, зато и ее никто не любил, кроме брата, который добросердечно любил ее как родную сестру и все хозяйство доверил ей. Она знала его слабые стороны и так умела к нему подольститься, что он всегда ей верил и из-за этого часто был несправедлив к другим. Богданка чувствовала себя в замке хорошо, господин занимал все ее мысли. Она хорошо видела, что господин ее любит, и это не было ей противно. Так и что же? Ведь и ее сердце не могло противиться сильной любви, которая правит миром.

Несмотря на это, Богданка не забыла о своих братьях, старательно пряла и ни разу ни слова не вымолвила, даже когда ее любимый

спросил, хочет ли она быть его женой. Но они поняли друг друга и без слов, поэтому, когда господин от Богданки ушел, потеряв голову от любви, он тут же поручил сестре начать приготовления к свадьбе. Той было не по вкусу, что брат женится на незнакомой девице, поэтому отговаривала его всевозможными способами, но на этот раз не смогла. Когда увидела сестра, что все ее уговоры тщетны и что брат не может иначе, подумала: «Пусть уж он женится на ней, лучше на этой простой немой девице, чем на равной себе, ведь эта не помешает мне хозяйничать в доме, вряд ли она отважится встать надо мной, а если только попробует, уж я постараюсь, чтобы ее хозяйничанье навеки закончилось».

Так думала эта полная ненависти мегера и якобы с огромнейшим удовольствием делала приготовления к свадьбе. И Богданка должна была на несколько дней отложить пряжу, а вместо этого одеваться в свадебное платье и фату, приветствовать гостей и изображать из себя хозяйку дома. Она так быстро вникла во все, что было для нее новым, что ее муж иначе и не думал, что происходит она из княжеского рода. Сестру мужа она быстро раскусила, но внешне ничего не показывала, была с ней приветлива и любезна, но в доме приказывала по большей части сама и где могла творила всякие благодеяния. Слуги поняли, какая добрая у них госпожа, и очень скоро заговорили о ней очень хорошо. Муж не раз говорил Богданке, чтобы она так старательно не пряла, что ей так не подобает, но она знаками дала ему понять, что будет очень несчастной, если он не даст ей действовать так, как она хочет. И с тех пор могла делать что хотела.

Когда пряжа была полностью готова, Богданка велела поставить в комнате ткацкий станок и начала ткать. В этом не было ничего странного, потому что в те времена самые благородные госпожи делали всякую домашнюю работу. Через некоторое время Богданка почувствовала, что будет матерью, и тут радость ее мужа достигла наивысшего предела, он уже ничего другого и не желал. Но у Богданки было еще одно желание, она уже приближалась к цели, полотно было выбелено, и она начала шить рубашки. Но в доме жила одна особа, которую не радовало появление молодого наследника. В душе сестры хозяина, насквозь пропитанной ядом, зародился вполне подходящий план. Она так подлизывалась к Богданке и так все хитро подстроила, что та доверилась ей всей своей душой, не знаящей лести

и уловок. Когда подходило время рожать, получил господин от друга письмо, что он нуждается в его помощи, поэтому просит приехать к нему на несколько дней. Не хотел хозяин оставлять в такое время свою Богданку, но не мог отказать другу. Строго приказал он сестре, чтобы как только что-то случится, прислала она к нему самого быстрого гонца. Та пообещала, что будет предельно осторожна и внимательна во всем, и брат, попрощавшись с любимой супругой, уехал прочь.

Через три дня после его отъезда Богданка родила сыночка. Никто не ухаживал за ней, кроме золовки. Как только дитя родилось, заткнула она ему рот, завернула в пеленку и положила его за окно. А на его место подложила кота. Конечно, молодая мать ужасно испугалась, это стало для нее очень болезненным ударом. Но что могла она сказать? Никого рядом с ней не было, никто не знал, правда это или неправда, поэтому должна она была молчать, хотя и подозревала, что невозможно, чтобы Господь Бог так ее испытывал. Золовка же в это время написала брату письмо, в котором разоблачила не только несчастливые роды его жены, но и придумала ужасную ложь, что у ее постели очутился какой-то подозрительный человек и, когда он обнял Богданку, она превратилась в уродливую женщину и разговаривала с ним на непонятном языке и смеялась. Наконец сестра напомнила брату о колдуньях, добавив, что Богданка такая и есть, и если он не хочет быть несчастным, пусть прикажет ее сжечь. Еще написала она письмо другу брата, чтобы тот брата у себя задержал и к жене его не отпускал, потому что она ведьма.

Когда муж Богданки получил это письмо, не знал он в отчаянии, что делать, а его друг всячески отговаривал от любого действия и никакими силами не хотел от себя отпускать, пока он не остынет. При этом друг послал гонца с письмом от себя сестре, в котором описал отчаяние брата и обещал, что в скором времени его от себя не отпустит. А тем временем сестра распространила ужасные сказки о своей невестке, так что слуги пришли в ужас и боялись к ней идти, несмотря на то что прежде все так сердечно ее любили.

Когда сестра получила письмо, то сказала, что оно от хозяина и что он приказывает во избежание дальнейшего несчастья немедленно сжечь колдунью на костре. Этот приказ должен был быть выполнен без промедления, и костер был тут же готов. А пока сидела Богданка в своей спальне тихая и бледная и, плача, дошивала рукав последней

рубашки. О всех безбожных поступках золовки она и наполовину не знала, хотя и понимала, что ошиблась в ней и что та была источником всех несчастий, что с ней случились. Тут вошла к ней золовка и объявила приказ мужа, повелев готовиться к смерти.

Богданка хорошо знала, что это не мужнин приказ, но что могла поделаться одна-одинешенька против толпы разгневанных людей, которые уже ломались в светлицу, чтобы увидеть ужасную колдунью? Знаками попросила она золовку, чтобы та дала ей возможность хотя бы последние семь стежков дошить, которые оставалось сделать на последнем рукаве, но даже это ей позволено не было. Положила она тогда рубашку к другим и вздохнула:

– Бедные мои братики, я задание выполнила, а где же вы?

И в этот миг раздался ужасный шум, люди расступились, и прилетели семеро воронов, несущих на своих крыльях хорошенького младенца, которого они положили в объятия Богданке.

– Вот, дорогая сестра, мы тебе немного послужили, а теперь набрось на нас скорее рубашки.

Так сказал самый старший брат.

Наполненная радостью, взяла Богданка рубашки и одну за другой набросила на братьев. В тот же момент превратились они в статных мужей и юношей, только у самого младшего, Ярославика, осталось на плече семь перышек, потому что сестра не смогла дошить семь последних стежков.

В этот момент великой радости застучали на дворе конские копыта, и через мгновение обняла Богданка своего мужа и положила ему в объятия освобожденного сына. Если бы он мог еще больше любить жену, конечно, сделал бы это, когда узнал от братьев жены, что выполнила она для их освобождения. В радости и ласковых разговорах забыли они о хозяйской сестре, зато помнили о ней слуги, которым была она недоброй госпожой. Когда узнали они, что она была всему причиной, а сейчас пробирается сквозь толпу, чтобы убежать, схватили ее за волосы и без милосердия бросили ее на костер и подожгли.

С ней было уже покончено, когда брат и Богданка об этом узнали. Богданка испугалась, но муж ее утешил, говоря:

– Благодарю Бога, что нас от нее избавил, она мне такое ужасное послание прислала, что я чудом с ума не сошел. Но я ведь не потерял к

тебе доверие, вскочил на коня вопреки всем препятствиям, но все равно опоздал бы, если бы твои братья не освободили тебя.

– А сейчас давайте забудем обо всем этом, ведь мы счастливы, – ответила Богданка, целуя свое прекрасное дитя.

Муж ее продал хозяйство и отправился с женой и ее братьями к их родителям. Какая это была радость для родителей, когда все дети, давно уже считавшиеся пропавшими, вернулись, а с ними – еще и новый сын, и внук, – это описать невозможно. Чего еще не хватало для их блаженства?

Об умной принцессе

Шли по свету два ремесленника. Однажды подошли они к прекрасному замку и стали через забор смотреть в сад, по которому прохаживалась прекрасная княжна.

– Знаешь, что бы я себе желал, Боржек? – спросил один из них, молодой красивый батрак.

– Наверное, чтобы стал ты хозяином этого замка, нет? – ответил Боржек.

– Пальцем в небо, ты не угадал! Я бы хотел получить эту принцессу.

– А ты, Иржик, не дурак, я только об одном подумал, а ты захотел и принцессу, и замок. Ну да ладно, что мечтать напрасно, пойдем, нас еще добрая часть пути ждет.

– Боржек, я бы черту душу отдал за то, чтобы эту принцессу в жены получить.

– А я бы не отдал, – ответил Боржек и потащил Иржика от забора.

Они дошли до прохладного бора недалеко от города и там легли в теньке, чтобы дать отдохнуть стоптанным ногам. Боржек уснул, как только лег, но Иржик заснуть не мог, постоянно думая о прекрасной принцессе. Тут проходил мимо парень, одетый в зеленое, и, видя, что Иржик не спит, остановился возле него.

– Доброго здоровья, молодец, куда направляетесь? – спросил он у Иржика.

– Да ходим себе по свету, но я уже этим сыт по горло, собачья жизнь.

– Охотно верю, лучше всего быть господином.

– Ясное дело, да только каждый им быть не может.

– Ну, иногда все зависит от собственного желания.

– Если о желании говорить, то люди на все готовы, лишь бы это исполнилось. Вот я, например, хотел бы взять в жены принцессу из ближнего замка, и я сразу сказал, что черту душу отдам, если ее получу.

– Ты это серьезно?

– Серьезно-серьезно.

– Твое желание должно исполниться. Я – черт, и если отпишешь мне свою душу, через четверть часа будешь богатым принцем и сможешь пойти к принцессе, которая в тебя влюбится и возьмет в мужа. Вот листочек и перо, выдави немножко крови и подпиши!

Не раздумывая, взял Иржик колючку, проткнул себе мизинец и кровью расписался черту на листке.

– Так, теперь ты мой. И через сколько лет должен я за тобой прийти?

– Ну, я думаю, лет через двадцать, к тому времени я уже хорошенько наслажусь любовью прекрасной принцессы и светской роскошью, так что с удовольствием пойду с тобой.

– Тогда ладно, вот тебе кошель, полный дукатов, сколько бы ты из него ни брал, он всегда будет полным. Развяжи свой мешок, поменяй свою одежду на княжескую. А там за леском тебя ждет несколько слуг с конем, запряженным для тебя. Садись на него, поезжай к замку и назовись именем какого-нибудь принца или князя.

– Так ведь я не умею так говорить, как положено князю, и в первый же момент себя выдам.

– Насчет этого не волнуйся, все будешь уметь, о чем только подумаешь, и все будут тебе верить. Только иди, пока друг твой не проснулся.

После этого черт исчез, и Иржик, развязав мешок, нашел роскошную одежду и начал одеваться. Потом пошел за лесок, где ему навстречу прискакали вышколенные слуги, ведя белого коня. Иржик вскочил на него так лихо, как будто учился верховой езде у самого знаменитого наездника. После этого повернули они к княжескому замку. Боржек проснулся и, не увидев возле себя Иржика, подумал, что тот ушел вперед, собрал свои вещи и поспешил дальше. Пусть он себе идет куда хочет, а мы посмотрим, что в это время происходит в замке.

Юная принцесса была еще в саду, когда Иржик приехал в замок. И велел он сообщить королю, что он такой-то и такой-то принц из такой-то и такой-то земли, чтобы король дал ему возможность остановиться ненадолго в его замке.

Король принял Иржика с большой учтивостью, ему быстро приготовили покои, и слуги должны были мешки и вещи принца, которыми его снабдил черт, отнести туда. Был накрыт роскошный

стол, Иржик оделся в золото, чтобы принцессе понравиться. И это ему действительно удалось. Как только принцесса его увидела, он ей тут же понравился, и единственным ее желанием было, чтобы прекрасный принц остался у них навсегда. А Иржик крутился вокруг нее, как веретено, и болтал без умолку, он сам за себя радовался, что слова его лились рекой. Когда он пробыл несколько дней в замке, сделал вид, что хочет уже уезжать, и при этом ужасно боялся, что его отпустят.

Но принцесса открылась отцу и попросила его, чтобы он задержал принца, что отец и сделал, и Иржик с удовольствием остался, тем более он видел, что всем нравится. Однажды он был с принцессой наедине и, пользуясь этим моментом, признался ей в любви и, когда услышал, что она его тоже любит, пошел к отцу и попросил ее руки. Он сказал, что никакого княжества не имеет, потому что он у отца младший сын, но что может хоть сейчас хоть самое большое княжество купить. Старый король беспрепятственно их благословил и провозгласил Иржика своим преемником. Быстро отпраздновали свадьбу, и Иржик был на седьмом небе от счастья!

Люди его любили, потому что он был добрый и никому не причинял вреда без причины. Через несколько лет после этого умер старый король, и Иржик стал владетельным князем.

У него уже было два сына и дочь, и жил он счастливо со своей женой. Иногда он, конечно, вспоминал о черте, но всегда думал: до того времени еще долго, кто знает, что может случиться.

Но время это пробежало как один миг, и вот уже пошел двадцать первый год. Когда Иржик об этом вспомнил, испугался так, что ни днем ни ночью спать не мог. Бледный, как тень, ходил он по замку и с болью смотрел на своих детей и на свою любимую жену. Что может ускользнуть от взгляда любящей супруги! Часто спрашивала она у Иржика, что с ним происходит, но он уходил от ответа, не желая говорить о причине. Так длилось целый год, и вот остался ему всего один день. Целый день он ничего не ел, заперся в своих покоях, чтобы не видеть слез жены и избежать ее вопросов. Но вечером двери открылись сами собой, и в них вошел одетый в зеленое парень.

– Ну, Иржик, – сказал он побледневшему князю, – помнишь ли ты, что сегодня исполнилось двадцать лет и что ты должен идти со мной?

– Да как такое забудешь, но видишь, мне кое-что еще надо устроить, я еще не попрощался со своей женой, дай мне еще три дня.

– Это я тебе дам, дам и много больше. Каждый день в течение этих трех дней ты можешь давать мне одно задание, любое, какое пожелаешь. И если я не смогу твое задание выполнить, отдам твою расписку и больше никаких прав на тебя иметь не буду.

Иржик поблагодарил черта и был ему весьма признателен, потому что надеялся, что как-то черта вокруг пальца обведет. Гораздо более веселым вышел он из комнаты и пошел к княгине, чтобы побыть с ней. Княгиня, видя улыбку на лице своего любимого, тоже развеселилась, и пошли они вместе на прогулку.

– Скажи мне, дорогая, что бы тебя порадовало, что бы ты такое хотела, чего у тебя еще нет? – спросил Иржик, надеясь, что от жены узнает о работе, которая и черту оказалась бы не под силу.

– У меня есть все, я бы только хотела, чтобы ты был более веселым.

– Так ведь я сейчас достаточно весел. Но все же скажи, ну, просто помечтай – как бы ты хотела еще украсить замок?

– Наш замок с фасада вполне красив, но сзади нет никакого вида. Если бы не было там той крутой скалы, было бы гораздо лучше.

– Ты права, – ответил Иржик и тут же решил, что поручит черту эту работу. Вечером стоял черт перед князем и спрашивал, что он должен сделать.

– Я хочу, чтобы ты к утру разровнял скалу, которая заслоняет вид из замка.

– Да будет так, как ты хочешь, – ответил черт и ушел.

Князь думал, что черт с этим не справится, но как же он испугался, когда, встав утром и подойдя к окну, увидел пустынную равнину, а от скалы не осталось ни следа. Он пошел за женой и показал ей это.

– Ради бога, Иржик, у тебя договор с чертом или ты волшебник? – воскликнула княгиня, с удивлением глядя в окно.

– Будь я волшебником, я давно бы уже сделал для тебя такую радость, но я сам не знаю, как это получилось, может быть, домовый наш разговор вчера подслушал. Пожелай сейчас специально еще что-нибудь, может быть, и это исполнится.

Но княгиня была женщиной умной, она поняла, что это все не к добру и что ее муж таит что-то страшное. Оставаясь внешне спокойной, она пожелала, чтобы та пустынная равнина превратилась в прекраснейший сад, с цветами, травами и деревьями со всего света и

чтобы все было в полном цвету. Но в душе она думала: «Подожди, если завтра это все исполнится, я это так не оставлю, Иржик должен будет мне признаться».

Вечером получил черт задание сделать на равнине сад, чтобы в нем были цветы и деревья со всего света. Черт пообещал и ушел. Когда же утром князь пробудился, ощутил он аромат тысяч расцветших цветов, что распустились по всей равнине. Это был далекий прекрасный рай! Пришла и княгиня, которой все это не давало покоя, и с ужасом и восторгом остановились ее глаза на роскошном цветнике. Вдруг она повернулась, взяла Иржика за руку и сказала:

– Теперь, дорогой мой муж, ты не должен от меня больше таить, что у тебя договор с чертом. Я это знаю наверняка, лучше расскажи мне, надолго ли ты ему обязан, чтобы я могла тебя утешить или помочь добрым советом!

– Поздно, сердце мое, сегодня последний день, вечером он придет еще за одним делом, а потом буду я принадлежать ему.

Потом Иржик рассказал от начала и до конца, кем он был и что с ним приключилось. Княгиня с радостью все ему простила, потому что очень его любила и знала, что он совершил ошибку только из любви к ней.

– Не грусти и не горюй, пусть никто ничего не замечает. Будем веселыми, и когда вечером придет черт, пошли его ко мне. Я к тому времени что-нибудь придумаю.

Иржик чувствовал себя заново рожденным, вся тяжесть с него упала. Пошел он со своей женой к детям и был весь день весел, как будто ничего и не было. Вечером в указанное время появился черт:

– Что ты сегодня придумал? – спросил он у князя.

– Иди к моей жене, она тебе скажет, что хочет, а я уж ничего не знаю.

Черт вошел в комнату княгини, которая его уже ждала.

– Ты тот черт, который должен унести моего мужа?

– Да.

– Я, значит, могу вместо него выбрать одно желание, какое захочу?

– Да.

– И если ты это не исполнишь, не будешь больше иметь над ним власть?

– Не буду.

– Тогда хорошо, подойди сюда и выдерни у меня из головы три волоса, но их не должно быть ни больше ни меньше, и пусть мне ни капельки не будет больно.

Помрачнел черт, подошел ближе к госпоже, быстро взял три волоска и выдернул. Но госпожа крикнула:

– Видишь, есть одно замечание: я тебе сказала, чтобы мне ни капельки было не больно, ну да ладно, это я тебе прощу, теперь возьми эти три волоса и измерь их.

Черт их измерил, и госпожа снова заговорила:

– Теперь сделай эти волосы каждый на два локтя длиннее, но не вздумай подставить другие, вытяни эти, чтобы каждый стал на два локтя длиннее.

Черт минуту смотрел на нее, не зная, что делать, тогда попросил он княгиню, чтобы она позволила взять волосы с собой в ад, чтобы он там посоветовался с товарищами. Княгиня разрешила, и черт исчез с волосками.

Когда он пришел в ад, позвал всех своих товарищей, положил волосы перед Люцифером на стол и рассказал, что должен с ними сделать.

– На этот раз ты проиграл, хитрец, – сказал хозяин, – нашла коса на камень. Как тут быть? Если вытянем их, они оборвутся, если будем по ним бить, они растолкутся, в огонь положим – сгорят. Не остается ничего другого, как вернуться и вместо волос вернуть расписку.

– Нет, я к княгине не пойду, со мной что-нибудь плохое случится.

– Будь осторожнее. А теперь иди и верни то, что тебе больше не принадлежит.

Пришлось черту взять договор и отнести Иржику. Прилетел он к замку, но войти туда боялся, караулил у окна, когда князь его откроет. Дождавшись этого, бросил он листок с договором в комнату и исчез. С непередаваемой радостью поднял Иржик бумажку и побежал к жене, которая наперед знала, чем дело кончится. Они благодарили Бога, что он избавил их от опасности, и жили спокойно до самой смерти.

О Смоличке

Смоличек был маленький мальчик, и жил он у оленя с золотыми рогами. Олень ходил на пастбище и, когда уходил из дома, приказывал Смоличку, чтобы запирался и никого не пускал. Смоличек всегда крепко запирался, да и в двери долго никто не стучал. Но однажды кто-то постучался, и когда Смоличек спросил, кто там, снаружи отозвался любезный голосок:

Смоличек, мальчикек,
открой нам свою горничку,
будь хорошим мальчиком,
пусти лишь два пальчика,
как они согреются,
снова в путь отправимся.

Смоличек не хотел отпирать, голоски снаружи просили еще любезнее. Смоличек уже и рад был бы им отпереть, но боялся оленя. Потому сказал, что не откроет, нет и нет, и не открыл. Когда олень пришел, Смоличек рассказал ему, что кто-то стучал в дверь, что любезные голоски просили, чтобы он им открыл, но он не открыл.

– Хорошо ты сделал, Смоличек, что не открыл. Это были пещерницы (бабки-ёжки), если бы ты открыл им, они бы тебя унесли.

Смоличек обрадовался. На следующий день пошел снова олень на пастбище, и Смоличек запер дверь. Вскоре за дверью послышались еще более любезные, чем вчера, голоски:

Смоличек, мальчикек,
открой нам свою горничку,
будь хорошим мальчиком,
пусти лишь два пальчика,
как они согреются,
снова в путь отправимся.

Смоличек сказал, что не откроет, хотя ему очень хотелось открыть и посмотреть на бабок-ёжек. А они тем временем начали за дверью трястись от холода и плакать, жалко их стало Смоличку. И приоткрыл он им чуть-чуть дверку, чтобы туда можно было только два пальчика засунуть. И поблагодарили его бабки-ёжки, и быстренько сунули в щелочку два беленьких пальчика, потом целую руку, а потом

оказались в горнице, схватили Смоличка и убежали с ним. Принялся Смоличек звать:

За долами, за горами,
Где ты, олень
с золотыми рогами!
Мальчика
Смоличка
бабки-ёжки несут.

Олень пасся недалеко, и как услышал голос Смоличка, прибежал и отнял его у бабок-ёжек. Дома получил Смоличек несколько шлепков на память, чтобы в следующий раз никому не отпирал. Смоличек обещал, что не откроет, даже если бабки-ёжки еще любезнее станут просить. Сколько-то дней никто не приходил, но однажды снова послышались за дверью голоски:

Смоличек, мальчичек,
открой нам свою горничку,
будь хорошим мальчиком,
пусти лишь два пальчика,
как они согреются,
снова в путь отправимся.

Смоличек бабок-ёжек и слышать не желал, даже когда они тряслись от холода и так просили, чтобы он чуть-чуть пустил погреться, ответил Смоличек, что не отопрет, потому что его снова утащут.

– Нет, мы тебя не утащим, а даже если и так, тебе у нас бояться нечего, у нас тебе будет лучше, чем здесь, у тебя всего будет в изобилии, а мы с тобой постоянно играть будем.

Смоличек снова дал себя уговорить и приоткрыл дверь, но бабки-ёжки мигом очутились в горнице, схватили Смоличка и, убегая с ним, грозили, что его убьют.

Смоличек снова позвал:
За долами, за горами,
Где ты, олень
с золотыми рогами!
Мальчика
Смоличка
бабки-ёжки несут.

Но на этот раз звал он напрасно, олень пасся далеко и его не слышал, а бабки-ёжки принесли его до самого дома. Бедному Смоличку жилось хорошо – что правда, то правда, кормили его самыми вкусными лакомствами, но только для того, чтобы он потолстел, а потом хотели его убить. Заперли Смоличка, и ни одна с ним не играла. Когда уже много дней прожил он у бабок-ёжек и много съел вкусных угощений, пришли они и велели показать мизинчик, когда он мизинчик показал, бабки его надрезали, чтобы посмотреть, достаточно ли он толстый. Бабки решили, что толстый он достаточно, взяли Смоличка, раздели, положили в корытце и понесли в печь. Смоличек ужасно испугался, просил бабок, чтобы они сжалились над ним, но они и не думали, и пустился милый Смоличек в плач и крик:

За долами, за горами,
Где ты, олень
с золотыми рогами!
Мальчика
Смоличка
Бабки прочь несут!

Тут послышался быстрый топот, прибежал златорогий олень, мальчика Смоличка посадил между рогами и быстро побежал с ним домой. Дома Смоличек шлепков получил по заслугам, и плакал, и обещал, что будет всегда слушаться и никогда бабкам-ёжкам не откроет дверь – и больше не открыл.

О коте, петухе и косо

У отца было три сына. Старшего звали Мартин, второго – Матей, а младшего – Михал. Все трое были взрослыми, когда однажды отец

разболелся и через несколько дней стал готовиться к смерти. Позвал он к своему ложу сыновей и сказал:

– Вы знаете, дети, что нет у нас другого богатства, кроме избы, кота, петуха и косы. Живите в избе, а из тех трех вещей каждый возьмите одну. Не ссорьтесь, будьте всегда вместе, и Господь Бог вас благословит!

Так он сказал и умер.

Похоронив отца, сыновья разделили свое наследство. Мартин взял косу, потому что умел хорошо косить, Матей взял петуха, а Михал – кота.

– Но, милые братья, – сказал Мартин, – дома мы все остаться не можем, иначе умрем с голоду. Оставайтесь вы вдвоем здесь и помогите себе, а я пойду по свету с косой.

Все трое любили друг друга, и что хотел один, то и другой хотел. Поэтому остальные не противились предложению брата.

Мартин взял косу и пошел по свету. Ходил долго-долго, но нигде не нашел работы. Наконец пришел в одну страну, где жили очень глупые люди. Когда подошел он к городу, встретил одного человека, который его спросил, что он несет.

– Косу несу, – ответил Мартин.

– А что это и зачем?

– Этим траву косят.

– Этим траву подрезают? Это удобная штука, мы траву руками рвем, столько сил на это уходит. Если бы вы пошли к нашему королю, он бы вам за этот подрезатель хорошо заплатил.

– А почему бы и нет, так и сделаю.

Отвел его пан к королю, который очень удивился, глядя на этот инструмент, и быстро велел Мартину, чтобы пошел он на королевский луг траву подрезать.

Пошел Мартин, а за ним множество зевак. Поскольку Мартин был неглуп, воткнул он косу в центре луга в землю, сказал одному слуге, чтобы тот в полдень принес обед на двоих, и прогнал с луга всех зевак. В полдень, когда принесли обед на двоих, очень удивились, что такой кусок луга скошен.

– Ваш подрезатель тоже будет есть? – спросили у Мартина.

– Раз работает, то и есть должен. Но идите с Богом и оставьте нас одних.

Слуги ушли, и Мартин съел оба обеда сам.

– Здорово это я придумал, что велел принести обед для двоих, если бы принесли на одного, я бы не наелся.

Так работал он изо дня в день, пока все луга не покосил. Когда работа была готова, пошел он к королю с косой на плече.

– Так, значит, твой подрезатель сам режет траву? – спросил король.

– Сам, Ваша Королевская Милость, – ответил хитрец.

– А не мог бы ты его нам здесь оставить за тысячу золотых?

– Он, конечно, дороже стоит, но вам я отдам его за эти деньги, – сказал косарь, положил косу, взял деньги и пошел домой.

Король велел косу поставить в отдельный покой, чтобы с ней ничего не случилось. На следующий год, когда выросла трава, настало время ее покосить. Тут приказал король вынести подрезатель на луг. Все торжественно пришли на луг, воткнули косу в землю и ушли прочь, считая, что подрезатель не любит, когда на него кто-то смотрит. В полдень, запыхавшись, прибежали с обедом, но увидели, что ничего не сделано. Но коса стояла там, где поставили ее утром, – вот они удивились! Положили ей обед, а сами пошли к королю передать новость.

«А ведь когда тот человек с ней пришел, в первый же день было столько скошено, почему же сейчас не хочет работать?» – думал король и качал головой.

Но вечером снова пришел слуга, говоря, что коса ни луг не косила, ни к обеду не притронулась.

– Это должно быть какое-то колдовство, – сказал король, – давайте ей двадцать ударов в наказание, а если все равно ничего не сделает, закопаем ее.

После этого славного приказа принесли на луг скамью, положили на нее косу, и палач нанес ей двадцать ударов. После каждого удара коса подскакивала над скамьей и некоторым любопытным доставалось по носу.

– Он ее заколдовал! – кричали все. – Закопайте ее!

Так и сделали, закопали косу в землю и стали рвать траву руками, как и прежде.

А у братьев настали хорошие времена, они благословляли отца, оставившего им такое хорошее наследство.

Через некоторое время, когда деньги у них уже заканчивались, сказал Матей:

– Теперь пойду я со своим петухом по свету, может, и с ним найду такую же хорошую добычу, как ты с косой.

– Только подальше иди, туда, где еще есть глупые люди, в Чехии много не получишь, – посоветовал ему Мартин.

Взял Матей свое наследство и пошел. И пришел к одному городу и встретил пана.

– Что это ты несешь, дружище? – спросил пан.

– Петуха несу, – ответил Матей.

– Таких птиц у нас нет, а на что он годится?

– Эта птица подзывает день.

– Вот это диво дивное! Мы-то должны каждый день провожать вон туда, за ту гору, а по утрам идти встречать его в противоположную сторону, а это столько хлопот доставляет. Если бы умела твоя птица подзывать день, король тебе много тысяч бы заплатил.

– Так ведь можете удостовериться, – сказал Матей и пошел с паном к королю.

– Милостивый король, у этого человека есть птица-зовица, которая день подзывает, а когда идет она спать, день тоже спать идет.

– Да если это так, как ты говоришь, денег не хватит за это заплатить!

– Милостивый король, можете сами удостовериться.

Посадили петуха в золотую клетку, и петух, довольный своим новым жилищем, быстро угнезвился. Не прошло много времени, как закончился день, как будто его кто-то выпроводил. Король был рад и не мог дождаться утра. В полночь встали и внимательно наблюдали, как петух будет подзывать день. Пробил час – ничего, пробил два, петух прокукарекал, и все перепугались, что это за странное пение. Пробило три часа, петух снова прокукарекал, и в четыре часа тоже, когда полностью рассвело. Когда король увидел, что петух и вправду подзывает день, велел выдать Матею из кассы пять тысяч золотых и чтобы весь народ его почитал. Матей сгрел деньги, хорошенько наелся и напился, а потом поблагодарил короля и пошел домой.

Братья его радостно встретили и снова какое-то время хорошо жили. Но поскольку с деньгами обходились они не по-хозяйски,

разлетелись они достаточно быстро. Когда их совсем немного оставалось, сказал Михал:

– Теперь, братья, пойду по свету я и поищу свое счастье. Может, за kota получу столько, сколько вы за свое наследство получили.

И опять братья напомнили ему, чтобы шел он далеко, туда, где живут глупые люди, потому что в Чехии он ничего не получит. Михал засунул kota в мешок и пошел. Долго шел, пока не пришел в одну страну, где люди говорили на другом языке, и он их не понимал. Но пока он шел к столице, немножко научился чужому языку и мог чуть-чуть разговаривать. На подходах к городу его встретил какой-то пан и спросил, что это он несет в мешке.

– Kota, – ответил Михал и показал ему его.

– Вот дивный зверь! А какая от него польза?

– Он мышей ловит, и сколько бы их в доме ни было, всех переловит.

– Засунь скорее этого ловца в мешок и пойдем к королю. У нас в замке столько мышей, они у нас чуть ли по столу не бегают, и король много даст тому, кто выживет их из замка.

– Этот наверняка поможет, – ответил Михал, сунул kota в мешок и поспешил за паном.

Когда пришли они к королю, пан сказал:

– Милостивый король! Вот у этого человека есть кот-ловец. Это зверь, который ловит мышей, и если Ваша Милость прикажет, он может его продать.

– Если это правда, рад буду купить.

– Милостивый король, скажите только, где мышей больше всего, и тут же удостоверитесь, как умеет мой котик их душить.

Повели Михала в комнату, где мышей было больше всего, так что они кишели под ногами. Михал развязал мешок, кот выскочил и устроил такое сражение с мышами, что и описать невозможно.

Король был безмерно рад и тут же велел, чтобы Михалу выплатили десять тысяч золотых. Михал подскочил от радости, когда получил столько денег, и весело пошел домой. Через два дня после его ухода королю пришло в голову, что будет ловец есть, когда мышей не останется? Этого никто не знал, а Михал уже ушел. И велел король, чтобы всадник оседлал самого быстрого коня и Михала догнал.

Михал шел себе спокойно по дороге, по которой он и пришел в тот город. На четвертый день он вдруг увидел невдалеке всадника, который крикнул ему, чтобы он остановился. Когда всадник подъехал, стал он Михала наполовину на немецком, наполовину на чешском о чем-то спрашивать, а о чем, Михал не понимал, поэтому он спросил по-немецки: «Was?^[11]»

Но после этого вопроса всадник развернулся и уехал, как будто его ветром сдуло. Михал подумал, что парень с ума сошел, и отправился с Божьей помощью дальше.

Весь в пыли, запыхавшийся, вернулся всадник назад и едва соскочил с коня, побежал к королю и объявил:

– Милостивый король, грустная новость, когда кот поймает всех мышей, он будет есть нас.

– Кто тебе это сказал? – спросил испуганный король.

– Тот человек, который продал нам кота. Я его нагнал по дороге и спросил, что этот зверь будет жрать, когда всех мышей переловит, а он мне сказал: «Вас!»

Быстро созвал король весь свой совет, и стали они совещаться, что делать с котом. После долгих пререканий постановили оставить его в комнате взаперти и поставить там двух стражников, чтобы он оттуда не сбежал. Ночь и день стояли они по углам и умирали от страха, когда из комнаты слышался шум. Но на следующую ночь стало тихо, потому что кот переловил всех мышей. Утром, когда в комнате ничего не двигалось, задумался стражник, стоящий у окна, что бы это могло означать. Набрался он смелости и заглянул в комнату. Но вот беда! Кот как раз сидел у окна и, как только увидел усатого-бородатого да еще в мохнатой шапке, испугался, выскочил в окно и убежал куда глаза глядят. Другой стражник услышал крик и побежал посмотреть и увидел солдата, лежащего вверх бородой. Трясаясь, помчался он в замок и закричал:

– Ах, ужас, милостивый король! Тот жестокий мышелов выскочил из комнаты и укусил моего товарища, что стоял у окна. Бог знает, где он теперь бегает и сколько людей удушил. О, это несчастье!

Все быстро заперлись в домах, спрятались и король, повелев, чтобы полк самых свирепых солдат в тяжелой броне отправился искать кота. Это было исполнено, но хоть и охотились на него три дня, о коте не было ни слуху ни духу.

Братья жили дружно и спокойно, хозяйничали лучше, чем прежде, так как знали, что теперь ни на что больше положиться не могут. Но часто, сидя вместе, смеялись над глупыми людьми.

Кто самый глупый

У одного бедняка не осталось дома ничего, кроме курицы. Послал он жену на базар, чтобы она курицу продала.

– А почему продать? – спросила жена.

– Ну, почему... За сколько на рынке продают.

Взяла жена курицу и пошла. У города встретила она зажиточного крестьянина.

– Дядечка, купите курицу! – крикнула она ему.

– А почему продаешь?

– За сколько на рынке продают.

– На рынке дают грош.

– Ну, тогда за грош.

Крестьянин дал тетке грош, а она ему отдала курицу. Пошла она в город, купила за крейцер мешочек, за крейцер – веревочку, а один крейцер положила в мешочек. Потом повесила мешочек на палку, положила палку на плечо и пошла домой.

Бедняк устроил страшный скандал, когда жена принесла ему сбереженную денежку. Но постепенно в голове у него все улеглось, и он ей сказал:

– Сейчас ты бита не будешь, я пойду по свету, и если не найду большего глупца, чем ты, вот тогда тебя побью.

Пошел он по свету. Однажды оказался он в городе, встал перед замком, из окна которого смотрела госпожа, и начал прыгать, поднимая руки и голову к небу. Госпожа немножко на него посмотрела, а потом послала слугу, чтобы тот спросил, что делает этот человек.

– Ну, что делаю, в небо хочу. Я там поспорил с одним приятелем, и он меня сбросил вниз. Теперь не могу найти дырку в небе.

Слуга побежал назад и слово в слово передал госпоже все, что услышал.

Госпожа тут же послала за бедняком.

– Ты был на небе? – спросила она, когда он к ней пришел.

– Конечно же был и снова туда пойду, – ответил бедняк.

– А ты там моего сыночка не встречал?

– Как же не встречал? Он на печи сидит.

– Ах, боже, на печи? Не будешь ли ты так добр и не передашь ему триста золотых и полотна на шесть тонких рубашек, и скажи ему, что я туда скоро приду, пусть не скучает и ни в чем нужды не знает.

– С удовольствием все передам, только давайте.

Госпожа дала ему деньги и полотно, и пошел он в небо.

За городом сел он у забора и засунул деньги и полотно в штанины.

А в замок тем временем вернулся хозяин. Жена ему тут же рассказала, какую посылку отправила сыночку.

– Ох ты, неразумная женщина! Да разве было когда-нибудь такое, чтобы кто-то упал с неба, а упав, снова туда попал? Хитрая шельма тебя провела!

Госпожа рассказала, как выглядел тот человек, господин вскочил на коня и погнался за ним.

Бедняк все еще сидел на том самом месте. Когда увидел он приближающегося всадника, быстро прикрыл грудь сухих листьев своей высокой шапкой.

– Простите, пожалуйста, отец, не видели ли вы тут человека с узелком? – спросил его господин.

– Да видел! Он бежал вон туда, к лесу, со всей мочи. Это был какой-то иностранец, они все шельмы. А что он сотворил, милостивый государь?

Милостивый государь все ему и рассказал.

– И этот – шельмец проклятый! Такую госпожу обмануть! Но вы совсем запыхались. Смотрите, я бы сам за ним погнался, если кто-нибудь вместо меня тут посидит. У меня под шапкой редкая птица, я ее несусь в город, в подарок одному господину, и боюсь, как бы она от меня не улетела.

– Так я останусь тут, посижу. Если ты того вора в лицо видел, тебе будет проще его поймать, – сказал господин, слез с коня и передал его бедняку.

– Но за это, милостивый государь, я прошу вас, чтобы вы под шапку не залезали, а то вылетит моя птица, я потом вовек не расплачусь.

Господин сел к шапке, а бедняк вскочил на коня и поехал с дарами домой. Милостивый государь сидел и ждал-ждал, но время шло, а крестьянин все еще не возвращался. Это ему не понравилось. Решил господин взять птицу в шапке домой, а крестьянин потом сможет за ней приехать в замок. Приподнял он слегка шапку, сунул под нее руку – и цоп! – вытащил сухой ком. Проклиная висельника на веки вечные, пришел он домой, где над ним весело посмеялись.

Бедняк же, приближаясь к своей деревне, издали кричал жене:

– Ничего не бойся, жена! Бить не буду! Я нашел людей еще глупее, чем ты!

Словацкие сказки

Словацкие сказки, собранные Боженой Немцовой, – настоящие жемчужины славянской литературы. Они всегда остросюжетны, динамичны и полны юмора. Богатство языка, тонкое видение природы и любовь к людям – вот что делает их подлинными шедеврами. Божена Немцова писала словацкие сказки на чешском языке, но прямая речь героев передается на словацком.

О трех заколдованных князьях

Когда-то в давние времена жил да был один богатый землевладелец, но только отличался он большой расточительностью: играть в кости, пировать, охотиться было его самым любимым делом и в будни, и в праздники.

Когда он, живя таким образом, все свое имущество растратил, пришлось ему переехать из города в старый замок, и там он жил со своей семьей как бедняк.

У него была жена и три дочери на выданье, прекрасные, добрые.

Но что было делать: он стал бедным, почти нищим, друзья его бросили, в старом замке жил он одиноко. Единственным удовольствием его оставалась охота. Однажды, охотясь в очередной раз, он заблудился в лесу и долго не мог ничего поймать, пока вдруг дорогу ему не перебежал заяц. Он быстро прицелился, выстрелил, и заяц упал. Но когда охотник за ним побежал, из-за дерева выскочил огромный медведище и, стоя на задних лапах, пошел на человека с грозным ревом.

– Как ты осмелился убить моего подданного? За это я тебя или сожру, или отдавай мне свою старшую дочь! – проворчал медведь и, положив свои передние лапищи на плечи охотника, оскалил зубы.

Что было делать? Хочешь не хочешь, а пришлось согласиться, ведь ему не хотелось быть растерзанным.

– Через семь недель я приду за ней, – проворчал медведь и ушел в чащу под треск ломающихся под ним сухих ветвей.

Застывшая от испуга кровь в жилах помещика начала понемногу разогреваться, когда медведь исчез из виду, но при мысли о своем обещании и о дочери глаза его залились слезами.

Грустно шел он домой, и еще грустнее ему стало, когда вошел он в комнату, а когда старшая дочь спросила его, как он поохотился, и взяла зайца из его рук, он не смог удержаться от слез.

И тут же начались расспросы о том, что случилось, почему отец такой грустный. Жена, дочери окружили его и просили объяснить причину его печали. Не смог он удержаться, рассказал обо всем, что с ним произошло.

– В несчастный час ты родилась, – добавил он, – а я еще несчастнее, потому что я тебя за медведя просватал, и через семь недель он за тобой придет!

Мать и дочери начали сетовать и плакать, только самая старшая молчала, а потом обратилась к отцу со словами:

– Не печальтесь, милый отец, за вашу жизнь я готова отдать свое счастье, раз уж так суждено!

Но, конечно, сердце ее теснилось тоской, когда она вспоминала о медведе, но ей не хотелось, чтобы отец ее кручинился еще больше.

С болью ждали они седьмую неделю, а отец все это время думал, как бы спасти свою дочь. И созвал он соседей со всей округи и разных знакомых, чтобы они пришли к нему в день свадьбы. Никто ему не отказал; в назначенный день съехалось в замок множество гостей, а между ними много смелых юношей, все были вооружены, потому что об этом попросил помещик. Когда все съехались, он поделился с ними своим несчастьем и попросил их помочь ему в борьбе против медведя. Все с удовольствием пообещали ему свою помощь, каждый готов был избавить прекрасную деву от лап медведя.

Но жених все не приходил, вот уже солнце перевалило через полдень, а жениха все не было. И тут зазвучала тихая, красивая музыка, но издали, как будто откуда-то из-под земли, она звучала с каждой минутой все громче, неслась все сильнее. Через минуту загудела земля под топотом конских копыт, и из леса выехал длинный ряд позолоченных карет, искрящихся на солнце. Они подъехали прямо к замку и остановились у ворот. Шесть буйных коней били землю перед прекрасной каретой, из которой выскочил молодой князь, прекрасный, как роза, его одежда была богато украшена золотом и драгоценными камнями, которые блестели, как цветущий луг перед косью. За ним из карет выскочила вся его дружина. Все глаза были устремлены на вновь прибывших гостей, но главное – на князя, которому не было равных среди присутствующих. Все ему кланялись, все его приветствовали, а он, вежливо благодаря всех собравшихся, направился к помещику и без всяких околичностей попросил, не отдаст ли тот ему старшую дочь в жены.

– От всего сердца рад был бы вам отдать ее в жены, прекрасный князь, но я обещал ее одному медведю, которого мы как раз сейчас ожидаем.

– Ах, что нам до медведя, – улыбнулся князь, – пусть медведь женится на медведице, а прекрасную девицу отдайте красному молодцу, который будет ее любить.

Старый помещик легко дал себя уговорить и разрешил свадьбу, если это будет нравиться и его дочери. Дочь не только не возражала, напротив, ей все очень нравилось.

И так – смотрите-ка – медвежья свадьба стала княжеской!

Князь велел тут же выгрузить из кареты сундук с золотом, который он привез в подарок старому помещику. Потом была помолвка, а после нее сразу и свадьбу сыграли.

И какая же веселая была свадьба! Играла прекрасная музыка, гости пели, веселились, как будто бы рассвет никогда не придет на смену ночи. Веселая это была свадьба, но короткая. Через несколько часов приказал князь запрягать коней, тепло попрощался со всеми, посадил молодую жену в свою самую прекрасную карету, и вот уже ряд карет помчался из ворот замка к лесу, да так, что искры летели от конских копыт. Старый помещик со страхом ждал медведя, но медведь так и не пришел.

Помещик, у которого опять было много денег, начал жить по-старому: давал балы, играл в кости, охотился, катался, а деньги таяли. Друзья его снова его любили, прямо на руках носили.

Напрасно осторожная жена его предостерегала, помещик не успокоился, пока все деньги не улетучились; как и раньше, друзья его тут же бросили, и остался он один с семьей.

Однажды он снова взял ружье и по привычке пошел в горы; ни один зверь ему не попался, только в вышине кружил ястреб. Помещик прицелился, выстрелил в него, и ястреб упал с высоты. Но едва он оказался на земле, загудело над лесом, будто бы буря деревья ломала, и с шумом появился над головой помещика гигантский орел.

– Как ты отважился застрелить моего подданного? – крикнул орел. – За это я тебя или на куски раздеру, или ты мне отдашь среднюю свою дочь в жены. Выбери, что хочешь!

А что тут было выбирать? Клюв орла щелкал над ним, словно огромные клещи кузнеца. И он пообещал отдать свою среднюю дочь орлу в жены.

– Через семь недель я за ней приду! – прокричал орел, с шумом вихря высоко поднялся на воздушном потоке и исчез за горами.

Грустный, озабоченный возвращался помещик домой, ругая себя, что так просватал свою дочь. Ну, что стало, то стало, иначе и быть не могло. Семья тут же заметила, что с отцом случилось что-то неприятное, бросились к нему с вопросами, но он долго не хотел им ничего говорить, пока он не сдался. Он рассказал все. Мать принялась горевать, но средняя дочь успокоила родителей:

– Э, родители мои дорогие, не горюйте из-за этого, я выйду за орла, короля птиц, раз уж мне так суждено; надеюсь, мне и там будет хорошо.

Раз уж по-другому не получалось, родители утешали себя по крайней мере тем, что дочь их не отчаивалась, но перестать печалиться все же не могли.

Через семь недель должна была быть свадьба, и старый помещик с женой продали все, что у них еще оставалось в доме, чтобы устроить хорошую свадьбу. Старый помещик думал, что когда придет орел за его дочь, все гости, вооруженные огнестрельным оружием, легко его одолеют и невесту ему не отдадут.

И вот уже настал последний день седьмой недели, все уже было готово, у всех молодых людей были заряжены ружья, невеста, хоть и храбрилась, но выглядела грустной, но орла нигде не было!

Когда солнце указывало на полдень, послышалась откуда-то издали приятная музыка, и чем больше она приближалась, тем прекраснее и приятнее звучала.

Гости замолкли, прислушались, ждали, и вот загудела земля под конскими копытами, и из леса выехал ряд позолоченных карет, и не успели люди до пяти сосчитать, как все кареты были уже на дворе перед замком.

Первая карета была самой красивой, и в ней сидел молодой князь, украшенное золотом и драгоценными камнями одеяние его блестело и переливалось, как звездочки на ночном небе.

Когда они остановились во дворе, князь первый выскочил из кареты, а за ним – и вся его дружина. Хоть и все только что прибывшие гости были дорого одеты, но взгляды всех сосредоточились на князе, который подошел прямо к старому помещику, поклонился ему и без всяких приготовлений попросил того отдать ему в жены среднюю дочь.

– Это было бы моим величайшим счастьем, если бы я мог выполнить вашу просьбу и назвать вас, прекрасный князь, сыном, но я пообещал среднюю дочь отдать в жены одному орлу, и теперь он должен за ней прийти.

– Э, не беспокойтесь об этом; орел пусть возьмет себе орлицу, а молодцу дайте девицу, он будет знать, как ее приласкать, – ответил князь с улыбкой.

Что должен был помещик сказать? Он разрешил, если будет на то согласие его дочери. Конечно, прекрасный князь был дочери милее, чем орел, хоть орел и был королем птиц.

Получив согласие отца и дочери, велел князь принести отцу в дар два сундука золота и серебра. Потом была помолвка, а за ней и свадьба. Никто и представить себе не мог, что дело так обернется: вместо стычки с дивным орлом – веселье и бал. Но он длился недолго, вскоре молодой зять приказал запрягать коней, ласково со всеми попрощался, посадил свою молодую госпожу к себе в карету и полетел со двора к лесу, оставляя за собой густое облако пыли.

Долго смотрели гости в сторону уехавших, мать и поплакала немного, но что же, ведь не орлу ее дочка досталась, а прекрасному князю, а если бы орел пришел, они бы ему заплатили, но напрасно ожидали они орла, он не пришел.

Помещик снова был богат, снова имел полон дом друзей, с деньгами вернулись к нему все старые привычки. Но и самый глубокий колодец может быть вычерпан до дна, ушло и богатство помещика, да так, что теперь ему едва хватало на пропитание своей семье и слугам в старом замке.

Он уже больше не охотился с ружьем ни на зверей, ни на птиц, но рыбу ловить ходил, это была невинная забава. Однажды захотелось ему наловить рыбки, взял он удочку и пошел. По дороге он размышлял о своем житье-бытье и думал, что уж если бы на этот раз привалило ему богатство, он бы его не растранирил.

Он шел густым лесом, а когда вышел из него, очутился в долине, вокруг которой со всех сторон громоздились горные вершины; в центре долины было зеленоватое озеро, у которого помещик еще никогда не был. Подойдя к нему, он тут же забросил удочку в воду, надеясь, что рыба будет хорошо клевать, и действительно, едва удочка с насаженной на крючок мошкой попала в воду, тут же клюнула рыбка

– и попалась. А за ней вторая, третья – много их. Помещик радовался удачной рыбалке, но радость его продолжалась недолго! Вдруг озеро взбурлило и с шумом подняло из глубины волны; в волнах плескался огромный рыбий хвост. Волны погнались к берегу, и из водоворота вывалилась на берег невиданная огромная рыбина. В ее раскрытую пасть легко могла войти повозка.

– Как ты посмел губить моих подданных? – зафырчала рыба. – За это я тебя или сожру на этом самом месте, или отдавай мне свою младшую дочь в жены. Выбирай, что хочешь!

Тяжело было сделать выбор бедняге помещику, видящему перед собой разверзшуюся рыбью пасть! Насколько он, объятый страхом, мог рассуждать, настолько не видел он другого выхода сохранить себе жизнь, пообещав отдать свою младшую дочь в жены рыбе. Он так и сделал.

– Через семь недель я приду за ней! – профырчала рыба, плеснула хвостом и бросилась в воду. Поднялись высокие волны и затопили берег. Потом рыба быстро нырнула на дно и зарылась в песок, так что озеро помутнело.

Больше помещик ничего не видел. Как чистую воду озера замутила огромная рыба, так и его душу. Грустный, расстроенный шел он домой; единственное было у него утешение, младшая, самая милая его сердцу доченька, и ее должен он был так немилосердно потерять!

Пришел он домой темнее тучи. Дочка и мать расспрашивали, отчего он такой грустный, что с ним случилось, но он долго не мог говорить о том, что его мучает, однако в конце концов пришлось ему рассказать, ничего не поделаешь.

– Я уже две дочери, можно сказать, что потерял, – говорил он, плача, – только Господь Бог знает, где они, что с ними, а я от них еще ни одной весточки не получил. Но по крайней мере я знаю хотя бы то, что выдал их замуж за людей, но тебя, дитя мое, я пообещал, вернее, вынужден был пообещать, отвратительной рыбе! Ах, я несчастный отец!

Он плакал, как дитя, а мать горевала еще больше. Дочь тоже была опечалена; ее сестры хотя бы вышли замуж за прекрасных мужчин, но ей суждено выйти замуж за чудовище. Сердце ее сжималось, когда она об этом вспоминала, и единственная ее надежда была, что, может быть, рыба не придет, как не приехали ни медведь, ни орел.

К назначенному дню помещик позвал снова своих старых друзей, которых не пришлось долго уговаривать сразиться с рыбой и которые по старой дружбе пообещали охранять его дочь, а рыбу убить.

Когда назначенный день пришел, съехались гости со всех сторон, молодые, старые, готовые к обороне прекрасной девушки. Настал полдень, пришло послеполуденное время, а рыбы нет и нет! И тут вдруг где-то вдалеке зазвучала прекрасная музыка, будто доносящаяся из-под земли, и чем больше она приближалась, тем более прекрасной казалась. Через минуту загудела земля под топотом конских копыт, и из леса выехал длинный ряд позолоченных карет, который направился прямо к замку. И не успели люди и до пяти досчитать, как все уже остановились во дворе. Первая карета была самой красивой, в ней сидел сам князь, такой прекрасный и богато одетый, что равных ему на свете не было и не будет. Он выскочил из кареты и пошел прямо к помещику, и дружина его за ним. Подойдя к нему, князь поклонился и любезно спросил, не отдаст ли отец за него замуж свою младшую дочь.

– Эх, поверьте, прекрасный князь, отдал бы я вам ее с радостью и радовался бы сам, что дочь моя будет счастлива, но я уже дал слово одной отвратительной рыбе, которая должна прийти за ней, – сказал помещик.

– Э, что нам до рыбы, пусть у рыбы будет рыба, а мне отдайте свою прекрасную дочь, я бы ее к сердцу прижал и домой отвез, – ответил князь с милой улыбкой.

Помещик согласился, если дочь согласится. Но кто бы дал согласие с большей радостью, чем она! Хороший обмен – вместо рыбы добрый молодец! Когда и дочь согласилась, велел жених принести дары для отца. Это были три сундука золота и серебра. И была помолвка, а после помолвки свадьба!

Свадьба была самая веселая из всех, музыканты, которых привез князь, играли песни со всех концов света, так что у всех гостей, даже самых старших, кровь разогрелась, да так, что и они готовы были пойти в пляс вместе с молодежью. Но когда веселье было в самом разгаре, молодой князь велел запрягать, мило со всеми попрощался, посадил невесту в свою карету, и полетели кареты с гордыми конями прочь, как ветром их сдуло.

Рыба не пришла.

Друзья вновь разбогатевшего помещика думали, что снова пойдет веселая жизнь: будет он с ними играть в кости, охотиться, короче, вести ту жизнь, которую вел прежде, но в этот раз помещик раскаялся, стал беречь деньги, чтобы снова не скатиться в нищету. Он остался верен слову.

Единственно, что беспокоило его и жену, было то, что они не знали, куда, собственно, подевались их дети, и мать часто плакала, что теперь она одинока, как та липа, у которой кору на лыко ободрали. И услышал Бог их жалобы, и подарил им на старости лет сыночка, и благодарили они Господа за этот дар оба-два с неменьшей радостью, чем за первых своих детей, а потому, что очень были рады сыночка видеть, дали ему имя Радовид. Мальчик вырос, и получился из него прекрасный добрый молодец. Отец научил его всему, что сам умел, и стрелять его научил – так что из него получился сильный парень. Был он единственной радостью своих родителей и надеялся, что будет опорой их старости.

Помещик строго запретил всем слугам, чтобы о дочерях они ни словом не обмолвились, чтобы молодой Радовид не узнал, что у него были сестры. Но что же? Молодой человек все-таки спросил однажды, почему у его сверстников есть сестры, у него нет. На это родители ему отвечали, что не у каждого брата есть сестра, вот у него и нет. Но сын знал, что они ему говорят неправду, ведь он видел слезы в глазах матери, а потому не дал себя обмануть. У него была старая нянюшка, которая ни в чем не могла ему отказать. К ней он и обратился, да так долго к ней ласкался и уговаривал ее, пока она все ему не выдала, как и что случилось с его сестрами и что никто не знает, где они. Она ведь и сестер его вырастила. Ах, если бы добрая старушка знала, что из этого выйдет, она бы себе язык узлом завязала.

Как только парень узнал правду, он решил, что отправится на поиски сестер. Как же испугались родители, когда он поделился с ними своими планами, невозможно даже рассказать; отец просил, уговаривал, мать плакала, но все напрасно, решение его было бесповоротно, ни материнские слезы, ни просьбы отца не изменили намерений.

– Я должен увидеть своих сестер, – сказал он, – где бы они ни были, хоть и на том свете. И кроме того, мне не помешает мир

посмотреть и счастья попытать. Чему быть, того не миновать. Только дайте мне, отец, доброго коня, который и в рай, и в ад дорогу найдет!

Услышав это, родители поняли, что не смогут они уговорить его остаться, так что надо было получше собрать его в дорогу, чтобы обеспечить его безопасность. Дали они сыну в дорогу денег, оружие, доброго коня, слуг, чтобы с ним ничего плохого не приключилось.

Собрался он в дорогу, попрощался со старыми родителями и нянюшкой и отправился в путь-дорогу. Поехали они прямо к лесу, откуда и куда, как ему рассказал отец, приезжали и уезжали князя. И вела их дорога все дальше и дальше, по горам и долам, пока не оказались они в густом лесу с тысячелетними деревьями. Дерево у дерева, под деревьями густой кустарник: каждый шаг свой они должны были себе расчищать. И это еще не было самым неприятным, если бы у них еда оставалась, но запасы их уже закончились, а найти что-то они не смогли. И слуги стали уговаривать его, что пора отдохнуть, говорили, что сгинут они в этом лесу, но он не обращал на них внимания, все прорубал и прорубал себе путь. И забрались они в непролазную чащу, и тут кони остановились, будто кто-то их к земле приковал, ни шагу дальше сделать не хотели, а когда повернулись назад, весело заржали.

Это была пограничная черта, которую никто не мог переступить, только молодой сын помещика, Радовид. Когда он это понял, отдал своего коня слугам и сказал им:

– Не суждено вам перейти эту черту, друзья мои, возвращайтесь домой к моим родителям, передайте им от меня привет и скажите, что я не вернусь, пока не найду своих сестер. Берите моего коня, он мне в горах не пригодится.

Слуги вернулись домой, а он снова стал продираться сквозь густой лес, вырубая кустарник. Он уже одолел две горные вершины и две долины, а потом и третью, когда оказался у огромного валуна. Рядом с валуном виднелась расщелина, а из той расщелины клубились голубоватые облачка дыма. И расщелина, и дым сразу привлекли его внимание.

– Э, – подумал он, – да если бы даже там какая-то Баба-яга жила, войду-ка я внутрь.

И без долгих колебаний подобрался он к валуну, подошел к расщелине, из которой выходил дым, увидел, что она достаточно

узкая, но забраться он в нее как-нибудь сможет. Залез он в нее, но чем дальше шел, тем шире она становилась, наконец он мог уже идти совершенно свободно, только темно там было, как в могиле. Пройдя еще немного, он увидел, что вдалеке что-то светится, какой-то мерцающий огонек, и чем дальше он шел, тем ярче горел огонек, и вдруг очутился он в большой пещере, которая выглядела как просторная комната. В центре ее горел огонь, освещающий пещеру. У огня сидела прекрасная дама, играющая с двумя медвежатами. Увидев перед собой человека, она вскочила и с удивлением воскликнула:

– Ах, откуда ты тут взялся, Божий человек? Ведь сюда ни птичка, ни летучая мышка не залетает, не то что человек! Убегай, пока можешь, а не то мой муж придет и разорвет тебя на части!

– Ну, откуда я взялся – я ищу сестер, которых выдали замуж за трех князей, – и он стал рассказывать то, о чем ему поведала нянюшка. Из его речей прекрасная дама быстро догадалась, что это ее брат, потому что она была старшей дочерью помещика.

Она с огромной радостью приветствовала его, села рядом с ним и стала расспрашивать о доме. Но едва начал обрадованный брат свой рассказ, по пещере разнеслось гневное рычание медведя, и ему пришлось по просьбе сестры быстро спрятаться под корытом, которое стояло в углу. Едва он укрылся, в пещеру ввалился медведь, муж его прекрасной сестры, и, принюхавшись закричал:

– Жена, человечинной воняет, отдай мне ее, на куски раздеру!

– Ах, дорогой муженек, откуда бы тут человек взялся, ведь сюда ни птичка, ни летучая мышка не залетает, не то что человек! Просто успокойся! – уговаривала его жена. Но медведь ничего не слушал и только беспокойно бегал по пещере и рычал так, что аж в третьей долине слышно было.

– Если ты не хочешь мне его отдать, я сам его найду! – с этими словами он рванулся к корыту. Он даже успел перевернуть его, и тут часы проббили двенадцать, вся пещера затряслась и превратилась в прекрасный огромный замок, медведь стал прекрасным князем, а медвежата – очаровательными мальчиками. С обликом медведя утратил князь и дикую ярость, вместо того, чтобы выполнить свое намерение и разорвать в клочья пришельца, он радостно обнимал и целовал шурина, радуясь, что не причинил ему вреда.

После сердечных приветствий стали они беседовать; Радовид рассказывал о родителях, князь с княгиней – о своем состоянии.

– Ты и сам уже видел, милый шурина, что я заколдован, как и мои младшие братья. Я превращаюсь в медведя, средний брат – в орла, младший – в рыбу. Заклятие наше длится двенадцать часов, в это время мы превращаемся в отвратительных чудовищ, бродим по округе и своей дикостью людей пугаем. Наша дружина и все дворяне тоже превращаются в зверей, а замки и деревни превращаются в пустые горы и валуны. Когда же проходит двенадцать часов, мы возвращаемся в человеческое подобие и край наш оживает. И так происходит каждый Божий день. Мы заколдованы из-за нашей сестры, это я знаю, но как бы ты мог нас освободить, это мне неизвестно, однако сомневаюсь, что это возможно, ибо страшны узы нашего проклятия. Но раз уж ты так решил, попробуй. Иди к моему младшему брату, может быть, он будет знать, что делать. А от меня возьми хоть что-то: вот тебе комочек медвежьей шерсти, который хорошо тебе поможет. Если ты окажешься в опасности, помни его в руке, и к тебе немедленно придут шесть медведей на помощь.

С радостью принял Радовид комочек шерсти и хорошо его спрятал, он приготовился ко всему, только попросил зятя, чтобы тот указал ему дорогу к брату, что тот с удовольствием и сделал.

Когда обо всем поговорили, милого гостя щедро угостили, затопали под окнами шесть прекрасных коней.

– Ну, карета уже ждет тебя, – сказал зять, – а кони знают дорогу. Иди скорее, а то близится час моего превращения.

С болью попрощались они, не зная, увидятся ли еще. Попрощавшись, сел Радовид в карету, и кони, как по ветру, летели с ним через горы и долины, только пыль за ними столбом стояла. Они как раз миновали границу княжеских владений, когда наступило время заклятия. И в тот же миг Радовид оказался на земле, вместо коней увидел он шесть мышей, убегающих в лес, а карета превратилась в ореховую скорлупу. Остался он один, как перст, в пустом лесу у ручья. За ручьем увидел он тянущуюся к лесу тропинку, он пошел по ней, надеясь, что куда-нибудь она его приведет. Долго шел он лесом, через долины, через горы и вершины, и вся еда, которая у него с собой была, уже закончилась, когда подошел он к одному настолько высокому дубу, что равных ему он не видел. Высоко-высоко и широко-широко

раскинулись его ветви, а между ними, наверху стоял дом. Как только Радовид его увидел, он сразу подумал, что это жилище его средней сестры. Долго он ждал, не покажется ли она, чтобы помочь ему взобраться наверх, но она так и не вышла. И тогда он начал кричать во все горло и стучать по дубу. Когда он так некоторое время кричал и стучал, наверху показалась прекрасная женская фигурка. Она спросила, кто это кричит и стучит?

– Я это, я, – закричал Радовид, – твой брат, дорогая моя сестра, помоги мне как-то попасть наверх!

– Мой брат? – удивилась госпожа. – Я никакого брата не знаю. Но кто бы ты ни был, человек Божий, беги со всей мочи, потому что как только придет мой муж, он тебя раздерет на части!

– Раздерет не раздерет, – отвечал Радовид, – ты мне только помоги попасть наверх, потом я тебе обо всем расскажу, кто я и чего хочу!

Она дала себя уговорить, спустила сверху канат и помогла Радовиду вскарабкаться наверх. Оказавшись наверху, уселся он на кучу мха рядом с юным орленком и стал рассказывать сестре, кто он и чего хочет.

Заплакала сестра от радости, обнимала брата, но и боялась, как бы орел, вернувшись домой, не растерзал брата. Едва они узнали друг друга и поприветствовали, зашумело наверху, как будто гроза началась, это летел орел.

– Ну, только быстрее, дорогой мой братик, прячься в этот мох, может быть, я как-то тебя спасу, – просила его сестра.

Едва он успел спрятаться, орел влетел в гнездо и заверещал:

– Жена, человечинной воняет, быстро мне его покажи, иначе я его раздеру на куски!

– Ах, муж мой дорогой, – успокаивала его жена, – да откуда бы она тут взялась, ведь ни птичка, ни летучая мышка сюда не прилетает, не то что человек!

– Раз ты мне не хочешь его выдать, найду его сам, – гневно засвистел орел и начал разбрасывать мох. Он уже приблизился к куче, в которой тихо сидел спрятавшийся Радовид. И в этот момент земля будто бы затряслась, хижинка на дереве превратилась в роскошный замок, орел – в прекрасного князя, орленок – в спокойного мальчика, и все вокруг ожило.

Рад был князь, что шурина не разодрал, и принимал его, как только мог. Устроили славное угощение, и Радовид должен был рассказывать о родителях и почему он пришел.

– Старые мои родители чувствуют себя как старые люди; я их оставил в добром здравии и оставил с сожалением, но что же делать, если я хотел узнать своих сестер и их мужей! Ну, старшую сестру я уже знаю и мужа ее медведя тоже! Он рассказал мне, что вы заколдованы, и я намерен освободить вас от заклятья. Я спрашивал мужа старшей сестры, как бы я мог это сделать, но он не мог дать мне совет, только к тебе, дорогой, меня направил. Может быть, ты сможешь мне что-то сказать?

– Ах, дорогой мой шурина, – ответил князь, – напрасно ты стараешься, я сомневаюсь, что ты сможешь нас освободить. Тяжело наше заклятье. И я тоже не смогу дать тебе никакого совета, но раз уж ты так решил, иди к моему младшему брату, он тебе откроет всю тайну.

– Пойду, пойду, только укажи мне дорогу.

– Я прикажу отвезти тебя к границе моего княжества, а потом иди по дороге, которая перед тобой откроется, по этой дороге ты придешь к одному озеру, там смотри внимательно: где из воды будет куриться дым, бросайся в воду. Вот тебе несколько орлиных перьев, возьми их, и если окажешься в опасности, возьми их, и тут же шесть орлов прилетят тебе на помощь.

Радовид сердечно поблагодарил мужа сестры, перья спрятал, и вскоре шесть коней затопали под окнами.

– Ну, дорогой мой шурина, – сказал князь, – близится мой час, коляска для тебя готова, иди скорее, чтобы не испугала тебя моя дикость.

С болью попрощался Радовид с любимой сестрой и ее мужем, которые проводили его до коляски. Как только он сел, кони понеслись, как ветер, они неслись через горы, доли. Когда приехали к границе княжества, миновал назначенный час, и Радовид, как и в первый раз, оказался сидящим на земле. Кони превратились в воробьев, а коляска – в скорлупку куриного яйца. Он увидел перед собой дорожку, вспомнил, что ему говорил зять, и с удовольствием пустился в путь. Но шел он долго и съел все, что у него было с собой. Наконец подошел он к долине с зеленоватым озером. Он почувствовал себя самым

счастливым человеком, потому что, как только он остановился у озера и взгляделся, увидел поблизости от берега поднимающееся над водой голубое облачко дыма. Даже не отдохнув, бросился он в воду именно там, где поднималось облачко. Как камень, пролетел он вниз к очагу, в котором его сестра как раз разжигала огонь.

Не понимая, что происходит, она в испуге убежала в комнату, но брат выскочил из очага и побежал за ней, радостно крича:

– Не бойся, моя дорогая сестра, ведь это я, твой брат, пришел тебя навестить!

Страх сестры прошел, когда она увидела перед собой человека, называющего ее сестрой, хотя ни о каком брате она и ведать не ведала. Поэтому она сказала:

– Ты меня сладкими речами не обманешь, не знаю я никакого брата, но кто бы ты ни был, Божий человек, скажи, откуда ты взялся и чего хочешь?

Тут Радовид все подробно рассказал сестре, кто он и зачем пришел, и тогда сестра обняла его и прижала к сердцу. И охватила их великая радость, которая стала еще большей, когда вернулся и зять, который уже в человеческом облике шел к своему дому. Жена бежала ему навстречу через три комнаты, крича с несказанной радостью:

– Дорогой мой муж, иди скорее, пришел мой брат, которого я дома еще не видела!

– Раз он твой брат, мне он милый шурина! – приветствовал шурина князь-рыба и тут же спросил его о родителях.

– Старых родителей оставил я дома в добром здравии, но не знаю, как они сейчас, живы ли, я ведь давно ушел из дому. Я хотел найти сестер и зятьев, а теперь я всех повидал. Но еще хочу тебя кое о чем спросить. Сказали мне зять-медведь и зять-орел, что ты, милый зятек, наверняка мне расскажешь, как бы я смог освободить вас от заклятья. Пожалуйста, расскажи мне, почему вы заколдованы и как мне вас освободить, потому что без этого я домой не вернусь, даже если мне суждено погибнуть.

– Тяжелое и опасное дело ты затеял, не знаю, выйдет ли оно у тебя, – сказал зять-рыба после долгого размышления, – но если уж ты так решил, попробуй, может, тебе и повезет. Послушай же: была у нас прекрасная сестра, которую хотел взять в жены один чародей. А она за него идти не хотела, и мы, ее братья, не хотели ему сестру отдавать.

Он страшно разгневался, украл сестру, унес к себе, а нас, всех троих, заколдовал, как видишь. И мы будем закляты так долго, пока она не согласится выйти за него или пока нас кто-то не освободит. Чародей вместе с нашей сестрой находится в одной пещере, от которой есть золотой ключ, который висит неподалеку на высоком дереве, только он может открыть вход в пещеру. Но тот, кто попробует снять этот ключ, столкнется с великой опасностью. Вход в пещеру ведет через двенадцать комнат, а в тринадцатой на ложе спит чародей, рядом с ним лежит в гробу наша сестра. Над ним висит золотая труба, если в нее затрубишь, освободишь всех нас. Если ты хочешь нас освободить, ты должен все это сделать, но должен будешь много пережить.

– Терпению я уже в пути научился, а опасности не боюсь. Вручаю себя Господу Богу и пойду! Только выведите меня на дорогу!

– Ну, помогай тебе Господь Бог! Иди же, я рад буду указать тебе дорогу, – сказал зять.

Они угостили милого гостя так, как только могли, потом с грустью разлучились, и Радовид пошел дальше по дороге, которую указал ему зять.

Долго шел он по горам и вершинам, пока не подошел к огромному дереву, на котором висел золотой ключ. Его блеск был виден издали. Увидев ключ, парень обрадовался, что он у цели. Немного отдохнув, он начал быстро взбираться на дерево. У него легко это получалось, он поднялся уже на несколько шагов ввысь, но тут, откуда ни возьмись, появились шесть диких быков с мощными рогами и начали бодать дерево, которое от их ударов гнулось, как прут. Еще немного, и Радовид слетел бы вниз, как шишка. К счастью, он вспомнил о подарке зятя-медведя; он быстро достал шерстку, помял ее, и в тот же миг появились шесть огромных медведей, набросились на быков и разорвали их на куски.

Избавленный от великой опасности, Радовид с трудом вскарабкался на самую верхушку, к ключу. Он уже хотел снять его, но тут прилетела стая диких гусей, и стали они клевать парня своими длинными клювами и сбивать его с дерева крыльями. Но он тут же вспомнил про орлиные перья, быстро их вынул, помял, и в тот же миг прилетели шесть сильных орлов, и тут же дикие гуси были разбиты и разодраны.

Преодолев это последнее препятствие, Радовид свободно снял ключ и слез вниз. Что ж, большое дело было сделано, ключ он держал в руках, но другая беда его ожидала! Немного отдохнув, двинулся он навстречу сражениям, его ожидающим. Он огляделся по сторонам, но нигде не увидел даже маленькой дверочки, которую можно было бы открыть ключом! Начал он опасаться, что и золотым, так тяжело добытым, ключом ничего сделать не сможет, и тут он вспомнил, что зять-рыба сказал ему, чтобы он ключом просто дотронулся до скалы. Где коснется, там скала и откроется. Он так и сделал; скала отворилась настежь, и Радовид вошел в зал, высеченный из льда. От стен шел страшный, обжигающий мороз, казалось, ноги его примерзнут. Но он не обратил на это внимания и поспешил к другим дверям. Когда он вошел во второй зал, его объяло пламя, зал был полон огня. В третьем зале его встретило скопище змей, они сновали повсюду, висели, как лапша... Быстро перебежал наш молодец через зал, полный этих отвратительных змей, и попал в четвертый зал, полный гнусных нетопырей. И от них он вырвался, пробежал и все остальные залы, наполненные самыми гадкими и противными существами, и, наконец, прибежал к дверям тринадцатого зала. Он чуть-чуть приоткрыл двери, проскользнул, как тень, и тихо закрыл двери за собой. Там все было так, как описал его зять. Страшный чародей, скованный крепким сном, лежал на ложе, а подле него на полу в железном гробу лежала прекрасная, но бледная, высохшая девичья фигурка. Над ложем чародея на стене висела золотая труба. Измотанный Радовид сел в уголке, чтобы передохнуть. Стояла такая тишина, что слышно было, как мушки летали. И тут часы пробили двенадцать. Чародей проснулся и закричал страшным голосом:

– Ты выйдешь за меня или нет?

Из гроба отозвался грустный слабый женский голос:

– Нет.

– Ну, живи и сгнивай! – крикнул чародей и вскоре снова уснул.

Радовид легонько поднялся с земли, как дух, подошел к ложу и дотянулся до трубы. Он уже держал ее, но тут чародей проснулся и резко бросился на смельчака. Но парень уклонился от удара, отскочил и прежде, чем чародей схватил его, трижды сильно протрубил в трубу.

Будто сто громов разом загредело, такой звук вылетел из золотой трубы; скала сотряслась до самого основания, залы, наполненные

льдом, огнем и различными чудовищами, превратились в прекрасные светлицы, чародей превратился в черную жижу и разлился, как колесная мазь, а из гроба поднялась прекрасная девушка. Когда лежала она в гробу, больше была похожа на мертвеца, чем на живое существо, а встала как самая прекрасная роза. Заклятье чародея не уничтожило ее красоту, лежа в гробу, она оставалась навеки молодой. Со слезами на глазах благодарила она своего избавителя. Парень был так рад, что освободил от заклатья не только своих зятьев, но и прекрасную девушку, которая очень ему понравилась.

– Но скажи мне, добрый молодец, кто ты и как сюда попал? – спросила его прекрасная панна.

И тут начал Радовид все от начала до конца рассказывать, кто он, где бывал и как попал в пещеру.

Прекрасная девица была еще более рада, узнав, что Радовид освободил и ее братьев от заклатья, о котором она даже не знала, и что они – одна семья. Она благодарила его снова и снова, повторяя, что хочет его наградить.

– А мне ничего не надо, кроме тебя, прекрасная панна, – ответил Радовид.

Он тоже понравился девушке, поэтому она согласилась стать его женой. После того, как они все обсудили и нарадовались друг другу, пришло время отправиться к младшему брату, у которого их ожидали и старшие братья, освобожденные от заклатья, вместе с женами и детьми. Велика была их радость, когда они все встретились, а еще больше стала она, когда они все вместе отправились к старым родителям и застали их в живых. А уж родители большего счастья и большей радости и пожелать себе не могли, как та, когда неожиданно вернулись к ним и дочери, и сын, все счастливые.

Невыразимо расцвела эта радость во время свадьбы молодого Радовида с прекрасной панной.

Эй, что это была за свадьба! С тех пор, как свет стоит, не было такой свадьбы и не будет!

Король Времени

I

Жили-были однажды в маленькой деревне два родных брата. Старший из них был великий богач, но при этом злой и безбожный. Младшему не было равных в деревне по храбрости, но при этом он был такой бедный, что много раз ни он, ни семья его не имели ничего, что в рот положить. Однажды, когда он совсем измучился от голода, пошел он к своему брату, чтобы попросить у него кусок хлеба, да, видно, как-то не так попросил.

– Ах ты, такой-сякой, – набросился на него брат, – еще и помогай такому!

И указал ему на двери, и выгнал его вон.

Когда его так немилосердно прогнали, пошел бедняга, не зная, куда идти за помощью. Был он слаб, едва ноги волочил, не было у него теплой одежды, и он трясся от холода. Боясь идти домой, отправился он в лес. Нашел там под грушей упавшие плоды, и некоторые были такие кислые, что у него зубы заломило, но он был рад, что их нашел. Но пища эта не согрела его желудок, он трясся от холода, и резкий ветер дул в лесу.

– Ах, куда же я пойду, грешный человек, – сокрушался он, – дома нет ни хлеба, ни огня, и брат меня выгнал.

И тут он вспомнил, как говорили, что на Стекло́нной горе всегда огонь горит.

– Пойду-ка я туда, – подумал бедняга, – может, мне согреться дадут, раз уж у человека больше ничего нет.

И он пошел.

Уже изда́лека увидел он на Стекло́нной горе большой костер, а вокруг него двенадцать человек. Обнаружив этих людей, он испугался, не зная, что о них думать.

– Чего ты боишься? – сказал он сам себе. – И там Господь Бог с тобой.

Пошел он прямо к огню, остановился, поклонился и, поприветствовав их, сказал:

– Люди добрые, смилуйтесь надо мной, я человек бедный, никому не нужный, у меня и огня нет. Позвольте мне согреться у вашего огня.

Все посмотрели на него, а один из них сказал важным голосом:
– Сынок, садись между нами и согрейся рядом с кем-то из нас.

Сел он между ними, стал греться, но все молчали, боялся и он заговорить. Но заметил он, что все они постоянно меняются местами. Так они обошли огонь вокруг, и когда снова очутились на том же месте, где прежде сидели, когда бедняк подошел к костру, поднялся в центре старик с седой бородой и плешивой головой и так обратился к бедняку:

– Дружище, не трать тут свою жизнь, иди домой, старайся, работай. Набери с собой угля, у нас он даром пропадет.

После этих слов старик исчез.

Эти двенадцать человек встали, насыпали бедняку в мешок угля, помогли взгромоздить мешок на плечи и сказали, чтобы он поспешил домой. Он горячо их поблагодарил, но в голове его вертелась мысль, как бы угли не прожгли ему мешок и как он их домой донесет, хотя он не чувствовал жжения, и мешок казался ему легким, как будто он нес пыль. Он надеялся, что хотя бы у них в избушке будет тепло, раз уж ничего другого нет. Как только пришел он домой, высыпал содержимое мешка в короб, но диво дивное: каждый уголок, каждая искорка превратились в золотую денежку. Бедняк не знал, что ему делать от радости, он не верил своим глазам, что эта куча денег принадлежит ему. И как же был он благодарен тем добрым людям, которые спасли его от нищеты.

Теперь денег у него было достаточно, даже много – их трудно было сосчитать. И захотел он их измерить, чтобы знать точно, сколько их у него, и послал он жену к брату, чтобы она попросила у него мерную кружку. Брат рассмеялся:

– Вы что, дыры свои мерить будете?

Жена сказала, что им сосед должен был за работу зерно, и вот теперь они хотят его перемерить. Брат не поверил, и чтобы проверить, что они будут измерять, намазал дно мерной кружки смолой и только потом одолжил ее.

Младший брат перемерил деньги, а было их много. Когда он все сделал, пошел к брату сам, чтобы отдать тому мерную кружку. Он не заметил, что одна денежка прилепилась к смоле. Старший брат денежку увидел и сразу же подумал, что брат стал разбойником. Он немедленно на него набросился с громким криком, надавал ему

тумаков и пригрозил, что если брат ему не расскажет, откуда у него столько денег, он донесет на него, как на разбойника. Что было делать бедняге? Он не хотел ссориться с братом, поэтому все ему рассказал, что с ним случилось на Стеклоянной горе.

Старший брат был очень богат, но он позавидовал счастью младшего брата; когда младший купил прекрасное имение, домашнюю скотину, за которой всей семьей старательно ухаживали так, что все люди их уважали, тут уж старший спать не смог от зависти. И решил он тоже идти на Стеклоянную гору.

– Раз брату повезло, может и мне повезти, – решил он.

И пошел.

Поднялся он тоже на Стеклоянный верх, где горел тот большой костер, и тут же обратился к тем двенадцати людям, которые сидели вокруг:

– Люди добрые, дайте мне, бедному, очень вас прошу, согреться у вашего огня, а то холод меня одолел, тела не чувствую.

И ответил ему один из двенадцати:

– Ты, сынок, родился в счастливый миг, богатства у тебя много, но ты скупой и злой человек. Перед нами лгать нельзя, а ты лгал, за это кара тебя не минует.

Страшно напуганный стоял богач между двенадцатью фигурами, боясь произнести хоть слово.

Эти двенадцать снова стали меняться местами, один вставал, садился на место другого, тот – на место третьего, и так менялись они, пока каждый снова не оказался на своем месте.

Тут снова в центре, посреди огня, поднялся тот старик с седой бородой и, обратившись к богачу, сказал ему:

– Плохи дела у злых людей. Твой брат – человек добрый, поэтому я его благословил, а ты человек злой, поэтому не уйдешь от моей кары!

После этих слов все двенадцать поднялись, один схватил богача, ударил и дал его другому, тот сделал то же самое, передал третьему, и так шло по кругу, последний же передал его старику, и тот вместе с богачом исчез в огне.

На следующий день стали богача искать в деревне, но так и не нашли. Младший брат догадывался, куда он мог подеваться, но молчал об этом, как рыба.

Жили-были однажды муж и жена, и очень они друг друга любили. Он бы не отдал ее ни за что на свете, а она все делала по его воле, так и жили они, как два зернышка в колоске. Однажды был он на поле, она хозяйничала дома; он не мог дождаться вечера, чтобы к ней вернуться. Но что же? Когда пришел он домой, жены не было – звал он, искал, плакал, все напрасно, жену так и не нашел. Бедняга совсем растерялся. Ничто его не утешало, он думал только о жене и о том, куда она девалась. Через несколько дней, не справившись с тоской, отправился он в путь-дорогу искать потерянную жену.

Он не знал, куда обратиться, шел, куда глаза глядят и куда ноги несут; грустный, ходил он так много дней, пока не вышел к берегу большого озера, на берегу которого стояла хижина.

– Отдохну-ка я тут, может, и узнаю что-нибудь, – подумал он и вошел внутрь.

Но женщина, которая находилась в хижине, выгнала его вон.

– Что тут ищешь, что тут хочешь, человече? – закричала она на него. – Здесь ты погибнешь, если попадешься моему мужу на глаза.

– А кто твой муж? – спросил путник.

– А ты не знаешь? Мой муж – Король воды, который властвует над всем, что мокрое. Убегай, ради бога, а не то, когда придет, он тебя наверняка съест.

– Ах, смилуйтесь надо мной, – взмолился муж. – Спрячьте меня где-нибудь. Куда мне идти в ночи, я ведь совсем устал.

И поддалась Королева воды на уговоры, спрятала его за печь. Вскоре пришел Король воды и, еще порог не переступив, закричал:

– Жена, человечина воняет, быстро мне ее покажи!

Бедняжка напрасно бы таилась, волей-неволей должна была выдать несчастного. Этот бедняга трясся, как осиновый лист, и пытался боязливо оправдаться, что он, мол, ничего плохого не учинил, что хотел только спросить, не слышали ли здесь о его жене.

– Ну, раз ты такой храбрец и так любишь свою жену, я уж тебя прощаю, – сказал Король воды, – но помочь тебе ничем не могу, потому что ничего не знаю о твоей жене, только вчера видел я двух уточек, что плавали в воде, но думаю, между ними ее нет. Знаешь что, иди к моему брату, он Король огня, может быть, он сможет больше тебе сказать.

Бедняга был рад, что, натерпевшись столько страха, может отдохнуть, он поблагодарил Короля воды и на следующий же день отправился в путь к Королю огня. Но и тот не знал, что ему сказать, только снова направил его к брату, который был Королем ветра. Но и тот, хоть и в каждый угол задувал, ничего не смог рассказать о жене, обрадовал мужа только, сказав ему, что видел такую женщину под Стеклою горой.

Как только милый муж услышал о том, что жена его под Стеклою горой, тут же пустился в обратный путь, потому что его хижина находилась неподалеку от Стеклою горы. Вернувшись, он даже в дом не заглянул, а пошел вверх по ручью, который протекал под Стеклою горой. В ручье купалось много уточек, и те ему закричали:

– Добрый человек, добрый человек, не ходи туда, ты там можешь погибнуть.

Но он не дал себя испугать и пошел дальше. Вышел он к избам, прошел мимо, а в самую большую вошел. Там его обступили колдуны с колдуньями, и все они кричали на него и спрашивали, что он тут хочет.

– Я пришел свою жену искать, говорят, она где-то тут, – ответил муж.

– Тут она, тут она! – кричали колдуны, прыгая вокруг путника. – Но ты ее не получишь, если только между двумястами женщинами не узнаешь!

– Эх, да как бы я ее не узнал, – да вот же она! – воскликнул он, схватил свою жену и обнял.

И жена его обнимала и ласкала, и они радовались, что опять были вместе. Через минуту жена прошептала ему на ухо:

– Милый мой, сейчас-то ты меня узнал, но не уверена, что ты узнаешь меня завтра, ведь нас тут будет много, и все будут одеты одинаково. Но знаешь что? Иди ночью на Стеклою гору, там Король времени с двенадцатью слугами. Спроси у него, как бы ты мог узнать меня. Если ты добрый человек, он тебе поможет, а если злой, сожрет тебя, даже косточки от тебя не останется.

– Хорошо, – сказал муж, – пойду спрошу, но сначала скажи мне, женушка моя, почему ты так внезапно убежала? Ах, ведь я тебя уже так дано ищу по всему свету!

– Я не убежала, – сказала она, – но один охотник выманил меня к ручейку, а когда я туда пришла, он себя и меня водой побрызгал, и тут же у меня и у него выросли крылья. Он взмахнул крыльями, и в тот же миг мы превратились в уток. И потом уж я волей-неволей должна была идти за ним, он привел меня сюда, и тут меня снова превратили в женщину. И теперь я могу уйти с тобой, только если ты добрый, потому что только в этом случае ты сможешь узнать меня.

На том они и попрощались; она ушла вместе с другими, а он отправился на Стеклянную гору. На Стеклянной горе полыхал большой костер, а вокруг него сидели двенадцать человек, это были слуги Короля времени. К ним муж и направился. Подойдя к ним, он сердечно их поприветствовал.

– О чем ты просишь? – спросили они его.

– Я хотел бы спросить, как смогу я свою жену между двумястами других одинаково одетых женщин отыскать?

– Ах, добрый человек, мы тебе в этом помочь не сможем, но подожди немного, может быть, наш король знает это.

Через минуту поднялся из пламени старый человек с плешивой головой и седой бородой. Когда путник задал ему свой вопрос, старик ответил ему так:

– Внук мой, все будут одеты одинаково, только у твоей жены будет на правой ноге в башмачке черная нитка!

Договорив это, он исчез. Обрадованный муж поблагодарил слуг и поспешил с горы. На следующий день, когда он выбирал между двумястами женщинами, он бы точно не нашел жену, если бы не увидел ту черную нитку в ее башмачке. Колдуньи уже не могли ее у него отнять. И забрал он ее, и поспешили они в свой домик, и был он рад, что они опять вместе.

Словацкий сокол

I

Когда турки владычествовали в венгерской земле, плохо было людям, никто не был уверен, что останется свободным, что не отнимут у него имущество или жизнь. В те времена жил в Любетове, в одном горном местечке, в своем дворце Тавро Брезула. Был это сокол, крепкий на слово, и боялись его турки, которые из Филекова через

горы устраивали набеги до любетовских окрестностей, опустошали все вокруг и забирали людей в рабство. Однажды, узнав, что Брезулы нет дома, собрались они и напали на его дворец.

Слуги, преданные своему господину, хотели держать оборону, но были разбиты, рассеяны и связаны. Несомненно, турки собирались забрать их с собой, та же участь ожидала и жену Брезулы. Но сначала, прежде чем поджечь дома, решили подкрепиться едой и питьем. Они приказали жене Брезулы, чтобы она приготовила им ужин, а пока расположились в доме, попивая вино и весело позвякивая саблями. Испуганная жена Брезулы стояла в кухне у очага. И тут вдруг Брезула будто с неба свалился.

– Дай Бог счастья, женушка, – поприветствовал он ее, – что это у тебя за гости?

– Тут турки, – ответила она, трясась от страха.

– А что ты им варишь, гостям этим милым?

– Капусту, – ответила она.

– А есть ли у тебя к ней мясо?

– Нет.

– Ну, я сейчас тебе его быстро нарублю! – воскликнул он, выскакивая из комнаты.

Но турки, слышав его голос, погасили свет и в огромном смятении начали один за другим вылезать из окон. Тут Брезула схватил кремень, сжал его между зубами и провел по нему своей острой саблей, так что искры посыпались на землю, как дождь. Так он узнал, где турки, и быстро начали турецкие головы падать на землю. То, что уйти не смогло, там и сгнуло.

Так Брезула совершенно один спас жену, поместье, слуг и всю округу от гибели и разорения.

II

Не могли турки об этой неудаче забыть и задумали месть. Вскоре собралось их множество, и под предводительством аги Тучного^[12], известного своей жестокостью и опустошением словацких земель, направились они из Филекова через горы, грабя по дороге селения. Плач стоял в окрестных деревнях, люди с ужасом убегали в горы и леса. Напрасно призывал Тавро Брезула любетовских, чтобы те устроили туркам засаду в пригодном для этого месте.

Тогда выбрал он самого смелого из своих приближенных, и пошли они вдвоем поискать соколиного счастья. Остановились эти смельчаки под горой Ясеновой, там, где удобнее всего было устроить засаду неприятелю. Брезула укрылся у колодца в кустарнике, его друг расположился на верхней тропе. Они договорились действовать сообща, применяя военную хитрость. Брезула хотел, чтобы, когда он выстрелит, тот закричал:

– А ну-ка, сюда, ребята, сюда, Дюра, Самек! – как будто их тут кто знает сколько.

И вот пришли турки во главе с военачальником. Это был известный опустошитель словацких земель, за свою толщину прозванный словаками Тучный ага.

Когда хищные турки с гортанными криками приблизились к колодцу, выскочил из кустов Брезула с ружьем, крича:

– Приветствую, господин Тучный! Дай Бог, больше ты словацкие земли опустошать не будешь! – и, выстрелив, убил агу.

Потом выстрелил и друг его с высоты и закричал:

– Сюда, ребята!

А Брезула тот же отозвался:

– Сюда идите, сюда, Самек, Дюра, сюда, парни, сюда!

– Эй, пали в них! – послышался голос сверху, раздался выстрел, и третий турок упал окровавленный.

Испугались турки, что попали в засаду и, уstraшенные смертью аги, пришпорили коней, развернулись и сломя головы бросились наутек.

Там, у того самого колодца и лежит похороненный ага, два камня укрыли могилу его. Отсеченную его голову долго можно было видеть насаженной на колодезную верхушку в любетовском замке, но мальчишки бросали в нее камнями и сбросили в колодец. После этого никто не хотел брать воду из этого колодца, и его закопали.

Железную пику аги долго показывали в любетовском замке, пока несколько лет назад не отослали в музей Пешта.

Так освободил Тавро Брезула свой край от жестокого хищника, и имя его будет долго жить в памяти людей.

Слава ему, соколу!

Магулена

Было, когда было; а было однажды, что жил где-то король, и у него был прекраснейший сын, которого он очень любил. Но что же – мама его умерла, отец женился, а мачеха сына ненавидела; поэтому сын хотел отправиться по свету. Но отец ему это запрещал и отпускать его не хотел.

Однажды сын прохаживался по замку, и тут видит в одном покое за печью картину, на которой была изображена прекрасная дама.

– Эй, – воскликнул он, – кто на свете мог быть прекраснее ее?

– Это была твоя собственная мать, – сказал подошедший к нему отец. – Ее называли Золотой девой, и не было ей равных в красоте на всем свете.

Молодой сын долго смотрел на картину, а потом решил, что пойдет по свету искать такую же деву и, покуда не найдет подобную ей, домой не вернется.

Но отец опять запрещал ему, говорил, чтобы сын оставил эти мысли, и пообещал ему, что сам отправится такую деву искать, какой была его мать. И велел он позвать дворян и советников, чтобы им это объявить, и по всему свету разослал их искать деву так прекрасную, какой была покойная королева. И вот разъехались дворяне на все стороны искать деву. Искали они по всему королевству, за горами, за долами, год прошел, а ничего не нашли.

Снова собрался совет, обсуждали, что делать, чтобы исполнить волю принца, который тосковал по прекрасной деве. Тут встал между советниками старец и сказал так:

– Вижу, что не можете прийти к чему-то одному. Однако принцу Золотую деву найти мы должны, иначе он сам отправится по свету, а там может и пропасть; другого наследника у нас нет, так что останется наш край без головы. Послушайте же, братья, мой совет. Через город наш, как вы знаете, идет много людей из далеких краев. Давайте засыпем все колодцы, оставим только королевский, чтобы каждый, чужестранец ли, свой ли, пил только из него. А у колодца поставим стражу, которая каждого бы спрашивала, не слышал ли кто о Золотой деве. Если такой человек найдется, его сразу отведут к королю.

– Это действительно будет хорошо! – согласились дворяне, выслушавшие совет старца.

Засыпали все колодцы, открытым оставили только королевский и приставили к нему стражу. Люди потянулись к колодцу, и чужие, и свои, ведь один только колодец остался. Каждый брал воду, но должен был ответить на вопрос, не знает ли он о Золотой деве. Долго ничего не могли узнать. Но однажды летом пришел к колодцу путник, весь запорошенный пылью, загорелый и очень страдающий от жажды. И попросил он, чтобы ему позволили напиться. Стража сказала ему, при каких условиях он получит воду, и когда путник согласился, ему подали воду.

– Ну, – сказал путник, – сейчас я вам скажу, что знаю. Много я ходил по свету, много слыхивал, слышал и о том, что есть где-то такая красавица – кто на нее взглянет, какое бы крепкое сердце у него ни было, тут же сомлеет или умрет.

– А не знаете ли, добрый человек, где она и как ее зовут? – спросила стража.

– Точно знаю, что там ее люди называют Магулена, прекрасная дева; а вот где живет, не знаю, а то бы сам отправился туда.

Стражи тут же отвели путника к королю и передали ему все, что рассказал им путник.

– Но действительно ли она так прекрасна, как этот портрет? – спросил король.

– Э, да Магулена в два раза прекраснее! – воскликнул путник. – Ведь если на нее кто-то случайно взглянет, тут же сомлеет или даже умрет.

Как только услышал это принц, тут же сказал отцу, что он сам за ней отправится. Напрасно отговаривал его отец, напрасно все возражали, он не дал себя отговорить. Когда отец понял, что придется ему отпустить сына, попросил он путника, чтобы тот принца сопровождал.

– Э, господин король, – сказал путник, – я это с благодарностью исполню, но только если ваш сын будет меня слушаться и сделает все, что я ему прикажу.

По совету отца принц согласился отправиться вместе с путником. Когда все было готово, принц попрощался с отцом, получил его благословение, и отправились они с путником в дорогу.

Мачеха была рада.

Шли они долгое время через темные горы, холмы и долины, старыми тропами, пока не пришли однажды к темной, заросшей лесом горе.

– Ну, что тут, – произнес усталый принц, – какой ночлег мы тут найдем, тут ни огня, ни норы! Пойдем дальше!

– Залезь-ка на тот бук, не увидишь ли какой-нибудь огонек! – сказал путник принцу.

Принц недолго думая забрался на самый высокий бук и посмотрел оттуда по сторонам.

– Ну, не видно ли где огонька? – крикнул ему путник.

– Ба, и правда вижу, но только очень далеко, – ответил принц.

– Ну, запомни хорошенько, куда идти, пойдем туда.

Как только принц спустился вниз, они тут же двинулись дальше, но тьма была кромешная, шли они долго, пока не пришли к одинокому домику, из окошка которого был виден свет.

Войдя внутрь, увидели они старца, седого, как голубь, который сидел за столом и писал книгу.

– Господь Бог дай вам счастья! – поприветствовали путники старца, но тот даже не двинулся, даже не взглянул на них, только писал и писал, сидя за столом. Путники остались стоять в дверях, ожидая, что он им хоть что-то ответит, но он на них и глаз не поднял, все писал и писал.

– Может, ляжем просто, раз он нам так и так не отвечает, что нам может сделать один старый человек? – сказал принц.

Они улеглись.

Принц уснул быстро, но путник не уснул и наблюдал, что будет делать старец. Старец писал. В полночь в комнату влетели три вороны, они превратились в трех девушек, и были это дочери старца.

– Отец, отец! – закричали они. – Кто это тут ночует?

– Тут ночуют два путника, но это ничего, рассказывайте, – сказал старец.

– Нет, лучше нам не рассказывать, а то нас эти люди могут услышать, – боялись дочери.

– Что бы они услышали, ведь они спят, а если бы и не спали, какое им дело. Так говори же, старшая, где сегодня была и что слышала?

Тут начала старшая рассказывать:

– Была я – была в далеком-широком свете, а там я слышала, что один молодой принц ищет Магулену, прекрасную деву.

– А ты, средняя дочь, где ходила, что в свете слышала? – спросил старец у второй дочери.

– Ходила-ходила я по далекому и широкому свету, а там я слышала, что принц ищет Магулену, прекрасную деву, и что придет он к двум дорогам: одна будет болотистая, а другая хорошая; если пойдет он по хорошей дороге, никуда не попадет, а если отправится по болотистой, прекрасная дева может стать его женой!

– А ты, третья дочь, где ты ходила и что в свете слышала? – спросил старец у самой младшей.

– Ходила я, ходила по далекому-широкому свету, а там я слышала, что принц Магулену, прекрасную деву, не получит, если посмотрит ей прямо в глаза, а получит, только если в первый день посмотрит на ее ноги, во второй день на тело, а в третий день на лицо, иначе все плохо кончится.

Как только младшая договорила, все три дочери вместе произнесли:

– А кто об этом скажет, пусть в камень превратится.

Потом девицы ушли, а старец принялся все это записывать в книгу. Путник все запомнил.

Утром они встали, поблагодарили старца, который снова не обратил на них внимания, и пошли дальше.

И подошли они к двум дорогам, одна была хорошая, а другая болотистая. Принц, конечно, захотел тут же отправиться по хорошей дороге, но путник сказал, что пойдут они дорогой болотистой.

– Э, да что нам по болотистой дороге тащиться, ведь эта ровная, как стол, – заворчал принц.

– Ну да, эта дорога лучше, но ты должен слушать меня, а если нет, не бывать Магулене твоей женой! – сказал путник, и принц нехотя отправился вслед за ним по болотистой дороге.

Долго шли они по этой плохой дороге, еле не сомлели, но все же наконец дошли и очутились у города, в котором жила Магулена, прекрасная дева.

– Ну, ведь мы же тут наконец-то, – обрадовались путники, и даже принц, у которого уже почти пропало желание идти дальше.

Как только они вошли в город, принц хотел немедленно идти к королю и представиться деве Магулене, но путник ему не позволил, сказав, что сначала следует им отдохнуть и освежиться. Когда же они приготoвились, путник ему сказал:

– Послушай, что я тебе велю, и если ты не послушаешься, жизнью заплатишь. Когда войдешь внутрь в светлицу, в которой будет Магулена, не говоря ни слова, опусти глаза наземь. Она будет стоять на возвышении, на которое восходят по ступеням. Ты смотри вверх, на ступени, выше и выше, а когда увидишь ее ноги до колен, дальше не смотри! Будет там для тебя и угощение, и вино, но ты ешь не более трети от всего.

Принц пошел во дворец, вошел в светлицу с опущенными глазами, посмотрел деве Магулене только на ноги, съел треть угощения и выпил треть вина и ушел молча, как и пришел.

На следующий день путник опять стал поучать принца, как ему вести себя. Принц не должен был поднимать глаза на Магулену выше, чем по пояс, а потом мог он съесть только половину угощения и выпить половину вина.

Принц снова все сделал, хотя ему и очень хотелось поднять глаза, но он послушался совета путника.

На третий день путник сказал принцу:

– Сегодня уже третий день, сегодня ты можешь посмотреть ей в лицо, но только потихоньку, не сразу, чтобы ты не потерял сознание. Можешь съесть все угощение и выпить все вино, но держись по-мужски!

Принц с нетерпением поспешил к замку; но как только вошел он в светлицу и взглянул на Магулену, прекрасную деву, тут же в глазах его закружилось, еще немного, и он упал бы ничком, такой свет шел от ее лица.

Когда Магулена увидела, что принц не потерял сознание и не умер, она спустилась вниз со своего возвышения, подала ему руку и любезно с ним заговорила. Пришел король, ее отец, и дворяне, придворные, удивляясь, что принц жив. Король отдал Магулену принцу в жены, но с условием, что он никогда не поедет с ней домой, потому что отец Магулены был королем всех пернатых, понимал птичью речь и знал, что ждет их несчастье, если они отправятся домой.

Принц не хотел соглашаться, но когда Магулена на него посмотрела, отказаться не смог. Пообещал, что домой они не поедут. Была у них шумная свадьба, принц с Магуленой жили в самом прекрасном дворце, и путник, друг принца, с ними.

Сначала принц позабыл об отце, он был слишком счастлив, но потом принялся неустанно требовать от Магулены, чтобы она уговорила своего отца отпустить их к его отцу. Отец не мог им рассказать о том, что их ожидает, он не хотел их отпускать, но поскольку они все продолжали настаивать, все же разрешил. И отправились супруги в дорогу, и путник с ними. И приехали они снова к тому старцу в домик. поприветствовали его, но, когда он, как и в первый раз, на них даже не взглянул, улеглись. Супруги сразу уснули, но путник не спал.

В полночь снова прилетели три вороны, дочери старца. Как и тогда, старец спросил сначала старшую, что она видела и слышала на свете.

– Эй, молодой принц уже везет Магулену, прекрасную деву, – сказала старшая.

Потом старец спросил среднюю.

– Эй, везет, везет, но не довезет, потому что, скажу тебе, ждет его великое несчастье, – сказала вторая.

А третья предсказывала дальше:

– Да, ждет его несчастье, потому что мачеха его – Баба-яга и принца не любит, и Магулену тоже не любит. Когда они приблизятся к замку, она пошлет им кубок с вином, как только они его выпьют, тут же у них сердца разорвутся, а если нет, потом пошлет такого коня, что если принц на него сядет, тот тут же с ним прыгнет в Дунай, а если и это не случится, окажется ночью в их спальне в обличье дракона и убьет их. А кто об этом расскажет, пусть в камень обратится!

– Пусть в камень обратится! – повторили две старшие после младшей.

Старец все записал в книгу, отослал дочерей прочь, а путник все это запомнил.

Утром они встали, поблагодарили старца и ушли. Когда они уже оказались у родного города принца, много людей пришло их встречать, а это были те, кого Баба-яга послала поприветствовать принца с тем самым бокалом вина.

Как только путник это увидел, сразу сказал принцу:

– Не пей ни капли этого вина, а дай тому слуге, который тебе этот кубок поднесет; послушай меня.

Когда пришли слуги и поднесли принцу кубок с вином, говоря, что это вино посылает ему королева в знак приветствия, велел принц слуге отпить из этого кубка. Тот не хотел, но должен был, и как только отпил немного, сердце его разорвалось.

Тут увидел принц, в чем было дело.

Когда они подъехали еще ближе к городу, королева снова прислала слуг, которые вели прекрасного коня для принца, но путник сказал:

– Не садись на этого коня, пусть на него сядет слуга, который его привел.

Принц послушался. Когда слуга хотел передать ему коня, говоря, что это дар королевы, чтобы принц въехал в город на этом прекрасном коне, тот велел слуге сесть на него. И как только слуга на него сел, конь взлетел и понесся с ним в Дунай.

Принц уже знал, что замыслила мачеха.

Когда они наконец пришли в город, то-то все были счастливы, отец не мог нарадоваться сыну и прекрасной Магулене, но и мачеха делала вид, что их приезд для нее великая радость.

И были гулянья, как на свадьбе. Вечером, когда принц с женой уже хотели идти спать, путник сказал:

– Выслушай и послушайся меня, ведь я даю тебе хорошие советы.

– Да, я знаю, брат, что же? – спросил принц.

– Сегодня я лягу спать с твоей женой.

– Ну, это уж нет, брат! – воскликнул принц.

– Ну, раз нет, так нет, но дело будет плохо.

Задумался принц. Ведь путник такие хорошие советы всегда ему давал, принц ни разу не ошибся, когда следовал его словам. И в конце концов он разрешил, чтобы путник остался с его женой в спальне, но только когда она уснет.

Когда она уснула, принц ушел из спальни, а путник туда вошел, держа в руке острый меч.

В полночь двери вдруг отворились, и в спальню ввалился отвратительный дракон, который бросился к ложу, но путник взмахнул мечом и повалил наземь чудовище. Оно издало такой грозный рык, что во всем замке было слышно, путник выбросил его

тело из окна, и оно упало в пропасть. Но потом он наклонился к прекрасной Магулене, чтобы стереть с ее лица кровь дракона, которая на нее брызнула. И в этот момент в спальню ворвались слуги, принц и его отец, которые услышали тот страшный крик. Когда все увидели путника с мечом в руке рядом с Магуленой, на одежде которой была кровь, набросились на него, думая, что он хотел Магулену убить. Король приказал бросить его в тюрьму, а утром казнить. Напрасно бедняга всячески оправдывался, говорил, что не причинил вреда Магулене, ведь на ней и царапинки не было, никто ему не верил, а принц велел говорить правду.

– Ну, если я скажу правду, то окаменею, а если нет, должен умереть, пусть уж вы правду узнаете.

И тут путник рассказал обо всем, что произошло, как они ночевали у старца, как прилетали вороны, как он все узнал от них. Все-все рассказал, а как договорил, так окаменел.

Только тогда принц пожалел о своем недоверии. Он обнимал и целовал каменное тело своего друга.

Старую королеву нашли в пропасти мертвой.

Очень печалился принц и каждый день слезами омывал тело несчастного друга, но камень оставался камнем. Однажды вечером, когда принц возвращался с охоты, снова думая о своем друге, зашумели крылья над его головой, и увидел он трех летящих ворон.

Одна говорила:

– Эй, идет принц домой и не знает, что дома делается.

Другая добавила:

– Эй, и не знает, что ему Магулена, его прекрасная жена, родила сыночка с ясным солнышком на лбу.

– Эй, и не знает, что если кровью этого младенца покропить каменное тело своего друга, заклятие с того будет снято, – сказала третья.

И они полетели дальше.

Принц пришпорил коня и помчался к замку, а тут уж ему навстречу вышли придворные с известием, что Магулена, его прекрасная жена, родила сыночка с ясным солнышком на лбу. И принц, полный радости, побежал к жене и младенцу, а когда поцеловал ее, взял ножик и чуть-чуть уколол своего сыночка в маленький пальчик, чтобы у него капнула кровь, и когда немного

крови накапало, принц помчался на двор и покропил каменное тело своего друга. В тот же миг заклятие было снято, и они бросились друг другу в объятия.

И больше уже ничто не мешало их счастью, и жили все долго и счастливо.

Соль превыше золота

Жил-был король, и было у него три дочери, которых он берег как зеницу ока. Когда голова его стала седеть, а тело слабеть, стало ему часто приходиться в голову, которая из дочерей должна стать королевой после его смерти. Заботило это его немало, потому что любил он всех трех дочерей одинаково. Наконец пришло ему в голову сделать королевой ту, которая его больше всего любит. И он тут же позвал дочерей к себе и сказал им так:

– Девочки мои! Я стар, как видите, и не знаю, долго ли еще буду с вами. Я хочу решить, которая из вас после моей смерти будет королевой. И прежде всего я хотел бы знать, дети мои, которая из вас любит меня больше. Ну же, старшая моя дочь, скажи ты первая, как ты любишь своего отца? – спросил отец, обращаясь к старшей дочери.

– Ах, отче мой, вы мне милее золота, – ответила старшая дочь и ласково поцеловала отца руку.

– Ну, хорошо, а ты, дочь средняя, как ты любишь своего отца? – обратился король к средней дочери.

– Ах, отче мой сладкий, я вас люблю, как свой зеленый веночек! – подтвердила средняя и обняла отца.

– Ну, хорошо, а ты, младшая дочь, как ты меня любишь? – спросил король младшую, которую звали Марушка.

– Я вас, папочка, люблю, как соль! – ответила Марушка и сладко взглянула на отца.

– Ах ты, негодница, ты любишь отца не больше, чем соль? – принялись упрекать ее старшие сестры.

– Как соль, – подтвердила Марушка уверенно и с еще большей любовью посмотрела на отца.

Король же очень разгневался на дочь за то, что она его любит, как соль, такую обычную вещь, которая есть у каждого и которую каждый может себе купить, которую никто и не замечает.

– Иди с глаз моих долой, если ты уважаешь меня не больше, чем соль! – раскричался король на Марушку, добавив: – Когда наступят такие времена, что людям соль станет важнее, чем золото и драгоценные камни, приходи – будешь королевой!

Король-то думал, что такое никогда произойти не сможет.

Марушка привыкла отца слушаться, после его слов она ушла из замка с глазами, полными слез, и сердцем, полным боли.

Жалко ей было, что отец ее выгнал, так и не поняв, что любит она его не меньше, чем старшие сестры. Не зная, куда идти, пошла она, куда ветер дул, через горы, доли и пришла наконец в дремучий лес. Тут вдруг откуда ни возьмись встала посреди дороги старая бабушка. Марушка вежливо с ней поздоровалась, бабушка ее поблагодарила, а как увидела ее заплаканные глаза, спросила, почему она плачет.

– Ах, бабушка, зачем мне вам рассказывать, если вы ничем не можете мне помочь, – ответила Марушка.

– Ну, а ты мне все-таки расскажи, девочка, а я уж совет тебе какой-то дам. Где седина, там и мудрость, – ответила ей бабушка.

Тогда Марушка рассказала бабушке обо всем и в конце концов добавила плача, что не хочет быть королевой, но только одного желает, чтобы отец поверил, что она его любит как раз очень и очень сильно. Бабушка Марушке поверила, ведь она наперед знала, о чем ей расскажет Марушка, потому что это была Мудрая Ведающая женщина – ведьма.

И взяла она Марушку за руку и спросила ее, не хочет ли она пойти к ней на службу. Марушка тут же сказала, что пойдет, ведь ей не было где голову преклонить. Мудрая женщина отвела ее в свою лесную хижину и там прежде всего дала ей поесть и попить. Марушке очень хотелось есть и пить. Когда она наелась и напилась, бабушка ее спросила:

– Ты умеешь пасти овец? А доить их умеешь? Умеешь ли прясть и полотно ткать?

– Не умею, – сказала Марушка, – но если бы вы мне сказали, как это делается, конечно, я все хорошо бы сделала.

– Ну, всему этому я тебя научу, только слушайся меня. И придет время, все это тебе очень пригодится, – так сказала Марушке Мудрая женщина; Марушка пообещала, что будет ее слушаться, и тут же взялась за работу, потому что была она девочка работящая и покорная.

А пока Марушка служила у ведьмы, старшие сестры жили в одних забавах. Они ласкались к отцу, вились вокруг него, каждый день просили его о тех или других вещах. Старшая что ни день наряжалась в дорогие одежды и украшала их золотом, средняя проводила время в

танцах и увеселениях; один бал сменял другой, а дочери меняли одно веселье на другое.

Отец тем временем видел, что дочь его старшая любит золото больше, чем отца, а когда средняя объявила, что хотела бы выйти замуж, понял, что ее зеленый веночек немногого стоит. И тут стал он часто думать о Марушке и вспоминать, как она всегда его любила, как заботилась о нем и как бы он рад был видеть королевой именно ее. В такие минуты ему хотелось за ней послать, если бы он только знал, где она, но о ней не было ни слуху ни духу. Но когда он снова вспоминал, что она любила его, как соль, тут он сразу настраивался против нее.

Однажды снова устраивали во дворце огромный бал; и прибежал повар, совершенно испуганный.

– Господин король, случилось большое несчастье, – сокрушался он. – Вся соль у нас размокла. Чем же я буду солить?

– А что? Разве вы не можете послать за другой солью? – спросил король.

– Ах, государь, ведь сколько времени пройдет, пока возы с солью вернутся из чужих земель. Чем я буду до той поры солить?

– Тогда соли чем-то другим, – сказал король.

– А что солит, как соль, господин король? – спросил снова повар.

Но король не знал, что сказать, он об этом никогда не задумывался и не представлял, что без соли человеку жить тяжело. Разгневался король и выгнал повара, приказав ему варить без соли. Повар подумал, ладно, раз господин хочет, сделаю, как он хочет, и варил еду несоленую.

Гостям ни одно блюдо не понравилось, хотя блюда выглядели очень красиво и были отлично приготовлены. Королю это было очень неприятно.

За солью разослали послов на все стороны, но все они вернулись с пустыми руками и передали королю, что запасы соли подошли к концу, всюду ощущается недостаток соли, и у кого она есть, тот ее не отдает даже на вес золота. Послали возы за солью в чужие земли, а пока они не вернулись, велел король повару готовить такие блюда, для которых соль бы не требовалась. Повар подумал, что будет готовить так, как хочет хозяин, и готовил сладкие блюда, а также такие, в которые не надо было добавлять соль. Но и такие угощения гостям не

нравились, и, зная, что по-другому не будет, один за другим перестали бывать у короля. Дочери очень из-за этого страдали, но ничего не помогало, король не мог приглашать гостей, ведь он, встречая их, не мог им даже хлеба с солью подать, когда они входили. Что ни день, людям подавали на стол блюда без соли, у людей уже пропала охота к еде, каждый мечтал о соли.

Домашний скот тоже страдал, коровы и овцы мало доились, потому что им недоставало соли.

Люди ходили вялые и больные. Сам король и его дочери тоже заболели. Такова была цена соли, что за щепотку ее люди платили самым дорогим, что у них было.

Тут-то и понял король, какой бесценный Божий дар для всех соль, которую он считал вообще ничем, и стала его мучить совесть, что он прогнал Марушку.

Между тем у Марушки в лесной избушке все было хорошо; она ничего не знала о том, что происходит у отца с сестрами, но Мудрая женщина знала обо всем очень хорошо. Однажды сказала она Марушке:

– Девочка моя, как я тебе и говорила, время придет, когда целый свет обойдет; пришло твое время, тебе пора возвращаться домой.

– Ах, добрая моя бабушка, как же мне идти домой, если отец не хочет меня видеть? – проговорила Марушка и заплакала.

Тут ведьма рассказала ей обо всем, что делается дома, и поскольку соль стала дороже золота и драгоценных камней, Марушка может объявиться перед отцом. С неохотой оставляла Марушка Мудрую женщину, которая так ее любила и многому научила, но по отцу она тоже сильно соскучилась.

– Ты честно мне служила, Марушка, – сказала ей на прощание бабушка. – Я хочу тебе добром отплатить. Ну, скажи, чего бы ты хотела?

– Вы хорошему меня учили и хорошо ко мне относились, бабушка. Ничего я у вас не прошу, только соли горсть, чтобы я принесла отцу гостинец.

– И ничего больше ты не просишь? Я ведь могу все исполнить, – спросила Мудрая женщина.

– Ничего больше не прошу, кроме соли, – ответила Марушка.

– Ну, раз ты так уважаешь соль, пусть у тебя никогда в ней недостатка не будет. Смотри, вот тебе прутик; как только задует послеполуденный ветер, иди по ветру, иди через три долины, через три вершины, потом остановись и ударь тем прутиком оземь. Где ударишь, там земля откроется, и ты иди внутрь. Что найдешь там, то считай своим приданым.

Марушка взяла прутик, спрятала его и сердечно поблагодарила бабушку. Кроме того, дала ей бабушка полный мешочек соли, и Марушка приготовилась отправляться в дорогу. Со слезами прощалась она с лесной избушкой и доброй бабушкой, которая ее провожала через лес. Марушка утешала себя только тем, что она за бабушкой вернется и отведет ее в замок. Бабушка этому только смеялась.

– Оставайся доброй и честной, девочка моя, и хорошо тебе будет навеки, – сказала Мудрая женщина, когда вывела Марушку на опушку леса.

Марушка хотела ее поблагодарить, но бабушка уже исчезла.

Очень удивилась этому Марушка, и было ей очень жаль, но тоска по отцу не дала ей замешкаться, она живо поспешила домой. На ней было простое платье, а голова ее была повязана простым платочком, поэтому в замке ее никто не узнал, и к королю ее пускать не хотели, сказав, что он болен.

– Вы только пустите меня, – уговаривала Марушка, – я несу господину королю дар, который дороже серебра и злата и от которого он наверняка выздоровеет.

Сказали об этом королю, и он приказал пропустить ее к себе. Когда она пришла к нему, попросила, чтобы ей дали хлеб. Король велел, чтобы ей принесли хлеб.

– Но соли у нас нет, – добавил он.

– Зато у меня есть соль, – сказала Марушка и, отрезав кусок хлеба, посолила его солью из мешочка и подала королю вместе с мешочком.

– Соль! – обрадовался король. – Э, милая женщина, это особый дар, как мне тебя наградить? Проси все, что хочешь, все получишь.

– Ничего не прошу, папочка, только любите меня, как эту соль! – ответила Марушка своим обычным голосом и сняла с головы платок. Тут король, увидев Марушку, чуть в обморок не упал, он просил дочь простить его, но она его только обнимала и ласкала, не вспоминая плохого.

Тут же по замку и в городе разнеслась весть, что пришла младшая королевская дочь и принесла соль; тут уж каждый обрадовался. Старшие сестры так не радовались сестре, как соли. Они знали, что причинили Марушке зло. Но она ничего им не припоминала, радовалась, что помогла отцу и другим. Каждому, кто приходил, она давала немного соли, а когда отец, боясь за соль, повторял ей, что как бы она все не раздала, она повторяла:

– Ее еще тут достаточно, папочка!

И правда – столько соли бралось из мешочка, а она не убывала.

С короля вся хворь спала, и так он радовался возвращению дочери, что велел немедленно созвать всех старейшин и объявить Марушку королевой, что и все вокруг люди одобрили. И тут, когда Марушку провозгласили королевой – а было это под открытым небом, – она почувствовала, что в лицо ей повеял теплый ветер. Было как раз послеполуденное время. Вспомнила Марушка, что ей бабушка говорила, и, поведав о том отцу, взяла прутик и немедленно отправилась в путь. Шла она по ветру, как ей и было сказано, и когда перешла три долины, три вершины, остановилась и ударила прутиком оземь. Как только она ударила, земля расступилась, и Марушка просто вошла в землю.

И оказалась она вдруг в огромном зале, который был как изо льда вытесан, и пол был изо льда, и были там коридоры, по которым в зал прибежали маленькие гномики с горящими лучинами, приветствуя Марушку:

– Добро пожаловать к нам, королева, мы тебя уже ждем, наша госпожа нам приказала, чтобы мы тебя тут сопровождали и все тебе показали, потому что тут все принадлежит тебе!

Так они вокруг нее стрекотали, прыгали, лазили по стенам сверху вниз, как мушки, и стены всюду в свете их лучинок сверкали, как драгоценные камни. Марушка была очень удивлена и почти ослеплена этим блеском и красотой. Гномики водили ее по коридорам, где с крыш свисали ледяные сосульки, блестящие, как серебро, привели ее в сад, где были красные ледяные розы и дивные цветы. Гномики сорвали одну такую розу и протянули ее королеве, она хотела ее понюхать, но роза не пахла.

– Что же это все такое? – спросила королева. – Ведь я никогда не видела такую красоту.

– Все это – соль, – отвечали человечки.

– Вот как? Правда? Соль растет? – удивилась королева и подумала, что жалко будет брать соль отсюда.

Но гномики догадались, о чем она подумала, и сказали, чтобы она не смущалась и брала соль, сколько ей нужно, и даже если бы всегда брала, соль не закончится. Марушка горячо и сердечно поблагодарила гномиков, а потом вышла из земли наружу, но земля так и осталась открытой. Вернувшись домой, она показала отцу розу и рассказала ему обо всем, что видела и слышала, и тут понял отец, что бабушка одарила ее богатым приданым, гораздо большим, чем он когда-нибудь мог ей дать.

Марушка о бабушке не забыла и, как и обещала, велела запрячь коней в прекрасную карету и поехала с отцом за бабушкой, чтобы взять ее с собой в замок за ее великую доброту. Но хоть Марушка очень хорошо знала дорогу к избушке, они так и не смогли ее найти, обошли лес крест-накрест, искали избушку, как маковое зернышко, но ни следа хижинки не нашли, и о бабушке не было ни слуху ни духу.

Только тогда поняла Марушка, что это была за бабушка.

Соль в мешочке закончилась, но Марушка знала, где находится соль, и сколько бы оттуда соли ни брали, ее оставалось все так же много.

Старшие сестры такого счастья Марушке не желали, но ничего не могли с ней поделать, если бы они даже лопнули от злости. Отец свою Марушку на руках носил, и все ее любили, все благодарили. Но она всегда оставалась скромной и доброй, как прежде, и до самой смерти помнила о бабушке.

О Золушке

Жила-была однажды прекрасная девушка, и звали ее Золушка, потому что она делала в доме грязную работу и была всегда в пыли и золе. Был у нее родной отец, который ее очень любил, но какой с того прок, раз была у нее злая мачеха, а еще хуже мачехи – была сводная сестра, родная дочь мачехи, которая Золушку не любила ни капельки. Все самое лучшее мачеха отдавала своей дочери, Золушке доставались лишь обноски. Дочь мачехи ходила всегда нарядная, в красивых платьях, а у Золушки была лишь дырявая юбочка. Поэтому она не могла выходить из дому, мачеха не позволяла ей даже в храм ходить, так что возилась она все время в золе и пыли, делая всю грязную работу. Но Золушка была доброй девочкой, ни на что не жаловалась, даже если с ней плохо обращались.

Однажды отец ее пошел в город, в замок, уходя, спросил он дочерей, что принести им с ярмарки? Дора, его не родная дочь, велела, чтобы отчим принес ей дорогой наряд и драгоценное украшение, какого ни у одной девушки в городе нет.

– А что тебе, дочка, принести с ярмарки? – спросил отец Золушку.

– А я, папочка, ничего другого не прошу, кроме того, что вас ударит по лицу, когда вы лесом пойдете, – ответила скромная Золушка.

– Ну, девочка моя, это я легко смогу исполнить, – сказал отец, а мачеха и Дора стали высмеивать ее, говоря, что она глупая.

Пошел отец на ярмарку и, когда сделал там все свои дела, купил по собственной воле и ради семейного покоя то, что просила его падчерица, хотя он с большим удовольствием сделал бы этот подарок Золушке. Возвращаясь домой, шел он через лес. Усталый и занятый своими мыслями, не глядя ни направо, ни налево, шел он, не разбирая дороги, и вдруг случайно наткнулся на ореховый куст, и ветка орешника хлестнула его по лицу.

Вспомнив о своей доченьке, набрал он горсть лесных орешков, чтобы выполнить ее желание.

Когда он вернулся домой, дочери выбежали ему навстречу; Дора тут же спросила, что привез он ей с ярмарки, а Золушка просто радовалась, что папочка дома, даже не вспоминая о том, что

попросила ей принести, до тех пор, пока отец не дал Доре дорогой наряд и драгоценное украшение, а ей горсть лесных орешков. Золушка приняла орешки с такой радостью, будто они были из червонного золота.

– У тебя и вправду драгоценный подарок! – засмеялись мачеха и сестра, но Золушка на них не обиделась, а орешки спрятала за пазуху.

На следующий день был праздник, все люди шли в храм, только Золушка должна была остаться дома. Когда она попросила мачеху дать ей какое-нибудь платье, чтобы пойти в нем в храм, та на нее рассердилась:

– И ты, грязная неряха, ты отважилась бы пойти в храм? Дома останешься; у тебя здесь работы полно, и чтобы, когда я вернусь, все было готово, – приказала мачеха и, смешав золу с просом, велела Золушке все хорошенько перебрать.

Когда все ушли, Золушка заплакала и пошла к колодцу за водой, чтобы немножко умыться, пока мачеха домой не вернулась. Когда нагнулась она к колодцу, у нее из-за пазухи выпала горсточка орешков и упала в колодец. Она вскрикнула от испуга и едва не прыгнула в колодец за ними.

– Ах, милые мои орешки, вернитесь ко мне! – жалобно кричала она в колодец, перегнувшись через сруб.

И когда она так плакала и звала, вылезла из колодца лягушка. Оказавшись на краю колодца, она взглянула на Золушку и положила перед Золушкой орешек, который был у нее во рту.

– Ах ты, милая лягушечка, сестричка моя, ты мне орешек принесла? – обрадовалась Золушка и протянула руку к орешку.

– Тебе принесла, тебе, – ответила лягушка. – Расколи его, а то, что найдешь в нем, то твое.

Сказав это, лягушка прыгнула назад в колодец.

Золушка расколола орешек и от радостного удивления чуть не упала в колодец, когда увидела, что оказалось в орешке. В нем было солнечное платье.

– Ах, какая красота! – воскликнула она – И это мое! Сумею ли я надеть это платье? Но я ведь должна сделать работу, которую мне велела выполнить мачеха! – опечалилась Золушка, но только на один миг. Она поспешила с орешком в избу, и следом за ней шесть голубок

слетело с крыши и влетело за ней в избу. Три из них стали выбирать просо из золы, а три принялись одевать Золушку.

Умывшись и надев солнечное платье, она вся засияла. Когда три голубки ее одели, а другие три перебрали все просо, Золушка сердечно их поблагодарила, они проводили ее за порог и снова уселись на крыше.

– Мгла за мной, мгла предо мной, а солнышко Божье надо мной! – сказала Золушка, выходя за ворота, и поспешила в храм. Как только она вошла в храм, все глаза обратились на нее, и люди спрашивали друг у друга:

– Кто эта девушка?

Но никто ее не знал, не узнали ее ни отец, ни мачеха, ни сестра. Был в храме и молодой князь. Как только Золушка вошла в храм, он не спустил с нее глаз. Когда служба закончилась, он последовал за ней по пятам, но едва она переступила порог, тут же исчезла.

Он спрашивал всех вокруг, чья это прекрасная девушка была тут только что, но никто не мог ему ничего сказать. И он решил, что в следующее воскресенье обязательно ее подкараулит в храме. А Золушка, как только вышла из храма, пустила мглу за собой и мглу перед собой и, прибежав домой, быстро сняла солнечное платье, спрятала его в орешек, а орешек спрятала под камень у колодца и воскликнула:

– Лягушечка, сестричка моя, прошу тебя, постереги мое платье!

После этого она быстро побежала в дом, надела рваную юбочку, голову повязала серым платком, и, когда мачеха вернулась домой, нигде и следа не оставалось от того, что там происходило. Мачеха очень удивилась, что Золушка уже полностью справилась с работой.

Дора не говорила ни о чем ином, кроме как о прекрасной девушке, которая была в храме, но когда Золушка ее попросила описать девушку, сказать, кто она и откуда, она разозлилась:

– Да как ты смеешь о ней говорить, ты, оборванка! Копайся в своей золе, не твое это дело!

Золушка знала больше, чем они, но даже отцу ничего не сказала и уже не была такой грустной, как прежде.

На следующей неделе Золушка снова попросила мачеху, чтобы ее взяли в храм, но как всегда, так и на этот раз мачеха сказала, что там ей делать нечего, и, велев ей вместо посещения храма перебирать мак

из золы, четверть доброй меры, сама с дочерью отправилась в храм. Как только мачехи след простыл, Золушка тут же поспешила к колодцу. Ей не понадобилось даже звать. Лягушка уже сидела на краю и сразу же положила второй орешек ей в руку, сказав, чтобы она разбила и этот орешек, а что в нем найдет, то ее. После этого лягушка прыгнула в колодец, а Золушка разбила орешек. В нем было лунное платье, как из серебра.

– Ах, какая красота! – воскликнула удивленная Золушка. – Но я не смогу сама надеть это платье. Может быть, вы мне, голубки, сестрички мои, снова поможете?

И шесть голубок тут же слетели вниз с крыши и полетели за ней в дом.

Три ее одевали, а три мак из золы выбирали.

Как только три голубки ее одели, другие уже весь мак из золы выбрали. Золушка их сердечно поблагодарила, они проводили ее через порог, и она, пустив мглу перед собой и мглу за собой, а солнышко оставив над собой, поспешила в храм.

Ее уже ждали, а уж молодой князь дождаться не мог. Ничего не стоила его набожность. Золушка тоже на него плюнула, но только так, вполглаза, а как только служба в храме закончилась, быстро собралась уходить. Хоть на этот раз князь и был быстрее, но она исчезла прямо из-под рук. Но был очень опечален, что не только не может ее никак задержать, но даже и узнать, кто она и откуда.

И решил он в следующий раз использовать хитрость.

Золушка между тем поспешила домой, платье уложила в орешек, орешек спрятала под камень у колодца рядом с другим и, когда мачеха вернулась, уже возилась в золе.

Тут снова пошли разговоры о прекрасной девушке и о прекрасном князе, как он о ней спрашивал и как ее искал, и Золушка покраснела, как роза, а потом побледнела, как лилия, хорошо еще, что она была в платке и никто не увидел, какие у нее под платком локоны.

И поскольку весь день в доме только и было разговоров, что о князе и незнакомке, и если кто заходил, то тоже говорили все о том же, то Золушка спросила, не могла бы она в следующий раз пойти с ними, потому что ей тоже хочется посмотреть на красавицу, но мачеха и Дора тут же на нее зашипели, как змеи, что, мол, она этого не достойна.

Настало третье воскресенье, и снова Золушка просила мачеху, чтобы та взяла ее в храм, но мачеха грязно ее обругала, смешала золу с льняными семенами и приказала все перебрать. Золушка не сказала ни слова, проводила мачеху с дочерью, а сама поспешила к колодцу, где ее уже ждала лягушка, у которой во рту был последний орешек.

– Разбей его, и что найдешь в нем, то твое, а меня уж больше не увидишь, – сказала лягушка.

– Ах ты, милая лягушечка, сестричка моя, как же я тебя отблагодарю?

– Мы тебе служили потому, что ты была добра к нам, а потому и счастлива будешь! – после этих слов лягушка прыгнула в колодец.

Разбила Золушка орешек, а в нем было платье из звездочек, казалось, что все оно состояло из драгоценных камней.

– Ах, какая красота! – воскликнула обрадованная Золушка. – Поможете ли вы мне, мои милые сестрички, голубки, одеться в это платье?

– Поможем, поможем и работу за тебя сделаем, ты ведь была к нам добра, – ответили голубки и, слетев с крыши, полетели за ней в избу.

Три голубки выбирали из золы семена, а три ее одевали. Когда три голубки одели ее, три других закончили свою работу.

Горячо и сердечно поблагодарила Золушка голубок и со словами:

– Мгла за мной и мгла передо мной, а солнышко надо мной! – вышла за двери и поспешила к храму.

С тоской ожидал молодой князь, любопытствовали остальные люди, придет ли снова прекрасная девушка, а она тут как тут – пляньте – незаметно пришла и стоит на своем месте, как ясная звезда, которая вечером первая появляется на небосклоне.

Радовался князь, что на этот раз она от него не уйдет, и Золушка несколько раз взглянула на князя, думая, что видит его последний раз. Он ей нравился, а как же иначе, когда он был такой красивый и всем людям нравился. Поэтому она и поспешила покинуть храм, как и прежде.

Но на этот раз князь преградил ей путь. Как только вышла она из храма, он подошел к ней и попросил, чтобы она ему открыла свое имя и позволила ему проводить себя до дома. Золушка, сама не зная почему, не смогла и слова молвить, хотя и рада была бы что-то сказать. Когда он попросил, чтобы она позволила хоть немножко ее

проводить, она завертела головой, пустила за собой и перед собой мглу и исчезла перед его глазами.

Но кое-что от нее осталось: ее маленькая золотая туфелька увязла в смоле, которой он велел намазать дорогу перед храмом, чтобы она не смогла от него убежать. Не заметив ловушку, она наступила на смолу, и тут же золотая туфелька завязла. Она оставила туфельку и побежала скорее домой. Едва успела она переодеться и уложить платье в орешек, уже мачеха и Дора тоже были дома. Из их разговора Золушка поняла, кто туфелька ее у князя и что он все это специально подстроил; ей хотелось на него рассердиться, если бы ее доброе сердце позволило ей это. Ведь у нее была только одна пара башмачков, которые были вместе с солнечным платьем, при других платьях башмачков не было, поэтому было ей их очень жалко, ведь без туфелек она и в платье нарядиться не могла.

Вскоре разнеслась повсюду весть, что князь ходит от дома к дому и что каждая молодая девушка должна примерить тот башмачок. Которой он будет впору, та станет его женой, потому что князь уверен, что только та сможет его надеть, которой он принадлежит.

– А может, он на меня налезет, а, мам? – спросила Дора у мамы.

– У тебя большой палец, девочка моя, но ты из-за этого не расстраивайся, если башмачок будет тебе мал, мы можем отрезать тебе палец, – решила мамочка.

Когда князь обошел все дома и не нашел ногу, которой подошел бы башмачок, подошел он напоследок и к дому, где жила Золушка. Золушка тоже хотела зайти в комнату, посмотреть, но мачеха выгнала ее прочь и засунула ее под корыто.

Дора примерила башмачок, но он ей не подошел из-за пальца. Тогда мамочка обрезала ей палец, башмачок налез, но от боли она и шагу ступить не могла, однако с огромным трудом она все же прошла по комнате, потом плюхнулась на стул. Князь, увидев, что башмачок налез, и не зная, что ради этого ей пришлось отрезать палец, подумал, что, наверное, это она, хотя Дора никоим образом не походила на ту прекрасную девушку.

– А больше у вас нет дочерей? – спросил он еще раз у матери.

– Нет, только эта, – ответила мачеха.

Старый отец и рад был бы сказать, что у него есть красавица-дочь, но он боялся жены.

И тут петух в сенях закукарекал:

– Кукареку, кукареку, прекрасная девушка под корытом, уродина за столом!

Мачеха погналась за петухом, но князь понял, что пропел петух, и велел отцу привести другую дочь. И позвал отец Золушку из-под корыта, но она убежала к колодцу, сказав, что ей надо умыться. Там она быстро раскрыла орешек, в котором было солнечное платье, быстро набросила его на себя, другие два орешка спрятала за пазухой и в одном башмачке вошла в дом, где князь с нетерпением ждал девушку-замарашку, как ему сказал отец. И тут – глядь – удивление и радость: незнакомая прекрасная девушка сама входит в двери, и все узнают Золушку.

Старый отец заплакал от радости, глядя на свою Золушку, а князь тут же подошел к ней и крепко взял ее за руку, не собираясь больше отпускать.

Дора и мачеха шипели от бешенства, особенно когда Золушка рассказывала, как она получила эти платья. Башмачок забрали у Доры, и Золушка примерила его. Он сел на ногу как влитой.

Князь немедленно попросил, чтобы она вышла за него – лучшей жены он и желать не мог. Золушке нравился молодой князь, отец с радостью ее благословил.

Когда Золушка садилась в карету, оглянулась она еще раз на колодец, благодаря добрую лягушечку. А петушок и голубки, когда Золушка выезжала за ворота, расправили крылья и полетели за ней, петушок сел на карету, а голубки летели над ней.

Старого отца князь тоже взял с собой, а злая мачеха и гордячка Дора остались одни в пустой избе – без любви и без радости.

О солнышке, месяце и ветре

Жил-был однажды король, и был у него сын и три дочери. Как-то раз король с королевой должны были на три дня уехать из замка; король передал замок и дочерей сыну и строго-настрого приказал, чтобы никаких неприятностей не происходило за то время, пока их нет. Но как только король выехал из замка, принц Силомил побежал к сестрам. Нашел он их в саду.

– Эй, девчонки! – закричал он уже издалека. – Теперь три дня можем играть, сколько захотим. Я король, а вы должны меня слушаться.

– Да кто с тобой будет играть, – отозвались на это его сестры, похожие одна на другую, как бутончики розы. – Ты вечно вредничаешь, дразнишь нас, оставь нас, мы тебя слушаться не будем.

– Ну, раз не будете слушаться, не получите ни еды, ни питья, и я велю вас запереть в ваших комнатах, будете там оставаться, пока родители не вернуться.

– Ну, подожди, жестокий! – закричали девчата. – Мы тебя накажем.

Наломали они веточек, нарвали цветов и принялись бросать в брата; тот убежал и снова гнался за ними, так они подшучивали друг над другом, а порой и по-настоящему сердились до самого вечера.

– С этими девчонками одно беспокойство! – сказал молодой заместитель короля, ложась на ложе. Тут тихонько отворилось окошко, и кто-то прошептал:

– Чтобы не было у тебя завтра беспокойства с тремя, отдай одну мне.

– Да очень просто; а ты кто? – спросил принц, который думал, что с ним кто-то шутит.

– Я Король солнца и хочу твою сестру взять в жены.

– Тогда подожди немножко, я тебе ее принесу. Для нее это будет великая честь – стать такой могучей королевой.

Он побежал в спальню, в которой спала самая старшая из принцесс, взял ее на руки, отнес в свою комнату и через окно положил ее наружу. Но принцесса не упала наземь. Солнце, ее жених, взял ее на свои горячие руки и отнес по золотому мосту в солнечный дворец.

Утром, когда сестры встали, Силомил сказал им, что произошло с их сестрой. Ой, какие тут начались крики и угрозы, принцу просто плохо сделалось; целый день они с ним не разговаривали, только когда уходили спать в свои покои, повернулась средняя сестра к брату и шепнула ему:

– Если к тебе ночью снова явится жених, не прогоняй его.

– Посмотрим! – подумал Силомил. – И кто бы мог подумать, что сестрам понадобятся женихи; утром делали вид, что со мной до конца жизни слова не скажут, а теперь сами просят.

Войдя в свою комнату, он улегся, но уснуть не мог, потому что все ждал нового жениха. К полуночи кто-то опять постучал в окошко, и Силомил тут же отозвался:

– Кто там?

– Я Король месяца и прошу твою сестру в жены.

– Подожди, подожди, я быстро схожу за ней.

И он побежал за сестрой, отнес ее вниз и положил за окно. Месяц взял ее на руки и понес по серебряным облакам до своего лунного дворца.

Утром, когда Силомил проснулся, он рассказал оставшейся в одиночестве сестре обо всем, та плакала, грозила ему отцовским гневом. Но когда настал вечер, она тоже попросила, чтобы он позаботился о женихе для нее. Когда принц опять улегся, кто-то с силой постучал в окно.

– Вы тоже пришли за сестрой? – быстро спросил принц.

– Да, если ты отдашь ее мне.

– А кто ты?

– Я Король ветра.

– Ну, зятя у меня будут отличные, – подумал Силомил и побежал за младшей сестрой.

Когда он положил ее за окно, взял ее ветер в объятия, сел с ней в сине-голубую карету, запряженную в четыре буйных коня. Только король с невестой уселись в нее, кони вознеслись с ними по ветру.

На следующий день, когда король с королевой вернулись домой, принц побежал им навстречу; и удивился король, почему не идут с ним принцессы, и спросил он Силомила, где они?

– Милый отец, – ответил тот, – я всех их выдал замуж.

– Что ты такое говоришь! – воскликнули родители.

– Правду! Одна из них теперь Королева солнца, другая – Королева месяца, а третья – Королева ветра.

И тут принц стал рассказывать, как все это получилось.

Когда родители слышали о великом счастье своих дочерей, они сменили гнев на милость и только за одно упрекали теперь сына: за то, что он не дождался, когда они вернутся. Принц вскоре стал очень скучать по сестрам и решил он, что пойдет по свету искать себе жену. Долго отец не хотел ему это разрешить, но королева была на стороне сына, и король дал согласие. Силомил взял денег, сел на коня и пустился по свету.

Однажды, когда ехал он уже много дней, оказался он на зеленом лугу, на котором лежало множество мертвых тел. И задумался он, что там такое произошло, была ли это какая-то битва или что-то другое? Поехал он дальше и тут увидел за холмом прекрасный замок. Он с радостью к нему направился. У открытых ворот сидел старичок, который, когда Силомил подъехал к нему, сказал так:

– Ох, господин, вы с такой радостью едете в этот замок, разве не знаете, что там вас смерть ждет?

– Почему? Кто живет в этом замке?

– Там живет прекрасная принцесса, которая настолько сильна, что может одолеть целое войско; только вот на днях встретила с одним могучим королем, который хотел по-хорошему или по-плохому в жены ее взять, и она согласилась выйти за него замуж, но с условием: если он ее одолеет. Но разве мог кто подумать, что она победит короля да с целым войском? Она ведь всех одолела. Как же вы один от нее защититесь?

– Ну, как-нибудь, попробую, – ответил Силомил и отправился в замок.

Во дворе он слез с коня и беспрепятственно направился к замку. В одном роскошном зале на стене висел меч, который сам выскакивал из ножен.

– Ты должен очень любить колоть и сечь, – сказал Силомил, – мы друг другу подходим, иди ко мне.

Проговорив это, он вытянул беспокойный меч из ножен, а на его место вставил свой. Едва он это сделал, из соседнего покоя вышла прекрасная дева и, увидев незнакомца, гордо обратилась к нему:

– Как ты отважился войти в мой замок? Знаешь ли ты, что тебе смерть грозит?

Пораженный ее красотой, Силомил даже не понял сначала, что она ему сказала, только когда она повторила свои слова, ответил ей:

– А почему бы мне грозила смерть? Разве ты, такая прекрасная панна, могла быть такой жестокой, что захотела бы меня убить?

– Убивать тебя я не хочу, но ты должен со мной сразиться, если ты победишь, я стану твоей узницей, и все, что здесь увидишь, будет принадлежать тебе, если же нет, должен будешь умереть.

– Я согласен, – ответил принц. – Бери меч.

Принцесса подскочила к стене, вытащила меч из ножен; обьятая рвением, она даже не заметила, что это не ее меч. Но едва она своим мечом дотронулась до меча принца, как меч в ее руке переломился надвое и выпал из ее руки.

– Ой, беда! – воскликнула принцесса. – Теперь я твоя узница.

– Ни в коем случае, – сказал Силомил. – Ты победительница, я твой раб, делай со мной, что хочешь, только не выгоняй меня отсюда.

– Нет, этого я не сделаю; теперь ты господин, а я тебя буду слушаться.

– Если бы я мог тобой повелевать, знал бы, что тебе приказать.

– И что же? – спросила принцесса, хотя хорошо знала, какой ответ получит.

– Чтобы ты меня любила и вышла за меня замуж.

– С удовольствием выполню твое приказание, – сказала принцесса и протянула ему руку, – потому что ты мне нравишься; сильного и удалого мужа я всегда и желала, а ты мне доказал свое удалство.

Силомил, преисполненный радостью, подбежал к принцессе и стал целовать ее руки, однако та сказала:

– Прежде, чем состоится наша свадьба, позволь мне на семь дней уехать из замка.

– А куда поедешь?

– Об этом мне нельзя говорить. Вот тебе ключи от всех покоев и складов, что есть в замке; только одну комнату, которая заперта на этот вот золотой ключик, открывать нельзя, если хочешь, чтобы я стала твоей женой.

Взял Силомил ключи и пообещал, что в комнату не заглянет, после этого попрощался с принцессой, и она покинула замок. В первый день

принц ходил по замку, разглядывал сады, разговаривал со слугами, забавлялся, так и первый день прошел. На следующий день он уже заскучал, и долгое время он почти ни о чем ином не думал, как о той комнате, в которую запретила ему заглядывать любимая.

– Наверное, она хотела меня проверить, – сказал он себе, вертя в руках золотой ключик. – Что бы там такого должно быть, чтобы будущему мужу увидеть было нельзя? А ведь и не узнаешь, пока не поглядишь.

Так беседовал Силомил сам с собой. Наконец он отвязал ключик и направился в ту самую комнату. Когда он открыл дверь, обнаружил там человека, прикованного к стене раскаленной цепью.

– Кто ты и что здесь делаешь? – спросил принц.

– Ах, пожалуйста, помоги мне выйти отсюда. Я Король огня, меня победила в битве могучая принцесса. Я влюбился в нее, но хотел бежать, потому что все мои люди пали в битве, а меня она догнала и, плененного, приковала тут.

Силомилу показалось неправильным освободить прикованного короля, но тот так просил, умолял хоть на минуточку облегчить его участь, и Силомил смилостивился над ним и разрубил цепь мечом. Оказавшись на свободе, король тут же исчез из комнаты. Вот тут-то Силомил испугался, он быстро побежал во двор и смотрел, нет ли где беглеца, но напрасно. С огромным страхом ждал он теперь свою невесту, но та не возвращалась. Уже минуло дважды семь дней, а ее все еще не было! Только тогда он понял, что дело плохо, что исполнились слова его любимой, стал он беспрестанно жаловаться и горевать, но ничего не помогало. И тут вспомнил он о своих зятях, не знают ли они, где она сейчас, и не помогут ли найти ее. Он сразу же приказал, чтобы оседлали ему самого быстрого коня, и стрелой помчался из замка. Прежде всего пришел он к Королю солнца и был с радостью принят сестрой и зятем. Первое, что он спросил, не знают ли они о сильной принцессе?

– Милый брат, этого я не знаю. Может быть, о ней знает другой твой зять, месяц; если хочешь, я тебя к нему провожу.

Силомил с радостью принял это предложение, и Король солнца отнес его на золотых крыльях к зятю месяцу.

– Приветствую тебя, зятек, какими судьбами ты тут?

– Ах, милый зять, потерялась моя невеста, и я не знаю, где ее искать, пришел я к тебе на совет. Король солнца не мог мне ничем помочь, вот думаю, не знаешь ли ты что-то о ней?

– Милый мальчик, – ответил Король месяца после краткого раздумья, – я тоже ничего о ней не знаю, но зять ветер наверняка видел ее следы, ведь он дует повсюду. Хочешь, я отнесу тебя к нему?

– Если ты будешь так любезен, я буду этому очень рад.

Они ненадолго зашли и к сестре, которая Силомила с радостью обняла и стала расспрашивать о тысяче вещей. Но он спешил и все просил зятя отправиться поскорее в путь. Тем временем Король солнца вернулся к себе домой, а король-месяц отнес Силомила на серебряных облаках к Королю ветра. Когда Силомил оказался у дворца Короля ветра, там как раз стояло четверо буйных коней, запряженных в сине-голубую карету.

– Смотрите-ка, смотрите-ка, это кто же к нам пожаловал! Что тебя к нам привело? – так с удивлением спросил Король ветра и позвал жену, которая с огромной радостью приветствовала брата.

– Милый зять, я вот с какой просьбой прибыл к тебе: не мог бы ты мне рассказать о моей невесте, сильной принцессе; она у меня потерялась, возможно, ты будешь знать, где она.

– Конечно, я знаю, – ответил Король ветра, – да только зачем тебе это, если ты ее оттуда не вызволишь?

– А где она?

– Она прикована глубоко под землей в одном огненном замке; тот человек, которого ты от цепей освободил, был королем, она его победила, а оказавшись на свободе, он пустился за ней в погоню и, когда догнал, утащил ее в свой огненный замок и там из мести приковал. И поверь, она давно бы зажарилась там, если бы он не охлаждал ее время от времени.

– О, и мучается она из-за того, что я ее не послушал! Это только моя вина! – жаловался бедный принц. – И что, нет никакой возможности ее оттуда освободить?

– Есть один способ, послушай, я тебе о нем скажу. У Короля огня есть быстрый конь, который, даже если бы ты был на сто миль впереди него, все равно тебя догонит. И ничего бы не помогло, даже если бы ты сел на самого свежего коня и захотел невесту свою увезти оттуда. Король вскочит на своего быстроходного коня и моментально тебя

догонит. И вам будет еще хуже, тут сомнений нет. Значит, тебе нужен конь, который будет быстрее королевского.

– А где же я возьму такого коня?

– Такой конь есть у одной колдуньи. Но она очень злая и многих людей, которые о чем-то ее просили, лишила жизни; тем не менее можешь попробовать; я тебя донесу к одному замку, но сначала мы с Королем солнца и Королем месяца кое-что тебе посоветуем. Остайся пока у моей жены.

– Пойдем, братик, пойдем! Поешь немного на дорожку, чтобы силы прибавились, и Расскажи мне, что делают папа и мама, – говорила сестра и вела Силомила во дворец.

Ветер сел в облачную карету, кони встряхнули блестящими гривами, гордо взвились и полетели. Силомил еще не всю историю рассказал сестре, а Король ветра уже вернулся.

– С чем ты пришел? – спросил принц с нетерпением.

– С доброй вестью; вот тебе палка, наполовину золотая, наполовину серебряная, спрячь ее на память от нас. Когда ты потребуешь нашу помощь, сунь ее в землю до половины, и мы тебе поможем. Поверь и смело положишься на нас, мы тебе не дадим пропасть.

Силомил быстро вскочил, попрощался с сестрой и сел в карету к королю. Три дня и три ночи ехали они без устали, пока не приехали к долине, где жила колдунья. Там кони спустились вниз, и Король ветра попрощался с братом жены. Буйные, не знающие устали воронье фыркнули и исчезли с глаз.

Силомил мужественно приближался к замку, который стоял между черными скалами. Вместо садов около замка были болота и засохшая потрескавшаяся земля, на которой даже чертополох не рос, вместо крепостной стены стоял черный забор, на нем повсюду было что-то насажено. Силомил пришел в ужас, когда, подойдя поближе, обнаружил что это были человеческие черепа! Тут ворота отворились, и навстречу ему вышла колдунья, вместо волос извивались у нее на голове змеи, в глазах ее сидели василиски^[13], а когда она открыла свой запавший беззубый рот, из него вылезло змеиное жало, нос у нее был как орлиный клюв, лицо сморщенное, а торчащий подбордоу был покрыт рыжими волосками. На сторбленном ее теле висели серые лохмотья, подпоясанные змеей.

– Что ты здесь ищешь? – спросила она Силомила хриплым голосом.

– Хочу к тебе на службу, – ответил он, трепеща в ожидании ее ответа.

– На службу, хм! А знаешь ли ты, какая у меня служба?

– Нет, не знаю, но думаю, что я смогу.

– Служба у меня длится только три дня и три ночи, но те, кто не выполнит мои приказы, заканчивают свои дни как те, чьи черепа ты здесь видишь, – и сказав это, она указала костлявым пальцем в сторону страшного забора. Ногти на ее пальцах были три дюйма длиной. – А какую плату ты просишь?

– Только конька, который у тебя спрятан.

– Если выполнишь мои задания, получишь его, – сказала старуха, и василиски прыгали в ее глазах от радости так, что один чуть не выскочил из глазницы.

В первый день повела его колдунья в конюшню, где стояло двенадцать железных жеребцов, и сказала ему:

– Этих жеребцов выгонишь во двор за замком, и если вечером хоть одного недосчитаюсь, жизнь потеряешь.

После этого она стегнула каждого жеребца кнутиком, и они сами побежали в загон. Это была все-таки тяжелая работа для нового слуги, потому что жеребцы разбежались, едва выскочили за ворота, и, конечно, он бы их не смог созвать, если бы не помощь его зятьев. Он все время помнил о них и тосковал. И в минуту наибольшей тоски вспомнил он о полузолотой и полусеребряной палке, которую от них получил. Он тут же вытащил ее и воткнул в землю. И в ту же минуту солнце начало так немилосердно палить, что жеребцы сами поспешили во двор, где было прохладно. Вечером, когда бабка-колдунья пришла за ними, очень удивилась, что все собрались, но Силомилу она не сказала ни слова.

На другой день она снова отвела его в конюшню, где стояло двадцать четыре жеребца.

– Этих жеребцов ты опять выгонишь на двор, и если вечером хоть одного недосчитаюсь, лишишься жизни.

Так колдунья сказала принцу, потом она стегнула каждого кнутиком, и они, как бешеные, понеслись на двор. Но на этот раз Силомил был хитрее. Чтобы они не разбежались, он сразу воткнул

палку в землю. Тут поднялся такой ветер, что кони не могли от него спрятаться и остались стоять на дворе. Вечером, когда бабка всех пересчитала, велела она слуге загнать их в конюшню; но в сердце ее скопилась уже жуткая злоба. И размышляла она, что бы такое задать ему на третий день, чтобы он с заданием не справился.

Поздно вечером принц вышел из замка. Тут встретил его месяц и сказал ему:

– Завтра у тебя будет изнурительная работа: ты должен будешь подоить двенадцать диких коров и сделать из их молока ванну для колдуньи. Она тебе велит, чтобы ты выкупался в этой ванне первым; сделай это без страха. Теперь иди за крепостную стену, туда, где сильнее всего мой свет светит, там ты найдешь золотой кнут, выкопай его, спрячь хорошенько, а когда должен будешь доить коров, каждую стегни им и увидишь, что будут они стоять, как бараны; а когда потом оттуда поедешь на коньке, выкупай его в ближайшем пруду, а потом поезжай за своей невестой.

Силомил поблагодарил любезного зятя и быстро пошел за кнутом. Неподалеку от замка месяц светил ярче всего в одном месте, где стояла высокая липа, там принц и начал копать и вскоре нашел золотой бич. Он хорошо его спрятал и пошел спать. Рано утром колдунья разбудила его и повела на двор в хлев, где было двенадцать коров, которые как дикие носились по хлеву и ужасно мычали.

– Этим коров ты должен подоить, а из их молока сделать для меня ванну, – велела бабка и ушла.

Силомил взял кнут и стегнул им каждую корову. Все они встали перед ним, как бараны, и дали себя подоить. Когда он наливал молоко в бадью, оно было такое горячее, что почти кипело. Потом он пошел за колдуньей; та вся тряслась от злости и побежала на двор, чтобы убедиться, правда ли это, потому что не думала, что Силомил сможет удержать этих диких коров. Но она увидела, что он сделал все именно так, как она приказала. Тогда она сунула палец в горячее молоко, потом сказала принцу:

– Теперь ты должен в нем выкупаться.

Она думала, что принц испугается.

– Почему бы и не выкупаться? Но прежде, чем я влезу в ванну, приведи мне сюда того конька, чтобы я был уверен, что он у тебя действительно есть.

Бабка пошла и через минуту привела коня, но он был такой весь измазанный и исхудавший, что принц и поверить не мог, что этот конь может быть самым быстрым на свете. Взял он его за узду, привязал к столбу и влез в ванну. Тут повеял ветерок и охладил молоко, так что Силомил смог искупаться. Когда он выкупался, стал в семь раз прекраснее, чем прежде, так что и так каменная душа влюбилась в него. И подумала:

– Погоди-ка, теперь я влезу в эту ванну и буду тоже в семь раз краше, а потом этого парня оставлю здесь.

И сказала она Силомилу:

– Раз ты все так хорошо исполнил, возьми себе этого конька, но не уходи отсюда, пока я не искупаюсь.

Когда же влезла она в ванну, солнце начало палить так горячо, что молоко заклокотало, закипело, бабка кричала и хотела выскочить из ванны, но не могла из-за солнца, которое так сильно направило на нее свои лучи, что казалось, будто потоки пламени изливались на нее со всех сторон. И она наполовину сварилась, а наполовину испеклась. Но Силомил не был так глуп, чтобы помогать ей; как только она влезла в ванну, он сел на коня и стремглав помчался из замка.

Когда же приехал он к ближайшему пруду, слез он с коня и выкупал его. И гляньте-ка! Какая перемена! Тот грязный и тощий конь оказался белым, как снег, и гладким, как бархат, грива его и хвост были из блестящих серебряных нитей, ноги его были как струнки, а подковки его были из красного золота; он прядал ушами и мотал головой так, что серебряная грива его летала вокруг его шеи. Теперь Силомил вскочил на него с радостью и помчался по долине так, что только искры из-под копыт сыпались.

Вскоре Силомил очутился в замке Короля огня, где увидел свою прикованную невесту. Она умоляла его, чтобы он убежал как можно быстрее, иначе король его убьет, но он вытащил меч, разрубил цепь, обнял ее, усадил на коня перед собой и поскакал прочь. В это время король как раз смотрел в окно и увидел, как по дороге, ведущей от замка, скачет среброгривый конь, а на нем принц с освобожденной принцессой. В бешенстве, вне себя от ярости ринулся он на двор, вскочил на своего быстрого коня, желая их догнать. Но на этот раз он ошибся! Среброгривый конек был уже так далеко перед ним, что его можно было принять за белую голубку; напрасно пришпоривал

Король огня своего быстрого скакуна, тот не мог догнать беглецов, а тут ко всему еще и солнце палило так, что пот с него градом лился. Но король не хотел дать ему передохнуть. И тут вдруг поднялся такой ветер, что король вместе с конем вознеслись в воздух, их закружило и понесло назад, к огненному замку, у которого загнанный конь упал бездыханным. И поклялся король, что до самой своей смерти не будет вредить сильной принцессе.

Тем временем конь с серебряной гривой примчал принца и принцессу в их замок. Челядь их радостно приветствовала. Но Силомил там не остался; на следующий же день он снова сел вместе со своей любимой на сереброгривого коня, и тот принес их к его родителям. Они, бедные, думали, что сын их давно мертв, потому что о нем не было ни слуху ни духу. Какова же была их радость, когда увидели они своего единственного сыночка, который стал краше прежнего, да еще с такой прекрасной невестой! Это каждый легко себе может представить.

На свадьбу, которую праздновали шумно и роскошно, прибыли и Король ветра, Король солнца и Король месяца вместе со своими женами, которых Силомил сердечно благодарил за их помощь. После свадьбы супруги снова поехали в свой замок, где жили в покое и довольстве. Сереброгривый конек тоже жил прекрасно, и еще внуки короля Силомила любили поиграть с его серебряной гривой и на нем ездили.

Ян Неруда

Биографическая справка

Ян Неруда (9 июля 1834 г. – 22 августа 1891 г.) – выдающийся чешский поэт, писатель, журналист, драматург, литературный критик.

Вся жизнь Яна Неруды – творческая и личная – связана с Прагой. Он родился на Малой Стране, учился в малостранской гимназии, а потом и в Академической гимназии, которая находилась тогда в знаменитом Пражском Клементинуме.

Ян Неруда, одинаково блестяще владея чешским и немецким языками, некоторое время работал учителем чешского и немецкого языка. Как журналист, он начинал работать в немецких изданиях и только позже – в чешских. Чешский язык он осознанно выбрал языком своего творчества, несмотря на советы друзей творить на немецком, что принесло бы ему большую известность и славу. Его мечта выражена в словах: «Я хотел бы светить человечеству дальше!»

Ян Неруда прожил 57 лет, скончался в Праге от тяжелой болезни и похоронен на Вышеградском кладбище.

Его выдающийся поэтический талант нашел свое выражение в песнях и балладах. Но наряду с этим ему приходилось писать много фельетонов, эссе, зарисовок, приносивших ему заработок. Некоторые критики высказывали сожаление, что такому большому поэту приходилось создавать газетные фельетоны в качестве послеобеденного десерта, потребляемого «господами Кнедличковым и Вепржичковым вместе с черным кофе». Но читали его не только сытые обыватели, а и те люди, которые не всегда имели на обед простой кусок хлеба.

Его поэзия рождалась из глубин народных, он «взял слова с улицы, немывые и нечесаные, и создал из них поэзию вечности» (Ф. Шальда).

Неруду порой упрекали, что он разменивается на мелочи. Но мелочи эти – отражение души и жизни народа, это те грошики,

которые простые люди берегут, как что-то самое насущное.

Чешский поэт, лауреат Нобелевской премии Ярослав Зейферт так сказал о творчестве Яна Неруды: «Я часто думаю о Яне Неруде. Поэт «Простых мотивов» и «Пятничных песен» сумел вложить в свои стихи столько любви, воодушевления и искусства, что этот заряд, как любят говорить сегодня, перенес эти стихи во всей их свежести почти через целое столетие».

Яна Неруду много переводили на русский язык, хорошо известны его «Малостранские повести» и ряд других произведений. В этом издании публикуется лишь несколько тех самых драгоценных «грошиков» его народной поэзии, в которых предстают черты так любимого поэтом чешского народа.

Баллады

Детская баллада

Мать вздремнула на рассвете,
Детка в страхе в тьму вгляделась —
в ее ножках Смерть уселась.

Крошка-Смертька, сама детка,
на головке бел веночек,
в рубашонке хило тело,
в маленьких руках сачочек
как для ловли мотыльчков,
словно палочки ручонки,
желтый лобик, как из воска,
дыры вместо глазок острых.

«Пойдем, милая малютка,

ненадолго, на минутку,
на солнышке порезвиться,
с ангелками в танце слиться,
как две белых голубицы».

«Мамочка мне не позволит,
ах, уйти бы мне от боли!»

«Пойдем, детка, пойдем, крошка,
помогу тебе немножко,
боль забудет к нам дорожку,
ангелочки поджидают,
с тобой в небе полетают».

«Мамочка не даст уйти мне —
Вот-вот голову поднимет».

«Пойдем, детка, пойдем птенчик,
Иисус зовет младенчик,
и Небесная Царица
тебя просит возвратиться,
и зовет твоя святая:
«Где ты, дочка золотая?»»

«Пойдем тихо, не мешая,
мамочку мы не разбудим,
мучить лишний раз не будем,
дремлет, тяжело вздыхает,
грудь ее тоска сжимает,
а проснется – зарыдает».

Баллада старая-старая

Руки ломала, вдоль речки ходила,
На камень упала, дочь породила.

«Хочешь, мама моя бедная,
чтобы рыбки наловила?»»

– Что бы у тебя ловилось,
ты же только народилась! —

«Хочешь, мама моя бедная,
чтоб пеленки отбелила?»
– Брось пеленки, сама знаешь,
время только потеряешь! —

«Волна говорит с волною,
я должна уплыть с водою?»
– Поплывем в воде друг с другом,
аж до мельничного круга,
мельник молодой пусть знает,
ждет на Божий суд подруга.

У ключа

У ключа стоит девчушка,
молодая, как росточек,
кожа савана бледнее,
а на небе белый месяц,
и вокруг него сиянье,
отражается в воде он.

«Матушка мне говорила,
детки из воды рождаются,
из водички вылезают.
Значит, правильно случилось,
что дитя, как породила,
я на дно ключа вернула».

Майская баллада^[14]

Воду варит в миске белой,
смотрит с нежностью несмелой —
как прекрасна, облик чистый.
Закипела вода в миске,
пузырьки, как в дождь на лужах,

ты, девица, воду слушай,
как она шипит, клокочет,
как сверчок в камнях стрекочет,
как жужжит в окошке мушка,
как вдали железо точат.

Полночь. На колени пала,
перстень с пальчика снимала,
в кипяток его бросала.
«Свята дева Петронилла!
В этот праздник майской ночи
наши судьбы в твоей мочи,
сделай то, что тебе мило —
ты бы мужа мне послала!
Кого дашь, принять я рада,
только укажи рукою,
сердце я свое открою,
свята Дева, скажу прямо,
я покорна, не упряма —
только рыжего не надо!»

Пар из миски вверх поднялся,
ближе девушка склонилась —
запах дивный – иль приснилось?
Глас серебряный раздался:
«Я тебе, девица, рада!
В Божий храм ты часто ходишь,
«Ave» тоненько выводишь,
знаю, мужа тебе надо —
только где возьму любого?
Вас в деревне слишком много —
но остался сын лесничий,
ярко-рыжий, как лисичка,
сероглазый невеличка,
телом тощий, словно спичка,
и – ...»
«Давай тогда такого!»

О трех колесах

За столом у полной чаши
Йося-браконьер уселся,
на прекрасную шинкарку,
как влюбленный, загляделся.

«Что за женщина вы, право,
словно роза, все цветете!»
«Правда? А ведь схоронила
третьего я на погосте!»

«Умер третий муж! И молвят,
что жена всех в гроб загнала!»
«Главное, чтобы сама я
раньше них в гроб не попала!»

Первый муж пред алтарем
первым преклонил колени —
разве тут моя вина,
что и в гроб улегся первым?

Второй вымыл после свадьбы
руки – да живой водою!
Кто их мыл живой водою,
оставлял жену вдовою.

Третий после брачной ночи
уснул раньше, чем спала я —
та примета к смерти ранней —
что ж, я в гроб его загнала?»

«Эх! Я б вас не побоялся!
Вдова трех – цветет, как роза!» —
«А по мне – разок четвертый
выйти замуж – не угроза!»

«Нет? Тогда зову вас —

быть четвертой свадьбе скоро!»
«Пусть, а то на трех колесах
в ад доеду я не споро».

Весело смотрю я на всех вас, цыплятки...

Весело смотрю я на всех вас, цыплятки,
слышу ваши песни, чешские девчатки.

Утро раньше солнца девушки встречают,
в роднике холодном очи умывают.

Ночью звездный дождик в тот родник пролился,
беда парню – в очи глянул и влюбился.

Матей Микшичек

Биографическая справка

Матей Микшичек (3 февраля 1815 г. – 12 марта 1892 г.) – моравский народный будитель (просветитель) 40-х годов XIX века, журналист, собиратель народного творчества и писатель. Он получил образование в Чехии, Австрии, Венгрии. Учение в Будапеште привело его к деятельности, направленной на пробуждение национального самосознания словаков. Он основал в Зволене (словацком городе) театр, в котором пьесы ставились на словацком языке.

Из Словакии привез он в Моравию и знаменитую песню «Гей, славяне!» (в словацком варианте – «Гей, словаки!»). Песня эта переведена на все славянские языки и считается гимном славян. Первая версия ее текста возникла в 1834 году и пелась на мелодию мазурки Домбровского (музыка эта стала в 1926 году польским гимном, но в песне «Гей, славяне!» иной темп и иные акценты). Песня была гимном всеславянского движения, а также государственным гимном Словацкой Республики, государственным гимном Социалистической Республики Югославия и позднее – Сербско-Черногорской Югославии. В настоящее время песня «Гей, славяне!» не является гимном ни одного независимого государства мира.

Автор стихов – словацкий евангелический епископ, поэт и историк Самуэль Томашик. Написал он стихи во время пребывания в Праге в 1834 году. Приехав в чешскую столицу, Томашик был поражен тем, что на улицах Праги чаще можно было услышать немецкую речь, а не чешскую. Вот что записал он в своем дневнике в воскресенье 2 ноября 1834 года: «...Раз уж матушка Прага, жемчужина западного славянского мира, начинает теряться в немецком море, что же ждет Словакию, мою дорогую родину, для которой Прага – образец духовной культуры? Захваченный этой мыслью, вспомнил я старую польскую песню «Еще Польша не погибла, пока мы живые». Эта известная мелодия вызвала в моем сердце слова: «Эй, словаки, еще наша словацкая речь живет...» Я побежал в свою комнату, зажег

свечу и карандашом записал в свой дневник три строфы. Песня была готова в один момент».

*Гей, Славяне, наше слово
Песней звонкой льется
И не смолкнет, пока сердце
За народ свой бьется.*

*Дух Славянский жив навеки,
В нас он не угаснет,
Беснованье силы вражьей
Против нас напрасно.*

*Наше слово дал нам Бог,
На то Его воля!
Кто заставит нашу песню
Смолкнуть в чистом поле?*

*Против нас хоть мир весь, что нам!
Восставай задорно.
С нами Бог наш, кто не с нами —
Тот умрет позорно.*

В Будапеште Матей Микишчек начал изучать философию, второй год обучения он продолжил в Брно (Моравия). В Брно он также основал театр, где пьесы ставились на чешском языке, и пропагандировал спектакли среди студентов. В Брно началась и его журналистская деятельность. В 1845 году участвовал в основании еженедельного моравского литературно-политического журнала. В 1848 году он был выбран делегатом Славянского съезда в Праге.

Матей Микишчек был плодовитым журналистом и писателем. Как собиратель народного творчества он издал семь книг народных сказок и преданий. Он был настоящим патриотом своей родины и состоял в переписке с единомышленниками – такими известными и значительными деятелями культуры своего времени, как, например, Йозеф Каэтан Тыл (автор стихов чешского гимна), Витезслав Галек, Ян Неруда, Божена Немцова.

Главной целью всей его жизни и творчества была идея народного образования в Моравии и пробуждение народного самосознания.

Его сборник моравских сказок – одно из первых собраний народного творчества, записанного на Моравской земле.

Современному читателю некоторые из записанных Микшичком сказок и преданий могут показаться слишком суровыми, порой жестокими. Но перед нами предстает настоящий образ мира, который и отражается в фольклоре, без всяких прикрас.

Моравские народные сказки

Беличий замок

– Охотники! На охоту! На охоту! – раздался поутру голос воеводы, когда робкое солнце только-только простерло золотые лучи над лесами и лугами. Замок Шпильберк был внезапно пробужден от спокойного сна к шумной жизни. На подворье со всех сторон сходились толпы вооруженных охотников. Дворяне, помещики и иные благородные господа – окружение бренского воеводы – все немедленно оказались в полной готовности. В сопровождении Петра Босковского вышел воевода Конрад из своей комнаты, вскочил на буйного жеребца и поскакал за ворота замка, к лугу и лесу по направлению к Жабовржескам, и вся дружина помчалась за своим господином.

Конрад, сын князя Бржетислава I, был страстным любителем охоты. Он часто выезжал в ближние леса, гонясь за дикими и хищными зверями. Леса на полуночной и западной стороне от Брно были обширны, и не только в те давние времена, но и сегодня обитает в них много оленей и серн.

Шел 1059 год, когда молодой воевода и его друзья весело и разгоряченно скакали через горы и доли, все дальше и дальше. Дружина разъехалась по разным сторонам, направо и налево, метая во всполошенных диких зверей острые стрелы. Звуки охотничьих рожков и собачий лай давали знать азартным охотникам, какой стороны им следует держаться, чтобы не слишком удалиться от других и не заблудиться в широких и дремучих лесах.

И – глядь! – из чащи выскочил буйный олень, остановился и стал смотреть, можно ли ожидать чего-то хорошего от дружины, которая приближалась к нему во главе с воеводой Конрадом. Наперерез ему бежали псы. Конрад пришпорил коня, выстрелил из лука, но олень мгновенно повернулся, подняв высоко голову, так, что рога его опустились на спину, и исчез из виду.

– Ай ты, олень! Ты должен быть моим! – воскликнул Конрад и с треском сквозь деревья погнался за ним.

Но дорогу ему преграждала густая чаща, поэтому он соскочил с коня и принялся под лай собак бегом преследовать оленя, олень не должен был убежать от быстрых охотничьих собак, потому что лесной бурелом и ему мешал бежать. Преследуя оленя, Конрад, казалось, уже совсем приблизился к нему, когда олень с вершины высокой горы пустился вниз, перескочил через ручей, вьющийся по долине, и в страхе взобрался наверх, на противоположный склон. Рассвирепевшие псы стаей ринулись за ним.

Конрад не подозревал, что уже слишком удалился от других, он не спускал глаз со своей добычи и в горячке молодецкой силы стремился ее настичь. Олень уже поднялся на вершину другой горы и оказался у такой густой чащи, что не смог в нее проникнуть и кинулся назад. Не успел он рвануться в другую сторону, как Конрад оказался поблизости. Он натянул свой могучий лук, и быстрая стрела пронзила оленя: тот в последнем прыжке издал смертельный крик и свалился на месте.

– Ай, олень! Ты мой! – воскликнул Конрад победно и принялся оглядывать пойманную добычу.

Некоторое время смотрел Конрад радостно на оленя, а потом выпрямился, поднялся на самую вершину горы и поглядел на земли, простиравшиеся у подножия гор. Солнце уже поднялось высоко, лучи его обжигали воеводу, который страдал от жажды и чувствовал себя усталым после преследования оленя. Конрад вошел в лес и лег на траву в тени и приятной прохладе, чтобы дать отдых уставшим членам. Взору его открылся приятный вид. Часть горы продолжалась направо еще выше и выше, до еще более крутой вершины, которую местные называли «У трех крестов», а неподалеку от нее возвышался древний дуплистый дуб, у которого люди, страдающие разными недугами и хворями, оставляли одежды, прикрывавшие большие части тела, веря, что дождутся выздоровления. Немного дальше виднелись вершины, поросшие черными деревьями, посреди долины высился прекрасный холм, у его подножия бежала шумная речка Свратка, как будто хотела подмыть основание горы.

Впечатление от романтических окрестностей усиливалось от журчания реки и очаровательного щебетания пернатых обитателей леса, успокаивающих биение сердца воеводы так, что Конрад погрузился в легкую дремоту. Но собаки, которые рыскали в лесу

неподалеку, вдруг начали громко лаять, так что Конрад очнулся, подскочил и с натянутым луком отправился туда, откуда доносилось собачье гавканье, думая, что они напали на медвежий след. Медведей в те времена водилось достаточно.

Но тут к нему подбежал пес и, послушный хозяину, положил к его ногам пойманную белку. Конрад пошел дальше и увидел бессчетное множество белок, прыгающих по ближайшим деревьям. Он не мог надивиться на это невероятное количество лежащих и прыгающих зверюшек и просто из прихоти принялся пускать стрелы, пока не удалось ему сбить нескольких с дерева на землю.

Некоторое время он забавлялся таким образом, но потом затрубил в охотничий рог, чтобы дворяне и охотники знали, где его искать. На зов рожка подъезжали они один за другим и слышали от Конрада, как он забрался на эту скалистую вершину, преследуя оленя, поймал его, а теперь забавляется ловлей белок. Ради шутки, шая, принялись и другие охотники пускать стрелы в юрких белок: и если кому-то удавалось сразить добычу, каждый раз раздавались веселые восклицания и шуточные похвалы. Петр Босковский с улыбкой сказал воеводе:

– Боюсь, вельможный господин, что сегодня наша дружина не дотащит домой тела этих великанов.

– Ай! Кони и правда будут под этим грузом прогибаться! – ответил воевода Конрад, и шутливая улыбка на его лице сменилась очаровательным выражением. – Как привлекателен и великолепен этот край, не правда ли? Это место стоит того, чтобы поставить здесь специальный летний замок, под крышей которого можно было бы найти отдых во время охоты! Повелеваю, чтобы на этом милом беличьем месте построили замок. Вам лично, Петр Босковский, оглашаю свою волю. Именно вы позаботитесь о том, чтобы в ближайшее время замок был воздвигнут. Завтра соберите народ и – за работу. И в память о наших сегодняшних забавах и развлечениях с белками будем называть этот замок Беличьим.

И стало так. Через два года в том месте стоял построенный на века, стенами к западной стороне, окруженный рвом, замок, куда в летнее время переезжал воевода Конрад со всем двором.

Красная роза

Жил-был богатый купец, и было у него три дочери. Он часто ездил на ярмарки в далекие страны, где покупал и продавал товары. Однажды, отправляясь в дорогу, спросил он у старшей дочери:

– Что бы ты хотела в подарок?

И старшая дочь ответила, чтобы привез он ей прекрасное платье, целиком вышитое золотом.

– А ты что хотела бы в подарок? – спросил отец у второй дочери.

И та ответила, чтобы он привез ей драгоценные жемчуга и другие драгоценности.

И спросил отец у самой младшей сестры:

– Что ты, Йоганка, хочешь в подарок?

И покорная Йоганка ответила:

– Для меня нет ничего дороже вашей любви, но если уж просить о чем-то, то я хотела бы, чтобы вы мне привезли красивую красную розу.

Отец уехал в далекие края, старшей дочери купил самое роскошное платье, которое увидел, и было оно все расшито золотом. Для другой дочери купил украшения: жемчуга и драгоценные камни огромной цены. Только для Йоганки не было у него пока красной розы, потому что он боялся, что цветок за время долгой дороги увянет. Поэтому он хотел купить розу недалеко от дома. И вот он уже приближался к родному дому, а розы нигде не было, поэтому он старательно осматривал окрестности, чтобы найти какой-то сад.

Проезжая долгим глубоким лесом, увидел купец недалеко от дороги прекрасный замок и сады, разбитые вокруг него.

– Здесь наверняка будут розы, – подумал купец и пошел прямо к замку. Ворота были заперты, и когда он хотел позвонить, обнаружил, что вместо веревки у звонка висит змея. Схватил он змею, потянул и позвонил. Ворота сами собой открылись, а когда он вошел внутрь, сами собой закрылись.

В замке было пусто: куда он ни заходил, где ни искал – нигде ни одной живой души. Тогда пошел он в сад и очень обрадовался, увидев там множество прекраснейших роз. Были здесь розы белые и красные, такие великолепные, каких купец еще никогда и нигде не видел. Из всех чудесных роз он выбрал самую красивую и сорвал ее для Йоганки.

Но едва он сорвал ее – ой-ой-ой! В тот же миг рядом с ним оказался безобразный косматый медведь, он ревел и рычал, как будто был очень рассержен, что купец украл розу в его саду. Купец попросил прощения и объяснил, что хотел своей младшей дочери привезти подарок из путешествия, но медведь трясся от злости и о награде за сорванный цветок и слышать не хотел. А когда купец захотел уйти из замка, медведь его не выпустил, так что пришлось купцу, хочешь не хочешь, остаться.

По замку он мог ходить куда ему было угодно. Всюду видел купец только роскошные и великолепные вещи: в одной комнате нашел он кровати и мягкие диваны, в другой – накрытый стол. Купец уселся за стол, и тут же слуги принесли ему всевозможные изысканные блюда и вкусные напитки. Но ничто его не радовало, больше всего хотелось ему оказаться на свободе.

Однажды грустно пошел он в сад и снова встретил там косматого медведя. Когда медведь увидел, как он опечален, спокойно подошел к нему ближе и зарычал:

– Почему ты такой грустный? Чего тебе здесь не хватает?

Купец ответил:

– Да как же мне не быть грустным, когда я не могу отсюда уехать и заперт, как в тюрьме. Смилуйся надо мной, косматый медведь! Отпусти меня, чтобы я мог вернуться к своим детям.

Но космач ответил ему:

– Так дело не пойдет. Пусть та, для которой ты эту розу сорвал в моем саду, придет сюда и останется вместо тебя. Если хочешь, я пошлю за ней, чтобы она приехала повидаться с тобой.

Купец так скучал по домашним, что наконец согласился, и медведь велел запрячь шесть коней в роскошную карету и выслал своих слуг, чтобы они ехали за Йоганкой, младшей купеческой дочкой.

Йоганка приехала в замок, бросилась отцу на шею и плакала от радости, потому что уже давно его не видела. Медведь, увидев ее красоту и благородство, ходил вокруг нее, приближаясь и ласково урча. Йоганка, услышав его урчание и рычание и увидев косматого безобразного и взъерошенного медведя, вздрогнула от страха и крепко ухватилась за отца.

– Отец, отец! – восклицала она. – Не отдавайте меня, это дикое чудовище меня растерзает!

Но отец уговаривал ее не бояться, ведь ему медведь ничего плохого не сделал, даже когда застал его в саду, срывающим красную розу для нее, Йоганки, а сейчас зверь отпустит его домой только при одном условии: что она останется в замке вместо отца. Медведь с урчанием приближался к ней и протягивал к ее белым рукам безобразные лапы. Дочь боялась его до смерти, отец продолжал ее уговаривать. Медведь сказал Йоганке, чтобы она осталась только на четырнадцать дней, а после этих двух недель она сама решит, остаться ей или уехать домой к отцу и сестрам. Расстроенная Йоганка попрощалась с отцом и осталась в замке вместо него.

И водил ее медведь по целому замку, показывал ей все комнаты, всю обстановку, роскошный фарфор и другие ценности. Йоганке все нравилось, но медведя она боялась. Отвел медведь ее в большой сад, где цвели прекраснейшие розы и разные невиданные цветы. Цветы ей так понравились, что скоро Йоганка захотела, чтобы сад принадлежал ей, но медведя она все равно боялась.

Прошло четырнадцать дней, и Йоганка захотела поехать к отцу и к сестрам. Медведь очень жалобно урчал, что девушка хочет его бросить, грустно сокрушался и горевал. Йоганке было жаль медведя, и она пообещала, что скоро вернется посмотреть на прекрасные розы. Грустный медведь велел запрячь шесть коней в роскошную карету, дал ей кучера и трех лакеев и настойчиво попросил, чтобы она скорее вернулась. Нарвал он ей самых красивых роз в саду и велел отвезти Йоганку к отцу и сестрам.

Увидев ее, сестры принялись насмеяться:

– Гляньте! Гляньте-ка! Благородная госпожа! Ездит в карете с шестью конями, кучер у нее и три лакея, и любит она косматого медведя! Ваше медвежье высочество, – сказала ей ядовито старшая сестра, – сделай меня своей горничной.

– А меня, – добавила самая старшая, – возьми к себе нянькой, милостивая госпожа Медведица!

Так высмеивали ее старшие сестры.

Когда Йоганка увидела и услышала, что сестры так ее ненавидят и так высмеивают, она уже не чувствовала дома ни радости, ни утешения. Велела она запрячь в роскошную карету шесть коней и уехала с лакеями в прекрасный сад к косматому медведю, который

сокрушался и страдал, когда она уезжала. Йоганка радовалась, что снова увидит прекрасные розы.

Когда Йоганка приехала в замок, навстречу ей прибежал медведь, встал перед ней на задние лапы и упал на передние, как будто хотел поклониться, ревел, как будто хотел что-то сказать, и все время скакал вокруг нее и не знал, что еще сделать, чтобы выразить свою радость. При этом он ни разу не причинил ей ни малейшего вреда, и когда протянул к ней лапы, выглядело это так, как будто медведь хотел взять ее руку и погладить.

Йоганка с удовольствием прохаживалась по саду между розовыми кустами и цветами. Когда наступал полдень и она чувствовала голод, достаточно было пойти в замок и сесть за стол, и тут же слуги приносили всевозможные закуски. О чем бы Йоганка ни подумала, тут же получала то, что ей хотелось. За ужином точно так же – на столе появлялось все, что она желала. Утром, как только она просыпалась, в спальню ее входили прекрасные девушки, каждая несла с собой шелковое платье. Они спрашивали: в какое из этих платьев хотела бы одеться госпожа? Одевали ее как королеву, и Йоганка не могла надивиться, почему в замке к ней относятся с таким почтением, ведь, кроме медведя, ни одной живой души там не было.

И однажды Йоганка попросила медведя, чтобы он рассказал, кому принадлежит этот необычайно красивый замок, этот великолепный сад, эти слуги и служанки. Медведь сказал:

– Все, что ты тут видела, и еще много больше принадлежит мне одному, потому что я не медведь, а заколдованный принц. Ты можешь меня освободить от заклятия. Не пугайся, благородная девица, когда услышишь, какой ценой сможешь ты избавить меня от этого гнусного обличья. «Только тогда будешь ты освобожден, – так звучит это заклятье, – когда тебя в медвежьем облике поцелует невинная дева». О, неоскверненная дева, не пугайся моего гнусного обличья, сжался и сними с меня это немилосердное заклятье.

Йоганка испугалась, когда услышала, что должна поцеловать косматого медведя, но медведь просил ее так долго, что девушка, полная боязни, наконец поцеловала его медвежьей морду.

И в тот самый момент, когда ее губы прикоснулись к морде медведя, перед ней предстал стройный юноша, такой прекрасный, что в самых смелых мечтах не смогла бы она представить мужчину

красивее. Йоганка, стоя перед ним, смутилась и покраснела, но благородный принц упал на колени и благодарил ее за освобождение, и целовал ее руки, и обнимал ее.

В замке теперь настала совсем другая жизнь: праздники и приемы гостей, и каждый говорил только о прекрасном принце и о том, что он женится на самой благородной девушке под солнцем. Со всех сторон в замок для участия в торжестве стекались гости. Принц послал карету за отцом Йоганки и за ее сестрами. Гордые сестры уже представляли себе, как будут хвалиться, что были на свадьбе принца. Когда приехали они к замку и вылезали из кареты, пришли им навстречу принц с невестой; принц поблагодарил отца и попросил у него руки Йоганки. Любезно приветствовал он и сестер. Но те так завидовали Йоганкиному счастью, что Божьим попущением окаменели на месте.

Принц женился на Йоганке, и Йоганка родила ему много прекрасных принцев и принцесс. Отец бросил торговлю и переехал к ним в королевский дворец. Каждый раз, когда они выезжали из замка, всегда очень жалели завистливых сестер, стоявших каменными перед воротами дворца. А поскольку в их сердцах никогда не поселялись ненависть и зависть, если еще не умерли, то живут в замке в счастье и блаженстве и до сей поры.

Климек

Жил-был отец, у которого было восемь сыновей. Самому старшему он завещал хозяйство. А что мог он оставить остальным?

– Пойдемте со мной, – сказал он сыновьям, – я вам скажу, что из каждого будет.

Пошел отец с ними в лес. Один из сыновей говорит:

– Отец, посмотрите! Какая прекрасная ель, сколько досок из нее получится!

Отец на это сказал:

– Ты, сын, будешь столяром!

Другой говорит:

– Отец, посмотрите! Вот это прекрасный бук! Сколько ободов для колес из него выйдет!

Отец на это:

– Ты будешь колесным мастером!

Третий сын сказал:

– Отец, посмотрите, из этого дуба отличные бочки получатся!

– Ты будешь бочкарем! – сказал отец.

Таким образом он определил ремесло каждому сыну. Только самый младший, которого звали Климек, долго не мог ничего для себя найти. Наконец, и он сказал:

– Гляньте-ка, отец! Какой прекрасный боярышник, из него получилась бы отличная палка!

– Послушай, – отозвался отец, – из тебя, Климек, разбойник выйдет.

– Ну, разбойник так разбойник, – ответил Климек, – дайте мне нож, сделаю себе палку и пойду товарищей искать.

Отрезал он себе палку и пошел в лес искать разбойников.

Искал он, искал, и уже той же ночью объявились одиннадцать разбойников.

– Вы кто будете? – спросил он у них.

Но разбойники не хотели ему ничего говорить.

– Вы не разбойники случайно? – продолжал он расспрашивать. – Я вот должен стать разбойником и ищу себе ровню. Возьмите меня в свою компанию!

Приняли они Климека, но только учеником, и сказали:

– Останешься учеником до тех пор, куда три раза в деле себя хорошо не покажешь.

На следующий день увидели разбойники мясника, который тащил по дороге теленка, и сказали Климеку:

– Вот если заберешь у того мясника теленка, да так, чтобы он об этом не узнал, считай, одну проверку пройдешь. Если и пояс у него стащишь, а он и не заметит, считай – вторая проверка пройдена. Там на поле крестьянин пашет, видишь? Если незаметно уведешь у него вола, будет у нас жаркое. На деньги за пояс мясника купим вина, будем пировать, а ты станешь называться настоящим разбойником.

Клибек ответил на это:

– Постараюсь. Дайте мне только старые ножны и новую шпагу!

Дали ему то, что он просил, и Клибек ушел.

Он поспешил лесом вдоль дороги, обогнал мясника, бросил на дорогу старые ножны. Потом прошел еще немного и положил посреди пути новую шпагу. Мясник с теленком подошел к старым ножнам и сказал:

– И зачем вы мне нужны? Если бы внутри шпага была!

Пнул ножны и пошел дальше. А когда вскоре после этого наткнулся на шпагу, сказал:

– Так ведь те старые ножны могут и пригодиться!

Привязал он теленка к дереву и пошел назад за ножнами. Тут-то Клибек и подскочил к теленку и потянул его в гущу леса. Отрезал ему голову, побежал к пруду и спрятался с ней в камышах. Мясник вернулся и искал: куда это теленок подевался? Клибек начал из камышей мычать, как теленок. Мясник пошел к пруду, откуда раздавалось мычание, и увидел в камышах голову теленка. И сказал он:

– Вот проклятый теленок! Отвязался и убежал к пруду.

Климека совсем не было видно, потому что он спрятался под водой. Мясник разулся, снял с себя пояс с деньгами, разделся и пошел в воду за теленком. Клибек отпустил голову, вылез из воды, взял пояс мясника и побежал к своим товарищам – с теленком и с поясом. Так первые две проверки остались позади. Но оставался еще крестьянин в поле.

Пришел Климек к полю и стал наблюдать. Вот у крестьянина из плуга выпал клинышек и потерялся. Крестьянин остановил волов и отошел вырезать новый клин. А Климек тем временем подскочил, отрезал у одного вола хвост, сунул этот хвост в рот другого вола, а первого отогнал. Потом он залез на дерево и закричал во все горло:

– Ох, странное дело! Ох, странное!

Услышал это крестьянин, прибежал и спрашивает:

– Что за странная вещь?

Климек ответил:

– Вон там один вол сожрал другого! Такого еще свет не видел!

Пошел крестьянин и увидел, что и правда первый вол сожрал второго, тем более у него из пасти хвост торчал. Крестьянин схватил прут и стал бить вола изо всех сил, а потом погнал его домой.

– За что ты его так бьешь? – спросила рассерженного мужа жена.

Крестьянин ответил:

– А как же мне его не бить? Ты только глянь: этот мерзавец сожрал второго вола!

Посмотрела крестьянка и говорит:

– Ну у него и зубы! Ведь он ему хвост откусил, словно ножом отрезал!

Так и остались они при том, что один вол другого сожрал. А Климек привел вола своим товарищам.

– Хорошо начинаешь! – похвалили они его. – Будем пировать!

Убили они вола, сделали разных колбас, варили и жарили. Накупили много вина и пива. А когда сами ели и пили, Климеку давали суп с хлебом, хотя сами-то ели супчик с лапшой. Ему давали колбасу кровяную, а сами ели жаркое. Ему давали только плотнеть пива, а сами пили дорогое вино. Климек был обижен, но ничего не говорил. Когда разбойники хорошо подвыпили, выскочил Климек наружу и стал громко вопить:

– Люди! Идите сюда скорее! Здесь те шельмы, которые меня похитили! Идите сюда, поймайте их!

Разбойники испугались, подумали, что их сейчас поймают, и бросились наутек. А Климек вернулся, уселся и стал пировать. Ел жаркое и суп с лапшой да запивал дорогим вином.

К вечеру разбойники один за другим вернулись в свое убежище. Увидели они, как пирует Климек, и удивились, почему он их так

напугал? Климек им ответил:

– Мы с вами квиты. Вы сами ели жаркое и пили дорогое вино, а мне давали только пиво и кровяную колбасу. Ладно, доедайте теперь то, что я сам не хотел и не доел.

Разбойники поняли, что он очень сообразительный, и оставили его в покое.

Климек еще некоторое время побыл у них. Но он видел, что многое из общей добычи оставляют они для себя, а ему особо не доверяют. И сказал он им прямо:

– Не нравится мне у вас. Уйду я и буду сам по себе.

И ушел от них.

Пришел он в деревню, но не воровал. Устраивал крестьянам всякие шуточные вещи, так что те со смеху валялись. Однажды о его делах рассказал бурмистр управляющему, а тот поведал графу.

Граф велел позвать его к себе и сказал ему:

– Климек, ты такой шутник и устраиваешь всякие проделки. Если уведешь у меня из конюшни лучшего коня, да так, что никто не заметит, получишь триста золотых.

– Постараюсь! – ответил Климек и ушел.

Граф приказал всем дворянам и челяди наблюдать за ним.

Первый день Климек в замке и не показывался. Через некоторое время он начал ходить в корчму, в которую ходили и работники из замка. Слово за слово, Климек с одним из них познакомился и стал к нему захаживать в графскую конюшню. Там познакомился он и с другими. Со временем начал он приносить с собой и самогонку, чтобы они выпили. Чем дальше, тем больше носил он им самогонки, а однажды, когда все уже к нему привыкли, принес много самогонки и все предлагал и предлагал выпить. Все и пили, пока не опьянели и не уснули. Тут Климек, улучив момент, связал стременному руки, забросал его на память конским навозом, отвязал коня и был таков.

Когда утром стременной прочухался и протер глаза, увидел, что лучший конь исчез из конюшни. Все испугались, потому что боялись графа, и пошли искать коня. Но Климек уже ехал на нем прямо к господину графу и готовил карман для трех сотен золотых.

– Ну, дружище, – сказал граф, – ты бы мог и простыню стащить, на которой я сплю.

– Я постараюсь, – сказал Клибек, как будто готовый поспорить и на это.

– Как? – удивился граф. – Стащишь простыню с постели, когда я на ней буду спать?

– Да, – ответил Клибек, – постараюсь.

– Хорошо, – сказал граф, – если ты сумеешь это сделать, получишь трактир, поле и триста пчелиных ульев.

– Я постараюсь, – сказал Клибек и ушел.

Прошло несколько дней. Клибек потихоньку подлизался к горничной из замка и завязал с ней знакомство. Он узнал, что любит она плотненько сладенького ликерчика. Клибек угощал ее ликерчиком, встречи становились все чаще, они ходили вместе на танцы, он дарил ей разные подарки. Вскоре дело зашло так далеко, что ему позволено было посещать ее в комнате.

Он подсмотрел, куда горничная прятала ключи от графских покоев, и когда пронюхал это, принес ей большую бутылку ликера. Горничная напилась так, что уснула. Клибек взял ключи и тихонько открыл графскую комнату. Граф и графиня спали. Вылил он между ними на простыню горшочек густых дрожжей и спрятался под кровать. Граф и графиня проснулись, сбросили простыню с кровати и позвали горничную, чтобы она принесла им новую простыню. Но не успела еще зайти к ним горничная, как Клибек был таков вместе с выброшенной простыней.

– Старую простыню кинь в стирку, она на полу лежит, – сказал граф горничной, когда она постелила им новую простыню.

– Милостивый господин, – сказала горничная, – не могу ее найти!

– Она на полу!

– Милостивый господин, нету!

– Ну, не знаю, не знаю, – произнес граф, – не Клибек ли тут поработал!

Утром Клибек принес простыню и со смехом рассказал, как он все провернул. Граф сказал:

– Чтобы никогда не пришлось тебе плутовать, возьми себе трактир, поле и триста ульев пчел и живи честно и справедливо!

Так стал Клибек богатым и мудрым человеком.

И случилось так, что разбойники узнали о нынешнем богатстве Клибека и передали ему, что как-нибудь удостоят его своим визитом.

Что с голыми руками разбойники от него не уйдут, это Климек хорошо знал. Он передал им, чтобы заходили, что будет очень рад, а пока раздумывал, что да как. Больше всего боялся он за пчел. Поэтому Климек сделал три новых улья и поставил их между остальными. Один оставил он пустым, другой наполнил навозом, а в третий сам влез. Ночью пришли разбойники и первым делом отправились к пчелам. Они приподнимали ульи, выбирая самый тяжелый. Тот, в котором сидел Климек, показался им самым тяжелым, взяли они его и понесли в лес. По дороге захотелось им попробовать меду, они и остановились. У Климека был с собой железный крючок. Поймал он крючком первого разбойника за волосы и хорошенько оттрепал его.

– Эй! Оставь меня в покое! Ты чего мне волосы рвешь? – закричал разбойник другу.

– Я тебе ничего не делаю, – ответил второй разбойник.

Климек повернулся и потянул крючком за волосы второго разбойника.

– Ах, вот ты как! – напустился второй на первого. – Вот мерзавец! Говоришь, что я тебе рву волосы, а это ты мне волосы рвешь!

Начали они ссориться, схватились и подрались. Между тем Климек незаметно вылез из улья и убежал. Когда разбойники хорошенько побили друг друга, они успокоились и пошли попробовать меду.

– Подрались-то мы славно, но глянть! Улей-то пустой!

Отнесли они этот улей назад и взяли другой тяжелый и снова понесли его в лес. Один разбойник быстро сунул в улей палец и попробовал.

– Этот мед как-то воняет!

Попробовал другой, попробовал и третий, но мед и вправду сильно вонял. Открыли они улей и обнаружили, что никаких сот там нет.

– Ну, с этим плутом надо действовать по-другому! – сказал главный разбойник.

Взяли они улей, отнесли его назад и как ни в чем не бывало отправились к Климеку в трактир.

– Добро пожаловать, друзья! Как же я рад, что вы обо мне не забыли! – обратился к ним Климек. – Выбирайте что хотите. Что имею, все вам дам.

Принес он им вина, пива и особенно много крепкого самогона. Разбойники пили-пили и напились пьяные. Климек принес еще самогона, наливал им и предлагал выпить за счастливое свиданьице, и они пили. Климек наблюдал за ними: могут ли разбойники все еще держаться на ногах, потому что они все еще готовились напасть на него. Тогда плеснул Климек самогоном им в глаза, взял свою палку из боярышника и принялся их бить-колотить. И так побил, что все они остались лежать. Тут он быстро послал к графу за солдатами. Разбойников поймали и предали суду. А Климек после этого жил до самой смерти в счастье и довольстве.

Заколдованная принцесса

Жил-был король, и родилась у него прекрасная доченька, но королева умерла во время родов. Перед смертью она попросила мужа, чтобы он глаз не спускал с дочери, потому что было предсказано, что она однажды потеряется. Король особо не верил ни в пророчества, ни в астрологию, но за прекрасным ребенком наблюдал неустанно, а когда сам не мог, просил старую няню, на которую во всем мог положиться. Она воспитывала доченьку, рассказывала ей сказки, но никогда не выходила с ней на прогулку, только в малюсенький садик, который находился внутри дворца и куда никто другой не ходил. Принцесса росла, король нарадоваться не мог на ее красоту и благородное сердце. Но всегда, стоило ему подумать о том, что дочка его должна потеряться, сердце его сжималось от тоски.

Принцессе было двадцать лет, когда отцу пришлось отправиться на войну. Он напоминал о дочери и очень просил няню, чтобы она ни днем ни ночью не оставляла девушку и из дворца не выходила. Та обещала. Поначалу принцесса развлекалась рассказами няньки о всяких былях и небылицах. Однажды, повествуя о чем-то, упомянула она лес, деревья и заросли ежевики, а также птиц и других живых существ, населяющих леса и поля. Принцесса очень захотела увидеть лес и принялась просить няню, чтобы та когда-нибудь отвела ее в лес, она говорила, что дома скучно, и просила так настойчиво и твердо, что няня не выдержала. Взяла няня слуг, чтобы их сопровождали, и поехали они на прогулку. Приехав в лес, няня и принцесса вышли из кареты и стали прогуливаться. Как же была девушка счастлива, увидев впервые прекрасную природу! Она прыгала от радости, а увидев цветочек, с восторгом вдыхала его аромат. Няня и нарадоваться не могла, глядя на восхищение невинной девушки.

Подошли они к ежевичным зарослям и начали рвать ежевику. Вдруг, когда няня зацепилась платьем за колючку и освобождалась от шипов, принцесса исчезла. Няня стояла как громом пораженная, потом начала сокрушаться, кричать, рвала на себе волосы. Но все без толку: принцесса исчезла. Искали ее вокруг да около, искали, где только можно, но ни следа не нашли. Слуги отнесли полумертвую няню домой, и каждый был проникнут к ней глубоким сочувствием,

потому что принцессу няня любила больше своей жизни и всю себя посвятила ее воспитанию. Бедняжка упрекала себя, что не послушалась короля, и дрожала при мысли, что скажет король, когда обо всем узнает.

Вскоре король вернулся, увидел вокруг только грустные лица, и каждый уклонялся от ответа на вопрос о том, что произошло. Не сняв доспехов, побежал он поздороваться с дочерью и посмотреть, как она выросла. Вбежал он в ее покои, и мороз пошел у него по коже, когда няня, плача, во всем призналась, умоляя простить ее. Его отцовское сердце обливалось кровью, потому что лишился он единственной радости на свете. Вернулся король в свои покои и заперся там. Няню он простил. Через некоторое время начал король размышлять, как бы отыскать дочь и освободить ее. Он объявил повсюду, что дочь его потерялась и тот, кто ее освободит или сообщит о ней что-либо, получит награду, какую сам назначит, и даже саму принцессу в жены.

Через некоторое время пришли к королю три отслуживших свою службу солдата и вызвались искать принцессу, а за это попросили дать им в дорогу еды, потому что они голодны. Король не отказывался ни от чего, что могло бы помочь ему найти дочь, и разрешил солдатам начать поиски. Солдаты пошли в лес, где потерялась принцесса. К вечеру вышли они к избушке, в которой горел свет, вошли туда, но там никого не было. А им-то что! Сели солдаты за стол и принялись ужинать. Потом улеглись на солому и крепко уснули.

На второй день с утра порешили они, что один из них всегда будет оставаться в доме и варить обед, а остальные будут ходить по лесу в поисках принцессы. Сначала готовил самый старший, развел он огонь, поставил горшок на печь. Когда было около одиннадцати утра, пришел в избу малюсенький человечек, он трясся от холода и попросил, чтобы ему позволили согреться. Служивый позволил. Как только малюсенький человечек согрелся, начал он прыгать по избе и все горшки разлюбезному повару побил и разбросал, да и был таков. Вскоре пришли домой к обеду двое товарищей – и остались несолоно хлебавши, когда старший им рассказал, что с обедом приключилось.

На третий день готовить обед остался средний. Около одиннадцати пришел человечек, трясся от холода и умолял позволить ему согреться, что повар и позволил. Снова принялся тот метаться по избе, разбил и разбросал горшки. Когда двое солдат вернулись после

поисков, они страшно разозлились, но самый старший молчал, потому что с ним вчера то же самое приключилось. Младший насмехался над ними, говоря, что тоже, мол, герои выискались, если не могли ничего сделать с таким карликом.

– Только подождите, я его проучу, он у меня узнает.

– Да тебе еще в колыбельке лежать и кашу сосать из бутылочки, – ухмыльнулся самый старший.

Младший солдат на это ничего не ответил, потому что привык терпеть их насмешки, и хотя знал, что каждый его считает дураком, оставался при своем мнении.

На четвертый день пришла очередь самому младшему оставаться в избе. Развел он огонь, поставил на печь горшок, взял топор и стал лучину щипать. В одиннадцать пришел человек, трясаясь от холода, и просил, все время просил, чтобы его пустили обогреться. Младший его не пустил:

– Иди прочь от огня, или надаю тебе так, что долго помнить будешь.

Человечек не послушался и подошел к огню. И в тот же момент повар рубанул его топором по ноге и поранил ему два пальца. Человечек с криком рванулся прочь, оставляя за собой капли крови, особенно видные потому, что недавно выпал снег. В полдень пришли двое солдат обедать, думая, что наверняка останутся без еды. Тем более были они удивлены, когда глупый Ян, как они его называли, подал тарелки с едой. Спросили они, как это у него получилось и были ли тут карлик.

– Был, – ответил Ян, – и получил от меня, так что ушел со слезами. Хотел согреться, я ему не позволил, а когда он не послушался, я ему кровь на ноге пустил. Вот гляньте, куда он пошел, по его кровавому следу.

«Хорошо, пойдем по его следу», – подумали они, и после обеда пошли все по кровавому следу, пока не пришли к чаще, посреди которой стоял старый дуб.

Тут следы закончились. Тогда солдаты отодвинули большой камень и обнаружили в земле дыру. Послали они Яна за веревками и спустились вниз. И вот оказались они совсем в другом мире, где все цвело, но цветы были другие, чем на земле, и испускали солнечное тепло и дивное благоухание. Фрукты казались спелыми, однако были

они из золота, ручьи журчали как музыка, а вместо воды тек в них мед. Птицы самых разных окрасок очаровательно пели. Пройдя через лесок, подошли они к замку, стоявшему на алебастровых столбах и сиявшему как полная луна, рядом был сад с небывалыми фруктами. Вошли солдаты в сад и стали по нему прохаживаться.

Наконец Ян собрался с духом и пошел в замок. Он долго блуждал по лестницам, пока не вышел к открытым дверям, а за ними обнаружил сидящую у мраморного столика прекрасную принцессу, опустившую голову на белые руки. Когда он к ней подошел, она испугалась и спросила, как он сюда попал. Он коротко рассказал ей обо всем и спросил, что она тут делает. Она рассказала, что ее уже несколько лет держит в неволе маленький человечек, что она дочь такого-то короля. Ян понял, что это та самая принцесса, которую они ищут. Спросил он, где тот человечек.

– Он болен, – ответила принцесса, – и спит в своей комнате.

– Отведи меня к нему, – попросил Ян.

Она молила его не ходить туда, потому что может лишиться жизни, если встретится с человечком. Но Ян не испугался и пошел.

Человечек еще спал. Над головой его висела золотая дудочка. Она понравилась Яну, и он взял ее себе. А как задудел он в нее, появилось множество черных человечков, которые один за другим принялись спрашивать, что он прикажет. Тут человечек проснулся и побледнел, увидев дудочку в руках у Яна. Ян приказал черным человечкам, чтобы они разорвали карлика на части, что они немедленно исполнили. После этого взял он принцессу, дудочку сунул в карман и пошел к своим товарищам. Набрали они в замке всевозможных драгоценностей и пошли к дыре, через которую они туда попали. Сначала вышла наружу принцесса, после нее двое старших солдат, а когда оказались они снаружи, задвинули дыру камнем, чтобы Ян не мог вылезти, и повели принцессу к королю.

Солдаты считали, что убили Яна, но они ничего не знали о спасительной дудочке. Принцесса после их угроз должна была поклясться, что не выдаст их и скажет, будто карлик растерзал Яна. Оставим их пока у короля, а сами посмотрим, что делает Ян.

Ян тем временем ходил по замку, все разглядывал и жил хорошо, вот только было ему очень противно, что его товарищи хотели отправить на тот свет. Наконец Яну пришло в голову, что наружу он

выйдет с помощью человечков из дудочки. Он пошел в комнату, где жила принцесса, взял для нее два платья – одно лунное, а другое солнечное, заиграл на дудочке, и немедленно появились черные помощники, спрашивая, что господин желает.

– Хочу выйти на белый свет через ту дыру, через которую сюда пришел.

Человечки, не откладывая, взялись за работу, и через минуту выход с удобными ступеньками был готов.

Вышел Ян на свет Божий. С узелком, в котором были платья принцессы, отправился он к замку короля. Пришел он в город и спросил, что нового. Ему сказали, что принцесса нашлась, что скоро будет свадьба: она выйдет замуж за своего освободителя. Яну было очень обидно. Он пошел к дому, на котором была вывеска о лучшем портном в городе. Вошел он и попросил, чтобы господин портной взял его в подмастерья. Тот сразу же согласился:

– Вы в добрый час пришли, у меня очень много работы. На днях король дочку замуж выдает, я должен сшить ей свадебное платье.

– Господин мастер, – сказал Ян, – позвольте мне сшить это платье, вы наверняка останетесь довольны.

– Но платье должно быть готово через два дня!

– Это никакого значения не имеет, – отозвался Ян, – я наверняка успею.

Положил он свой узелок в сундук и пошел прогуляться по городу. Вечером вернулся домой, улегся и уснул. Утром снова собрался и пошел в город. Мастер и его жена удивились и подумали, что подмастерье их считает ненормальными или сам ненормальный. На всякий случай мастер решил сам сшить платье. Вечером пришел Ян, мастер спросил, когда же он будет шить, и Ян сказал:

– На это хватит времени, идите спокойно спать, утром платье будет готово.

Портной уснуть не мог и всю ночь с женой говорил об их подмастерье. Поутру заметил он свечение, как от луны, и подумал, что дом горит. Вскочили они с кровати и побежали к своим подмастерьям. И тут увидели Яна, который расправлял прекрасное платье цвета лунного сияния:

– Вот что я сшил принцессе к свадьбе, отнесите ей в замок.

Мастер сам взял платье и отнес его принцессе. Когда принцесса увидела платье, она очень обрадовалась:

– Откуда у вас это платье, господин мастер? Только не лгите мне!

– Ваша Королевская Светлость, у меня новый подмастерье, он его сшил.

– Скажите ему, что я передаю ему привет и чтобы он ко мне пришел, я хочу его видеть и лично поблагодарить.

Она щедро заплатила портному, и тот пошел домой. Вернувшись, он сказал Яну, чтобы он шел к принцессе, но Ян сказал, что от принцессы к нему такое же расстояние, как от него к принцессе, и что он заслужил, чтобы она пришла к нему.

Принцесса знала, что это ее освободитель. Она взяла это прекрасное платье, пошла к королю и все ему поведала. Король позвал двоих солдат и приказал оставаться в комнате, пока он не вернется, а у дверей поставил стражу. Потом король пошел с принцессой к подмастерью. Принцесса сразу узнала Яна, как только увидела, и король пригласил его с собой во дворец. Во дворце он показал Яна тем двум лжецам и велел их за неправые дела растерзать.

Так получил Ян принцессу в жены. Они еще раз отправились в тот подземный мир, набрали драгоценностей, а после этого выбросили дудочку, потому что всего у них было вдоволь. Жили они вместе долго и счастливо и любили друг друга до самой смерти.

Каченка

Жил в предместье бедный сапожник. Было у него шестеро малых детей. Самой старшей из них была Каченка, четырнадцатилетняя девочка. Отец кормил свою многочисленную семью один, зарабатывая с большим трудом, жена его умерла, так что всю работу приходилось выполнять ему самому.

Однажды в субботу доделывал он работу, чтобы в воскресенье утром отдать ее. Только поздно ночью заметил он, что у него не хватает кожи. Каченка тут же предложила, что может сходить за кожей в город.

– Так ведь поздно уже, у купца все давно спят! – ответил отец.

Но Каченка говорила, что все равно пойдет. И если у купца все будут спать, постучит приказчику. Он добрый и приветливый и наверняка даст ей все, что нужно. Тогда отец дал ей деньги, и Каченка побежала за кожей.

На улицах царил тьма, но Каченка не боялась и отправилась к купцу. Было закрыто. Она постучала к приказчику, он встал и дал ей то, что требовалось.

Но купец еще не спал и услышал, что приказчик внизу, в лавке, с кем-то говорит. Это пробудило в нем подозрение: кто знает, с кем это приказчик строит козни? Утром велел купец прислать к нему приказчика и спросил, с кем он ночью был в лавке. Приказчик честно ему ответил. Но недоверчивый купец послал за сапожником и Каченкой, чтобы те немедленно к нему пришли.

– Каченка, что ты наделала вчера у купца? – спросил ее отец. – Ведь он, ясное дело, не просто так за нами послал.

– Ничего я не наделала, – твердо сказала Каченка, потому что была уверена, что не сделала ничего плохого.

Пришли они к купцу, и Каченку стали выспрашивать, что вчера происходило. Каченка все рассказала по правде. Сказала она то же самое, что говорил и приказчик. Купец смутился из-за собственной недоверчивости. Он увидел, что Каченка бесстрашная и порядочная девушка, и спросил сапожника, не хочет ли он оставить дочь у него. Каченка была старшим ребенком сапожника и, собственно, единственная, кто помогал ему по дому, работая старательно и

упорно. Поэтому отец не хотел ее лишаться. Но когда купец пообещал, что хорошо позаботится о Каченке, сапожник все же разрешил ей остаться. Каченка росла и выросла такой красивой и приветливой, что многие люди ходили к купцу только ради нее.

Однажды купец устроил пир, на который собралось много других купцов и множество господ. Гости не могли насмотреться на Каченку и хвалили ее красоту и приветливость. Но купец сказал:

– Это правда, она красива, но больше всего мне в ней нравится ее смелость. Каченка не испугалась бы, даже если бы я ее в полночь послал куда-нибудь.

В сердце одного из присутствовавших там купцов скрывалась тайная ненависть к Каченке, потому что из-за нее он лишился многих покупателей. Поэтому купец воспользовался случаем, чтобы избавиться от девушки, и сказал:

– Если в полночь она принесет три ветки шиповника и постоит у виселицы за городом, я заплачу двести талеров!

Купец спросил, пойдет ли Каченка за тремя ветками шиповника, и она сразу заверила, что пойдет.

Когда пробило полночь, отправилась она в дорогу. Шла она, шла и пришла к виселице. У виселицы обнаружила Каченка двух коней, оседланных и нагруженных тяжелой ношей. Никого рядом с ними не было. Каченка отрезала три веточки от куста шиповника и повернулась, чтобы идти назад. Но у коней она остановилась и подумала: «Неужели у этих коней нет хозяина? Тогда я могла бы их забрать с собой!»

Хоп! И вот уже поскакала девушка к городу. Вскоре она услышала, что кто-то следует за ней по пятам. Однако Каченка счастливо миновала городские ворота, которые сразу закрылись за ней.

Прежде всего девушка завела коней в конюшню. Потом она поторопилась к пирующим гостям и показала всем три веточки шиповника, которые срезала рядом с виселицей. Завистливый купец проиграл спор.

– Но это не все, – сказала Каченка, – пойдите со мной, я вам покажу, что я еще принесла от виселицы.

И пошли гости с Каченкой в конюшню, и когда увидели тех двух коней, очень удивились. И удивились еще больше, когда сняли с коней

поклажу и нашли в мешках множество серебряных и золотых монет и драгоценностей.

Кони эти принадлежали грабителям. Этим злодеям, разумеется, и в голову не пришло, что кто-то ночью у виселицы, которую все из страха обходили стороной, уведет их коней, да еще и с их воровской добычей! Каченка хорошо понимала, что теперь должна быть очень осторожной.

Не прошло много времени, как в городе появились два благородных господина. И случайно зашли они к тому самому купцу, который проиграл спор на двести талеров. Стали они с ним вести беседу, спрашивая между делом, что в городе нового. Купец им рассказал о храброй Каченке и своем проигрыше.

– Хотел бы я посмотреть на эту девушку, – сказал один из господ, – не могли бы вы нам это устроить?

Купец пообещал отвести их в дом, где Каченка работает и живет.

Что он обещал, то и исполнил. Господа любовались Каченкой, хвалили ее смелость, воспевали ее красу, льстили ей и вообще вели себя очень учтиво. Один из них в конце концов заявил, что настолько очарован ее красотой, что у него без Каченки разорвется сердце и что он должен получить ее в жены.

Он навязывался к ней всеми способами, ходил к купцу днем и ночью, чтобы ее увидеть, и не переставал ей льстить.

Когда снискал он доверие купца и всех живущих в доме, начал уговаривать Каченку, чтобы она навестила его в его замке. И так долго ее уговаривал, что Каченка пообещала приехать посмотреть на его замок.

И пообещала она, что приедет к нему прямо на следующий день. Но в путь отправилась только на третий день. На полдороге вышла Каченка из коляски, послала кучера с коляской домой, а к замку пошла пешком.

У ворот замка лежал огромный пес. Каченка бросила ему кусок жареного мяса, и пес остался лежать, не заворчал, не залаял. Пришла она на большое подворье замка. Там никого не было. Вошла Каченка в покои, где все было прекрасно и роскошно, один покой красивее другого, – но никого не нашла. Подошла она к потайной нише, отдернула тяжелый занавес, вошла и обнаружила – боже, она вздрогнула от ужаса, когда это увидела, – колоду и положенный на нее

топор. Около колоды лежали человеческие тела с отрубленными головами. Девушка испугалась и хотела – ноги в руки и бежать, но в этот момент услышала голоса и приближающиеся шаги. Что ей было делать? В смертельном ужасе залезла она под кровать, которая стояла в уголке, спряталась и прижалась к стене.

Вошли несколько мужчин, их голоса показались ей знакомыми. Они притащили с собой красивого юношу, положили его голову на колоду и, не медля, отсекли ее топором. Потом привели благородную девушку и готовились отрубить голову и ей. Белоснежные руки девушки были украшены перстнями, и разбойники захотели, чтобы она сняла эти драгоценности. У девушки не получалось быстро снять кольца, и тогда один из них злобно закричал:

– Отрубите ей пальцы!

В один момент пальцы отлетели от руки. Два пальца докатились аж до кровати, под которой пряталась Каченка. Тут же была отрублена и голова благородной девушки, после чего раздался голос:

– Ну, хватит, на сегодня хватит, пока их тут бросим, чтобы от нас не ушла эта купеческая служанка!

И все немедленно покинули замок.

Это ужасное происшествие глубоко потрясло душу Каченки. Когда затихли шаги и голоса удаляющихся убийц, вылезла Каченка из своего укрытия под кроватью и поспешила с Божьей помощью домой. Два отрубленных у девушки пальца она прихватила с собой. Собаке она снова бросила кусок жаркого и счастливо выскользнула наружу. Но Каченка не пошла по прямой дороге, на которой ее наверняка поджидали убийцы, а пробиралась лесом, залезала в самую чащу, в самые нехоженые места, чтобы не попасть в их кровожадные лапы.

Наконец Каченка счастливо попала домой. Купец с ужасом слушал, когда она рассказывала эту историю. Однако он посоветовал ей делать вид, что ничего не случилось:

– А этим поганым висельникам мы приготовим заслуженный конец!

Прошло несколько дней, и господа снова объявились в городе. Будущий господин муж не медля пошел навестить будущую невесту. Он упрекал девушку, что она не приехала его навестить в то время, как для нее было приготовлено самое лучшее, чего только она заслуживает. Каченка попросила ее извинить, объяснив, что не смогла

поехать, потому что ей было некогда, но пообещала, что в ближайшее время жениха навестит.

Купец велел накрыть роскошный стол, и начальник воинского гарнизона пришел с другими офицерами. Присутствие военных объяснили тем, что они всегда веселые, шумные, говорливые и с ними получится настоящий праздник. Все углы и скрытые места в доме тайно заняли вооруженные солдаты.

Когда гости на пиру развеселились, каждый должен был рассказать какую-то забавную историю. Когда настал черед Каченки, все ожидали, что она расскажет что-то смешное. Но Каченка извинилась за то, что веселых историй не знает, но расскажет свой сон, который ей только что приснился. И стала она рассказывать:

– Снилось мне, что шла я по длинной аллее и вошла в темный лес. А за лесом очутилась я на прекрасном зеленом лугу.

– Именно такая дорога ведет к моему замку, моя любимейшая! – вмешался льстивый жених.

Но Каченка, словно не слыша его, рассказывала дальше:

– По этому лугу поднялась я наверх к замку, который стоял на высоком холме. У ворот этого замка лежал большой пес.

– Прямо как у меня! – отозвался опять господин жених.

– Я боялась пса, поэтому кинула ему кусок мяса. Вошла в ворота, разумеется, только во сне, оказалась на большом подворье, вошла в замок, где было множество покоев, один красивее другого.

– Точно как у меня, моя любимейшая! Если ты когда-нибудь меня наведишь, увидишь, что у меня все точно так, как ты рассказываешь, – снова вмешался благородный господин.

Но Каченка продолжала:

– Когда же прошла я через все покои, очутилась у какой-то ниши, а в ней нашла кровать, колоду и топор.

Каченка умолкла и вопросительным взглядом посмотрела на господина, который до этой минуты, уверенный в своей безопасности, постоянно вмешивался в ее повествование. Сейчас он пораженно молчал. Каченка продолжала:

– За колодой лежало много мертвых тел с отрубленными головами. Ужас объял меня, я хотела убежать. Но тут послышались людские голоса. Объятая страхом, залезла я под кровать. Я не шевелилась и не дышала, только ожидала, что меня найдут и отрубят мне голову... Сон

продолжался: лежу я так, и снится мне дальше, что привели красивого юношу и прекрасную девушку. Юноше сразу же отрубили голову, а девушке сначала отрубили пальцы, потому что не могли дождаться, когда она снимет свои великолепные перстни. Отрубленные пальцы отлетели далеко. Потом с девушкой сделали то же, что и с юношей. А после этого один голос сказал: «Пойдемте, чтобы не упустить эту купеческую служанку!» Все быстро удалились. Я после этого быстро вылезла и убежала оттуда со всех ног, не разбирая дороги. А потом я счастливо проснулась. Еще хорошо, что те разбойники не убили меня во сне! – обратилась она к своему будущему жениху, чье лицо каждый миг меняло краску. – А если бы меня убили, ведь правда, ты засох бы от горя, мой любимейший господин жених?

– О! Истинно так, но... – забубнил в смятении благородный господин, злодей и грабитель, – ...но в моем замке все иначе, это же был только сон, просто сон, туман и обман!

Каченка посерьезнела:

– То, что я рассказала, не сон, никакого тумана и обмана не было. И перед всеми собравшимися гостями предьявляю эти доказательства.

Она положила на стол два отрубленных пальца, которые, убегая, взяла она из замка мнимого господина. Это был заранее обговоренный знак. Тут же со всех сторон распахнулись двери, появилась целая куча солдат, которые скрутили преступников, переодетых в господ. Их было двенадцать: поскольку не получилось у них подольститься, хотели они в тот же день отомстить Каченке насилием.

Все двенадцать были заключены в темницу, и через несколько дней ни один из них не ушел от самого жесткого наказания.

Каченка вскоре вышла замуж за богатого купца. И, как и прежде, была опорой своему отцу, и братикам, и сестричкам. Бог благословил ее кучей детей, добрым житьем-бытьем и достатком всего, что нужно на этом свете.

Жена водяного

Жила-была молодая хозяйка, и звали ее Лидушка. Как-то раз полоскала она белье у ручья, и приплыла к ней огромная толстая жаба. Эта жаба была такая мерзкая, что Лидушка испугалась и отскочила на несколько шагов. Жаба растянулась перед Лидушкой в

воде на том самом месте, где она перед этим стирала, растянулась и стала разевать на Лидушку свою пасть, как будто бы хотела что-то сказать, и не могла с места сдвинуться. Лидушка подумала: «Ты, жаба толстая, что ты тут хочешь и почему разеваешь на меня свою пасть?»

И, чтобы отогнать жабу и продолжить стирку, бросила в нее белье, которое как раз держала в руке. Жаба исчезла под водой, но, как только Лидушка вернулась, появилась снова и поплыла прямо к ней. Лидушка снова и снова отгоняла ее, но жаба приплывала к ней опять и опять, разевала на нее пасть, и избавиться от нее не было никакой возможности, она все время мешала Лидушке работать.

– Плыви прочь, ты, жаба толстая! Вот когда появятся у тебя детки, приходи ко мне, стану им крестной! – крикнула Лидушка разгневанно и шлепнула ее мокрой рубашкой.

– Так-так-так! – застрекотала жаба, исчезла под водой и уж больше не мешала Лидушке работать.

Через пару дней Лидушка снова пришла на то самое место к ручью стирать белье. И в тот же миг снова вынырнула гадкая жаба, которая все же не была такой толстой, как в прошлый раз, и заквакала:

– Видишь, у меня уже есть маленькие, а потому я пришла попросить тебя, чтобы ты была их крестной, как мне пообещала. – Тут Лидушка вспомнила, что в тот раз она крикнула жабе, чтобы та возвращалась, когда у нее младенцы появятся, а она будет им крестной. И хотя Лидушка очень испугалась, у нее и в мыслях не было не исполнить то, что пообещала.

– Но ты, безумная жаба, куда же я должна пойти, чтобы исполнить то, что тебе пообещала? – спросила Лидушка, полная тоски.

– Ко мне, ко мне, ко мне! – заквакала жаба и поплыла.

Наша милая кума грустно следовала за ней по берегу. Жаба плыла все дальше и дальше, и когда приплыла к сплаву, остановилась и прогундосила:

– Не бойся, не бойся, милая кума: отвали вот этот камень, увидишь под ним ступеньки, которые приведут тебя в мои владения. Не бойся и иди. А я поплыву вперед!

Она нырнула под воду, а милой Лидушке не оставалось ничего другого, как сделать то, что велела жаба.

Отвалила она камень и увидела, что вниз, под сплав, и правда ведут ступени. Но какие это были ступени! Не были они ни

деревянные, ни каменные, а из самого чистого хрусталя, совершенно прозрачные, словно вода слоями лежала сама по себе. Лидушка стала осторожно спускаться по ступенькам, а жаба уже прыгала перед ней, и гундосила, и квакала, и стрекотала, потому что была страшно рада, что Лидушка будет крестной ее жабьим сыночкам и дочкам. Так что Лидушка не смогла толком осмотреться вокруг и послушно шагала вниз по прекрасным ступенькам.

Они быстро оказались у цели, и перед ними простирался роскошный жабий дворец, целиком выстроенный из хрустально-прозрачной воды. Как и ступени, по которым Лидушка шла вниз, все жабье жилище было ясным и светлым, сверкающим и лучезарным, как настоящий хрусталь. Жаба не переставала радостно скакать вокруг Лидушки и быстро привела ее к своим маленьким жабкам.

Когда с обрядами было покончено и Лидушка стала жабьей кумой, наступило праздничное гулянье. К праздничному столу приплыло множество жаб из ближних и дальних краев. Все прыгали вокруг Лидушки и веселились, громко вопя и квакая. Стол ломился от еды, от всевозможных вареных, печеных и жареных блюд, приготовленных только из рыб: прекрасных карпов, щук, плотвы, форели, уклейки, окуня, леща. Некоторых рыб Лидушка никогда прежде не видела. Все приводило ее в восхищение. А когда с едой было покончено, она еще раз прошлась по жилищу, чтобы рассмотреть все хорошенько.

Наконец пришла она к особенной нише, которая выглядела как кухня, и нашла в ней много длинных полок, а на тех полках стояли один за другим горшочки. Лидушке было интересно, почему на каждом из них крышечка. Чтобы понять это, она подняла крышечку у одного горшочка. И тут же из горшочка вылетела белая голубка, радостно затрепетала крылышками, взлетела вверх и исчезла. Лидушка взяла другой горшочек, открыла и его, и – глядь! Снова вылетела прекрасная белая голубка, радостно затрепетала крыльями, взлетела вверх и исчезла. А Лидушка взяла и открыла третий горшочек, и вылетела из него третья белая голубка, радостно затрепетала крыльями, взлетела вверх, только ее и видели. И удивилась Лидушка, почему закрыто столько великолепных белых голубок. Ведь Господь Бог дал каждому человеку бессмертную душу, чтобы жить вечно, а птицам дал крылья, чтобы те свободно и беззаботно летали по всей земле.

– Ведь это великая несправедливость, – сказала она себе в душе, – что они заключены в такой тьме! Подождите, милые голубки, я всех вас отпущу на свободу!

Она принялась быстро открывать один горшочек за другим, и из каждого вылетала белая голубка и, будто желая поблагодарить за освобождение из темницы, каждая трепетала крыльями, а потом возносилась в вышину и исчезала с глаз.

Только открыла она последний горшочек, как прискакала хозяйка жабьего дома, та самая противная жаба, и стала жутко квакать и сокрушаться. Она все увидела издалека.

– Несчастливая! Несчастливая! – кричала жаба на Лидушку. – Что ты сотворила? Ты же все души выпустила! Быстро, быстро, убегай со всех ног! Мой муж уже близко! Если он схватит тебя, то утопит, и душа твоя окажется в горшочке под крышечкой!

Лидушка оглянулась, но ничего не увидела. Только немного поодаль заметила ленточки, прекрасные алые ленточки, которые плыли по водной глади, приближаясь к ней. И вдруг она вспомнила то, что часто слышала: водяной появляется на поверхности воды в виде красного банта, чтобы девушек, сгребаящих сено на лугах возле рек, подманить поближе к воде, схватить и утопить, пока они пытаются граблями дотянуться до ленточек.

Как перед большой водой во время наводнения, побежала она вверх по ступенькам и чудом счастливо успела выскочить на сушу. Была Лидушка очень рада, что выпустила всех белых голубок на свободу, потому что были это душечки тех невинных несчастных людей, которых водяной заманил и утопил.

О трех великанах

Жил-был однажды граф, и было у него три сына. Он был большим военачальником, и его старший сын тоже был офицером. Граф долгие годы был удачлив на службе, но однажды пал в суровом, жестоком бою. Графиня и сыновья очень страдали от утраты мужа и отца. Графине пришла в голову мысль совершить паломничество в Рим и помолиться там о душе покойного. И путь до Рима совершить не в карете, а пешком. Мать и сыновья без промедления собрались, взяли деньги и отправились в путь.

Дорога их проходила гладко и быстро, пока не оказались они в большом лесу, из которого не могли найти выход. Настала ночь, и братьям не осталось ничего другого, как устроиться в лесу на ночлег. Они развели огонь, зажарили на ужин зайца, которого застрелили по дороге. Однако сыновья боялись, как бы не напал на них ночью хищный зверь, а потому договорились, что один за другим будут охранять сон остальных. Сначала в дозор вышли старшие братья, и наконец, пришел черед младшего, по имени Славотех.

Славотех был самым хитрым из братьев.

– Что это я должен стоять как чурбан на одном месте? – сказал он вскоре.

Встал он и пошел пройтись по лесу. Где-то вдали мерцал свет, и он пошел к нему. Чем ближе Славотех подходил, тем сильнее и ярче был свет. Наконец он увидел огромный костер и трех великанов, которые жарили на вертеле быка. Славотех всмотрелся и увидел, как отрезали они от быка прожаренный кусок за куском и ели. И он придумал: взял ружье и выстрелил как раз тогда, когда один из великанов подносил кусок мяса к огромному рту, и отстрелил кусок.

– Ты что? И этот кусочек мяса мне спокойно съесть не даешь? – обратился великан к своему другу великану.

А тот как раз наклонился за жбаном, чтобы напиться, и сказал:

– И с чего бы я тебе не давал? Ешь сколько в тебя влезет.

После этих слов поднял он жбан к губам. Славотех прицелился и расколол ему жбан.

– Негодяй! – налетел второй великан на первого. – Меня упрекаешь, что не даю тебе кусок мяса съесть, а сам выбил жбан у

меня из рук!

Но третий великан, который до сих пор только поглядывал на них, сказал:

– Тут кроется что-то другое. Мне кажется, что где-то поблизости затаился какой-то крот. Пойдемте-ка его поищем. А как найдем, насадим его на вертел к быку.

Славотех не испугался. Наоборот. Он вышел к ним навстречу. Великаны его увидели и закричали:

– Ну, погоди, ты, карапуз! Ты что к нам лезешь?

Славотех ответил:

– Нет-нет, все не так: я вам не хотел навредить, я всего лишь хотел показать, что умею. А умею я так метко стрелять, что, не целясь, попаду в медный грош.

– Ну, если это правда, – сказал один великан, – такой стрелок нам нужен.

– Истинная правда, – ответил Славотех, – возьмите в руку медный грош, и я вам это тут же докажу.

Великаны хотели удостовериться, но им не особо хотелось держать монетку в руке. Сделали они из монеты мишень. Славотех вскинул ружье и действительно попал в медный грош.

Великаны сказали:

– Ну, раз ты такой хороший стрелок, даруем тебе жизнь. Мы тут уже семь лет ждем принцессу. И мы уже почти ее схватили. Однажды нам удалось усыпить всех обитателей замка. И когда оставалось совсем чуть-чуть, чтобы завладеть принцессой, вдруг стала лаять собачка-забиячка и лаяла так долго, что всех в замке разбудила. Вот ты эту собачку и застрелишь, только пойдем с нами.

Пошли они к освещенному замку. Собачка-забиячка тут же принялась ужасно лаять. Славотех прицелился и застрелил собачку. Но в замок попасть они все равно не могли, потому что все ворота были на замке.

– Как же мы туда попадем? У нас нет ни мотыги, ни лопаты, ни кирки, чтобы проломить стены или сделать подкоп!

Славотех сказал:

– В замке этого добра наверняка много! Забросьте-ка меня, высокие господа, в окно замка, я найду все, что требуется, и сброшу вам.

И взяли великаны Славотеха, и бросили его в окно замка: прямо в покой, где спала принцесса.

Посмотрел Славотех на принцессу, и очень она ему понравилась: была она прекраснее, чем цветок розы.

– О, бедняжка, – вздохнул Славотех, – и ты должна пасть от рук этих страшил? Нет, не бывать этому, я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти тебя.

Славотех огляделся и увидел на стене огромный меч. Внизу под мечом стоял шкафчик, в нем нашел он бутылочку с бумажкой, на которой было написано: «Кто выпьет эту бутылочку, сможет снять со стены этот меч». Он выпил бутылочку до дна и почувствовал огромную силу. Снял Славотех меч, но не смог удержать его в руках, такой он был тяжелый.

Он поискал еще и нашел другую бутылочку, на которой была записка, что кто ее выпьет, тот сможет меч удержать. Славотех выпил и смог удержать в руках меч. Но владеть мечом и сражаться им он не мог. Он поискал и нашел третью бутылочку с записочкой, что кто ее выпьет, сможет мечом сражаться, как любым другим. Выпил парень эту бутылочку и тут же смог играть гигантским мечом, как деревянной сабелькой.

Нашел он в замке мотыги, лопаты и кирки и сбросил их в окно великанам. Великаны принялись старательно делать подкоп. Копали, копали и наткнулись на подвал. Славотех наблюдал изнутри. Великанам уже удалось выкопать порядочную дыру. Один великан сунул в нее голову и полез внутрь. Но Славотех ждал внутри. Он взмахнул мечом и одним махом отрубил великану голову, а тело втянул в подвал. И второму великану отрубил Славотех голову и втянул его в подвал. То же сделал он и с третьим.

Как только погубил он всех великанов, вынул нож, вырезал у них языки и спрятал их. Потом он поднялся наверх. Принцесса еще спала. Рядом с ней увидел он прекрасный платок с вышитым именем, разорвал его напополам и половину с именем взял себе. У кровати увидел он башмачки, один из них он тоже взял себе. На руке принцессы увидел он золотой перстень, стянул с ее пальца, спрятал у себя и покинул замок.

Пришел Славотех в лес, когда только начало светать. Братья еще спали. Он их разбудил:

– Вы оставили меня стеречь долго, слишком долго. Вставайте! Уж день настал.

Встали они, собрались и отправились дальше в Рим.

Оставим их путешествовать, а сами заглянем в замок.

Утром, когда стражники проснулись, они с удивлением обнаружили подкоп и трех убитых великанов. Напрасно они расспрашивали и искали, кто этих великанов погубил. Сотник, который в ту ночь командовал охраной замка, быстро сообразил, что сделал это какой-то чужак. Он хорошо знал, что король пообещал отдать принцессу тому, кто погубит великанов, поэтому пообещал солдатам щедрую награду, если все узнают, что великанов убил он, и только он. Солдаты согласились, что будут свидетельствовать именно это. Сотник не мешкая отправился к королю и сказал ему:

– Милостивый король и господин мой! В эту ночь мне посчастливилось убить великанов, твоих великих противников. Все войско засвидетельствует, что убил их я. Те, что так досаждали тебе, лежат в подвале, убитые моей рукой. А я пришел просить руки твоей дочери.

Король обрадовался, что великаны побиты, но казалось, что принцесса была не особенно рада, поскольку сотник был старый и противный усач с ужасными манерами, которые претили прекрасной, нежной и утонченной девушке. Кроме того, в ее чуткой душе зародилось подозрение. Какая-то неуверенность и несовпадения звучали в речах сотника, выражение его лица и голос говорили принцессе, что сотник не тот, кто ее освободил. Поэтому попросила принцесса отца и своего мнимого освободителя, чтобы дали они ей немного времени – год и три дня, после этого она выйдет замуж, а сейчас она слишком молода. Король хотел, чтобы из благодарности дочь немедленно вышла замуж за сотника. И сотник настаивал на этом. Но министры и дворцовый совет выступили на стороне принцессы, поэтому она получила год и три дня ожидания, о которых просила.

Кроме того, принцесса попросила отца, чтобы он построил у дороги большой трактир, в котором никто не должен был бы платить. Принцесса переоденется в мужскую одежду и будет год и три дня в одежде трактирщика обслуживать гостей.

Вскоре у дороги стоял новый трактир. Король щедро дал принцессе все, что нужно для приема гостей. На вывеске перед трактиром она велела написать: «Здесь каждый может есть и пить в свое удовольствие, платить ничего не должен, а только должен поведать какую-нибудь историю из своей жизни».

Легко себе представить, что трактир не пустовал – напротив, от гостей отбоя не было. Каждый рассказывал принцессе, переодетой в трактирщика, какую-нибудь историю из своей жизни. Некоторые гости особенно рассказывать не умели, но находились и такие, которые рассказывали так прекрасно и запутанно, что принцесса прекращала работу, слушая рассказчика с искренним интересом.

Между тем случилось так, что графиня с тремя сыновьями возвращались из путешествия в Рим. Дорога их шла возле нового трактира. Славотех увидел надпись и засмеялся, остальные вывеску не заметили.

– Давайте остановимся в трактире, – сказал младший.

Они остановились, закусили, и было им очень вкусно. После еды спросили они трактирщика, сколько должны.

– Сколько вы должны? – ответила принцесса. – Только посмотрите на вывеску перед домом, там все написано черным по белому.

Славотех выбежал наружу, как будто не знал ничего, и вернулся, смеясь, назад. Он сказал матери и братьям, что прочитал на вывеске.

– Простите, – сказала им принцесса, – я еще не женат, а у меня уже есть свои прихоти. Я вижу, что вы не хотите ни подарков, ни пожертвований. Но я не должна – то есть, не должен – делать исключения, поэтому расскажите мне каждый что-нибудь. Искренне рад буду услышать как радостные, так и жалостные истории из жизни ваших близких.

Принцесса присела за их стол, и графиня начала рассказывать первая. Она поведала о своем трауре, из-за которого отправилась в Рим, и что происходило с ними по пути. Принцесса сочувственно ее выслушала. После этого старший сын рассказал о нескольких событиях, произошедших во время его службы в армии, и принцесса выслушала его с интересом. Другой сын тоже что-то поведал, а принцесса послушала его с радостью.

– Что бы такое вам рассказать? – произнес Славотех, когда пришел его черед. – Со мной ничего такого не происходило.

Принцесса отозвалась:

– Это ничего, расскажите что-нибудь, наверняка что-то было в вашей жизни, чем вы можете поделиться.

Но Славотех отказывался, повторяя, что с ним ничего не случилось, вот разве однажды, кажется, неподалеку отсюда, когда они путешествовали в Рим.

– Да и это не стоит рассказывать, потому что мне никто не поверит.

Эти слова пробудили в душе принцессы любопытство и интерес, и она принялась настаивать, чтобы он рассказал, что с ним приключилось в этих краях, пусть даже самое неправдоподобное. И Славотех стал рассказывать:

– Мы заблудились где-то в окрестностях и вынуждены были переночевать в лесу. Каждые два часа мы сменяли друг друга на страже.

– Да! Да! Это правда! – засвидетельствовала графиня-мать. – Я тогда такой страх пережила!

– Когда пришла моя очередь, – продолжал Славотех, – взял я ружье и встал на стражу. Мать спала, братья тоже быстро заснули. А я решил пройтись по лесу. Пошел и увидел костер, а у костра – трех великанов. Они жарили быка на вертеле. Одному я отстрелил мясо от губ, другому разбил жбан, когда тот хотел выпить. Погнались они за мной, обозвали карапузом и чуть не убили. Но когда я сказал, что я хороший стрелок и могу в медный грош издали попасть, а они удостоверились, что это правда, то ничего со мной не сделали, а взяли меня с собой. Они хотели, чтобы я пристрелил собачку в замке, откуда хотели украсть принцессу, которую безуспешно поджидали уже семь лет. Засунули они меня в карман и донесли до самого замка.

Графиня и старшие братья переглядывались между собой, как будто хотели сказать: «Что несет этот парень?»

– Замолчи, лгун, – перебила его графиня, – и не лги!

Но принцесса сказала:

– Дайте ему договорить, милая госпожа, это так прекрасно.

И Славотех стал рассказывать дальше, как он застрелил собачку и вошел в покой принцессы, как нашел огромный меч и бутылочки и отсек великанам головы. И так далее – все рассказал, утаил только,

что отрезал языки у великанов и что у принцессы взял платок, башмачок и перстень. И, наконец, завершил он свою речь так:

– Господин трактирщик, я эту принцессу хорошо помню и должен вам сказать, что вы на нее очень похожи.

Принцесса покраснела, но ничего не сказала, убежала в соседнюю комнату и тут же вернулась роскошно одетой – уже как принцесса.

– Я та принцесса, мой дорогой спаситель? – спросила она.

Графиня всплеснула руками, когда услышала от принцессы, что все это чистая правда.

– А сейчас поедem на свадьбу, – сказала принцесса и немедленно послала за королевской каретой для себя и новых друзей, приглашенных ею на свадьбу. Карета подъехала, они сели и отправились в замок.

Приехали все в замок, где уже начинался свадебный пир. Славотех сел возле принцессы, напротив жениха, сотника. Сотник за столом рассказывал, как он убил великанов, хвалился, что это была тяжелая работа, потребовавшая сил и сообразительности. Он хвастался напрапалую. Славотех все время только улыбался. Жениху это не понравилось, и он грубо накинулся на Славотеха:

– Что вы все время смеетесь?

Славотех ответил:

– Простите, милый жених, но у меня есть такой недостаток: меня разбирает смех, когда я слышу ложь.

– Как вы это себе представляете? Ложь? Вы хотите выставить меня лжецом? – оборвал его сотник и резко встал из-за стола.

Славотех улыбнулся:

– Уверяю вас, что мой недостаток, этот искренний смех, – это совершенно естественная вещь. Пойдемте посмотрим на тех великанов.

Они пришли в подвал, и Славотех сказал:

– А где у этих великанов языки?

Все смотрели, но языков не обнаружили.

– А кто в мире вообще видел, – засмеялся сотник, – что у великанов есть языки?

– Хм, – ответил на это Славотех, – у этих трех великанов языков нет, но, – тут он вытащил из сумки три языка, – не подойдут ли им вот эти?

Примерили языки и увидели, что принадлежат они, без малейшего сомнения, этим самым великанам.

Все удивлялись мошенничеству сотника. Славотех вынул башмачок:

– Этот башмачок я взял в покое принцессы под кроватью.

Принцесса принесла другой башмачок, и все увидели, что они составили пару. Вынул Славотех половину платка с вышитым именем принцессы. Принцесса принесла другую половину, и все увидели, что это части одного целого. Наконец, вынул он и перстень:

– Этот перстень я снял с пальца принцессы.

И принцесса узнала свой перстень.

Каждому было яснее ясного, что Славотех и есть настоящий освободитель и спаситель. Славотех получил принцессу в жены, и тут же состоялась свадьба. Пировали целых четыре недели. Графиня осталась вместе с сыновьями у Славотеха при королевском дворе. Сотник был обвинен в мошенничестве, которое совершил по отношению к королю и принцессе, и суд приговорил его к четвертованию.

Соловей и вороны

Жил-был один садовник в городе Терст, и было у него два сына. Была у них птичка соловей. Когда собирались они втроем дома, птичка им всегда пела. Как-то старший брат спросил:

– А почему эта птичка поет, только когда мы вместе собираемся?

– Я могу сказать, о чем она поет, – ответил младший брат, – она поет о том, что я буду большим господином и мать мне будет ноги мыть, а отец вытирать, а ты мне будешь кланяться и руки-ноги целовать.

Отец рассердился и стал советоваться со старшим сыном: что им делать с младшим? И посадили его, двенадцатилетнего сынка, в большое корыто и пустили по воде. Рыбаки его выловили, и знатная госпожа его усыновила, а было это уже в земле испанской.

Потом случилось так, что выпало столько снега, что птицы никак не могли попасть на землю. Одна ворона-мать бросила своего вороненка, но отец-ворон выкормил его как мог, чтобы тот не погиб, и вороненок благополучно пережил зиму. После этого ворона-мать

начала снова говорить о материнстве, повторять, как трудно было, когда она яички высидывала, да и снести яички было ей нелегко. Ворон же отвечал, что не та мать, которая родила, а та, которая вырастила. И стали ворон-отец и ворона-мать о вороненке спорить. Прилетели они к испанскому королю, чтобы тот решил, кому из них принадлежит вороненок.

И хотя прилетали они к королю очень часто и каркали ему свои жалобы, король карканье совсем не понимал, только знал, что вороны что-то пытаются ему объяснить. Тогда он разослал по всему королевству приглашение: тот, кто понимает воронье карканье, должен без промедления прибыть ко двору короля. Сынок садовника, которому в ту пору было девятнадцать лет, объявил, что понимает язык всех птиц.

Прилетели вороны, сынок послушал и перевел их просьбу: чтобы король рассудил, кому принадлежит вороненок, отцу или матери. Король решил, что вороненок принадлежит отцу-ворону, и вороны улетели. Сынок садовника же за свою помощь получил – как это было наперед объявлено – дочь и полкоролевства.

И стал он великим господином, и решил поехать посмотреть, как поживают его родители. В прекрасной карете с шестью конями приехал он к родительскому дому. Родители вышли и пали к его ногам, когда увидели, что к ним подходит такой великий господин, но сына не узнали. Он попросился на ночлег. Мать быстро застелила ему прекрасную постель, а когда готовился он идти спать, принесла воду и омыла его ноги. Брат же поцеловал его руку, упал на колени, поцеловал его ноги и просил, чтобы великий господин взял его в свое королевство слугой.

Когда же поутру все проснулись, сынок объявил, что он их сын, их кровинушка. И тогда все поняли, что все, о чем пел тогда соловей, исполнилось. Сын взял родителей в свой замок и до смерти служил им. Брата же он сделал князем в своем королевстве.

О дьявольской танцовщице

Одна дочь славного короля каждую ночь стаптывала двенадцать пар башмачков, и никто не мог доискаться, как это происходит. В конце концов король приказал изготовить железные башмаки, но все напрасно, и их принцесса стаптывала.

Наконец король объявил, что тому, кому повезет это необычайное дело прояснить, с радостью отдаст полкоролевства. Собралось много желающих разгадать эту загадку, но каждого принцесса отсылала домой, пристыдив и посмеявшись над ним.

Услышал об этом и один бедняк, у которого было три сына, и велел им идти ко двору короля попытать свое счастье.

Прежде всех пошел самый старший. Вечером привели его к дверям спальни принцессы и поручили всю ночь не спать и во всем разобраться. Под кроватью принцессы уже стояло двенадцать пар железных башмаков. После девяти пришла принцесса со своей горничной, очень мило с ним поговорила, даже сама налила ему бокал вина. Вино было хорошим, слова – приятными. Вскоре страж сидел, разленившись, мило разговаривал с принцессой, и еще десять не пробило, как он крепко уснул. Принцесса и горничная стали громко смеяться.

Утром, когда король вошел в спальню дочери, страж и принцесса крепко спали, но двенадцать пар дырявых башмаков стояли под кроватью. Страж неохотно проснулся, ему дали хорошего пинка и отослали домой.

Пришел второй брат и попросился сторожить принцессу, но с ним приключилось то же самое.

Последним пошел Вашек, самый младший брат.

По дороге к королевскому замку оказался Вашек в огромном лесу, в котором стояла одинокая пустынька отшельника. Страдая от жажды, зашел он внутрь и хотел попросить горшочек молока. И тут же на пороге обнаружил Вашек больного отшельника, который лежал в обмороке. Он поднял старца и попытался его как мог привести в чувство. Вашеку это удалось, вскоре отшельник пришел в себя и принялся горячо его благодарить. Но Вашек не хотел бросать старца и

всячески заботился о нем. Когда же пришел последний час жизни отшельника, подозвал он Вашека к себе и сказал:

– Спасибо тебе сердечное, милый сын, за твою ласку, рад был бы как-то отплатить, но у меня ничего нет, только эти три вещи: шапочка, палка и сумка, может, они тебе когда-нибудь пригодятся. Как только ты наденешь шапочку, станешь невидимым. Как только ударишь палкой оземь и подумаешь: «Пусть я окажусь там-то и там-то», и тут же там очутишься. А сумка – что захочешь в нее положить, все в нее войдет.

Потом отшельник благословил Вашека и скончался.

Вашек похоронил его в маленьком саду, на могиле посадил розы и отправился дальше.

Когда пришел он в город, попросился стеречь принцессу, король его всячески отговаривал, но Вашек твердо стоял на своем. Пришел он вечером в спальню и ожидал принцессу, тут двери отворились, и она вошла, смеясь. Вашек должен был сесть к столу, и веселый разговор струился, словно ручеек между розами. Вот принцесса взяла бокал вина и предложила его Вашеку, но он одним движением вылил это вино себе за ворот, и второй, и третий бокал – тоже. В вине, как и предполагал Вашек, был порошок, из-за которого стражи засыпали. А Вашек только делал вид, что он вот-вот уснет. Но он не пропустил ни слова из того, что говорили между собой принцесса и горничная: «Ну, этот нам и задал работы! Наверное, это какой-то пьяница, раз его только третий бокал пробрал, да еще с таким сильным порошком!»

– Быстро! – велела принцесса горничной. – Мы уже на час опаздываем. А ну-ка пусти!

Подошла она к Вашеку и принялась таскать его за волосы. Вашек – ни звука.

– Да он спит, как колода, милостивая принцесса, – сказала горничная.

– Кто знает, – сказала принцесса, – и изо всей силы пнула Вашека по ноге каблуком.

Вашек и бровью не повел.

Взяла принцесса со стола светильник и стала светить ему в глаза. Вашек – ничего. Тогда она сказала горничной:

– Пойдем. Бояться уже нечего.

Краешком глаза Вашек видел, как принцесса берет из шкафчика мазь, вместе с горничной быстро натирает подмышки, обувает башмаки, и после этого в середине спальни расступается пол, поглощая обеих.

Вашек вскочил, взял в руки палку, надел шапочку, повесил сумку на шею и тоже натерся той мазью. Как только встал он в центр спальни, пол расступился, и Вашек увидел перед собой узкие ступени. Он быстро спустился и очутился на зеленом лугу, где не было ни одной живой души. Ударил он палкой и прошептал:

– Пусть я окажусь там, где сейчас принцесса!

И тут же оказался он в густом, темном розмариновом лесу, позади принцессы.

– Ты ничего не слышишь? – спросила принцесса у служанки. – Мне показалось, что будто кто-то идет за нами.

– Да это только ветерок в ветвях шумит, – ответила горничная, и они быстро пошли дальше.

Но Вашек сорвал ветвь розмарина и спрятал ее в сумку. После розмаринового леса оказались они в лесу серебряном, и здесь Вашек отломил ветвь так, что все зазвенело. Принцесса застыла в испуге, вглядываясь острыми глазами в лес, но ничего не увидела.

– Не знаешь, что это за шум был? – спросила она у служанки.

– Да это просто ветер с ветвями играет!

Потом попали они в золотой лес. Когда Вашек отламывал ветвь, начался такой грохот, что принцесса обомлела от испуга. Горничная привела ее в чувство и повела дальше.

– Не пугайтесь, милая принцесса! Деревце раскачалось, и это разнеслось по всему лесу.

Наконец очутились они в прекрасном саду. В центре стоял огромный дом, из которого доносилась приятная музыка. Но вся эта красота была фальшивой: это был ад, в котором – сохрани нас, Господи Боже! – жил сам Люцифер. Шесть празднично одетых чертей побежали им навстречу, радостно приветствуя.

– Ну где же вы были, прекрасная принцесса, что же так опаздываете? – спрашивали они ее.

– Я упала в обморок в золотом лесу, но теперь уже снова весела и здорова. Принесите мне платье, чтобы я переоделась.

Черти немедленно принесли принцессе прекрасное, сотканное из золота платье, и горничная хотела ее одевать. Но Вашек подскочил, схватил платье и сунул его в сумку. Ох и начались поиски! Все удивлялись и удивлялись, но ничего не могли поделать: поэтому привели несколько портных и велели сшить принцессе новое платье. А чтобы время зря не терять, уселись пока что к столу. Накрыто было на двенадцать персон, но за стол уселись только одиннадцать. Двенадцатый приглядывал за готовкой на кухне и мог присесть только на минутку. Но на его место за столом ставили блюда, как и другим. Вашек этим воспользовался, уселся на пустующее место и принялся пробовать все, что было на тарелках. С огромным удивлением все увидели, как сама собой исчезает еда, и никто не знал, куда она девается. Из-за этого все общество чертей было каким-то рассеянным, но после угощения все-таки пустились танцевать.

Теперь Вашек не удивлялся, как принцесса за ночь стаптывает двенадцать пар башмаков! Она шла от черта к дьяволу, ее партнеры дергали и крутили ее с такой скоростью, что у Вашека голова кружилась, когда он на это смотрел. Визги и дикий галдеж дьяволов заглушали музыку. Потом часы пробили полночь, закукарекал петух, и все превратилось в пепел. Весь свет погас, и в саду воцарилась тьма-тьмушья. Но Вашек ударил палкой оземь и сказал:

– Пусть я окажусь в спальне принцессы!

И тут же там очутился. Он спрятал шапочку, палку и принялся храпеть, как будто бы крепко спал.

Вскоре в спальню вошли принцесса и горничная и принялись громко смеяться, когда увидели Вашека.

– Ну, этот все выследил! Подожди, братец, утром будешь на голову короче, тебя я не позволю просто так пинком выгнать, слишком трудно было тебя усыпить.

Принцесса бросилась на ложе и тут же уснула. Утром пришел король и спросил Вашека, выследил ли он что-то.

– Да, все.

Принцесса посмотрела на него с удивлением, потом принялась смеяться и сказала:

– Так ведь ты целую ночь как бревно спал!

– Ну, раз я спал, значит, приснилось мне, как принцесса подавала бокал вина со снотворным порошком и что я его не выпил, а вылил за

ворот. И второй бокал, и третий тоже. Потом принцесса таскала меня за волосы и пинала каблучком, проверяя, крепко ли я сплю. Потом взяла она из шкафчика мазь, натерла ею подмышки, горничная тоже, и пошли они по лестнице вниз. Я за ними. Пришли мы на зеленый луг, потом в розмариновый лес, потом в серебряный, потом в золотой, и в том лесу принцесса упала в обморок, а потом пришли в прекрасный сад с великолепным домом. Шесть чертей пришли приветствовать принцессу и спрашивали, почему она так поздно пришла. Принцесса хотела на увеселения переодеть платье, но я его схватил и сунул в сумку. Пока черти шили новое платье, устроили угощение, на двенадцатое место сел я, и все удивлялись, куда девается еда с тарелок, потому что меня они не видели. После угощения начались танцы: и я уже не удивлялся, почему принцессе нужно после каждой ночи двенадцать пар башмачков, один дьявол за другим брал ее в объятия и крутил как вихрь, пока петух не закукарекал.

– Ты лжешь! – выкрикнула принцесса, вся дрожа.

– Я правду говорю, – ответил Вашек, – удостоверьтесь сами, милостивый король!

И стал он из сумки вытаскивать ветку розмарина, серебряную и золотую ветви, сотканное из золота платье принцессы и пышки со стола. Но едва все это оказалось на столе, на который он это выложил, розмарин превратился в горку еловых иголок, серебряные ветви – в чертополох, золотые – в терн, платье стало огромной запыленной паутиной, а пышки – конским навозом. Как только король это увидел, он очень испугался, а принцесса взбесилась и стала кричать:

– Если это правда, пусть я в эту самую минуту к тем чертям, с которыми якобы ночью танцевала, провалюсь на веки вечные!

Она еще не успела это договорить, как пол расступился, снизу поднялось ржавое пламя, и бесы, с которыми принцесса ночью отплясывала, встали перед ней, схватили ее и навсегда исчезли в аду.

Когда улеглось смятение, Вашек попросил обещанную половину королевства. Но король был очень разгневан и крикнул:

– Что ты о себе возомнил, деревенщина неотесанная! Чтобы я тебе половину королевства отдал? Если бы еще принцесса была жива, а теперь мы ее потеряли!

Но Вашек ответил:

– Милостивый король! Она своим безбожием и легкомыслием лишила себя и земной, и вечной жизни. И я прошу, чтобы и вы – так же честно, как я выполнил свое обещание и до самого ада за принцессой шел, чтобы и вы исполнили то, что пообещали, и отдали мне половину королевства.

– Что ж, удалой герой, почему бы и нет! Если завоюешь, будет твое. Как только настанет полнолуние, я буду стоять со своим войском на границах половины моего королевства. Приводи туда свои полки, и все решится. – Король ухмыльнулся и отвернулся от Вашека.

Наступило полнолуние. Королевские полки стояли около границы, уже издалека было видно, как блестят шлемы. Но Вашек приближался к ним один-одинешенек.

– Ну, Вашек! Охота тебе воевать?

– А как же неохота? Весь дрожу от нетерпения! Разрешите мне первым начать, раз уж я один против такого войска?

– Ясное дело, – засмеялся король.

У Вашека не было оружия, но он поднялся на горку и крикнул:

– Все, кто тут есть, кроме короля, прыг в сумку!

И как только он это произнес, полк за полком поскакали в сумку, и все скрылись, только один король остался стоять в поле, как оглушенный.

– Ну так как, господин король? – крикнул Вашек. – Или вы тоже хотите в сумку?

Король, полумертвый от страха, в ту же минуту составил грамоту, в которой на вечные времена отказывался от половины королевства, и стал настойчиво просить Вашека, чтобы тот выпустил из сумки его людей. Вашек немедленно выполнил его просьбу и с тех пор всегда сохранял с королем добрососедские отношения, потому что король делал все, чтобы Вашеку никогда больше не пришлось в голову приказать: «Все королевство вместе с королем – прыг в сумку!»

Старый отец и братья Вашека переехали к нему и жили очень хорошо до самой неблизкой смерти.

Волшебная мельничка

Жили-были два брата, один бедный, другой богатый, один батрак, а другой зажиточный крестьянин.

У батрака было шестеро детей, которые часто приходили к богатому дядюшке, чтобы тот им что-нибудь подарил. Однако дядя был скупым и мелочным, злился и ругался на детей.

Однажды у зажиточного крестьянина забивали скот. Бедный брат подумал: «Пойду-ка я к нему и попрошу какой-нибудь обрезок». Пришел, но еще не начал просить, а брат уже на него сердито напустился:

– Чего тебя опять черт несет?

Бедняк ответил:

– Не несет, брат, иду сам и прошу тебя: подари мне какой-нибудь кусок, чтобы у нас с детьми было что поесть!

– Чем тебе что-то дать, – оборвал богач, – лучше пошлю гостинец дьяволу в ад.

Брат ответил:

– Братец, дай мне гостинец, я сам отнесу господину черту.

Брат-богач отрезал кусок мяса:

– Вот тебе, и иди уже с глаз долой.

Бедняк поблагодарил и пошел.

По дороге домой он думал: «Устроим с детьми пир». Шел он необычайно долго и наконец понял, что заблудился и что идет по незнакомой тропе. Повернулся бедняк и пошел в другую сторону. Но быстро понял, что и та дорога неверна. Попробовал он пойти еще в разные стороны и направления, но все напрасно, домой попасть никак не мог.

– Пойду куда глаза глядят, – сказал он и пошел.

Пришел бедняк по узкой дорожке на поле, встретил охотника, а тот его спросил:

– Дружище, что несете? Куда идете?

– Несу дьяволу в ад гостинец, который брат послал, но не могу найти дорогу, заблудился.

Охотник сказал на это, что покажет ему дорогу.

Шли они вместе через горы и леса, и наконец его провожатый сказал:

– Иди туда, никуда не сворачивая, и не заблудишься. Придешь к скале, увидишь железные двери, постучишь в них, они и откроются. Если Люцифер будет тебя спрашивать, что хочешь в награду, не проси его ни о чем, только о мельничке для кофе, которая стоит за дверьми.

После этих слов он повернулся и ушел, оставив батрака одного.

И пришел бедняк через железные двери в ад и сказал самому старшему Вельзевулу:

– Вот, брат тебе гостинец посылает.

Обрадовался дьявол и говорит:

– Что ты хочешь в награду? Набери себе золота, серебра, все получишь, что ни пожелаешь.

– Дай мне в награду вон ту ржавую мельничку, – сказал батрак.

Люцифер не хотел ее отдавать.

– Выбери что-то получше, мельничку тебе не дам, – сказал он.

Но батрак настаивал на своем, и Люциферу все же пришлось отдать мельничку. Батрак поблагодарил и отправился домой.

Однако охотник, что указывал ему дорогу в ад, догнал его и позвал:

– Постой, я еще должен тебе рассказать, что может эта мельничка.

О чем ты ни подумаешь, о чем ни попросишь, все тебе намелет. Только знай и помни: когда захочешь, чтобы она перестала молотить, должен трижды повернуться в обратную сторону и сказать: «Уже хватит».

Вернувшись домой, бедняк рассказал жене обо всем, что с ним приключилось, и показал ей мельничку. Она захотела удостовериться, действительно ли все обстоит так, как говорит муж. Поэтому она взяла мельничку и начала молотить, говоря:

– Мели, мельничка, двадцатники!

И тут же стал падать двадцатник за двадцатником.

С той поры закончились их горе и нужда. Когда чего-то в доме не доставало, они шли к мельничке, и та молола и молола. Дети батрака уже не должны были ходить к дяде, батрак не должен был упрашивать немилосердного брата.

Брату-богачу было неприятно, что брат-бедняк больше к нему не ходит, главное, потому, что со всех сторон приходили к нему известия, какой достаток и богатство господствуют теперь в избе брата. И решил он пойти брата навестить.

Пришел, и когда увидел это изобилие, спросил:

– Пожалуйста, брат, расскажи мне, как это у тебя появилось?

Брат-батрак все и рассказал, принес мельничку, показал брату. Все, что он хотел, мельничка молола.

Алчный брат сказал:

– Брат, отдай мне эту мельничку, я тебе все хозяйство отдам, а сам перееду далеко, за море, в чужие земли.

Батрак подумал: «Хозяйство и имение – это надежное дело!» Поэтому сказал:

– Хорошо. Я отдам мельничку за твое хозяйство.

Принял он от брата имение, и брат-богач, который за границу любил больше, чем родные края, сел на корабль, чтобы отправиться в заморские страны. Он заранее запасся всем, что могло потребоваться ему в путешествии. Забыл только о соли, так что пришлось попросить мельничку. Соль так и посыпалась. Вот уже намолочила она целую бочку, вот уже девять бочек, уже стало соли слишком много, а мельничка все молола и молола. Забыл богач трижды повернуться наоборот, и потому мельничка неустанно молола, пока корабль не утонул, а вместе с ним и сам богач.

Масляные бочки

Жили-были два брата: зажиточный крестьянин и сапожник. У сапожника была лишь бедная избушка да семеро детей-оборванцев. У зажиточного крестьянина был большой дом, всего в изобилии, но ни одного ребенка. Брату богач ничем не хотел помочь. Зимой сапожник ездил с санками в лес по дрова.

Однажды ночью сапожник проснулся, и поскольку за окнами было серо, подумал, что уже светает, а потому взял санки и поехал в лес. Приехал и только тут услышал, что бьет всего лишь полночь. Оставил он санки в кустах, залез на дерево, решив подождать, пока развиднеется и настанет день.

Тут появились двенадцать человек и начали недалеко разбрасывать еловые ветки. Разбросали все и один за другим полезли под землю. Это было воровское укрытие.

Через час, когда разбойники уложили все, что награбили, вылезли они наружу, укрытие снова забросали еловыми ветками и ушли.

Сапожник слез с дерева, залез в воровское укрытие, погрузил на санки много добра и поехал домой. Дома рассказал он жене, как Господь Бог ему послал счастье. Накупили они всего, что им было нужно для себя и детей, а брата больше о помощи не просили. Через некоторое время сапожник набрался смелости и поехал еще раз в лес.

И снова нагрузил санки всевозможными кладами из воровского укрытия.

Богатому брату благополучие брата-бедняка не давало покоя, поэтому он пошел к нему и стал спрашивать, откуда у него взялось его имущество. Брат ему сказал:

– Я тебе расскажу, только ты меня не выдавай!

Все ему рассказал, и поехали они в третий раз в лес и набрали себе клад из воровского укрытия. И в третий раз счастливо вернулись.

Однако разбойники заметили, что у них исчезает добро, и стали осторожными. Богач же не мог успокоиться при мысли о кладах и пошел в четвертый раз в лес, на этот раз один. И разбойник, который теперь оставался сторожить укрытие, убил богача и выбросил его тело.

Богач домой не возвращался. Поэтому его жена пришла к его брату и попросила, чтобы тот пошел поискать. Сапожник пошел и нашел убитого брата и похоронил его.

Потом сапожник продал свою избушку и купил трактир у дороги. До разбойников донеслась весть о том, что сапожник разбогател, и они быстро догадались, что он со своим братом-богачом их ограбил.

И остановился однажды вечером у трактира огромный воз с двумя бочками масла. Трактир же находился в часе езды от города. Служанка пришла из города и обнаружила, что забыла купить масло. Трактирщица рассердилась на нее, что нечем лампу заправить и придется сидеть впотьмах. Тогда служанка взяла буравчик, чтобы сделать в бочке дырочку и отлить немного масла. Как только начала она сверлить, что-то зашевелилось в бочке, и послышались мужские голоса, которые спрашивали:

– Уже время?

Испуганная служанка быстро побежала и сказала трактирщику, что в бочках люди. Трактирщик сразу же послал в город за солдатами, войско окружило трактир, разбило бочки, и все разбойники были схвачены.

Сильный кузнец

Был у зажиточного крестьянина сын, и этот сын обладал необычайной силой. Крестьянин хотел отдать его на обучение какому-

нибудь ремеслу, но какому?

– Если будешь ткачом, – сказал, – раздавишь весь ткацкий стан. Станешь сапожником, моментально все стежки разорвешь. Знаешь что? Стань кузнецом! Это хорошее ремесло! – И стал сын учиться на кузнеца.

Через три года пришел сын и говорит отцу:

– В воскресенье получу свидетельство об обучении и буду иметь право носить перчатки и испанскую трость. Испанскую трость я сам выкую, только купите мне для этого железа.

Отец купил ему железа для трости. На следующий день сын пришел и просит:

– Трость готова, но наверху нужно сделать шарик. Купите мне, пожалуйста, железа для шарика.

Пошел отец и купил железа для шарика.

И в третий раз пришел сын:

– У меня есть испанская трость с шариком, но у нее нет ручки. Купите мне железа для ручки.

Купил ему отец железа для ручки и говорит:

– Хотел бы я эту трость увидеть.

Настало воскресенье, и ученик получил свидетельство об обучении. И взял он трость и пошел к отцу. Когда вошел он в комнату, трость положил на шкаф. Шкаф тут же рухнул. Удивился отец, глядя на эту трость, попробовал поднять, но даже с места сдвинуть не смог. Но сын с ней ходил и махал ею во все стороны.

– Теперь я пойду странствовать, – сказал сын, – посмотрю, что на свете делается.

Дали ему одежду, рубашки и все, что было нужно. И он пошел.

Шагал он в одиночестве и опирался на свою испанскую трость. И повстречал мельника, тот нес мельничный жернов.

– Ты тоже крепкий парень, – сказал ему кузнец, – знаешь что? Пойдем вместе.

Подружились они и пошли дальше вдвоем.

Шли они лесом и слышали какой-то стук.

– Посмотрим, кто это там стучит?

Подошли они поближе и увидели пекаря, который топором рубит дрова.

– Ты тоже сильный мужик, – сказал кузнец.

Пекарь собрался с ними в дорогу, и пошли они втроем.

Дело шло к вечеру, а лесу не было конца.

– Сегодня останемся в лесу, – сказал кузнец.

Убил он тростью несколько зайцев, развели они огонь, зажарили их и остались в лесу. И чтобы обезопасить всех от хищных зверей, пекарь должен был стоять на страже.

В полночь, когда кузнец и мельник спали, задремал и пекарь. Тут из скалы вылез маленький человечек, напал на пекаря и принялся его молотить, куда ни попадя. Избил его порядочно и исчез в скале. Утром пекарь выглядел очень кисло, но ничего не сказал, даже знака никакого не подал о том, что пережил.

На следующую ночь не хотелось ему стоять на страже, так что сторожить остался мельник. Он тоже задремал. В двенадцать часов вылез человечек, напал на него, сильно побил и убежал назад в скалу.

– Ага! Так вот почему пекарь выглядел таким кислым, – сообразил мельник после перенесенных побоев, но ему было не до смеха и выражение его лица было горьким.

– Что же с этими двумя приключилось? – думал кузнец, и это не давало ему покоя.

На следующую ночь сторожил кузнец. Но он сосредоточился и не дремал. Он крепко держался за ручку трости и опустил голову, делая вид, что спит. В двенадцать часов вылез из скалы человечек, увидел спящего кузнеца, разбежался, собираясь напасть на него. Кузнец же в одно мгновение схватил свою трость и ударил его, чудо еще, что не проткнул.

– Э! Ну у тебя и тросточка! – сокрушенно закричал человечек и побежал к отверстию в скале.

Кузнец бросился за ним, но проход в скалу был таким узким и маленьким, что пролезть в него мог только карлик, а не мужественный кузнец. И взялся кузнец за низ трости, и ударил шаром по скале. Кусок скалы отвалился, и он пошел дальше. Потом снова стукнул по скале, опять отлетел кусок. Кузнец снова пошел дальше и наконец оказался у железных дверей, запертых на девять замков. Кузнец ударил по замкам испанской тростью, и они тут же разлетелись. Прошел он в покой, где жил человечек с двумя своими дочерьми.

– Добро пожаловать! Добро пожаловать! – приветливо обратился к нему карлик. – Ну, ты меня сегодня ужасно оцарапал! Если бы у меня было три дочери, предложил бы, чтобы ты и твои друзья взяли себе по одной. Но двоих между тремя поделить трудно. Однако третий, кто не получит мою дочь, возьмет денег, золота и серебра, сколько сможет унести.

Пекарь и мельник взяли себе по дочери, а кузнец получил деньги. Ведь карлик сердился за то, что кузнец его оцарапал, поэтому не захотел отдать за него дочь. Но младшая дочь нравилась кузнецу, а он ей. Поэтому, когда была свадьба и кузнец стоял позади жениха с невестой, он напал на мельника, выбросил его из храма, а сам встал на колени у алтаря рядом с невестой. Так получил он и жену, и деньги.

Чертова скала

Кто путешествует по Градиштскому краю дорогой от Клобоука до Всетина, обязательно будет проезжать деревню, расположенную в прекрасной долине, которая называется Лидечко. С обеих ее сторон поднимаются к небу высокие горы, а возле дороги, идущей по долине, бежит журчащий ручей. Когда выезжаешь из Лидечко, видишь с левой стороны на горе огромные камни, нагроможденные в ряд, многие из них высотой в две сажени. Камни эти тянутся посреди горы вдоль дороги, и с другой стороны стоит похожий, хоть и немного меньший, ряд камней.

Между другими скалами слева от дороги возвышается совсем особенная скала. Не требуется особенного воображения, чтобы увидеть, что это (Господь Бог с нами!) – окаменелый черт, поскольку с каждой стороны торчат рожки.

Если кто-то из наших земляков хочет пуститься в глубокомысленные рассуждения и доказывать, что все это получилось в результате естественных процессов движения земной коры, может не стараться. Мы гораздо лучше, чем эти ученые господа в Праге, Брно или же в Оломоуце, знаем, как это все получилось, поскольку слышали это от одной бабушки в Лидечке, которая была гораздо старше любого из этих ученых господ. Но в связи с тем, что у нас по дороге, к несчастью, потерялись бумага и перо, пришлось записать это предание, только приехав в Градиште, и потому мы просим у

нашей рассказчицы прощения, если что-то у нас из головы испарилось.

– Однажды, – рассказывала бабушка, – уже много лет тому назад играла в трактире Лидечко музыка. Играли тогда только на скрипке и на цимбалах. А самогон в ту пору еще не гнали, поэтому люди просто веселились и не было столько распущенности и столько пьяниц, как в нынешние времена.

Близилась полночь, когда в трактир вошел незнакомый гость, снял свой черный плащ и минуту-другую оглядывался. Черные брови и усы добавляли его облику некую властность. Зеленая куртка и островерхая шляпа с пером указывали на то, что это, скорее всего, какой-то охотник. Черные глаза его играли – ну, это уж вековая привычка молодых господ – поглядывать на красивых девчат, так что господин именно это и делал. Кроме того, говорил он по-немецки, хотя умел и по-моравски тоже. Стал он танцевать со многими девушками.

Среди других красавиц была там и Каченка, единственная дочь покойного Троусила, которая вместе с матерью вела хозяйство и в женихах нужды не знала, потому что была красива и вела себя достойно, а кроме того, и приличное приданое у нее имелось: огромный дом и хозяйство. При этом восемнадцатилетняя Каченка вовсе не была гордячкой, наоборот, обладала всеми достоинствами, положенными девушке ее лет: была покорна и набожна.

С Каченкой незнакомый гость тоже танцевал и, несомненно, наобещал ей горы и доли, так что она в него влюбилась. Он пообещал Каченке вскоре навестить ее, но, поскольку был охотником и жил далеко от тех мест, дела позволяли ему приходить в гости только около полуночи или иногда в полдень. После этих слов взял он свой плащ, бросил на цимбалы горсть монет и удалился.

И стал охотник Каченку навещать, всегда после одиннадцати ночи или в полдень. Если приходил он ночью, на нем был черный плащ и черная шляпа, а если заявлялся в полдень, носил зеленые штаны, зеленую шляпу и зеленую куртку. Каченка была неискушенной девушкой и всем сердцем потянулась к первой своей любви. Ладимил, как представился незнакомец, старался подольститься и к матери Каченки, чтобы расположить ее к себе и получить разрешение на брак.

Но матери повадки жениха не нравились. Как его дикие беспокойные черные глаза, так и его надменное и гордое поведение не вызывали у нее доверия. У рассудительной и опытной матери возникали подозрения не только из-за полуночных и полуденных визитов жениха, но и из-за его черной и зеленой одежды. Она могла бы простить даже то, что он никогда, приходя и уходя, не кропил себя святой водой из кропильницы. Но то, что Ладимил всегда отвечал «спокойной ночи», когда мать или Каченка говорили «с Господом Богом», и после всегда бешено мчался прочь, – все это не давало матери спать.

Конечно, пришло время, когда Ладимил попросил у матери руки ее дочери. Но мать была слишком подозрительной, чтобы дать свое разрешение. Какое-то тайное ощущение было у нее, что тут черт играет свою игру. Когда Ладимил попросил руки Каченки, было одиннадцать ночи. Мать старалась как можно дольше затянуть разговор и не отвечать ни да ни нет. Когда было около половины двенадцатого, а Ладимил неустанно просил ее согласия, мать сказала:

– Хорошо, я вам свою дочь отдам в жены, но с одним условием. Если вы его не выполните в той мере, какую я установлю, свадьбы не будет!

И милый жених поклялся, что все исполнит. И тогда мать сказала:

– Если сегодня же ночью постройте над нашей деревней сводчатый мост от одной горы к другой, отдам вам свою дочь; если это не выполните, свадьбы не будет!

– Идет! – бешено засмеялся жених и выскочил за дверь. Перед домом топнул о землю ногой так, что затряслась вся деревня, и – глядь! – из земли выскочили черные фигурки и предстали перед ним. Ладимил приказал им немедленно задушить всех петухов в деревне и принести камни для строительства моста. Они разлетелись по деревне и всех петухов удушили. Это затем, чтобы ни один петух не закукарекал, пока мост не будет достроен, ведь всем известно, что петухи имеют над чертом великую силу, их кукареканье означает окончание всех дьявольских выходов. Когда всех петухов удушили, побежали помощники за камнями. Они отламывали гигантские куски и стрелой неслись к адскому строителю, который с невероятной скоростью укладывал камень на камень, мгновенно сложил основу и уже принялся возводить высоченную арку.

Но в те времена жила в Лидечко богобоязненная старушка, у которой тоже был петух. Поскольку она знала, что дьявол-искуситель еще с тех времен, когда искушал он святого Петра, ненавидит петухов, то очень боялась, как бы ее петух не обратил на себя внимание нечистой силы, из-за чего она могла бы поддаться сатанинским искушениям. Поэтому старушка прятала петуха под корытом, где дьявол так легко не смог бы его найти. Так вот, когда адская команда душила петухов, тот петух оказался надежно спрятан под корытом и остался единственным живым петухом во всем Лидечко.

И вот этот единственный петух закукарекал под корытом, и – глядь! – сверху с жутким грохотом повалились и посыпались вниз, в долину, бесчисленные куски скал – все рухнуло в одно мгновение.

После этих событий Каченка пришла в себя и опомнилась, как горячо благодарила она опытную и прозорливую мать, невозможно себе представить! Повесть об освобождении девушки из дьявольских пут быстро разнеслась по свету, так что все матери стали следить за своими дочерьми и не позволяли им никаких ночных прогулок и мужских визитов.

Дьявол поначалу не знал, что делать, потому не было до этого такого, что не удавалось ему сбить с пути какую-нибудь девушку. Поэтому он изобрел самогон и разослал его по всему свету. И случилась удивительная вещь! С тех пор дьяволу уже не нужно ходить самому по белу свету, ведь у него в аду много дел: врата ада не успевают принимать всех приходящих, в том числе и падших жертв женского пола. Вот сколько душ приносит дьяволу его изобретение – самогон!

А тот черт, который покушался на Каченку, на виду у всех очевидцев окаменел, и его голова и рожки видны и поныне на развалинах моста. Из его помощников уцелели только те, которые во время кукареканья петуха были в воздухе. Те же, которые ломали скалы в горах, тоже окаменели, и их головы видны в долине и по сей день.

Белый медведь

Жили-были король и королева. Не было у них деток, и король очень печалился из-за этого. Королева молилась и просила Господа Бога, чтобы он услышал ее молитвы и подарил им хотя бы одного потомка, чтобы после смерти королевство не попало в чужие руки. После многих просьб она была услышана, и под ее сердцем стала расти новая жизнь.

Королева родила, но повивальные бабки осторожно унесли новорожденного, чтобы мать не испугалась, потому что сыночек родился с белой медвежьей шерстью. Королеве не терпелось увидеть свое дитя, но женщины отговаривались и увиливали. Королева все же настаивала, чтобы дитя принесли и показали ей, даже если оно ни на кого на свете не похоже. И вот принесли и показали ей мальчика – мохнатого медвежонка. Королева поняла, что это Божье наказание, ведь из-за своего бесплодия она просила Господа Бога изменить ее удел. Взяла она медвежонка в объятия и плакала большими, тихими слезами.

Сыночек благополучно рос, пока не вырос. Когда стал сын взрослым, захотела королева-мать, чтобы он женился. Для этого в королевском замке устраивали роскошные пиры и балы, на которые съезжались княжеские дочери из близких и далеких земель. Все с напряжением ожидали, которую из них выберет принц в жены. И принц действительно выбрал очень красивую девушку, была свадьба, все королевство радовалось и веселилось.

Однако случилось так, что когда принца со своей избранницей привели в спальню, то он сел за стол и принялся писать. Писал он до самой полночи, а когда пробило двенадцать часов, подошел к своей жене, ожидавшей его на ложе, напал на нее, разорвал на две части, положил мертвое тело к дверям, уселся за стол и стал писать дальше.

Королева-мать пришла утром и хотела пожелать невестке доброго утра. Но она вздрогнула от ужаса, когда увидела молодую королевну в крови, разорванную на две части! С гостями моментально распрощались, и было объявлено, что королевская невеста умерла внезапной смертью. Ее похоронили.

Через некоторое время королева-мать опять стала добиваться, чтобы сын женился для продолжения королевского рода. Съехались благородные невесты из разных краев, принц выбрал самую красивую, и они поженились. Вечером отвели их в спальню. Принц сел к столу и стал писать. В полночь встал, напал на свою жену, разорвал ее на две части, бросил их к дверям и принялся писать дальше.

Утром пришла королева, и когда увидела, что молодая жена разорвана, испугалась опласки. Велела она объявить, что молодая королевна внезапно скончалась и ее похоронили.

Через некоторое время король-отец созвал всех дворян на охоту, потому что было ему тоскливо при мысли, что королевство его осиротеет. Они с сыном оказались в лесу у маленькой избушки, в которой жил пастух. Дочь пастуха сидела перед избушкой и стерегла стадо. Королевич остановил коня, заглядевшись на пастушку, и радостно заулыбался. Отец спросил, что именно его так обрадовало, ведь прежде он никогда даже немного не улыбался. Сын ответил, что ему очень нравится пастушка и что он хотел бы взять ее в жены.

Отец ничего не сказал на это, но дома посоветовался с королевой. Вскоре после этого послали они за дочерью пастуха и позвали ее в королевский дворец. Пастушка пришла, совершенно испуганная, упала перед королем на колени, просила его смилостивиться, если в чем-то провинилась. Королева подняла ее с земли и сказала, что королевич в нее влюбился, а посему – хочет ли она быть его женой?

Удивленная пастушка с радостью согласилась, и быстро состоялась свадьба. Вечером привели молодоженов в спальню, королевич сел за стол и стал писать. На стене висел образ Иисуса Христа, и молодая королевна открыла молитвенник, пала на колени и стала молиться перед образом. Королевич писал, а пастушка молилась до самой полуночи. Когда пробило полночь, королевич встал и спросил жену, почему она не идет спать. Та ответила, что еще не окончила вечерние молитвы. На что королевич ничего не сказал, сел и снова стал писать и писал до трех часов пополудни. Жена все это время молилась. В три часа королевич встал и разделся. Тут же, у ложа, упала с него медвежья шкура, и рядом с невестой предстал благородный юноша.

Рано утром молодая королевна встала, и когда нетерпеливая королева-мать пришла в их спальню, то обнаружила ее целехонькой и одетой. Все вокруг было убрано. Королева-мать упрекнула королевну,

не годится, мол, чтобы королева сама одевалась и сама убиралась. Но гораздо больше королева обрадовалась, что нашла молодую невестку целехонькой: только теперь начались во дворце настоящие празднования, и длились они целых восемь дней. Молодая королева каждый вечер, пока королевич писал, молилась, а когда шел он спать, то стряхивал с себя медвежью шкуру и становился у ложа прекрасным мужчиной. Утром он снова одевался в медвежью шкуру.

Однажды он с серьезным лицом сказал жене:

– Поклянись, что до самой смерти никому не расскажешь то, что я тебе сейчас открою.

Когда же королева поклялась, рассказал ей о том, что уже убил двух жен: он от рождения заколдован злым волшебством, но поскольку пастушка вместе с ним бдела и молилась, заклятие уже не имеет над ним силу. Королевич попросил жену, чтобы она никогда не ложилась, пока он сидит за столом и пишет.

– Но если все же, – сказал он наконец, – ты нарушишь клятву молчания, увидишь меня в последний раз, если посмотришь из окна в сад. Далеко мне придется уйти, дорогая, далеко, до самих стеклянных гор.

Жена обещала, что ничего никому не выдаст. Королевич с каждым днем все раньше вставал из-за стола с писанием, и жили они дружно и спокойно.

Но королева-мать не знала покоя, ей хотелось выведать, почему ее сын двух жен убил, а сейчас спокойно живет с худародной девушкой. И вот однажды король устроил великую охоту, позвал на нее дворян и много гостей. Король с сыном поехали вместе, а дома остались только королева и невестка. Королева-мать улучила удобный момент и начала выпытывать у молодой жены, как это получилось, что сын так горячо ее любит. Невестка ничего не хотела говорить. Королева обещала, что она никому не передаст, и настаивала, покуда молодая королева не нарушила клятву. Выдала она матери все о сыновнем заклятии, о его ночном писании и медвежьей шкуре. Обе королевы как раз стояли у окна и смотрели на сад, когда вдруг увидели плачущего королевича, бегущего по саду. Молодая королева вспомнила о своей клятве, поняла, что ее нарушила и что никогда больше не увидит своего мужа, и слезно сокрушалась. Вернулся с охоты король, вернулись дворяне, вернулись остальные гости. Только королевич не возвращался. Велели

прочесать все леса, каждое укрытие осмотрели, в каждую пещеру заглянули, но королевича не обнаружили и не нашли. Несчастливая королева пустилась в путь, чтобы найти его.

Долго шла королева, ноги ее болели, но нигде не было видно человеческого жилья, приближалась ночь, а девушка все еще была в темных лесах. Наконец обнаружила она маленькую избушку, вошла внутрь и увидела старенькую бабушку.

– Ах, прошу вас, бабушка, – сказала королева, – оставьте меня, бедную, у вас переночевать.

Но старушка об этом и слышать не хотела.

– Так не пойдет, – ответила она, – моего мужа нет дома, но он не потерпит тебя тут.

А королева просила еще больше, чтобы ей позволили хотя бы немножко полежать в уголке. В конце концов старушка разрешила, и усталая королева скорчилась в уголке и стала отдыхать.

Недолго она там сидела. Раздались шаги, двери отворились, и внутрь вошел красивый человек, блестящий, как серебро. Это был Месяц.

– Кто это тут у тебя на ночлег устроился? – спросил он у старушки.

Старушка ответила, что у них отдыхает девушка. Девушка вышла из своего уголка и настойчиво попросила:

– Прекрасный, благородный Месяц, ты ярко освещаешь все горы, леса и долины, скажи мне, где найду своего любимого, скажи, не видел ли ты медведя белого?

Месяц ответил:

– Нигде я его не видел, но походи к моему брату и спроси, может быть, он что-то знает.

Старушка тем временем принесла на ужин курицу, и Месяц пригласил девушку поесть с ними. Когда они поели, Месяц собрал куриные косточки, сложил их в шкатулку и дал девушке:

– Возьми это на память, придет час, когда они сослужат тебе добрую службу.

Когда поутру все встали, месяц подхватил королеву и отнес ее на край огромного леса.

Девушка вошла в густой лес, шла целый день и ни разу не заметила человеческие следы. К вечеру нашла она маленькую

избушку. Вошла внутрь и попросила сидевшую там старушку о ночлеге.

– Нет, так не пойдет, – сказала старушка, – моего мужа нет дома, и он не потерпит тебя тут.

Девушка просила, чтобы старушка оставила ее ненадолго полежать на кухне. Старушка разрешила, и усталая королевна скорчилась в уголке и стала отдыхать.

Через некоторое время словно яркая заря разгорелась, и в дверях появилось Солнце.

– Кто тут у тебя на ночлеге? – спросило оно у старушки.

Старушка ответила, что в избушке переживает ночь усталая девушка. А девушка попросила:

– Прекрасное, благородное Солнышко, ты рассылаешь свои лучи по горам, по лесам и по долинам, скажи мне, где найду я своего любимого, скажи, не видел ли ты медведя белого?

Солнце ответило:

– Нигде не коснулись его мои лучи, но иди к моему брату, может быть, он что-то знает.

Старушка тем временем принесла ужин, и опять курицу. Когда они закончили есть, Солнце собрало куриные косточки, положило их в шкатулку и дало девушке:

– Возьми это на память, придет время, когда они сослужат тебе добрую службу.

Утром Солнце подхватило королевну и полетело с ней далеко, на самый край густого леса, и посоветовало:

– Иди по той дороге, где растет чертополох.

Девушка пошла по дороге, где рос один чертополох, шла целый день, а к вечеру пришла к избушке, где еще одна бабушка после долгих просьб оставила ее подождать хозяина. Раздался страшный звук, и в избушку влетел Ветер.

– Кто тут у тебя на ночлеге? – спросил он старушку.

Девушка вышла и попросила:

– Милый Ветерок, что веет в горах и лесах, во всех долинах и скалах, скажи мне, где найду я любимого, скажи, не видел ли ты медведя белого?

И Ветер ответил:

– Я его нигде не видел, но подожди, придет домой Буря, она наверняка знает о нем.

Вскоре раздался страшный гул, и стук, и свист: в избу вошла Буря. Девушка со страхом спросила:

– Страшная Буря, ты своим воем проникаешь в любую чашу, разрушаешь любой замок и любую крепость, каждую стену и скалу, скажи, где найду я своего любимого? Ни Месяц, ни Солнце, ни Ветер не знают о нем. Не видела ли ты медведя белого?

– Я его видела, – ответила Буря, – он далеко отсюда, на стеклянных горах.

– Ах, добрая Буря, – попросила девушка, – отведи меня к нему, чтобы я утешилась в его объятьях!

Буря на это прогудела:

– Говорить с ним не будешь, но увидеть его сможешь, завтра утром отнесу тебя к нему.

Они снова поужинали курицей. После ужина Ветер сложил куриные косточки в шкатулку и дал девушке на память, сказав, что она вспомнит о них в ту самую минуту, когда они ей понадобятся. Все улеглись спать.

Утром Буря подхватила девушку и полетела с ней на стеклянные горы. На стеклянных горах стоял огромный замок, который, как и горы, полностью был из стекла. Буря принесла королеву к окну, и та, заглянув внутрь, увидела своего мужа, игравшего за столом в карты с драконом. Королева радостно его позвала, но он, оглянувшись и увидев ее, весь затрясся. Медвежья шкура упала, и королевич исчез.

– Ну разве я не предупредила тебя, – произнесла Буря, – что ты не сможешь с ним говорить? Ну, ты хотя бы повидала его. А теперь я отнесу тебя немного назад, потому что ты далеко, очень далеко от дома. Тебе придется целых три года идти, пока ты дойдешь до него.

Буря подхватила королеву и, когда отнесла очень далеко, распрощалась с девушкой, оставив ее одну. Оставим и мы ее в пути и посмотрим, что же делает ее муж.

В стеклянном замке, на стеклянных горах, заколдованный принц оставался до тех пор, пока жена не нашла его и своим появлением не освободила. В тот самый миг, когда увидел королевич ее у окна, он исчез и очутился дома, в замке родителей, которые все три года, что его не было, проводили жизнь в трауре. Появление королевича

превратило печаль в радость и веселье, и все обрадовались еще больше, обнаружив, что он избавился от медвежьей шкуры. Королевичу сказали, что его жена отправилась его искать и пока не возвращалась, а когда не пришла она через год и один день, решили, что она где-то погибла. И королева-мать стала настаивать на том, чтобы сын снова женился. Королевич ее послушался и женился на прекрасной девушке из королевской семьи.

Прошло несколько лет, и молодая королева вернулась из своего далекого путешествия. Пришла она в пастушескую избушку своих родителей, но нашла ее опустевшей, потому что родители ее уже не были между живыми. Тогда отправилась королева в город. Она уже слышала, что королевич снова женат, и себя не раскрывала, потому что не хотела разрушать жизнь своего любимого.

В королевском замке в тот момент не хватало работницы на кухне, и, чтобы иметь какое-то пропитание, королева стала работать низшей служанкой, носила на кухню дрова и мыла горшки. Но была она старательная, ловкая, веселая, и потому повар взял ее первой служанкой.

Настало воскресенье. Хотела девушка идти в костел, но праздничного платья у нее не было, по дороге пастушка все разодрала, а платье, которое было на ней, выпросила она по пути, и было оно тоже рваное. Как же идти в храм Господа Бога такой оборванке? Залилась девушка горькими слезами. И в эту минуту пришло ей в голову, что есть у нее шкатулки от Месяца, Солнца и Ветра, вспомнила она, что Месяц, Солнце и Ветер ей говорили. Взяла девушка первую шкатулку и открыла ее. И глядь! В шкатулке что-то стало увеличиваться и лезть наружу! Это было прекрасное платье, богато расшитое серебром. Девушка обрадовалась, что сможет пойти в костел, но когда оделась, покраснела и разволновалась от такого великолепия. Посмотрела она в окно и, когда никого на улице не увидела, быстро побежала в костел.

Короля в костеле не было, но молодая королева заметила девушку, потому что ее очаровало прекрасное платье. И велела она выяснить, что это за девушка и куда пойдет она после службы. И услышала королева, что это работница на кухне. Велела она позвать служанку и попросила, чтобы та отдала ей прекрасное платье, а за него пообещала она все, что та захочет.

– Ваша королевская милость, – ответила работница, – позвольте мне только одну ночь спать рядом с вашим королевским супругом, и я отдам вам это платье.

Королевна пообещала, что исполнит эту просьбу, и сказала, чтобы кухонная работница пришла в королевскую спальню после ужина. Работница отдала королевне платье. Королевна приготовила для своего мужа сонный порошок и после ужина дала ему напиток с этим порошком, и он крепко уснул. После этого королевна привела работницу в спальню. Когда работница осталась со своим мужем наедине, она попробовала его разбудить, чтобы хоть раз поговорить с ним. Но королевич спал крепко.

– Ах, мой любимейший, – сокрушалась она, – неужели ты меня совсем оставил и не хочешь со мной, своей верной женой, ни словечка вымолвить? Подумай, что я только ради тебя претерпела, а сейчас должна работать, как самая низшая служанка, я, твоя верная и любимая жена. Ах, скажи мне хоть единое словечко, скажи, что тебе хорошо с твоей нынешней женой, и я отступлю и буду исполнять самую тяжелую работу, лишь бы не рушить твое счастье.

Так сокрушалась несчастная и брошенная девушка, но королевич не отвечал. Начинало светать, работница должна была отправляться на работу, а королевич спал крепко и не вымолвил ни слова.

Настало второе воскресенье, кухонная работница открыла вторую шкатулку, и глядь! В ней было платье, вышитое золотом, намного роскошнее, чем первое. Королевна снова увидела девушку в костеле, послала за ней и обещала отдать за платье то, что работница захочет. Работница попросила, чтобы королевна еще на одну ночь оставила ее наедине с мужем. Королевна разрешила. Дала она королевичу снотворный напиток и, когда тот уснул, завела работницу к нему в спальню. Но королевич спал крепко, ни плач, ни жалобы, ни причитания его не пробудили.

И случилось так, что королевский камердинер, который спал в соседнем покое, услышал ночные жалобы, стоны и причитания работницы. Ему было очень жалко девушку, когда услышал он, что у нее осталось последнее платье и она и его отдаст королевне и еще раз напоследок к королевичу придет, но если и в третий раз он ее не услышит, она дальше не выдержит.

«Что же это такое? – подумал камердинер. – Не молодая королева виновата ли в том, что королевич не хочет выслушать несчастную девушку?»

Потом камердинер пытался всевозможными способами обратить внимание королевича на работницу, но тот ничего не понимал, поэтому камердинер ничего иного не придумал, как обо всем ему рассказать. Королевич ужаснулся тому, что его супруга с ним вытворяет, и велел камердинеру не спать, когда работница снова к нему придет, и чтобы он известил королевича о ее приходе. Сам же при этом решил, что не будет ничего пить, чтобы королевна не могла его ничем одурманить.

Настало воскресенье, кухонная работница открыла третью шкатулку, вынула из нее платье, самое роскошное из трех, расшитое диамантами. Оделась она и пошла в костел. Королевна снова ее позвала и спросила, что бы она хотела за это платье.

– Ваша королевская милость, оставьте меня еще один раз на ночь с вашим королевским супругом, и платье будет ваше, – попросила работница.

– Я тебе разрешу с ним спать рядом, приходи после ужина, – сказала королевна и оставила платье себе.

После ужина подала королевна мужу бокал с вином, но тот сказал, что у него болит голова, и лег на свое ложе. Королева уговаривала мужа выпить вина. Королевич приложил бокал к губам и сделал вид, что выпил. Королевна уговаривала его пить до дна. Королевич же незаметно выливал вино в кровать, пока все не вылил. Потом сделал вид, что крепко спит. Тогда королевна привела работницу и закрыла за ней двери. Кухонная работница присела к кровати королевича и заплакала:

– Любимейший мой муж! Пришла я к тебе сегодня в третий и последний раз. Три своих роскошных платья я отдала за то, чтобы поговорить с тобой. Но ты – неужели нет в твоём сердце местечка для своей верной жены, которая ради тебя стольким пожертвовала, на стеклянные горы за тобою шла и столько, столько вытерпела из любви к тебе! Вижу, что ничего мне не поможет, смерть для меня – самый лучший выход.

Дальше король не смог слушать эти жалобы, выскочил из постели и горячо обнял свою верную жену. После этого он позвал

камердинера, чтобы тот принес меч.

Когда утром пришла королева, она обнаружила спящего королевича и принялась ругать работницу за то, что та мешкает и не идет работать на кухню. Тут королевич вскочил и проткнул королеву мечом. После этого велел он созвать докторов всех прав и признал свою вину в убийстве. Он рассказал все, что сделал со своей женой. И правоведы нашли в законах, что ослепленная ревностью королева виновна в неверности, поскольку сама подвела своего мужа к греху прелюбодеяния. За это по закону ей полагалось самое суровое наказание. Короля же провозгласили невиновным. И только теперь смог он жить со своей верной и любимой женой в настоящем блаженстве.

Еще в прошлом году я видел, как они – рука в руке – прогуливались по саду.

Сказка о прекрасном саде

Жил-был один король, и был у него прекрасный сад. Со всех краев съезжались знатные господа посмотреть на сад. В саду росли необыкновенные фрукты, были там прекрасные аллеи и извилистые тропинки. Однажды к ограде сада пришли три девушки и просили разрешить им прогуляться по саду. Их пустили, они стали прохаживаться по тропинкам и разговаривать. Одна сказала:

– Я хотела бы выйти замуж за королевского слугу. Тогда бы я смогла тут часто гулять.

Другая сказала:

– А я бы хотела выйти за королевского стремянного, тогда я гуляла бы по этому саду еще чаще.

– А я, – сказала третья, – я бы хотела выйти замуж за самого короля и хотела бы от него иметь двоих детей – мальчика и девочку с золотыми крестиками на лбах, и тогда я смогла бы здесь прогуливаться столько, сколько захочется.

Король стоял неподалеку и незаметно слушал, о чем они говорят. После того как девушки нагулялись, король велел позвать их к себе. Девушки пришли и стали его благодарить. Он спросил их, о чем они беседовали. Девушки же не хотели об этом говорить, потому что стеснялись. Но после уговоров первые две открыли, о чем они

говорили, но третья, самая младшая, пала к его ногам и просила прощения за то, что подумала о свадьбе и о детях от самого короля, чтобы потом сколько угодно гулять по саду.

Добрый король осуществил их желания: одну выдал замуж за слугу, вторую – за стремянного, а на самой младшей женился сам. По этому случаю были большие празднества. Но вскоре королю пришлось отправиться на войну. Молодую беременную жену он оставил дома под охраной старой бабки. Жена счастливо разродилась двумя детьми – мальчиком и девочкой, у которых на лобиках были золотые крестики. Старая бабка ненавидела и молодую жену, и новорожденных. Она немедленно написала королю, что его жена родила щенят, а не детей. Король, прочитав письмо, невероятно разгневался и написал в ответ, что не знает, из какого рода происходит его жена, и чтобы ее одели в черную одежду и бросили к диким зверям в саду. Так немедленно и сделали. Но звери подходили к девушке спокойные и мирные, не причиняя ей никакого вреда. Жена короля ходила по саду, сокрушалась и горевала, и услышал ее настоящий граф, проезжавший мимо. Он немедленно послал слугу поглядеть, что происходит. Слуга взобрался по лесенке и увидел несчастную женщину в черной одежде, в слезах ломающую руки. Он рассказал обо всем своему господину, и граф послал его еще раз – узнать, хочет ли женщина освобождения. Королева просила, чтобы ее освободили, иначе ждет ее голодная смерть. Тогда граф забрал ее в свой замок и решил посмотреть, что будет дальше.

А тех двух новорожденных деток бабка положила в сундук, обложила их драгоценными камнями и пустила сундучок по воде. Дети плыли, пока их не обнаружил рыбак, догнал сундучок, открыл его и увидел двух прекрасных детей. И заплакал рыбак, потому что сам был бедным, у него самого было шестеро детей, и он знал, что жена его будет сердиться, когда он принесет детей домой. И все-таки он принес их в свою избушку, позаботился о детках, а в их сундучке нашел драгоценные камни, которые продал за 300 золотых.

Рыбак заботился о детях, пока им не исполнилось шесть лет. Жена рыбака особо их не любила, и когда приходило время еды, она звала:

– Найденьши, идите есть!

И родные дети рыбака тоже обзывали их найденьшами.

– Так мы не ваши? – спросил наконец рыбака Франтишек (рыбак покрестил их как Франтишка и Франтишку), – скажите, где наша мамочка и наш папа?

И вот дети оставили домик рыбака и пустились по свету искать своих родителей.

Франтишка и Франтишек шли-шли и встретили своего крестного, который дал им денег, чтобы купили они тот самый прекрасный королевский сад. Купили его дети, и со всех стран снова стало съезжаться множество людей, чтобы посмотреть на дивный сад. Дети писали и королю, чтобы он приехал полюбоваться садом. Но король письмо не получил, потому что оно попало в руки той злой бабки. Зато она приехала сама, все посмотрела, все похвалила и сказала:

– Все тут есть, только одного не хватает. В саду нет фонтана, из которого бы изливались золотые жемчужины.

Тогда пошел Франтишек к своему крестному и спросил его: где можно найти такой фонтан? Крестный дал мальчику прут и сказал, чтобы пошел он туда-то и туда-то, к одной горе, и чтобы стегнул гору этим прутом, тогда она откроется, по обеим сторонам будут прикованы цепями чудовища, но чтобы мальчик не оплядывался, а шел вверх, там из ключа набрал воду, принес ее и вылил в фонтан. Франтишек сделал все как было ему сказано и счастливо дошел до ключа. Чудовища к нему тянулись, но ничего ему не сделали. Мальчик вернулся с водой из ключа, налил ее в фонтан, и в тот самый момент стала струиться вода с дивными жемчугами.

Тем временем прошел год. Позвал Франтишек снова много людей и самого короля. Король письмо не получил, старуха снова его перехватила, но сама приехала. Сказала:

– Все тут есть, одного только нет. Нет такой травы, чтобы играла она приятную музыку.

Мальчик пошел к своему крестному и спросил его, где бы найти такую траву. Тот рассказал, что такая трава есть на той же горе. Пошел Франтишек к горе, стегнул ее прутом, чудовища рвались на цепях, но он удачно нарвал траву, принес домой и посеял в саду. Трава тут же зазеленела и заиграла приятная музыка.

Снова прошел год. Приехали в сад знатные господа и все хвалили. Написали и королю, но снова приехала та старая бабка и опять все хвалила, но сказала:

– Все тут есть, одной только вещи недостает. Нет такой птицы, которая пела бы так прекрасно, что перепела бы эту траву.

Франтишек снова пошел к своему крестному, чтобы тот сказал, где найти такую птицу. Сестричка же просила его никуда не ходить, что это опасно и он может не вернуться, но Франтишек не дал себя уговорить. Крестный дал ему два прутика и сказал, чтобы одним он стегнул гору, а с другим шел бы наверх, к дереву, что там растет, и стегнул его, на нем в клетке будет та самая птица, которая так великолепно поет. Но крестный предупредил, чтобы мальчик был осторожен и не упал с того дерева.

Франтишек сделал так, как сказал ему крестный. Прошел горой, чудовища бросались, но ничего ему не сделали, он залез на дерево, но вдруг упал вниз и окаменел.

Прошел год, а братик все не возвращался. Франтишка плакала о нем, сокрушалась и просила крестного, чтобы он отпустил ее искать брата, но тот не хотел ее отпускать. Но в конце концов все же дал ей два прутика, чтобы одним стегнула она гору, а другим – камень, который лежит под деревом. И сестричка пошла, ударила прутиком по горе, и та расступилась, чудовища по обеим сторонам на нее бросались, но ничего ей не сделали. Вторым прутиком стегнула она камень под деревом, и братик встал, и сказал, что ему так приятно спалось, и спросил, почему она не оставила его спать под деревом. Потом Франтишек залез на дерево, взял птицу с клеткой и осторожно слез. Дети счастливо вернулись домой. К тому времени им уже исполнилось одиннадцать лет, так долго все это длилось! Франтишек повесил клетку с птицей на самое красивое дерево, птица начала петь и пела так громко, что не слышно было и играющую траву. Дети написали письма во все страны о необыкновенной птице в саду, чтобы люди приезжали посмотреть. К тому времени Франтишка и Франтишек уже знали, что их отец – король, потому что им об этом рассказал крестный.

На этот раз король получил их письмо и приехал. Дети вдвоем бежали ему навстречу и звали:

– Папочка! Отец!

Они очень понравились королю, он их целовал и обо всем их расспрашивал. Потом он велел позвать рыбака, и тот рассказал то, что доставало. И король как будто ни в чем не бывало поехал домой и

вызвал к себе старую бабку. Он спрашивал ее о своей жене, где она. Бабка сказала, что не знает. Потом он спросил бабку о своих детях. Она и здесь отпиралась. Но когда король пригрозил ей, призналась, что его молодая жена родила прекрасных деток и что это и есть те самые дети из прекрасного сада.

Король немедленно взял Франтишка и Франтишку в свой замок, принял их и радовался. Радостная новость быстро разнеслась повсюду, и тот граф узнал, что дети теперь у отца. Он немедленно послал королю письмо, не хочет ли он принять и свою жену. Как только король об этом услышал, велел он запрячь четырех коней и вместе с детьми поехал за женой. То-то было радости, когда они встретились! Дети кричали:

– Это наша мамочка!

Король тоже невероятно радовался, и в замке устроили празднества.

А после король велел соорудить костер и старую бабку, которая была причиной всех мучений, приказал сжечь. И с тех пор король с королевой и детьми жили в любви и счастье до самой смерти.

Путь в Иерусалим

Жил-был однажды могущественный граф. Как-то раз он заболел и дал обет, что, если Господь Бог излечит его, он совершит паломничество в Иерусалим. И случилось все по его молитвам. Он выздоровел, оделся в дорожную одежду, попрощался со своей прекрасной женой и единственным сыночком и отправился в путь вместе со своим верным слугой.

Он поручил охранять свою жену, графиню, барону, который в нее влюбился и начал за ней ухаживать, поэтому она убежала к подруге и с тоской ждала возвращения мужа из путешествия.

Прошел целый год, а о графе не было ни слуху ни духу. Графиня уже вернулась в свой замок и каждый день ожидала графа или хотя бы какого-то известия о нем. Однажды пришла к ней служанка и доложила, что во дворе стоит незнакомый путник. Графиня очень обрадовалась и велела провести его к себе. Увидев его, она немедленно спросила, не видел ли он ее господина или хотя бы не слышал ли что-нибудь о нем. Путник рассказал, что ее мужа вместе со

слугой взяли в плен турки, разлучили их и отправили в рабство, теперь он должен исполнять самую тяжелую работу, пахать, порой бывает бит и руки его скованы кандалами. Графиня плакала и сокрушалась, просила путника, чтобы тот отвел ее в те края, где муж находится в рабстве. Но ни путник, ни какой-нибудь другой мужчина не хотели исполнить ее просьбу. Только Кларка, верная служанка графини, отважилась отправиться в Турцию вместе со своей госпожой. Они облачились в мужские костюмы, взяли в руки арфы и отправились в путь.

Счастливо добрались они до места, в котором обнаружили шатры, из которых доносились жалобные стоны, и графиня узнала голос своего мужа. Путники остановились, принялись играть на арфах и петь. Проникли они в шатер, поговорили с графом, но себя не выдали. Графиня спросила мужа, где можно найти его хозяина. Когда он им указал, где того искать, они пошли к турку, играли на арфах и прекрасно пели. Турок и его шесть жен с наслаждением слушали их приятное пение и великолепную игру и захотели задержать путников у себя, чтобы они играли и пели во время увеселений. Но те отказывались, объясняя, что держат путь в Иерусалим. Тогда турок спросил, что бы они хотели за то, чтобы остаться на некоторое время у него. Графиня попросила отпустить на свободу рабов, особенно одного.

Турок исполнил их желание, и графиня игрой и пением даровала милому мужу свободу. И как они решили, так и сделали. Освобожденному графу ничего не открыли, сели на коней, поехали в Иерусалим, помолились и поблагодарили за освобождение, а потом немедленно вернулись домой.

Когда приехали в замок, графа там еще не было. Только через четыре дня встречали они его после долгого путешествия, но ни словом не обмолвились, что именно они освободили его из рабства.

Устроили в замке увеселения, пригласили гостей. Позвали барона и много других благородных гостей. Граф рассказывал о своем путешествии, о том, сколько он испытал, что с ним было во время рабства и как пение двух путников освободило его от туретчины. Все очень радовались. И только барон, преследовавший добродетельную графиню, начал ее оговаривать, сообщил графу, что она была неверна, два года не была в замке и жила распутной жизнью.

Разгневанный граф схватил нож и был готов в ту же минуту зарезать свою жену, если бы графиня в тот же миг не убежала из зала. Она решила, что настал час открыться все мужу, переделалась в мужские дорожные одеяния, взяла арфу и перед дверями графа запела ту самую песню, которую пела, когда он был в рабстве. Услышал граф то самое пение, что освободило его из плена, открыл дверь, выбежал и увидел своего спасителя – путника. Тут уж он узнал переодетую графиню, а она поведала ему правдивую историю и добавила, что барон, который должен был ее охранять, постыдно посягал на ее честь.

Граф бросился в объятия верной жены, целовал ее, пал к ее ногам, просил о прощении, повел ее в зал, показал всем гостям и сообщил, что это именно она отважно освободила его из турецкого рабства. Рассказал он гостям и о всевозможных кознях, которые устраивал бессовестный барон, и того немедленно заключили в темницу.

А после этого начались настоящие празднования, потому что во всем замке господствовала отныне единая душа и одно сердце на двоих.

Сильный Янек

Один батрак по имени Янек искал работу. Спросил он у зажиточного крестьянина, не нужен ли ему батрак. Крестьянин сказал, что нужен. Договорились они, и батрак остался у него работать.

Крестьянин послал его в сарай и дал ему цепь, чтобы тот молотил. Батрак взял цепь, обмотался ею и засмеялся:

– И это цепь? Да такой цепью наш папочка мух бил.

Бросил он цепь, взял доску, привязал к ней большой чурбан и принялся молотить, пока весь урожай не отмолотил.

Когда все вымолотил, попросил лопату, чтобы урожай перебросить и вычистить. Дали ему лопату, Янек захохотал:

– И это лопата? Да у нашего папочки такая ложка была.

Выбросил он лопату, привязал к доске корыто и взялся за работу.

– Где мешки? – спросил он, когда отделил зерна от плевел.

Принесли мешки.

– Хм! – усмехнулся Янек. – И это мешки? У моего папочки такие кошели для денег были.

Выбросил он мешки, взял огромный куль от шерсти, насыпал туда весь урожай и понес.

Хозяин стал бояться, что нечего ему будет поручить батраку, раз он такой сильный парень, и в конце концов обеспокоился тем, что если они когда-нибудь поспорят, то работник может его случайно убить. И захотелось крестьянину избавиться от батрака по-хорошему.

Пришли они обедать, а батрак, как увидел ложку, опять рассмеялся:

– И это ложка? Да у нашего папочки это была лопатка для чистки ушей!

Выбросил он ложку, принес себе лопату и все у крестьянина съел.

После обеда стал крестьянин советоваться с женой о том, как бы ему избавиться от батрака. Договорились они о том, что пошлют его чистить колодец и забросают его там камнями.

Влез Янек в колодец. Хозяин и хозяйка сбрасывали на него камни, но он как ни в чем не бывало делал свою работу. Поэтому привалили они к колодцу огромные камни, такие огромные, что каждый камень должны были перекачивать впятером, и эти камни бросили вниз. Янек повернулся, посмотрел вверх:

– Эй, курочки, курочки, что вы там скребете!

И ничего другого не смог хозяин придумать, как свалить на батрака огромный колокол, который был у него на участке. С огромным трудом, с помощью шестов и рычагов сбросил крестьянин колокол в колодец на батрака. Колокол упал в колодец прямо на голову батрака. Янек засмеялся:

– Ай-яй! Так я и шапочку получил!

Когда же вычистил он колодец, вылез из него и сказал хозяину с хозяйкой:

– Да понял я вас, понял! Уйду сам, чтобы вы из-за меня грех не совершили.

Сказал так и пошел дальше искать свое счастье.

Загадка

Гонзик любил Барушку, а Барушка любила Гонзика, но Барушкина мать Гонзика ненавидела и не хотела разрешить им пожениться. Гонзик был почтительным и добрым юношей, но не было у него ни

богатства, ни благородного происхождения, потому-то мать Барушки и не хотела позволить своей богатой дочке выходить за него замуж. Барушка очень огорчалась и плакала. И сказала мать:

– Ладно, непослушная дочь, ничего я против этого не имею, но так тебе скажу: хочешь – не хочешь, а завтра сама увидишь, что никогда Гонзик не будет твоим.

На следующий день Гонзик снова пришел, чтобы навестить ненаглядную любимую. Мать Барушки ему и говорит:

– Вижу, что вы Барушку любите. Я ничего не имею против, но если мне не растолкуете то, что я вам сейчас скажу, никогда Барушку в жены не получите. Что это?

На горах снег,
в долине вода.
Друзья разлетелись,
рукам лес нужен.
Угадаешь если, милый,
будешь ее мужем.

Гонзик понятия не имел, что это могло бы значить, поэтому записал эти слова на бумажку и ушел опечаленный, сказав, что над этим будет дома ломать голову.

По дороге встретился ему старенький нищий с седой головой, опиравшийся на палку.

– Почему ты такой печальный? – спросил нищий, увидев, как грустно смотрит Гонзичек на свою цедульку.

– Ах, старичок, вряд ли вы мне поможете! – ответил Гонзичек. – Здесь, на этой бумажке, написан мой жребий. Если угадаю, стану самым счастливым человеком под солнцем, а если нет, стану самым печальным.

Нищий посмотрел на бумажку, но прочитать не смог, уж очень слезились у него глаза.

– Прочитай-ка мне, что там у тебя за загадка, – сказал нищий, – может, я тебе дам хороший совет.

Гонзичек, хоть и не ожидал от нищего ни совета, ни помощи, все-таки прочитал ему загадку. Старичок внимательно выслушал и задумался. А через минуту сказал:

– Послушай, ты добрый человек, поэтому я тебе скажу. «На горах снег» – это, посмотри-ка на мою голову, это белоснежные седины; «в долине вода» – это впалые, заплаканные глаза стариков, потому что у того, кому Бог дает дожить до глубокой старости, как мне, глаза слезятся; «друзья разлетелись» – это зубы, потому что они у нас выпадают; «рукам лес нужен» – это деревянный посох, который вырастает в лесу и на который я должен опираться. И все вместе – это старость! А теперь иди и скажи ответ, чтобы Барушка уже сегодня стала твоей.

Гонзик обрадовался, взял нищего с собой, вернулся к Барушкиной матери и разъяснил ей разгаданную загадку. Мать признала, что он угадал, и вынуждена была разрешить дочери выйти за Гонзика замуж. Были немедленно созваны гости, и устроили свадьбу. Нищий праздновал вместе с ними, а когда собрался уходить, получил достойную награду, так что еще много дней было у него что есть и что пить. Гонзик и Барушка любили друг друга и до самой смерти жили в счастье и блаженстве.

Кумушка

Жил-был один молодой крестьянин, который недавно женился. Поехал крестьянин в поле пахать. Увидел в борозде спрятавшуюся куропатку, стегнул по ней бичом и убил. Очень ему захотелось куропатку попробовать, он и подумал:

– Куропаточка – очень вкусная еда.

Оставил крестьянин свою пашню, побежал домой и сказал:

– Женушка, приготовь мне эту куропатку на обед, у нас такой вкусноты еще никогда к обеду не было.

Жена тут же взялась ощипывать куропатку, чтобы испечь ее к обеду, положила ее на противень и стала запекать.

Пришла к ней в гости кумушка и говорит:

– А что это тут у вас так пахнет?

– Куропатка, – отвечает жена, – мой ее сегодня в борозде убил и принес, чтобы я ее сегодня к обеду запекла.

– Куропаточка – это, конечно, очень вкусненько, я ее еще ни разу в жизни не пробовала.

– Кумушка, и я не пробовала. Но уже один запах, понюхайте только, как это вкусно!

– Хм! Вот это лакомство! Знаете что? А давайте сейчас съедем ее!

– Ах, кумушка, а что же на это муж мой скажет? Нет, оно того не стоит!

– А что? Вы ему не признаетесь! Скажете, что он никакую куропаточку и не приносил, что ему это показалось или что он с ума сходит! Пойдемте, съедем ее.

Кумушка так долго уговаривала жену крестьянина, что в конце концов уговорила. Съели они куропаточку.

Был полдень. Крестьянин пришел домой с пахоты. Сел за стол и стал есть суп. Ел он без большой охоты. После супа принесла жена какие-то кнедлики, как обычно. Кнедлики крестьянину тоже не особо понравились, поковырялся он в них и все ждал, когда же, наконец, появится куропаточка. А куропаточка все не появлялась. Когда крестьянину надоело ждать, он спросил:

– Жена, где там у тебя куропатка?

– Какая куропатка? – спросила жена, как будто ни о чем таком и не знала.

– Ну, куропатка, которую я сегодня убил и принес домой, чтобы ты ее запекла к обеду.

– Но, муженек! Ведь ты никакую куропатку не давал, что же ты от меня хочешь?

– Не давал? Что же? Может, я ее и не щелкал бичом?

– А вот это я не знаю. Вспомни-ка, ведь ты мне никакую куропатку не приносил.

– Да разрази тут все гром! – стукнул крестьянин по столу кулаком. – Я что – сумасшедший?

– Ну а как же иначе? – сказала жена. – Ты с такими делами ко мне не подходи! Если бы ты ее дал, разве я бы ее не запекла? Ты же такой старательный пахарь! Ты, наверное, устал, прилег где-то у межи и уснул. Тебе и приснилось что-то о куропатке, а теперь хочешь, чтобы она у меня из рукава выпала!

Крестьянин и замолчал, потому что не хотелось ему с женой ссориться.

На следующий день перед крестьянином из борозды выскочил заяц. Швырнул крестьянин в него башмак, да так удачно, что убил

зайца. Принес его домой и сказал жене:

– Запеки этого зайца сегодня к обеду. Но смотри, не говори больше, что я ничего не приносил! Вот он, заяц!

Жена ответила:

– Да сохрани Господь Бог, милый мой муженек! Если ты зайца принес, почему бы мне его не приготовить, но с куропаточкой – это ты ошибаешься!

Крестьянин ушел в поле, а жена взялась готовить зайца.

Тут пришла кумушка и говорит:

– И что же это у вас так вкусно пахнет?

– Заяц, мой его сегодня на поле башмаком убил.

– Ах! Зайчик, должно быть, очень вкусенький, да... Но скажите мне, как у вас вчера закончилось с куропаточкой? Получилось у вас отговориться?

– Все хорошо закончилось, – ответила жена, – пришлось ему поверить, что никакую куропатку мне не приносил. Но я уж и натерпелась страху, милая кумушка! Он нахохлился, как петух, кулаком по столу стукнул и изо всех сил требовал, чтобы я принесла куропатку. Пришлось с ним построже поговорить.

– И правильно! Только построже с мужем, только построже! И знаете что? Зайчика этого – давайте-ка съедим вместе, ведь он уже хорошо запекся, а вы мужу снова скажете, что ничего он не приносил. Главное, построже с ним! Ой-ой! Если бы человек всегда говорил правду, так уж столько бы раз из-за этого на виселицу попал, из-за этой голой правды! Да! Главное – держите рот на замке, и съедим этого зайчика!

И уговаривала она жену так долго, что в конце концов взяли они и съели зайца.

Крестьянин пришел с поля. Жена дала ему обед: суп и какую-то кашу. Ждет крестьянин, а зайца-то и нет. Он говорит жене:

– Давай сюда вилочку!

– А для чего? – спрашивает жена.

– Для зайца.

– Для какого такого зайца?

– Того, что я башмаком убил и утром принес, чтобы ты запекла его к обеду.

Жена отрицала, мол, ничего он ей не приносил и не знает она ничего ни о каком зайце. Отпиралась она так долго, что пришлось мужу поверить. Вышел он на двор и убил курицу:

– Ну вот от этого уж ты не откажешься, что я курице сейчас шею свернул? Свари мне ее к ужину.

Жена пообещала, что исполнит все, что он пожелал.

Тут пришла кумушка и спросила:

– А чем это у вас тут так вкусно пахнет?

– Курочкой.

– О, курочка тоже очень вкусненькая! Но скажите, как закончилось с зайцем?

– Уболтала я мужа, но уж очень он сетовал.

– Пусть себе сетует как хочет! Пусть себе сетует, а мы съедим и эту курочку!

Жена очень боялась, но кумушка ее уговорила, и съели они курочку.

Пришел крестьянин с поля и спрашивает:

– Жена, где курица?

– Какая такая курица? – спрашивает жена.

– Которой я шею свернул.

– Но, муженек, ты и вправду с ума сходишь, ведь ты никакую курицу не убивал и ничего мне не давал!

Ругалась она с ним так долго, что опять он должен был ей поверить, но на этот раз поверил лишь чуточку. Собрался крестьянин и пошел в трактир выпить, а жене пообещал разобраться, когда вернется домой.

Пришла кумушка.

– А где ваш-то? И как все с курицей закончилось?

– Ах, он так зол и обижается! Пошел сейчас в трактир, кто знает, когда вернется, а я тут должна одна сидеть. Пожалуйста, кумушка, останьтесь тут со мной, а то мне страшно.

– Останусь тут с вами, – сказала кумушка и легла с ней в кровать.

Жена все равно боялась, если муж придет домой пьяный, как бы не пришло ему в голову разобраться с курицей, зайцем и куропаткой, поэтому она никак не могла уснуть. А кумушка уснула очень быстро. Жена встала, оделась и забралась со страху под кровать.

Поздно ночью пришел муж домой, устроил нагоняй и нанес кумушке несчетное количество ударов, думая, что это его жена. Кумушка кричала во все горло, но рассерженный крестьянин бил и бил. Когда как следует ей надавал, отпустил ее, и милая кумушка понеслась домой что было сил. Захворала она и четыре недели после этого лежала больная.

А крестьянин проснулся утром и подумал, что жена наверняка будет лежать в лежку. А жена в это время уже стряпала на кухне и принесла ему к завтраку яичницу, ласково улыбаясь. Удивился крестьянин и спросил:

– А что это ты сегодня такая добрая?

– Я добрая? Так ведь я все время такая! А почему бы мне и не быть доброй, разве ты что-то плохое мне сделал?

– А разве нет? – сказал крестьянин. – Ведь я тебя так отмолотил, что думал, ты неделю с кровати не встанешь.

– Да Господь с тобой, – сказала жена, – муженек! Ты, наверное, и вправду с ума сходишь! Сначала хочешь от меня куропатку, потом зайца, потом еще и курицу, а теперь утверждаешь, что я была бита. Ну, посмотри на меня и увидишь, что у меня ни одного синячка нет. Да, я вижу, ты и вправду с ума сходишь!

Когда увидел крестьянин, что на его жене и вправду ни следа от побоев нет, согласился:

– Ба! Теперь я вижу, что точно с ума схожу.

Через четыре недели снова пришла кумушка.

– Ах! Но только представьте себе, что я, бедная, от вашего испытала! Сплошные синяки и кровоподтеки! Никто бы меня не узнал, так он меня избил.

И спросила ее жена:

– Кумушка, вкусная была куропаточка?

– Ах, вкусная, это было настоящее лакомство.

– А зайчик, как он вам понравился?

– Ах, вкусный, ничего нет вкуснее зайчика!

– А курочку вы распробовали?

– Ах, что тут скажешь – нежнейшее мясо!

– Видите, милая кумушка, – сказала жена после этого, – если вам понравилась куропаточка, зайчик и курочка, то должна была по вкусу

прийтись и взбучка, которую вам кум устроил, тем более вы ее честно заслужили.

С тех пор жена слушала только то, что говорил ей муж, а не то, что говорили жадные и любопытные кумушки.

Плут над плутом

Жил-был один крестьянин, и был он страшным скупцом. Пришел к нему работать батрак Еничек. Крестьянин его спросил, не свойственно ли ему из-за чего-нибудь гневаться.

– И зачем же мне гневаться? Вы хозяин, я вас буду во всем слушаться, – ответил батрак.

На это крестьянин сказал, что тоже не будет на него гневаться, но если вдруг разозлится, то батрак может бросить на него работать.

Настало воскресенье, и говорит крестьянин:

– Давай так в костел ходить: одну неделю ты, а другую я. Сегодня пойду я.

Вернулся из костела и сказал батраку:

– Сегодня в костеле объявили: в понедельник пост, во вторник пост, в среду пост, в четверг пост, в пятницу пост, а в субботу есть можно, но очень мало.

Батрак ответил:

– Что ж! Пост так пост! Значит, есть не будем.

В следующее воскресенье пошел на службу в церковь батрак. Когда вернулся он из костела, спросил его крестьянин:

– Что там сегодня объявили?

– Что объявили? В понедельник праздник, во вторник праздник, в среду праздник, в четверг праздник, в пятницу праздник, в субботу можно немножко поработать.

И всю неделю ничего не делал, только в субботу немного поработал. Хозяину это очень не понравилось, но возразить он ничего не мог, они же договорились, что гневаться друг на друга не будут.

Снова настало воскресенье, и хозяин говорит батраку:

– Знаешь что, сегодня оба пойдем в костел.

На следующей неделе крестьянин послал батрака пасти овец и сказал ему:

– Будь там, обед я тебе сам принесу.

Пасет батрак овец, наступил полдень, а хозяина с обедом нет и нет. Уже два часа пополудни, а никого. Три – и опять никого. В четыре часа развел батрак огонь, зарезал овцу, запек ее и съел.

В пять пришел хозяин и спрашивает:

– Ну, как, Еничек? Не гневаешься?

– А с чего бы я гневался? – отвечает батрак. – А вы не гневаетесь?

– А чего бы я гневался? Не гневаюсь, – ответил крестьянин.

Если бы он ответил, что гневается, батрак бы от него сбежал, чего скупец не хотел, а потому был рад, что от овцы хоть шкуру получил.

На следующий день хозяин говорит:

– Сегодня овец пасти не пойдешь, а будешь чистить и кормить козлов.

В полдень понес он обед батраку, но когда увидел, что козлы не чищены и не кормлены, а батрак вместо этого их бьет, разозлился, но гневаться не смел. Крестьянин хотел, чтобы батрак сам разгневался, потому что тогда он сможет выгнать батрака, не заплатив ему ни крейцера. Вот крестьянин и спрашивает:

– Не гневаешься, Еничек?

– А с чего бы я гневался? – ответил батрак. – Не с того же, что ты мне обед принес?

Он уселся как ни в чем не бывало и с удовольствием принялся за обед.

«Ну, подожди у меня!» – подумал крестьянин, но ничего не сказал.

На третий день приказал он батраку:

– Сегодня поедешь в лес по дрова. Сруби там дуб и привези его домой.

Но топора ему не дал.

Когда батрак приехал в лес, привязал он коня к самому крепкому дубу и так долго его стегал и понукал, что конь вытащил дуб прямо с корнями. Взвалил батрак этот огромный груз на воз и поехал домой. Когда спускались с горы, воз разогнался, наехал на коня и задавил его. Батрак сам впрягся в пустой воз и, когда приехал на двор, сказал хозяину:

– Хозяин, ты не гневаешься?

Крестьянин, видя батрака, запряженного в воз, сообразил, что произошло что-то совсем уж необычное, и ответил:

– Нет, не гневаюсь, но скажи, где конь?

– Не гневайтесь, хозяин, – сказал батрак, – я эту колоду удачно, даже с корнями, вытянул, положил ее на воз, и поехали мы домой. Но когда ехали с горы, воз разогнался и коня переехал, тот теперь лежит под горой и уже не дышит. Не гневаетесь, хозяин?

– Да пусть черт не гневается! Очень гневаюсь! – ответил крестьянин.

После этого крестьянин должен был заплатить батраку и отпустить его, а батрак был только рад, что избавился от скупого хозяина.

Клипы-клап

Однажды сошлось несколько девчат и парней. Девчата щипали перья, а парни их поддразнивали. Сидели они вокруг стола и рассказывали всякие байки, потом, наконец, дошло дело и до загадок. Каждый должен был загадать какую-то загадку. Сначала это были простые и всем известные загадки: о луке, о терке, о ключе, позже пошли новые и незнакомые. После легких загадывали трудные, на которые никто и ответить не мог, поэтому парни и девчата говорили всякие двусмысленности и даже неприличные вещи. У них не получилось остановиться вовремя, они смеялись, подначивали друг друга, совсем распустились и начали проказничать.

И случилось так, что, когда дело дошло до большой распушенности, вдруг щелкнул ключ в двери, так что все услышали, и каждый вздрогнул. Все посмотрели на дверь, чтобы понять, что это там щелкнуло. Двери потихоньку открылись, и несчастные проказники увидели стоящую на пороге тощую фигуру, настолько тощую, что даже нельзя было сказать «кожа да кости», – это были только кости, то есть скелет. Без сомнения, это была сама смерть, которая пришла за ними. Все застыли, как громом пораженные, не могли ни пошевелиться, ни вздохнуть. Скелет постоял немного молча, а потом, будто бы тоже желая загадать загадку, исторг из себя глухой возглас:

– Что такое – клипы-клап?

Всех охватил ужас, не было и мысли о том, чтобы кто-то попытался разгадать загадку. Шалуны уже ждали, что вот-вот смерть поднимет на них свою страшную руку.

Но в колыбельке лежало новорожденное дитя, которое только и умело, что плакать, из уст его до сих пор не вылетело ни единого словечка. В гробовой тишине вдруг открылись уста невинного младенца, и он, словно по Божьему наущению, ответил:

– Ложечка.

Скелет кляцнул челюстями и низким голосом произнес:

– Это хорошо ты сказало, дитя! Ни один из них бы не угадал!

После этих слов хлопнул он дверьми и исчез.

Невинный младенец в колыбельке спас парней и девушек от наказания за излишнюю распущенность.

Склеенный черт

Во времена, когда князь Казимир Тешинский властвовал в Опавском воеводстве, жил в Опаве один бедный рыбак по прозвищу Короткий Гонза. Короткий Гонза зарабатывал на жизнь честным трудом, но было у него семеро детей, так что в их избе чаще можно было увидеть солнышко, чем дорогой хлебец. В воеводстве настала дороговизна, и жизнь в семье Гонзы пошла еще хуже, не только бедность их терзала, но и болезни. И не знал Короткий Гонза, как утолить голод своих деток.

Однажды под вечер, когда жена и дети искали в лесу всякие корешки, он почувствовал себя глубоко несчастным из-за своего бедственного положения и проклинал свою жизнь, призывал на помощь небеса, но напрасно. Когда Гонза еще больше предался своему отчаянию, то начал звать самого Князя ада. Тут его семья возвратилась с грустными лицами, потому что насобирали они мало корешков и могли только на короткое время утолить ими свой голод. Настала полночь. Жена и дети крепко спали, только рыбаку не давали заснуть его великие заботы. Вдруг комнату озарил желтый свет, и перед Гонзой предстал тот, по чьей ослабившейся морде сразу можно было понять, что именно его в отчаянии призывал на помощь рыбак: бес.

– Послушай, брат, – сказал черт рыбаку, трясущемуся от страха, – ты взывал ко мне о помощи, и я говорю тебе: да будет так! Уже завтра твой дом не будет знать нужды. Вот тут достаточно денег, чтобы спасти тебя и твоих домашних от голода в течение нескольких недель.

Со временем получишь еще больше, но при одном условии. Завтра рано утром, сразу как проснешься, отправляйся в путь, в Саксонию, не прощаясь с домашними. Что тебя там ждет, от людей услышишь. Что принесешь оттуда с собой, оберегай от воды. Если то, что ты понесешь, хотя бы немного намокнет, твоя душа станет навеки моей.

После этих слов черт так же внезапно исчез, и в комнате опять воцарилась тьма. Гонза вскоре уснул, а когда утром пробудился, посчитал все это тяжким сном. Но когда обнаружил рядом с собой мешочек с деньгами, понял, к своему большому сожалению, что ночью действительно договорился с чертом. А с чертом, как известно, шутки плохи. Это Короткий Гонза знал очень хорошо. Положил он деньги около жены, тихонько собрался и пустился в далекий путь – в Саксонию. Даже не зная, зачем он туда идет, шел он все дальше и дальше, пока наконец не очутился у границы с Саксонией. Ни в Дрездене, ни в Торгау не услышал он ничего, что бы хоть как-то его касалось. Наконец дошел он аж до Вимперка. Там увидел Гонза, что у костела Св. Урсулы собралась огромная толпа. Он влез в собор зевая и быстро узнал причину всеобщего схода. Последователи Лютера^[15] выбрасывали из костела образы святых и разбивали их. Между иными под топор попала и статуя Св. Юлианы, державшей на цепочке связанного черта, и статуя эта вместе с чертом была изрублена на куски. Кто-то из наблюдавших это действие рассмеялся:

– Над этим убогим чертом мог бы смилостивиться какой-нибудь приверженец Папы Римского, взять его с собой домой и там склеить!

Короткий Гонза знал, что эти слова предназначались ему. Когда люди разошлись, собрал он все кусочки разрубленного черта и вернулся с ними домой.

А тем временем семья Гонзы уже оправилась от страха за него, когда рыбак так неожиданно исчез. До них дошло известие, что Короткого Гонзу видели рано утром живым и здоровым, когда он шел через городскую площадь, поэтому и семья, и остальные люди подумали, что он вдруг получил какую-то хорошую работу и ему заплатили вперед, вот он деньги дома и оставил. Вскоре рыбак вернулся и нашел свое семейство здоровым и благополучным. Каждый спрашивал его, куда он так внезапно исчез, откуда взял столько денег и тому подобное.

– Купец-чужестранец доверил мне сохранить одну его драгоценность, – отвечал он, – потому я и ушел так быстро и добыл денег.

После этого люди его уж больше не расспрашивали.

На следующую ночь Гонза склеивал куски черта. В полном одиночестве стоял он у очага. В пламени, на котором он разогревал клей, виделись ему всевозможные ослабившиеся образины. Наконец, вся фигурка была склеена. Тут затряслась земля, окна задрожали, огонь затрещал, а снаружи донесся громовой грохот. Из очага потянулся густой дым. Поднимаясь вверх, он закручивался кольцами. И наконец показался черт!

– Ты все хорошо исполнил, – сказал он трясущемуся рыбаку, – мое подобие склеено. Носи его все время с собой, только не намочи! Если тебе понадобится какая-то сумма денег, найдешь ее в своем кармане, как только поцелуешь эту фигурку. Но если она намокнет или от нее отвалится хотя бы самый маленький кусочек, твоя душа навеки станет моей.

После этого он исчез.

Рыбак осторожно положил фигурку в ларь, в котором уже давно ничего не было, и запер его. При этом заскрипел замок, и жена рыбака проснулась. Увидела она мужа, запирающего ларь, и стала с любопытством выпрашивать, что он туда с такими предосторожностями уложил. Гонза долго выкручивался, а потом сказал, что это та самая драгоценность, которую поручил ему хранить чужеземный купец, что это настоящее произведение искусства. Жена стала еще сильнее любопытствовать и захотела, чтобы он показал ей эту драгоценность. Пришлось Гонзе рассказать всю правду, открыть ларь и показать склеенного черта. Жена рыбака ужасно испугалась.

– Ах-ах, – сокрушалась она, – лучше бы я умерла с голоду честной, чем из-за такой вот мерзости остаться в живых.

Заплаканная, улеглась она снова в кровать.

В ушах Гонзы непрерывно звучали слова жены, потому что с обретением богатства утратил он внутренний покой и душевную благодать. Он не мог уснуть и все ворочался в кровати и тут почувствовал, что-то давит его в бок: Гонза потрогал это рукой и глядь! – это был склеенный черт. Опять запер он его в ларь и снова нашел его под боком. Прodelал он это много раз, но склеенный черт

не хотел никуда от него деваться и всегда появлялся рядом. Только тогда начал Гонза понимать, что отныне должен он будет носить черта с собой всю оставшуюся жизнь. Ни жалобы, ни слезы не помогали: склеенный черт возвращался к нему. Наступило утро. Деньги закончились, а дети хотели есть. Гонза был вынужден тайно поцеловать дьявольское подобие. Карман его немедленно наполнился золотом.

Вид золота несет в себе нечто особенное. Даже лежа на смертном одре, человек с удовольствием смотрит на кусочки желтого металла. Так и жена рыбака при виде прекрасных блестящих кружочков забыла, каким образом золото у них оказалось. С того дня жили они в удобстве и веселье, настолько хорошо, насколько их нечистая совесть им позволяла. Рыбак, привыкший работать на воде, с тяжелым сердцем отказался от своего труда. Из-за богатства лишился он друзей и знакомых, которые подозревали, что все золото он украл.

Однажды случилось так, что у воеводы пропал очень ценный золотой кубок, розыск вора длился долго. Подозрение пало на рыбака из-за золота, которое нашли у него в кармане. В пыточной камере вытянули у него ложное признание в том, что он совершил ту кражу. Рыбака приговорили к смерти, и монах Франтишек из Крновского франсисканского монастыря должен был приготовить его в последний путь. О Франтишке шла молва как о святом человеке. Короткий Гонза исповедался ему и не утаил ничего, еще и потому, что время наступило дождливое и Гонза боялся промокнуть перед казнью. Тогда душа его досталась бы черту навеки.

Монах долго не знал, как помочь Гонзе, но наконец попросил воеводу, чтобы рыбака еще раз подвергли пытке горящими факелами. Раздели его донага, но фигурка черта оставалась висеть у его бока. Пытатели стали жечь его факелами, и Гонза должен был выносить нестерпимую боль. Но чертово подобие терпело все вместе с ним, пока наконец огонь не сожрал фигурку.

Как только это случилось, прибежал слуга воеводы и велел прекратить пытки и отпустить Короткого Гонзу на свободу, поскольку потерянный кубок найден. Полумертвого Гонзу принесли домой. Гонза вылечился и выздоровел. Чертово подобие уже никогда больше не появлялось, и раскаявшийся нашел покой, которого так долго ему не хватало. Дела семьи пошли лучше, и умер Гонза в глубокой

старости, окруженный заботливой семьей. В костеле Св. Яна лежал камень, и на нем был вытесан человек, держащий в одной руке рыбу, а в другой факел. Говорят, что камень этот обозначал место, где был похоронен Короткий Гонза, рыбак.

Карел Дворжачек

Биографическая справка

Карел Дворжачек родился 31 октября 1911 года в маленьком городке Ивановице на реке Гане, в Южной Моравии, умер 20 августа 1945 года в Брно.

Вся недолгая, благородная, яркая жизнь писателя связана была с Южной Моравией. После окончания гимназии он стал работать помощником учителя, позже проходил воинскую службу в Кромержиже, которую закончил в звании подпоручика. После ликвидации независимости Чехословакии в результате Мюнхенского сговора в 1938 году и вынужденного принятия Чехией и Моравией германского протектората в 1939 году Карел Дворжачек жил на своей малой родине. Там основал он детский хор, писал и ставил театральные пьесы, романы, собирал народные предания. В 1942 году его роман «Поле, раскинувшееся до гор» был награжден Национальной премией в области литературы.

Вместе с тем он был членом нелегальной антифашистской организации сопротивления «Оборона народа», организаторами которой стали бывшие военнослужащие Чехословацкой армии. Он дважды был заточен в тюрьму, до апреля 1945 года находился в немецкой тюрьме в Цвикау.

Домой он вернулся после войны тяжело больным и 20 августа 1945 года умер, прожив лишь 33 года.

Похоронен в Брно, на центральном кладбище.

На русском языке произведения Карела Дворжачека публикуются впервые.

Лашский этнографический регион находится на северо-востоке Моравии – одной из трех исторических земель Чешской Республики. Особенностью этого региона является лашское наречие (лашский диалект), элементы которого тонко использовал Карел Дворжачек в своих сказках. Лашский регион славится своим неповторимым

фольклором, типичным танцевальным стилем. (О любви народа к музыке и танцам можно прочитать в сказке «Лесной орешек»).

Географически Лашский регион расположен по обоим берегам реки Остравице, далее по течению рек Одры, Любины, Одржейнице, Йичинки и Седринцы. К нему относятся города Острава, Фридек-Мистек, Фридлант-над-Остравицей, Френишат под Радгоштем, Новый Йичин и Копрживнице. Политический центр региона – Фридек-Мистек.

Предания повествуют, что название региона происходит от имени североморавского племени лахи, которых иначе называли моравцы. Внутри Лашского региона различаются (по некоторым речевым особенностям, особенностям национальных костюмов, видам танцев и танцевальным стилям) области: Валашско-Лашская, Горная Лашская область и Низинная Лашская область. Иногда регион подразделяют на Моравско-Лашский и Силезско-Лашский.

Лашский регион отличается огромным богатством народных песен, которым присущи задумчивость, мелодическая красота. Этот регион считался краем самых прекрасных храмовых песнопений, песенных баллад, легенд и коляд.

Сказки лашского народа

Из книги «Божья земля»

(книга издана в 1941 г.)

Божья земля

Я знаю землю, которую могу назвать именно так, потому что она прекраснее многих иных, о которых столько уже написано и рассказано, что голова идет кругом. В этой земле живет Бог. Тут высокие горы, благоухание со всех сторон, горные реки блестят серебром. Но это не все. Тут живут люди с Богом в сердцах, большие и маленькие, богатые и нищие. Он это знает и потому так их любит.

Добрыми были все старушки и дети, которые рассказывали мне эти сказки. И поскольку их благочестие я считал одной из самых прекрасных особенностей, которой они были наделены, я не мог не отметить его в этой книжке. Напротив, когда я вспоминал о доброте, о ней и об этой прекрасной земле, не мог я рассказать эти сказки иначе, чем с тем же чувством Бога, с каким были они мне рассказаны.

И чего же я желаю этим сказкам?

Скажу очень коротко, чтобы каждый хорошо меня понял: добрых читателей.

К. Д.

Как Франта женился

Жил да был однажды богобоязненный купец, у которого была добрая жена и крепкий сын Франта, прекрасный дом с полными погребами и склады с всевозможными товарами, а во всем свете было у него много добрых друзей. Он умел покупать и продавать, хорошо знал всякие чужие земли и самые дальние края, о которых мы и сейчас знаем немного, и всюду ему счастье улыбалось. Жил он благополучно, ни в чем не знал недостатка, никакие заботы его не тяготили.

Сына воспитывал он разумно и был им доволен. Только одну его особенность невозможно было исправить – упрямство. Как ни пробовали его от этого отучить, все было напрасно. Уж что решил Франта, то обязательно должен был получить. Купцу это было очень неприятно, но потом он сказал себе, что и эта черта может сослужить добрую службу.

Когда Франта вырос, позвал его отец в свою комнату и сказал ему:

– Милый сын, ты уже достаточно разумный, чтобы жениться. Меня отец не спрашивал, кого я хочу взять в жены, просто привел мне невесту, и хорошо сделал. На всем белом свете не смог бы я найти лучше маму, чем наша. Но только так не всегда повезет, поэтому я не хочу повторять то, что сделал мой отец. Как ты знаешь, я объехал почти весь белый свет. Нигде я не забывал о тебе. Последние годы я вместе со всякими товарами собирал портреты самых прекрасных девушек. Я тебе их покажу, чтобы ты мог выбрать себе жену сам.

И повел купец сына на склад с большими сундуками, которые были полны портретов красивых девушек. Он брал портрет за портретом, показывал сыну, говорил, какой у девушки характер, какого она рода и какое получит приданое. Франта поражался все больше и больше, сколько оказалось красивых девушек на свете, а он о них еще вообще ничего не знал, но выбрать одну из них так и не решился. Тяжело было выбрать одну среди этих красавиц – отец это понимал и не сердился на сына. Оставался только один портрет, но до него купец и не дотронулся. Он запер сундук и велел Франте хорошенько подумать, прежде чем скажет свое слово.

– А что та последняя картина? – спросил Франта. – Вы мне ее вообще не покажете? Или это не портрет девушки?

– Портрет, – сказал купец, – но я о ней вообще ничего не знаю. Это королевская дочь, возможно, она хорошая и добрая, но она потерялась, и до сих пор никому не удалось найти ее.

– Покажите мне ее, – попросил Франта, – если уж я всех видел, хочу и на нее посмотреть.

Не хотелось купцу показывать картину, но именно тут взыграло у Франты упрямство. Сын настаивал на своем, что должен увидеть и последний портрет, иначе вообще откажется жениться.

Они поругались, купец уговаривал и просил, пришла купчиха, плакала и тоже уговаривала и просила, но ничего не помогало, упрямая голова оставалась упрямой, даже еще упрямее, чем прежде.

Что было делать бедному отцу, когда с сыном невозможно было разумно вести беседу? Нехотя достал он портрет и показал парню очень грустную и самую прекрасную девушку из всех, кто когда-либо жил на свете. Онемел Франта, глаза его залились слезами. Понял он, почему не должен был видеть эту последнюю картину.

– Вы только посмотрите на нее, – позвал он родителей. – Она самая красивая из тех, кого я видел. И она исчезла? И может быть, ей сейчас плохо? Папочка, мамочка, если я должен жениться по выбору своего сердца, возьму в жены эту и никакую другую!

Поняли родители, что напрасно отговаривали сына, и согласно кивнули. Знали они, что у Франты доброе сердце. Они только озаботились, как эту девушку найти.

– Я знаю, что вы сердитесь на меня, – сказал Франта, – но я пойду ее искать. И даже если бы я должен был заглянуть во все углы на целом Божьем свете, я это сделаю, найду ее и приведу сюда. Надеюсь, ее родители не будут против меня?

– Да как бы они могли? – сказал отец. – Ведь король и королева тоже исчезли, как и она. Многие пробовали их найти, но напрасно. Исчезли, и все тут. Я вижу, ты уже принял решение. Но не торопись, сначала подумай хорошенько. Часто все зависит именно от того, как начнешь!

Думал Франта, думал, но чем больше он думал о прекрасной принцессе, тем больше тосковал по ней. Нет, не мог он оставить все так, как есть. Он хотел ее отыскать, даже если бы его попытка стоила ему жизни. Он не мог оставаться дома и решил отправиться по свету. По крайней мере он мог попробовать найти ее или хотя бы

удостовериться, что действительно найти ее невозможно. Исчезнувшая принцесса не выходила у него из головы и из сердца.

Он сказал о своем решении родителям, они его уже не отговаривали, только мать поплакала, потому что очень боялась за сына и была бы более спокойной, если бы за этой принцессой отправился сам купец. Но тот заявил, что Фанта должен идти сам, раз уж так решил, а уж он даст сыну в дорогу все, что тот захочет.

Франта собирался в дорогу. За три дня до отъезда случилась странная вещь. Ночью в его комнату влетела белая голубка, уселась ему на постель и запела.

– Белая голубка, – прошептал Франта тихо, чтобы ее не испугать, – поеду я искать невесту. Дай мне совет в дорогу.

– Чтобы ты ничего не боялся, вот что тебе посоветую, – пропела белая голубка, – и попроси папу, чтобы он дал тебе в дорогу коня, на котором он сам ездил по свету!

Юноша хорошо запомнил, что ему посоветовала голубка, и, проснувшись, встал перед отцом и сказал ему:

– Вы обещали, что дадите мне в дорогу все, что я попрошу.

– Да, – ответил отец, – говори, что тебе нужно!

– Я хотел бы вашего коня, на котором вы ездите по свету, – сказал сын. Ему было любопытно, что ответит отец.

– Это хороший выбор, – произнес купец. – Я дам тебе своего самого любимого коня. Он сможет тебе сослужить службу большую, чем ты думаешь.

На вторую ночь перед отъездом к нему в комнату снова влетела голубка, на этот раз серебряная, как волосы его отца. Она уселась на постели и запела.

– Голубка серебряная, – прошептал ей Франта очень тихо, чтобы ее не испугать, – сказала ли тебе твоя сестричка, что я поеду за невестой? Что бы ты мне посоветовала перед дальней дорогой?

– Чтобы ты ничего не боялся, вот что тебе посоветую, – пропела серебряная голубка. – И попроси папу, чтобы он дал тебе в дорогу полный мешок золотого зерна для бесценного коня.

Юноша опять хорошо запомнил, что ему посоветовала голубка, и едва встал, нашел отца и сказал ему:

– Могу ли я попросить вас еще кое о чем в дорогу?

– Конечно, – ответил отец, – ведь я же пообещал, что дам тебе в дорогу все, что ни попросишь.

– Мне нужен полный мешок золотого зерна для вашего бесценного коня, – несмело произнес сын.

– Я вижу, что ты мудрее, чем я думал, – довольно кивнул купец головой. – Да, я дам тебе мешок золотого зерна для своего лучшего коня.

И Франта был очень рад, и когда ложился спать в последнюю ночь перед отъездом за невестой, попросил в душе голубок, чтобы они опять прилетели и дали ему какой-то совет, вдруг он о чем-то забыл. И правда, в последнюю ночь прилетела голубка, но золотая, как волосы его мамочки, села на постель и запела.

– Голубка золотая, – зашептал тихонько Франта, чтобы не напугать ее. – Сказали тебе твои сестрички, что еду я за невестой? Не хочешь ли и ты мне что-то посоветовать?

– Ничего не бойся, вот что я тебе советую, – запела золотая голубка. – Попроси папу, чтобы он дал тебе еще золотую птицу, и счастливого тебе пути. Береги золотое зерно, но не будь скупым ни к коню, ни к птице, они сослужат тебе добрую службу.

Франта не мог дожидаться утра. На рассвете он встал и пошел к отцу и сказал ему:

– Вы дали мне своего лучшего коня и мешок золотого зерна, а не могли бы вы дать мне еще и золотую птицу? Я буду хорошо о ней заботиться.

И был купец рад, что его сын начинает так правильно, и охотно дал ему и золотую птицу. Теперь у Франты было все, что ему требовалось. Он попрощался с родителями и отправился по свету искать свою невесту.

Вечером приехал он к трактиру и решил там переночевать. Он завел коня в конюшню, насыпал ему золотого зерна, погладил его шею и сказал:

– Подкрепись и отдохни, чтобы ты мог хорошо мне служить.

– Я рад тебе послужить, – ответил конь, – и ты не должен за мной как-то особо ухаживать, только давай мне каждый вечер достаточно золотого зерна. Не привязывай меня и не запирай в конюшне, лучше позволь мне ночную прогулку. Ты будешь мной доволен, как твой отец.

Послушался Франта и не запер конюшню. Вскоре конь вышел из конюшни, светясь как золото. И вознесся он на небеса, и там всю ночь собирал и поедал звезды. Когда съел он последнюю, настал день, и конь вернулся в конюшню.

Птица тоже не осталась в своей клетке ночью. Когда Франта дал ей горсть зерна, сказал ей:

– Клюй, птичка, клюй, а потом отдохни, ты будешь мне нужна, послужи мне хорошенько.

И запела птица:

– Хорошо, что ты обо мне не забыл. Только прошу тебя, не запирай меня на ночь в этой клетке, дай мне свободу.

Франта сделал так, как просила его птица, она взлетела к небесам и там собирала звезды вместе с конем. Когда она съела последнюю, настал день, и птица вернулась в свою клетку.

Утром следующего дня конь посоветовал Франте:

– Выпусти птицу и вели ей посмотреть, где находится черный замок. Я хочу знать, туда ли мы направляемся.

Послушался Франта и выпустил птицу, и она полетела все выше и выше, пока не исчезла из виду. Вернулась она уже к полудню, села на жердочку в клетке и запела:

– Я летала на золотой луг, где солнышко играет, но черного замка нет и следа, нет и следа!

И помчался конь вскачь, не скакал, а летел, земли не касаясь. И опять к вечеру приехали они к трактиру и решили там переночевать. Франта накормил коня и птицу золотым зерном и отпустил их, а они полетели собирать звезды. Когда все съели, настал день – конь и птица вернулись к Франте, который тем временем хорошо выспался.

И на этот раз конь посоветовал, чтобы птица посмотрела, где находится черный замок. Птица снова полетела на луг, где солнышко играло, но опять не увидела оттуда черный замок. И поскакал конь, не скакал, летел, и вечером опять приехали они к трактиру, где переночевали.

Франта кормил коня и птицу золотым зерном, но кормил разумно, чтобы зерна хватило, вечером они уходили, а днем служили ему. Когда наконец на десятый день птица снова прилетела на золотой луг, где солнышко играет, она вернулась раньше обычного и запела, что

едут они правильной дорогой и что к вечеру доберутся до черного замка.

И правда. Когда солнышко село на гору, подъехали они к черному замку. Франта постучал в ворота и стал ждать, когда ему откроют. Конь тем временем советовал:

– Пренебреги шелковой постелью, не разлучайся с нами, чтобы мы могли тебе помочь. У хозяина этого замка сердце не чистое и мысли не светлые! Он держит в заточении твою невесту, самую красивую деву на свете!

Ворота с шумом отворились, и в них появился чернокнижник. Живот его был как бочка, а на нем три железных обруча. Посмотрел он на Франту, на его коня, на птицу, засверкал глазами и воскликнул:

– Чего ты хочешь, смельчак?

Франта ему ответил:

– Я слышал, что в этом замке живет самая прекрасная девушка под солнцем. Я хочу на ней жениться, приехал за ней.

– Смотрите-ка, смотрите-ка, – загундосил чернокнижник, – особый гость не очень-то скромн: выбрал себе самую красивую! Ну, увидим, что можно сделать. А ты ее вообще-то знаешь? Узнал бы ты ее?

– Я и в темноте ее узнаю, – воскликнул Франта, – потому что я ее очень люблю!

– Посмотрим, посмотрим, – захихикал чернокнижник и пригласил юношу пройти в замок. И тут же сказал ему, что уложит его спать на шелковом ложе и угостит наилучшей едой, чтобы у Франты было много сил, ведь они ему очень и очень понадобятся.

Франта поблагодарил, но не расстался со своими друзьями. Чернокнижник разозлился и отвел его в конюшню. Раз уж он хочет проводить ночь с конем и птицей, пусть, мол, будет доволен таким ночлегом. Но сын купца ничего неприятного в этом не видел. Он почистил коня, дал ему золотого зерна, потом накормил и золотую птицу, которую поместил рядом со своей постелью прямо у головы, а потом стал собираться сам. Он еще не все закончил, когда снова пришел чернокнижник.

– Ты хвастался, – сказал он Франте, – что узнаешь свою избранницу хоть ночью, но ты не подумал о том, что я могу ее

превратить во что захочу. Ладно, я тебя принял, попробуй свое счастье. Беда тебе, если не справишься. Жизни лишишься.

– Я все это понимаю, – ответил сын купца. – Можем начинать.

Чернокнижник расхохотался и сказал:

– Отдыхай пока. И не думай, что все будет так легко: ты не первый, кто пытался это сделать.

После этого он ушел.

Вечером Франта остался совсем один, и было ему очень грустно. Всюду царила тишина, только в какой-то миг раздалась откуда-то сверху такая прекрасная и трогательная песня, что сердце его упало. Как хотелось бы парню рассказать об этом своему коню и птице, но они собирали на небесах звезды. Всю ночь он не спал в тоске и печали, но решимость его не покинула.

Вернувшись, птица пропела:

– Я видела чернокнижника за работой. Он отнес принцессу далеко отсюда, превратил ее в слиток золота и бросил в ручей.

Потом прилетел конь и заржал:

– Сегодня придется продержаться. Я видел чернокнижника за работой. Он отнес принцессу далеко отсюда, превратил ее в слиток золота и бросил ее в ручей. Но не бойся, положишься на меня, я тебе помогу.

Солнышко припекало, когда пришел чернокнижник. Он злобно усмехался:

– Ну, как наш красавчик выпался? Работа легкой не будет!

– Я отлично выпался, а работы никакой не боюсь, – произнес Франта уверенно, – ведь я еще дома сказал, что ради этой прекрасной девушки готов на что угодно.

Чернокнижник язвительно расхохотался. Звуки его хохота разлетелись по двору.

– Ну что ж, начнем, – сказал он. – Сегодня на восходе солнца принцесса вышла на прогулку, но до сих пор еще не вернулась. Раз ты так в себе уверен, найди ее, узнай и приведи – сумеешь?

– Конечно, – кивнул Франта и оседлал коня.

– Ну-ну, – удивился чернокнижник, – неужели ты за ней на коне ехать собрался? Она-то пешком шла.

– Может быть, – возразил Франта. – Но ножки у нее тоненькие. Может быть, они у нее устали. Если она зашла далеко, могла

утомиться. Я хочу, чтобы она долго-долго оставалась прекрасной, поэтому должен ее беречь.

Чернокнижник расхохотался и больше ничего не сказал. Его забавляла уверенность Франты, с какой он говорил, что получит принцессу в жены. Увидев, что тот берет птицу в клетке, сказал насмешливо:

– А этого зверя ты берешь, чтобы в дороге было веселее, да?

– Вы угадали, – сказал Франта спокойно. – Усталому нужно освежиться, а грустному утешиться. Но я вам советую не насмехаться над моей птицей. Она ученая.

Чернокнижник хохотал, держась за живот, как будто бы боялся, что у него обручи лопнут.

– Я тебе разрешаю десять таких помощников иметь, как твоя птица и твой конь! – крикнул он вслед Франте.

И сын купца выехал. Едва черный замок исчез с его глаз, конь полетел. Даже птица не должна была лететь перед ним, конь точно знал, где бежит ручей и куда упал слиток золота. Когда они туда доехали, Франта соскочил с коня и пошел по воде к тому месту, которое светилось и блестело. Там и лежал золотой слиток. Едва Франта его поднял, он превратился в принцессу.

И была эта принцесса много краше того портрета, который хранился у его отца. Франта взял ее на руки, вынес из воды и посадил на коня. Если бы его добрый конь не поскакал сам к замку, Франта вообще не нашел бы дорогу, потому что был как одурманенный. Он ни слова не сказал принцессе, не знал, сказала ли она хоть что-то, не слышал, поет ли птица.

Чернокнижник ждал их в воротах замка. Едва увидел он принцессу, стал кричать и проклинать, а потом схватился за живот. У него лопнул первый обруч.

Больше в этот день ничего не происходило.

Франта накормил коня и птицу и пошел прогуляться по саду. Он все время смотрел на окна замка, не покажется ли где принцесса, но его желание не исполнилось. Он ее так и не увидел. А ночью, когда конь и птица собирали звезды, вновь услышал он ее пение. И ему показалось, что на этот раз голос ее звучал чуть-чуть веселее. Он очень обрадовался. Когда она допела, он смог уснуть на краткий миг.

Утром прилетела птица и запела:

– Я видела чернокнижника за работой. У него уже нет той силы. Он отнес принцессу в лес за крепостной стеной замка и там превратил ее в маленькую птичку. Бедняжка. Она там летает и грустно поет.

И вернулся конь и заржал:

– Видел я чернокнижника за работой. У него уже нет той силы. Он отнес принцессу в лес за крепостной стеной замка и там превратил ее в маленькую птичку. Бедняжка. Она там летает и плачет. Но не бойся. Сегодня ты и меня брать не должен. Тебе достаточно будет и золотой птицы. Пойдете в лес, она тебе найдет птичку и подманит ее к тебе. Как только золотая птица клюнет маленькую птичку, та сразу же превратится в принцессу. Только осторожно, смотри, чтобы маленькая птичка достаточно низко села, иначе с принцессой случится что-то плохое.

Франта испугался, как бы с птичкой что-то не случилось, как бы коршун или ястреб не сожрали ее, он хотел скорее бежать в лес, но конь ему посоветовал не выдавать себя, пришлось ему дожидаться чернокнижника.

Он не заставил себя ждать так долго, как вчера, но и не спросил у Франты, как тот выпался, а с порога начал:

– С восходом солнца ушла принцесса на прогулку. Звал я ее, звал, но она не отзывается. Не знаю, где она. Может быть, заблудилась, как вчера, и не может найти дорогу домой.

– Я ее приведу, – сказал Франта и взял клетку с птицей.

– А что ж ты своего коня не берешь? – спросил червонкижник.

– Да я вчера его загнал, – ответил Франта спокойно, – сегодня он должен отдохнуть. Да я думаю, что сегодня принцесса далеко не ушла, конечно, и она вчера устала.

Чернокнижник не увидел в этом ничего удивительного и поверил Франте. Тот спокойно пошел. Сразу за крепостной стеной он выпустил свою золотую птицу и уселся на краю леса так, чтобы чернокнижник из замка его не увидел. Ждал он, ждал и услышал жалобный птичий писк. Золотая птица преследовала маленькую птичку, заставляя ее спуститься ниже. И наконец птичка упала Франте на колени, и в тот же самый момент золотая птица клюнула маленькую. Та сразу же превратилась в принцессу, и Франта снова был одурманен, как вчера. К счастью, он быстро вспомнил, что его

ждет чернокнижник, посадил золотую птицу в клетку, взял принцессу за руку, и они пошли в черный замок.

Чернокнижник снова ожидал его в воротах замка. Увидев принцессу, начал он кричать, проклинать и схватился за живот. У него лопнул второй обруч. И пошел он молча, как вчера, и принцесса пошла за ним. Прежде чем войти в замок, она обернулась и кивнула своему Франте.

Больше в этот день ничего не происходило, но Франта не был спокоен. Он накормил коня и птицу, а потом вышел в сад. Он прогуливался вдоль замка и без устали смотрел на окна, не покажется ли где принцесса. Но и сегодня его желание не исполнилось. Только ночью, когда конь и птица опять собирали звезды, он услышал ее пение. Теперь он уже не сомневался, что нравится принцессе и что она знает, зачем он пришел. Она пела веселее, чем раньше. Он был очень рад. Этой ночью он наконец крепко уснул и спал до позднего утра.

Пришел чернокнижник, потряс его за плечо и закричал:

– Вставай, лентяй, время работать!

Франта испугался и понял, что совершил огромную ошибку, потому что чернокнижник как пришел, так и оставался рядом с ним – у него было ужасное настроение, он догадался, кто помогал Франте. Он стоял рядом с Франтой, пока тот умывался и причесывался.

Когда же Франта хотел посадить свою золотую птицу в клетку, чернокнижник закричал на него:

– Не смей даже дотрагиваться до этой птицы! Я знаю, что это не просто птица, что она тебе помогает! Вон! Сейчас получишь задание, а я тебя тут подожду, пока ты его не выполнишь.

– Ну, раз вы не разрешаете... – сказал сын купца. – Но коня-то вы мне разрешите привязать?

– Еще чего? – Чернокнижник разъярился и преградил Франте дорогу, говоря, чтобы он не смел дотрагиваться до коня, потому что и тот ему дает советы. С такими помощниками каждый бы мог принцессу получить.

Франта попробовал напоследок:

– Какой вы странный, – сказал он. – Когда вы мне первое задание давали, то смеялись над конем и птицей и разрешили мне десять

таких помощников иметь, а сегодня запрещаете птицу в клетку посадить и коня привязать.

Но чернокнижник не уступил, он кричал и грозил. И в конце концов велел купеческому сыну идти выполнять задание, потому что драгоценное время уходит.

Что было делать Франте? Чернокнижник вышел за ним, и так они бродили вместе по саду. Франта говорил себе, что сегодня принцесса должна быть еще ближе, потому что у чернокнижника силы меньше, чем вчера; он внимательно на все смотрел, но нигде не видел ничего, что привлекло бы его внимание. Долго ходил он и долго разглядывал, но все напрасно, пока вдруг не заметил прекрасную статую, такую же утонченную, как принцесса. К тому же она была очень и очень на принцессу похожа.

Сердце у Франты забилося часто-часто, и он понял, что не ошибается. Но что делать, чтобы статуя ожила?

Тем временем конь открыл двери конюшни, птица вылетела, полетела в сад, села на статую и запела:

– Поцелуй ее, поцелуй ее!

– Я убью твою птицу! – закричал чернокнижник. – И коня твоего убью!

– А почему ты мне не позволил запереть птицу в клетку? И коня почему не разрешил привязать в конюшне? – сказал Франта спокойно и прежде, чем чернокнижник смог ему помешать, подскочил к статуе и поцеловал ее. И она тут же превратилась в принцессу.

Чернокнижник страшно завопил и схватился за живот: у него лопнул последний обруч. И он немедленно превратился в черного ворона, взмыл в воздух и улетел.

И в тот же миг замок стал белым и ожил, на лугах и в саду появилось много рыцарей на конях. Принцесса оставалась в объятиях Франты и благодарила его за освобождение. Прибежали король с королевой и увидели, как обнимаются молодые, принялись благодарить Франту и спросили, когда будет свадьба.

– Сначала я должен отправиться домой, к родителям, – сказал Франта, – они думают обо мне днем и ночью и дождаться не могут. К тому же я должен им представить свою невесту.

Ни король, ни королева не возражали, чтобы молодые поехали к родителям Франты, и быстро стали готовить достойных коней. Но

Фанта пошел за своим конем и спросил его, не отнесет ли тот его с принцессой к старому купцу в его родной дом.

– Отнесу, – сказал конь, но потом ты должен будешь сослужить службу, и не только мне, но и золотой птице.

– Почему ты говоришь так грустно? – погладил коня Франта. – Вы хорошо мне служили, почему бы и мне вам не послужить?

– Только бы ты не забыл о своих словах! – сказал конь.

И они поехали. Да не ехали, летели. За ними следовала целая процессия, чтобы потом привезти родителей жениха на свадьбу. Свидание с сыном было очень радостным. Купец и купчиха сразу простили сыну его упрямство, так они были рады, что все хорошо кончилось. Только одно тяготило родителей жениха: какое приданое дать сыну, раз у него и так все будет.

Наконец среброголовый купец вспомнил.

– Коня и птицу сын может насовсем оставить себе. Мы живем в покое, я уже никуда не езжу, а после нашей смерти все завещаем бедным.

Франта с принцессой, конечно, были рады, потому что хорошо знали, что это за конь и птица. Они хорошо отдохнули, а потом вместе с родителями жениха вернулись в замок.

И была прекрасная свадьба, какой еще свет не видел и, возможно, больше никогда не увидит. А когда свадьба закончилась, счастливы были и молодые, и старые, а с ними и все королевство.

А Франта ни о чем не думал и ни о ком не заботился, кроме как о своей жене и королевстве. Обо всем остальном он совершенно забыл. Забыл он и о своем коне, и о золотой птице.

Однажды Франта спал, и приснилась ему голубка:

– Помощь принимал, а сам никому не помогаешь!

И так несколько раз.

Проснулся он и увидел, что из комнаты вылетает белая голубка. Он ничего не сказал принцессе, но все думал и думал, кому же он не помог, но вспомнить не мог. Наконец он уснул и спокойно спал до утра, а утром ни о чем не помнил.

Следующей ночью ему опять приснилось, что он слышит, как поет голубка:

– Помощь принимал, а сам никому не помогаешь!

И снова это повторилось несколько раз.

Франта пытался проснуться, но когда открыл глаза, увидел только, как серебряная голубка вылетает из окна комнаты. Он не разбудил принцессу и снова думал и думал, как в прошлую ночь, и тут вспомнил, что вчера ночью голубка была белой. И очень он этому удивился. Встал он и завязал узлом рукав своей рубашки, чтобы обо всем вспомнить, когда наступит утро.

Утром он и правда обо всем вспомнил и размышлял об этом целый день. Напрасно расспрашивали его жена и родители, что с ним, – он ничего не говорил, потому что не мог вспомнить, кому задолжал помощь. Вечером он решил, что не заснет, а будет ждать голубку, если, конечно, она прилетит, и что спросит у нее обо всем.

Он лежал и не спал, а все ждал голубку. И вот когда настала глубокая ночь и все спало, влетела в комнату золотая голубка, уселась в голове его постели и запела:

– Помощь принимал, а сам никому не помогаешь! Помощь принимал, а сам никому не помогаешь!

Он осторожно открыл глаза и зашептал ей, чтобы не испугать:

– Голубка золотая, горячо тебя прошу, смилуйся и посоветуй мне хотя бы ты, раз твои подружки улетели, как только пропели свои песенки. Я хочу быть хорошим королем. Я правда не знаю, кому причинил вред.

– Ты хорошо правишь, – сказала голубка, – но надо помнить и о тех, кто больше всех тебе помог: о коне и птице.

Вскочил король Франта с постели и так напугал голубку, что она окно не могла найти, но он об этом уже не думал. Он знал, что голубке его помощь не понадобится, и думал сейчас только о верном коне и золотой птице. Где они, что с ними? Он запретил камердинерам идти за ним, велел только принести ему лампу и быстро пошел вниз на двор и в конюшню.

И вот где-то в дальнем углу конюшни, где раньше вообще ничего не бывало, стоял до костей исхудавший конь, а над ним висела клетка с птицей, которая уже не выглядела золотой. Когда Франта нашел своих верных помощников в таком плачевном состоянии, он наконец-то понял, что никто их не кормил золотым зерном и не выпускал из конюшни, чтобы они насобирали звезд. И стало ему их страшно жалко. Он заплакал, обнял коня за шею и просил простить его.

– Я знаю, – сказал конь грустно, – в счастье легко обо всем забыть. Но хорошо, что ты пришел.

– Я накормлю вас, и вы никогда больше не будете привязанными, – пообещал Франта, плача.

– Выполни свое обещание, – едва слышно запищала птица, – больше нам от тебя ничего не нужно.

– Конечно, и с удовольствием! – воскликнул Франта. – Что я должен сделать?

– Возьми меч и отсеки нам головы, – попросил конь и жалобно посмотрел на своего хозяина.

– Что? – воскликнул Франта и снова бросился обнимать коня за шею, и заплакал так горько, что долго не мог ни слова вымолвить. Но потом проговорил: – Значит, вы уже не можете жить, что просите меня о смерти? Чо же я наделал, как я мог забыть?!!!

– Не плачь и выслушай меня, – попросил конь и начал тихо рассказывать.

Смерть должна была стать для них освобождением. Они муж и жена, которые неразумно копили деньги и в своей алчности лишили имущества много добрых людей. Ничего, кроме золота, не ценилось ими, и зашли они в своей гордыне так далеко, что и сверкающие звезды забрали бы с неба, если бы могли. За это они должны были понести наказание: сто лет существовали они как конь и птица и в течение этих лет могли есть только золотое зерно и звезды с неба. Как раз недавно сто лет минуло, теперь они могут освободиться. И это произойдет, если им кто-то, кому они верно служили, отрубит головы.

И заплакал Франта горько-горько, и пошел в замок, и принес острый меч. Потом вывел он коня и вынес птицу. Как раз выходило солнышко. Поскольку они оба хотели умереть вместе, Франта посадил птицу коню на шею, поблагодарил их и попрощался с ними, и когда птица положила свою шейку коню на гриву, одним ударом отсек им головы.

И смотрите-ка! Их тела разом превратились в кучку праха. Из него вылетели две белые голубки, они поднимались все выше и выше, пока совсем не исчезли.

Молодой король желал им вечного покоя и сожалел только о том, что так долго заставил их страдать.

И правил он потом долго и справедливо, было у него много детей, которых он мудро воспитывал, готовя к той жизни, которой жил он сам. Поэтому был он счастлив при жизни и после смерти. Ничего лучшего человек не может себе и пожелать и ничего лучшего не может добиться.

Дробечек^[16]

Жили-были однажды отец и мать, и был у них маленький сыночек. Когда он у них родился, его даже видно особо не было. Колыбельку они ему сделали из маковой коробочки и надеялись только на то, что он не умрет. Но крошечный мальчик хотел жить, ел и кричал, как другие детки, а ходить начал даже раньше других, был здоровым и не умирал. Родители были этому очень рады. Им даже было неважно, что он так медленно растет.

И поскольку он оставался таким маленьким, назвали его Дробечек.

И было у сыночка с родителями золотое времечко. Конечно, он должен был помогать родителям, но вы же сами знаете, что может делать такой кроха: он скорее играл, чем работал. Родители им были невероятно довольны и никакого внимания не обращали на то, что он все еще остается у земли. И у маленьких людей есть свое место на свете.

Однажды мама послала его к папе с обедом. Дробечек поставил корзину с едой на голову и весело отправился в путь. Шел он, шел и подошел к большой канаве. Перепрыгнуть через нее он не мог. И тут-то стало ему очень обидно, что он такой маленький и что мамочка дала ему такую тяжкую работу. Рассердился он и бросил корзину с горшками и пирогами в канаву. А после этого поскакал домой.

Мамочка его спросила:

– Как ты, малыш, не заблудился?

– Еще чего! – ответил Дробечек и гордо вытянулся. – Я нигде на свете не заблужусь. Разве вы, мамочка, не видите, что я уже большой?

– Ах, Боже мой, – засмеялась мать, – вы только посмотрите на этого муравьишку! А где корзинка? И где остались горшки?

Дробечек скривил лицо и почесал за ушами. Мамочка подозревала, что дело не чисто. А Дробечек выпалил:

– Папа был голодный, он был голодный, как великан. Он ел и ел, и все съел. В конце концов съел горшки и корзину.

Мамочка всплеснула руками:

– Ах ты, несчастный сыночек, ты наверняка что-то сделал не то!

Но больше уже Дробечка не спрашивала. Она ждала, когда придет папочка.

Вернулся отец и говорит матери:

– Ну, ты и добрая жена! Работаю, устаю до смерти, чтобы у нас было что поесть, а ты мне и обед не принесешь!

– Но я ведь послала тебе обед с Дробечком! – оправдывалась мать, а потом плюнула на отца. – Он мне сказал, что ты был такой голодный, что в конце концов съел горшки и корзину.

Отец не засмеялся, наоборот, он еще сильнее рассердился и пошел искать сына. Дробечек сидел, как на предании, нога на ногу, и посвистывал, как будто ничего не случилось. Отец взял и отшлепал его. Дробечек плакал, просил и обещал, но папа не обращал ни на что внимания. Когда он отпустил сына, Дробечек был сломлен.

– Что за жизнь! – жаловался он.

– Я тебе дам жизнь! – отвечал разгневанный отец. – Еще слово, и я тебе опять трепку задам!

Дробечек замолчал, но когда пришла ночь, сбежал из дома. Он решил пойти по свету. Туда, где его никто не будет бить, туда, где можно будет проводить всякие фокусы и розыгрыши, там наверняка будет лучше, чем дома. Прощай, избушка, прощайте, родители, Дробечек к вам уже никогда не вернется.

Когда дошел он до соседского сада, началась гроза, а с ней сильный дождь. Когда небо открылось и загрохотал гром, Дробечек решил, что пришел его последний час. И тут он увидел открытый сарай. Он побежал к нему, залез в сено, немного поругался на весь белый свет, но потом уснул.

Спит и спит, уже утро, а он еще спит, все встали, кормят скотину, а он еще не проснулся.

Хозяйка послала служанку, чтобы та принесла коровам сена. Служанка пошла, принесла охапку сена, в которой как раз спал Дробечек, и бросила ее коровам. Коровы стали есть сено и съели его вместе с Дробечком.

Бедный сынок! Когда он проснулся, был уже в коровьем желудке. Он схватился за голову и начал вспоминать, что он такое сделал и где он. И когда он обо всем вспомнил, захотел выйти из сарая. Шел он, шел, топал, топал, но все еще не знал, как выйти наружу. Нигде не было ни стебелька, и свежего воздуха не было тоже. Тут вдруг запахло молоком. Он подумал, что попал в хлев, но на самом деле уже сидел в коровьем вымени.

Служанка доила корову. Потянет за сосок, а Дробечек кричит:

– Чурумпумпум, чурумпумпум!

Тут девушка страшно испугалась и побежала за хозяйкой. Рассказала она хозяйке, что случилось. Сначала ей никто не верил, но она продолжала убеждать, и тогда хозяйка поднялась и пошла с ней в хлев. Села под корову, потянула за сосок, а Дробечек снова:

– Чурумпумпум, чурумпумпум!

И позвали они на совет без малого всю деревню, но как ни вспоминали самые старые люди, не могли припомнить, чтобы когда-то подобное случалось. Корова выглядела грустной, не жевала сено, значит, у нее какая-то новая болезнь. Советовались люди, советовались и решили, что корову надо забить и посмотреть, что у нее в вымени. По крайней мере, на будущее они будут знать, что это за болезнь такая.

Позвали они мясника, и дело было сделано. Всея деревней рассматривали коровье вымя, но нигде ничего не нашли. Дробечек все слышал и понял, что дело плохо. Он быстро залез назад, в желудок коровы, и сидел там, не издавая ни звука. А люди отложили желудок и кишки к забору.

На деревенском совете был и бродяга, а когда уходил, посмотрел, где бы чего прихватить. Увидел он у забора коровий желудок, вспомнило о супе из рубца, и у него слюнки побежали. Когда его никто не видел, отрезал он кусок желудка, сунул его в мешок и быстро побежал за околицу деревни. И взял он как раз тот кусок, где сидел Дробечек. Он не знал, куда ему деваться после всех его переживаний.

Оказавшись за деревней, бродяга вытащил украденный желудок и сказал себе:

– Вот этот кусок сварю утром, этот кусок на обед...

Тут Дробечек вскочил ему на плечо и закричал ему в ухо:

– А это тебе на ужин! – и ударил его хорошенько, так, что у того шапка слетела. А потом бродяга вскочил и как побежит...

А куда девался Дробечек?

Ах, этого никто не знает. Может быть, он перепутал дорогу и заблудился, может быть, хотел еще повидать свет – об этом до сих пор никто не сказал, потому что с тех пор его никто не видел.

И все-таки.

Он оказался где-то под горами и попросил одну бедную семью, чтобы они его усыновили. У тех людей детей не было, и они особо об этом не жалели, потому что у них самих не было что есть. Посмотрели они на него и сказали себе, что такое маленькое существо как-то при них прокормится. Но тут же ему велели, что должен работать и жить честно, иначе они от него отрекутся. Дробечек им это обещал и помогал, когда надо было.

Однажды он услышал от своей новой мамочки о феях, которые ровно в полдень купаются в реке. И когда они купаются, складывают на берегу свои драгоценные украшения. Кто завладеет одним таким украшением, тот до самой смерти не узнает нужды.

Дробечек очень хотел отблагодарить этих людей за то, что они его приняли, хотя и сами были такими бедными. И он отправился к реке и стал ждать, когда придут феи и начнут купаться. Они пришли, сняли свои украшения, положили их на берег и стали купаться. Он осторожно подкрался к этим блестящим штучкам, схватил заколку и побежал к новому дому. Но феи это увидели, и та, чью заколку он утащил, побежала за ним.

– Попался! – закричала она ему, а он оглянулся, споткнулся и растянулся на земле. Фея его и правда догнала и забрала свое украшение.

Но Дробечек не сдавался. На следующий день он снова пришел к реке и стал ждать, когда придут феи. Они пришли, но только на этот раз на другой берег. Дробечек взял плоский камешек, толкнул его, вскочил на него и так попал к украшениям. На этот раз он взял застёжку, украшенную драгоценными камнями, а потом вернулся назад так же, как попал туда. И побежал, побежал без оглядки, когда фея кричала ему, что он попался.

Прибежал он домой и спрятал застёжку, чтобы фея не отняла ее.

Но вечером фея пришла к дверям избушки и стала просить, чтобы ей вернули ее драгоценность, без которой она не может появиться рядом с другими феями.

Пришлось Дробечку признаться и показать, где лежит драгоценность.

– Эта вещь нам ни к чему, – сказала хозяйка, – потому что она украдена. Вот, заведи ее. Мы бедные, но порядочные и такими же умрем.

Фея их поблагодарила и на радостях наплакала им целую горку жемчужин.

– Вот вам, – сказала она, – возьмите. И знайте, мы не злые. А за сыном следите, ни одна фея не будет к нему хорошо относиться.

Дробечек все слышал, и ему было ужасно стыдно. С одной стороны, он принес в их дом счастье, потому что никто бы не оценил столь дорого порядочность этих бедняков так, как оценила их фея, но все-таки он никому в глаза не смел посмотреть.

И однажды ночью он снова вышел из дому, ушел и потерялся, исчез где-то на свете. На этот раз уже по-настоящему, потому что его вообще никто больше не встретил ни в долине, ни под горами, ни на вершине.

Об императоре, который провозгласил справедливость

Жил-был один император, и захотел он увидеть, как живут его подданные. Позвал он в свой замок советников и спросил их:

– Как живут мои люди, довольны ли, не голодают?

– Белым хлебом швыряются, – солгали ему советники, и император был их уверениями весьма удовлетворен.

Но когда он выехал из ворот своего замка, под копыта его коня бросился оборванный человек. Он просил:

– Смилуйся, император, над своим народом. Дворяне нас притесняют. Нет в деревнях справедливости! – И заплакал.

Император захотел провозгласить справедливость. Он написал бедняку документ и послал его к своим чиновникам, которые вели дела дворян. Вскоре человек вернулся. Он опять ждал у ворот замка и пал на колени перед конем:

– Смилуйся, император, твои чиновники на стороне дворян!

Велел император советникам, чтобы навели они порядок, а бедняка послал домой. Вскоре советники объявили, что в стране установлена справедливость, и император им поверил. Но снова, уже в третий раз, появился бедняк и настойчиво просил:

– Выгони, государь, своих советников, они тебя обманывают. Иди сам к людям и увидишь, как нам плохо живется.

Император задумался, решил, что бедняк прав, и перестал верить советникам. Он решил сам во всем удостовериться.

Отправился он по городам и весям и глазам своим не поверил. Всюду нашел он горе и нищету. Подданные его тяжело трудились, а дворяне их тиранили. Народ жил в жестокой нищете. И стало императору жаль этих добрых людей, и сказал он, что наведет порядок. Поэтому он ездил по всей земле, смотрел, что и как, и на месте наказывал виновных. Господа боялись его, старались исправить свои ошибки, а вскоре принялись работать в поле, как бедняки, чтобы не постиг их императорский гнев. Они знали, что император больше всего не любил людей, которые ничего не делали и ни о чем не заботились.

В страну возвращался порядок.

Однажды император подошел к монастырю, над воротами которого была надпись:

«МЫ ЖИВЕМ ЗДЕСЬ БЕЗЗАБОТНО»

Посмотрел император по сторонам и увидел сплошную пустошь. Монахи сидели под каштаном и беседовали. Даже императора не заметили.

– Так-то вы живете беззаботно, а вокруг вашего монастыря земля сорняками заросла! – сказал им император и рассердился.

– А это ничего, – отвечали монахи, – крестьяне-то на что? Пусть работают на земле, а мы за них молимся, просим Господа Бога о благословении! Свои поля нам не нужны, нам все равно причитается десятина. – И монахи смеялись над удивленным иностранцем.

Разгневался император и сказал им, кто он. Монахи ужаснулись, пали на колени и умоляли, чтобы он простил их, приглашали его на трапезу.

– Трапезы не будет, – сказал император, – сами возделывайте свои поля, а я через год приду посмотреть, как тут дела идут. А потом вы

дадите правильный ответ на мои три загадки, иначе я закрою монастырь и ваш орден запрещу.

Он загадал им три загадки и ушел.

Через год они должны были ему ответить о том, где находится центр земли, какова цена императора и что он подумал после разговора с монахами.

Монахи чувствовали себя совершенно несчастными. Они купили волов и плуги, одни пахали и работали на поле, а другие искали в ученых книгах ответы на вопросы императора. Но ни в одной книге на свете не говорилось о том, где центр земли, какова цена императора, не говоря уж о том, что нигде не были описаны государевы мысли. И пришла великая печаль в тот монастырь. Почтенные братья работали до изнеможения, и каждый уже думал, куда ему податься, когда император разгонит монастырь.

Тянется монах за плугом, погоняет волов, утирает пот и тяжело вздыхает на монастырском поле. А мимо идет цыган, остановился у поля и глаза протирает, хорошо ли он увидел, не показалось ли ему. Стоит цыган на дороге и качает головой:

– Как живу, не видал я еще Божьего слугу за плугом. Наверняка случилось что-то ужасное.

Поплевал цыган на руки, побежал за монахом, поздоровался похристиански и говорит:

– Ой, почтенный отец, но такого, право слово, еще не бывало. Слуга Божий должен жить в монастыре и вместо плуга держать молитвенник и четки. Столько обездоленных бродит по свету, кто же помолится об их душах?

– Ты прав, сын мой, но настали злые времена, – вздохнул монах, утирая рукавом пот.

– Дайте плуг, я вспашу это поле за вас, – предложил цыган, хорошо зная, что его в монастыре никто не ждал. И в этом он не ошибался.

– Нет, не могу, – сказал монах, – это строго запрещено.

– Скоро конец света, почтенный отец, раз такие чудеса творятся, – посочувствовал цыган.

И монах рассказал, какое несчастье обрушилось на монастырь. Что ни с того ни с сего появился тут вдруг император.

– Но ведь когда император приходит, это наивысший почет!

– Должен был быть. Но он задал три вопроса. Если настоятель через год правильно не ответит, орден будет уничтожен, а вместе с ним и монастырь. О работе речь не идет, лишь бы только нас это несчастье минуло!

– И это все? – засмеялся цыган, а едва услышал, что все, сказал: – Смотрите, почтенный отец. Как только змей в Раю так подло искусил Еву, Господь Бог убил его, но вскоре после этого сотворил лису и цыгана, чтобы на свете оставались разумные существа. Меня до сих пор еще никто во лжи не уличил. Вы меня только кормите, пока император не приедет, а я вам помогу.

Монах бросил пахоту и повел цыгана в монастырь.

Настоятель был впечатлен, потому что цыгана он знал, а другого спасения не предвиделось. Стали они его кормить, чтобы он больше походил на них, каждый день его брали в храм, чтобы он научился служить мессу, если бы императору пришло в голову отдохнуть в монастыре. И прежде чем минул год, цыган научился всему и хорошо отъелся.

Когда император вновь приехал, вокруг монастыря колосилась пшеница, а над воротами сияла надпись:

«В ТРУДЕ И МОЛИТВЕ НАШЛИ МЫ ОТРАДУ, МИЛУЮ ГОСПОДУ»

– Смотри-ка, – подумал император, – вот так и должно быть повсюду. Но теперь посмотрим, разгадали ли они мои загадки.

Его приветствовал цыган, переодетый настоятелем. Настоящие монахи боялись, что это плохо закончится, но цыган спокойно солгал, что настоятель, которого император видел в прошлом году, умер от старости.

– Ну что, – сказал император, – ничем не могу помочь. Вы должны отгадать мои загадки. Отвечайте: где центр земли?

Цыган рассудил, что центр земли находится там, где стоит император. Он указал государю под ноги и сказал:

– Здесь.

Император был доволен.

«Настоятель прав, – думал он. – Земля круглая. Куда ни покажешь, всюду центр света».

Вслух же задал он следующий вопрос:

– А какова же моя цена?

– Иуда продал Христа за тридцать сребреников, – сказал цыган, и выглядел он при этом очень набожно, – а ты, господин, стоишь ровно половину.

– Как это? – удивился император.

Мнимый настоятель ответил:

– Господин наш Иисус Христос – владыка неба и земли, а ты господствуешь только на земле, то есть владеешь лишь половиной. Поэтому и цена у тебя – ровно половина от той цены.

Этот ответ очень понравился императору. Но ему было любопытно, как ответит настоятель на третий вопрос. Монахи тряслись от ужаса. Этот ответ решал всю их судьбу.

– Раз ты так хорошо отгадываешь, отвечай на третий вопрос. О чем я думаю именно сейчас?

Тут цыган почесал за ухом и сделал измученное лицо:

– Господин император думает, что говорит с монахом, тогда как на самом деле говорит с цыганом.

Монахи упали на колени и просили простить их. Но император все понял и смеялся над тем, как цыган умело выкрутился. Он еще и похвалил его. А в знак примирения с монахами отобедал у них.

– Так мне все тут нравится, – говорил император, оглядев все и прощаясь с монахами. – Так все это должно было выглядеть давным-давно. Потому что свет не может быть устроен так, чтобы одни только молились, а другие работали за себя и за тех, кто молится. Работать и молиться положено всем людям.

В честь своего спасения в монастыре устроили великое угощение, которое длилось целую неделю. И потом монахи работали на своих полях, и работа их радовала. Отдохнули они только тогда, когда император умер. Но и потом, в память о своем спасении, каждый год в особый день торжественно вспахивали борозду на монастырских полях.

Хуже всех после всей этой истории пришлось цыгану. Он покинул монастырь, и жилось ему очень плохо. Он не мог воровать, потому что стал толстым и не мог быстро бегать. Украдешь – тут же поймают. До самой смерти он с завистью смотрел на курятники. Но ни в одном из них не было такой дыры, в которую он смог бы пролезть.

Лесной орешек

Жил когда-то отец, и было у него три сына. В двух старших он был уверен, что будут они такими же разумными, как он сам, но Янека считал полным дураком. В соответствии со своим представлением о нем он с сыном и обходился. Старших отец учил, водил на музыку, покупал им красивую одежду, давал карманные деньги, нашел им невест и удачно их женил. Младшего же поселил в хлеву и вообще о нем не заботился, потому что этим дураку все равно помочь никак нельзя. Сколько бы мудрецов вокруг одного дурака ни собралось, все равно он умнее не станет. Тем более у отца и так забот был полон рот. Он должен был думать и о доме, и о поле, и о людях, и о скотине, да еще и о господах и о десятине.

Так что жил Янек только в хлеву и на поле, много знал о домашней скотине, об урожае, а людей не знал совсем. Он не был ни злым, ни глупым, а сердце его было гораздо лучше, чем у его братьев. Он любил животных и поле, а животные любили его. Когда он шел по полю, колосья радостно колыхались, а роса на траве сверкала сильнее, когда он приближался. Он работал и работал, ни на что не жаловался, может быть, даже не зная, как жили его братья и сколько всего имели.

Однажды во время жатвы случилось, что помещику понадобился батрак, который бы целый день не делал ничего иного, кроме как черпал воду для того, чтобы поить скот. Господин граф имел только шесть коней, но много коров, волов и быков. Речки возле замка не было, так что скот водили на водопой на дворе. И именно там был колодец, из которого надо было черпать воду. Никто не хотел делать эту работу дольше, чем его обязывали, во время жнивья каждый работник был на счету, поэтому граф хотел нанять батрака.

И сказал отец сыну:

– В замке нужен батрак. Они хорошо тебе заплатят, не хочешь пойти заработать?

– Почему нет? – сказал Янек. – Пойду, если вы мне разрешите. Мне ведь все равно, где работать, дома ли или в замке.

Отвел отец сына в замок, и Янек с утра до вечера черпал воду для водопоя, даже ночью должен был работать. Трижды в день пригоняли пастухи большие стада коров, волов и других животных на водопой, и

Янек должен был черпать воду снова и снова. Работа это была не простая и не веселая, но он молчал и не жаловался. Он страдал, но думал о том, что купит на заработанные деньги. Мечтал он и музыку послушать. О ней говорили и молодые, и старые, а Янек еще никогда на танцах не был и только мечтал о них, как о чем-то прекрасном.

Однажды пришел Янек к водопою и увидел, что большой камень расшатался и выпал, придавив лягушке ноги. Лягушка пыталась их выпростать, но у нее не получалось, камень был слишком большой.

– Вот бедняжка, – пожалел ее Янек, – подожди, я тебе помогу.

Он поднял этот камень, обмыл лягушку в чистой воде и выпустил ее на свободу. Но она не ускакала, а осталась сидеть на камнях.

– Хороший ты сынок, Янек, – промолвила лягушка, – и зверям помогаешь. Но грустно и тяжело тебе живется. Я дам тебе кое-что, что поможет тебе стать хоть немного веселее.

И быстро выплюнула маленький лесной орешек. Янек взял его и стал рассматривать. Ничего в орешке не было особенного, что могло бы человека развеселить, но сынок знал, что лягушка и не могла ему дать что-то большое, поэтому не хотел пренебречь ее подарком. Он взял орешек и поблагодарил лягушку.

– Не потеряй его, – посоветовала лягушка, – потому что это не обычный орех. У кого он есть, тот может всему приказать: «Пусть так будет всегда!» – и оно так все время и будет, да так долго, пока не скажешь, что этого достаточно.

Янек поблагодарил, но особенно этому не поверил. Он положил орешек в карман и там его носил и в будни, и в праздники.

И вот жатва закончилась. Стар и млад, работники, чиновники и господа из замка пришли на дожинки^[17]. Янек никогда еще не был на празднике и очень хотел хоть немножко посмотреть, как это проходит. Но он должен был черпать воду, чтобы скотине было что пить. Он это сделал, умылся и побежал к трактиру. Все были нарядные, а больше всех господа и чиновники. Янек с любопытством всех рассматривал, совсем забыв о том, что сам-то он ничего, кроме грубых штанов и рубахи, не имеет. И это его единственная одежда, что в будний день, что в праздничный. Больше всего ему понравились музыканты и танцевальная музыка, веселая и заводная. Он мог бы слушать ее до самого утра и смотреть, как танцуют нарядные люди.

И тут он вспомнил, что у него есть орешек от лягушки. Он взял его в руку и сказал:

– Пусть так будет всегда!

И правда, так все и шло, без помех, час, два, три – до самого утра. Музыканты играли не переставая, танцующие не выходили из круга и танцевали без перерыва, певцы пели, а зрители радовались. К утру Янек решил, что уже достаточно насмотрелся, и сказал орешку, что хватит. В тот же миг музыканты остановились, а с ними и насмерть усталые танцующие. Но люди не были так довольны, как Янек, они начали толкаться и ссориться, и все грозили музыкантам.

Танцевал между ними и толстый господин управляющий, который так часто пилил и ругал Янека за его работу. Это был очень влиятельный господин. Теперь он чувствовал себя оскорбленным. Ему казалось, что во всем виноваты музыканты, и он велел выпороть их за плохую шутку.

Янек пошел за музыкантами, которые все как один плакали и напрасно просили их не наказывать. Он решил им как-то помочь. Но тут его увидел злой управляющий и раскричался на него:

– Лентяй! Кто начерпает воду в поилки? А ну, двигайся на работу!

И из-за работы Янек не смог помочь музыкантам. Но он слышал, как они страшно кричали под ударами розог, и было их ему очень жалко. Он понял, что больше не должен в пивной просить, чтобы танцы шли до утра без перерыва, потому что люди этому не рады и из этого получают большие неприятности – весь гнев падает на головы музыкантов, которые ни в чем не виноваты. Но все же он решил, что проучит гордого управляющего, да так, что тот никому уж больше вредить не будет.

Вскоре такая возможность появилась. Вместо дождей после жатвы настала жара, какой и старики не помнили. Янек попросил хозяев, чтобы они дали ему помощника, потому что скотина все время хотела пить и одного человека не хватало, чтобы черпать воду.

– Ты, скотина ленивая! – закричал на него злой управляющий. – На танцы ходить силы у тебя есть, а работать нет? А ну, двигайся!

– Вода в колодце очень низко стоит, цепи не хватает, – сказал Янек, – как раз сегодня кузнец ее удлинил. Но даже он, силач, не вытянет полную бадью. Если вы мне не верите, пошлите со мной слугу, пусть убедится и скажет вам.

– Посмотрим, – сказал управляющий. – Но никого я не пошлю, я сам пойду проверю. Беда тебе, если соврал!

Янек вспомнил о невинно наказанных музыкантах и о той несправедливой экзекуции и пошел за управляющим. Бадья была спущена, но воды в ней не было. Управляющий не обратил внимания на предупреждение Янека, он крутил и крутил рукоять колодца и при этом кричал:

– Я тебя уличил во лжи, пойдешь на лавку, тебя высекут!

Янек взял орешек и сказал:

– Пусть так будет всегда!

И управляющий не смог отойти от колодца и все время должен был крутить рукоять, нравилось ли ему это или нет. Иногда он набирал в бадью немного воды, иногда нет, но каждый раз, когда поднимал бадью наверх, кричал:

– Я тебя уличил во лжи, пойдешь на лавку, тебя высекут!

Янек стоял в стороне и смеялся, держась за живот.

К водопою подошли разные люди – слуги, помощники, работники, и все видели и слышали одно. Некоторые быстро убегали от страха, иные смеялись, но всем было очень странно, что господин управляющий взялся за такую работу, да с таким удовольствием, что весь потом обливался.

Наконец к управляющему позвали хозяев замка. Но управляющий и им в глаза кричал одно:

– Я тебя уличил во лжи, пойдешь на лавку, тебя высекут!

Господа очень этому удивлялись и тоже смеялись.

Янек видел, что управляющий уже почти падает от усталости, и решил, что уже достаточно проучил его, поэтому сказал, что ему хватит. Но едва потный толстяк перевел дыхание, он закричал на Янека, набравшего воду в поилки:

– Это ты во всем виноват! Теперь-то я знаю! И ты пойдешь на лавку, тебя высекут!

Пришли слуги и повели Янека на экзекуцию. Господин граф с этим согласился, потому что так не годилось – дворян следует уважать, а не высмеивать. А то что же? Пропадет уважение, и никто не придет на господина работать.

Янек не сопротивлялся, одно ему было неприятно: что той тяжелой работы управляющему оказалось недостаточно, чтобы исправиться.

По дороге он думал, что можно предпринять. Но ничего ему в голову не приходило. Тогда он сам улегся на лавку и стал ждать экзекуцию.

– Выбери розгу покрепче, – велел управляющий исполнителю наказания, – я хочу, чтобы он понял, как надо начальство уважать.

Янек смотрел, как исполнитель выбирает розги и каждую сначала пробует в воздухе, достаточно ли она крепкая. И сказал Янек:

– Пусть так будет всегда!

И исполнитель наказания стоял и махал розгой впустую, но бить не начинал.

– Давай уже, начинай! – велел управляющий.

Но исполнитель будто бы не слышал его.

– Мерзавец, – закричал управляющий, – ты с ним договорился! Хватайте его и высеките его тоже!

Тут Янек сказал:

– Не сердитесь на него, он со мной не договаривался и ни в чем не виноват. И если бы и высек он меня, ничего бы мне не было. Надо мной есть защита.

И решил господин управляющий, что он сам во всем разберется, и велел, чтобы Янека освободили. Потом он сам лег на лавку, и положили ему на шею и ноги ярмо.

– Ну, – сказал управляющий, – попробуй-ка, высеки меня, раз тут есть защита.

И засвистели розги, и стали падать удары на шею и спину господина управляющего.

– Пусть так будет всегда, – сказал Янек.

И розги свистели и свистели, и не помогали ни угрозы, ни рев, ни крики управляющего. А люди сбежались со всех сторон и смотрели на экзекуцию и тихонько говорили, что это как раз правильно.

Янек воспользовался тем, что собралось много народу, и исчез.

Дома он не стал ждать, когда за ним придут. Он уже понимал, что он может благодаря этому лесному орешку от лягушки, и перестал бояться людей и света. Вот и ушел он и пережил много веселых приключений, заработал много денег, хорошо женился и имел много сыновей. Всех сыновей он воспитал разумно. Орешек от лягушки он не выбросил и не потерял. Когда он уже не нужен был ему для совершения разных чудес, он зарыл его в землю, и из орешка вырос большой раскидистый куст орешника. Каждый сын получил потом от

отца хорошее воспитание и лесной орешек. И это было очень хорошо. Сыновья очень любили и уважали своего отца до самой его мирной смерти и потом вспоминали о нем с благодарностью и любовью.

Что горец за горох получил

Жили когда-то на горном склоне почтенные родители, у которых было много детей, но мало хлеба для них. Но они делали все, что могли, и дети их не голодали, росли и помогали своим родителям.

Случилось однажды, что пришла неслыханно холодная зима, а с ней пришел и великий голод. Горцы стали использовать свои запасы, которые оставляли на посевную. Когда наконец пришла весна, не осталось из их запасов ничего, кроме маленького мешочка гороха. И дети, и родители голодали.

– Делать нечего, – сказал горец своей жене, – но этот горох есть нельзя, этот нам надо будет посеять.

И они его заперли и не съели, а когда пришло время, пошли его сеять. Горох был насыпан в горшок. Прежде чем его посеять, надо было землю вскопать и разрыхлить. Поэтому поставили они горшок под куст, а сами занялись землей. И пока они так работали, прилетели два грача, быстро побежали к горшку и стали клевать горох.

– Смотри-ка, – позвала жена, – два грача клюют наш горох. Пойди убей их!

– Нет, – сказал муж. – И не убью, и не прогоню. Раз уж они отважились так к нам приблизиться, наверняка они голодают еще сильнее, чем мы. Пусть едят, ведь и для них растет.

Заплакала жена, но и сама не пошла убивать этих грачей. А они ели и ели, пока в горшке не осталось ни горошинки. И только доели они горох, как один грач стал нападать на другого, и все сильнее и сильнее, уже перья их них летели и кровь лилась.

Смотрел на них горец, а когда это случилось, сказал жене:

– Прости меня, что я тебя не послушался и не пошел убить их.

Она ответила:

– Не упрекай себя ни в чем. Тот горох нас бы все равно не спас, так хоть нет на нашей совести этих двух жизней.

Как только она это договорила, у куста появились два юноши. Они огляделись вокруг и побежали к горцу и его жене. Муж и жена были

очень удивлены, когда парни стали благодарить их за свое освобождение. Когда-то их заколдовал чернокнижник, и освободить их могла только людская доброта. Долго искали они доброго человека в больших городах, но никого не нашли. Потом стали искать в деревнях, но и там все поиски были напрасными. Последние годы жили они в горах, и сегодня им наконец улыбнулось счастье.

– Мы сыновья двух королей, которые дружат между собой, – сказали юноши. – Спасибо вам, добрые люди, наши отцы вас хорошо отблагодарят. Просите у них, что угодно, они исполнят любое ваше желание.

Горец с женой смотрели во все глаза, ведь они никогда не видели принцев, и шепотом советовались, что им следует попросить. Наконец горец сказал:

– У нас в избе детей полно, но была долгая зима, мы страдали от голода. Вот дали бы нам ваши отцы хлеба и зерна на посев.

Первый юноша задумался и сказал:

– Пойдем со мной в замок. Мой отец будет тебе предлагать золото, серебро и драгоценные камни, поместья и силу, а ты не проси ничего иного, кроме маленькой мельнички. Когда ты ею начнешь молотить, выпадет из нее все, что твоей душе будет угодно: любая еда, любое зерно, какое ты пожелаешь. И будет у вас обилие в любое время.

Другой же юноша задумался и потом посоветовал:

– И мой отец предложит тебе клады и разное добро, но ты не дай себя уговорить, проси только маленькое письмо, которое висит в рамочке над его тронном. У кого оно есть, тот владеет самым большим войском на свете.

– Добрые господа, – воскликнул горец, – да как бы я мог взять у ваших отцов такие важные вещи? Ведь я их не заслужил, они принадлежат королям.

– Ты слишком скромный, – сказал первый юноша, – и не знаешь, какова цена принца. Главное – слушайся наших советов. Мой отец, конечно, будет жалеть мельницу, но земля наша очень богата и на случай голода у нас есть огромные запасы. Тем более ты мельницу не только для себя будешь использовать, ты сможешь другим помогать!

– Ты очень скромный, – сказал другой принц, – и действительно не знаешь, насколько ценна жизнь принца. Только проси то, что мы

тебе советуем. А мой отец и без письма обойдется, потому что солдат у него более чем достаточно, а тебе оно наверняка когда-нибудь пригодится.

Горец больше не возражал. Он попрощался с женой, с детьми и повел принцев домой. Юноши не солгали и не преувеличили. Короли были вне себя от радости, устроили угощение и празднества, о которых в горах никому и не снилось. Горца окружили таким вниманием и любовью, что ему было неудобно. Но что бы ни происходило, о советах принцев он не забывал. Наконец короли сказали ему, чтобы просил он в награду все, что пожелает.

И сказал он одному о письме, владельцу которого служило самое большое на свете войско, а другому о мельнице, которая могла давать любую еду и любое зерно, какое только пожелаешь. Оба короля предлагали клады, поместья и другие вещи, но в конце концов дали ему то, о чем он просил. Горец их учтиво поблагодарил, взял свои две вещи и вернулся домой.

Едва он ушел, советники короля, который дал ему мельницу, стали упрекать его, что он был слишком щедр, что горец был бы доволен и гораздо меньшей наградой, а мельница в его руках потеряна для мира. Король с ними согласился и решил, что заберет мельницу у горца, а взамен даст ему деньги и поместье. Поэтому он послал в горы свое войско и поручил сыну возглавить его. И на удивление, сын без возражений повел отцово войско к избушке своего спасителя.

Как только горец узнал, что хочет от него король, вынул он письмецо, прочитал его, и тут же встало вокруг него огромное войско, которое никто бы не смог победить.

Принц довольно засмеялся и сказал войску, предводителем которого он был:

– Ну что, хотите воевать с этой огромной силой ради мельницы, которую ваш король подарил, потому что она ему не была нужна?

Конечно, никому этого не хотелось, потому что против такого войска никто воевать бы не смог. Тогда принц развернул своего коня и спокойно вернулся домой, где рассказал всю правду. Король устыдился и отстранил злых советников, а горец обрел святой покой до самой смерти.

Однако люди навещали его весьма часто, когда им нужна была помощь, и он охотно раздавал всем требуемые вещи, которые молола

ему мельница. И покинула бедность эти края. Дела у горцев шли как у жителей равнинных деревень, даже еще лучше.

И тут некоторые стали во всем полагаться на волшебную мельницу, не работали, не напрягались, а горец должен был целыми днями молотить и молотить. Это ему уже не казалось приятным, потому что он работал так, как работал, когда еще этой мельницы не было, а с ним и жена его, и дети. Бессовестные бездельники очень мешали ему работать.

К счастью, однажды в мельнице что-то треснуло, и она перестала молотить. Но горцу она к тому времени уже была не нужна, потому что и он, и дети много работали, у детей было уже свое имущество. Люди его обвиняли в скупости, и тогда он отдал им мельницу, чтобы они попробовали ее исправить. Они смогли это сделать, но отремонтированная мельница молотила только то, что в нее закладывали.

И письмецо куда-то потерялось. Может быть, горец его сжег, когда оно ему уже не было нужно, может, унес его ветер и оно истлело где-то между листьями бука – точно это неизвестно. И с тех пор все мельницы мелют только то, что в них кладут, и никакому письму уже не служит ни один воин, а о тех вещах люди только рассказывают.

И хотя все хорошо знают, что за горшочек гороха не получают ни волшебную мельницу, ни волшебное письмо, не забывают помогать один другому, когда это нужно. И, собственно, ни та мельница, ни то письмо им не нужны.

Сведения о Валашском регионе

Валашский регион – горная область в самой восточной части Моравии, которая отличается чрезвычайным своеобразием фольклора, привычек, обычаев, культуры его представителей. На юге Валашский регион (Валахия) соседствует с Моравский Словакией, на западе с регионом Гана, а на севере и северо-востоке – с округом Злин.

*Именование Валах – заимствование из германского наименования кельтов (Walhs – так их называли древние готы). Валаши (валахи) не являются исконными жителями Моравии, куда они попали во времена так называемой «валашской колонизации», происходившей в XIV–XVII веках. Валашские пастушеские семьи мигрировали из областей сегодняшней Южной Румынии через карпатские перевалы, направляясь на запад. Некоторые исследователи считают валашей потомками народа даки, но это не общепринятая точка зрения. Во время своих перемещений валаши постепенно утрачивали свой оригинальный язык, хотя в валашском наречии остались некоторые (немногие) слова румынского происхождения, но много следов сохранилось в валашской культуре: в фольклоре, песнях, национальных костюмах, а также в привычках ведения домашнего хозяйства, особенно в овцеводстве. С этнической точки зрения валаши (валахи) – это носители русинско-румынских обычаев. В оригинальных письменных источниках их называют *Coloni Valachales* или *Valach seu Rutheni* (валаши или русины). В настоящее время эта теория происхождения валашей подвергается сомнению, но, как бы то ни было, речь идет об интересной и своеобразной народности со своими яркими чертами характера и быта, которые нашли отражения в сказках валашского народа.*

Валашские сказки

Из книги «Валашские сказки»

(1943 г.)

Сиротка в Радгошти^[18]

Жили-были однажды два брата, и звали их Мартин и Ян. Оба были бедными, как это бывает в наших краях. А работа у них была тяжелая и опасная. Уходили они с топорами из дому ранним утром, а возвращались поздно вечером. Они были дровосеками, и мало кто мог бы позавидовать их работе, которая требовала большой осторожности. Да и это еще полбеда! Сами себя они бы еще как-то прокормили своим тяжким трудом, но дома ждали их жены и дети. В их избушках, уютившихся у подножия высоких гор, нужда не была редким гостем.

У Мартина, старшего из братьев, было два сына; младший, Ян, растил четырех детей. Это, знаете ли, не мелочи! Ведь человеку, чтобы он был жив, надо что-то есть! Дети частенько плакали от голода.

И вот, когда уже близилась зима, птицы улетели на юг и с гор начал дуть ледяной ветер, Мартин заболел. Его лихорадило днем и ночью, болезнь уже перешла на легкие, и бедный дровосек чувствовал, что недолго ему осталось жить на этом свете.

Позвал он брата Яна и сказал:

– Милый брат, я знаю, что скоро умру, и смирился с этим. Что смог, то я на этом свете сделал. Но я беспокоюсь о сыновьях, что с ними будет, когда меня не станет. Очень тебя прошу, позаботься о них, возьми их к себе, пока они не подросли.

Ян пообещал и ушел. На следующее утро он узнал, что его добрый брат Мартин отошел в мир иной.

Уходя работать, Ян сказал жене, что взял на себя заботу о бедных сиротах.

Жена покачала головой, ей это известие не особо пришлось по вкусу.

– У нас и своих детей полно, – возразила она, – зачем нам еще чужих братья?

Но Ян стоял на своем:

– Мартин был моим братом, поэтому я должен позаботиться о его детях!

– Что касается Йозефа, так ему я бы еще была рада, он уже большой, работал бы, и нам бы полегчало. Ему пятнадцать, он может

в лесу деревья валить. Но Михал еще маленький, с ним трудно будет, – говорила жена и никак не хотела соглашаться, чтобы муж привел в дом двоих детей.

Но Ян не уступил. Он собирался исполнить обещание, данное брату.

– Послушай, – сказал он жене, – если Господь Бог дает нам и нашим детям, конечно, не забудет Он и о детях Мартина. Я хочу, чтобы у нас остались оба. Как-то было, как-то будет, ничего не бойся!

С этими словами он ушел, а Йозеф и Михал перебрались в избушку Яна.

Время летело. Пришла зима, а потом снова наступила весна, потом поселилось под горами улыбачивое лето. И снова была осень, и была зима, менялись времена года, на смену веснам приходило лето, зимы приносили мороз, снег и лед, а в избушке дровосека Яна все оставалось по-прежнему.

Так прошло десять лет. Из Йозефа получился статный мужчина, работающий труженик, очень уважаемый друзьями за силу и храбрость.

Но подождите, вам же интересно узнать, что стало с Михалом! У него тоже все было хорошо. Михал, понятное дело, тоже рос, ему шел уже двенадцатый год. Он уже порой тоже ходил в лес помогать дяде Яну и брату Йозефу. Он знал о птичьих гнездах, знал все лисьи норы, умел подражать голосам птиц и даже белку смог поймать. Но, поймав, он не причинил ей вреда, поиграл с ней, дал орешек и отпустил. Белка вскочила на дерево, оглянулась на того странного человека, который сначала ее преследовал, схватил, а потом дал ей орешек, но в ту же минуту исчезла.

Вся семья жила спокойно. Все были счастливы, что здоровы и у них есть чем утолить голод.

Но радость их не длилась долго. Настали злые времена. Еды стало меньше. Но это было еще не все! Вскоре им пришлось продать корову, чтобы у них появились деньги на самые неотложные нужды. Но, как оказалось, и это не помогло. Когда стало совсем уж плохо, дровосек Ян посоветовался с женой, что им делать.

– Всех нам не прокормить, сам знаешь, – сказала жена грустному мужу. – Мы должны избавиться от Михала. По-другому не получится!

Яну было жалко мальчика, он долго не соглашался с женой и говорил ей:

– Мы взяли мальчиков в лучшие времена, я брату дал обещание, что всегда буду о них заботиться, а теперь что же? Я должен выгнать Михала? Не знаю, жена, не знаю, ведь это грех!

Но жена все уговаривала дровосека, уговаривала, и в конце концов он дал себя уговорить и отвел бедного Михала в лес на Радгошти. Михал, не думая ни о чем плохом, радостно шел за дядей. Шли они, шли и оказались у большой пещеры, каких много было в горе. Но внутри пещер мало кто бывал, и мало кто знал их глубину, размеры и насколько в них холодно. Никто также не знал, как появились в горе эти огромные дыры.

Когда они подошли к пещере, дядя зажег лампу и вошел внутрь.

– Куда мы идем, дядюшка? – спросил Михал.

– Увидишь, сынок, скоро увидишь. Мы идем искать клад!

И наивный Михал действительно поверил дяде, что они пришли за кладом. Если бы только бедняга знал! Шаг за шагом шел он за своим дядей и не оглядывался.

Вскоре подошли они к ветхой лестнице и по ней спустились дальше, на глубину. И снова пошли, пока не оказались у ледяной подземной реки, через которую был положен деревянный мостик. Они перешли на другую сторону и остановились. Вокруг была тьма-тьмущая, только слабо светила дядина лампа, освещая своды подземелья, холодные и влажные. Тут дровосек сказал:

– Сядь, Михал, здесь и подожди меня! Дальше я пойду один и поищу клад.

Он дал Михалу краюху хлеба, карманный нож и ушел.

Михал сел на берег речки и стал есть. Он отрезал кусочек за кусочком и пытался разглядеть место, в котором очутился. Но что там можно было увидеть? Повсюду была тьма-тьмущая, только где-то далеко мерцал слабый свет дядиной лампы. Свет этот становился все меньше и меньше, и вот осталась только слабенькая-слабенькая искорка. А потом и она исчезла.

Мальчик ощутил одиночество.

А дядя все не приходил.

Когда он напрасно прождал несколько часов, ему стало по-настоящему тоскливо. Холод и подземная сырость были очень неприятны ему. Холод немилосердно забрался под его легкую рубашонку и морозил, морозил его. Он уже съел всю краюшку хлеба и

снова проголодался, но дядя все не приходил. Михал с тоской огляделся по сторонам, прислушиваясь, не раздаются ли где-то вдалеке шаги дровосека. Или хотя бы какой-нибудь шелест, плеск воды, чтобы утешиться хоть самой слабой надеждой. Но не раздавалось ни звука. Михал был совершенно один.

В конце концов ему пришло в голову, а не хотел ли дядя от него избавиться, приведя сюда. При этой мысли у него волосы встали дыбом, он стал дрожать всем телом. Было ему невыносимо страшно. Но, поразмыслив, понял он только одно: он один-одинешенек. Да, он уже не верил, что дядя вернется...

Поэтому он решил, что пустится в дорогу. Он думал так: «Пойду-ка я вдоль реки, вдруг найду выход».

И он пошел. Шел и шел. Но как можно двигаться в темной пещере без света? Река текла в глубину, и Михал сообразил, что если он будет спускаться за ней, то наверх не попадет. Он должен был повернуться и идти в другом направлении. Он шел и спотыкался о валуны, шел, раздирая ноги об острые камни, шел и искал, искал. Напрасно. Выхода не было. Сел Михал и горько заплакал над своей беспомощностью.

Когда он захотел перепрыгнуть через камень, нога его поскользнулась, и Михал скатился в темную глубину, еще более темную и черную, чем вся пещера. Падая, он уцепился за два выступающих каменных нароста, и те остались у него в руках. Он сунул их в карман и пошел дальше. У него болели ноги, и голод все больше напоминал о себе.

После долгих блужданий он наконец снова нашел подземную реку и вскоре оказался у мостика, возле которого оставил его дядя. Как давно это уже было? Михал не знал. Он был рад, что пришел на знакомое место. Он подумал так: «Видно, Господь Бог меня хранит, и, может быть, я выйду отсюда на свет! Только надо быть осторожнее, чтобы снова не заблудиться!»

И правда, Михалу повезло. Через какое-то время он оказался у деревянной лесенки, по которой они спустились сюда с дядей. Он быстро залез наверх и – встал на землю. Солнце дивно светило, и Михал очень обрадовался. Но все же он понимал одно: домой ему возвращаться нельзя, иначе дядя снова его куда-нибудь заведет. И в другой раз он уже не сможет вернуться.

Так что Михал отважно пустился в путь. Он верил в помощь Божью и верил в то, что всюду есть добрые люди, которые за работу дадут бедному путнику поесть. Правда, Михал выглядел очень жалким, но об этом сейчас думать было нельзя. Главное было, что он выбрался на поверхность и не погиб в подземельях горы. Он радостно пустился в путь и шагал быстро и легко, несмотря на то что ноги его были в кровавых ссадинах.

К вечеру подошел он к большому замку. Он стоял и смотрел на всю эту красоту, и тут к нему подошел слуга и спросил, с чем он пришел, что принес на продажу. Станный это был вопрос. Что он, брошенный на произвол судьбы сирота, мог принести на продажу? И все же – Михал вспомнил, что у него в кармане каменные обломки.

Едва он их вытащил, слуга вскрикнул от удивления. Представьте себе: Михал держал в руке два больших куса золота, настоящего, червонного, сияющего золота! Слуга не переставал удивляться, и Михалу тоже казалось странным: где-то там, в пещере под горой Радгошть уцепился он, падая, за два камня, а теперь – вот оно как: красное золото!

Михала препроводили в замок, и там он рассказал обо всем. Князь – а это был богатый и добрый князь – очень удивился истории мальчика, улыбнулся ему и в конце концов купил у него эти два куса золота, щедро за них заплатив, но и предложил оставаться в замке столько, сколько Михал пожелает.

Михал горячо поблагодарил князя за щедрость и любезность.

Время летело. Пришла зима, и снова настала весна, потом воцарилось в парках и садах княжеского замка улыбочное лето. И снова была осень, и была зима, менялись времена года, весной все зеленело, летом созревало, зимы рассеивали мороз, снег и лед, а Михал все не мог нарадоваться постоянной любезности доброго князя.

Как же затрепетало сердце Михала, когда однажды утром он узнал, что князь заболел! Он еще не пришел в себя от этого известия, когда князь позвал его к себе.

Он сказал Михалу:

– Будь скромным, люби людей, помогай нуждающимся и прислушивайся ко всем просьбам!

Сказав это, он погладил мальчика по голове.

Михал пообещал, и князь, который очень полюбил Михала и всегда относился к нему, как к родному сыну, завещал мальчику все свое имущество. И поверьте – князь имел немало!

Через несколько дней добрый князь умер.

И снова летело время, и Михал вот уже два года был хозяином замка.

Однажды стоял он у окна и увидел перед воротами замка бедного старика в дырявой одежде, который передвигался с большим трудом от усталости после долгой дороги. Молодой князь Михал немедленно велел стражникам привести старика в его покои. Едва взглянул он на истощенного нуждой старика, как узнал, что это его дядя Ян.

– Смилуйтесь, господин, над голодным стариком, не прогоняйте бедняка! – взмолился старик, протягивая в мольбе руки к Михалу.

– Я дам вам поесть и попить, – сказал Михал. – А пока – садитесь, пожалуйста, и расскажите, откуда вы пришли и что привело вас к моему замку.

После этого Михал позвал слугу и шепотом велел ему принести из кухни старый карманный нож. Это был тот самый нож, которым Михал когда-то отрезал кусочки хлеба от краюшки в Радгоштской пещере.

Старик стал рассказывать и поделился с Михалом всеми своими бедами. Когда-то был он дровосеком, жил бедно под горами, но всегда благодарил Бога за то, что с Его помощью он мог обеспечить свою семью самым необходимым. Потом пришли злые времена, пришлось продать корову, потом и домишко, и наконец все остались в полной нищете. Вот он, дровосек, и отправился по миру, чтобы кормиться подаянием.

– А сколько у вас детей? – прервал Михал рассказ старика.

– Четверо, четверо их было у меня, милостивый государь, но теперь нет ни одного. Трое умерли от оспы, а четвертый... И говорить не о чем! Он давно убежал из дому, об отце и не вспоминает. Это бродяга, бродяга и мерзавец. Он обо всех нас забыл, и кто знает, где он сейчас.

В эту минуту слуга принес хлеб, соль и питье, и Михал сам подал дровосеку карманный нож, чтобы тот резал хлеб и ел.

Старик взял нож в руку, посмотрел на него, повертел его в руке, провел ладонью по железу, снова посмотрел, поднял голову и

побледнел как стена. Он узнал знак на рукоятке, который сам когда-то выжег. Он понял, что это тот самый нож, который он оставил Михалу в пещере Радгошти.

В полном смятении, заикаясь, он произнес:

– Ми-ми-ми-лости-вый го-го-го-сударь, г-г-где вы взя-ли этот нож?

– Но что вам в нем не нравится? Нож как нож!

– Нет, нет, это неправда! Это не нож как нож! Прошу вас, умоляю, милостивый государь, скажите мне, откуда взялся этот нож? Не мучайте меня, не мучайте меня, умоляю!

Тут Михал усмехнулся, встал из-за стола и сказал:

– Не ломайте этим голову, дядя Ян!

Он сердечно обнял пораженного старика, и только в этот момент тот узнал сиротку Михала.

От стыда и страха упал он на колени, весь дрожа.

Михал нежно взял его за руку, поднял его с земли, снова обнял и сказал:

– Не бойтесь, дядюшка! Я уже давно вас простил. То зло забыто. И потому, что вы в жизни сделали много доброго, останетесь тут, у меня в замке. И чтобы нам тут не было грустно, позовем еще и Йозефа, ведь вы же наверняка знаете, куда делся мой брат.

Когда дровосек признался, что Йозеф батрачит на рожновских пасеках, князь Михал велел его скорее найти.

И когда Йозеф через несколько дней пришел в замок, то-то было радости, даже и представить себе не сможете!

И жили они в покое и довольстве до самой смерти. Особенно счастлив был дровосек, что не покинет этот мир с угрызениями совести: Михаил спасся и отпустил грех дяде.

Так что умер старый Ян спокойно и с улыбкой на устах.

О бедном кузнеце

Жил да был однажды бедный кузнец. Жена его, у которой на руках было четверо детей, часто ему говаривала:

– Не знаю, сколько я еще выдержу. Близится зима, а детям нечего надеть. Надо бы тебе поискать какой-то заработок!

Когда они однажды опять грустно сидели, а снаружи дул холодный ветер, внезапно вошел в их избушку высокий человек в красной одежде и сказал кузнецу:

– Вижу, что нет у тебя денег. Хочу тебе помочь. Сделай мне тысячу новых подков, и я тебе помогу.

Кузнец удивленно посмотрел на незнакомца, усмехнулся и сказал:

– Господин шутить изволит. Где мне взять столько железа и сколько же я буду работать, чтобы выковать тысячу подков? Ничего подобного со мной еще не приключалось! И с вашей стороны, господин, не очень красиво шутить над бедным человеком!

Но незнакомец спокойно продолжал, словно не слышал слов кузнеца:

– Железо купишь на деньги, которые возьмешь в долг. Не бойся, я хорошо тебе заплачу! Твои дети не будут голодать, ты купишь красивую теплую одежду, а жене на ярмарке – красивую шаль. Не пожалеешь, подумай хорошенько!

Что было делать бедному кузнецу?

Предложение было заманчивым, и кузнец знал, что второй раз ему уже так не повезет. И пока жена все еще не могла двинуться от изумления, а дети с любопытством разглядывали чужака, кузнец подошел к незнакомцу, подал ему руку и пообещал выполнить его заказ.

И сколько же ему пришлось работать, я вам и рассказать не смогу. Только представьте: тысяча подков! Кузнец обошел всех близких и знакомых, сто раз бегал в город, там ему что-то удалось, а в другом месте он получал отказ и уходил с пустыми руками. Таких хлопот он еще в жизни не видел.

Наконец настал день, когда он мог с радостью посмотреть на результаты своего долгого и тяжелого труда. Тысяча прекрасных подков, звонких и блестящих, были уложены в его темной мастерской.

Не прошло и двух дней, как пришел незнакомец.

– Готово? – спросил он довольного кузнеца.

– Да, – ответил кузнец, – можем отнести подковы в повозку.

– Хорошо. Найди большой мешок, сложи туда подковы и идем за мной.

Кузнец набрал подков, сколько смог унести. И пошел за незнакомцем.

Они шли несколько часов, и кузнец очень устал. Он вздыхал, сопел, жаловался и стонал так, что чужаку его было жалко. Он сказал кузнецу:

– Скоро мы уже будем у цели. Еще немножко, и вся твоя тяжелая работа будет позади.

И правда.

Вдруг спутник кузнеца ударил прутиком о скалу, и та открылась. Вот это было диво! Кузнец оказался в широком и высоком месте, где один возле другого стояли кони. А на конях сидели статные рыцари, и все спали.

Незнакомец обратился к кузнецу со словами:

– Так. Мы на месте. Высыпай подковы наземь!

Кузнец был так удивлен, что добрую минуту не мог и слова вымолвить.

Но потом он опомнился: ведь у него с собой была только часть подков, и ему придется несколько раз возвращаться домой, чтобы все подковы перенести сюда. Ему сделалось плохо: это же целую неделю займет – ходить туда-сюда. Такая тяжесть и такая даль!

Незнакомец угадал его мысли, похлопал кузнеца по плечу, произнес несколько непонятных слов – и глядь! В пещеру, которая была обустроена как огромная конюшня, въехала большая повозка, полная подков.

– А вот и остальные. Твоя работа, кузнец, выполнена.

Сказав это, чужак спросил, сколько просит кузнец за свою работу.

– Оставляю это на ваше усмотрение, господин, – ответил кузнец.

– Хорошо, ты разумный человек. Но знаешь, у меня нет ничего, что бы я тебе дал и чем бы тебе заплатил.

Кузнец почесал голову и страшно покраснел.

Но и это было не все.

Незнакомец продолжал:

– Теперь у тебя пустой мешок, но ты домой с пустым мешком не пойдешь. Насобирай-ка конского навоза, сколько сможешь унести.

Сильно нахмурился кузнец и подумал:

– Я в такие долги влез, столько трудился, у меня дети голодные, жена ждет с нетерпением денег, которые я принесу, – и вот такая плата!

Поверьте, ему хотелось плакать.

Но что было делать!

Он постоял минуту с грустно склоненной головой и слезами в глазах, а потом подошел к куче навоза и кинул немного в пустой мешок.

– Набирай больше! – приказал незнакомец.

Кузнец и не шевельнулся.

– Набери полный мешок, – снова сказал незнакомец.

Кузнец ничего не ответил.

– Набери столько, сколько сможешь унести! – опять велел незнакомец кузнецу.

Скорее от злости, чем от того, что хотел послушаться скупого заказчика, набрал тогда кузнец столько навоза, сколько влезло в мешок. И ушел с ним прочь.

Прочь, прочь отсюда, чтобы скорей попасть домой и пожаловаться жене.

В лесу он высыпал навоз из мешка и побежал домой.

Жена уже нетерпеливо ждала его перед домом и, как только увидела кузнеца, радостно побежала ему навстречу:

– Покажи, покажи, Мартин, сколько ты несешь!

– Ничего не несу, ничего. Он обманул меня, подшутил надо мной. Ах, я, несчастный бедняк, как же я дал себя обдурить! – горевал кузнец, жалуясь жене. – Я получил за работу мешок конского навоза, вот как он мне заплатил.

Тут жена взяла мешок, перевернула его... А из мешка выпала добрая горсть золотых, червонно-желтых прекрасных золотых, как канареечки.

– Ох, Мартин, я так и знала, что это ты так меня разыгрываешь, – сказала она мужу и еще раз потрясла перевернутым мешком. Из него выпало еще три прекрасные золотые монеты.

Кузнец был удивлен еще больше, чем его жена.

Когда же он опомнился, то быстро побежал в лес. Жена рванулась за ним. И стали они искать, пока не нашли. Там, где час назад кузнец высыпал из мешка конский навоз, там сверкала прекрасная яркая горка золота и золотых монет.

Они быстро собрали гигантский клад, наполнили мешок и снова поспешили домой.

То-то было радости! То-то было весело в тот вечер у кузнеца!

Они вкусно наелись-напились, купили детям одежды, построили прекрасный дом. Клад они берегли, не тратили попусту, помогали остальным и никогда не забывали, что когда-то были они очень бедными.

И жили они счастливо до самой смерти.

Сильный Матей

На валашских горах жили когда-то бедные родители, и был у них сынок Матей. Это был удивительный парнишка. Как только он родился, стал кричать так, что далеко в лесу было слышно. Когда ему было два года, нашли его однажды родители в саду, когда он тряс самое большое дерево. Груши вниз так и падали! Отец минутку наблюдал, что будет Мартин делать с фруктами. И знаете, что он сделал? Уселся он под деревом и прекрасно все груши съел. Потом весело запищал и пошел домой.

Вот такой был Матей.

Родичи на такого силача не могли нарадоваться, но порой Матей доставлял им беспокойство. Он каждый день выпивал все молоко, которое было в избе, и еще оглядывался, где бы чего съесть. Короче, это был невероятный едок, и родители уже начали бояться, что же будет дальше, если голод Матея вырастет вместе с ним. И голод действительно вырос. Росла и его сила. В шесть лет он переламывал поленья, в восемь – одолел сильного бычка, в десять мог так тряхануть сарай, что он весь начинал качаться. И сила Мартина росла. И голод его рос. Родители любили его, заботились о нем и кормили его, насколько это у них получалось.

Но так не могло продолжаться вечно.

Понял это в конце концов и Мартин и в один прекрасный день подошел к отцу с просьбой, чтобы тот отпустил его на свет посмотреть, себя показать. Ведь он же уже большой, силы хватит на десятерых, почему бы не попытать счастья в чужих краях.

Попрошались родители со своим милым Матеем, и он ушел.

Шел он и шел уже несколько недель, а работы нигде так и не нашел.

Он был в пути уже целый месяц, когда подошел к огромному замку. Там жил богатый граф, ему-то Матей и понадобился.

– Поможешь тут лес корчевать! – сказал он Матею. – Ты вроде сильный малый, думаю, будет тебе тут много работы. Иди и собери других работников из моего панства, пусть приготовятся трудиться!

Улыбнулся Матей и сказал:

– Спасибо вам, дорогой граф, за доверие, но с лесом я и один справлюсь. Мне только один ловкий человек нужен, который поможет мне ветки со стволов обрубать, пока я буду валить деревья.

Граф покачал головой, это казалось ему странным. Но все же согласился. Он дал Матею в помощники самого старательного работника из тех, что на него трудились, и пожелал им счастья.

Придя в лес, Матей взялся за работу. На это стоило посмотреть! Что Матей делал? Ну, схватил он дерево, как прутик, и хрясь! Дерево оказалось на земле, прямо с корнями. Потом второе, третье, четвертое, пятое, так что к вечеру в лесу ни одного дерева не осталось. Помощник отсекал ветви и с помощью Матея укладывал стволы в ряд. За один день лес был выкорчеван. Да как! Без топора, без пилы!

– Мы все сделали, – объявил Матей, когда они вернулись к графу.

Граф сильно удивился, но когда убедился, что это правда, похвалил Матея и его помощника, велел накормить их хорошим ужином и пожелал доброй ночи.

На следующий день рано утром Матей был уж на ногах. Позавтракав, он пошел к графу и попросил дать ему новое задание.

– Хорошо, – сказал граф, – но сегодня это будет потруднее. Пойдем, я отведу тебя на одно место за замком. Там ты со своим помощником будешь копать так долго, пока не найдете огромный, глубокий погреб. Мы должны попасть в этот подвал. Там укрыт клад, там много золота, много редких драгоценных вин, и, насколько я знаю, туда еще нога человека не ступала. Так что – за дело!

Оказавшись на указанном месте, Матей принялся копать. Его помощник отбрасывал глину, но разве за Матеем поспеешь! Вскоре у ямы образовалась огромная куча глины, и Матею пришлось самому ее разбрасывать, иначе глина засыпала бы огромную яму, которую он с утра выкопал.

Это была трудная работа, но Матей копал и копал так, что у него со лба струился пот.

На следующий день к ним пришел граф. Он снова удивился, сколько всего уже сделал Матей. Граф похвалил его и, чтобы тот еще больше старался, пообещал ему половину клада.

– Я же знаю, что ты и своего помощника не забудешь, – добавил он и ушел.

И Матей копал и копал. Он даже не отдохнул ни разу. К вечеру ему показалось, что лопата его ударилась о что-то твердое. Он копнул еще раз – и плядь! – это была глыба золота, размером больше, чем конская голова.

Когда о находке доложили графу, тот только рукой махнул и проронил:

– Бросьте, это того не стоит!

«Ничего себе – «это того не стоит»! – подумал Матей. – Сколько тысяч бедных могло бы прокормиться на этот кусок золота! Ничего себе «это того не стоит»!»

Но граф-то знал, почему так сказал. Он хотел, чтобы Матей копал еще усерднее. И потому он подарил этот кусок золота Матею.

И Матей, понятное дело, копал и копал так, что у него со лба струился пот.

И когда он копал уже три месяца и его помощник начал жаловаться на то, что у него в боку колет, что у него спина болит и что у него вообще все тело ломит, оказались они перед огромной пещерой с несколькими залами. В первом зале стояли сундуки, полные тяжеловесных медных монет. Во втором зале громоздились куски серебра, один больше другого. В третьем зале они увидели семь бочек, полных золотых дукатов, а в последнем зале хранилось девять сундуков прекрасных бриллиантов. В том зале было такое сияние, что ни Матей, ни его любопытный и удивленный помощник не могли там оставаться. Это было такое сияние, что у человека глаза жгло, если он смотрел на него.

Они уже хотели было уйти, когда помощник Матея заметил, что за четвертым залом есть еще одно помещение...

Они должны были пройти около всех сундуков с бриллиантами. Им уже казалось, что не выдержат они этого сияния, так болели и горели их глаза.

Вошли они в пятый зал...

О ужас!

Посреди покоя на огромном ложе, устланном драгоценными тканями, лежал дракон с двадцатью одной головой. Он был мертв.

Старательный помощник Матея приблизился к чудовищу и прикоснулся к одной из его голов. Она была еще теплая, и текла из нее зеленая кровь...

После этого они поспешили к графу, чтобы сообщить ему о сделанной работе и о находках, которые они обнаружили.

Граф очень обрадовался и тут же велел весь клад уложить в свои подвалы;

– А теперь давайте разделим все с вами, мои милые! – сказал он, дружески положив Матею руку на плечо.

Но Матей скромно отказался:

– У нас ведь уже есть золотая глыба. Ее нам на всю жизнь хватит. И еще с бедняками поделимся!

Граф настаивал, чтобы они взяли себе половину клада, но Матей не согласился. А что же его помощник? Знаете, люди все разные. Помощник бы взял долю клада, о да! Но напрасно крутился он вокруг Матея, напрасно давал ему знаки глазами, чтобы тот принял награду графа. Он даже ногой его пнул, но Матей ничего не замечал. На большее помощник не осмелился. Матей был силачом, и если бы захотел, то... Но что мне вам говорить! Короче, Матей не хотел ничего брать, и это было главное!

Ну что ж. Матей выполнил свое задание, сердечно попрощался с графом и снова отправился в путь со своим помощником.

Шли они и шли.

Они уже преодолели три высокие горы, переплыли три великие реки, и все еще ничего интересного с ними не приключилось. До тех пор, пока...

Был вечер, и наши путники готовились ко сну. Но прежде всего надо было найти удобное для ночлега место. Искали они, искали, пока не нашли удобный уголок под старым дубом.

– Вот здесь нам будет хорошо! – сказал помощник. Они расстелили плащи, которые дал им в дорогу добрый граф. И тут Матей заметил, что с другой стороны дуба зияет огромная дыра. Она вела глубоко под землю.

– Надо нам спуститься посмотреть, – сказал Матей. Он быстро сплел крепкий канат из тоненьких веточек и приказал помощнику, чтобы тот спустил его вниз. При этом он велел: – Если я долго не вернусь, подними меня наверх. И ни в коем случае не жди дольше чем три дня. Но если я подам тебе знак, вытягивай немедленно!

Эта дыра была очень глубокой. Только через несколько минут Матей ощутил почву под ногами.

Но это того стоило! Встав на твердую землю, он оглянулся вокруг и увидел: перед ним простирался дивной красоты сад, полный белых роз. К центральной клумбе вели тропинки, посыпанные красным песком. Самая широкая дорожка вела к стеклянному замку.

Матей бесстрашно шел все дальше и дальше, пока не вошел в покои чудесного дворца.

Он уже прошел семь залов и оказался на кухне. Тут он остановился.

На стуле сидела прекрасная принцесса и вышивала.

Матей стоял неподвижно.

Принцесса вскочила и закричала:

– Беги, смельчак, беги отсюда, пока не поздно! Убегай, убегай! Ты пришел в замок самого страшного чудовища. Он вот-вот вернется домой, и если найдет тебя здесь, ты уже никогда отсюда не вырвешься. Он тебя убьет! Беги прочь отсюда, подальше от этих мест!

Матей остался стоять на месте, глядя с восхищением на прекрасную принцессу, и произнес:

– Я ничего не боюсь, прекрасная королевская дочь, но скажи мне, как ты сюда попала?

– Это грустная-прегрустная история... Не надо бы тебе о ней слышать. Но раз уж ты сюда попал, знай же! Чудовище, которое хотело взять меня в жены, получило отказ от моего отца. За это оно жестоко отомстило и похитило меня. И вот теперь я здесь и потихоньку умираю. Да-да, я знаю, что здесь быстро умру. Ведь никто меня отсюда не освободит. Чудовище никто на свете не одолеет.

– Я тебя спасу, положишься на меня, – сказал Матей и спокойно уселся рядом с принцессой, которая уже всерьез начала бояться за жизнь Матея. Ведь с минуты на минуту чудовище должно было возвратиться.

И правда.

Послышалось пыхтение, скрипы, замок зашатался – уф, уф, – и огромное, как гора Радгошьт, чудовище ввалилось в кухню.

– Ха-ха-ха-ха-ха, несчастный поганец, ха-ха, ты уже приготовился? Мне и в голову не могло прийти, что у меня тут такой лакомый кусок! Я тебя слопаю на ужин, попрощайся с жизнью! Ничто тебя не спасет!

Матей же встал перед чудовищем и начал над ним насмеяться:

– Но, но, не напирай так, страшилище! Мы еще увидим, кто кого!

– А что ты тут ищешь, ничтожный червь? – насупилось чудище.

– А это не твое дело, но если хочешь знать, я пришел за принцессой! Об этом ты, глупец, давно бы мог догадаться!

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха, – расхохоталось чудовище, держась за бока. – Это у тебя, птичка-невеличка, не получится!

– А вот посмотрим, кто кого, увалень!

Ну, тут уж терпение чудища лопнуло. Он подскочил, схватил Матея за шею, и – началось. Ох, ну и танец это был! Им быстро не хватило места, и они договорились, что продолжат бой в саду, где больше места и где можно будет как следует размахнуться.

Там они снова схватились, пыхтели, сопели, то чудовищу удавалось повалить Матея, то Матей валил чудище, то один был сверху, то другой. Ведь оба они обладали необыкновенной силой! Земля под ними тряслась, и бой все никак не мог завершиться ничьей победой.

Наконец Матею удалось схватить чудище за пояс. А это было очень важно. Чудище теперь не могло сражаться с Матеем, который поднял его, раскрутил, а потом швырнул его оземь с такой силой, что чудище охнуло и осталось лежать бездыханным.

Матей победил.

Он побежал в замок за принцессой, и та очень удивилась, увидев, что Матей вернулся живым и здоровым. Матей несколько раз дернул канат, сплетенный им из тоненьких веточек, и вскоре был вместе с принцессой наверху.

И все они пошли к родителям принцессы.

И чем дело кончилось? Об этом я и рассказывать не стану. Только одно скажу: сильный Матей получил принцессу в жены, а через некоторое время стал и королем. И никогда он свою огромную силу не использовал против слабых и убогих.

О злой Веруне

В избушке в горах жили-были однажды родители, у которых было две дочери: Ганечка и Веруня. Ганечка была чистоплотная, прилежная и работающая, а Веруня – злая, ленивая и неопрятная. Гаечку не нужно было заставлять работать. Она все охотно делала

сама. И целыми днями она пела о том, как весь свет ее радует. Веруня наоборот. Прежде чем бралась она за какую-то работу, ей трижды, а то и больше надо было повторить о том, что она должна сделать, да и работая, она особо не старалась. Веруня была ворчливая, мрачная и никогда не пела.

Родители любили обеих дочерей, но о Веруне очень печалились, что она такая недобрая, неопрятная и ленивая.

– У Ганечки все иначе! – сокрушались они, когда видели, как неохотно и плохо начинает каждый раз работу, которую надо было сделать по дому.

Позвали однажды родителей на свадьбу. Но всей семьей они не могли пойти в гости, нужно было, чтобы кто-то остался дома, приглядывал за хозяйством, птицей и скотиной. Если бы взяли они на свадьбу Ганечку, было бы обидно Веруне. А если бы взяли Веруню, было бы жалко Ганечке.

И решили родители, что с ними пойдет та, которая поутру окажется раньше причесана и одета.

Кто же это мог быть? Медлительная Веруня или быстрая Ганечка?

И действительно. Едва только показалось солнышко и объявилось во всей своей золотой красе над горой Радгошь, Ганечка была уже на ногах. Она быстро прибралась, подмела избу, чисто умылась, выгладила юбочку, причесала волосы и уже ждала родителей.

Милой Веруне не оставалось ничего, как остаться дома.

Перед отходом родители напомнили Веруне, чтобы она хорошо заботилась о доме, никуда не уходила, хорошо ухаживала за коровами, козами, кормила пса и кошечку. Но самое важное, на что они обращали ее внимание, – это чтобы вечером, перед сном, она обошла весь дом, а потом хорошенько заперла двери на засов.

Как только родичи ушли, Веруня скок в сад! Тут она улеглась и ни о чем уже не думала. Она ни о чем не заботилась, и на все ей было плевать.

К вечеру, почувствовав голод, она сварила себе кашу, хорошенько ее подсластила, посыпала корицей, полила медом и с удовольствием принялась есть.

Пес с кошечкой ходили кругом и просительно смотрели на Веруню, которая наслаждалась вкусной едой. Но Веруня их и не замечала. Кошечка и пес были очень голодны и просили Веруню:

– Верунечка, наполни наши миски, мы тоже хотим есть!

Веруня кошечку пнула ногой, а на пса взглянула грозно:

– Еще чего? Да чтоб я для вас готовила! Марш вон отсюда!

Наевшись, Веруня налила себе молока и с удовольствием его выпила.

Пес и кошечка опять стали ходить вокруг нее и просить:

– Верунечка, налей нам в миски молочка, мы голодные!

Но где там! Веруня прогнала их со словами:

– Я уже вам сказала: пошли вон отсюда! И если не оставите меня в покое, я вас в печке запру!

Опечалились пес и кошечка, но поскольку они боялись Веруню – ведь та могла исполнить свою угрозу, – тихо улеглись у печки и больше уже к Веруне не подходили.

Потом Веруня разделась и довольная улеглась в кровать.

Через минуту, как только начало темнеть, внезапно поднялся огромный ветер. В трубе гудело, в печи грохотало, дом трясся. И вдруг, откуда ни возьмись, на крыльце послышались тяжелые шаги.

Что-то там стало происходить.

Веруня подняла голову и прислушалась. В сенях уже не шаги слышались, это был сильный топот, будто две пары коней гарцевали перед домом. И топот все усиливался.

Веруню охватил страх.

Топот не прекращался, наоборот, все усиливался. Испуганная Веруня обратилась к псу и кошечке:

– Кошечка, песик, слышите этот шум? Посоветуйте, пожалуйста, что мне делать?

Поднял пес голову, подняла голову и кошечка. И ответили они в один голос:

– Одна ела, одна пила, одна и решай!

Снаружи шаги остановились, и кто-то застучал в окно так, что вся изба затряслась.

Грозный голос приказал:

– Эй, кто тут дома, живой и здоровый, идите отворять!

От ужаса Веруня не могла решить, что же ей делать.

Она снова обратилась с просьбой к псу и кошечке:

– Кошечка, песик, слышите этот голос? Посоветуйте, пожалуйста, что мне делать?

Поднял пес голову, подняла голову и кошечка. И ответили они в один голос:

– Одна ела, одна пила, одна и решай!

В эту минуту снова раздался голос:

– Эй, кто тут дома, живой и здоровый, идите отворять!

Веруня была в отчаянии. Она дрожала от страха и, не в силах пошевелиться, стояла на одном месте.

Она снова посмотрела на пса и кошечку и попросила их о помощи, но пес и кошечка и на этот раз ответили:

– Одна ела, одна пила, одна и решай!

Несчастливая Веруня была напугана так, что не могла произнести ни слова. Она залезла на кровать, завернулась в перину и почти не дышала.

Но тут снова поднялся страшный ветер, застучал ставнями, задул в стены и двери так, что все зашаталось.

Тут что-то засвистело в трубе, и перепуганная Веруня неожиданно увидела перед собой высоченного мужчину. Он был такой огромный, что голова его доставала до потолка. Глаза его были маленькими, но светились, как два жгучих уголька.

Он взмахнул руками, ухмыльнулся Веруне и приказал:

– Приготовь-ка добрый ужин!

Веруня не посмела отказаться и приготовила незнакомцу самое лучшее, что было дома.

Верзила набросился на еду и быстро сожрал все, что было на столе.

После этого он велел Веруне:

– А теперь поищи-ка мне вшей!

И Веруне пришлось искать вшей. Они были огромные, как орехи, и у Веруни руки разболелись, когда она закончила свою работу. От напряжения у нее аж глаза закрывались.

Потом мужик улегся и спал до самого утра.

Веруня хотела убежать, но не могла. Она всю ночь простояла на одном месте, как прикованная. Так сковал ее страх.

А рано утром пришелец пробудился и разорвал Веруню на куски. И ушел.

Возвращаясь, родители уже издалека увидели свой домик.

Ганечка сказала:

– Веруня нас, конечно, ждет не дождется. Она, конечно, ждет, что мы ей угощение принесем!

Но Веруня уже ничего не ждала.

Чем ближе родители с Ганечкой подходили к дому, тем больше они ощущали, что что-то не в порядке.

А когда вошли в дом, какой им открылся ужас! Кто сможет это описать! Как они плакали над мертвой Веруней, но это уже не помогло.

За ее лень и непослушание ее наказал черт, который унес ее душу – то ли в ад, то ли еще куда – этого я не знаю, потому что об этом у людей, которые мне эту сказку рассказали, я не спросил.

Чертова мельница

I

Жила когда-то под горой Радгошь бедная вдова с единственной дочерью, которую звали Божена. Не была она ни особо красивой, ни юной. Напрасно мать старалась выдать замуж некрасивую Божиену.

Пока однажды не случилось...

Был холодный вечер, и девушки собрались вместе пряхть. Болтали они, болтали, время летело незаметно. И не удивительно! Ведь там были и веселые парни, которые знали много интересных историй и умели подшутить над девчатами. Над кем шутили больше всего? Ну, сами понимаете – над Божиеной.

– Божена, когда пойдешь замуж?

– Божена, когда пойдешь тебе жениха выбирать?

– Божена, а у тебя кто-то есть на примете?

– Ну, вы же знаете: Божена абы за кого не пойдет!

– Она ждет принца!

Так они вышучивали Божиену, и когда шутки эти затянулись, рассерженная девушка воскликнула:

– Да я бы лучше за черта замуж вышла, чем за кого-то из вас!

Едва она это произнесла, откуда ни возьмись вошел в избу молодой человек в прекрасном охотничьем одеянии. Он подошел к Божиене, поправил ее фартучек, погладил ее руку, посмотрел ей в глаза и сказал:

– Ты одинока, как и я. Тебе грустно, мне тоже. Выходи за меня!

Божена было очень удивлена, но все же смогла ответить:

– Ох нет, я замуж не пойду.

Да и мать, внимательно взглядевшись в лицо молодого охотника, проговорила:

– Что-то вы мне не нравитесь, господин хороший! Я бы за вас дочь не отдала!

А когда молодой человек принялся настаивать, что с ним у Божены была бы прекрасная жизнь и что он бы к ней всегда замечательно относился, мать добавила:

– У охотников и дома-то своего нет, они целыми днями по лесу бродят. Такого мужа моя дочь не захочет!

Молодой человек продолжать настаивать, говоря, что он очень богат, обладает большой властью и умеет много такого, что другие не умеют.

Тут мать задумалась и сказала:

– Это хорошо! Я отдам вам дочь в жены, хочет она того или нет. Но прежде чем я вам ее отдам, докажите, что вы тот, за кого себя выдаете. Поглядите в окно. Там, вдали на горах, на том длинном хребте за горой Радгошь, постройте-ка мельницу! Если у вас это получится и мельница будет построена до завтрашнего вечера, получите мою дочь в жены. Это я вам обещаю.

После этих слов охотник ушел.

Утром следующего дня пришел к вдове в гости старый дядюшка. Когда услышал о том, что вчера произошло, он помрачнел, поднял палец к небу и произнес:

– Это ты недоброе дело затеяла! У этого охотника – конские копыта. Это был черт! Я рано утром повстречал его и увидел, как он собирает по всем деревушкам под Радгоштем петухов. У вас тоже петух есть, поэтому спрячьте его побыстрее, чтобы он у вас не потерялся.

Вдова послушалась, спрятала петуха на чердак, и как только это сделала, заметила поблизости нищего, который кричал:

– Матушка, матушка, у вас есть петух? Продайте мне петуха, я хорошо заплачу.

Но вдова хитро отвечала:

– Нет у нас уже, дедушка, петушка, забили мы его. А нового купим, когда у костела на базаре будут продавать.

Переодетый черт ушел ни с чем, а по дороге ужасно злился, что ему не удалось забить всех петухов в округе.

И теперь вы спрашиваете, конечно, почему же черт был этим так недоволен. Да разве вы чертей не знаете! Правда, черти живут только в сказках, и там о них всегда говорится, что они обладают великой силой и могуществом. У них только один враг, которого им не одолеть. И это петух! Как только петух закукарекает, так черт становится совершенно бессильным. Вот почему этот черт под Радгоштем хотел прежде всего избавиться от всех петухов, чтобы некоторые из них не испортили дело, к которому он готовился.

И поверьте, времени у него оставалось немного! Так что он спешил. Он таскал из леса деревья, носил камни, выравнивал почву, махал мотыгой, киркой, молотом, забивал гвозди и вообще работал так, что пот с него градом лился. Мельница росла.

Был полдень, и черт, который очень поторапливался с работой, уже почти закончил. Он уже нес последний огромный кусок скалы, который прикрепил цепью к спине.

И тут закукарекал петух старой вдовы, и – у черта колени подломились. Тут принялся он вздыхать и плакать, но никто ему не помог. Скала прижала его к земле, и через минуту, когда поднялся сильный ветер, камень дрогнул и упал с жутким грохотом вниз, в долину.

Тот кусок скалы, что пригвоздил черта, лежит там, говорят, и до сей поры. На нем вроде как видны и следы цепи, которая была прикреплена к спине злого черта.

II

Недостроенная мельница так и осталась стоять. А также избушка, которую черт построил рядом с ней для себя.

Никто из людей не отваживался приблизиться к заброшенным строениям. Каждый обходил мельницу стороной, потому что говорили, что там ночами происходит что-то странное и находиться там небезопасно.

Как рады были бы поселиться там бедные люди, если бы только они не боялись!

Однажды вечером пришел в те края старый заслуженный солдат. Темнело, и солдат размышлял, где бы ему устроиться на ночлег. Он

никого здесь не знал, так что и понятия не имел, куда ему двинуться. Синяя ночь начинала сгущаться над горами, а солдат все еще шел дальше. Он верил, что встретит кого-то, кто ему посоветует, где бы он мог поесть-попить и немного отдохнуть ночью.

Он подошел уже к подножию Княгини^[19] и постучал в дверь первой же избы, возле которой оказался. Он учтиво поздоровался и попросил хозяйку, чтобы она дала ему хотя бы воды попить. Та охотно выполнила его просьбу, потому что знала, что бедным путникам надо помогать. И в Библии о том написано. А потом сказала она сама себе:

– Солдат, конечно же, идет из стран далеких, много испытал, много пережил, его интересно будет послушать, если он станет рассказывать.

И принесла она ему не только крынку молока, но добавила еще и добрый кусок хлеба с маслом. И позвала усталого путника в комнату.

Тут солдат и стал рассказывать обо всем, что пережил за последний год. Был он далеко в чужих краях. И как же долго длилось, пока он снова увидел родные края! Видел он огромные реки и высокие горы, на которых лежат вечные снега и не растет ни травинки. Он плыл по морю на большом корабле, который был как один огромный плавучий город. Он видел рыб, которые летали, и птиц, которые были высотой со взрослого человека. Пережил он и бурю, которая пригнала бушующие волны, горы волн, в их грохоте терялся каждый человеческий голос. Когда же он после бури вместе с остальными ступил на берег, был ограблен неизвестным злодеем, который лишил его всех средств. И в конце концов у него ничего не осталось, кроме нищенского посоха, отваги и надежды вновь увидеть родной дом. Он рассказывал все больше и больше интересного, так что обитателям дома не хотелось идти спать.

Однако солдат очень устал. Куда же его уложить спать? Все желали ему хорошего отдыха, но в избе места не было. Думала, думала хозяйка, но так и не придумала, что делать.

Храбрый солдат решил сам:

– Будьте так добры, дайте мне в дорогу одеяло и что-нибудь поесть, а я пойду спать в заброшенную мельницу, которую я видел до прихода к вам.

Что они могли ему сказать?

Как его предупредить, как ему объяснить, что это небезопасное место?

Когда он произнес свое удивительное желание, все только головами покачали. Идти туда? И к тому же ночью? Ведь туда и белым днем ходить боялись!

Наконец хозяйка сказала:

– Не надо туда идти, господин хороший, там вас ничего хорошего не ждет!

Да что такое нехорошее могло его там ждать, удивился солдат. Изба как изба. Ну, не живет в ней никто. Это ведь как раз хорошо. Будет там хотя бы один и с удовольствием отдохнет после долгой дороги.

И он никого не послушался.

Тогда хозяйка дала ему одеяло, солдат набил трубку и пошел.

Он лег на пол в пустой избе и курил свою трубочку.

– Надо бы набить еще одну! – сказал он сам себе, вытянул мешочек с табаком и приготовился набить трубку.

Но вот беда! Как только он дотронулся до трубки – получай! Хрясь по руке! Бац! И трубка упала на пол.

«Что тут такое делается?» – думал солдат, поднимая трубку. Он покачал головой и готов был снова набить ее табаком. Он уже насыпал табак в трубку, когда...

Бац, хлопок по трубке!

И трубка снова валялась на полу.

– Тут кто-то плохо шутит! – произнес вслух солдат, обошел комнату, заглянул во все углы и уселся к столу, чтобы в третий раз набить свою трубку. «Ну, теперь уж я буду очень осторожен!» – думал он; вынул спички, положил их на стол, вытащил мешочек с табаком, положил рядом, вынул изо рта трубку и внимательно огляделся.

Он уже поднес трубку к губам, уже приготовился ее раскурить, как получил пару увесистых ударов по трубке и по мешку с табаком.

– Ну, это не иначе как дела черта, смотри, как бы ты у меня, нечистый, не получил по заслугам!

Как только он договорил последнее слово, двери отворились, и в избу вошел путник – охотник в зеленой шляпе с пером, в красивой одежде и в крепких сапогах.

Солдат заметил, что под сапогами охотника скрываются лошадиные копыта. Но он и виду не подал. Он спокойно обратился к позднему прохожему:

– Что вы желаете, охотничек?

– По лесам я ходил, по лесам я бродил, и вот зашел я сюда. Остаюсь тут с вами переночевать.

Говоря это, охотник приближался к солдату. Он потихоньку тащился к столу, и от его копыт поднималась пыль.

Солдат как раз подносил трубку к губам, когда вдруг охотник прыгнул – и хоп, хоп! – набросился на солдата.

Но солдат был проворнее. Он встал, выпрямился и ударил охотника по голове, потом по лицу, и пошло-поехало. И снова бум, бум, бим, бац, луп, луп!

Когда он нанес десятый удар, перед ним стоял уже не охотник, но мерзкий дьявол, дрожащий с головы до ног. Он был объят ужасом. От того, что он вынужден был оказаться в своем истинном обличье, исчезла вся его сила, и дьявол начал плача умолять:

– Смилуйтесь, добрый господин, смилуйтесь и отпустите меня, и я вас щедро награжу!

Но солдат не вступил с ним в разговоры, связал дьявола, и только тогда, когда черт ему пообещал, что больше никому на свете не причинит вреда, что даст всем святой покой, только тогда солдат отпустил его.

Видели бы вы, как черт припустился в лес!

И больше никогда не показывался он в том краю.

О глупом Яне

Было однажды на свете печальное королевство. У короля этого королевства была единственная дочь, и она с самого рождения ни разу не улыбнулась. Все бы отдал несчастный король, чтобы увидеть на лице своей дочери улыбку!

Когда дочь выросла, король отправил послов во все соседние земли, чтобы они искали там докторов и принцев, которые смогли бы рассмешить его печальную дочь Розину. Тому, кому удастся рассмешить его дочь, король обещал отдать ее в жены. А Розина была принцессой прекрасной и благовоспитанной.

Уже через пару дней начали съезжаться рыцари, принцы, вельможи и князья со всех сторон. Каждый надеялся рассмешить грустную Розину, взять ее в жены, а с ней и целое королевство. Ведь король так и пообещал тому, кто вылечит принцессу.

Но это не вышло ни у кого. Они испробовали все что могли, но все напрасно.

Начали съезжаться и известные врачи, принцессе давали всякие порошки и отвары, но ничего не помогало.

Новость об удивительной болезни королевской дочери дошла до самых глухих уголков страны, до самых маленьких деревушек в горах. В такой деревушке жил с тремя сыновьями седовласый крестьянин. Во всей округе была известна его любезность и доброта. Но сыновья его не особенно радовали. Старший был вспыльчивым и злобным, средний был скупым и развязным, а младший? Этот бедняга был глупцом. Братья подшучивали над ним, и где могли, там ему вредили.

Когда двое старших сыновей узнали о болезни принцессы, они тут же решили тоже попытать счастья. Они оба знали всякие шуточки, которыми смешили своих домашних. И если дома все за животы от смеха хваталось, почему бы не попытать счастья в королевском замке?

Они договорились, что пойдут каждый по отдельности.

Первым отправился в путь к королю старший брат.

Шел он, шел, и повстречался ему в лесу старичок. Тот был еще более согнут и сед, чем его старый отец.

– Куда путь держишь, молодой пан? – спросил старик и остановился.

Но старший сын не обратил на слова старика никакого внимания и поспешил дальше. Только что-то язвительное процедил сквозь зубы.

Когда подошел он к королевскому замку, то легко понял, где находятся покои Розины. Он позвал, окликнул ее, и Розина показалась в окне.

Ее прекрасное лицо было безнадежно грустным.

Сын начал шутить по-всякому, пел, танцевал, смеялся и прыгал в высоту, как коза, но принцесса только смотрела спокойно, даже тень улыбки не промелькнула на ее лице.

Старший сын вернулся домой ни с чем.

После этого в путь отправился средний сын.

Шел он, шел, и повстречался ему в лесу старичок.

– Куда путь держишь, молодой пан? – спросил старик у среднего сына и остановился.

Сын показал старику язык и был таков.

После полудня подошел он к королевскому замку и увидел, что принцесса Розина стоит у окна.

Лицо ее было безнадежно грустным.

Сын прежде всего начал петь. Когда это не помогло, он стал рассказывать принцессе веселые истории. Он сам смеялся, а принцесса нет. И что бы он ни делал, Розина оставалась грустной. Ни искорки улыбки не показалось на ее губах.

И он потерял надежду развеселить принцессу и вернулся домой.

Пришел черед идти самому младшему сыну. Глупый Ян! Только его там не хватало! Так говорили братья между собой.

– Иди, иди, только тебя принцесса и ждет!

– Иди, ты тот самый!

Но Ян все-таки отправился в путь. Он положил в мешок добрый кусок хлеба и пошел.

Шел он, шел, и повстречался ему в лесу старичок.

– Куда путь держишь, молодой пан?

– В город, к принцессе! – ответил Ян.

– Ох, сынок, я бы сейчас поел! Если у тебя есть что-то в мешке, подай бедному!

Ян без раздумий вытащил кусок хлеба и разделил его со старичком.

– Награди тебя Бог за это! – поблагодарил старичок. – Ты хороший сын, и поэтому я дам тебе совет, что делать! Твои братья тоже шли туда, но ни один из них не ответил на мой вопрос. Так вот слушай: прыгни на спину первой бабке, которую встретишь, и уж не отпускай ее. Пусть она донесет тебя к королевскому дворцу.

Старик проговорил это и ушел.

Глупый Ян пошел дальше. И шел он долго, пока не повстречал на своем пути уродливую бабку-колдунью. Хоп, и он уже сидел у нее на спине! Старуха ругалась, прыгала, тряслась, угрожала и обещала ему всякие блага, но Ян ее не отпустил. Так что бабка прискакала с Яном прямо к королевскому дворцу. В окне показалось прекрасное лицо. Это была принцесса Розина.

Когда она увидела, как глупый Ян гарцует на бабке, которая так старается стряхнуть с себя неприятную ношу, не выдержала и стала смеяться. Бабка стонала и скулила, рычала и урчала, скакала, пиналась и крутилась, а Ян все время крепко сидел на бабкиной спине. Принцесса вся покраснелась от смеха и все смеялась и смеялась, да так, что ее услышал король.

Он вышел из замка, и когда обнаружил веселый театр перед окном Розины, позвал Яна и мгновенно исполнил свое обещание. Он дал Розину Яну в жены, и свадьбу гуляли целую неделю.

Что случилось с бабкой, этого я вам не скажу. Знаю только, что на свадьбе она не была и вообще больше никогда в окрестностях королевского замка не показывалась. Видно, боялась, как бы с ней опять не приключилось что-то неприятное.

Глупый Ян быстро сделался королем и хорошо управлял королевством, делая много добра людям до самой своей смерти.

Два соседа

Жили-были когда-то два соседа. Один был богатый, а другой бедный. Богатый жил в прекрасном доме у Бечвы^[20], а тот, другой, – немного повыше, на склоне горы.

Бедный был очень беден, и, хотя он и не завидовал богатому, ему было жаль, что есть на свете люди, которые мало работают и при этом денег у них много, и, напротив, некоторые пашут с утра до вечера, а есть им почти нечего.

– Какая же тут справедливость! – сказал себе однажды бедный сосед, когда вышел посмотреть, как у него на поле выросла рожь. Урожай был скудным, и он принялся сокрушаться: «Что я буду есть, что я заработаю на этой малости? Как я до весны дотяну?»

И почти с завистью поглядывал он на прекрасное поле богатого соседа, у которого поспел прекрасный урожай. Желтые колосья подламывались под своей тяжестью и сулили обильный доход.

Он грустно разглядывал соседское поле, и в это время на меже вдруг появилась костлявая старушка. На вид ей было хороших девяносто лет. Она улыбнулась крестьянину, пошамкала беззубыми деснами и подошла к несчастному бедняку:

– Ничего не бойся и ни о чем не сокрушайся! Когда сожнешь свой урожай, испеки из муки, которую получишь с этого поля, калачи и отправляйся по свету. Там тебя ждет счастье, если действовать будешь мудро и справедливо. Твой сосед, у которого такой прекрасный урожай, испечет столько же калачей, как и ты, и захочет, чтобы ты его взял с собой. Но ему счастье не улыбнется!

И так же внезапно, как появилась, старушка исчезла. Осталось от нее только нежное белое облачко, которое еще минуту поднималось над полем, а потом исчезло вдали.

Скоро настало время жатвы. Бедный крестьянин быстро закончил работу на своем маленьком поле. После жатвы он собрал свой урожай, уложил его на воз и отвез домой.

То же сделал и богатый крестьянин. Жатва длилась долго, потому что поле его было обширным. Он должен был позвать на помощь много людей, а когда жатва закончилась, богач отвез домой зерна по

крайней мере в десять раз больше, чем бедняк. Вozy прогибались под его обильным урожаем.

Бедняк убрал зерно в амбар, вымолотил его, смолот зерно на мельнице, получил муку. Из этой муки он напек калачей и приготовился в далекий путь по свету.

Когда богатый сосед увидел, что бедняк с калачами готовится отправиться в свет, пришел он к нему и сказал:

– Я пойду с тобой. Что-то испытаем, что-то переживем, и будет нам веселее.

И он тоже велел испечь калачей.

Было их у него полные карманы, полный мешок, да еще дома осталась добрая горка калачей.

И они пошли.

К вечеру пришли они в большой лес и почувствовали голод. У бедняка живот крутило от голода, и он с удовольствием принялся есть калач. И так ему было вкусно! Богатый понемногу откусывал от своего калача, а потом сказал:

– Дай мне попробовать твоих калачей!

Бедный крестьянин тут же дал ему три прекрасных румяных калача. Богач прямо набросился на них! Когда он доел их, бедняк сказал:

– И я бы хотел попробовать твои калачи. Дай мне один!

Но богатый не дал. Крутился, вертелся, говорил, что ему самому не хватит на всю дорогу, а дорога-то дальняя, что домой-то они воротятся не так скоро, а в пути как бы чего не стало. Ну, вы сами знаете, что говорят скупцы и сколько у них отговорок, когда они должны дать что-то кому-то!

Бедняк завернул свои калачи в скатерку, и оба снова пустились в дальний путь. Скоро нашли они удобное место для ночлега под деревьями, улепись там и тут же уснули крепким сном, потому что были очень усталыми.

На следующий день они продолжили свой путь.

Вечером они снова нашли удобное место неподалеку от леса и поели. Путники развели костер и согрелись, потому что дул холодный ветер. Бедный быстро уснул от усталости. У него уже оставалось мало калачей, ему надо было их беречь, богатый же ел пока в три горла.

Бедняк уже спал, когда в голову богатому пришла злая мысль.

Взял он горящее полено и приложил его к ноге спящего, ничего не ожидающего бедняги.

– Ой-ёй-ёй! – воскликнул бедняк и стал плакать. – Кто это сделал?

Но богач только смеялся и сквозь смех выговорил:

– Да это ничего, это ветер дунул, и искорка из костра упала на тебя. Это ничего, спи дальше!

Но как мог бедняга спать, если у него вся нога была обожжена!

«Ничего себе искорка!» – думал он.

На ноге его была рана, и рана эта жгла и жгла. Всю ночь он не мог уснуть и поминутно бегал к роднику поблизости, чтобы раненую ногу охладить и омыть. А богач храпел, повизгивая, как пила, когда пилит большой ствол.

Богач выспался как младенец, утром снова поел калач, пока бедняк ел маленькими кусочками часть калача из тех двух, которые у него еще оставались.

И снова шли они целый день.

Богатый пел, бедный стонал от боли в ноге.

Вечером уселись они на берегу реки, и бедный съел свой последний кусок.

– Надо бы мне хотя бы как следует воды напиться! – сказал он соседу и спустился к воде.

Богатый за ним.

Когда бедный пил, богатый его неожиданно пнул так, что несчастный упал в воду. А было там глубоко, вода была ему по горло. Он звал на помощь, но богач только смеялся:

– Какие же у тебя, сосед, ноги слабые, если ветер тебя смог в реку столкнуть!

И хохотал без памяти, пока бедняк карабкался на берег из последних сил. Еще немного, и он бы утонул.

И снова они улеглись и уснули.

Луна светила как рыбий глаз, и повсюду было тихо-тихо. Синяя ночь склонилась над одинокими путниками, и теплый ветерок играл с речными волнами, которые трепетали в лунном свете, как серебряное полотно.

Утром первым проснулся бедняк. Он разбудил соседа и сказал:

– Мне уже нечего есть. Не дашь ли мне в долг еды, я верну тебе дома?

Но богач отказал:

– У меня у самого уже мало осталось, я не могу тебе ничего дать, но зачем тебе уходить! Через день придем в город, который мы вчера с горы видели, а там мы оба что-то себе раздобудем!

Но богач, конечно, лгал.

Бедняк же поверил и пошел.

Они прошли через большой лес и оказались на поляне.

Какой ужас! Перед ними стояла старая виселица!

– Давай отдохнем немного! – предложил богатый бедному.

Они сели.

Но едва бедный улегся, чтобы немного вздремнуть, богатый подскочил к нему и выколол ему оба глаза. И как ни в чем не бывало произнес:

– Город уже близко. Через час туда пойдут люди за покупками. Возьми шапку в руки и проси подаяния. Конечно же, над тобой сжалятся и наполнят твою шапку блестящими денежками!

Сказал он это и ушел.

А ослепленный бедняк сидел под виселицей и ждал, когда мимо пойдут добрые люди. Но никто не шел. Уже вечерело, а бедняк и на кусок хлеба не получил подаяния. Голодный и усталый, он приготовился спать.

И тут он услышал подозрительный шум, потом голоса, а после и хорошо расслышал, о чем говорят незнакомцы.

А были это три черных черта, которые уселись на виселице и принялись беседовать.

– А хорошо мы сегодня день провели, – говорил первый, – я заставил человека выколоть глаза своему другу. Как я пожелал, так и стало. И этому слепому больно, он нищий. Но если бы он знал, что достаточно только капельки утренней росы, чтобы вернуть ему зрение, то смог бы сам себе помочь. Всего-навсего промыть пустые глазницы холодной утренней росой! Он снова бы видел и мог бы вернуться домой!

Второй черт говорил:

– А какое прекрасное дельце я сегодня обтяпал! Нашел большой пруд неподалеку от города и осушил его! У людей в городе нет теперь ни капли воды! Когда я высушил этот пруд, бросил я в его центр

огромный камень. Если кто-то отвалит этот камень, пруд тут же снова наполнится водой, и в городе будет чем утолить жажду.

А третий признался:

– Так и я, друзья, не ленился! Я пришел во сне к королевской дочери и внушил ей, чтобы она попила воды из ядовитого колодца. И теперь она так тяжело заболела, что никто ей не сможет помочь. Но в саду королевского замка есть глубокая дыра, а в той дыре сидит жаба. Никто о ней не знает, потому что ее никто никогда не видел. Она вечно сидит под тяжелым камнем. А вот если бы кто-то пришел, залез в эту дыру, поймал жабу, запек бы ее и сделал из нее порошок, то это и было бы то самое лекарство, которое нужно больной принцессе.

Когда черт произнес последнее слово, слепой бедняк уже засыпал от усталости. Но он хорошо запомнил слова чертей. Потом сквозь сон услышал он, как над ним поднялся ветер. Он уснул и спал до следующего полудня.

Как только он проснулся, сразу же вспомнил о росе. Но вот беда! Уже настал полдень, росы нигде не было! Ее уже давно высушило солнышко. Бедняга готов был заплакать.

– Ну, я хотя бы умоюсь хорошенько и найду у воды палку, чтобы отправиться дальше в дорогу. Тут, под виселицей, не самое приятное место для человека!

Спускаясь к реке, он наступил на что-то влажное. Бедняк нагнулся, дотронулся пальцем до травы и быстро протер влагой пустые глазницы. И глядь – он вдруг стал снова видеть! Это была правда! Если бы он пришел хоть на минутку позже, было бы поздно. Это была последняя капелька росы, которая пряталась от солнечных лучей в тени старой, сильной, разросшейся вширь вербы.

Бедный крестьянин снова видел. И это, конечно, был один из самых прекрасных дней его бедной жизни.

Он радостно отправился в путь и вскоре пришел в город. Денег у него не было, но он все же вошел в трактир.

«Как-нибудь образуется, – думал он. – Мне бы только поесть!»

Ох, ну и вкусно же ему было! Посмотрели бы вы, как он снова и снова набирал еду из большой миски, которую перед ним поставил трактирщик. Когда же он наелся наконец, спросил у трактирщика, что это, собственно, за город и есть ли тут что-то интересное.

Трактирщик нахмурился, и на лбу его появились новые морщинки. Он сказал, что в городе у них была отличная вода. Всем им завидовали. Вода была вкуснее вина. А теперь исчезла. Вода это поступала в город из большого пруда, а он теперь полностью высох.

– Так я же вам помогу! – пообещал бедняк и направился к выходу.

А поскольку такое обещание показалось трактирщику очень интересным и он был очень любопытным, он совершенно забыл о том, что гость ему не заплатил. Он позвал старосту города.

Тот, услышав, что чужак хочет попробовать помочь городу в таком важном деле, поприветствовал его самым сердечным образом и показал, где находится пруд.

И часа не прошло, как в городе было уже полно воды. Камень был отвален, и пруд наполнился водой по самые края. Даже самому крестьянину пришлось отбежать подальше, чтобы вода, бегущая из-под камня, его не утопила.

Староста и горожане очень щедро одарили бедного путешественника, очень его благодарили и так долго его у себя принимали, что крестьянин от своих гостеприимных хозяев должен был бежать ночью.

И снова пошел он по свету по дороге и бездорожью. Шел он и весело насвистывал, потому что радовался жизни. Во-первых, он уже ничего не боялся, во-вторых, был счастлив, что помог другим и сделал доброе дело. Шел он себе и шел под свой веселый свист.

Через несколько дней подошел он к прекрасному городу. Все дома города были в черных флагах. Город был погружен в глубокий траур. Он никого не встретил на улице, никто его ни о чем не спрашивал. Так тут было тяжело и грустно.

Наконец он повстречал городского сторожа.

– Что у вас в городе случилось? – спросил он его.

– Ах, – вздохнул сторож, – заболела у нас принцесса, и никто не может ей помочь. Ни один врач не может ее исцелить. Теперь вот каждый день ждем с болью, что она умрет.

– Это плохо, но я пришел, чтобы вашей принцессе помочь. Отведите меня к королю!

Сторож послушался, и бедный крестьянин очутился перед королем.

И в королевском дворце все было в трауре. Люди говорили только шепотом, никто ничего не произносил полным голосом. Фонтан в центре самого большого зала был остановлен, светильники большого королевского дворца были темными, занавеси были из черного шелка.

Бедный крестьянин сказал королю:

– Я пришел, чтобы исцелить вашу дочь. Позвольте мне посмотреть на ваш сад.

Король охотно разрешил и немедленно пообещал бедняку богатую награду.

– Если ты исцелишь мою дочь, я отдам ее тебе в жены, – добавил он.

Но в это время крестьянин уже спешил в сад.

Он нашел там дыру, залез в нее, схватил жабу, принес ее в комнату, которая ему была назначена для житья. Он быстро убил жабу и сжег ее. Потом измельчил в порошок, насыпал в банку, развел водой и подал принцессе.

Как только принцесса выпила напиток, на лице ее расцвела прекрасная улыбка. Она радостно вскочила, ликуя, бросилась на шею отцу и, совершенно счастливая, закричала на весь дворец, что она здорова.

Можете себе представить, что в тот день творилось в городе. Люди танцевали на улицах, веселились, ликовали, каждого встречного сердечно обнимали – и вообще, что я могу вам сказать: это был день, которого еще это маленькое королевство никогда не переживало!

А что же король?

Он обнимал дочь, радовался вместе с ней целый день и неустанно благодарил крестьянина, который находился в королевском зале и был обласкан добрыми словами короля, принцессы и всего двора.

Король хотел, чтобы крестьянин остался у него в замке на всю жизнь и взял принцессу в жены.

Но крестьянин не хотел этого. У него же дома осталась жена. Там, в бедной избушке, они жили, там он хотел и умереть. Поблагодарил он короля, который его богато наградил, за гостеприимство и отправился домой. Теперь по дороге шел не бедный оборванный бедняк, домой возвращался герой и богатый пан. Шесть возов с золотом ехало по дороге, а на седьмом, самом красивом, сидел

крестьянин. И королевская дружина его сопровождала до самой его маленькой избушки над Бечвой.

Как же удивлялась вся деревня, когда крестьянин вернулся с таким богатством!

И кто же первым пришел к нему в гости? Это был богатый крестьянин. Тот, который обжег его ногу горящим поленом, толкнул его в реку и в конце концов выколол ему глаза. Он начал с любопытством расспрашивать:

– Как тебе удалось раздобыть столько денег, кто тебя одарил? Как это так, что ты вернулся с возами добра, когда я еле-еле, без ничего дотащился до дому?

Бывший бедняк усмехнулся:

– Ты удивишься, но скажу тебе, что именно там, под той виселицей, там, где ты мне выколол глаза, именно там я узнал, как найти счастье!

Богатый крестьянин, как вы уже знаете, был страшно жадный. И он быстро подумал: «Как бы и мне получить такое богатство!»

– Отведи меня туда, прошу тебя, и выколи мне глаза! – попросил он соседа вслух.

Тот исполнил его просьбу и отвел жадного богача к виселице. Выколол ему глаза и ушел.

Ночью вместе с ветром прилетели к виселице три черта. И один сказал:

– Видите ли, друзья, здесь под нами сидит тот, который когда-то своему соседу выколол глаза. Он пришел сюда, чтобы узнать, как добыть счастье. Хорошо, птичка, мы только тебя и ждали! Ты скупердай, завистник и лжец – ты наш!

Поднялся огромный, великанский вихрь, вокруг виселицы все завывало, загудело, черти подскочили к слепому скупцу, подхватили его за фалды и прочь с ним – в самое горячее, огненное пекло...

Только ветер выл над виселицей...

О водяном

Однажды стали происходить в Ярцове странные вещи.

Ярцова – это маленькая деревушка под горой, от нее до Бечвы рукой подать. Да что говорить, некоторые избы стоят прямо над рекой.

Через Бечву построен мост, и по нему жители деревушки ходят в город на рынок.

Шел однажды по мосту седовласый старичок. Было раннее утро, стояла тишина. Ни дуновения ветерка. Бечва тихо шумела под мостом и спешила к Мезиржичи. И тут, когда старичок был на середине моста, вдруг поднялся огромный ветер, сорвал шляпу старичка и унес ее в кусты. Старичок погнался за шляпой. Подошел к кустам, искал, искал, но напрасно – шляпа исчезла!

Потом приключилось другое. У людей, которые владели полем у Бечвы, ночью кто-то разбросал все копны. Люди собрали снопы, сделали новые копны – а утром они снова исчезли! Потом сторожили поле целую ночь, но никого не нашли.

– Ну, может, все теперь будет в порядке и никто больше не будет разбрасывать наши копны! – утешали люди друг друга. И утром спокойно пошли домой.

Да только вот тебе на! На следующую ночь они поле не сторожили, и утром ни одной копны не было!

Потом случилась история со сливами. Сливы дозревали. Люди уже опасались, как бы ничего не случилось, но как ни стерегли сливы – те исчезли. И однажды они все лежали на земле.

В ту осень таких несчастий случилось еще больше. Люди уже не верили, что подобные штуки мог устраивать какой-то человек. Начали поговаривать, что деревня заколдована и что все эти неприятности устраивает какая-то злая сила...

Однажды вечером сидели на берегу Бечвы молодые ребята и купали коней. Когда всех их выкупали, остались у Бечвы, развели огонь, и пока кони паслись, парни всячески развлекались. Загадывали загадки, соревновались, прыгали с моста в воду, пели, скакали через огонь и вообще прекрасно забавлялись. Наконец стали они печь на костре яблоки и картошку.

До полуночи оставалось совсем немного. Парни сидели вокруг костра и ждали, когда картошка испечется.

И пока они так сидели и смотрели на огонь, появился вдруг рядом с ними маленький уродливый мужичок. У него были длинные рыжие волосы, которые доставали ему до колен, одет он был в короткий зеленый кафтан. С левой полы кафтана неустанно капала вода.

Парни позвали мужичка к костру и предложили ему:

– Сними свой мокрый кафтан, высуши его на огне!

Но человек ничего не ответил.

– Не бойся нас, подойди, мы тебе картошки дадим!

Но человек снова ничего не ответил. Он молча стоял поодаль, руки держал за спиной и внимательно слушал, о чем говорят парни.

Костер хорошо разгорелся, и ребята стали вытаскивать картофелины и яблоки. Какой это был аромат!

Ну, тут уж мужичок в зеленом кафтанчике не выдержал и попросил гнусавым голосом, чтобы ему тоже дали яблочко.

– Вот тебе яблочко, ешь! – сказал старший из парней и вежливо подал ему румяное запеченное яблочко.

Человек готов был сразу откусить от яблочка, но оно было таким горячим, что он едва смог удержать его в руке. Руку с яблоком он держал за спиной и внимательно смотрел, как парни делят между собой яблоки и картофелины. Он и не заметил, что один из парней, как-то подозрительно усмехаясь, крутится возле него.

И вот – случилось!

Парень приблизился к зеленому мужичку и неожиданно изо всей силы стиснул его руку, в которой тот держал горячее яблоко.

Это должна была быть невероятная боль.

Мужичок страшно крикнул парню:

– Ну, погоди, я тебе однажды отплачу!

После этого парни слышали только всплеск воды.

Только теперь они поняли, что за гость был у них сегодня. Они сидели как громом пораженные и боялись пошевелиться. Что, если водяной их где-то поджидает?

Прошло много времени, пока они решились встать и уйти. Они собрали коней и шли вместе, одной группой, чтобы ни с кем ничего не случилось.

Прошло время. Пришла зима, потом пришла весна, и вот уже снова настало лето красное. О водяном уже никто и не вспоминал.

Однажды парни отправились купать коней и уже предвкушали, как хорошо они поплавают и как будут играть на лугу.

Шел с ними и Ян Поборжилу, который год назад так рассердил водяного. Сейчас он о том и думать забыл.

В том месте река была неглубокой, а Ян был хороший пловец. Так что бояться ему было нечего. Он отважно прыгнул с моста в воду и

поплыл на другой берег. А там было глубже. Он плыл, а другие парни на него смотрели. И вдруг он исчез под водой.

Только теперь объял парней великий ужас, вспомнили они о прошлогоднем случае...

Но было поздно.

Ян снова вынырнул, замахал руками, потом опять скрылся под водой. Еще раз показалась его голова над водой, потом уж ничего...

Но на воде еще появлялись белые пузырьки. Ян боролся с водяным. Потом пузырьков становилось все меньше и меньше, пока они совсем не исчезли. Вместо белых начали появляться на поверхности воды пузырьки красные.

Все было плохо.

Потом все исчезло, вода успокоилась.

Люди бежали с баграми и палками, искали Яна, искали, но не нашли. Все их усилия были напрасны.

Только через неделю нашли Яна люди под Бражисками. Его мертвое тело зацепилось за сухие корни и там и осталось.

На шее у него были отпечатки всех десяти пальцев, следы того, как водяной удушил его под водой...

О сыне короля и сорока разбойниках

Было – не было...

В далекой стране жил старый король, и был у него уже взрослый сын. Король потихоньку старел. Он знал, что однажды должен будет отречься от своей короны в пользу сына. И поскольку никто не знает, что с нами будет через день и даже через минуту, король позвал сына к себе и сказал:

– Милый сын! Я знаю, что старею и дни моего царствования сочтены. Ты уже сильный, большой, ты достаточно разумный и рассудительный, так что сможешь сам управлять королевством. Отдаю его тебе. И королевство, и все свое имущество.

Сын короля был удивлен. Ему уже исполнился двадцать один год. Он был действительно сильным и большим и уже мог справиться со многими делами. Но все-таки ему казалось, что пока у него нет достаточного опыта, так необходимого для каждого государя, чтобы хорошо поступать со своими подданными, быть разумным и справедливым. И его молодость побуждала его посмотреть мир. Поэтому он подошел ближе, взял отца за руку и сказал:

– Нет, дорогой отец. Я еще молод, и мне необходимо повидать мир. Я не прошу у вас ни одной королевской кроны. Я хочу только получить опыт, который необходим каждому королю. Позвольте мне на некоторое время отправиться в путешествие по свету.

Король задумался, потом поднял руку и положил ее сыну на плечо:

– Ты прав, сын. Иди! Я стар, но надеюсь, ты найдешь меня еще живым, когда вернешься из своих путешествий.

И сын тут же отправился в путь.

Он прошел по разным краям, проблуждал по многим лесам, перешел много рек, видел много городов и деревень, когда однажды, усталый, остановился он со своей верной борзой перед домом егеря.

– Что, если и мне попробовать стать егерем? – сказал он себе и постучал в дверь.

Когда ему открыли, он представился странником и попросил егеря взять его помощником.

Егерь оглядел незнакомого юношу, который просился к нему в помощники, а потом сказал:

– Ты мне нравишься. Оставайся!

Лес, который был на попечении егеря, простирался широко-далеко. Чтобы просто обойти его, требовалось несколько недель. Если кому-то выпадало несчастье в нем заблудиться, тот уже никогда не выходил из него. И понятно, что опытный егерь не отпустил неопытного юношу в лес в одиночестве, а дал ему проводника, товарища по работе, который хорошо знал весь лес, потому что служил у егеря уже долгие годы.

На следующий день они вдвоем отправились на обход леса. Каждый взял ружье и припасы, сколько смогли унести. И они пошли.

Когда шли они уже три недели и оказались посередине леса, сыну короля захотелось свободы. Он мечтал о приключениях и знал, что его борзая будет верным помощником, который сможет защитить своего хозяина и днем и ночью. Они быстро приблизились к густой чаще, где они едва могли видеть друг друга.

– Настало самое удобное время! – сказал себе королевский сын. Он отстал на несколько шагов и внезапно изменил направление. Некоторое время он шел назад, а потом повернул направо.

Так он блуждал до вечера. Повсюду вокруг него высился темный-темный лес. Не слышно было птиц, ни один солнечный лучик не проникал сквозь густые кроны высоченных деревьев. Тихо, тихо. Только сухие хвойные иголки потрескивали под ногами, и было слышно собственное дыхание. Борзая верно следовала за своим хозяином.

Шли они и шли, и молодой человек вспомнил, что вот-вот настанет вечер и нужно будет что-то поесть, прежде чем опустится черная ночь. Он уселся под деревом, посмотрел в сумке – и не нашел ничего. Он днем уже все съел. Что делать? Ему очень хотелось есть.

Верная борзая угадала мысли хозяина и решила, что сможет ему помочь.

– Я пойду поймаю серну. Подождите меня тут, разведите большой костер, а когда я вернусь, мы хорошенько запечем добычу. И будет нам хорошо!

И борзая убежала на охоту.

Молодой человек старательно собирал хворост, а когда собрал высокую кучу, поджег ее.

Тут прибежала борзая. В зубах она принесла серну и сказала:

– Ну и работа это была, господин! Но ничего. Сейчас мы запечем эту животину! Да!

Молодой человек разделал серну, потом насадил куски на прутья и начал запекать мясо. Ну и запах пошел, что мне вам говорить!

Серна была большая, и после ужина у них осталось еще много мяса. Они заботливо его завернули и спрятали в сумку, чтобы и на завтра было у них что поесть. Они уже предвкушали, как утром поедят запеченного мяса. Но еще больше мечтали они о том, чтобы выбраться из лесу!

На следующий день ходили они туда-сюда, блуждали, блуждали, искали тропинку между старыми стволами, юноша поминутно залезал на дерево, чтобы разглядеть дорогу, но напрасно, все было напрасно! Вокруг был только лес и лес.

Так застигла заблудившихся вторая ночь.

– Что, если мы заколдованы в этом лесу? – сказал принц.

– Терпение, мой господин, – проговорила борзая и выбежала на поляну, которая вдруг перед ними открылась.

И глядь!

На другой стороне поляны загорелся огонек.

Они подошли поближе и убедились, что перед ними достаточно большая изба, из трех ее окон изливался во тьму желтый свет.

– Наконец-то мы снова будем между людьми! – заметил юноша, а борзая радостно залаяла.

Когда они постучали, дверь им открыла старая и уродливая женщина. Два огромных зуба торчали из ее рта, доставая до подбородка. На носу у нее была огромная черная бородавка, и растрепанные волосы торчали над ее морщинистым лбом, скручиваясь, как клубок змей.

Она зашипела:

– Что ты тут ищешь, парень? Нехорошо тебе здесь будет, ой нехорошо! Уходи отсюда, пока можешь! Тут смерть ходит!

– Почему смерть, бабка? Я помощник егеря, а это леса моего хозяина! Я обхожу лес и заблудился. Дай нам поесть-попить и не шипи!

– Ой-ой-ой, ой-ой-ой, жаль будет парня, очень жаль! Но если хочешь, заходи!

Молодой человек уселся за длинный стол, и бабка принесла ужин. А это было уже десять часов вечера, и снаружи вдруг отозвался крик, топот, шум, и вот уже в избу вошли сорок разбойников...

Юноша так испугался, что у него ложка из рук выпала. Он трясся от страха и дрожал всем телом, и тут его заметил первый разбойник, дико засмеялся и сказал:

– Испугался, поганец, а? Но теперь у нас на тебя нет времени! Ешь!

Но у королевского сына весь аппетит пропал. Он был объят страхом и ужасом. Он знал, что тут ему не поможет и верная борзая, которая до сих пор старательно сторожила каждый шаг своего господина.

Ему было действительно очень плохо.

Разбойники поели и собрались уходить – было самое время для грабежа. Последний из них повернулся к юноше со словами:

– Завтра вернемся. А пока и думать не смей бежать!

Тяжко было принцу засыпать в ту ночь.

Проснувшись рано утром, он с удивлением огляделся. Бабка тоже уже поднялась и возилась за печью. На стенах комнаты висели мешки, на каждом мешке были разные надписи.

Хорошо, что у молодого человека были такие хорошие глаза!

На одном мешке было написано:

«УДАРЬ ДУБИНОЙ – ВЫСКОЧИТ ВОЙСКО».

– Вот бы заполучить этот мешок, – мечтательно подумал юноша и заглянул в угол, где сидела уродливая бабка.

– Вот не было бы тут этой бабки! – сказал он себе.

Но бабка сидела неподвижно.

Напрасно принц надеялся и выжидал удобный момент.

Тут проснулась и борзая и тут же поняла, о чем думает ее господин.

С громким лаем борзая бросилась к дверям.

И это было счастье для принца.

Бабка подумала, что кто-то приближается к избе, вскочила и побежала к выходу, чтобы посмотреть, какой чужак к ним опять прибил.

Юноша немедленно воспользовался этим моментом, схватил волшебный мешок и прыг из окна. За ним и верная борзая.

И побежали они со всех ног.

Наконец они снова очутились в густом лесу. Принц положил мешок наземь, нашел палку и несколько раз ударил ею по мешку.

Тут выскочило из него семь воинов, высоких, как березы.

– Что господин прикажет? – спросили они разом.

– Я заблудился в лесу. Выведите меня на дорогу!

И его желание исполнилось.

Вечером подошли они к широкой реке, у которой расположились сорок разбойников. Но принц уже не боялся. Он взял палку, ударил десять раз по мешку, и тут же перед ним оказался целый воинский взвод, который быстро прогнал разбойников. Потом все снова попрыгали в мешок, и принц пошел дальше.

И снова пришла ночь, принц снова искал ночлег. Он долго и безрезультатно размышлял, где бы укрыться на ночь, и, к счастью, вспомнил о волшебном мешке. Что ж! Может быть, и на этот раз ему помогут воины!

Ударил он палкой по мешку, потом ударил еще раз, потом третий и четвертый.

И действительно. Воины из мешка быстро поставили прекрасную палатку, и принц в ней улегся спать. Борзая улеглась сбоку от своего господина и тоже спокойно уснула.

Утром воины принесли роскошный завтрак и потом снова спрятались в мешок.

Вскоре принц нашел дорогу, по которой он шел в первый день своего путешествия по свету, покинув дворец своего отца. Теперь он знал, что к вечеру будет дома. Как же он радовался и как ему не терпелось вернуться! И больше всего его занимало, жив ли еще его старый добрый отец и что нового в их городе и в целом королевстве.

На окраине города он остановился и вошел с борзой в первый попавшийся трактир. Наевшись и напившись вдоволь, он спросил трактирщика, что тут у них нового.

Трактирщика его любопытные расспросы ничуть не удивили. Ведь каждый любит узнать что-то новенькое! И сколько путников тут проходит каждый день! Трактирщик принял королевского сына,

который был все еще одет в костюм охотника, за одного из них. Он любил поболтать и принялся рассказывать:

– Ох, плохи дела в нашем королевстве, на самом деле плохи. У нас старый и добрый король, мы все его любим. Но ничем не можем ему помочь. Негодники соседи нашего королевства уже несколько раз нападали на нас, а у нашего короля войска не хватало. Чтобы защититься от нападения, он должен был одолжить целые полки у других королей и очень задолжал им. И теперь, когда все облепили его, будто шершни, он должен вернуть войска. Король пытался и возвращал, что мог. Но не вернул и половину. Двум королям он должен еще вернуть шесть полков. А ему, бедняге, возвращать нечего! Так что мы, бедные, и не знаем, что с нами теперь будет, если наш самый милосердный король в таких тисках. Ах, плохи дела в нашем королевстве, на самом деле плохи!

Принц слушал с интересом.

Трактирщик тем временем продолжал свой рассказ:

– У короля был единственный сын, он давно отправился по свету и до сих пор не вернулся. Король очень несчастен, потому что думает, что его любимого сына уже нет в живых. Но и это еще не все. Вот уже несколько дней, как соседние короли, которым наш несчастный господин должен войско, снова вторглись в город, нашего короля взяли в плен и так его унизили, что он им должен прислуживать, как обычный слуга. Он полы метет, кур кормит, обувь чистит...

Тут уж принцем овладел гнев и он едва удержался, чтобы не выдать себя перед трактирщиком.

Овладев собой, он стал слушать, что дальше рассказывал трактирщик:

– У короля было десять прекрасных коров, и они всегда паслись на отдельных лугах, не с остальной скотиной. Коровушки, каких свет не видел: Строяна и Чернуля, Вевера и Пекуля, Быструля и Ланька, Кветуля и Бабуша, Годуля и Дворуша. Говорят, их молоко было самым вкусным на всем белом свете. И их короли забрали! Нищий, нищий наш старый король!

Этого принц уже не выдержал, из глаз его полились слезы.

Трактирщик это заметил:

– Это и правда очень грустно, но почему плачете вы, господин? Вы тут чужой, и все это не может задевать вас так, как нас и нашего

короля!

– Нет, нет, это ничего, это мне мушка в глаз попала. Продолжайте, пожалуйста!

И трактирщик продолжил свой рассказ:

– А народ все беднеет и беднеет. Дома продают, поля должны отдавать чужим королям, лугов у людей уже нет, и в реках рыбу запрещено ловить. Плохо нашему народу, горе у порога каждого дома. И никто, никто не может нам помочь...

Ну, тут уж принц не стал ждать других новостей. Он вскочил, выбежал из трактира, схватил палку и бум, бум, бум по мешку!

Перед принцем тут же предстали три воина.

– Что господин прикажет? – спросили они хором.

– Бейте палками по мешку, пока у вас руки не онемеют.

Воины послушались, принялись бить по мешку, и все новые и новые солдаты строились рядами перед принцем. Уже много рядом построилось, вся улица заполнилась солдатами, но принц все приказывал:

– Бейте, бейте по мешку дальше!

И воины били по мешку до полного изнеможения.

– Бейте! Все еще бейте! – приказывал принц. – Пока самый последний не выскочит!

Воины все били и били, и наконец из мешка выскочил самый последний солдат. Он сказал:

– Сто лет был я заколдован и сидел в мешке. Сто лет обо мне никто не вспомнил. Пока ты обо мне не вспомнил, добрый господин! Поэтому я буду за тебя сражаться!

Принц встал перед первым взводом и сказал:

– Идите и приведите на центральную площадь всех королей, которые есть в городе!

И взвод выполнил приказ.

И позади всех королей шел белый, седой старец. У него было прекрасное благородное лицо. То был несчастный король этой земли...

Принц встал перед другим взводом и приказал:

– Принесите мне все королевские короны, которые найдете в городе!

И взвод выполнил приказ.

И скоро в руках принца засияла прекраснейшая корона: это была корона его отца.

Принц надел ее на голову короля, повернулся к народу и сказал:

– Радуйтесь и ликуйте! Королевство спасено, и ваше имущество, которое забрали у вас чужие короли, возвращено вам. Ваш новый король будет править вами честно и справедливо.

И в этот миг старый король снял корону и водрузил ее на голову сыну, и тот с этой минуты стал королем.

– Да здравствует наш новый король! – кричали люди. – Да здравствует наш новый король, да здравствует, да здравствует!

– Да здравствует наш новый король! – гремело по всему городу.

Чужие короли, которые так притесняли народ, были изгнаны, и радостная жизнь вернулась во все края королевства.

И молодой король правил действительно хорошо и справедливо до самой смерти.

О жадном крестьянине

Жил когда-то у Всебина зажиточный крестьянин. Он владел большим имуществом, но было у него много врагов: уж очень жаден он был.

Когда он состарился, стал размышлять, как бы ему лучше спрятать деньги, которые он собрал за свою жизнь. Долго не мог он ничего придумать. Но наконец решил уложить деньги в большую бочку и закопать ее. Тогда никто его деньги не найдет и ничего не получит, даже его жена.

Пришла к нему болезнь, и крестьянин слег. Когда он оказался на пороге смерти, вспомнил, что должен спрятать деньги, чтобы их никто не нашел. Собрал он последние остатки своих сил, еле поднялся с кровати, собрал все деньги, которые у него были, высыпал их в бочку и пошел за сарай, чтобы закопать бочку там.

Закапывая бочку, он говорил:

– Сторожи, дух незнакомый, клад мой хорошенько! Сторожи и никого сюда не пускай! А если захочешь, отдай его только тому, кто его выкорчует с помощью двух петухов, которые вылупятся из одного яйца!

Потом он оплянулся вокруг, повернулся и ушел с уверенностью, что никто на свете его не слышал.

Но он ошибался. На чердаке сарая, зарывшись в сено, сидел работник, который и услышал все слова крестьянина. И он уже радовался, что получит все денежки.

Крестьянин вернулся в избу совсем без сил и той же ночью умер.

Пришли знакомые и близкие и проявляли крестьянке сочувствие. При этом все думали:

«Ну что же, у тебя все будет хорошо, мы все знаем, что муж твой был самым богатым в деревне! То-то ей будет счастье, и кто знает, не забудет ли она мужа и не выйдет ли за другого!»

Короче говоря, люди завидовали. Но нечему было завидовать. Вдова ходила все время скромно одетая и в конце концов начала даже занимать деньги. Люди с удовольствием давали ей в долг, думая, что крестьянка им все вернет, да еще и с процентами.

Прошло время. Крестьянка долги не возвращала. Людям это стало казаться странным. Но больше всех была обеспокоена вдова. Она все думала и думала, куда же ее муж спрятал деньги. Она уже начала бояться брать в долг деньги.

– Странно! – говорили люди между собой и крутили головами, не понимая, что могло случиться с деньгами.

Они знали, что крестьянин был скопидом, ни гроша зря не тратил, не пил, не курил, на всем экономил, а теперь денег нет, и все тут!

Когда люди так говорили о крестьянке-вдове, работник только улыбался.

Однажды пришел он к вдове и сказал:

– Послушайте, хозяйка! Достаньте яйца с двумя желтками и положите их под квочку, чтобы она их высиживала.

Крестьянка покивала головой, услышав удивительное желание работника, но поскольку она знала уже давно, что работник Юра человек умный, она сделала, как он просил.

Она действительно нашла яйца с двумя желтками, положила их под квочку, и через некоторое время по двору бегали два петушка. Юра их сторожил и заботился, чтобы с ними ничего не случилось. И потом он взялся за работу. Принес из леса удобное полено и сделал маленький, совсем маленький плуг. Потом сделал два ярма, вывел петушков за сарай, запряг их и начал пахать.

Он пахал уже несколько часов, но все еще ничего не было.

– Пошли, петушки, пошли! – кричал он запряженным петушкам и собирався продолжать вспахивать почву так долго, пока не найдется клад.

Настал вечер.

Хозяйка его увидела и засмеялась:

– Да брось ты эту пахоту, сумасшедший, иди-ка лучше ужинать! Умеешь ты найти себе забаву! Ничего не скажешь!

Работник не послушался. Он пахал и пахал. И наконец наткнулся на что-то твердое. Он вспахал борозду снова, и плуг его неожиданно вывернулся.

Он остановил петушков, выпустил их и побежал к месту, где лежал плуг.

Там был бочонок, полный золотых!

Юра быстро побежал домой, принес большой мешок, высыпал в него золотые монеты и спрятал все на чердаке. Хозяйке он не сказал ничего.

– Всему свое время! – сказал он себе.

Но еще вечером вдова жаловалась, что не знает, как им теперь жить, у них дома ни крейцера не осталось, никто им больше в долг не даст. Горевала она, горевала и все спрашивала: где же хозяин спрятал деньги? Ведь он имел их полные карманы и полные кошельки, а теперь – ничего!

Юра улыбался, а потом сказал:

– Ничего больше не бойтесь. Все у вас будет хорошо.

Вдова не поняла, о чем он говорит.

На следующий день работник обежал всю деревню, раздавая долги. Потом он взялся за работу, и крестьянка с удовольствием смотрела, как он хорошо работает. Хозяйство снова стало расцветать.

– Негоже быть человеку одному, – сказала однажды крестьянка и вышла замуж за Юру.

И в славный день их свадьбы Юра рассказал, что нашел клад.

И она очень обрадовалась, и полюбила Юру еще больше.

И жили они вместе очень счастливо до самой смерти.

О хитром Мартине

Жила-была однажды бедная вдова, и был у нее сын Мартин. Они были такие бедные, что даже захудалого домишки не имели, им приходилось снимать жилье. Работали они целыми днями, только чтобы заработать себе на скудное пропитание и не умереть с голоду. Тяжкая у них была жизнь.

А потом стало еще хуже. Вдова заболела и через месяц умерла.

Бедный Мартин остался один на белом свете. Не было у него ни одного друга, ни одного родственника. Был он один-одинешенек, и было ему тоскливо от того, что не с кем даже словом перемолвиться.

Какое-то время люди, у которых он жил, давали ему кое-какую еду, а потом рассудили, что подобная добродетельность им не выгодна. Правда, Мартин работал как мог, но в конце концов он понял, что стал им в тягость. И тогда он решил пойти по свету. «Где-нибудь найду себе хорошую службу, – сказал он, – и заработаю, и подкоплю денег, тогда вернусь домой и построю маленький домик. Буду козочек разводить, молоко продавать, и будет мне хорошо».

И ушел он из деревни.

Шел он себе, шел и пришел к лесу. На краю его увидел он маленькую пещеру, а в ней седовласого старичка. На вид ему было самое малое сто лет. Он был намного меньше ростом, чем Мартин, руки у него были длинные и костлявые, лоб весь покрыт морщинами, а голова его клонилась к груди. Такой это был маленький, тощий и убогий старичок. Но глаза его были живые, он быстро оглядел путника. И обратился к Мартину:

– Куда путь держишь?

– Работу искать, – ответил Мартин.

– А почему ты идешь работу искать? – расспрашивал старичок дальше.

– Мамочка моя умерла, один я на всем белом свете. Должен заработать себе на пропитание.

– Хорошо, сынок. А не хотел бы ты остаться у меня?

Удивился Мартин, но когда увидел, что старичок ему улыбается, сказал:

– Мне все едино где. Если хотите, то останусь у вас!

И остался.

Каждое утро гнал он овец на пастбище, вечером пригонял их домой, поил, загонял в овечий загон и насыпал немного сена в ясли.

Мартин радовался, какая у него прекрасная и приятная работа. Так он мог бы до самой смерти работать! И старичок был совершенно доволен Мартином, часто его хвалил за то, что тот так хорошо ухаживает за овцами, так заботится о них и защищает.

Однажды он пас овец, как обычно. Было очень жарко, и Мартину захотелось спать. Он должен был сторожить овец, это правда, но усталость сомкнула его веки, они отяжелели, и Мартин все-таки уснул.

Он спал, и приснился ему сон. Ему снилось, что рядом оказалась его мамочка и велела ему никогда больше не спать, когда он пасет овец, а также посоветовала хорошо заботиться о них и служить старичку – верно и преданно. Этот сон Мартин очень хорошо запомнил.

Больше он никогда не спал, выпасая овец, хорошо о них заботился и верно и преданно служил старичку.

И все-таки через какое-то время он затосковал. Он уже жил у старичка три года, и ему очень хотелось посмотреть мир. Он вспомнил о своем давнем желании. У старичка ему было очень хорошо, но старичок был бедный, так что Мартин после трех лет работы на него смог накопить только пару галержей. Разве это хватит на покупку домика!

Старичок почувствовал, что с Мартином что-то происходит. Позвал он его однажды и обратился к нему так:

– Вижу я, Мартин, что тебе у меня грустно. Ты молод и хочешь повидать мир. Я не буду тебя удерживать. Иди туда, куда зовет тебя сердце. Только не забудь обо мне!

Они сердечно попрощались, старичок сердечно поблагодарил Мартина за верную службу и дал ему в дорогу четыре вещи: свистульку, золотой прутик, черную шапку и серый мешок.

– Когда тебе что-то потребуется, достаточно посвистеть в свистульку. Если заблудишься и не будешь знать, куда тебе идти, махни золотым прутиком, и поднимется ветер, который выведет тебя на правильную дорогу. А если кто-то будет гнаться за тобой, надень на голову черную шапку. Ты станешь невидимым. А с мешком ты сам увидишь, что делать. Иди и будь здоров!

Мартин не забыл от всего сердца поблагодарить доброго старичка за все его дары и весело отправился в путь.

На следующий же день он углубился в густые заросли леса и не знал, как из них выбраться. Достал он из сумки золотой прутик и взмахнул им.

Поднялся большой ветер, и Мартин пошел по ветру, пока не выбрался из лесу.

Шел он так день и ночь, ночь и день и был уже почти без сил. Почувствовал и голод. Тут вспомнил он о свистульке. Не успел он свистнуть, даже желание еще не вымолвил, а уж перед ним стоял богатый стол, полный вкусной еды. Мартин сел за стол, наелся как положено. Запил угощение игристым вином, встал, взмахнул прутиком и пошел по ветру, пока не пришел на третий день к стенам могучей крепости.

И был там замок, который ему и во сне не снился. Он стоял на высокой горе за девятью крепостными стенами. Перед каждой стеной стояла стража и никого не пропускала. Как только кто-то приближался, его предупреждали, что он должен удалиться во избежание несчастья. Ни одно живое существо не смело приблизиться к замку на сто шагов.

И вот ведь: такой прекрасный замок, а сколько в нем было горя! Тут жила принцесса, которая каждую ночь пропадала из замка, и король напрасно ломал голову, где пропадает его дочь. Когда он ее об этом спрашивал, принцесса всегда убегала. Король никак не мог узнать ответ на свой вопрос. Поэтому он велел провозгласить по всей стране, что щедро наградит того, кто откроет эту тайну. Король пообещал также, что тому, кто разгадает загадку принцессы, он отдаст ее в жены, а с ней и все королевство.

Узнал об этом и Мартин, когда остановился в трактире под крепостью. И тут же решил, что попробует найти ответ на вопрос короля.

Он попросил, чтобы его отвели к королю, и сказал тому о своем замысле. Король очень обрадовался, когда узнал, что опять нашелся еще один смельчак, который хочет попробовать открыть тайну. Сколько принцев и королей, сколько дворян и рыцарей напрасно пыталось сделать это! И вот еще один герой! Снова объявился тот, кто ничего не боится!

А теперь я скажу вам, что Мартин был ко всему прочему еще и хитрый.

Принцесса улеглась, а Мартин надел на голову черную шапку, которая сразу сделала его невидимым. Он встал в углу покоя принцессы и глаз не сводил с нее.

«Во что бы то ни стало спасу принцессу!» – говорил он себе, и бодрствовал, и внимательно смотрел по сторонам.

В полночь королевская дочь поднялась с постели, подошла к умывальнику и протерла кожу специальной розовой водой.

То же самое сделал и Мартин.

И как только он брызнул на себя последнюю капельку розовой воды, сразу очутился вместе с принцессой под землей. И они оба пропали.

Под землей уже ждала прекрасная карета. У Мартина не было времени, чтобы посмотреть на коня и на кучера. Ему главное было не упустить принцессу! Он вскочил в коляску, сел рядом с принцессой, которая и не догадывалась, что рядом с ней кто-то сидит.

И они помчались. Зафырчал первый конь, зафырчал другой. Мартин не успевал отмечать, куда они едут. Да он об этом и не думал. Ведь у него был пруттик, который до сих пор всегда ему помогал найти нужную дорогу!

Вскоре они очутились в медном лесу, а прежде чем Мартин опомнился, были уже в серебряном. То-то все блестело, то-то все светилось! Аж глазам больно было! Мартин затаил дыхание. Но что из того! Они все ехали и ехали и вдруг очутились в золотом лесу. Тут уж Мартин не выдержал и закрыл глаза ладонями. Такой сильный свет шел от золотых деревьев, что ослепнуть было можно!

Когда они так летели, Мартин даже не успевал смотреть на принцессу. В каждом лесу он отломил веточку на память. Так что у него была одна медная, одна серебряная и одна золотая веточка.

«Они мне понадобятся!» – подумал Мартин и хорошенько спрятал их под кафтан.

Они все ехали и ехали дальше.

Золотой лес все никак не кончался.

И тут принцесса остановила коней. Послышался шум, а потом и голоса: со всех сторон прибежали черти, принесли большой праздничный стол и стали с принцессой танцевать, заигрывать, петь и веселиться. Так они праздновали несколько часов.

Потом принцесса сняла перстень и пошла умыться в золотом ручье.

Мартин был хитер!

Он быстро подскочил и схватил перстень. Дело шло к утру, и принцесса снова уселась в карету, Мартин вскочил за ней, и они поехали домой. Они ехали по золотому лесу, промчались через серебряный, пронеслись сквозь медный и наконец остановились перед замком. Солнышко выходило над горами. И когда первый луч упал на бледное лицо принцессы, земля открылась и пропустила Мартина и принцессу. И они снова были в ее покоях.

Усталая принцесса быстро уснула. Мартин был все еще невидимым, хотя, конечно, в любой момент мог стать видимым. Он выскользнул из спальни принцессы и помчался к королю. И все ему подобно доложил, где был, что видел и пережил. Королю не хотелось верить в услышанное, но Мартин его убедил, когда вынул из мешка три веточки: медную, серебряную и золотую.

Король понял, что Мартин ему не солгал. После этого он показал Мартина принцессе, и когда увидел, что он ей понравился, тут же приказал сыграть свадьбу.

И в ту самую минуту, когда хитрый Мартин взял принцессу в жены, несчастье было изгнано. Принцесса стала королевой, а Мартин принял от короля его королевский жезл. Молодая королева была свободна от силы злых духов и никогда уже не покидала свои покои.

Ну, вы же понимаете, что Мартин был этому очень рад! Он совсем забыл о домике, о котором когда-то так мечтал.

Зачем ему?

Ведь он стал королем!

Сказки русинов

Сведения о русинах

Кто такие русины? Долгое время их считали восточнославянской этнической группой, но не так давно русины признаны отдельно взятым народом. До 1995 года не было и кодификации языка русинов, который имеет некоторое сходство с русским и чешским языками. Родина русинов – Подкарпатская Русь (сегодня входящая в состав Украины – по результатам послевоенных договоров 1945 года). В украинской Подкарпатской Руси русинов насчитывается немногим более 10 тысяч, тогда как в Словакии их около 35 тысяч, в Сербии – более 15 тысяч, в Венгрии – 10 тысяч. Кроме того, в начале XX века многие русины отправлялись на заработки в США, и сейчас там имеется большая русинская диаспора.

В разные исторические периоды Подкарпатская Русь входила в состав Австро-Венгрии, потом Чехословакии, и, как уже упоминалось, после 1945 года эта территория вошла в состав СССР. В качестве литературного языка русины вплоть до XIX века использовали церковнославянский язык. Основателем русинского литературного языка стал Александр Васильевич Духнович (24.04.1803, Королевство Венгрия – 30.03.1865, Австро-Венгрия), издавший букварь и грамматику русинского языка, за что подвергся преследованиям в Венгрии. По семейному преданию, которое Духнович узнал от деда, род их был российского происхождения, предок их жил в Москве и носил фамилию Черкасский, бежал после подавления Стрелецкого бунта через Польшу в Венгрию, где и поселился. А. В. Духнович был греко-католическим священником, поэтом и писателем, автором гимна русинов «Я русин, был, емь и буду...». В настоящее время памятники Духновичу установлены в ряде городов Подкарпатской Руси, в Гласспорте (США) учреждена литературная премия его имени за достижения в развитии русинской литературы, которой награждает Карпато-Русинский научный центр.

Учитывая то, что русинский язык имеет черты, свойственные как восточнославянским, так и западнославянским языкам, а также то, что большая часть русинов проживает на западнославянских территориях, было решено поместить в этот сборник несколько веселых и своеобразных сказок этого народа, которые приводятся в пересказе Г. Лифшиц-Артемьевой.

Зайчик с узелочком

Жила-была однажды крестьянка. Хорошая хозяйюшка, только скуповата.

Повела она корову на ярмарку:

– Пойдем, коровушка, пойдем, скоро уж будем.

Пришли они на ярмарку, крестьянка хвалила свою корову, долго торговалась и очень выгодно продала. Она была очень довольна. Вырученные за корову денежки она увязала в платок и отправилась домой.

Идет она, идет, вдруг видит: зайчик в кустах. Развалился, как пан, храпит, ничего не замечает. Вот она его и схватила. Чем плохо? И деньги с ярмарки принесет, и зайца к обеду. Понесла она зайца, а он как начал пинаться и рваться – не удержать! Что делать? Решила она связать ему задние лапы платком. А платок-то у нее был только один! Тот самый, в котором завязала она узелок с деньгами за корову.

Но зайцу совершенно не хотелось, чтобы его съели на обед. Он сначала притворился, что смирился со своей участью, а когда крестьянка ослабила свою хватку, решив, что заяц никуда уже не денется, вырвался из ее рук и побежал в лес.

Ой, что делается! Ой-ой-ой! Он же так с платком на лапах и убежал! А в платке – узелок с деньгами за корову! Спрятался заяц в чаще, сидел-сидел, дрожал-дрожал. Отдышался. Выпутался из платка. И решил его спрятать. Спрятал в кустах. Потом перепрятал в жите. Тоже стал скупой, как прежняя хозяйка платка.

Деньги всегда в грех введут, давно известно.

Солнышко, месяц и петушок

Были времена – на яблонях башмаки росли, а на заборах клубника. Вот тогда-то жили-были вместе на высоком небе Солнышко, Месяц и Петушок. Были они братьями, и было у них много дел.

Солнышко каждый день разъезжало в золотой карете, чтобы на мир посмотреть и себя показать да проверить, все ли в порядке на белом свете.

Месяц со стадом верных звездочек сторожил землю ночью, когда все спали.

А Петушок заботился о хозяйстве: убирал, готовил, стирал.

Иногда они выходили все вместе, втроем, и так хорошо делалось на земле.

Однажды, когда приближался вечер, Месяц обленился и не захотел идти на свою работу. Вот он и попросил Петушка:

– Паси сегодня небесных овецек вместо меня!

– Не буду, не буду! – крикнул Петушок. – Не моя это работа. Я и так целый день трудился, не присел, а ты только отдыхал. Твоя очередь! Работай. А я спать хочу.

У Месяца испортилось настроение, он разозлился, в гневе схватил бедного Петушка за крылышко и бросил его с неба. Это еще хорошо, что у Петушка были крылья и он сел на землю, не разбившись. Пришел он в себя, опомнился и стал плакать и жаловаться на плохого брата.

А тем временем Солнышко вернулось в их общий дворец. Стало оно искать своего брата Петушка, но того нигде не было. Тогда Солнышко спросило у Месяца:

– А где же наш младший братик?

Месяц аж побледнел.

– О... о... я... я... – стал заикаться Месяц, но ничего сказать так и не смог.

До него только сейчас дошло, какую ужасную вещь он сделал.

– Что ты с ним сотворил? – бросилось к нему Солнышко, распаляясь от гнева.

Что было Месяцу делать? Пришлось признаться.

Солнце покраснело от ярости и обратилось к Месяцу:

– Что ж ты наделал, глупый брат! Пропал наш дом, пропала наша семья. Не хочу тебя больше видеть! Не хочу тебя больше слышать! Никогда с тобой встречаться не буду! Не умеешь других уважать, живи сам! Обо мне Петушок помнить будет, а по тебе и не вздохнет!

Как Солнышко сказало, так и получилось. Когда утром Солнышко выходит, Петушок всегда радуется, кричит, хлопает крыльями, поднимает голову вверх:

– Кукареку, братик! Приветствую тебя!

И днем Петушок о Солнышке не забывает. Поднимет голову к небу и запоет Солнышку свою песенку.

А вот на Месяц не обращает Петушок никакого внимания. Задолго до его появления на небе Петушок уходит в курятник, прячет голову под крылышко и спит, чтобы не видеть своего злого брата.

Грустно одинокому Месяцу. Он и рад бы все вернуть, но что случилось, того не вернешь. Порой Месяц выходит из своего домика днем, чтобы увидеть своих братьев. Но ничего хорошего из этого не выходит. Петушок тут же прячется куда-то, а Солнышко на бледный месяц и внимания не обращает.

В плену у орла

Как в селе за темным лесом черт гуляет с мелким бесом, куры там мяукают, петухи там хрюкают – жила-была вдова с дочкой и двумя сынками.

Однажды пошли сыновья поле пахать. А когда уходили, попросили, чтобы мать им обед на поле принесла.

Мать все приготовила и в полдень послала дочку отнести братьям обед. Шла девушка с корзинкой, пришла к лесу. А на горе над лесом сидел орел. Увидел он девушку и закричал:

– Куда ты идешь?

– Я иду на поле, братьям обед несу, только дорогу потеряла.

Орел закричал от радости, слетел вниз, взял ее за руку и отвел в свой каменный дом. Привел ее в комнату, дал ей железного хлеба с железными бобами, а потом приковал к железному столбу.

Вернулись сыновья домой с поля, стали кликать сестру, а той нигде нет.

– Я ее к вам с обедом послала, – заплакала мать.

– Наверняка ее орел утащил в свой каменный дом, – решили братья.

Мать плакала, причитала.

Старший брат решил:

– Пойду я к орлу и заберу свою сестру.

Долго он шел, пока не пришел к орлиному дому. Но там с ним случилось то же самое, что и с сестрой: орел дал ему железного хлеба с железными бобами, а потом приковал его к железному столбу.

Мать дома очень страдала, что двое ее детей потерялись. Младший сын стал ее утешать:

– Не печальтесь, мамочка дорогая, золотая, не плачьте. Я скоро вырасту, пойду за ними и приведу их домой. Увидите, мы все будем счастливы!

А тем временем к узникам орла в каменный дом прилетела маленькая разноцветная птичка и услышала, что они горько плачут.

– Что же вы так горько плачете? – спросила птичка. – Разве вам жизнь не мила?

– А как нам может быть жизнь мила? – грустно ответили они. – Мы тут мучаемся вдали от мамочки и брата.

– Не горюйте, вам еще счастье улыбнется, выберетесь отсюда, – засвистела разноцветная птичка.

В эту ночь матери приснился удивительный сон. Во сне кто-то очень спокойно и ласково сказал ей:

– Не мучайся, не страдай, добрая матушка, скоро твои детки возвратятся.

Мать проснулась с улыбкой и радостно рассказала младшему сыну, какой сон ей приснился.

Отправился сын потом волов пасти. Мать дала ему с собой еды. Настал полдень, только сын собрался пообедать, подошел к нему бедный старичок. Сын пожалел старичка и отдал ему свой обед, а старичок в благодарность подарил ему дубинку: только махнешь – никто не приблизится; а еще топор – такой тяжелый, что десять волов его двинуть с места бы не смогли, а сын им только играл – такую силу подарил ему старичок.

Вернулся сын домой и говорит матери:

– Смотри, мама, какие подарки я сегодня получил! Теперь я готов за сестрой и братом идти.

Испугалась мать и стала его слезно просить, чтобы он никуда от нее не уходил:

– Двух деток я уже потеряла, не могу лишиться тебя, ты у меня последний.

– Не бойся, мамочка, я не потеряюсь, вернусь к тебе скоро да и сестру с братом с собой приведу.

Что было матери делать? Пришлось отпустить. Только попросила она дров ей наносить.

Пошел сын в лес, только взмахнул топором – сразу свалил огромный бук. Понес сын огромное дерево домой – одной рукой, как тонкую веточку. Мать глазам своим не поверила, увидев, как ее сынок справляется с такой тяжестью.

– Вот это сынок у меня вырос! – радовалась добрая женщина. Теперь она верила, что сын может отправляться на поиски других детей.

Сын обрубил ветки дерева, распилил ствол, наколот дров, уложил поленницу – выше избушки, и еще куча дров на дворе осталась.

– Теперь вам, мамочка, никакая зима не страшна. Будете дома сидеть, печку топить.

Поутру отправился он в путь. Идет, песенку поет. Топор на левом плече, дубинка в правой руке.

Шел он, шел и пришел на развилку. Куда дальше идти? И тут увидел он орла на скале.

– Куда идешь? – крикнул ему орел.

– Иду сестру и брата искать.

– Идем со мной. Может, очень скоро ты их увидишь, – позвал орел.

Парень пошел за орлом. Тот привел его в свой каменный дом.

Орел подвинул ему краюху железного хлеба и миску железных бобов:

– Ешь!

– Спасибо, не хочется, – отказался парень от орлиного угощения. – Об такой хлеб и такие бобы можно зубы сломать.

– Смотри, старшие придут, все съедят, потом пожалеешь.

– Пожалую? Нет, орел, этого не будет.

– Не хочешь – не ешь. Другой еды не будет.

Орел начал сам клевать железную пищу. Младший брат тем временем пошел в другую комнату, смотрит – там его сестричка и братик. Исхудавшие, грустные, измученные, едва на ногах держатся.

– Кто вы и как сюда попали? – спросил их брат.

– Я братьям обед несла, а орел меня забрал и здесь приковал.

– А я пошел сестричку искать, вот и оказался здесь. – И брат показал на цепь, которой был прикован к железному столбу.

– А я, – сказал им пришелец, – ваш младший брат. И пришел я вас освободить.

Он разрубил их железные цепи своим топором и увел их из страшного каменного дома. Орел погнался за ними и собирался вступить в бой с младшим братом. Но тот только взмахнул топором – и одним ударом сразил орла.

Они благополучно вернулись домой, к матери, а по дороге им пела свою песенку разноцветная птичка.

Хотел я им эту птичку поймать, да заслушался, как она поет, споткнулся о корень, упал, а как встал – птичка и улетела. Но если вы туда сами пойдете, то ее найдете, она вам все лучше меня расскажет.

Девять свиней за один грош

Быль или небыль... В те старые добрые времена, когда собаки были усатые и зеленые, а по лесам бегали печеные олени, жил бедный-пребедный человек, была у него только маленькая избушка, больше ничего. И у этого бедняка было трое детей, а детям этим все время хотелось есть. Шел однажды этот бедняк по лесу и нашел там деньги. Ну – какие такие уж деньги? И не пять крон, и не одну даже. Десятигрошовая монетка. Но бедняк очень обрадовался находке. Пришел он домой и кричит жене:

– Женушка дорогая! Приготовь мне торбу, завтра на рынок пойду! Я денежку нашел, завтра куплю вам что-нибудь.

И жена, и дети были на седьмом небе от счастья. Каждый мечтал о том, что им папа принесет завтра.

Поутру отправился бедняк на рынок. Шел он, шел, и повстречался ему на дороге человек, который гнал на рынок девять свиней.

– Бог в помощь, – поприветствовал бедняк хозяина свиней. – Купил бы я у вас одну свинью, да у меня только одна денежка,

десятигрошовая.

Хозяин свиней засмеялся:

– Зачем тебе одну покупать, когда ты сразу всех можешь купить! Только смотри: ровно через год я к тебе приду и задам тебе загадку. Если не угадаешь, должен будешь вернуть мне всех свиней, да еще и тебя заберу в придачу.

Недолго думал бедняк над таким странным условием, быстро согласился, отдал свою денежку и погнал стадо домой. Дома он ни слова не сказал о том, на каких условиях купил он этих свиней. Забил одну свинью – чего они только из нее не приготовили! В избушке теперь было как в раю: каждый день сыты и довольны.

Ели они, ели и съели одну свинью. Забили вторую. И снова в избушке райская жизнь – полный достаток. Потом настал черед и третьей, и четвертой...

Так и время пробежало, как вода меж пальцев. Близился день, когда должен был вернуться продавец свиней и потребовать ответ на свою загадку. Семейство как раз запекло последнюю, девятую, свинью и собиралось вкусно закусить. И тут кто-то постучал в дверь. Бедняк решил, что это пришел тот самый продавец. Но оказалось, что это были двое нищих бродяг. Хозяин ласково их принял, усадил с семьей за стол и щедро угостил. При этом он все время смотрел на часы, не наступила ли полночь. Бродяги спросили его, чем он озабочен. И бедняк честно ответил: должен прийти продавец свиней, и если он не ответит на его вопрос правильно, лишится жизни.

– Положись на нас, ты человек добрый, мы тебе поможем, – утешали его бродяги.

Сидели они, беседовали, борясь со сном.

В полночь кто-то закричал под окном:

– Спишь, человек?

Бедняк открыл было рот, чтобы ответить, но старший из путников закрыл ему рот ладонью и ответил вместо него:

– Эй, оставь меня в покое! Сплю и не сплю.

– Не спи и отвечай на вопросы! – велел тот под окном. – Что такое одно?

Путник ответил:

– Солнце одно!

– А что такое два?

- Два глаза!
- А три?
- Три ножки у табуретки сапожника!
- А четыре?
- Четыре ноги у коровы.
- А пять?
- Четыре колеса, а пятая – оглобля.
- Шесть?
- Пять пальцев, шестая – ладонь.
- Семь?
- Где семь девчат, там вечером беседа.
- Восемь?
- Где восемь парней, там драка.

Под окном аж зубы закрипели. Видно, продавец свиней не ждал такой хитрости от бедняка.

И спросил он напоследок:

- А что такое девять?

Это и бедняк угадал. Открыл он окно и крикнул:

- Девять свиней за десятигрошовую денежку!

После этих слов под окнами затрещало, засвистело, загудело и продавец свиней, а это был сам черт, умчался и исчез без следа.

А в избушке был праздник и угощение: ням-ням-ням!

Веселая болезнь

Жили-были муж с женой. Однажды вечером женушка стала жаловаться мужу, что у нее сердце колет. Добрый муж очень испугался и побежал скорее в город за лекарствами. Только он из дому вышел, жена – скок с постели и как серна побежала на танцы.

На следующий вечер она тоже принялась стонать, что у нее сейчас от боли сердце разорвется. Муж испугался пуще прежнего и помчался за лекарствами в далекий город. На этот раз жена устроила танцы дома: пришли музыканты, которых она еще вчера позвала, пришли парни из деревни – и вскоре изба ходуном ходила от веселья. Когда муж вот-вот должен был вернуться, жена хорошо заплатила музыкантам, а танцоров пригласила в гости завтра.

После этого она улеплась в постель. Вскоре возвратился взволнованный и запыхавшийся муж с пилюлями и каплями:

– Как ты, женушка?

– Ах, плохо, муженек, плохо. Вот тут мне колет и колет!

– Ох ты, душечка моя золотая, ведь у тебя личико горит! У тебя жар!

Капал он ей капельки на сахарок, потом велел пилюльку проглотить. Муж все время сидел рядом, боясь за жену, и ни на шаг не отходил, пока она не уснула крепким сном.

Приближался третий вечер. Жена снова принялась стонать, мол, опять сердце прихватило:

– Ой-ой-ой, сейчас сердце лопнет от боли!

Ну, муж, понятное дело, снова собрался бежать за лекарствами.

– Беги, мой дорогой, беги, мой золотой, может, мне еще и полегчает, как вчера полегчало, когда ты мне капельки принес, – льстиво лепетала жена, а в глазах ее светилась радость.

И муж, любящее сердце, помчался в город. Бежит по лесу, чудом не столкнулся с музыкантами.

– Куда так спешишь, сосед? – спрашивают они его.

– В город спешу, в аптеку, – грустно отвечает запыхавшийся муж. – А вы?

– Да ведь к твоей женушке идем, – отвечают.

– Ой, братишки, лучше к нам сегодня не ходите. У моей жены сердце колет, я ведь ей за лекарствами бегу.

– Не может быть! – смеются музыканты. – Ведь позавчера она в корчме плясала до упаду, а вчера мы у нее играли, и резвилась она как бешеная.

– Гром и молнии мне в шляпу! – рассердился крестьянин. – Так вот она какая больная! А как бы на это незаметно посмотреть?

– А возвращайся с нами. Перед твоим домом мы тебя в чехол от контрабаса посадим и в дом занесем. Твоя жена будет думать, что тут у нас инструмент, а ты зато своими глазами увидишь, как твоей бедной женушке плохо.

Так и сделали. Перед избой засунули его в чехол. Самый сильный музыкант втащил чехол в избу, поставил его на лавку, и вскоре понеслась музыка.

Женушка выскочила из постели как серна и запела:

Муженек, не возвращайся!
А музыка раздавайся!

Крестьянину в чехле аж плохо стало. А музыканты как грянули:
Растяну гармони мех,
эх, сейчас начнется смех!

Раскрыли они чехол, а из него вывалился муж, как разъяренный медведь.

Музыканты собрали свои инструменты и бегом оттуда. А женушка то бледнела, то краснела, то снова бледнела, начисто забыв о болезни. Видно, тогда муженек ее хорошенько полечил, потому что уж больше она на хвори не жаловалась.

Сплетня и ложь

Поспорили два человека – Юра и Иван, – всегда ли сплетня – чистая ложь.

– Нет, все-таки в сплетне есть несколько капелек правды! – утверждал Иван.

– Ни капли нет, поверь мне, – возражал Юра. – Сплетня – это ложь в чистом виде. И я тебе это докажу.

– А почему тогда говорят: нет дыма без огня? – доказывал Иван.

– Ну да, так говорят, – подтвердил Юра. – Но все равно – в сплетнях правду не разглядишь. Стоит только сплетне появиться, она начинает расти, как грибы после дождя. И я тебе это докажу.

Пришел Юра домой и говорит жене:

– Женушка, я хочу тебе кое-что рассказать по секрету, только пообещай мне, что ты никому-никому не расскажешь!

– Ну что ты, муженек! Никому ни слова не скажу, буду молчать, как рыба!

Муж опянулся по сторонам, наклонился к жене и прошептал:

– Сегодня ночью у нашей козы сорока родилась.

У жены глаза круглыми стали. Полчаса ходила она с этой тайной молча, но видно было, что ей чем дальше, тем труднее жить под тяжестью того, что доверил ей муж. Ей надо было этим поделиться, иначе она бы лопнула.

Постучалась она к соседке:

– Кума, я вам хочу рассказать кое-что, но дайте мне слово, что никому-никому ничего не скажете.

– Кума, да чтобы я кому-то когда-то что-то говорила! Да никогда! Говорите скорее!

– Из нашей козы сегодня ночью сорока вылетела!

Соседка ахнула и руками всплеснула. Была уже ночь. Пошла соседка спать. Никому ничего не сказала. Но всю ночь ей снились – как вы думаете кто? Сороки, кто же еще! Разве можно было дальше молчать?

Побежала она рано утром к соседке, которая о себе всегда говорила, что ей можно все сказать, никуда дальше не пойдет, будет лежать как в могиле. Прибежала и начала шептать:

– Слушайте, кума, что я вам скажу, только вы уж никому! У Юры-то коза сороку родила! Прямо раз – и вылетела из козы сорока! Да не одна! Две сразу! Вон они, там, на дереве сидят!

Та соседка, в которой все держится как в могиле, побежала к куме напротив:

– Ох, люди! Ну и новость я вам несу! У Юры коза сорок рождает! Сегодня ночью из нее три сороки вылезли!

Как услышала это кума, у нее аж в голове помутилось, но, набравшись сил, помчалась она к соседям и прямо в дверях как закричит:

– У Юры коза сорок рождает! У Юры коза сорок рождает!

Хозяин за столом засмеялся:

– Да? И сколько уже родила?

– Сколько? Четырех родила! – крикнула вестница и даже не покраснела. – Хотите смеяться, хотите нет, только никому не говорите, а то Юра на меня сердиться будет.

– Из нас клещами не вытянешь! – сказала крестьянка.

Но она уже тряслась от нетерпения. Побежала поросят кормить и не утерпела, заскочила на минутку к своей соседке:

– Ай, люди дорогие, что делается-то! У Юры коза сегодня ночью пять сорок родила!

Новость полетела быстрее, чем сороки летают. Вот уже шесть сорок родила коза у Юры, вот уже семь, и восемь, и десять!

Вечером встретились Юра с Иваном. Юра и говорит:

– А вот тебе и доказательство, что у людей в жилах кипятки течет! Я с женой пошутил, сказал ей, что коза сороку родила, она поверила, обещала язык держать за зубами, а сама быстро-быстро все соседке выложила, а та другой... Через час из одной сороки была уже целая стая сорок. А завтра – страшно даже подумать, сороки все небо закроют. Женские языки острее бритвы, никуда от них не скроешься. Вот и скажи, кто из нас прав! Есть ли в сплетне хоть капля правды?

Воробей и пес

Жили-были давным-давно пес и воробей, которые были неразлучными друзьями. Ходили они всюду вместе, как братья-близнецы, один без другого жить не мог. Пес, бывало, бежит, а воробей над ним летит.

Вот однажды отправлялись они куда-то вместе, было жаркое лето, солнце так и палило. У пса язык вывалился наружу от жары, а воробей под перышками весь взмок. Наконец остановился пес у дороги, в тенечке, и говорит воробью:

– Давай тут посидим немножко. Я чуть вздремну, а ты сядь на дерево и сторожи меня. Если кто-то мимо поедет, разбуди!

Уснул пес, а воробей сидит на ветке и чирикает.

Через какое-то время едет по дороге тяжелая повозка. Пьяный трактирщик везет три большие бочки вина. Хотел воробей пса разбудить, как тот его попросил, а потом пожалел: пусть, мол, спит, умаялся, кому он мешает, не на дороге же улегся.

Полетел воробышек навстречу трактирщику и попросил:

– Вон там, где дерево у дороги растет, езжайте, пожалуйста, потише. Там мой друг отдыхает.

– Твой друг? И кто же это, чирикалка? – засмеялся пьяный трактирщик.

– Мой друг! – подтвердил воробей. – Ты его не знаешь? Вон, посмотри, как он сладко спит у дороги!

Трактирщик увидел пса и засмеялся:

– Ладно, ладно, поедем как по маслу, чтобы его величество не пробудился. Увидишь, не пробудится.

Стегнул он коней, свернул с дороги и переехал пса тяжелым возом. Заплакал воробей и крикнул пьяному грозно:

– Ты за это дорого заплатишь! Потеряешь вино, коней и все свое имущество!

– Ври больше, грязный пискун! – крикнул трактирщик и замахнулся на него кнутом.

Но разгневанный воробей уселся сзади на бочку и принялся расклепывать ее пробку. Клевал, клевал, пробка и вывалилась. Вино так и хлынуло на дорогу. Потом воробей выклевал пробку у второй бочки, а потом и у третьей.

Посмотрел трактирщик назад: что такое? Вроде и дождя не было, а повозка вся мокрая. Остановился, посмотрел на свой груз – а бочки-то пустые!

Трактирщик обомлел. А воробей ему:

– Видишь, видишь! Вина уже нет у тебя! А теперь, убийца, и коней лишишься!

Фррр! Уселся воробей на голову коня и начал его в лоб клевать. Конь испугался, фыркает. Трактирщик разозлился, схватил топор и ударил по воробью. Но птичка улетела, а конь свалился замертво. А воробей уже клевал второго коня. И снова трактирщик взмахнул топором, и второй конь стал покойником. А воробей-мститель уже уселся на голову третьего коня.

– Вот тебе! – бешено заорал трактирщик, но снова вместо воробья уложил третьего коня. Последнего!

– Ах, я глупец, что же я наделал! – схватился за голову трактирщик, но коней не воскресить ни слезами, ни жалобами.

– Подожди, это еще не все! – крикнул ему воробей.

Поплелся трактирщик домой, а там... В воротах стоит жена, плачет, жалуется, руки ломает:

– Ах, беда, беда! Не будет у нас еды! Прилетела стая птиц и все зерно на поле склевала!

Заглянул трактирщик в сарай, где у него много зерна хранилось, а там – птиц видимо-невидимо. Почти всю пшеницу склевали.

А вокруг воробей летает и кричит:

– Скорее, скорее, пусть ни зернышка ему не останется!

Побежал трактирщик в дом, заперся и загоревал.

А воробей тюкает в окошко снаружи:

– Плачь и жалуйся, бесчувственный человек! Видишь, как тебе лихо приходится! И будет и еще хуже!

Бросился на него трактирщик, окно разбил. Воробей влетел в комнату, скачет повсюду, а трактирщик за ним с палкой гоняется. Бьет палкой куда ни попадя, все разбил: и шкаф, и посуду, и часы – все, что в комнате было. А воробей ему кричит:

– Я ведь тебя предупреждал, просил друга моего не будить! А ты что сделал, убийца? Погубил его!

Сидит трактирщик на полу среди осколков, а воробей ему крылышком машет:

– Вот тебе за злое дело!

Сумасшедшая курочка

Полез как-то бедный крестьянин на крышу – печную трубу прочистить. Пока чистил, откололся от трубы камешек и упал курице на голову. Слышали бы вы, как она всполошилась, как испугалась! Подскочила, закричала:

Куд-кудах, ай-ай-ай!

Все, кто слышит, убегай!

Камни падают с вершин,
скоро будет всем аминь!

Куд-кудах, ай-ай-ай!

Все, кто слышит, убегай!

И как побежит со двора! Бежит, летит, задыхается, через поле, к лесу, чудом голову не сломила.

Бежала-бежала и повстречала зайца. Он ее и спрашивает:

– Куда летишь, чего кричишь? Разбойника повстречала? Кто за тобой гонится? Не знаешь, где яичко снести?

Курочка чуть перевела дух и снова взялась кудахтать:

Куд-кудах, ай-ай-ай,

зайчик, быстро убегай!

Мир дрожит, земля трясется,
тут никто уж не спасется!

Камни падают с вершин,
скоро будет всем аминь!

И помчались они вдвоем, через заросли и колючки.

И повстречали в лесу серну. Серна и спрашивает:

– Куда вы так бежите и почему так кричите? За вами разбойники гонятся?

А курочка ей:

Куд-кудах, ай-ай-ай,
серна, быстро убегай!
Земля трясется, мир дрожит,
сгинет кто не убежит!
Куд-кудах, ай-ай-ай,
с нами, серна, убегай!

Послушала серна, испугалась, и побежали они теперь втроем, аж в лесу ветер поднялся. Бегут, мчатся, и повстречалась им лиса.

– Куда это вы мчитесь, сумасшедшие? – поинтересовалась рыжая.

А курочка и отвечает лисичке:

– Беда, милая лисичка, беда!

Перевела немного дух и закудаhtала:

Куд-кудах, ай-ай-ай,
Ты, лисичка, убегай!
Земля трясется, мир дрожит,
мир последний час стоит!
Камни с неба валяются,
убегай, красавица!

Лисичка подумала:

«Бежать вместе с курочкой, ну, это я вам скажу! Это очень даже приятное общество!»

И облизнулась.

И побежали они вчетвером.

Бежали через луга и поля, в чаще лесной, мимо берлог звериных и гнезд орлиных. Летят они, бегут, а серый волк тут как тут:

– Что это вы тут раскричались? Не мне ли подарочек несете? Не гостинцы ли со свадьбы? Не грибов ли для меня в лесу насобирали?

А курица как закричит во все горло:

Куд-кудах, ай-ай-ай,
лучше с нами убегай!
Все трясется, рушится,
лучше нас послушаться,
земля трясется, мир дрожит,
сгинет кто не убежит.

У волка аж пасть раскрылась. И побежали они все вместе.

Их теперь стало пятеро: курица, заяц, серна, лисичка, волк.

Нашли они маленькую темную пещеру и спрятались в ней.

Звери устали, проголодались, от страха у них животы свело. И выходить их пещеры боятся. Решили пока отсидеться, подождать, посмотреть, придет ли конец света или нет. И тогда уж решить, как быть.

Снаружи птички поют, солнышко светит, а в пещере сыро, холодно, темно и голодно. И стали звери рассуждать:

– Сколько мы тут так просто будем сидеть? Есть-то хочется. Придется кого-то из нас съесть, а что делать? Вопрос только, кого именно съедим.

– Я предлагаю, – говорит лисичка, – сделать все по закону, чтобы суд у нас был честный, объективный. Давайте будем выбирать по имени. У кого имя красивое, звучное, того мы есть не будем, тому и бояться нечего. А у кого имя некрасивое, того первым и съедим.

– А кто будет судьей? – спросила курица, и перышки ее задрожали от страха.

– Лисичка, лисичка, лисичка! – закричали заяц, серна и волк. – Она самая умная из нас, она и охотника может обхитрить! Иди, лисичка, твори свой мудрый суд!

Лисичка выскочила, хитрость у нее аж из глаз выскакивает. Села она на задние лапки и торжественно провозгласила:

– Именем закона этого леса я провозглашаю такое решение: волк – знает в жизни толк, имя ему подходит, произносить его – одно удовольствие. Лисичка – всем зверям сестричка, добрая, хорошая и весьма пригожая. Так что и лисичка из игры выпадает. Теперь серна. Серна лесная – красота земная. Это имя серну охраняет. А вот зайчик. Зайчик – от всех убегайчик! Кто же зайчика догонит? И его имя, как щит, от всего защитит. Так, кто у нас остался? Осталась курица! Курица – кура, глупая дура. Что за имя такое? Никакой красоты,

глупость одна! Ну, что же! У кого имя такое некрасивое, того и съедим!

Хрупы-хруп! Набросились все на бедняжку, она и вздохнуть не успела. И конца света не дождалась, а ведь так его боялась!

Адольф Вениг

Биографическая справка

Адольф Вениг (13 августа 1874 г. – 19 марта 1940 г.) – чешский писатель, педагог, либреттист и переводчик с французского. Родился в семье учителя. После окончания начальной школы отец послал его в ученики к портному, чтобы сын учился ремеслу, которое будет приносить верные деньги. Ученики ремесленников, по тогдашнему обычаю, жили в семьях своих мастеров-учителей. Время обучения ремеслу было особенно тяжелым для Адольфа Венига, поскольку жена портного Вотрубы экономила на всем, и уж тем более на мальчишке-подмастерье.

Вскоре умер отец Адольфа Венига. Его мать, которая осталась одна с детьми (помимо Адольфа у нее было еще трое малолетних детей), вынуждена была переехать в Прагу к своему брату Франтишку Адольфу Шуберту, который был известным деятелем культуры: писателем, драматургом и историком театра (в 1883–1900 гг. был первым руководителем Национального театра, с момента его открытия, а в 1907–1908 гг. был первым руководителем Театра на Виноградах).

Из-за тяжелых финансовых обстоятельств Вениг был вынужден отказаться от своей мечты – учебы в университете. Он окончил неполную среднюю школу, потом учился дальше. В двадцать лет он уже был женат и у него родился сын. Со своей семьей он переехал в Прагу, где и жил с 1904 года. Вениг работал учителем в пражской школе, а свободное время посвящал писательской деятельности, прежде всего созданию книг народных преданий. Над ними он работал вместе со своим братом Йозефом Венигом, который, кроме всего прочего, иллюстрировал книги. Большинство рукописей Адольфа Венига написано от руки, каллиграфическим почерком, пишущую машинку он стал использовать только на склоне лет.

Адольф Вениг был одним из первых детских писателей, создававших настоящие полноценные литературные произведения. Он собрал и записал целый ряд чешских сказаний, а на его либретто

«Черт и Кача» великий чешский композитор Антонин Дворжак написал знаменитую оперу.

У Адольфа Венига было трое детей – двое сыновей и дочь. Один сын, Ян Вениг, стал писателем, как и его отец, а второй, Адольф Вениг, – художником, как его дядя.

Чешские сказания

О водяном и мельнике в литоховичской мельнице

Была когда-то в Литоховичах у Литомержице мельница на притоке Лабы. Но ее разрушили, когда в 1845 году строили железную дорогу из Праги до Подмокел, и приток тот засыпали.

О литоховичской мельнице и до сей поры рассказывают, что туда хаживал водяной. А началось так: литоховичский мельник и его жена часто видели у мостков или у затона зеленого человечка. Он сидел на досках или что-то мастерил у воды. Хозяин, увидев его в первый раз, строго-настрого запретил жене обижать или дразнить водяного, потому что тот может отомстить: мельничный круг сломает или что-то испортит на мельнице. Лучше обходиться с водяным по-доброму.

И вышло так, что водяной подружился с обитателями литоховичской мельницы. Никому не навредил, дети его не боялись. Купались в реке и не думали, что водяной сделает им что-то плохое. И даже однажды, когда маленький сын мельника рвал цветы вьюнка в прибрежных вербах и соскользнул в воду, водяной поймал его и вынес на берег. Это случилось тогда, когда водяной уже хаживал на мельницу в гости. Сам мельник позвал его к себе. Увидел однажды, что сидит водяной на мостках и ест сырую рыбу.

– И тебе это вкусно? – сказал мельник водяному.

– Да не особо, – прошепелявил хозяин воды (все водяные шепелявят), – но нужда все заставит полюбить. Ясное дело, мне больше жареная рыбка нравится!

– Так приходи к нам на кухню, зажаришь себе! – пригласил хозяин водяного.

– Приду завтра! – сказал на то водяной и соскользнул в воду.

Мельнику пришло в голову, что приглашение его было немного не согласованное. Что скажет хозяйка? И действительно – мельничиха мужа не похвалила.

– Этого нам еще только не хватало, – сказала она, – водяной мне всю кухню загадит!

Так и получилось. Когда на следующий день перед ужином принес водяной на кухню несколько рыбешек, хозяйке ничего не оставалось, как дать ему сковородку, кусок масла и соль, чтобы он смог пожарить свой ужин. Водяной быстро все приготовил, потом стал рыбку есть и причмокивать.

– Ох, ну и вкусотища! – повторял он, утирая о рукав масляные губы. – Я к вам снова приду!

И ушел из кухни.

– А мы уж и рады! – прошепелявила, дразня его, мельничиха, когда за ним захлопнулись двери. – Придет милостивый государь, как к себе домой, все ему дай, чтобы мог себе ужин приготовить. И разрешения не спросит, и не поблагодарит, и до свидания не скажет. И такую грязь мне тут развел на полу!

Сердитая мельничиха вытирала лужи, которые натекли с фалд водяного. В общем, досталось хозяину за то, что позвал он такого гостя.

Но что уж случилось, то случилось! С тех пор так и ходил водяной на кухню к мельнику жарить рыбку. Сковородку мельничиха оставила только для него, потому что не хотела на ней ничего другого жарить. Ругалась она, плевала через плечо, как только издалека видела зеленого гостя, но боялась напрямую что-то ему сказать, чтобы он не надумал мстить.

Так длилось около года. А потом вот что приключилось.

Однажды летом весь день парило, а вечером разразилась гроза, и начался такой ливень, как будто бы на небе все шлюзы открыли.

В самый разгар грозы и ливня прибежал на литоховичскую мельницу цыган-медвежатник с косматым бурым мишкой на цепи. Цыган промок до нитки, а у медведя вода по шкуре текла ручьем. Мельник сжалился над ними и пустил их в мельницу. Медвежатнику дали какое-то старое тряпье, чтобы он переоделся, медведя он вытер старым мешком. Вскоре мельничиха позвала медвежатника на кухню, чтобы он согрелся у печи и высушил одежду. Дала она ему к тому же тарелку супа и кусок хлеба, и медведю дала, а когда они все съели, цыган сказал:

– Спаси Господь Бог, хозяйюшка, за все. И еще попросил бы я вас, оставьте нас переночевать. Нам бы хоть в хлеву грозу переждать.

– Ну вот еще! – ответила мельничиха. – Чтобы вы мне весь скот переполошили! Но знаете что? Ложитесь-ка с этим косматым вон туда, на печь, там и выспитесь в тепле.

Цыган поблагодарил и, поскольку был уже совсем без сил, быстро залез на печь, а медведь за ним. И через минуту оба спали, как убитые.

Мельник с мельничихой еще сидели у стола и разговаривали, и тут звякнул ключ, двери распахнулись, и на кухню вошел водяной с рыбкой.

«Только тебя тут не хватало», – сказала мельничиха про себя и пошла за сковородкой и маслом. На печи в это время медведь зарычал во сне. Водяной вздрогнул.

– Что это у вас там на печи?

– Да просто кошка, – сказал мельник, и успокоенный водяной уложил свою рыбку на сковородку и поставил ее на огонь. Через минуту приятный запах потянулся по кухне, дошел он и до медвежьего носа на печи. Поднялся медведь и полез с печки. Все домашние испуганно следили за тем, что будет. Водяной же смотрел на жареную рыбку и хотел уже закусить, как увидел приближающегося к нему бурчащего зверя.

– Ты тоже хочешь? – спросил водяной и вытянул рыбку со сковородки.

Медведь открыл пасть, и водяной бросил ему туда рыбку. Но что для медведя такая рыбешка! Он кинулся к сковородке, а поскольку водяной не хотел отдать ему рыбу, рассерженно ударил водяного лапой. Водяной, сильно оцарапанный, отпустил сковородку и, хныкая от боли, выбежал из кухни. Медведь после этого съел весь ужин водяного и снова полез на печь, позванный цыганом. Все домашние развеселились от этого, а мельничиха смеялась:

– Получил свое! Теперь уж он сюда не заявится!

Раненый водяной в ужасе убежал далеко от мельницы и в следующие дни там не показывался. Потому он и не узнал, что на следующее утро цыган с медведем ушел.

Когда через несколько дней шла мельничиха в Ловосицы, увидела там, в местечке, которое все называли «в скалах», сидящего на старой вербе водяного. Рука его была перевязана, выглядел он неважно. Как увидел мельничиху, так закричал он ей издали:

– Хозяюшка, эта огромная злая кошка еще у вас?

Мельничиха засмеялась, видя, как сильно напуган водяной, и сказала:

– Да, еще у нас, и еще пятерых родила!

– Ой-ой-ой! Это плохо! – заскулил водяной и прыгнул в воду.

Мельничиха поняла, что уж больше водяной на мельнице не покажется, и была этому рада. Водяной и правда перебрался куда-то на дальний пруд и не хотел иметь ничего общего с литоховичской мельницей, где его «огромная кошка» так отметила.

О вестницах судьбы в Радобыле

Недалеко от Литомержа, в Чешском Средогорье, высится базальтовая гора Радобыль. С нее открывается очень красивый вид. Но уничтожает гору людская алчность. Там добывают базальт, и гора с одной стороны уже наполовину уничтожена. Сохранилась такая повесть об этой горе.

В деревнях под Радобылем время от времени появлялись три старушки-нищенки. Все они были сгорбленными, высохшими, со сморщенными лицами, спутанные белые волосы выплядывали у них из-под платков, но в запавших глазах виделся живой блеск. Та или другая нищенка проходила порой по деревне, дом за домом, прося милостыню. Так обходили они всю деревню, а потом исчезали на долгое время.

Люди говорили, что это вестницы судеб и что живут они на вершине Радобыля. Милостыню им подавали охотно, верили, что того, кто откажет им в подаении, ждет несчастье.

В одной из деревень под Радобылем, неизвестно, в какой именно, женился молодой зажиточный крестьянин с большим хозяйством. Невесту привел он издалека. Та уже хозяйничала в доме некоторое время. Однажды во время жатвы, перед полуднем, была она одна дома и пекла булки для челяди и жнецов. Тут пришла сгорбленная нищенка и попросила что-нибудь поесть. Молодая хозяйка дала ей две булки, старушка поблагодарила и ушла. Вскоре хозяйка снова услышала, как отворилась калитка и залаял пес. И тут же в дверях показалась старая нищенка и стала просить о подаении.

– Сколько же вас по свету ходит, люди добрые, – сказала хозяйка угрюмо. Но все-таки взяла булку и подала ее нищенке, которая с благодарностью приняла ее и ушла. Еще не пробил полдень, снова открылась калитка. Хозяйка подумала, что это люди с поля идут на обед. Но на дорожке послышались шаркающие шаги, и в дверях снова показалась нищенка, дрожащим голосом просящая подаяния.

Молодая селянка рассердилась и стала кричать:

– Я тут с утра верчусь вокруг плиты, чтобы обед для работников на поле приготовить, а еще всяких лентяев должна обслуживать, которые от дома к дому ходят, милостыню просят. Ничего не дам! Иди отсюда, бабка!

Так и ушла старая нищенка с пустыми руками, пес лаял на нее до хрипоты, чуть с цепи не сорвался. Когда старушка уже вышла за калитку, повернулась к дому и погрозила пальцем. Это была одна из вестниц судьбы, но молодая хозяйка была из чужих краев, поэтому не знала ни про эту старушку, ни про тех других.

Вскоре народилось у молодых хозяев дитяtko. В полночь после родов молодая мать уснула крепким сном, а повивальная бабка дремала у колыбельки – вдруг в светлице словно бы рассвело, и испуганная бабушка увидела, что у колыбельки стоят три старушки – вестницы судьбы. Они посмотрели на мальчика, а потом первая сказала:

– Я дарю этому мальчику красоту.

А другая добавила:

– А я дарю ему ум и хитрость.

Третья вестница судьбы – та, которую молодая мать прогнала с порога, – сказала гневно:

– А я предрекаю, что, когда подрастет он родителям на радость, упадет в колодец на дворе и утонет.

После этого свет погас, и вестницы судьбы исчезли. Повивальная бабка, застывшая от страха, хорошо запомнила, что они сказали. Молодой матери она об этом ни слова не сказала, но с хозяином утром поделилась. Тот испугался, потому что верил в судьбу, и велел заколотить колодец досками.

Прошло время. Из младенца вырос красивый и умный паренек. Он очень хорошо учился, все, кто его знал, любили его, такой он был

милый. И если бы не забитый досками колодец, его отец о вестницах судьбы и не вспоминал бы.

Однажды по весне вся семья была на поле. Мать велела мальчику, чтобы после школы он пришел к ним на поле. Но сын так и не появился. Приближался вечер, работу закончили, пошли домой. Крестьянин с женой все удивлялись, где же мальчик. Вдруг хозяину словно что-то ударило в голову, он оставил остальных и побежал к дому. Прибежал во двор и увидел, что одна доска у колодца оторвана. А когда подскочил он к колодцу, увидел утонувшего мальчика. Все пророчества вестниц судьбы исполнились дословно.

О кладе на Крестовой вершине

Овчар, который пас овец на склоне Крестовой горы у Житениц, слышал, что на вершине этой горы спрятаны клады. И еще он знал, что надо найти открывающую травинку, чтобы получить доступ к кладу.

Кто хотел получить эту волшебную травинку, должен был найти в лесу дерево, на котором дятел свил гнездо. Гнезда эта птица устраивает в дуплах деревьев. Нужно переждать, пока в гнезде подрастут птенцы, а потом, когда старшие улетят, закрыть деревянным клином вход. Когда дятел вернется и увидит, что в гнездо не попасть, он полетит за открывающей травинкой. И вот тут надо расстелить под деревом белый платок. Дятел прилетит с травинкой в клюве, когда он окажется у дерева, человек в укрытии начнет шуметь, и испуганная птица уронит травинку на платок. А потом эту травинку нужно поднять, главное – не голой рукой. Эта волшебная травинка открывает любые замки, любые двери, как только к ним прикоснется.

Именно эту травинку и хотел найти житеницкий овчар. Но прошло целых три года, прежде чем ему это удалось. Когда травинка уже была в руках овчара, он стал искать, где на Крестовой вершине место, походившее на вход внутрь скалы. Но искал он напрасно, безуспешно прикладывая травинку к горе. Крестовая вершина не открылась. И на что же тогда годилась эта открывающая травинка?

Однажды, когда овчар к полудню задремал на пастбище, ему вдруг показалось, что кто-то положил руку ему на плечо. Овчар тут же очнулся от дремоты и увидел, что перед ним стоит прекрасная

госпожа в белом покрывале, с маленькой золотой короной на голове. И сказала она ему:

– Иди за мной!

Они пошли к скале, и вот госпожа подошла к узкой трещине, о которой овчар не знал. Она легко прошла внутрь, овчар же еле протиснулся. Потом пошли они по длинной темной лестнице и наконец подошли к железным дверям, на которых висел огромный замок.

– У тебя есть травинка, открой! – сказала госпожа овчару, он вытащил из торбы волшебную травинку, завернутую в кусочек коры, и дотронулся ею до замка. Он в тот же миг открылся. Овчар оказался на пороге большого зала, в котором повсюду лежали горы золота и серебра. Овчар был этим богатством просто опьянен.

– Можешь набрать сколько тебе хочется, – сказала белая госпожа овчару, и тот не мешкая послушался. Он подскочил к горе золота, стал хватать дукаты полными горстями и сыпать их в карманы. Потом еще доверху наполнил шапку, которая стала очень тяжелой. Тут овчар засобирався домой.

– Смотри, не оставь здесь ничего своего! – напомнила ему госпожа, но овчар уже так стремился выйти из горы, что слушал вполуха. Он поспешно вышел из зала, и едва оказался снаружи – треск! – железные ворота мгновенно закрылись за ним. Овчар поспешил по лестнице на свет дня. Когда пришел он к своему стаду и положил шапку с дукатами на землю, он вдруг вспомнил, что забыл в скале открывающую травинку. Он вспомнил, что белая госпожа говорила ему не оставлять ничего своего внутри, и побежал к скальной расщелине. Но от нее и следа не осталось.

Так лишился овчар открывающей травинки. Но овчар остался вполне довольным тем, что у него было, ему хватило и на хороший дом, и на хозяйство. Все у него было хорошо до самой смерти, и об открывающей травинке он и не вспоминал.

О золотом доле на Лишчине

У Плошковиц есть гора Лишчин, ее еще называют Золотой вершиной. На склоне этой горы можно увидеть огромную яму, как будто выкопанную давным-давно. Говорят, что там добывали золото.

Яму эту называли Златодол. О том, как там было найдено золото, повесть рассказывает так:

«На склоне Лишчина пастух пас овец с плошковицкого господского двора. И вот он-то и нашел однажды в зарослях между камнями несколько золотых нитей. Они очень красиво блестели и были мягкими. Когда он погнал овец с пастбища, то завязал баранам эти нити вокруг рогов. У замка повстречала пастуха со стадом сама княгиня. Она заметила рога баранов, увитые золотом, и спросила пастуха, что это значит. Он ей обо всем рассказал и дал ей нити, которыми обвил бараньи рога. Княгиня тут же поняла, что это красное золото. Подтвердил это и золотых дел мастер в городе, к которому она эти нити послала.

И наняла княгиня трех опытных горняков, чужеземцев, которые начали добычу золота на вершине Лишчина. Начали они там копать, долго искали золото, но прежде чем что-то нашли, Золотой дол обвалился, и все три горняка оказались погребенными. После этого княгиня остановила добычу.

Позднее нашлись люди, которые на свой страх и риск пробовали копать золото на Лишчине. Но это всегда заканчивалось несчастьем.

Зато счастье улыбнулось одному леснику. Шел он с собакой по склону горы. Пес забежал в заросли и принес оттуда леснику кусок золота. Лесник потом обыскал все вокруг, но больше золота не нашел.

Говорят, что золото в Лишчине стерегут гномы и мстят каждому, кто хочет его у них забрать».

Вечный Жид у Седла

В деревне под Седлем в избушке за гумном жил когда-то бедный человек. Много им с женой приходилось хлопотать, чтобы прокормить себя и своих пятерых детей. Был у него кусок поля, на котором они выращивали жито и картошку, была коровушка в хлеву. Выполнив работу на своем поле, шли они работать к зажиточному крестьянину. Пока родители работали, старшие дети присматривали за младшими. И хотя тяжело доставалось им пропитание, были они довольны жизнью. Но судьба посылала им испытания. Говорят, что несчастье не по горам ходит, а среди людей. Так случилось и с тем крестьянином. Он тяжело заболел и долгое время находился между

жизнью и смертью. Жена за ним ухаживала, не могла ходить на заработки, да и домашнее хозяйство оказалось запущенным, дети сами по себе ничего сделать не могли. Нужны были деньги на доктора, на лекарства, и женщина не знала, где их взять. Пошла она тогда к зажиточному крестьянину, о котором было известно, что он дает деньги в долг под проценты. Он был ростовщиком. Деньги в долг он дал, но под высокий процент. Болезнь мужа все тянулась, денег все время не хватало, приходилось снова брать в долг, который рос, потому что нечем было даже отдать проценты. Когда наконец муж выздоровел, слепла жена, обессиленная и измученная. Стало еще хуже: муж после болезни не мог работать в полную силу, к тому же приходилось лечить жену. Ростовщик уже не хотел давать им в долг, и тогда бедный человек отдал ему в счет долга свою коровушку, а потом и поле, чтобы хоть как-то прокормиться. А что будет дальше, не знал.

Нищета сидела на завалинке избы, в которой в светлице лежала бедная женщина, понемножку выздоравливающая. А когда, совсем ослабшая после болезни, вышла она в первый раз из избы, увидела, что к ним идет чиновник из муниципалитета. Ростовщик обжаловал долг, потому что бедняку нечем было заплатить, и постановили, что избышка будет продана на торгах.

Бедный человек знал, что долг поглотит и избу, что у него ничего не останется, даже крыши над головой, поэтому решили они с женой, что уйдут они с детьми, не дожидаясь торгов, куда-нибудь в богатые края искать работу. И вот рано утром того дня, на который были назначены торги, вышел крестьянин, потерявший все имущество, со всей своей семьей из избы, чтобы туда никогда уже больше не вернуться. То, что у них еще оставалось, – худое одеялко, кое-что из одежды и немного инструментов – несли они в рюкзаках, муж перекинул через плечо мотыгу и лопату, чтобы было чем работать, если бы он работу нашел.

Когда эта бедная семья прошла часть дороги из деревни, отец сказал детям:

– Посмотрите еще раз туда, на нашу избышку. Она уже не наша. Вы все там родились, было нам там хорошо, а теперь должны мы все это оставить. Сюда уже никогда не вернетесь.

При этом глаза у отца были полны слез, мама и дети расплакались. И стояли они все на дороге, как будто не могли оторваться от своего

родного дома.

– Ничего не поделаешь, дети, мы должны идти, – сказал наконец отец и нагнулся над рюкзаком, чтобы снова поднять его на плечи. И тут увидел на дороге какого-то совсем старого, дряхлого человека, в странной одежде, который приближался к ним. На голове у него ничего не было, редкие седины спадали ему на лоб, седые усы еще доставали до груди, шел он сгорбленный, в сандалиях на босу ногу, опираясь на высокий посох.

Когда подошел этот странный человек к семье, остановился, поприветствовал их и сказал:

– Хотел я попросить вас о куске хлеба, потому что голоден, но вижу, что вы бедные, у самих ничего нет.

Матери стало жалко старика, она полезла в рюкзак, вытянула булочку, которая была у них на дорогу, взяла нож и отрезала добрый кусок.

– Больше мне нечего вам дать, – сказала она, протягивая хлеб старику, – это из нашего последнего.

Старик поблагодарил, пустился в разговор с мужем и женой, слово за слово – и узнал он обо всех несчастьях, которые обрушились на бедняков.

– Тяжело вам прощаться с родным домом, – сказал старик, – я это чувствую, хотя у меня самого дома нет. Но не горюйте, вашей беде еще можно помочь. Вон там, в овражке у дороги, прямо под черным камнем закопали шведы военную добычу, когда бежали от войска цесаря. Я как раз шел мимо, там в лесу отдыхал и своими глазами видел, что они делают.

– Но, дружище, ведь это было полтора ста лет тому назад. Как же это вы могли видеть?

– Видел, – кивнул старец, – и был тогда точно таким же, каким вы меня видите сейчас.

– Так, значит, вы, Господи помилуй, Вечный Жид! – удивился бедняк.

– Ты угадал, – подтвердил грустно старик, – и так я буду ходить до скончания века, без цели и без родного дома.

Потом он кивнул на прощание и оставил удивленную семью. Они смотрели старику вслед, пока он не исчез в лесу. Потом отец обратился к матери и детям:

– Если старик сказал правду, нам повезло. Давайте попробуем.

Взял он мотыгу и лопату, спустился в овражек и начал копать у черного камня. Мать и дети смотрели на его работу. Отец сделал подкоп под камень, он был небольшой, и его удалось легко свалить. Копал он дальше, разбрасывая землю лопатой, пока наконец мотыга не уткнулась в железо. И вскоре выкопал этот счастливец сундук, военную добычу, закопанную шведами. Ключей от сундука не было, поэтому крестьянин ударил по заржавевшим замкам мотыгой и открыл крышку. Сундук был полон золотых монет. Они были уложены в кожаных мешочках.

Теперь-то уж не должны они были идти по миру, не нужно было им оставлять родной дом. Отец взял из сундука мешочек с золотыми деньгами, сказал матери и детям, чтобы они пока что подождали его в овраге, а на сундук положили свои рюкзаки, и что он быстро вернется. Он поспешил назад в деревню, в избу, взял тележку и поехал назад к сундуку. Потом все вернулись с кладом домой. Это была веселая дорога.

Отец быстро заплатил ростовщику долг. Этот кровосос очень удивлялся, откуда вдруг взялись у них эти деньги. Торги были отменены. А счастливая семья до самой смерти вспоминала своего добродетеля, Вечного Жида.

О каменном управляющем у Станьковиц

У деревни Станьковиц близ Литомержица стоит камень, похожий на столб, в высоту в два раза больше обычного человека, однако каждый видит в нем сходство с человеком. Называют его «Окаменевший управляющий». И это потому, что народные повести говорят о нем так:

«Много лет назад в замке, к которому принадлежали и Станьковицы, жил управляющий, спесивый и надменный человек, мучивший своих подчиненных, перегружавший их работой только ради того, чтобы понравиться своему начальству. По отношению к тем, кто по положению был ниже его, был он недоброжелательным и хотел, чтобы всегда все было по его велению, по его хотению. Бывшие под его властью проклинали его, подчиненные ненавидели.

Бревном в глазу у управляющего был один из лесников, у которого сердце находилось там, где и положено человеку: он не вредил людям, не обращал внимания на вязанку хворосту, который бабка набрала в лесу, не гнал на работы в лес людей, у которых было много дел на полях. И потому люди любили лесника, а управляющий – нет.

Однажды в хозяйстве приказано было выполнить кое-какие работы в лесу. Нужно было вырубить и выкорчевать пару сотен стволов, которые кто-то купил, и отвезти их к реке. Господин управляющий должен был получить от купца хорошую награду, если дерево будет доставлено очень быстро, а потому не обращал внимания на то, что жатва еще не закончена, и приказал, чтобы люди четыре дня в неделю работали в лесу на господ. В деревнях поднялся плач, зажиточные крестьяне и батраки сокрушались, не понимая, когда же им убирать урожай на своих полях, если у них на это оставалось лишь два дня в неделю. Лесник и сам видел, как жесток приказ управляющего, поэтому он пошел в замок, чтобы заступиться за несчастных подданных, но напрасно.

– Будет так, как я приказал, – раскричался управляющий на лесника, – господское дерево важнее деревенского урожая. И ты отвечаешь за то, чтобы на работу вышли все до одного и никто не уклонился.

Леснику не оставалось ничего иного, как подчиниться. Люди хорошо знали, что лесник ни в чем не виноват, и, поскольку его любили, не противились приказу управляющего. Но тому мало было жестокого приказа, он хотел проверить, как все исполняется. Он не доверял леснику, зная, что тот большой добряк. И поскольку ему казалось, что деревья у реки прибавляется недостаточно, был уверен, что лесник облегчает людям их работу. Поэтому однажды он на коляске отправился из замка в Станьковицы. Коляску оставил в деревне, а сам направился к лесу, надеясь застать врасплох лесника. Управляющий встретил лесника по дороге и сразу напустился на него, обвиняя в том, что люди работают на полях вместо работы в лесу.

– Я не гоню на работы всех, – отвечал лесник, – один день работают одни, другой день – другие, чтобы люди могли и на себя поработать.

– А я тебе говорю, что они должны работать по четыре дня в неделю в лесу – все одновременно, – разозлился управляющий на

лесника, – иначе как узнать, кто сколько работает? Ты им потакаешь, обманываешь начальство.

– Все работают как им приказано, – защищался лесник. – Я ручаюсь за каждого. Не в чем меня подозревать. Никогда я никого не обманул и не оболгал. А в знак того, что я говорю правду, пусть из земли ключ забьет!

Тут управляющий, распаленный гневом из-за того, что лесник ему противоречит, воскликнул:

– Лжец! Да пусть я окаменею на этом самом месте, если ты говоришь правду!

И в ту же минуту на месте, где только что стоял управляющий, появился каменный столб, а перед ним забил ключ с чистой водой.

И до сих пор то место, где забил некогда ключ, называют «Ручей лесника», а у его истока стоит «Окаменевший управляющий».

О заклинании огня в Дубравицах

Огонь, как и вода, – хороший слуга, но злой господин. И его горящие уста по-настоящему ненасытны, как только начнут пожирать свою горящую пищу. Часто при пожарах помощь бывает напрасной. В стародавние времена люди верили, что огонь можно заговорить, чтобы он не шел дальше и перестал бушевать. Но такое заклятие огня считалось небезопасным, и получалось оно только у тех людей, которые на самом деле владели особыми тайнами.

О таком заклинателе огня и рассказывает повесть.

В Литомержицком округе находится деревня Дубравицы. Однажды во время очень сухого лета началась после полудня гроза, и молния ударила в сарай зажиточного крестьянина, чье хозяйство находилось вблизи от деревенской площади. Было время жатвы. Сарай, полный зерна, загорелся, как свеча. Люди сбежались со всей деревни и с полей, носили воду, заливали огонь – ничего не помогало. Сарай горел, и все опасались, что огонь распространится на соседние дома и пожар захватит всю деревню.

На крышах ближайших домов стояли люди и заливали водой искры, прилетавшие с горящего сарая. Но было видно, что и тут скоро помочь не удастся, и пожар распространится. Тут приковывляла старая бабка и закричала:

– Ничего вам, люди, не поможет, кроме заклинателя огня. Пошлите скорее за лесничим в Бржези, он это умеет, его покойник отец всему научил. Запрягайте быстрее коней и поезжайте за ним на коляске!

Один из соседей быстро запряг в коляску молодых жеребцов, которые скакали, как черти, и погнал их в Бржези. Вскоре вернулся он с лесничим.

– Быстро дайте какую-нибудь оловянную тарелку! – закричал лесничий, едва выскочил из коляски.

Ему подали тарелку, он вытащил из кармана кусок освященного мела, написал на тарелке четыре незнакомых слова и бросил тарелку в огонь. Потом вскочил он в коляску, сосед с ним объехал сарай и очень быстро поскакали они к Бржези.

Пламя же, на удивление всем, стало уменьшаться, языки его стали короче, со стороны сарая раздавался треск и шипение. Горящие искры перестали летать. Тут внезапно пламя превратилось в горящий клубок, который некоторое время кружил над сараем, и вдруг из него вылетел длинный узкий язык пламени в ту сторону, куда спешила коляска с лесником. Потом огненный язык снова втянулся, горящий клубок уменьшился, треск и шипение прекратились. И неожиданно пламя вознеслось ввысь, закрутилось, как огненный водоворот, и исчезло.

Сарай уже не горел, только тлел, и люди старательно, до последней искорки залили все водой. Вскоре на месте сарая чернели угли, а соседние дома были спасены. Не будь лесничего из Бржези, все Дубравицы сторели бы до золы.

О таинственном ямщике в Муцкове

Сидела однажды семья зажиточного крестьянина в своем доме на окраине деревни Муцков за ужином. Стояла осень, рано стемнело, ворота были заперты. Вдруг услышали домашние с улицы шум какого-то тяжелого воза и через минуту узнали, что воз этот остановился у ворот их хозяйства. Звякнул замок калитки, и тяжелые шаги послышались на дорожке к дому. Пес у будки бешено залаял. Хозяин быстро встал из-за стола и вышел из комнаты. В сени вошел какой-то человек высокого роста, плечистый, с бичом в руке. Это был возчик, в те времена возчики на собственных тяжелых возах перевозили товары.

– Добрый вечер, – поприветствовал возчик крестьянина, – очень вас прошу, хозяин, позвольте сегодня у вас переночевать! В трактире нынче мест нет, там сегодня ночует полно торговцев.

Возчики были людьми надежными. Это крестьянин знал и поэтому сказал:

– Ну так тогда, дружище, поставьте воз под навес, а сами ложитесь спать у нас в гостиной. Я вам дам постельное белье и солому. Ничего не опасайтесь, никто у вас с возу ничего не возьмет, мы на ночь пса спускаем с цепи, а он любого чужака на части разорвет, если кто отважится во двор зайти.

Но возчик попросил, чтобы хозяин позволил ему переночевать в сарае, что ему будет спокойнее спать вблизи от своего воза.

– И потом, – добавил возчик, – в гостиной я бы вам ночью помешал. Со мной сегодня случилась такая вещь: у меня на возу было еще одно колесо, запасное, но оно было плохо привязано, и я его потерял. А тот, кто его нашел, придет в полночь, чтобы мне его вернуть. Он вас может разбудить.

Хозяин удивился этим речам, но ничего не сказал и позволил возчику ночевать в сарае. Тот открыл ворота, завез воз под навес, распряг коня, отвел его в стойло, накормил, а слуга принес ему воды, чтобы напоить коня. Потом возчик пошел на ночлег в сарай, хозяин спустил пса с цепи и вскоре в имении воцарилась тишина. Все спали. Только хозяин бодрствовал. Слова возчика не шли у него из головы, очень хотелось ему узнать, кто и как вернет потерянное колесо. Сел он впотьмах в гостиной к окну, стал смотреть на двор и ждать, что будет. Превозмогал он сон как мог и наконец дождался полуночи. На башне костела начали бить часы. Как только они отбили, хозяин увидел, что, откуда ни возьмись, идет по двору к сараю человек, катя колесо от воза. Странно было, что пес даже не залаял. Тут этот человек остановился недалеко от сарая, поднял колесо и – праск! – бросил его в запертые ворота сарая, да с такой силой, что разбил их. На крестьянина напал такой ужас, что он убежал в каморку и залез в кровать.

Утром хозяин проснулся, когда уже совсем рассвело. Посмотрел он на сарай, но ничего не увидел. Веза уже не было под навесом. Пошел он к сараю, и правда – ворота были совершенно целыми.

На дворе слуга сказал хозяину, что возчик выехал очень рано, еще в темноте. И больше его никто никогда в деревне не видел.

О помощнике лесничего из книницкого охотничьего домика

Книницкий округ на Устецку был обширным, а господин лесничий уже не мог ходить по лесу. Был он уже стар, у него постоянно ломило кости, и часто целыми неделями не выходил он из охотничьего домика и настрадался от боли достаточно. Не помогла ему и мазь, которую принесла старуха-знахарка, только немного полегчало, но вскоре боль вернулась с прежней силой.

– Ничего не помогает, – говорил лесничий, – плохи мои дела. По лесу ходить не могу, ноги не ходят, и браконьерская банда знает о том. Так они мне понемногу всех зверей в лесу перестреляют. На лесников положиться нельзя, придется взять какого-то парня в помощь.

Сделал как решил. Приехал в охотничий домик парень-лесник, который вместо старого лесничего стал ходить по лесу. Жил он там уже четырнадцать дней, и старый лесничий любовался тем, какой у него замечательный помощник.

Однажды вечером парень в охотничий домик не вернулся. Лесничий подумал, что тот, обходя лес, зашел слишком далеко и остался где-то переночевать. Но утром пришел лесник и сообщил, что парень лежит в лесу застреленный у большого дубового пня на краю поляны.

Лесничий знал, что его помощника убили браконьеры; об этом он сообщил в управление и попросил, чтобы ему прислали другого помощника. Пришел к нему новый парень – высокий, как гора, и пообещал лесничему, что он это так браконьерам не оставит и что всех их переловит. Он брал с собой пса и ходил по лесам с утра до вечера и даже ночами. Через неделю, ближе к вечеру, вышел он из охотничьего домика и услышал выстрел из ружья неподалеку. Он поспешил туда и через пятьсот шагов нашел огромного застреленного оленя, о котором старый лесничий рассказывал, что его лесники берегли от браконьеров как зеницу ока. Парень проклял браконьеров, послал по их следам пса, а сам поспешил вслед и до самой ночи гонялся за ними по лесу, но тех и след простыл. Когда к полуночи

парень возвращался домой и пришел туда, где застрелили оленя, то остановился, как громом пораженный. Олень исчез. Пока бегал он далеко в лесу за браконьерами, они утащили убитого зверя. Парень от злости не знал, что и делать. Он прибежал к леснику в избушку, разбудил того, и оба до самого утра прочесывали лес с собаками, но напрасно.

Когда же молодой помощник вернулся утром в охотничий домик и рассказал все лесничему, началось настоящее светопреставление. Старик ругался, проклинал, призывал на головы браконьеров тысячи громов и молний и снова проклинал свою судьбу, что не может он сам пуститься за ними в погоню. Помощник соглашался с лесничим и обещал, что будет неустанно искать негодяев, пока не поймают. После этого он с лесниками и собаками целую неделю гонялся по всему лесничеству, искал в деревнях, но все безрезультатно: ни следа браконьеров обнаружить не удалось. А однажды утром нашли молодого помощника, убитого в лесу, он лежал у большого дубового пня на краю поляны.

У старого лесничего мороз пошел по коже, когда ему рассказали об этом несчастье. А в лесном управлении, в замке, когда там получили весть об убийстве, не знали, что и поделать. И ничего не оставалось, как найти нового помощника для книницкого лесничего.

Пришел черед молоденького паренька, ростом как девушка, и красивого, как картинка. Правду сказать, не хотел идти на службу, потому что знал о судьбе своих предшественников и боялся за собственную жизнь. Но служба – это служба, пришлось послушаться. Начальник лесной управы сказал ему, чтобы не разыскивал в лесу браконьеров, пока они не совершат новое преступление. А для обычных обходов леса чтобы брал с собой лесника. Новый помощник прибыл в книницкий охотничий домик и очень понравился лесничему.

– Может, уже наступит покой, – сказал лесничий помощнику, – начальник лесной управы считает, что надо действовать по-хорошему. Ну, взял черт какой-то кусок зверя! Стоит ли ради этого рисковать жизнью?

На следующий день лесничий послал помощника с лесником, чтобы они обошли лес. В полдень прибежал совершенно запыхавшийся лесник и, едва переведя дух, закричал:

– Господин лесничий, помощника застрелили!

Старик схватился за голову, потом схватил лесника за плечо и закричал:

– Что ты такое говоришь? Как это случилось?

– Шли мы с ним по лесу, – доложил лесник, – весь округ обошли, все было в полном порядке. Когда же мы возвращались через полянку и подошли к тому несчастному пню, я подумал: «Сказать ли ему о том, что это за страшное место, или не говорить? Эх, чего там. Лучше промолчать, чего пугать беднягу напрасно». Подошли к пню, вдруг слышу, как пулька просвистела у самого моего уха, а парень свалился. Но что самое удивительное: выстрела я не слышал! Я к нему бросился, а он уже мертвый. Прямо в лоб ему попали. Меня такой ужас охватил, что я вскочил и побежал сюда. Бедный паренек, пришел к нам за собственной смертью!

Старый лесник расплакался, как дитя, и старик-лесничий заплакал вместе с ним.

Чуть больше месяца прошло, а на книницком кладбище похоронили уже третьего помощника. Начальник лесной управы был в ужасе при мысли, что этого красивого парня он послал на верную смерть. Приехал начальник в книницкий охотничий домик, стали они с лесничим советоваться, что же делать, и порешили на том, что оставят пока браконьеров в покое, пока те не осмелеют и не совершат новое преступление. А уж после этого созовут они охотников и лесников со всей округи и тщательно прочешут весь лес.

– Тут не обойдется без нечистой силы, если мы этих мерзавцев не поймем, – повторял лесничий, – к тому времени и я буду на ногах – и в каждый уголок заглянем. Лишь бы только этого стрелка поймать, который троих бедняг на тот свет отправил! Это уж точно, что всех трех убил один и тот же!

Примерно через неделю после этого сидел лесничий за ужином, и тут кто-то постучал в двери, и в жилище вошел молодой человек с ружьем на плече. Пес, свернувшийся у камина, при стуке в дверь вскочил, залаял и прыгнул к дверям, но как только увидел и учуял того человека, лаять перестал еще раньше, чем лесничий на него прикрикнул, и прижался к земле.

Пришедший поздоровался, лесничий посмотрел на него и увидел тощего человека со смуглым, будто цыганским, лицом, с черными как

смола волосами и пронзительными глазами, поблескивающими из-под густых сросшихся бровей.

Лесничий спросил чужака, кто он и что его сюда привело, и тот ответил, что он помощник лесничего и пришел на службу. Его сюда послал начальник лесного управления. И быстро вытащил из сумки бумагу, в которой черным по белому было написано, что он назначен помощником.

– А знаете ли вы, дружище, – уставился лесничий на помощника, – что это значит: попасть в книницкий охотничий домик?

– Знаю, – немедленно ответил парень и ухмыльнулся, – вы хотите сказать, что тут за месяц с небольшим браконьеры трех помощников застрелили. Но я не боюсь. Я хорошо погулял по белу свету и кое-чему научился. Посмотрим, кто кого.

Так и остался помощник у лесничего. На следующий день, когда утром пришел лесник в охотничий домик, попросил его новый помощник показать место, где погибли те трое несчастных. Лесник пошел, но сразу предупредил, что к дубовому пню с ним не пойдет, а только издалека ему покажет.

– Да я и сам туда не хочу идти, – засмеялся смуглый парень, – я только хочу знать, какое место обходить стороной.

Лесник зашел с помощником лесничего в лес и через полянку указал ему издалека огромный дубовый пень, то самое несчастливое место, и рассказал, с какой стороны прилетела та роковая пуля.

Потом помощник отпустил лесника и отправился в лес с другой стороны. Но когда увидел, что лесник уже далеко, вернулся к полянке и пошел прямо к тому ужасному пню. Как только подошел он к нему, достал из кармана кусок черного мела и нарисовал на пне ногу совы. Потом он быстро снял с головы шляпу, положил ее на пень, прикрыв ею свой рисунок, и отскочил за дерево. И в этот момент – взззззз! – прилетела к пню пуля. Зеленая шляпа подскочила. Помощник лесничего быстро вскочил, приподнял шляпу – а под ней лежит пуля, точно на совиной ноге, пулю он забрал, а шляпу снова быстро положил на пень.

Как только он отпрыгнул, засвистела другая пуля и снова оказалась под шляпой. Он ее быстро забрал. Точно так же получилось и с третьей пулей. После этого помощник уже не прятался. В руке он держал три пули: две оловянные, третья стеклянная. Оловянные он

спрятал в карман, стеклянную вставил в ружье, вынул из кожаного мешочка, который висел у него на шнурке под рубашкой, какую-то бумажку со странными каракулями, смял ее и хорошенько затолкал в ствол ружья. Потом он повернулся в ту сторону, откуда прилетели пули, нарисовал стволом в воздухе совиную ногу, прицелился и выстрелил.

Минуту он стоял неподвижно, потом громко и зло засмеялся, так что из леса отозвалось эхо, взял шляпу с пня, ружье повесил через плечо и пошел домой.

Лесничий сидел на ступеньках у домика и, увидев помощника, спросил:

– Это вы стреляли?

– Я, – ответил на это помощник, – но до меня стрелял кое-кто другой. Только тех выстрелов вы не слышали.

Потом он вынул из кармана оловянные пули и показал лесничему. На них был выдавлен какой-то странный знак. Помощник сказал:

– Вот эти пули были для меня. Это волшебные пули. Кто хочет отлить такие, должен это сделать только в ночь Ивана Купалы, знать нужный заговор и иметь кое-что, чтобы насыпать в котелок во время заговора. Поймал я и еще одну пулю. Но ту я послал туда, откуда она пришла. Она-то и выбила душу из того, кто покушался на мою жизнь и кто моих предшественников отправил на тот свет. Теперь лесничество очищено.

К вечеру того дня лесник принес новость, что в деревне за лесом нашли застреленного крестьянина в его сарайчике на току. Это был старый браконьер, которого никак не получалось поймать на месте преступления. Теперь-то лесничий понял, что произошло и что сделал его смуглый помощник на вырубке. Но они друг с другом об этом не говорили.

С тех пор о браконьерах не было в округе ни слуху ни духу. Но тот помощник лесничего, волшебный стрелок, надолго в охотничьем домике не остался. Однажды он бесследно исчез. И больше о нем ничего не известно.

Об окаменевшем стаде у Шибиржова

На пастбище рядом с лесом у Шебиржова пас молодой пастух стадо. Были это коровы со всей деревни. Однажды ближе к вечеру сидел пастух на камне и смотрел, как солнышко постепенно садится за гору. Коровы лежали вокруг и спокойно жевали траву. Вдруг из леса вышла старая женщина и направилась к стаду. Была она горбатая, с растрепанными седыми волосами и острыми глазами. В руке она держала крынку и направилась к самой лучшей корове, собираясь ее подоить.

Пастух вскочил, рассерженный такой смелостью, и погнался за старухой с бичом. Но когда он уже был рядом, она на него посмотрела таким взглядом, что у пастуха руки опустились, и он остался стоять как замороженный.

– Плохо тебе будет за то, что ты меня отогнал! Коров сегодня домой не приведешь!

И исчезла в лесу. Пастух пришел в себя от испуга и увидел, что все коровы, которые лежали на пастбище, окаменели. Он схватился за голову: что теперь делать? Он не смел показаться крестьянам на глаза. Пастуху пришло в голову, что надо найти старуху и умолить ее, чтобы она ему помогла вернуть стадо. Он побежал за ней в лес и принялся повсюду ее искать.

В деревне между тем пастуха уже не могли дожидаться. Когда уже сильно стемнело, люди отправились на пастбище. Издалека было видно, что коровы спокойно лежат, но пастуха рядом с ними нет. Однако когда подошли ближе, поняли, что коровы окаменели.

А пастух тем временем блуждал по лесу, напрасно разыскивая старуху. Только к полночи подошел он к скале, у подножия которой стояла бедная избушка, а в окне горел огонек. Пастух заглянул внутрь: там у камина сидела старушка, которую он искал, на огне стоял котелок, над ним поднимался густой пар. Огромный черный кот стоял возле старушки, выгнув спину. И так все в комнатухе выглядело, что пастуху сразу стало ясно, что старушка – волшебница. Но он без страха переступил порог.

Старуха тут же узнала вошедшего и противно захихикала. Пастух попросил, чтобы она сжалилась над ним и оживила коров.

– Ты не заслуживаешь моей помощи. Ты плохо повел себя со мной. Но ты защищал чужое имущество, поэтому я тебя прощаю. Если ты

сам спустишь все те камни по склону в долину, вернешь себе своих коров.

Пастух поблагодарил и пошел обратно. По дороге он размышлял, как это у него получится. Ведь он не был настолько силен, чтобы даже с места сдвинуть те огромные каменные болваны. Но что ему оставалось иного, как не попытаться это сделать?

Пришел пастух на пастбище в предутренней мгле и принялся работать. То, что по дороге казалось ему невозможным, легко получалось. Он вдруг почувствовал в своих руках необыкновенную силу, и ему казалось, что кто-то невидимый ему помогал. И так сваливал он по склону в долину болван за болваном. И только последний камень не смог он сдвинуть с места. Это была его собственная корова. В конце концов он оставил напрасные попытки, поняв, что волшебница таким образом хотела его наказать. Он быстро спустился в долину. Там у дороги паслись коровы.

Пастух был очень рад, что собрал все стадо целиком. Со своей коровой он мысленно попрощался.

И та единственная окаменевшая корова лежит на пастбище у Шибиржова и по сей день.

Об охотнике-волшебнике

В Скальце у Уштека жил охотник, о котором говорили, что он умеет такое, что выше человеческого разума. Он мог подстрелить зверя с огромного расстояния, и так уверенно, никогда при этом не промахиваясь. Говорили, что умеет он отливать волшебные пули, которые долетают туда, куда он их посылает, даже не видя цели. Но многие утверждали, что в этом ему помогает сам дьявол и что к тому же охотник отписал ему свою душу.

И много всего иного умел тот охотник. Сумел, например, сделать так, что у бабы, собиравшей в господском лесу хворост без дозволения, все вдруг разлетелось из полного короба. Баба, идя домой с полным коробом хвороста, увидела у дороги высокий пенёк и захотела поставить на него короб, чтобы отдохнуть от тяжкой ноши. Но едва уселась спиной к пню на землю, чтобы поставить короб, пенёк исчез и баба свалилась наземь вместе с ношей.

Браконьеры тоже от скальского охотника ничего хорошего не видели. Он мешал им охотиться. К примеру, поджидает браконьер серну, серна выйдет, браконьер уверен, что выстрелит без промаха, но в тот момент, когда он готов уже нажать на курок, чувствует, как кто-то толкает его под левую руку, браконьер вздрагивает, выстрел происходит, но пуля летит бог знает куда, а серна скрывается в лесу. Или ночью браконьер подстерегает дичь, чтобы точно быть в нужном месте, когда начнет светать. Он хорошо знает лес и в потемках не заблудится, но вдруг ему кажется, что пошел он неверной дорогой. Вернувшись, не может он найти тропку, с которой свернул, идет дальше и видит, что заплутал. И так мотается браконьер по лесу до самого утра, пока наконец не находит то место, где входил в лес.

Это ему тот охотник подстраивает. А иногда браконьер в сумерках стреляет в серну, серна падает, а когда браконьер прибегает на это место, серны и след простыл. Так что в скальском округе браконьерам не везло, они его обходили стороной.

Пришел однажды в охотничий домик земляк и попросился на ночлег.

– Что ж, – сказал охотник, – оставайтесь здесь, земляк, расскажете мне хотя бы, что нового в свете происходит. Мы у нас об этом мало

знаем. Получите ужин, выпьем по стаканчику и посидим вместе.

Земляк был, ясное дело, рад. Поужинали, охотник дал земляку табачку, чтобы тот набил трубку, сам тоже закурил, сидели, пили, курили, разговаривали. Все домашние давно уже улеглись спать, только эти двое все беседовали. Зашла речь о том, кто что умеет, охотник похвалился, как он баб и браконьеров гоняет из леса, земляк, в свою очередь, поведал о своих проделках на мельнице, как удалось ему одурачить водяного. Так они болтали и выпивали до полуночи.

Но земляку показалось, что охотник ему не особо верит, и он сказал:

– Вот чтобы вы своими глазами, господин лесничий, увидели, что я могу, я покажу вам кое-что.

Полез он в карман и вытащил оттуда горсть ячменя. Слегка дунул на нее, что-то пробормотал и разбросал зерно по столу. Через минуту ячмень начал всходить, расти, и стол быстро покрылся зелеными ростками. Земляк посмотрел на охотника, мол, что он на это скажет.

Господин лесничий ничего не говорил, только крутил свой густой седой ус, слегка усмехаясь. Потом встал из-за стола и подошел к окну.

– Ну, а теперь я, – сказал он, раздвинул занавески и открыл окно в темную ночь.

После этого он свистнул в два пальца так, что у земляка уши заложило. Не успел он и до пяти досчитать, как через окно вскочил в светлицу большой заяц, прыгнул на стол и стал пастись на молодом ячмене. Такого земляк не ожидал. Он стоял как окаменевший, но потом начал громко смеяться над ответом охотника. Ушастый же через минуту весь ячмень съел, спрыгнул на пол и одним прыжком оказался за окном, снаружи.

Так земляк с охотником показали друг другу, что могут. Было уже поздно, отправились они спать. А утром земляк повесил рюкзак через плечо, поблагодарил охотника за ночлег и угощение и отправился дальше, куда-то к мельнице. Когда же по дороге вспоминал он о фокусе охотника, все время смеялся.

О волшебных цветах на Ронове

Юго-западнее Липова есть высокая лесистая гора Ронов, на вершине которой можно обнаружить руины когда-то крепкого замка,

который так и назывался – Ронов.

Об этой горе сохранилась такая повесть.

Один бедный человек из Литиц слышал от своей бабушки, что у подножия Ронова расцветают в полночь перед праздником Ивана Купалы волшебные цветы. Если их нарвать, они принесут счастье. Бедняку не очень везло, никак не получалось заработать, и тут он вспомнил о том, что рассказывала ему бабушка, и решил в ночь накануне Ивана Купалы пойти на Ронов. Ему не хотелось идти одному, он рассказал о своем намерении двум соседям, и отправились они втроем за чудесными цветами.

Когда они пришли в места, где, по бабушкиным рассказам, растут эти цветы, было близко к полуночи. Встали они так, чтобы видеть друг друга, а бедняк очертил освященным мелом круг вокруг каждого, чтобы злые силы не имели над ними власти. И стали они ждать полуночи. Вскоре послышался бой часов на башне костела в Ближеведлях. Когда прозвучал последний удар, откуда ни возьмись появились три черные фигуры, стоявшие как раз между очерченными кругами. Пришедшие за цветами соседи тряслись от страха и старались понять, что это значит. Они увидели, что у троих черных лежат на земле какие-то деревяшки и что они начали копать три ямы. Когда выкопали, подтащили к ямам брусья, поставили их в ямы, укрепили там, как три столба, и соединили их бревнами. С ужасом поняли несчастные искатели цветов, что это виселица.

Когда виселица была построена и укреплена, один из черных сказал:

– Теперь надо решить, кто из них будет первым?

– Тот, с красной шапкой!

А красная шапка была у того, кто привел туда остальных. Он служил у драгунов и с тех пор все еще носил красную шапку. Он очень испугался, услышав те слова. И в ужасе закричал:

– Господь Бог с нами, а зло – прочь!

И тут же все исчезло. Ни следа не осталось – ни от виселицы, ни от тех черных. Несчастные соседи уже и думать забыли о волшебных цветах и стрелой помчались домой, а потом долго не могли опомниться от испуга.

Больше уж из Литиц не ходили в ночь на Ивана Купалу под Ронов за волшебными цветами.

О чертовой стене у Смирнова

У подножия Ештеда тянется удивительная гряда скал длиною в двадцать восемь километров. Это базальтовая жила. Песчаник по обеим сторонам этой жилы был со временем разрушен, так что скалистая гряда выступала на поверхности земли как высокая дамба или стена, шириной два-три метра и высотой от трех до семи метров, сложенная из базальтовых брусьев, уложенных ровно, словно поленья окаменевших деревьев. Эта природная стена до наших дней полностью не сохранилась, базальт широко используется как дорожное покрытие, так что люди издавна его добывали и сейчас добывают. Теперь эта базальтовая стена во многих местах разрушена. Самой большой высоты достигает часть стены у деревни Смирнов. Ее называли Чертова стена. Там, в этой деревне, и сохранилась повесть об этой стене.

В давние времена, когда немцы стали обживать чешские края, жители Смирнова увидели, что немцы подступают все ближе и ближе к ним. Им это не нравилось. Немцы никогда не были добрыми соседями.

Сидели однажды зажиточные крестьяне в смрновском трактире, что-то обсуждали, попивая пиво, зашла речь и о немцах, что они уже в соседней деревне Котли дома и землю покупают. Один из крестьян и сказал:

– Увидите, если у нас что-то будет продаваться, это купит немец. И все они у нас, в Смирнове!

– Только их нам тут не хватало, – сказал другой, – с ними отношения никогда иметь не будем. Они любят командовать, все господ из себя изображают. Вот было бы хорошо, если бы кто-нибудь выстроил высокую стену между нами и немцы сюда бы не добрались!

Стрелки на старых часах в трактире подбирались к двенадцати, когда крестьяне стали расходиться по домам. У всех немного в головах шумело. Тот крестьянин, который говорил о стене между ними и немцами, хотел еще сходить за гумно. У него в поле был скошенный овес, и он подумал, не тащит ли кто его с поля. Он знал, что кое-кто любит кормить гусей задарма.

Пришел крестьянин за гумно, посмотрел на овес, все было в порядке. Посмотрел он на небо, было ясно. Он подумал, что соберет

овес, хорошая погода еще продержится, потом посмотрел в сторону Котли, вспомнил о немцах и о том, что о них говорили в трактире. И повторил сам себе:

– Уверен, если бы тут кто-то выстроил хорошую стену, было бы лучше всего. Эх, если бы черт захотел взяться за эту работу!

Едва он это договорил, что-то вдруг блеснуло в небе, среди ясного неба загрохотал гром, и откуда ни возьмись перед крестьянином предстал, злорадно хихикая, детина, и сказал:

– Ты звал меня, и вот он я. С удовольствием возьмусь за работу, сделаю что ты хотел. Но – баш на баш: начну строить завтра, как стемнеет. Если успею построить стену до петушиного крика, получу твою душу. Но не сейчас, а после твоей смерти.

Крестьянин, не совсем еще трезвый, почесал за ухом, голова его кружилась, и подумал он: «Да где тебе, черт, с вечера до первого петушиного крика такую стену выстроить. Ведь она должна быть хотя бы четыре мили длиной. Чего мне за свою душу бояться!»

А вслух сказал черту:

– Годится! Но строить начнешь от Бездеза, а закончишь за Ештедами.

Черт согласился. Ударили по рукам и договорились. После этого тот черный, прежде чем исчезнуть, сказал крестьянину:

– Овес этот завтра днем собери, иначе его лишишься!

После этого крестьянин вдруг оказался на поле один. Он не мог прийти в себя от удивления, в голове его шумело. Собрался он с силами, пошел домой, улегся и уснул как убитый.

Утром, проснувшись, крестьянин тут же вспомнил о происшествии на поле. В первую минуту после пробуждения ему показалось, что все эти разговоры с чертом он увидел во сне. Но правая рука, которую он подал черту, все еще болела. И душа его затрепетала, когда вспомнил он о том, что пообещал темному. Он чувствовал слабость, а когда встал, ходил по своему двору, как привидение. Жена, наблюдая за мужем, подумала, что это с ним потому, что он перебрал в трактире. А когда увидела, что муж никак в себя не приходит – а была это женщина разумная, – подступила она к нему с расспросами, что и как с ним приключилось. Он ей рассказал, о чем они беседовали в трактире и что с ним приключилось в поле.

Хозяйка, правду сказать, ломала руки над мужем, который черту душу запродав, доказывая, что случилась настоящая беда. Когда же она немного поутихла, стала размышлять. Жена крестьянина была хитрая и осторожная, о ней в деревне говорили, что сам черт ее не проведет. А теперь речь шла о том, чтобы она сама смогла провести черта. Много времени ушло у нее на раздумья.

– Послушай, глупец, – сказала хозяйка мужу решительно, – ты еще не знаешь, не обманул ли тебя черт. Такую стену построить, чтобы немцы ее преодолеть не смогли, – это не игрушка. Посмотрим вечером, начнет ли он работать. А если и начнет, чтобы заполучить твою душу, так я его перехитрю. Он тебе еще сказал, чтобы ты сегодня овес собрал, так и сделай это, ущерба не будет.

Тогда крестьянин, немного утешенный, собрал работников, и отправились они убирать овес. Сосед спросил его, что это он так торопится овес с поля увезти, вроде погода дождя не предвещает. Но хозяин ответил, что чувствует грозу в воздухе, если она не начнется днем, то уж наверняка разразится ночью. Сосед посмеялся, но позже очень пожалел, что тоже не отправился убирать свой овес. Сразу после захода солнца показалась со стороны Бездез черная туча, которая стала быстро расти. Она выглядела, как покрывало, под которым было темно. Вдалеке начали сверкать молнии, наконец все небо сделалось черным, послышался гром. Хозяин сидел дома у печи испуганный, хозяйка зажгла лампадку у иконы и была сама не своя. Потом сказала она мужу:

– Слышишь, отец, мне кажется, что черт начал строить!

Крестьянин испугался до смерти, чуть с лавки не свалился. Но жена его успокоила:

– Ничего не бойся, черт еще не выиграл, посмотрим, что будет.

Гроза прекращалась, уже не сверкало, но грохот был слышен каждую минуту и все ближе и ближе. Ближе к полуночи смелая крестьянка выбежала из дома и поспешила за гумно. Вскоре она вернулась вся запыхавшаяся и сказала мужу:

– Он уже близко от нашей деревни; строит высокую стену. Похоже, может и успеть.

Крестьянина будто бы обескровили. Ему стало дурно, он от страха взял жену за руку. Но та свою руку отдернула и напустилась на него:

– Сумел с чертом договориться, а теперь не знаешь, что делать. Но я ему покажу!

Выбежала крестьянка из светлицы и снова побежала за гумно. Там она увидела, что стена уже протянулась за деревню. Она не стала мешкать, и в ту минуту, как гром затих, она, повернувшись лицом к деревне, закукарекала.

Петух с ее двора, услышав кукареканье, тоже закукарекал, а за ним и все деревенские петухи. А черт как раз в это время шел мимо Смржова, неся за плечами огромный мешок с камнями. Как только услышал он кукареканье, понял, что проиграл. Он зарычал от бешенства, в небе засверкало, загремело, и полил страшный ливень. Но черт с мешком отлетел к горам, не достроив стену. По дороге высыпал он камни из мешка, чтобы ему было легче лететь.

Крестьянка прибежала домой промокшая до костей, но смеялась тому, как удалось ей черта провести. Рассказала она обо всем мужу, у которого страх сразу испарился. Он был очень рад, что ускользнул из когтей черта.

К утру погода улучшилась, светило ясное солнышко. Люди пораженно смотрели на стену, которая протянулась за деревней, высокая и крепкая. У кого ночью оставался на поле сжатый, но не убранный урожай, тому этот ужасный ливень все затопил, а еще не сжатый урожай был полностью уничтожен.

Из камней, которых черт во время бегства выбросил из мешка, у деревни Светлая образовался холм, который назывался Горка. Стена так и осталась недостроенной, и до сих пор в том краю ее можно обнаружить, и называют ее именем того, кто ее построил. Она крепкая и высокая, но от немцев этот край все же не уберегла.

О лесной нимфе в Бездечине

Жил когда-то в Бездечине у Годковиц зажиточный крестьянин, который однажды в лесу увидел красивую девушку, спящую на мху. Когда он к ней приблизился, девушка вскочила и захотела убежать. Но крестьянин схватил ее за руку и не отпускал. По ее одежде он понял, что это лесная нимфа. Она так ему понравилась, что он спросил, не пойдет ли она за него замуж. Лесной нимфе молодой крестьянин тоже понравился, она согласилась и пошла за ним в его имение. Мать

крестьянина удивилась, кого это сын привел, но будущая невестка так ей приглянулась, что она не возражала, чтобы сын женился на лесной нимфе.

Когда сыграли свадьбу, сказала невеста жениху:

– Буду все делать, чтобы ты был мною доволен и никогда не пожалел, что взял меня в жены, но только одно не смей делать: никогда не злись на меня, иначе я уйду, и больше ты меня не найдешь.

Крестьянин засмеялся: такого не могло случиться, чтобы он на нее разгневался.

И правда, молодая жена была хорошей хозяйкой, все шло в их имении замечательно, всюду был порядок – одно удовольствие посмотреть. Муж любил жену, она к тому же прекрасно ладила со свекровью, заботилась о ней и во всем ее слушалась. За это старая крестьянка любила ее как собственную дочь.

Однажды перед жатвой отправился крестьянин на несколько дней по делам в Прагу. Вся забота о хозяйстве легла на молодую жену. На третий день после отъезда мужа велела она работникам, чтобы сжали они большое поле жита, которое было еще зеленым. Удивились этому жнецы, и свекровь отговаривала невестку, думая про себя, что та отдала странный приказ не от здорового рассудка. Но молодая хозяйка настаивала на своем, говоря, что знает что делает, и велела сжать зеленое жито и привезти его домой. В деревне каждый только головой крутил от удивления. Через день после этого крестьянин возвращался домой. Поехал он вдоль поля и увидел сжатую ниву. Он остановился как вкопанный. Случайно поблизости оказался человек из соседней деревни, тот ему и рассказал, что хозяйка велела сжать урожай и отвезти его домой. Тут хозяин вышел из себя от злости, начал проклинать свою жену и в бешенстве помчался домой. Заехал во двор, выскочил из повозки и с бранью побежал в дом. Он искал жену, но о той не было ни слуху ни духу. И старая мать не знала, где она. И свекровь, и муж решили, что не иначе как молодая хозяйка лишилась рассудка.

Чтобы ее найти, побежал крестьянин в поле. И в это время небо затянулось черной тучей и начался град. Хозяин был рад, что ему удалось укрыться в пастушеской хижине. И тут началось светопреставление. Падали градины размером с голубиное яйцо, и через полчаса весь урожай на полях был уничтожен градом.

После грозы вышел крестьянин из хижины и грустно отправился домой. Он вспомнил, что сказала ему жена сразу после свадьбы: что уйдет, если он на нее разозлится, и больше никогда он ее не найдет. А он так ругал жену за это скошенное жито! И к тому же теперь он понимал, что жито все равно было бы уничтожено.

В воротах дома стояла старая мать и смотрела, не ведет ли сын жену домой. Но тот сказал, что искать ее напрасно.

– Знаешь, что я тебе скажу? – сказала старая крестьянка. – Все сжатое жито в сарае совершенно сухое и спелое. Молотить будет одно удовольствие!

Так и было. Только тогда крестьянин понял, что напрасно напустился на жену, что она знала о грозе и потому велела скосить жито. Но сокрушаться было поздно: жену он больше никогда не увидел.

О бесенке в Борке

При дороге от Турнова к Йичину лежит деревня Борек. Там давным-давно было только два больших хозяйства, остальное – бедные избушки. А у тех двух зажиточных крестьян были хорошие поля по соседству. Но у одного крестьянина, назовем его Якуб, из года в год урожай уменьшался, а у другого, Йиржика, зерна с каждым годом прибывало. Якуб этому очень удивлялся, он считал, что делает на поле все что нужно, как Йиржик, так же пашет, так же удобряет – и такая между ними разница! Урожай-то у Якуба был хорош, но когда наступало время молотбы, оказывалось всегда больше плевел, чем зерен. У Йиржика же из года в год зерна было все больше и больше, так, что пол в амбаре прогибался.

У Якуба не шла из головы эта разница между ним и соседом. Однажды он заговорил об этом со своим отцом, который, передав сыну все свое хозяйство, находился теперь на его содержании, и тот сказал:

– Мальчик мой, не иначе, как этот Йиржик держит у себя бесенка.

– А может, так оно и есть, – задумался Якуб, – но как узнать об этом наверняка?

– Подожди, – сказал отец, – в горах, в той избушке с краю, живет человек, который понимает в этих делах. Вот к нему, Якуб, загляни!

Крестьянин послушался отца и пошел к тому человеку. Когда тот все выслушал, кивнул головой и сказал:

– Да, хозяин, это так, как вы думаете, с этим бесенком. Я вам дам такой совет: наберите можжевеловых шишек и велите высушить их в печи. Потом, когда будете урожай молотить, подмешайте к нему эти шишечки. А когда будет ваш сосед отделять зерна от плевел, пойдите туда посмотреть на его урожай, узнаете, что и как.

Крестьянин поблагодарил за совет и пошел. По дороге у леса набрал можжевеловых шишек полные карманы. Почти у самого своего дома увидел он соседа, стоящего у ворот своего хозяйства. Сосед окликнул его и спросил, почему его целый день видно не было.

– Да дела у меня были в городе, – ответил Якуб неприветливо и направился к себе, ему не хотелось с соседом разговоры вести.

– Ну, ну, ты сегодня не в духе. – Йиржик заулыбался и спросил: – Что завтра молотить будешь?

– Пшеницу, – ответил Якуб и уж больше с Йиржигом не говорил.

На следующий день молотили в хозяйстве Якуба пшеницу. Когда в полдень все ушли обедать, крестьянин остался на поле в одиночестве и разбросал можжевеловые шишки в зерно. А вечером, когда узнал, что у соседа молотят, поспешил к нему.

Пришел Якуб к Йиржику в сарай, Йиржик как раз молотил пшеницу. Он слегка смутился, когда увидел соседа.

– Что это ты вчера был такой хмурый? – говорит.

– Иногда заботы человека одолевают, – ответил Якуб и посмотрел на гору пшеницы. Нагнулся, набрал горсть и стал рассматривать зерно. И тут его будто кто-то толкнул – увидел он можжевеловую шишечку. Посмотрел еще, увидел другую, третью. Так вот оно в чем дело! Хороший совет дал ему тот человек, когда объяснил, как удостовериться, что соседу служит бесенок.

Тут Якуб встал против Йиржика и напустился на него:

– Так вот что ты творишь! Замечательный у меня сосед! Столько лет у меня крадешь! Стыдись, вор!

И Якуб с бранью выбежал из сарая. Йиржик ни слова не сказал, но на следующий день пошел в город и огласил все дело в суде. Что он не вор и не позволит покушаться на свою честь. Якуб же все рассказал в суде, как понял он, что Йиржику служит бесенок, который у соседа таскает зерно. Но Якуб проиграл. Судья сказал, что нельзя верить в

такие предрассудки. Якубу показалось, что богатый Йиржик дал судье взятку.

Но с тех пор в деревне все обходили Йиржика стороной, люди к нему даже на работу не нанимались. И наконец Йиржик продал всю свою живность и уехал вместе со своим бесенком в далекие края, где никто его не знал.

Об амбарщике в Железобродске

В одну деревню рядом с Железным Бродом пришел к зажиточному крестьянину работник. Это был статный парень, работал как вол и рад был повеселиться. Знал он много песен и сам их иногда сочинял. Был он бесстрашный, напугать его не удавалось никому. Когда в той деревне сходилась молодежь летними вечерами и ребята рассказывали друг другу всякие истории, зашла однажды речь об амбарщике. Тот работник не знал, кто это такой.

И ему рассказали, что это человек маленького роста, который пугает людей в амбарах. У него железные кости, но тело человеческое, и ходит он одетый в железные доспехи. Появляется он обычно в амбарах и зернохранилищах, охраняет их от воров. Кто его не замечает, тому он ничем не повредит, но если его испугнуть, мстит жестоко. Работник посмеялся над этой историей, назвав ее бабьей болтовней, которая ничего не стоит.

Когда компания разошлась, работник пошел домой один. Чтобы сократить дорогу, он пошел за гумном, а оттуда с конца деревни в хозяйство, где работал. Месяц светил ясно, в деревне было уже тихо, только кое-где иногда лаяли собаки. Шел себе парень по тропинке за заборами, напевал тихонько, и показалось ему, что у одного амбара мелькнула какая-то тень. Работник остановился, оглянулся, но никого не увидел. Прислушался – но вокруг и мышь не пробежала.

– Наверное, это был тот самый амбарщик, – сказал себе работник и засмеялся, – он тут сторожит урожай.

И из шалости начал петь:

– Амбарщик, хей, хей, хей, ты, железный человечек! Покажись мне, иди ко мне, проводи меня до дому!

И только он это допел, у амбара что-то зашумело, и работник увидел, что к нему приближается человечек в доспехах, шаги у него

тяжелые, и железные латы поскрипывают на нем. Смелость оставила работника, хотел он пуститься бежать, но ему показалось, что ноги его одеревенели, он не мог сдвинуться с места. Человек подошел к нему, схватил его за шею, бросил в кусты и стал его топтать. Понятное дело, парень закричал. Ему повезло, что в то время шел поблизости по меже лесник. Он быстро отозвался и с бранью побежал на крики о помощи.

Амбарщик, услышав, что бежит лесник, оставил работника, убежал и спрятался за амбаром.

Лесник подбежал к работнику и увидел его на земле полумертвого; когда парень пришел в себя и рассказал, что с ним случилось, лесник не удивился, что амбарщик так наказал насмешника за его дерзость. Ведь все могло закончиться гораздо хуже.

О драгоценных камнях на Козакове

Вершина Козаков, с которой открывается дивный вид на турновско-йичинский край, издавна известна месторождениями драгоценных и полудрагоценных камней: аметистов, оливинов, халцедона, агата и яшмы.

Уже со времен Карла IV добывали на Козакове в четырех каменоломнях каменные шары, содержащие внутри эти необыкновенные минералы. Император Карл приказал шлифовать и полировать эти камни и выложить ими стены капеллы Святого Вацлава в костеле Святого Витта на Градчанах и потолок капеллы Святой Катерины в Карлштайнском замке, на сводах которого размещено более одиннадцати сотен этих редких отшлифованных камней. Древний летописец отметил, что в козаковском краю частенько камни, которые пастух на пастбище бросает в коров, стоят гораздо больше, чем сама корова.

Далеко в чужих краях известно было о козаковском месторождении драгоценных камней, и приходили сюда иностранцы, особенно итальянцы, чтобы тут искать необыкновенные минералы. Местный люд часто считал этих пришельцев, говорящих на непонятном им языке и одетых в странные одежды, колдунами. Об этом свидетельствует и такое сказание.

Отправился однажды козаковский лесник на осмотр лесничества. Обойдя лес вдоль и поперек, присел он отдохнуть у ключа, называемого Радостный. Вынул он из сумки ломоть хлеба, отламывал понемногу и ел, запивая водой из ключа. И так он отдыхал, глядя вокруг, и вдруг увидел между деревьями человека, который приближался к нему. По его лицу и одежде лесник понял, что это иностранец. Подойдя к леснику, незнакомец поприветствовал его и на очень плохом чешском попросил лесника пойти с ним, потому что нуждался в помощи. Он обещал хорошо заплатить за это. Лесник согласился, улыбаясь его речам, которые едва можно было бы понять, если бы иностранец не сопровождал свои слова жестами.

И встал лесник, и пошел туда, куда повел его чужак. Шли они лесом, пока не пришли к каменоломне. Эту каменоломню лесник знал с детства. В ней, сколько он себя помнил, работы уже не велись. У каменоломни стояло еще двое чужаков. Все трое быстро переговаривались между собой на каком-то чужом языке. Потом подвели они лесника к каменоломне и там, за густыми зарослями кустарника, показали ему дыру в земле, о которой он прежде не знал. У них был с собой длинный канат с петлей. Один из чужаков обвил себя канатом, взял в руки горелку и мешок, и лесник с одним из иностранцев спустил его в яму. Потом канат вытянули и спустили вниз другого иностранца с горняцким инструментом. Потом сели передохнуть.

Снизу были слышны удары железа о скалу, разговоры чужаков и грохот камней. Это длилось почти час, пока снизу их не окликнули. Чужак с лесником на этот зов спустили канат в яму и вытянули одного из мужчин. Тот что-то весело сообщил своему товарищу, и потом они спустили канат еще раз. Через минуту вытянули мешок, он был тяжелым, полным камней. После этого вытащили и второго человека с горелкой и инструментом. Первый чужак вынул из кармана серебряный талер и подал его удивленному леснику. Кроме того, иностранец попросил лесника прийти снова к ключу через неделю, потому что его помощь снова понадобится, а награду он получит еще большую. После этого велели ему идти своей дорогой и никому ничего не рассказывать.

Лесник был рад, что так легко заработал талер, но мысли о чужаках не давали ему покоя. Он ходил все дни задумчивый, жене это

было странно, но она не могла выпытать, в чем дело.

Через неделю утром лесник снова отправился к ключу. Сел он на пень и стал ждать. Ждал он долго, никто не приходил. Вокруг стояла тишина, ни один листок не колыхался. Напала на лесника дремота, и он быстро уснул. Сколько он спал, неизвестно. Вдруг его пробудил какой-то шум. Лесник вздрогнул, открыл глаза и увидел, что из кустов выбежал большой черный козел и направился к нему. Лесник вскочил и хотел схватить палку, единственное его оружие, но козел подскочил, подбежал к леснику и бросил его себе на хребет. Совершенно одурманенный, ухватил лесник козла за рога, и козел вместе с ним помчался в чащу. Когда лесник опомнился, зверь уже подбежал вместе с ним к какой-то лестнице в скале, там козел сбросил его, и лесник встал на ноги. И оказался лицом к лицу с тем чужаком, которого неделю назад повстречал у ключа.

Иностранец с горелкой в руке кивнул леснику, чтобы тот шел за ним. По лестнице пришли они в большой зал, там откуда-то сверху падал слабый свет, а стены сверкали драгоценными камнями всех цветов. У лесника от этой красоты зарябило в глазах. Когда он как следует на все наглядился, чужак подал ему кожаный мешочек, достаточно тяжелый, поблагодарил его за помощь, проводил его до конца лестницы и попрощался с ним. Потом козел снова взгромоздил лесника на хребет и бегом принес его к ключу. У лесника голова шла кругом от всего, что с ним происходило. Он открыл мешочек и засмеялся: там были дукаты!

Придя домой, лесник обнаружил страшно напуганную жену. Она думала, что с ним случилось несчастье, раз он целую неделю пропадал неизвестно где. Его безуспешно искали в лесничестве. Лесник удивился, что он отсутствовал так долго, и теперь уж рассказал все жене.

Потом они купили дом и кусок поля. И никогда никому не открыли, откуда на самом деле появились у них деньги. Они говорили, что получили наследство от дальней родственницы. А тех чужаков лесник никогда больше не встречал.

О железных людях на Драбовне

Примерно в трех четвертях часа на восток от Весцы в туроновском крае под Козаковым можно обнаружить пещеру на высокой скале, словно выдолбленную большими камнями. Кажется, эту пещеру, доступную с одной стороны, со стародавних времен использовали как ловушку для птиц. Но позднее люди предполагали, что это было укрытие разбойничьих банд. Сегодня Драбовненской кельей называют скалистую область от Боржка до Фридштейна. О той пещере в скале сохранилось сказание, которое с названием Драбовна не имеет ничего общего.

Говорят, что в пещере жили когда-то три железных человека, великанского роста и волшебной силы. К людям были они злы и бесчувственны, вредили им как могли. И самыми страшными были погромы, которые жарким летом устраивали они людям на полях. Выходили они всегда в Козакове к ключу, который позднее люди стали называть Радостный, и дышали на него так долго, что ключ замерзал. Такое у них было морозное дыхание. Потом они отламывали этот лед, разбивали его на куски и сыпали на поле под горой. Это был град, который уничтожал урожай и приносил деревенским жителям нищету.

Злобные железные люди часто так делали. От этого в окрестные деревни приходили горе и голод, но это как раз очень нравилось великанам, которые хотели выгнать жителей из этих мест, чтобы самим хозяйничать. Бедные люди не знали, что им делать, как избавиться от этого несчастья, как спастись от погромов.

В одной из этих деревень под Козаковым жил набожный человек по имени Матей Кубан. Он, как и все, страдал от злобных выходок железных людей и часто размышлял, как бы прекратить неистовство великанов. И наконец пришло ему в голову вот что. Был у него дома образ Богоматери Радостной. Взял он его, отнес в лес на Козакове, а там повесил на дерево у того ключа, откуда железные люди брали лед и сыпали его на поля. Он каждый день ходил туда молиться, постился и творил добрые дела. И однажды, когда он на коленях молился перед образом у ключа, ему показалось, что Богоматерь улыбнулась. С тех пор прекратились губительные грады под Козаковым.

Сила железных людей была сломлена, напрасно дышали они на воду из ключа, который получил имя Радостный, вода в нем больше

никогда не замерзала. И наконец злые великаны убрались из края, перебрались куда-то за Железный Брод.

О Драконьих скалах

Между огромными живописными группами удивительных скал из песчаника поблизости Грубой Скалы есть группа особой высоты, которую называют Драконьи скалы. В сказании, которое о них повествует, говорится не о драконах, а о звере, которого люди боялись, как дракона. Возможно, прежде это место называлось Хищные скалы.

В давние времена в тех скалах гнездилась семья грифов, страшных грифов, которых боялась вся округа. Грифы разлетались по окрестностям за добычей, хватали не только лесных зверей, зайцев и молодых серн, но и ягнят у крестьян с пастбища, уносили гусей, уток, кур. Порой и собаку или кошку хватали у домов. Самое страшное – бывало, крали они и маленьких детей. Ползал младенец у крылечка, а мать делала работу по дому, вдруг раздавался шум огромных крыльев над двором, старый гриф быстро летел к земле, хватал младенца и поднимался с ним ввысь. Мать, заслышав испуганный крик, выбегала из дома, но хищник был уже высоко и с ребенком в когтях летел к скалам. Мать в отчаянии бежала за ним, но пока добегала она под скалу, где обитали грифы, хищник давно отдавал свою добычу в гнездо птенцам. Скала была неприступной для человека. И так дети погибали почти на глазах у матери. Иногда хищники уносили дитя из колыбельки, поставленной у избы, когда мать от него отходила на минутку. Из-за всего этого царил в округе великий страх. Охотники подстерегали хищников, стреляли в них, но у людей никак не получалось подобраться к ним настолько, чтобы выстрел попал в цель. О том, чтобы кто-то отважился залезть на скалу, где было гнездо грифов, не было и речи: на отвесной скале можно было лишиться жизни. Так что грифы продолжали разбойничать.

А в то время в грубоскальской тюрьме, вытесанной в скале, сидел и ждал казни за какое-то преступление молодой человек из крепостных. Когда услышал он от тюремщика, что никак не могут люди избавиться от грифов и что господин очень разгневан из-за этого, велел сообщить господину, что он знает, как освободить край от грифов, и может попытаться это сделать. Грубоскальский господин,

услышав, что передал ему заключенный, велел его немедленно привести. Он пообещал даровать узнику жизнь и в придачу вознаграждение, если тот сможет уничтожить ужасных хищников.

Молодой человек немедленно приступил к делу. Он попросил приготовить ему все, что нужно. Потом его привели к скальной расщелине, над которой, на вершине скалы находилось гнездо грифов. У подножия скалы, где парень начал свою работу, его стерегли тюремщики с оружием в руках, не доверяли ему, опасаясь, не попробует ли он совершить побег. Работа была тяжелой, но молодой человек делал ее с умом. Он сделал дыры по сторонам расщелины, в них положил оструганные доски, и получился мосток. Он влез на него и пробил новые дыры, в них тоже положил доски. Так он продолжал, пока не поднялся к самому гнезду. Его тяжелая работа длилась долго, он трудился больше двадцати дней, подвергая свою жизнь опасности. Наконец он объявил, что завтра уничтожит гнездо.

На следующий день собралось много людей со всей округи, чтобы поглазеть на это зрелище. Грубоскальский господин тоже пришел посмотреть, как смельчак сделает то, что пообещал. Парень ничего не взял с собой на это опасное дело, кроме острого топорика, который он засунул за пояс, прочного каната длиной от вершины скалы до земли, которым он обвязал себя вокруг пояса. Он осторожно полез от мостка к мостку, пока не оказался на самом высоком, крепком и широком, стоя на котором легко можно было дотянуться до гнезда. Он отвязал канат от пояса и прикрепил его конец к мостку. Потом выпрямился с топориком в руке и, опираясь левой рукой о скалу, встал против гнезда. Там как раз сидела самка грифа. Увидев чужака, она вскочила на лапы, повернулась к нему и, расправив крылья, с открытым клювом бросилась на него. Если бы птица его наступила, молодой человек погиб бы. Но он проворно ударил птицу топориком по голове, и та замятво упала в гнездо. Потом смельчак схватил ее за крыло и сбросил огромную тушу вниз, к подножию скалы.

Но работа еще не была закончена. Молодой человек крикнул людям вниз, и оттуда к другому концу каната ему привязали лампу с горящей свечкой. Он потихоньку подтянул лампу наверх, открыл ее и от горящей свечи зажег сухую ветвь, которую вытянул из гнезда. Ветка легко загорелась, и он сунул ее в гнездо. После этого, не мешкая, стал спускаться вниз, с мостка на мосток, пока не оказался у

подножия скалы. Он очень устал, но глаза его светились радостью. Парень сохранил собственную жизнь. Люди кричали и радовались, ведь он так героически все устроил. Тем временем наверху гнездо грифов горело ярким пламенем, дым от которого поднимался в ясное небо. Вдруг высоко над лесом показалась огромная птица, махая могучими крыльями, она приближалась к скале. Это был старый гриф.

– Видите, – указал герой на птицу, – если бы я чуть замешкался, вряд ли смог от такого убежать.

Старый гриф прилетел к скале и, увидев догорающее гнездо, в котором погибли его птенцы, покружил несколько раз над скалой, разразился дикими криками, потом вознесся в небо и улетел за лес, чтобы больше никогда не появляться в этих краях.

Грубоскальский господин даровал смельчаку жизнь и к тому же дал ему денег. Тот потом вел добропорядочную жизнь среди людей, которые его любили за геройский подвиг.

В Драконьих скалах еще совсем недавно можно было увидеть остатки деревянных мостков в расщелине скалы.

О чертовой руке у Грубой скалы

Между удивительными и живописными скалистыми грядами из песчаника у Грубой скалы в Турновском краю есть среди прочих скала, по виду напоминающая руку с пятью пальцами. Ее называют Чертова рука, и сказание говорит о ней так.

Давным-давно жила в Пелешанах у Турнова бедная семья. Было в семье пятеро детей от трех до десяти лет, обитали они в маленькой избушке, поле у них было с ладонь, тяжело им жилось. Отец семейства был дровосеком, но однажды падающее подрубленное дерево ударило его тяжелой веткой, бросило к земле и тяжело ранило. Долго мучился несчастный, а когда встал с постели, не мог уже вернуться к работе из-за искалеченной руки. Так что промышлял он чем мог, собирал хворост в лесу, продавал его. Жена батрачила на зажиточных крестьян, старшие дети помогали чем могли: ходили по ягоды, по грибы, собирали на поле колоски после жатвы. Но бедность не хотела уходить от их порога, жить им становилось все хуже и хуже.

Как-то осенью бедняк с раннего утра собирал в лесу хворост, целый день ходил он с пустым животом. С трудом собрал он к вечеру

огромную охапку хвороста, на краю леса связал его веревкой, присел, чтобы вязанку взвалить на спину, и хотел встать, чтобы отправиться домой. Но только был он так слаб, что не мог подняться со своей ношей. Сидел он так у берега, горевал и вдруг увидел, что к нему приближается какой-то незнакомый человек, бедняк и подумал, что это какой-то случайный прохожий. Незнакомец подошел к сидящему бедняку и, ни слова не говоря, поднял огромную вязанку, как перышко, тут и бедняк смог подняться, взвалил вязанку на плечи и поблагодарил незнакомца за помощь. И отправился по дороге домой, а тот неизвестный еще немного его проводил. Шли они, прохожий расспрашивал, как у него идут дела, и выслушал жалобы на бедность. И вдруг незнакомец остановился и сказал:

– Если ты дашь мне то, что у тебя есть дома, но о чем ты не знаешь, я помогу тебе избавиться от нищеты.

Удивили бедняка эти речи, он немного поразмыслил, что бы это могло быть. Он подумал, что в его избушке так мало вещей, что он обо всех точно знает. А если о чем-то и не знает, то оно наверняка ему ни к чему. Поэтому он сказал:

– С радостью отдам тебе из дома то, о чем сам не знаю, если это избавит от нищеты!

– Идет! – воскликнул на это чужак. – Через двадцать четыре года, считая с сегодняшнего дня, в девять часов утра я за этим приду. А теперь – бывай здоров, больше бедности у вас не будет!

Бедняга не мог себе даже представить, как исполнятся слова незнакомца, а также напрасно ломал голову, спрашивая себя о том, чего же он в своем доме не знает. Когда бедняк пришел в сумерках домой, то сбросил перед избушкой вязанку с плеч и поспешил внутрь. У порога он обо что-то споткнулся; нагнулся – видит, лежит большой мешок. Поднял он его и понял, что он очень тяжелый. Мешок оказался полон дукатов. И в ту же минуту из комнаты раздался плач младенца. Бедняк замер, будто в него острый нож вонзили. Испуганно опустил он мешок с дукатами на пол. Он быстро понял, что значит тот плач: у него родился ребенок. Это и было то, о чем он не знал, когда разговаривал с чужаком. Грустно вошел он в комнату, где обнаружил на кровати рядом с женой новорожденного сыночка. Жена и дети были очень рады дукатам. Отец не сказал, как они к нему попали, потому что пришлось бы ему рассказать и о том, какой ценой

он их получил. И придумал бедняк, что нашел мешок с дукатами между корнями старого дерева.

Нищета исчезла из их избушки. Все у них шло хорошо, купили они коровушку, мать больше не должна была батрачить, у нее и так было достаточно работы с шестью детьми. Дети подрастали, один за другим покидали отчий дом, дочери вышли замуж, сыновья ушли учиться ремеслам. И самый младший, о ком отец тайно терзался, дома не остался. У него была хорошая голова, и родители отдали его учиться. Он очень хорошо успевал в латыни и учился в Праге на священника. И потом, когда его посвятили в священнослужители, он был назначен капелланом в деревню неподалеку от родного дома. Юноша часто ходил домой навестить родителей. Мать гордилась тем, что сын ее священник, и отца это радовало, но был он грустен, никогда не улыбался, видно было, что он страдает.

Так подошел двадцать четвертый день рождения сына. Однажды молодой священник был в гостях у родителей, и отец пошел проводить его немного, как он это обычно делал. Шли они лесом, ни о чем не говорили. Вдруг сын остановился, положил отцу руку на плечо и сказал:

– Милый отец, я давно вижу, что вас что-то терзает. Что это? Ведь дела ваши идут хорошо, вы здоровы, матушка тоже, ни о чем заботиться вам не надо. Однако же вы всегда такой грустный. Скажите мне, что с вами! Доверьтесь мне, облегчите свою душу, ведь священник должен давать людям духовное утешение, я смогу вас утешить.

Тут отец с плачем бросился сыну на шею, а когда немного успокоился, сели они рядышком на мох, и старый молодому честно рассказал, что случилось, и доверил ему, из-за чего он мучается.

Сын выслушал отца, задумался на минуту, потом сочувственно посмотрел в измученное отцовское лицо и сказал:

– Ни из-за чего, батюшка, не мучайтесь и ничего не бойтесь. Злой дух старается овладеть душой человеческой, но есть кто-то и посильнее. И я надеюсь, что не достанусь злу. В воскресенье будет двадцать четыре года с тех пор, как я родился, как рассказывала мамочка, в девять часов утра. В воскресенье я к тому же служу утром на Вальдштейне святую мессу. Приходите с мамочкой к мессе и

молитесь обо мне. Если я закончу мессу к девяти часам утра, то выиграю, черт не будет иметь надо мной силу.

После этого они распрощались, и отец с легким сердцем вернулся домой.

В воскресенье утром молодой священник служил мессу в костеле замка на Вальдштейне. Его родители стояли там на коленях и набожно молились. Мать понятия не имела, что происходит, но отец умирал от страха. Наконец молодой священник обратился к людям и сказал: «Ite missa est!»^[21] в знак того, что месса закончилась, в этот самый момент черт подлетал к костелу. Видя, что не успел и что теперь он не сможет унести священника, черт зарычал от бешенства и улетел к Грубой скале. Там по дороге схватился он за скалу, около которой пролетал, и оставил на ней отпечаток всех пяти пальцев. С того времени и называют эту скалу Чертова рука.

Об огоньках у Олешницы

На заливных лугах появляются по ночам мигающие искорки болотного газа, который возгорается сам. Люди называют их «огоньки», или «блуждающие огоньки», потому что бытует поверье, что эти огоньки заводят ночных путников на неверную дорогу. Считается, что это души деток, которые умерли некрещеными. Иногда огоньки специально заводили человека в топь. Лучше всего было их не замечать. Но иногда они сами набрасывались на человека. Так случилось однажды с бондарем у Олешницы, между Турновом и Мниховом Градиштем.

Нес бондарь в Олешницы корыта, которые ему заказала одна хозяйка. Вышел он из дому уже поздно вечером. Чтобы сократить путь, пошел он через луга. И шел себе тропиночкой с корытами на спине, и вдруг перед ним появились несколько огоньков и направились прямо к нему. Бондарь подумал, что лучше бы их обойти, и пустился сторонкой по лугу, он надеялся вскоре снова выйти на тропинку. Но блуждающие огоньки скакали все время рядом с ним. У бондаря уже от этого голова пошла кругом. Решил он лечь на землю и прикрыться корытами. Он надеялся, что огоньки, если перестанут его видеть, пойдут своей дорогой. Как придумал, так и сделал. Но получилось – из огня да в полымя! Лежит он под корытами и тут

вдруг слышит над собой: дупы, дупы, дуп! Огоньки скакали по перевернутому дну и топали, как козлята, скачущие по доске. Бондарю было страшно. Ему было трудно дышать под корытами. Он оцепенел от страха. Ему было плохо, он вспотел от ужаса, но выйти из-под корыт боялся.

А блуждающие огоньки еще долго танцевали на корытах. Вдруг топот прекратился. Бондарь через некоторое время осторожно встал – он был мокрый как мышь – и огляделся: огоньки прыгали далеко перед ним... Но он боялся, что они вернуться, собрал корыта, вернулся на тропинку и отправился домой. Он решил, что лучше отнесет корыта в Олешницы утром. С блуждающими огоньками он не хотел больше встречаться. Они его изрядно напугали.

Дома испугались, когда бондарь пришел весь запыхавшийся и белый как стена, с корытами на спине. Когда он рассказал о том, что с ним приключилось, дедушка произнес:

– Радуйся, что так все закончилось. В мои молодые годы шел однажды какой-то ремесленник в Болеховицы, где-то на перекрестке встретил блуждающие огоньки, так они его привели аж к Ложницам на шлюз, и он упал с него в воду. К счастью, смог он оттуда выбраться, но был мокрый, как водяной. Так поиграли с ним блуждающие огоньки.

О таинственных всадниках у Ржитониц

Жил когда-то в Ржитоницах сапожник, о котором говорили, что он знает о чем-то, что выше человеческого разума. Об этом свидетельствовал и его друг, который как-то ночью шел с ним из Боусова домой. Дело шло к полуночи, когда пошли они лесом. Место было темное, но дорога виднелась, так что они чувствовали себя в безопасности. Тут сказал сапожник другу:

– Смотри внимательно, может быть, увидишь что-то, что еще никогда не видел!

Они молча шли дальше. Вдруг сапожник остановился, жестом остановил друга и прошептал ему:

– Слышишь?

Они прислушались, и им показалось, будто бы издалека послышался приближающийся конский топот. Сапожник быстро вытащил из кармана кусок, очертил им на краю дороги большой круг, вошел в него и притянул к себе друга. Внезапно подул ветер, верхушки деревьев стали гнуться к земле, а сухие ветви ломались. Топот конских копыт приближался, и показались двенадцать всадников в черных доспехах. Они скакали по всей ширине дороги, но когда подъехали к кругу, в котором стоял сапожник с другом, то объехали его. Самый близкий к ним всадник закричал на мужчин низким голосом:

– Идите за нами!

Но сапожник и не пошевелился, только крепко держал друга за плечо. А всадники поскакали дальше. Из-под их копыт разлетались по дороге искры. Только когда топот затих вдали, взял сапожник друга под мышки и вышел с ним из круга. Приятель от этого таинственного события был как одурманенный. Пошли они дальше по дороге, и сапожник стал рассказывать:

– Этих черных господ можно повстречать в лесу только раз в году, и сегодня именно та ночь. А дело вот в чем: в давние времена был здесь поблизости в лесу замок, сегодня от него не осталось и следа. В этом замке жил рыцарь, и был он очень богат, но очень скуп, деньги не тратил, а лишь копил. Никому ничего хорошего не делал, к нуждающимся жалости не имел, над каждым грошом трясся, как черт

над грешной душой. Дома у него был кованый сундук, в который он складывал золотые монеты. Они прибывали и прибывали, и сундук наполнялся. Рыцарь обдирали людей как только мог. Не обращал внимания на их слезы, не слышал их проклятий. Чем дальше, тем становился рыцарь скупее и бесчувственнее. Когда сундук до краев наполнился золотыми, он внезапно скончался в ту минуту, когда любовался своим кладом. Его хватил удар. И тут, в грозовую ночь это было, к воротам замка подъехали двенадцать черных всадников, мост сам собой опустился через ров, ворота с треском распахнулись, и всадники въехали во двор. Трое из них соскочили с коней и поспешили в замок. В комнате один из них схватил мертвого рыцаря, двое других – сундук с дукатами и поспешили во двор. Положили труп и сундук на коней и уехали прежде, чем испуганная челядь опомнилась. Потом рыцари погребли в лесу труп, а поблизости от него закопали сундук с золотом. С того времени раз в году, в ту самую ночь, когда скончался скупой рыцарь, появляются в лесу черные всадники. Сундук с кладом всегда при них.

– А нельзя получить этот клад? – жадно спросил друг сапожника.

Сапожник остановился, посмотрел на друга и обратился к нему:

– Смотри, какой ты человек! Минуту назад боялся так, что чудом не свалился, а едва услышал о сундуке, тут же захотел получить клад. Да, вижу, как тебе хотелось бы завладеть этим золотом!

– Но ты ведь знаешь, где его искать! – настаивал друг.

– Знаю, – сказал сапожник, – но это непросто. Было бы просто, давно бы уж попробовал отыскать его сам.

– Расскажи-расскажи!

– Клад достанется тому, кто победит этих двенадцать рыцарей в бою. Так говорят, но не знаю, правда ли это. Пока никто не отваживался. И неудивительно: если бы я не нарисовал на земле круг, всадники бы нас закололи и ускакали. И кто бы захотел с ними сразиться?

О той ночи в лесу вспоминал друг сапожника до самой смерти.

Через несколько лет случилось так, что именно в эту роковую ночь возвращался однажды лесом какой-то зажиточный крестьянин из пивной. Он там хватил лишнего и шел нетвердыми шагами. К тому же ему очень хотелось спать. На дороге в лесу он споткнулся о камень, свалился в овраг и в ту же минуту уснул. Вскоре раздался топот на

дороге. Крестьянин проснулся, вытаращил глаза и увидел скачущих по дороге черных всадников. Из-под конских копыт летели на дорогу искры.

– Господь Бог с нами, а зло – прочь! – воскликнул испуганный крестьянин.

И в тот же момент он заметил, что с седла одного из всадников упало на дорогу что-то тяжелое, аж загромыхало. А всадников и след простыл. Осторожный крестьянин вылез из оврага на дорогу, чтобы посмотреть, что там такое лежит. Это был окованный сундук, очень тяжелый. Крестьянин надеялся, что там деньги, он обрадовался своей находке. Но унести ее не мог, поэтому затащил сундук в овраг, наломал веток и прикрыл его. Потом он пошел домой, взял тележку и приехал с ней к сундуку. Дома он его открыл, он был полон золота. Стал крестьянин богатым человеком, но скупым не стал, наоборот, хорошо помогал людям. А о черных всадниках с тех пор не было ни слуху ни духу.

О кладе в Гржменине

Однажды в Вербное воскресенье все обитатели большой сельской усадьбы ушли в костел, дома осталась только старая бабушка хозяина. Она уже под тяжестью лет согнулась до земли, и ноги плохо ей служили, поэтому не могла она идти с остальными. Сидела она в светлице, сторбившись на лавке у печи, перебирала пальцами четки. И вспомнила она, что в этот день открываются клады в ту минуту, когда священник в костеле во время мессы читает Евангелие о мучениях Господа. Она еще в детстве слышала, что об этом говорили. Вдруг услышала она в саду за домом какой-то шум. Поторопилась она, сколь могла быстро, к окну, ведущему в сад, и стала смотреть, что это. Зрение у нее было уже слабое, но все же она разглядела, что там творится.

В саду под старой липой увидела она две черные фигуры; они держали в руках лопаты и перебрасывали что-то звенящее в яме, как будто деньги. Старушка ничего не знала ни о какой яме в саду и о том, что в саду кто-то должен копать. Любопытствуя, что бы это могло быть, вышла она из светлицы и отправилась в сад. Пришла туда – и что же видит? Те двое выглядели как черти, стояли они у ямы,

выкопанной в земле, набирали на лопаты серебряные и золотые деньги и пересыпали их в корыто, которое стояло рядом.

У старушки глаза на лоб полезли: откуда это у них в саду взялось такое богатство? Она осмелела и спросила у чертей, что это они тут делают, но они ни звука не издали, только все время набирали деньги и сыпали в корыто. Тогда старушка подошла ближе, согнулась к корыту и захотела взять горсть денег.

Тут эти двое поднялись против нее с поднятыми лопатами, как будто хотели ее ударить, и один из них закричал яростно:

– Не трогай ничего! Это не для тебя. Этот клад для твоего потомка в девятом колене!

Старушка испугалась до смерти, повернулась и поспешила прочь из сада. Но в садовой калитке встал перед ней огромный черный пес. Она от ужаса потеряла сознание и упала.

Когда хозяин с семьей вернулся из костела, нашел он бабушку лежащей без сознания у калитки сада. Ее подняли, отнесли в дом, уложили в постель и укрыли. Много времени прошло, прежде чем она пришла в себя. И только потом рассказала она слабым голосом, что видела в саду. И когда обо всем поведала, закрыла глаза и затихла. Домашние подождали минутку, но потом поняли, что старушка мертва.

Когда потом пошли посмотреть в сад, ничего под старой липой не нашли. Не было ни следа от ямы, дерн не был нарушен, почва ровная.

И клад в саду никто так и не нашел. Кто-то думал, что бабушке это все просто показалось, кто-то – что клада дождется только девятое поколение старушкиного рода.

Об обедневшем хозяине в Домоусницах

В Соболецком округе есть деревня Домоусницы. Там когда-то жил зажиточный крестьянин, было у него большое имение, всего хватало. По всей округе был он известен своей зажиточностью, а также тем, что любил похвалиться своим богатством. Крестьянин не был скупым и особенно любил угостить людей в пивной, когда туда заходил. Он всегда носил с собой мешочек с дукатами, ими с удовольствием и расплачивался, чтобы было видно, что он богат. Ему все время везло: хозяйство процветало, что бы он ни делал, все у него получалось.

Пришел однажды этот хозяин в домоусницкую пивную, там сидело несколько местных, а еще за одним столом какой-то батрак. Он был усталый и отдыхал; перед ним стояла кружка пива, он откусывал хлеб от краюшки, которую принес с собой. Когда хозяин пивной увидел, что гость допил кружку до дна, он потянулся к ней, чтобы налить снова. Но батрак сказал:

– Больше не надо! У меня денег нет, чтобы заплатить за еще одно пиво. Я должен принести домой то, что сегодня заработал, чтобы жене и детям прокормиться.

Услышал это богатый крестьянин, который сидел за столом поблизости, играя в карты с соседями, и, желая показать свою щедрость, позвал хозяина пивной:

– Эй, хозяин, налей ему еще кружку, я заплачу!

Батрак поблагодарил, и когда хозяин пивной принес ему полную кружку, спросил его, кто это – такой щедрый крестьянин. Батрак его не знал, потому что был не из тех краев. И хозяин пивной ему рассказал, какой это богач и что он любит угощать в пивной и чужих людей. Крестьянин это услышал и хвастливо произнес:

– Слава богу, на это у меня хватает. Моим именем и дворянин бы гордился, а денег у меня куры не клюют! От одного дуката у меня не убудет!

И чтобы доказать, что говорит правду, вытащил из кармана мешочек, достал из него дукат и выбросил его в открытое окно. Батрак, который как раз сидел у окна, вскочил и выбежал наружу, чтобы увидеть, куда упала монета. Он хотел поднять ее. Но, к своему удивлению, увидел, что к дукату, упавшему на завалинку, подбежала мышь, схватила его в зубы и убежала с ним. Батрак быстро побежал к завалинке, но от мыши с дукатом и след простыл. Батрак вернулся в пивную и рассказал богатому крестьянину об этом удивительном происшествии.

– Ой, лучше молчите, весельчак, – засмеялся крестьянин, который был в хорошем настроении, потому что выигрывал в карты, – да откуда бы там сразу же взялась мышь? Я не вам дукат давал. Если бы захотел отдать его вам, я бы его в окно не выбрасывал.

Но батрак клялся, что все было именно так, как он говорит, что он достойный человек и не лжет. И, обиженный подозрением крестьянина, допил, поднялся, попрощался и ушел. Когда батрак

ушел, богатый крестьянин еще смеялся и рассказал о том, что произошло, хозяйке пивной, которая в это время вошла в комнату.

– А теперь я должна вам сказать, уважаемый, – ответила она, – что этот человек не лгал. Я сама видела ту мышь, как она убежала с дукатом. Я стояла на крыльце, когда дукат вылетел из окна.

Крестьянин поразился, но ничего не сказал, однако ему было жаль, что он обидел достойного человека. Потом он продолжил играть в карты, но, к своему удивлению, с той минуты карта ему не шла, и он проигрывал и проигрывал. И так он проиграл все дукаты, которые были у него в мешочке. Потом он пошел домой.

Удивительное дело! С того дня счастье от него будто бы отвернулось. Его преследовало несчастье за несчастьем. На поле град побил урожай, он лишился большей части прибыли. Потом вдруг лишился он всех заработанных денег. Наконец однажды ночью в его имении возник пожар и уничтожил все, поместье выгорело до основания. И если бы не те деньги, которые он в свое время дал в долг соседям, вернувшим ему все после пожара, он превратился бы из богача в настоящего нищего. Он считал это наказанием за свою гордость и понимал, что ему ничего не остается, как все начать сначала.

В голове крестьянина все время крутилась мысль о том, почему счастье так внезапно покинуло его, он не мог забыть случай с мышью, которая унесла дукат. А там в Домуосницах за деревней стояла маленькая избушка, жила в ней старушка, о которой говорили, что она умеет колдовать. Обедневший крестьянин о ней вспомнил и решил сходить к ней, чтобы она посоветовала, как снова заманить к себе счастье. Когда вечером он пришел в избушку, старушка сидела у очага, огонь полыхал под котелком, из которого шел пар; рядом на лавке развалился огромный черный кот, который уставился на вошедшего горящими глазами и выгнул спину. Старуха выслушала крестьянина и потом сказала:

– Я тебе помогу, но не бесплатно. Отдашь мне двадцать лет своей жизни.

Крестьянин удивился, но потом сказал:

– Чем долго жить в беде и нужде, лучше отдам эти двадцать лет, если ты сможешь мне вернуться к благоденствию.

Старая сказала крестьянину, чтобы он сел на лавку, смешала какие-то отвары в горшочке и дала ему выпить. В ту же минуту крестьянин почувствовал, что он стал вялым и не владеет членами. Потом волшебница позвала кота. Одним прыжком он оказался рядом с ней. Она склонилась к нему, провела рукой по его спине, что-то ему прошептала, указала ему на очаг, и кот – прыг! – оказался в пламени.

Минуту в избе было тихо, был слышен только треск пламени. Вдруг кот выскочил из огня, в зубах он нес мышшь, которую положил к ногам старушки. У мышши в зубах был дукат.

Это была та самая мышшь, которая утащила с завалинки денежку, выброшенную в окно. Старушка подняла мышшь, взяла у нее дукат и бросила ее коту, который унес ее в угол, чтобы съесть.

– Вот твое счастье, – сказала старуха крестьянину и положила ему на ладонь дукат, – теперь иди, все снова будет хорошо.

Крестьянин с трудом встал с лавки, взял дукат, не сказав ни слова, и тяжелым шагом вышел из избы. Он еще увидел, как старуха поднялась, как выпрямилась ее согнутая прежде спина, и услышал ее тихий смех.

Даже собственная жена не сразу узнала крестьянина, когда он вернулся домой. Когда он сам посмотрел в зеркало, увидел, что волосы его побелели, а на лице оказалось полно морщин. Он сделался на двадцать лет старше. Но, несмотря на это, он с удовольствием принялся за работу.

На те деньги, которые вернули ему соседи, он начал вновь отстраивать выгоревший дом, сарай и хлевы. А когда велел он выкопать старую грушу во дворе, которая при пожаре обгорела и засохла, нашли между ее корнями сундук, полный дукатов. Крестьянин очень обрадовался. Казалось, он помолодел в ту минуту. Он знал, что он и его семья спасены, что он снова богач. Хотел он поднять сундук, чтобы отнести его в дом, но, как только он к нему нагнулся, свалился на землю бездыханным. Его подняли, но увидели, что он мертв. Не суждено ему было жить больше тех двадцати лет, которые он отдал старушке за возвращенное богатство.

О таинственной госпоже из Младоболеславской округи

Произошло это в деревне в Болеславской округе, имя ее сказание не сохранило. Шли люди из этой деревни в Сочельник на полуночную службу. Среди них был молодой человек, который только недавно поправился после болезни. Сил у него было мало. Ему говорили: «Останься дома!» Но он отвечал, что нет, что обязательно пойдет к заутрене. Когда шли они лесом, ему сделалось плохо, не мог он поспеть за другими, а сказать им об этом не захотел. Парень отстал от своих. Шел он один по лесной дороге и думал: «Должен ли я вернуться или нет?» И тут увидел он неподалеку между деревьями свет и подумал, что там светится окошко в какой-то избе, наверное в доме лесника. Ему пришло в голову зайти туда немного согреться. Отправился парень туда, но скоро понял, что свет этот оказался не так близко, как ему поначалу представлялось. Парень поспешил дальше, было ему нехорошо. Вдруг он споткнулся о корень, упал в мох и потерял сознание.

Когда же он пришел в себя, очень удивился, оглядевшись: он не лежал в лесу среди мхов, но сидел в огромном кресле у камина в зале, обставленном как в стародавние времена в замках. В камине полыхал огонь из буковых поленьев, мигали язычки пламени на свечках деревянной люстры. Пока парень разглядывал зал, открылись двери, и из соседней комнаты вышла прекрасная дама в черном облегающем платье. Она несла серебряный кубок, подошла к молодому человеку и молча подала кубок ему, чтобы он выпил. Парню понравился запах; это было отличное вино, такого он еще никогда не пил. После того, как он выпил вино, вся его слабость исчезла. Он встал, поставил кубок на камин, поблагодарил и тут же сказал, что должен идти, чтобы не опоздать на утреннюю службу. Госпожа испугалась и спросила:

– У вас внизу сейчас Рождество?

Парень подтвердил и приготовился уходить. Тут госпожа подошла к нему совсем близко, протянула свои белые, почти прозрачные руки и нежно дотронулась до его виска. В этот момент парень потерял сознание и упал в кресло.

Когда он проснулся, увидел, что лежит он на мху, там, где впервые потерял сознание. Но он чувствовал себя хорошо и тут же встал. Он хотел опереться о землю и нащупал что-то возле себя на земле. Это была старинная бутылка вина. Деревянную затычку легко можно было

вынуть. Парень уверился, что это то самое вино, которое принесла ему в кубке таинственная госпожа в зале.

Со стороны лесной дороги слышались голоса. Парень поспешил туда и понял, что люди возвращаются из костела, на утреннюю службу он опоздал. Он присоединился к своим знакомым и по дороге рассказал, что с ним произошло. Они не хотели ему верить, говорили, что все это ему просто приснилось. Но удивились, когда парень показал им бутылку с вином.

Молодой человек не дал никому выпить вина, которое ему вернуло здоровье. Он хорошенько закрыл бутылку и спрятал ее в подвал. Вино долго не портилось. А когда кто-то из семьи болел, маленький поток волшебного вина хорошо помогал. Последнюю каплю допил он сам, когда стал хозяином собственного имения. Было ему однажды нехорошо, не мог утром идти на поле. Он чувствовал странную усталость и послал в подвал за бутылкой волшебного вина, велел подать себе стакан и налил в него все из бутылки, там оставалось совсем чуть-чуть. Сидя за столом, он выпил вино, в эту минуту ему показалось, будто к его виску прикоснулись нежные пальцы. Он положил локти на стол, и голова его упала на них. Больше он ее не поднял. Уснул навеки.

О золотых деньгах в Костельце над Лабой

Наверху у Костельца пасли однажды ребята коров. Стояла уже осень, погода была ненастная, дул студеный ветер. Но мальчикам не было холодно. Они играли в салки и заигрались. Чтобы удобнее было бегать, они разулись, а башмаки поставили в сторонке. Среди мальчиков был сиротка, сын батрака, отец и мать у него умерли. О нем должна была позаботиться община, а жить взял его к себе бедный крестьянин, которому за мальчика немного платили. Мальчик должен был помогать по хозяйству, а чаще всего пас скотину. Он был слабый и не умел себя защитить, когда друзья его обижали. А случилось это частенько.

Вот и в тот день на пастбище решил один развязный парень что-нибудь устроить сиротке. У берега была яма, о которой говорили, что внутри нее подземный коридор, но никто не отваживался туда залезть. Пока остальные гонялись друг за другом, тот парень взял башмаки

сиротки и побежал с ними к яме. Он оплянул, не видит ли его кто, и быстро бросил башмаки в яму. А потом как ни в чем не бывало присоединился к остальным.

Когда через некоторое время ребятам надоели салки, побежали они за башмаками и стали обуваться. Но сиротка обувь найти не мог. Искал он, спрашивал у других, не знает ли кто-нибудь о его башмаках, но никто ничего не отвечал. Башмаки бесследно исчезли. Сиротка плакал, боялся, что его накажут, если он вернется домой без башмаков. Но когда он, тоскуя, поразмыслил, то догадался, что не иначе как кто-то из мальчиков взял его обувь. Мальчик снова начал им говорить об этом, снова просил, чтобы ему вернули башмаки. И тут уж злой мальчишка не мог удержаться от смеха, а сиротка понял, кто спрятал его башмаки. Парень в конце концов признался, куда он их забросил. Сиротка снова пустился в плач, думая, что навсегда лишился башмаков. Он так боялся наказания, что решился ползть в яму.

Яма была неглубокой, но, спустившись вниз, мальчик увидел там коридор. Он шарил по земле, но башмаков нащупать не мог. И так он двигался в темноте и вдруг споткнулся о свои башмаки. Он нагнулся, чтобы их поднять, и вдруг перед ним что-то блеснуло. Мальчик поднял голову и увидел перед собой усатого старичка, от которого исходил слабый свет. Старичок взял мальчика за руку и повел его дальше по коридору. Мальчик не произносил ни звука, только крепко держал в руке башмаки. Коридор был коротким. Он вел в небольшую пещеру, в которой мальчик обнаружил кучу золотых монет.

– Дай сюда, – сказал старичок и взял у мальчика башмаки. Он подошел к груде золотых и насыпал монеты в оба башмака. После этого он вернул сиротке башмаки. Ну и тяжелыми они стали!

Старичок отвел мальчика по коридору к выходу из ямы, а потом исчез. Сиротка был от радости так ошеломлен, что забыл даже поблагодарить старичка. Но как же ему было выбраться наверх с золотом в башмаках? Нашел мальчик в кармане кусок веревки, связал башмаки за ушки, повесил себе на шею и осторожно вылез наверх. Когда он вылез из ямы, увидел, что остальные ребята уже далеко ушли со стадом. Только две коровы, о которых заботился мальчик, паслись неподалеку.

Полный радости, поспешил сиротка домой. Его опекун был хорошим человеком, он пересчитал деньги и спрятал их для мальчика. По деревне быстро разнеслось, как нашел бедный мальчик свое счастье. Тут же кто-то тоже попробовал залезть в дыру, чтобы раздобыть клад, но коридора внизу уже не нашел. Пробовали копать, но все напрасно. От клада не осталось и следа.

О староместских курантах

Куранты на староместской ратуше – шедевр часового искусства, который был создан в конце XV столетия мастером Ганушем, по прозвищу Ружа. Перед тем на ратуше имелись обычные куранты, но мастер Гануш настолько улучшил их добавлением трех новых частей, что равных им не было среди курантов во всей Европе. Мастеру Ганушу за щедрую плату поручен был ремонт курантов, который после его смерти возложен был на его ученика мастера Якуба. Тот в свою очередь взял в ученики Вацлава Звунка, ведавшего хозяйством ратуши.

Но Звунк никак не мог разобраться в курантах, у него не получалось устранять поломки. Когда это не получилось и у мастера, вызванного из баварского города Нюрнберга, а также и после смерти Звунка и у его сына Яна, ремонт курантов поручен был мастеру-часовщику Ганушу с улицы Платнержской. Однако тот на следующий же день вернул ключи господам и попросил освободить от обязанностей по ремонту курантов, говоря, что он сошел бы с ума, если бы должен был разбираться в механизме подобной сложности.

После этого куранты были доверены Яну Таборскому с Клокотской горы, писарю, который, хоть и не был научен часовому делу, но, досконально изучая куранты, стал великолепно разбираться в сложном механизме. Он сумел даже исправить некоторые погрешности конструкции курантов и во многом улучшить ее. Таким образом были куранты отремонтированы в 1553 году. Но три года спустя случилось, что Таборский, уходя после осмотра часов, забыл в камерке при курантах горящую свечку, из-за чего возник пожар.

После этого случая пан Таборский был освобожден от ремонта курантов, и только спустя четыре года их снова доверили ему.

Тогда Таборский нашел в курантах некоторые неполадки. Он подозревал, что их устроили те, кто сами мечтали занять место смотрителя, но для этого надо было доказать, что настоящий смотритель со своими обязанностями не справляется. Таборский все привел в порядок и к тому же намного улучшил куранты различными нововведениями. В 1570 году он составил памятный список о курантах на четырнадцати пергаментных листах, в котором подробно

описал историю возникновения курантов и все их устройство. Тоборский рекомендовал членам городского магистрата, чтобы издан был указ, согласно которому каждый знаток курантов обязан был выучить себе помощника и заместителя, который хорошо разбирался бы в механизме и устройстве часов. В противном случае, как он дословно выразился, куранты – это такая загадка для всех мастеров часовых дел, которую они и разгадать не смогут.

После смерти Таборского следил за курантами и ремонтировал их его ученик Якуб Шпачек. Судьба курантов в последующие годы была пестрой. Но творение мастера Гануша всегда было предметом восхищения местных жителей и путешественников. И многие из молодых парней, приезжавших в Прагу учиться и совершенствоваться в разных науках, увидев куранты, мечтали поближе познакомиться с их устройством и стать учениками мастера, каким был Якуб Пачек.

Механизм староместских курантов нес свою службу, его ремонтировали, обновляли, он продолжал жить, пока в 1787 году у господ не возникла мысль разрушить их и части механизма продать как железный лом. Но все-таки это сокровище Праги было спасено, и до сих пор любуются им и местные жители, и иностранцы.

Этот удивительный механизм указывает дневные и ночные часы по солнечному и звездному времени; по старому чешскому обычаю время указывается от первого часа нового дня и после захода солнца до двадцати четырех часов; но, кроме того, указывается время на немецкий манер, как говаривали у нас, согласно которому время суток измерялось дважды двенадцатью часами. Куранты указывают также день и месяц, солнечный и лунный восход и закат, прибывание и убывание луны, положение Земли по отношению к Солнцу и Луне, бег планет, знаки зодиака. На круглом диске ниже циферблата, который в течение года совершает один оборот, находится календарь, указывающий дату каждого дня и месяца. Над циферблатом находятся два окошка, которые открываются каждый час, и в них появляются одна за другой фигуры Христа и двенадцати апостолов. Когда пройдет их черед, над ними, в малом окошке, показывается петух, который бьет крыльями и кукарекает.

Потом бьют часы. На каменных выступях по сторонам циферблата и календарного диска находятся фигуры, принадлежащие к курантам. Некоторые из них двигаются во время прохождения апостолов:

например, там видна смерть – скелет, который переворачивает песочные часы, кивает головой, раскрывает челюсти и звонит в звонок. Возле скелета стоит турок, который вертит головой в знак того, что еще не хочет идти со Смертью. Напротив стоит скряга,двигающий мешком и головой, возле него – тщеславный человек, глядящийся в зеркало, крутит головой. Возле календарного диска видны фигурки ангела с мечом и щитом и три горожанина, все неподвижные.

Однажды случилось, что, когда у скелета были раскрыты челюсти, туда влетел воробей, и сразу после этого челюсти сомкнулись. Воробей оказался в плену, и только через час фигурки снова начали двигаться, Смерть открыла уста, и испуганный воробей поспешил вылететь на свободу.

Предания свидетельствуют о том, что Пражские куранты издавна привлекали внимание и восхищение пражан. Помимо того сказания, в котором повествуется о душах казненных, идущих к курантам, есть еще иное – о создателе курантов мастере Гануше, которое повествует о том, какой черной неблагодарностью он был награжден за то, что создал для горожан эти удивительные часы, равных которым не было в целом свете.

Говорят, что староместские члены городского магистрата, зная, как велика слава Пражских курантов во всем мире, опасались, что мастера Гануша могут позвать из другого города, чтобы создал он куранты лучше, чем пражские. Ни уговор, ни присяга не казались им достаточно безопасными. И тогда додумался один из членов городского магистрата, человек жестокий и бессердечный, сделать то, что поначалу других напугало, но потом они дали себя уговорить, поняв, что только этот способ наверняка не подведет. Но окончательно решились они прибегнуть к этому способу, когда узнали, что мастера Гануша и правда пригласили устроить в нескольких городах куранты, подобные пражским. К тому же членам магистрата было известно, что мастер Гануш постоянно сидит дома за столом, что-то рисуя и подсчитывая. Что бы это могло быть иное, как не новые куранты?

Однажды вечером сидел мастер Гануш в своем жилище за подсчетами. Он был дома один: его помощник и старая служанка, которые жили с ним, куда-то отошли. Мастер был так увлечен работой, что и не заметил, как стемнело. Только когда уже не мог

разглядеть свои подсчеты и чертежи, которые разложены были на его столе, встал зажечь лампу, чтобы продолжить свои занятия. Но в ту минуту раздался требовательный стук в дверь. Мастер поспешно вышел в прихожую, к домовым дверям, спросил, кто там и чего хочет.

– Открой, у меня дело срочное! – отозвался снаружи дерзкий голос.

Мастер Гануш предположил, что это кто-то пришел передать ему какой-то приказ, не мешкая, отодвинул тяжелый затвор и открыл двери. Он испугался, когда в сумраке увидел три огромные фигуры, которые рванулись к дверям. В страхе поспешил он в свою комнату, надеясь запереться там от чужаков. Но те его догнали у самого порога, схватили его, заткнули ему рот и связали руки. Двое крепко держали его, а третий подошел к печи, где горели буковые поленья, сунул в огонь свою палку, с которой ворвался в дом. Страшная мысль мелькнула в голове у мастера, он понял, что хотят сделать с ним эти ужасные люди. Так и случилось: в несколько мгновений чудовищное злодеяние было совершено, и несчастный мастер Гануш потерял сознание от боли и ужаса.

Когда же он пришел в себя, понял, что лежит на кровати, услышал голос своего помощника, но видел перед собой лишь тьму. В глазах чувствовал жестокую боль – он был ослеплен. Жестокая горячка не давала ему возможности рассказать, как все случилось. Ужасающийся помощник проклинал неведомых негодяев, совершивших такое преступление по отношению к человеку, который и цыпленка не обидит. Прибежала и служанка и начала причитать, узнав о случившемся. Но помощник вытолкнул ее за двери, велел немедленно бежать за доктором, потому что мастеру очень плохо.

Долго стонал мастер Гануш и из той болезни в ясный день не вернулся: зрение было украдено. И так, отданный воле Божией, сидел он в своем жилище с верным помощником. Кто были те злодеи, мастер догадаться не мог. Но однажды помощник вернулся из ратуши, куда ходил, чтобы смести пыль с курантов и смазать механизм, и рассказал, что услышал разговор двух членов городского магистрата. Когда он запирал железную дверку курантов, услышал, как один из членов магистрата говорит другому:

– Так что курантам нашим во всем мире не найдется подобных. Только мастер Гануш мог сделать похожие. Хорошо, что теперь уж не

сможет. Правильно мы сделали.

Мастер Гануш узнал причину, по которой был ослеплен, но где добиться справедливости? Горечь разлилась в его сердце, когда подумал он, какую награду получил за творение, равного которому не было в целом свете. И еще большая горечь и жажда мести разгорались в нем при мысли, что по поручению членов городского магистрата он был осужден на вечную тьму. Слепец долго размышлял, что делать, пока все хорошо не взвесил и не продумал.

В день, когда его помощник снова готовился пойти к курантам в ратушу, мастер сказал, что пойдет с ним. Он объяснил, что хотел бы услышать ход своего творения, раз уж больше не сможет им любоваться. Помощник с радостью исполнил его желание и провел слепца к ратуше. Там вошли они в каморку, где находился часовой механизм, и мастер застыл перед делом своей жизни. До слуха его доносилось тиканье и постукивание, рука его касалась железного скелета машины. Внутренним зрением видел слепой мастер весь механизм перед собой, все оси, валики, рычаги, гирьки, все те части своего творения, в котором только он досконально разбирался. В ту минуту перед его душевным взором пролетели картины всей его жизни: он видел, как мысленно рождается устройство курантов, как составляются планы их отдельных частей, как эти части соединяются воедино, как впервые работа курантов предстала перед собравшимися на рынке людьми, как все громко возносили похвалы, как члены магистрата одобряют удачное его творение, он видел и собственную радость от того, что мысли его так удачно воплотились в дело. А теперь – что он за все это получил? Погружен в вечную тьму и страдание. Такова была благодарность господ!

У мастера Гануша от жалости брызнули слезы из глаз, но он опомнился, собрал все свои мысли воедино. Он стоял лицом к механизму курантов и словно бы видел пред собой все его части. Он потянулся к часам, схватил там какой-то рычажок, притянул к себе. Что-то треснуло, послышался скрип и шум. Помощник подскочил к мастеру, но было поздно. Механизм был серьезно испорчен, а его творец в тот же момент пал бездыханным в объятия помощника. У него разорвалось сердце.

Случилось все это в ту самую минуту, когда на курантах начали двигаться фигуры. Но едва Смерть зазвонила в звоночек, вдруг все

остановились, и наступила тишина. Все, кто на рынке стояли перед ратушей, ожидая представления, застыли пораженные, не зная, что случилось.

Напрасно суетился доктор, мастера Гануша было не воскресить. И куранты, его славное творение, остались сломанными на долгое время. Помощник еще не так хорошо разобрался в механизме, чтобы исправить его, и не было никого другого, кто бы разобрался в устройстве курантов. Закончилась жизнь их создателя, закончилась и их собственная жизнь.

Вот о чем повествует предание о староместских курантах. Но и в действительности судьбы этого необыкновенного устройства были пестрыми, как уже говорилось. В упомянутом уже 1787 году разум все же одержал победу над неуважением к старым памятникам; часовщику Ландшпергу было велено отремонтировать и заново обустроить куранты. Так и произошло, и куранты были запущены, к немалой радости всех добрых пражан.

Куранты исправно шли до 1824 года, когда они снова остановились из-за каких-то неполадок в механизме. До ремонта дело дошло, когда бургомистром был известный доктор Вацлав Бельский, устроивший в Праге много важных нововведений на благо горожан. Наконец дошли руки и до староместских курантов. Вызван был часовщик Голуб из Карлина, чтобы обновить их. Вместе с часовщиком Хайнцем снабдил Голуб куранты новым часовым механизмом. Известнейший чешский художник Йозеф Манес заново расписал круглый календарный диск. В новогоднюю полночь 1866 года куранты были запущены. Их ремонт был возложен на род часовщика Хайнца. Календарный диск с картинами Манера был позже помещен в городской музей из опасений, чтобы прекрасное творение художника не пострадало под влиянием погоды и пыли; на курантах же диск был заменен точной копией образов Манеса, которую произвел К. Е. Лишка.

Староместские куранты, прекрасное творение мастера Гануша, столетиями отмеряют время и указывают часы. Пусть идут они и дальше, на счастье нашего народа!

О Тынском храме

Как две руки, протянутые к небу, поднимаются две стройные башни храма Богородицы пред Тыном над крышами старых домов в восточной стороне Староместской площади, как бы противостоя ратуше. Между башнями – храмовый фронтон, на нем статуя Богородицы, находящаяся на месте, где раньше стояла большая позолоченная чаша, под ней, в нише, ныне праздно, высилась некогда статуя короля Иржи Подебрадского, державшего в поднятой руке меч. Под статуей была латинская надпись: *Veritas vincit* – «Правда побеждает».

Чаша была такой величины, что в нее вошло бы четыре меры зерна. Немало дивились пражане, когда во вторую весну после установки чаши, в один прекрасный мартовский день, от стаи аистов, тянувшихся с юга над Староместской площадью, отделились две птицы, спустились к Тынскому храму и уселись на краю чаши. Недолго отдохнув там, они снова поднялись и улетели. Но еще большим стало удивление зевак, когда вскоре эти две птицы вернулись с ветками и тростником в клювах и начали выстилать в чаше гнездо. Пара аистов угнездилась в чаше без помех, потому что говорится, что аисты приносят счастье тому месту, где селятся. В начале мая вылупились птенцы, и старшие аисты принялись носить им пищу: лягушек, змей, ящериц и саламандр, причем в таком количестве, что аистята не могли их съесть. И часто случалось, что эта отвратительная снедь вылезала из чаши и падала на рынок, а оттуда расползалась до близлежащих улиц, к омерзению и ужасу жителей староместских. Не знали, что с этим поделать. Чашу снимать не хотели. Наконец нашлась мудрая голова, нашедшая выход из положения. Из чаши выбросили гнездо, вычистили ее и приделали к ней крышку. И так чаша осталась и дальше стоять, даже в те времена, когда костел отошел к лютеранам. Но после белогорской битвы, когда пражские костелы, занятые лютеранами, вернулись католикам, Тынский храм также перешел в ведение католической церкви. Тогда с фронтона храма были убраны и чаша, и статуя гусарского короля. Воспитанники иезуитской семинарии спустили с фронтона чашу, а статую короля Иржи сбросили на мостовую и там разбили. Было это в 1623 году; через три

года на место чаши установили статую Богородицы из белого мрамора, нимб над ее головой сделан был из металла чаши и позолочен золотом чаши. Ниша, в которой стояла статуя короля Иржи, осталась пустой до настоящего времени.

Там, где стоит ныне Тынский храм, в давние времена находилась часовня при больнице, устроенной для чужестранцев, приходящих на пражские рынки. Тогда поблизости от этих мест уже приблизительно в XI веке находился купеческий двор, тын, где в подвалах и погребах хранились товары. Место это охранялось, там и останавливались чужеземцы. Слово «тын» означало пространство, защищенное оградой из бревен.

Тот, кто там останавливался, также пользовался охраной, но за особую плату. Плата эта называлась *ungeld* – «унгельд», так стали называть и сам охраняемый дом. За порядком в купеческом дворе следил хозяин Унгельда, ему же каждый приезжающий еще в воротах обязан был сдать имеющееся оружие. В Унгельд приезжали и местные купцы, и иностранные. Но и те, кто просто проезжали через Прагу, обязаны были заехать в Унгельд, отказаться от этого никто не имел права, там, в зависимости от количества своего товара, в соответствии с мерой его и весом, должны были заплатить они установленную мзду.

Предание повествует, что храм тут стоял и ранее, при доме, в котором обитала княгиня Людмила. Когда во времена княгини Драгомиры язычники в Чехии взяли верх, храм был отнят у христиан; набожная княгиня Людмила с внуком Вацлавом по тайной лестнице спускалась в подземную часовню под храмом, где священник служил для нее мессу.

В своем жилище, в комнате, где проводила княгиня время в молитвах, был у нее крест, который во времена преследования христиан она велела отнести в подземную часовню. Возможно, это тот самый крест, который отдан был позднее храму, в капеллу Св. Людмилы. Тело Христово на том кресте сделано было из кожи. Предание гласит, что это была кожа первого из христиан, замученных во времена Драгомиры.

На месте часовни тынской больницы вырос костел, состоявший из трех частей. На башню этого костела поднялся утром 3 декабря 1310 года князь Беренгар, чтобы ударом в колокол подать сигнал к входу в

город дворянам, которые с только что провозглашенным королем Яном Люксембургским подошли к Праге, в которой в те времена еще держался за власть Индржих Корутанский. Атака удалась. Сторонники Корутанского спешно оставили Старое Место. Вскоре стали подумывать о строительстве нового храма, большего по размеру. Но до дела дошло не раньше чем в 1365 году, когда был выкуплен дом возле костела, чтобы новое строительство имело больший простор. В 1437 году было привезено дерево для строительства кровли, но случилось так, что дерево это использовали иначе. Тогда чешский дворянин Рогач из Дубы, заклятый враг короля Зигмунда, взятый в плен при осаде замка Сиона у Кутной Горы, был взят в плен со своею дружиной и приведен в Прагу. Когда же он и его соратники были приговорены к повешению, виселицу велено было соорудить из дерева, предназначенного для кровли Тынского храма. Виселица состояла из трех уровней: выше всех был повешен сам дворянин Рогач, под ним – трое самых известных его соратников, а ниже – остальные пятьдесят три человека, которые оставались из войска Рогача. Двадцать лет спустя, в 1457 году, во время подготовки торжеств по поводу свадьбы Радислава Погробека с дочерью французского короля, на староместский рынок были привезены доски для обустройства танцев и рыцарских турниров, но из-за смерти короля до свадьбы дело не дошло, и дерево это было потом использовано для сооружения кровли Тынского храма. А как только крыша была установлена, в 1458 году, 2 марта, в Тынский костел из Староместской ратуши приведен был только что провозглашенный король Иржи из Подебрад для получения Божеского благословения.

Внутреннее помещение Тынского храма было украшено многими прекрасными произведениями художников и скульпторов. Так, известный художник Карел Шкрета создал для храма целый ряд алтарных картин, среди которых св. Лука (покровитель художников), изображенный рисующим портрет Пресвятой Девы. Предание повествует, что Шкрета придал св. Луке сходство с собой, а Деву Марию писал со своей жены. Эта картина находится ныне не в Тынском храме, она была перенесена в художественную галерею.

Когда перед вечерним богослужением разносится над городом призывный звон пражских колоколов, звучат вместе со всеми и ясные голоса колоколов тынских. В южной башне храма висит большой

колокол, посвященный Деве Марии, который создал в 1533 году мастер Томаш Ярош из Брно, превзошедший всех в литье и формовании мягких металлов. Колокол-великан, самый большой у нас, отлитый в честь Зигмунда Святовитского, тоже дело рук Яроша. Он весит без малого шестьдесят центнеров. Есть тут и меньший колокол с ясным голосом, о котором рассказывают такую историю.

На Старом Месте Пражском, вблизи от Тынского храма, много лет тому назад жила дворянка, госпожа богатая, было у нее огромное имение, жила она в прекрасном доме, одевалась в роскошные платья, устраивала великолепные балы, всего имела в избытке. Но сердце ее было каменным. Бедным не подавала, ни к кому не имела снисхождения, слуг своих постоянно тиранила, никто у нее на службе подолгу не оставался, кроме одного человека, над которым она имела полную власть.

И так случилось, что однажды сбежала от нее горничная из-за жестокого с ней обращения. Госпожа взяла на службу деревенскую девушку из своего поместья; была это добрая девушка, старалась изо всех сил, только чтобы ею были довольны, но что она ни делала, угодить госпоже так и не сумела. И часто, когда помогала барыне одеваться или раздеваться, слышала в свой адрес крик и оскорбления, а также терпела и побои.

Однажды под вечер готовилась злая барыня к выходу в свет, и молодая служанка одевала ее в ее покоях. Тут вдруг с башни близкого костела в Тыне донесся голос колокола, призывающего на вечернюю службу. Горничная была набожной, поэтому уложила платье на стул, чтобы сложить руки в молитве. Это настолько разгневало ее госпожу, что она с криком и бранью подскочила к служанке, схватила ее обеими руками за горло и принялась ее душить, пока бездыханное тело девушки не упало наземь.

Только после этого опомнилась злая женщина, она испугалась, принялась приводить служанку в чувство, позвала слуг и велела немедленно привести врача, но все было напрасно. Жизнь к девушке уже не вернулась. После того великий ропот пошел в доме и во всей округе, люди барыню проклинали как убийцу, едва она выходила из дому, с гневными криками собирались вокруг нее, требуя ей наказания. Дело дошло до суда, но у госпожи был хитрый адвокат, и ее освободили, объяснив это тем, что никого не было рядом, когда

девушка умерла, и невозможно определить, виновна ли барыня. И судья стал на ее сторону. Потом люди говорили, что у бедняков в суде защиты нет.

Но ту злую госпожу наказала ее собственная совесть. Куда бы она ни шла, где бы ни находилась, днем и ночью повсюду в глазах ее стояла жуткая правда и душила ее. Ей делалось все хуже и хуже. И потом, чтобы душу свою облегчить покаянием, ушла она в монастырь, отрешилась от света, каялась там в своем грехе. Но ранее часть своего огромного богатства раздала бедным, часть пожертвовала монастырю и велела звонарю отлить колокол с жалобным голосом и даровала его Тынскому костелу, чтобы звонил он там благовест в память о смерти бедной девушки.

Прошли годы, и случилось однажды, что звонарь Тынского костела где-то задержался и пошел к башне, чтобы возвестить благовест с некоторым опозданием. Но он еще и к костелу не приблизился, когда с башни послышался вечерний звон. Звонарь испугался, странно ему показалось, кто это там вместо него звонит. Он поспешил на башню, и когда поднялся по лестнице к колоколам, увидел там монашенку, которая звонила. Но едва он хотел к ней приблизиться и спросить, как она туда попала, монашенка вдруг исчезла, будто растворившись в тумане. Потрясенный звонарь вспомнил в ту минуту о той, которая подарила костелу этот колокол. И не иначе, думал он, что это был ее дух, который сам явился, чтобы отзвонить благовест, когда звонарь не пришел вовремя. И до сегодняшнего дня висит на башне тот самый колокол, память о замученной девушке.

Тынский храм, величественное и славное строение, шедевр готической архитектуры, хранит великое множество художественных памятников. Снаружи его готический образ сохранен целиком, зато во внутреннем убранстве от него мало что осталось; из самых известных – балдахин над гробом епископа Августина Луциана Санктуариенского, относящийся к поздней готике, который создал в 1493 году Матиаш Рейсек, известный каменщик и строитель. После Белогорской битвы надгробный камень был разбит, и останки епископа разметены. Однако великолепное творение мастера Рейсека уцелело.

О Святоякубском храме

Со староместской улицы Штупартской за Тынским двором, или Унгельдом, можно попасть в храм и монастырь Св. Якуба. На том месте, где он находится, уже в XII веке основали монахи храм и монастырь. В трапезной этого монастыря, весьма обширной, поскольку монахов там было более ста, устроен был прием после коронации короля Яна Люксембургского с королевой Елизаветой 7 февраля 1311 года. Через пять лет после этого монастырь дочиста сгорел; монахи построили новый, гораздо больший и прекраснейший, благодаря щедрому пожертвованию королевы Елизаветы. В новой трапезной сын короля Яна маркграф Карл 13 июня 1343 года вручил пражанам привилегию, свидетельствующую о том, что он будет защищать их права и обычаи в том случае, если права их будут каким-то образом ущемляться.

Прекрасно известно, как мила была Прага Карлу, когда он взошел на чешский трон после своего отца, и как много он сделал для нее. Тогда же началось строительство нового костела Св. Якуба, которое было закончено через тридцать пять лет. А через четыре года после этого король Карл снова был в костеле Св. Якуба, к сожалению, уже не живой: после смерти тело короля в ночь со второго на третий день было выставлено в гробу в Святоякубском костеле.

Во время Гуситских войн храм и монастырь многое претерпели, в 1596 году в костел угодила молния. Когда в 1689 году в Праге бушевал великий пожар, костел и монастырь выгорели полностью. Но довольно быстро он был снова отстроен в том виде, в каком мы видим его ныне. В главном алтаре Святоянского костела в стеклянном шкафу хранится деревянная статуя Девы Марии, особый памятник XIV века, о котором существует такое предание:

С давних пор статуя Девы Марии в костеле Св. Якуба считалась чудотворной. Поэтому была она особо почитаема и увешана дарами. Серебряные и золотые монеты, всевозможные роскошные украшения, нити жемчуга в изобилии висели на ней. Однажды, в беспокойные времена, толклись в Праге всякие темные людишки, много воров развелось, были среди них и люди дерзкие, не боявшиеся никого и ничего. И вот один такой человек, шатаясь по городу, зашел и в костел Св. Якуба во время праздничного богослужения, надеясь срезать у кого-то из молящихся кошелек или что-то еще украсть в толпе людей. Он пробрался к главному алтарю и там увидел Деву Марию,

увешанную богатыми дарами. Глаза его загорелись. Он тут же подумал, что знатная у него будет добыча. Он прекрасно владел своим преступным ремеслом и быстро составил план. Он вышел из костела, чтобы вернуться туда на следующий, будний день, когда там не будет столько народу. И пришел он туда в послеобеденное время, оглянулся по сторонам, не смотрит ли кто на него, залез в пустую исповедальню, где собрался переждать время до самой ночи.

Когда вечером служка запер костел, тот злодей понял, что находится в безопасности и может приступить к делу. И было ему особое везение: той ночью луна ярко светила с ясного неба, и лунный свет через большое окно падал прямо на алтарь. Вор влез на алтарь и собрался снять нити жемчуга и золотые дукаты с шеи статуи. Но в ту минуту он почувствовал, что кто-то схватил его за руку и крепко держит. Он не мог и пошевелиться от испуга, но еще хуже ему стало, когда он обнаружил, что это сама статуя Матери Божией подняла руку и ею держит его. Долгое время он был как парализованный, но потом стал пытаться высвободиться. Но все его попытки были напрасными – не было такой силы, которая освободила бы его. В отчаянном страхе подумал он было о том, чтобы толкнуть статую – она бы упала и разбилась. Но хоть и был он сильным человеком, это ему не удалось. Ничего не оставалось, как дожидаться утра.

Страшно было злодею при мысли, как схватят его на месте преступления и каким будет наказание. Медленно шло время в ночном одиночестве. Наконец на востоке показался новый день, ночь миновала. Снаружи раздались шаги, послышался звук ключа в замке. Это служка шел в храм, чтобы все приготовить к утреннему богослужению. Он подошел к главному алтарю и немало испугался, увидев скрюченного человека у статуи Богоматери, который не двигался. Служка немедленно выбежал из храма и поднял тревогу в монастыре и на улице. Прибежали монахи и люди с улицы, и все собравшиеся немало дивились тому, как вор был задержан. Поняли они и то, что вора невозможно освободить, хоть они и старались это сделать изо всех сил, намереваясь отвести его на суд. Тут настоятель монастыря обратился к чудотворной статуе и спросил, какое наказание должен понести вор за свое безбожное преступление. Может быть, его рука должна быть отсечена? И едва настоятель

договорил, пальцы статуи ослабили свою хватку, рука раскрылась, и вор смог высвободить свою руку.

Тем временем в костел пришел судья со стражниками, вора схватили и увели. На суде было установлено, что злодей заслуживает того наказания, к которому приговорила его сама Матерь Божия. И выведен он был из тюрьмы к костелу Св. Якоба, и там, перед костелом, палач отсек ему правую руку. В память о том событии рука злодея была повешена в костеле на цепи. Там она высохла, почернела, и до сегодняшнего дня ее можно увидеть с правой стороны от входа в костел. Висит там и картина, на которой изображено наказание злодея с надписью об этом чудесном случае на чешском, немецком и латинском языках.

Вор провел годы в темнице и вышел на свободу раскаявшимся. Он пришел в костел Св. Якуба и взмолился, чтобы взяли его самым низшим служкой, чтобы он мог постоянно возносить покаянные молитвы на месте своего преступления. Его приняли, и он до самой смерти старательно служил в храме и заслужил отпущение грехов.

В левой части храма Св. Якуба у стены находится прекрасное надгробие Яна Вацлава, графа Вратислава из Митровица, когда-то наивысшего канцлера Чешского королевства, который умер в 1712 году. Статуи на надгробье создал известный скульптор Брокоф. Под надгробьем, в склепе, находится семейное захоронение графов из Митровица. Существует предание, что похороненный здесь канцлер только казался мертвым, но в гробу очнулся, сдвинул крышку гроба и пытался выйти наружу. Но усилия его были тщетны, голос его услышан не был, и так принял он мучительную смерть. Говорят, тело его нашли, когда через четыре года должны были хоронить другого представителя этого знатного рода и открыли надгробье склепа. Удивительно, почему возникло это предание, ведь доподлинно известно, что наивысший канцлер Ян Вацлав, граф Митровицкий, умер в Вене, где и был похоронен. Только через год перевезен был гроб с его телом в Прагу.

Прекрасную картину в алтаре костела Св. Якуба написал известный чешский художник Вацлав Вавржинец Райнер. Раньше на ее месте там было малоценное изображение, написанное прямо на стене. Рассказывают, что художник Шебестиан Цайллер начал писать ту настенную картину в те времена, когда в Праге свирепствовала

чума, то есть в 1713 году. И хотя прихожане Святоякубского костела умирали от чумы целыми семьями, художник этот каким-то чудом оставался здоровым до тех самых пор, пока не закончил картину. После этого в течение двух дней был охвачен чумой и скончался.

Рассказывают и еще одну удивительную историю о художнике, который написал ряд картин на потолке и сводах храма. В монастырской хронике было отмечено, что в 1736 году, когда была закончена отделка храма, там объявился незнакомый человек, по облику которого можно было понять, что пришел он издалека, и предложил расписать потолок и арочные своды Святоякубского храма. Никакой платы за свой труд он не просил. И дело это было ему доверено, и выполнил он его великолепно. Только потом художник признался, что долгие годы был монахом в Праге, в монастыре Св. Якуба, но тайно покинул обедневший монастырь, добрался до Рима, где папа римский освободил его от монашеского обета. В Риме он научился искусству живописи и получил известность. Но он не забыл о своей родине и о пражском монастыре и пообещал себе, что, если вернется когда-то в Чехию, распишет монастырский костел. Имя этого художника было Гвидо Фогель.

Славное прошлое у Святоякубского монастыря, как о нем рассказывает история. Свидетельствует о том и внутреннее убранство храма, в котором так много шедевров искусства резчиков, скульпторов и живописцев.

О Каролинуме

На фруктовом рынке на углу Железной улицы стоит здание, называемое Каролинум, принадлежащее Пражскому университету. Раньше тут находилось студенческое общежитие Карлова университета, переехавшее сюда в 1386 году, когда Вацлав IV сменил дом для студентов на новый, построенный богатым горожанином по имени Рохлин Ротлев.

Ротлев, которому в Праге принадлежало несколько домов, садов и виноградников в предместьях города, все стремился приумножить свое богатство. Как и другие пражские горожане, он получил право золотодобычи в Йилове, где издавна добывали золото. Нанял он горняков, те разработали штольню у Йилова, вломились в скалу – за

золотой жилой, которая тянулась там под землей. Работали они долгое время, штольня все тянулась и тянулась, но сильную жилу так и не обнаружили.

Но Ротлев хорошо знал, что в скалах у Йилова скрывается золотая руда, он видел, как другим улыбается счастье, как горняки вывозят из штолен золотоносную руду, а потом вымывают из нее золото в лотках. Только ему, Ротлеву, никак не везло, не шло к нему золото никак. Но он так загорелся, денег не жалел, сам часто приезжал в Йилов, чтобы наблюдать за работой. И мешочек за мешочком серебряных монет привозил он туда для платы за труд горняков. И когда через некоторое время случилось так, что золотую жилу в его штольне все-таки обнаружили и начали добычу и промывку золота, радость его была огромной. Но жила эта оказалась скудной, из нее добыли лишь немного золота, и вскоре она иссякла совсем.

Ротлев снова и снова гнал людей на работу, требовал расширять штольню, денег он на это не жалел. Но потом и денег не осталось. Пришлось продавать что-то из недвижимого имущества. Так продал он в Праге дом поблизости рынка, продал и второй, и третий, продавал и виноградник за виноградником у заставы. Поскольку деньги ему были нужны срочно, продавал он свое имущество задешево, деньги текли у него между пальцев, как вода, они быстро заканчивались и нужно было искать новые. Но Ротлев был одержим жаждой золота, ничто его не могло остановить. Его жена, добрая и хозяйственная женщина, увидев, сколько всего уже спустил ее муж, умоляла его поклясться ей, что он бросит золотодобычу, чтобы сохранить то, что еще можно сохранить, пока не поздно.

– На что тебе такая алчность? – говорила она. – Не везет тебе с этим, пропадет там, в Йилове, все наше имущество. Не лучше ли было бы, если бы ты бросил эту добычу золота и приглядывал в городе за нашим хозяйством? Откуда ты знаешь, как там горняки хозяйничают, ведь ты не можешь быть там все время, может, они тайно прячут золотую руду. Брось это все, продай штольню, если еще найдется на нее покупатель, и будем тут снова спокойно жить.

Но Ротлев отвечал, что все это женская болтовня, что она ничего не умеет, кроме как жаловаться; пусть только подождет и увидит, как он разбогатеет, как будет уважаем среди самых влиятельных пражан. Он не верил, что горняки его обманывают, у него там был свой

доверенный человек, очень надежный, который присматривает за всем. Так что ничего не остается, как терпеть, ведь счастье когда-то объявится.

Жена Ротлева, увидев, что ее уговоры напрасны, молча наблюдала, как дома гибнет их хозяйство и имущество теряется в бездонном болоте, она тосковала и часто плакала. За золото платят слезами.

Ротлев уже мало что имел и близок был к бедности. Но от своей надежды не отказывался. Однажды в полдень под окнами дома Ротлева остановился всадник на загнанном коне, соскочил и поспешно направился в дом. Это был старый служащий Ротлева, тот самый, что в Йилове присматривал за работами. Он принес своему хозяину недобрую весть. Горняки оставили работу в штольне, не желая больше ждать плату, которую господин пообещал и не послал. Кроме того, они хотели идти в Прагу, чтобы пожаловаться главе города на Ротлева, поскольку он нанял их на работу, а теперь противозаконно задерживает им плату.

– Ты знаешь, господин мой, – добавил верный служащий, – ведь я сам почти не верил в успех и тебе советовал бросить это дело. Но сегодня ночью приснился мне удивительный сон. Во сне я увидел маленького мужичка, который подошел к моему ложу. У него были седые усы по пояс, была на нем шахтерская одежда, у пояса его была рудничная лампа, в руке он держал железный лом. Ни слова не говоря, он поманил меня пальцем, чтобы я встал и пошел за ним. И я встал, вышел за ним из дома и оказался прямо у штольни. Там он с поднятой лампой пошел вперед, иногда оглядываясь на меня. И пришли мы с ним туда, где горняки побросали свою работу. И тут мужичок остановился, обернулся ко мне и вытянутой рукой показал в сторону скалы. Но опять не промолвил ни слова. А когда я хотел его спросить, не указывает ли он мне на то место, где скрыто золото, свет лампы погас, мужичок исчез, и я остался в полной тьме. И в тот же миг я проснулся на своем ложе, думая непрестанно о своем удивительном сне. Утром пошел я к штольне, чтобы посмотреть на то место, но снаружи стояли горняки, кричали, что на работу не выйдут, пока не получат денег за свой труд. Поэтому я быстро вскочил на коня и отправился в Прагу, чтобы ты узнал обо всем.

Ротлев, слушавший своего человека с затаенным дыханием, схватил того за руку и торопливо произнес:

– И неужели сейчас, сейчас я должен прекратить поиски, когда твой сон сулит новую надежду? Надо достать деньги, и немедленно! Только где их взять? Ни один ростовщик не даст мне в долг. Даже и пытаться не стоит. И под залог отдать мне нечего. Хотя подожди! Подожди немного, я сейчас вернусь!

С этими словами ушел Ротлев в кладовую. Через минуту он вернулся, неся в руке какой-то светлый наряд. Удостоверившись прежде всего, что жены его нет поблизости, он разложил наряд и указал на него своему помощнику. Это была фата, свадебное покрывало невесты, густо расшитое золотом и украшенное драгоценностями. Этот наряд жена его хранила в память о лучших днях и ни за что с ним бы не рассталась.

– Возьми это и спрячь! – приказал Ротлев своему служащему, подавая ему покрывало. – И поспеши с этим к еврею Боруху, пусть он займет денег под залог этой вещи, все равно покрывало я выкуплю в первую очередь, как только добуду золото. Иди, иди!

И он подтолкнул служащего к дверям прежде, чем тот начал бы возражать. Потом Ротлев поспешил к своей жене, уведомил ее, что едет в Йилов, так как помощник привез ему хорошие вести и ему самому нужно во всем убедиться. Он немедленно оседлал коня и стал ждать своего служащего, когда тот вернется от ростовщика.

– Дал? – крикнул Ротлев старику, когда увидел, что тот приближается со стороны рынка. И когда тот кивнул, немедленно вскочил в седло и так погнал коня к городским воротам, что помощник едва поспевал за ним.

Ранним вечером был Ротлев в Йилове, собрал горняков, выплатил им деньги за труд и уговорился, что утром они выйдут на работу. Но сам он утра дождаться не мог, он с помощником пробрался в штольню до рассвета, там велел показать, какое именно место обозначил мужичок из сна. Потом он взял лом и молоток и начал стучать по скале. Но дело ему не давалось, потому что не привык он к такой работе. Он быстро ее оставил, отослал помощника из штольни, чтобы тот посмотрел, не идут ли горняки трудиться, сам же он собирался подождать их прямо тут, в штольне.

И когда он один-одинешенек тихо сидел в штольне и перед ним на земле трепетал огонек рудничной лампы, вдруг послышался где-то в стороне слабый шум. Ротлев глянул туда и увидел мышь, которую

привлек кусок сала, лежащего на камне. Ротлев увидел, что мышь хочет стащить этот кусок, и разозлился.

«Еще и эта хочет меня обокрасть!» – подумал он, взял потихоньку молоток и изо всех сил запустил им в сторону мыши. В мышь он не попал, но молоток, брошенный с силой, ударился о скалу у самой земли, да так, что отломился кусок камня. Когда же Ротлев приблизился к скале, чтобы поднять молоток, заметил он какой-то блеск. Он осветил лампой – и глядь! – за отколотым куском открывалась золотая жила. Ротлев встал, как зачарованный, но вскоре опомнился, выбежал из штольни и принялся звать горняков, которые как раз подходили к штольне вместе с его помощником. Он кричал, что пусть скорее идут, пусть не мешкают, он нашел золото! Они быстро пошли за ним и увидели, что он не ошибся. Они тут же взялись за работу, и действительно вскоре оказалось, что это мощная жила золотой руды.

Вот так внезапно счастье улыбнулось Ротлеву. Для разработки жилы нужно было углубить шахту, это была дорогостоящая работа, но прибыль была такова, что уже вскоре Ротлев мог продавать золото, платить горнякам и стал богатеть. С первой же прибыли он выкупил у Боруха покрывало и принес жене, покаявшись, что заложил дорогую ей вещь без ее ведома. Жена его не гневалась, видя, что это было началом их счастья.

За золото из шахты в Йилове Ротлев получил трикрат сто тысяч золотых. Так он снова стал богатым горожанином. Он перестроил свой дом, украсил его эркерами, башенками. Войти в него можно было тремя воротами, мало какой дом в Праге мог сравниться с его домом своим великолепием.

После смерти Йохлина Ротлева король Вацлав IV устроил в этом доме университетское общежитие, которое до того находилось в доме еврея Лазаря. Это общежитие называлось главным, или Карловым, и потому дом, когда-то называемый Ротлевский, и по сей день принадлежащий университету, получил имя Каролиnum.

Это предание.

История тоже знает имя Йохлина Ротлева, который с 1371 года был монетным мастером в Кутной Горе и основал богатство своего рода. Ему действительно принадлежал описанный ранее дом, но о его

золотодобыче в Йилове и о том случае с покрывалом ничего не говорится.

В Карловом общежитии, в Каролинуме были и учебные аудитории, жили там когда-то и профессора. В 1718 году архитектор Канька так перестроил здание, что от изначальной его внешней красоты остался только один готический эркер, прекрасный памятник зодчества времен Карла IV.

К Каролинуму относится и предание из более поздних времен:

О скелете с палкой в руке

В те времена, когда в Каролинуме располагался медицинский факультет, стоял в одном из залов у двери мужской скелет невероятных размеров, можно сказать, великанский, который держал в руке трость привратника, как будто охраняя вход в зал. О нем рассказывали, что это был скелет слуги одного из профессоров анатомии. Профессор, глядя на своего молодого слугу, понимал, что его скелет когда-нибудь мог стать ценным экспонатом университетской коллекции, поскольку скелета человека такого огромного роста там еще не было. И однажды старый профессор рассказал слуге о том, что ему пришло в голову, и добавил, что готов выплатить ему приличную сумму денег, если слуга письменно засвидетельствует, что после его смерти свой скелет он завещает профессору.

Слуга немного удивился просьбе профессора, но, взвесив все, подумал: «А почему бы и не продать? Старик-то все равно наверняка раньше меня помрет, а договор действителен только с ним».

Тогда молодой человек принял предложение профессора, между ними был заключен и подписан договор. После этого профессор выплатил слуге хорошую горку сребреников и в шутку добавил:

– Когда-нибудь я твой скелет поставлю у входа в зал, а в руке он будет держать трость привратника. Будешь сторожить мою коллекцию.

Слуга был уверен, что до этого не дойдет; от радости, что так легко достались ему такие огромные деньги, отправился он в корчму и там на деньги, вырученные от продажи собственного скелета, хорошенько напился. А поскольку он с выпивкой дружил, а теперь мог ее купить в

любом количестве, сидел он в корчме изо дня в день. Он еще не пропил все сребреники, когда однажды в корчме, вставая пьяным из-за стола, вдруг свалился наземь, как срубленный дуб. Его разбил паралич.

Вот так достался скелет великана старому профессору, который, как и говорил, поставил его в зале у двери с палкой привратника в руке. Студенты так и называли этот скелет – «привратник».

О доме «У Бетенглов»

В Перштыне, внизу, поблизости от Гусовой улицы, стоял когда-то дом, который называли «У Бетенглов», который вместе с ближайшим домом «У золотой грозди» был снесен в конце прошлого столетия. На месте тех домов стоит теперь новый. Первый из этих старинных домов назывался именем тех, кому он когда-то принадлежал, – именем Бетенглов из Нойенперка, родовитой пражской семьи.

О том, как разбогатела семья Бетенглов, предание повествует так:

«Бедный подмастерье плотника выучился ремеслу в Праге и отправился на поиски работы по направлению к Кладску. Денег у него с собой было мало, карманы его пустели, и он не знал, дойдет ли он до цели своего пути без того, чтобы не остановиться где-то ради приработка. Так дошел он до города Рыхнова над Кнежной. Был полдень, когда пришел он на городскую площадь. Он был голоден, на завтрак у него ничего не было, кроме сухой корки хлеба, оставшейся от ужина. В кармане лежал последний грош. Но в желудке его урчало от голода, поэтому купил он на последний грош у мясника кусок солонины, а у бабки-булочницы – рогалик. День был прекрасный, ремесленник хотел отдохнуть под широким ясным небом и вышел из города. Вскоре он увидел лужайку, на которой стояла старая липа с густой кроной, которая дарила прохладную тень.

Ремесленник подошел к липе, улегся возле нее на траву и принялся обедать солониной с хлебом. Все он не съел, оставил еще себе на ужин. Он положил остатки своего обеда рядом с собой, вытянулся на травке и задремал. И когда он уже почти уснул, вдруг послышался ему совсем рядом слабый шум. Ремесленник быстро открыл глаза и увидел, что под камень, лежащий между корнями,

залезает мышка с его солониной. И прежде, чем он успел опомниться, мышь уже спряталась в норке под камнем.

Ремесленник опомнился, подскочил к камню и отвалил его, надеясь поймать мышь. Но мышь исчезла; она залезла в отверстие между корнями липы. От злости, что лишился последнего куска еды, купленной на последние деньги, парень схватил свой окованный дорожный посох и начал бить им в то место, где спряталась мышь. И тут почувствовал, что посох уткнулся во что-то твердое. Он принялся быстро разгребать землю между корнями и наконец увидел, что там зарыт зеленый сундук. Он вытащил его из-под земли, легко сорвал ржавый замок – и глядь! – сундук был наполнен золотыми дукатами. Ремесленник нашел клад!

Но как сделать, чтобы богатство оказалось в безопасности, чтобы никто о нем не узнал? Он набрал в мешочек немного дукатов, сундук закрыл, засыпал землей, а камень положил на прежнее место. Потом вернулся в город и стал искать, кто бы продал ему какую-нибудь тележку с лошадкой в придачу. Он хорошо заплатил, добыл еще соломы и к вечеру выехал из городских ворот. Подъехал он к старой липе, остановился там, а когда стемнело и никого не было поблизости, вытащил сундук, поставил его на тележку (а был он очень тяжелый) и хорошенько прикрыл соломой. Так и доехал он до Праги без приключений. Там купил дом и поселился в нем.

Из бедного ремесленника вышел богатый житель Праги. И дом его потом называли «У Бетенглов».

О капелле Святого Креста

Округлая капелла в закутке улицы Каролины Светлой на Старом Месте в Праге – одно из самых старых строений такого рода в этом районе. Время ее постройки надо искать в XI веке. Такие округлые святыни, называемые ротондами, строили у нас с X века, подобные строения можно найти в Праге в других кварталах, таковы, например, капелла Св. Лонгина при костеле Св. Штепана на Новом Месте, капелла Св. Мартина на Вышеграде. К тому же первый костел Св. Вита был точно такой ротондой. Раньше полагали, что такой способ строительства пришел к нам с востока вместе со святыми проповедниками Кириллом и Мефодием. Но сегодня мы знаем, что он

пришел к нам из Германии, из Баварии, в те времена, когда князь Вацлав принимал в Чехии епископов баварских и швабских.

Предание, сохранившее память об этой капелле, возвращает нас во времена религиозных войн. Вот оно:

«В те времена жил в Праге богатый купец с женой, детей у них не было, и были они очень набожными. Однажды купец тяжело заболел и оказался между жизнью и смертью. Однако он выкарабкался из своей болезни и снова сделался здоровым как бык. Из благодарности за это он пообещал, что совершит паломничество к Гробу Господню на Святую землю. Тогда такое далекое путешествие было очень непростым уже потому, что турки покорили палестинцев и крайне жестоко обращались как с местными крестьянами, так и с путешественниками. Именно поэтому из Европы был предпринят военный поход. Те, кто принял в нем участие, носили одежду с изображением креста, потому и называемы были крестоносцами.

Как-то одна часть этого войска тянулась через Прагу, и тут купцу пришло в голову, что он пойдет с ними на Святую землю. Не помогли уговоры жены и ее доводы об опасностях этого путешествия, не подействовали ни слезы ее, ни просьбы – купец провозгласил, что хочет выполнить свой обет, и отправился с другими пражанами, которые присоединились к войску крестоносцев.

Войско крестоносцев дошло до Италии, оттуда переправились в Царьград, а из Царьграда – в Палестину. Но там, после многих боев, еще до того, как крестоносцы подступили к Антиохии, на один из их обозов напали турки. В том обозе был и пражский купец; некоторых христиан убили, а некоторых взяли в плен.

И купец попал в плен и в рабство. Турки притащили пленников в город и заперли там в христианской капелле, которая тогда служила им тюрьмой. Было это крепкое округлое здание, из которого убежать бы не получилось. Там узники мучились от голода и жажды. Купец горячо молился и в душе пообещал, что, если освободится из плена, построит у себя на родине капеллу в честь Святого Креста, подобную той, в которой был сейчас заключен.

И случилась дивная вещь: однажды ночью купец уснул, и ему приснилось, что ворота их тюрьмы вдруг отворились, в них стоял юноша в белом. Он кивнул узнику, и у того тут же упали оковы с рук и ног, он встал и последовал за юношей. Он не знал, куда идет, не знал и

продолжительность пути, наконец оказались они на вершине перед городом, на чьих башнях купец не увидел турецких полумесяцев, напротив – повсюду виднелись кресты. Он понял, что стоит перед христианским городом, и хотел спросить своего спутника, что все это значит. Но тот в ту самую минуту исчез.

Купец пробудился от сна и увидел, что он и вправду уже не в тюрьме. Он лежал на горе перед незнакомым городом вблизи морского побережья. Он услышал разговоры проходящих мимо людей и понял, что он в Италии. Он понял, что случилось чудо, и стал коленопреклоненно благодарить Бога за освобождение.

Потом он пошел в город и нашел там купцов, которые бывали в Праге по торговым делам. Они ему помогли попасть домой, и так он счастливо вернулся в Прагу, к немалой радости своей жены.

Все удивлялись его чудесному освобождению. Он же, верный обещанию, велел построить на Старом Месте напротив своего дома капеллу, похожую на ту, в которой он томился в плену.

Это и есть капелла Святого Креста, которая стоит и по сей день».

О явлении тамплиера в Лиловой улице

Старые пражане рассказывали, что в Лиловой улице на Старом Месте появляется дух тамплиерского рыцаря.

Орден тамплиерских рыцарей берет свое начало в Иерусалиме XII века. Изначально он был основан для охраны христианских паломников в Святую землю от сарацин и турок. Резиденции этих рыцарей в Иерусалиме находились в тех местах, где раньше были храмы (или темплы) царя Соломона; отсюда и пошло название ордена – «Тамплиеры». Из Иерусалима орден распространился позднее и в европейские страны, где, конечно, не было столько поводов для охраны веры христианской.

Отличительной чертой одежды тамплиеров был белый плащ с алым крестом.

В Чехии тамплиеры оказались во времена короля Вацлава I, в 1232 году. У них тут было несколько резиденций. Они выстроили здание при костеле Св. Вавржинца, которое назвали «В Иерусалиме», позднее этот дом стал монастырем Св. Анны, как уже рассказывалось раньше. Была у них резиденция и на улице Целетной, в доме, который позже

называли «Темпл». В 1307 году по приказу папы римского Климента орден тамплиеров был уничтожен.

Рассказывают, что в монастыре тамплиеров у Св. Вавржинца один рыцарь за тяжелое преступление был осужден, приговорен к смертной казни и обезглавлен. Умер он, не примирившись с Богом, а потому был проклят.

Вот с тех самых пор каждую пятницу в полночь и появлялась в Лиловой улице вблизи монастыря фигура рыцаря, скачущего на белом огнедышащем коне. Всадник в белом плаще был без головы. Голову же держал он в руке – у седла. Как только часы били час пополуночи, привидение исчезало.

Так, по преданию, ожидал своего освобождения проклятый тамплиер. Душа его освободилась бы от проклятия, если бы нашелся молодой человек, который схватит коня за узду и ударит всадника мечом. Но не было такого сильного духом человека, который отважился бы на такое. Поэтому привидение обезглавленного тамплиера долгие годы показывалось на Лиловой улице до тех пор, пока монастырь не был разрушен.

В 1782 году здания были проданы для личного пользования, и сегодня в помещениях костела Св. Вавржинца находится бумажный склад. Через бывший монастырь проход ведет от Аненской площади к Лиловой улице. О тамплиере ничто там не напоминает.

Водяной под мостом

О нем рассказывали пражане такое предание:

«Шел как-то молодой ремесленник в Прагу. Проходил он рано поутру по дороге у пруда, и внезапно, откуда ни возьмись, оказался рядом с ним старый человек, хорошо одетый, в зеленом кафтане, высоких сапогах и в шляпе со свисающей к плечу макушкой на голове. Поздоровался он с ремесленником и спросил, куда тот держит путь. А как услышал, что в Прагу, тут же обрадовался, мол, как хорошо, он тоже туда направляется, а вдвоем веселее. Пошли они вместе. Чужак был человеком говорливым, рассказывал интересные вещи, так что путь их был приятным и время бежало незаметно. Только вечером, когда ремесленник направился в трактир на ночлег, тот человек не пошел с ним, сказал только, что утром подождет его, и скрылся где-то

за гумном. А утром снова ждал ремесленника на дороге. Так и происходило во время всего их пути в Прагу. Когда они наконец пришли и переходили через Каменный мост, тот человек остановился у перил на староместской стороне и посмотрел вниз, где неподалеку от берега виднелся островок, заросший вербами. Потом он обратился к ремесленнику и сказал:

– Чтоб ты знал, с кем ты сюда пришел: я водяной. Надоело мне в моем пруду, и я решил перебраться в Прагу. Так что отныне буду жить там, внизу. И первое, что я сделаю, отомщу кучеру с мельницы. Ехал он как-то мимо моего пруда, захотел искупать коня да так резво въехал в воду, что все мне там замутил и камыш вытоптал. Погнался я за ним, но он очень быстро ускакал, обругав меня при этом самыми грязными словами. Я его утоплю. А чтобы ты понял, что я говорю правду, приходи завтра вечером после благовеста сюда, на мост, и посмотри на брод! Кучера узнаешь по розе на его шляпе. А теперь мы должны разойтись. Будь здоров!

Ремесленник попросился с водяным, удивляясь, с кем же это довелось ему вместе в Прагу идти. Только теперь он вспомнил, что ему показалось, будто у того человека была мокрая макушка шляпы и плечо, к которому она свисала. Ремесленник быстро нашел ночлег, а на следующий день получил и работу у мастера на Старом Месте, поблизости от моста.

Когда настал вечер и работа была уже закончена, подумал ремесленник, почему бы и не пойти ему на мост. Пришел он туда как раз в то время, когда отзвонили благовест. Посмотрел он с моста на брод и увидел вдруг, как въезжает в воду кучер на коне, а другого ведет рядом. На голове у кучера шляпа, на шляпе роза. Ремесленник испугался, перегнулся через перила и закричал кучеру, чтобы тот дальше в воду не шел, а вернулся скорее на берег. Кучер посмотрел вверх, подумал, что это глупец какой-то ему кричит, махнул рукой и отправился на более глубокое место. И тут видит ремесленник, как кто-то тянет кучера за ногу с коня. Кучер оборонялся изо всех сил, коня крепко держал за шею, но все напрасно. Конь вдруг встал на дыбы, руки кучера разъединились, и он упал в воду. Испуганные кони выбежали на берег. А кучер в тот же миг исчез под гладью вод. Водяной схватил его там и утопил».

О чудесном докторе

В некоем староместском дворце разболелся его владелец, богатый граф. Домашний лекарь аристократа не знал, чем помочь, созвали лучших пражских врачей, профессоров медицинского факультета – ничего не помогало, болезнь не проходила, графу делалось все хуже и хуже. Казалось, что больному уже ничем нельзя помочь.

И тут старый камердинер, который прислуживал графу, видя, что во дворце врачи так и ходят гуськом друг за дружкой, но все без толку, отважился обратиться к своему хозяину с такими словами:

– Милостивый граф, позволю себе дать совет, желая вам добра. Как я вижу, все эти ученые господа ничем не помогают, только морят вас. Но я знаю, кто мог бы вам помочь, не знаю, смею ли вам об этом сказать.

Граф, измученный болезнью, улыбнулся слабой улыбкой и произнес:

– Говори, что ты знаешь!

– У нас в городке, – сказал камердинер, – живет некий доктор Китл, превзошедший всех врачей в своем лечебном искусстве, к нему обращаются люди отовсюду. И насколько я знаю, он не раз помогал тем, кому другие врачи не давали никакой надежды. Я уверен, что он и вам мог бы помочь, Ваша графская милость.

Граф, выслушав эти речи, как утопающий хватается за соломинку, ухватился за это предложение камердинера и велел ехать за доктором Китлом.

И правда – молва о докторе шла удивительная. Была даже поговорка: «Этому уже и Китл не поможет». Ее употребляли, если хотели сказать, что больной уже вот-вот отойдет в мир иной. Чудесный доктор не делал разницы между богатым и бедным, но богатый должен был хорошо заплатить золотом, а бедному он помогал задаром.

Когда доктора Китла привезли в Прагу к графу и повели к графским покоям, слуги косились на него. Камердинер, который должен был привести доктора к графу, долго медлил, а потом набрался смелости и сказал, что в такой одежде господин доктор не может подойти к графскому ложу. Ведь сюртук доктора был изношен

до ветхости и выглядел настолько плохо, что никто никогда не подумал бы, что его владелец – известный доктор.

Китл рассмеялся, когда камердинер преградил ему дорогу, потом рассердился, но когда увидел, что слуга не отступает от своего намерения, после долгих препираний переделся в прекрасный сюртук, который ему выбрали из графского гардероба. Он посмотрел на себя в зеркало, усмехнулся, но ничего не сказал и проследовал за камердинером к графу, который уже ждал его. Доктор поклонился больному и молча встал возле его постели. Граф слабым голосом рассказал ему о своих мучениях и спросил с выражением тоски на лице, может ли доктор ему помочь. Но Китл не издал ни звука, только стоял без движения и смотрел на сюртук, который заставил его надеть камердинер. Граф не мог дожидаться ответа и наконец спросил доктора, почему он молчит. И тут доктор Китл ответил:

– Ваш камердинер не хотел пустить меня к вам в моем сюртуке. Я должен был переодеться в этот, шитый золотом. Видимо, этот сюртук важнее меня. Вот я и жду, когда он заговорит первым.

Граф не мог сдержать улыбку и приказал принести Китлу его сюртук. Доктор переделся, потом осмотрел больного, назначил способ лечения, и в скором времени граф поправился.

Благодаря этому пошла еще большая молва о Китле, как о чудесном докторе, и всюду в Праге о нем говорили. Доктор потом часто лечил больных в Праге, и порой случалось, что он возвращал к жизни больного, который уже готов был испустить душу. Не удивительно, что искусство доктора казалось людям чем-то сверхъестественным, и они начали поговаривать о том, что у него заключен договор с дьяволом и что именно поэтому ему удается исцелять больных. И еще говорили о нем, что есть у него вложенный плащ, который, если его разложить, может лететь по воздуху и с невероятной скоростью перенести доктора куда он пожелает.

Однажды, когда доктор задержался в Праге, повстречался он на рынке у Св. Гавла со знакомым земляком. Слово за слово, земляк спросил доктора, когда тот возвращается домой, поскольку сам он собирался в дорогу, которую должен был проделать пешком. А спросил он об этом, думая, что если Китл собирается домой, его пражский пациент отвезет доктора, а он бы к нему присоединился. Доктор Китл засмеялся и говорит:

– Пойдем со мной, отвезу тебя.

И милый земляк пошел за Китлом, и вышли они из пражских ворот. Там доктор расстелил на земле плащ, там доктор с земляком уселись на него, при этом Китл строго-настрого велел ему молчать всю дорогу. Тут плащ взлетел в воздух, вознесся высоко над Прагой и с огромной скоростью полетел по воздуху прямо к дому.

Летели они над горами и долами, пронеслись под ними поля и леса, города и деревни, реки и пруды, луга и сады. У земляка доктора дух захватило от восторга. Он крепко держался за доктора, чтобы не упасть, и смотрел на то, как меняются под ним картины края. Не смог он удержаться и воскликнул:

– Ах, Боже мой, какая же красота!

В тот же миг в глазах у него потемнело, все закрутилось, и он, теряя сознание, заметил лишь, что очень быстро падает на землю. Придя в себя, он обнаружил, что сидит в стогу сена посреди огромного луга вблизи реки. Он встал и подошел к людям, что работали у воды. От них-то он и узнал, что очутился на берегу реки Йизеры поблизости от города Бенатки, на полпути от его родных мест.

И еще кое-что рассказывали о докторе Китле в Праге.

У доктора дома было двое сыночков. Это были очень шустрые мальчики, они целый день крутились по дому, лезли во все закутки. Однажды, когда доктор вновь был вызван к больному в Прагу и прогуливался по городу, закончив лечение, он вдруг почувствовал странную тоску. Не понимая, что происходит, он немедленно сел на плащ и поспешил домой.

И медлить было нельзя! В его отсутствие мальчики забрались в его комнату, которая случайно оставалась незапертой. Там им попала на глаза огромная старинная книга на деревянном пульте. Любопытные мальчишки пододвинули скамеечку, забрались на нее, открыли книгу и начали медленно по слогам произносить незнакомые слова. Каково же было их удивление, когда тут же в открытое окно влетело несколько воронов. Дети читали дальше, и количество черных птиц все увеличивалось, с криками кружилось под потолком, некоторые уселись на пульт, грозно направляя свои мощные клювы на мальчиков. Все новые и новые вороны прилетали в окно. Перепуганные мальчишки перестали читать и собирались спастись бегством.

И в этот момент в дверях появился отец. Он тут же понял, что произошло, подскочил к волшебной книге и начал читать то, что читали его сыновья, но в обратную сторону. Вороны стали вылетать в окно, и вскоре исчез последний из них. Если бы доктор Китл вовремя не оказался дома, вороны заклевали бы детей.

О докторе Китле по Праге ходили легенды, им восхищались, но рос и страх перед ним. Однако он умел лечить людей, как никто иной, все его уважали, а бедняки ценили его и за то, что лечил он их бесплатно, делая им много добра. Хоть и было у него в Праге много пациентов, он в столицу не переехал, но пражане считали его своим.

О доме «У золотой головы»

От Карлова моста к Малой площади в Праге ведет Карлова улица, которую раньше называли Иезуитской, потому что там находится Клементинум, в котором располагался когда-то орден иезуитов. До Клементинума стоял там доминиканский монастырь с костелом Св. Климента, и улицу называли Святоклиментской. Но так звалась она только от Малой площади перед мостом до того места, где начинается Лилова улица, оттуда улица слыла швецовской, потому что там работали швецы. В середине этой улицы стоял когда-то дом, названный «У золотой головы», который позже уступил место домам новым.

В доме «У золотой головы» работал цирюльник, брил людям бороды, подстригал волосы и усы, накручивал их по моде железными щипцами. Место было оживленное, люди ходили с Малой Страны на Староместский рынок и обратно, поэтому в лавке цирюльника всегда было полно народу с утра до вечера. Но милый цирюльник, хоть его ремесло и шло отлично, особенно ни о чем не старался, работу часто поручал подмастерьям и ученикам. Сам он больше всего любил сиживать в задней комнате, где у него была обустроена алхимическая лаборатория. Как и многих людей того времени, его обурежала мечта найти возможность обычные металлы обращать в золото. Овладеть этим искусством пытались алхимики. Многие честные и доверчивые люди искренне верили в такую возможность, но много было и мошенников, которые пользовались людской легковерностью и всевозможными обманами вытягивали у наивных людей деньги.

В Чехию алхимия пришла уже в XIII веке с молодыми людьми, которые получали образование в заграничных университетах. Во времена Карла IV, когда Прага была главной резиденцией римского императора, между пришлыми иностранцами было также много алхимиков. Многие вельможные дворяне чешские занимались в более поздние времена алхимией. Но наивысшей точкой расцвета достигла алхимия при Рудольфе II, который и сам посвящал ей много времени. При его дворе было огромное количество алхимиков, и неудивительно, что многие пражане были бы рады разбогатеть с помощью алхимии. Среди них был и цирюльник с Иезуитской улицы. Он запустил свое

хозяйство и только постоянно искал философский камень в твердом и жидком виде, с помощью которого можно было бы осуществлять превращение металлов в золото, и постоянно задерживался в своей лаборатории.

Как-то раз в лавку цирюльника вошел чужестранец, который велел причесать его по последней испанской моде. Когда подмастерье цирюльника принялся его обслуживать, чужестранец спросил о его хозяине. Мол, слышал он, что цирюльник увлекается алхимией, и хотел бы с ним познакомиться. Подмастерье поведал, что хозяин сейчас как раз находится в своей алхимической лаборатории, но мешать ему нельзя. И тут в цирюльню вошел хозяин. Чужестранец заговорил с ним о том, что он тоже занимается алхимией и что слышал о лаборатории цирюльника много похвал. Цирюльник был польщен и тут же позвал чужестранца в свою лабораторию. Тот поблагодарил, сказал, что очень спешит, но пообещал, что завтра обязательно придет и принесет с собой кое-что, чтобы показать цирюльнику свои возможности.

На другой день цирюльник повел чужестранца в свою лабораторию. В этой низкой темной комнате стояла алхимическая печь, в которой весело мерцал огонек под каким-то сосудом, от которого шел желтоватый пар. Воздух в помещении был тяжелый, наполненный разными запахами. Посреди лаборатории стоял огромный стол со всякими колбами и мисками, на полке у стены выстроились коробки и бутылки с твердыми и текучими веществами, которые нужны были цирюльнику-алхимику для его опытов; на верхней полке стоял бронзовый бюст человека преклонных лет, единственное украшение этой заставленной комнаты, в которой царил большой беспорядок.

Чужой алхимик, разглядывая комнату, увидел бронзовый бюст; он хорошо знал, что это был бюст Бомбастуса Теофрастуса Парацельса, прославленного врача, родившегося в 1483 году в Швейцарии, который много сделал для алхимического искусства – многие его восхваляли, а иные называли мошенником и опровергали учение, которое он запечатлел во всех своих трудах.

Гость похвалил оборудование лаборатории, но цирюльник пожаловался, что, несмотря на его огромные усилия, работа его не приносит результатов.

– Если бы вы, бесценный господин, могли бы меня как-то направить по пути, который привел бы меня к результатам, я был бы вам премного благодарен. Ведь я уже часть того, что имею, пожертвовал этой работе, и только большая прибыль моей лавки дает возможность продолжать мои поиски.

Услышав это, чужестранец незаметно улыбнулся. Он ведь быстро понял, что у цирюльника нет подходящего образования, чтобы его работа могла продолжаться, имея под собой научный фундамент. Зато тем проще было этого наивного человека провести. Иностранец был авантюристом, много повидавшим на своем веку, мошенником-алхимиком, который отлично жил благодаря людской легковёрности. И он был не один такой; в те времена в Праге и ее окрестностях было полно таких алхимиков, которые втирались в доверие знаменитых людей и действительно делали золото, но – для себя, прибирая к рукам золото чужое. В поместьях и замках многие дворяне дали обвести себя вокруг пальца, соблазненные великими обещаниями, они мысленно представляли себе груды золота и вручали мошенникам немалые суммы для их весьма накладных опытов. На подобные алхимические опыты не хватало средств, даже если продать большое поместье. Но и в городах, особенно, конечно же, в Праге, где богатые горожане, глядя на помещиков, давали себя обдурить, дела у алхимиков шли прекрасно, они научились выискивать среди городских жителей жирных птичек, которые сами охотно давали себя ощипать. Так и этот проходимец, оказавшись в Праге, узнал о цирюльнице и все так устроил, чтобы поскорее к нему попасть. И ему это удалось. Он увидел, что у него легко получится облегчить кошель цирюльника.

Поэтому теперь в лаборатории он слушал цирюльника с серьезным видом и проникновенным голосом говорил цирюльнику:

– Вы меня так тепло приняли, что за это я хочу вам сказать кое-что, о чем еще никому в Праге не говорил и о чем тут наверняка никто еще не знает. Мой старый дядюшка, который алхимией занимался всю свою жизнь, на смертном одре раскрыл мне тайну: он нашел способ, как обычные металлы можно обращать в золото. Он дал мне, как своему наследнику, пергамент, на котором написан рецепт этой чудесной жидкости, а к тому же и бутылочку с нею. К сожалению, это и было все мое наследство, потому что дядюшка все свое имущество

пожертвовал на опыты. Но жидкость действительно имеет силу, которую дядюшка ей приписывал. В этом я достаточно мог убедиться.

Произнеся эти слова, чужестранец вынул из кармана своего сюртука бутылочку из синего стекла, до половины наполненную красной жидкостью, и продолжал:

– У меня получилось несколько раз превратить обычные металлы в золото, уверяю вас, любезный пан. Но золото понадобилось мне на жизнь, я все истратил, и у меня не хватило даже денег для того, чтобы, согласно рецепту, сделать новую порцию чудодейственной жидкости, да и подходящего для этого места до сих пор не нашел, путешествую по белу свету. Ведь работа эта требует расходов и большой осторожности.

Иностранец замолчал и посмотрел на цирюльника. Он видел, что этот наивный человек смотрит на него вытаращенными глазами, и понимал, что тот попался со всеми потрохами. Проходимец еще раз оглядел лабораторию и, уткнувшись глазами в бронзовый бюст Парацельса, изрек:

– Я хочу вот этот металл на ваших глазах превратить в золото. Великий мастер Парацельс заслужил, чтобы его подобие было создано из золота.

После этих слов иностранец вытащил из сумки на поясе кусок хорошо выделанной оленьей кожи, снял бюст с полки, поставил его на стол, открыл бутылочку и немного жидкости из нее осторожно налил на кожу. После этого он начал тереть бронзу, которая стала менять свой цвет.

– А теперь огонь довершит перемену, – добавил он, – прошу вас, позвольте мне поместить этот металл в огонь! Вы тут же увидите, какой силой обладает моя жидкость.

Цирюльник охотно пустил его к печи, добавил еще древесного угля и размешал его, чтобы пламя разгорелось сильнее. Потом он разгреб угли, чужестранец вложил туда бронзу и засыпал ее углем.

– Достаточно совсем небольшого времени, чтобы из бронзы получилось золото, – самоуверенно провозгласил чужестранец.

И действительно – через минуту он взял клещи и вытащил из огня бюст, сияющий блеском красного золота.

Цирюльник от удивления не мог вымолвить ни слова. Но ему и в голову не пришло проверить, в действительности ли вся бронза

обратилась в красное золото, он слепо верил своему гостю. Он тут же, в своей безмерной радости, предложил предоставить свою лабораторию и необходимые деньги для того, чтобы приготовить волшебную жидкость по тайному рецепту. Он горел желанием получить чудесную жидкость.

И так получилось, что с того дня чужой алхимик делил лабораторию с цирюльником, они там проводили удивительные опыты. Нетерпеливый цирюльник передал чужестранцу кучу денег для покупки всяких дорогих материалов. Через неделю чужестранец объявил, что дело их движется к концу. Нужно было только, чтобы под колбой, в которой варится чудесная жидкость, пять часов поддерживался равномерный слабый огонь. А ему тем временем необходимо отлучиться в город на деловую встречу, так что цирюльнику нужно было самому наблюдать за огнем для благополучного исхода дела. Цирюльник с радостью согласился, и иностранец ушел, пообещав вернуться вовремя.

Огонь в печи алхимической лаборатории горел ровно, поддерживаемый нетерпеливым цирюльником. Прошло четыре часа, заканчивался час пятый, а о чужестранце – ни слуху ни духу. Цирюльник был так обеспокоен, что забыл об осторожности, размешивая угли, и вдруг колба треснула, вся жидкость вылилась на огонь. Цирюльник остался стоять рядом, как громом пораженный. Все усилия – напрасны, денег, которые он давал алхимику на всякие составные части, ушло – не сосчитать, а теперь все напрасно! И этого чужестранца так и не видно! Где он застрял? Ведь обещал быть вовремя!

В этом взволнованном состоянии цирюльник хотел поспешить в город искать иностранца. Но когда он уже выходил из дома, на пороге перед ним вырос какой-то человек в одежде слуги, который спросил, не он ли хозяин этого дома. Когда цирюльник подтвердил это, слуга передал ему письмо. Оно было от алхимика, тот писал, что должен немедленно уехать, поскольку его зовут из-за границы. Дело спешное, поэтому он сам не может даже попрощаться, приходится делать это письмом. Больше ничего написано не было. И даже того, вернется ли когда чужеземец в Прагу. Цирюльник хотел спросить об этом слугу, но тот уже ушел.

Тут увидел цирюльник, что все его надежды разбились в прах, что тайну волшебной жидкости он так и не знает, хоть и пожертвовал на ее изготовление все до последнего гроша. Он чувствовал себя очень несчастным. Но тут вдруг блеснула в его голове одна мысль: у него же есть бюст Парацельса, превращенный в золото, он стоит кучу денег. Продаст он его, купит новый бюст славного мастера алхимии, а денег у него останется еще предостаточно. Пошел он домой, взял бюст, завернул его в какую-то ткань и отнес к знакомому ювелиру. Тот немало удивился, увидев золотой бюст. Но когда услышал, что цирюльник хочет его продать, сказал, что столько денег у него под рукой нет, но он их достанет. Потом пошел он установить качество золота, но вскоре вернулся и обратился к цирюльнику со странной улыбкой:

– Скажи мне, друг мой милый, где ты достал это золото?

Пришлось цирюльнику все рассказать о чужом алхимике, о том, как он превратил бронзу в золото, как вместе готовили они чудесную жидкость по рецепту иностранца, как выложил он на это последние деньги, как вся работа пошла насмарку, а чужестранцу срочно понадобилось уехать.

Ювелир, человек искушенный, всплеснул руками и сказал:

– Эх, дружище ослепленный, и ты еще не догадался, что это был мошенник, на котором пробы негде ставить, который из тебя только деньги вытягивал.

– Но плянь, – оборонялся цирюльник, – ведь бронза-то превратилась в золото!

– Ничего не превратилась! – закричал ювелир сердито. – Ведь бронза осталась бронзой, только позолоченной, к тому же очень тонким слоем. У него, жулика, была какая-то водичка, с помощью которой золотят металлы, и ею он тебя обманул!

Больше цирюльник слушать не мог. Схватил он позолоченную голову Парацельса, как дикий выскочил из лавки ювелира и побежал домой. Там о рванул в свою лабораторию, где закрылся на засов.

В лавке цирюльника слышали вдруг сильный шум, удары и крик, побежали к лаборатории, но было заперто, попасть внутрь люди не могли. Там бушевал цирюльник, который из-за мошенничества алхимика лишился рассудка. Слышно было, как ужасно прокликает он того жулика и самого себя, как разбивает он всю посуду и

оборудование. Это подтвердил и подмастерье, который со двора заглянул в маленькое мутное окошко лаборатории. Люди побежали за каким-нибудь бревном, чтобы выломать им двери. Но когда с ним пришли, внутри было тихо. Когда удалось попасть внутрь, открылась страшная картина. Все было разбито, разгваздано по земле, а посреди лежал мертвый цирюльник. Не удивительно, что он испустил дух от чудовищного волнения.

Таков был конец несчастного алхимика, который, не имея достаточно образования, дал себя легко оболванить чужому проходимцу.

У цирюльника не было родственников, и дом его, и так заложенный, выставлен был на торги. Его купил старший подмастерье цирюльника и стал дальше заниматься тем же делом, которое процветало. А в память о том, что там приключилось, тот дом назван был «У золотой головы».

О доме Фауста

На Новом Месте, на юго-западной части Карловой площади, стоит старый дом, который издавна называют «дом Фауста». Когда-то это был знаменитый дом, во времена Карла IV он принадлежал опавским князьям, которые там жили, когда находились в Праге. В 1434 году Вацлав, князь опавский, передал этот дом в полное пользование Прокопу, главному писарю Нового Места Пражского. От начала XVI века дом часто менял владельцев, пока в 1724 году не стал собственностью дворянской семьи Младотов из Солописка. В это время он был перестроен в барочном стиле, каким мы видим его и сегодня. Один из Младотов, который там проживал, увлеченно занимался физикой и химией, а возможно, и алхимией тоже. Вероятно, это и стало основой появившихся позже преданий о доме Младотов из Солописка, который позже стали называть Фаустов дом.

Будто бы жил в доме князей опавских в свое время сам доктор Фауст, известный чернокнижник. Там, на третьем этаже, часто работал он со своим слугой, поручая тому измельчать в порошок различные вещества, плавил их в печи, варил в колбах, порой наблюдал в телескоп ночное небо, спрашивая звезды, изучал их положение, читая по ним о будущем. Там Фауст и закончил свою жизнь, согласно договору, подписанному им с чертом, пришедшим и утащившим упирающегося доктора в ад. Дом после этого долгие годы оставался пустым. Люди рассказывали, что там страшно, что там сам дьявол ходит ночной порой, так что никто не отваживался войти в этот дом.

Но однажды в осеннюю пору подошел к воротам дома Фауста исхудавший молодой человек в черной поношенной одежде. Это был бедный студент, вернувшийся после каникул в Прагу, в университет, но ему было негде жить. У него не было денег, чтобы заплатить за жилье, в общежитие его задарма не взяли, так что он был озабочен тем, где же ему остановиться, чтобы завершить учение. Был он сиротой, один-одинешенек на всем белом свете, ни на чью помощь надеяться не мог. Вспомнил он о пустующем доме на Скотном рынке. Он знал, что о нем рассказывают, почему никто там не хочет жить, но

это его не пугало. По крайней мере, у него будет там достаточно места, если он попадет внутрь, а привидений он не боялся.

И вот пришел студент в ратушу и смело изложил свою просьбу. Все были немало удивлены его смелостью, но в конце концов выдали ему ключ от ворот пустующего дома. Так студент очутился перед домом, в который люди боялись войти, а он надеялся обрести жилье. Он сунул ключ в замок, с трудом повернул его – замок заржавел – и открыл скрипучие дверки ворот. Он смело вошел внутрь. Звук его шагов по каменному полу разносился повсюду.

Студент поднялся по лестнице на второй этаж и вошел в двери напротив лестницы. Там был прекрасный большой зал, столовая, отделанная темным деревом, с высоким мраморным камином, где еще лежали огарки от давно погасшего огня. За столовой находился кабинет, тоже просторный, с большим угловым эркером, со шкафами, полными книг, и столом, на котором громоздились всякие бумаги и пергаменты. И на всем лежали груды пыли, как и в столовой. За кабинетом студент нашел спальню, удобная кровать с балдахином была прекрасно застелена. Это больше всего привлекло внимание студента. Он изнемогал от усталости. И хотя еще не было так поздно, он расстелил постель, разделся и безбоязненно улегся. И через минуту уже спал как убитый.

Солнце стояло уже высоко в небе, когда студент проснулся. Он был рад, что ночью с ним не случилось ничего плохого, что ему так хорошо спалось и что у него теперь такое удобное жилище. Теперь бы еще достать себе еды. Он был голоден как волк. Но не отчаивался. Посмотрит, может, в Праге достанет что-то на обед или какую-нибудь работу за плату. Когда он встал и огляделся в комнате, заметил, что в полу рядом с кроватью у стены немножко отстает доска. Он надавил на нее, чтобы прикрепить ее к полу, но тут сверху раздался звук. Когда испуганный студент поднял глаза к деревянному потолку, он обнаружил, что оттуда спускается легкая лестница, доходящая до самого пола, а наверху показалось отверстие, ведущее в какое-то помещение. Без колебаний и боязни поднялся студент по ступенькам, очутился на третьем этаже и увидел, что лестница за ним исчезла. Студент стоял в большой комнате, светлой, оборудованной как лаборатория. На длинном столе было полно бутылей, банок, деревянных коробок и каменной посуды с надписями; были там и

всякие дивные устройства. Увидел он и печь, а возле нее колбы и всякие посудыны. А в потолке комнаты, к немалому своему удивлению, обнаружил студент почерневшую дыру. Он тут же понял, что это значит: через эту дыру злой дух отнес доктора Фауста в ад.

Студент быстро оправился от испуга и начал разглядывать комнату. На пульте рядом с печью увидел он открытую книгу с пергаментными листами, но буквы ему были незнакомы; рядом, на полу лежали и другие книги. Когда студент повернулся к печи спиной, он заметил, что на углу длинного стола стоит маленькая миска из черного камня, а в этой миске лежит серебряный талер.

– Победа! – подумал студент. Он взял монету из миски и больше в комнате не задерживался. Он посмотрел вокруг в поисках выхода. Но когда нажал он на то место, где была исчезнувшая лестница, снова показалось отверстие, а в нем ступеньки. Студент спустился в спальню и быстро поспешил из дому, чтобы где-то поесть, раз уж есть на что. Утолив голод, он вернулся домой, прибрался там и любовался тем, какое у него удобное жилище.

На следующую ночь студент тоже спал хорошо и ничего уже не боялся. Утром он из любопытства поднялся в верхнюю комнату. И первое, что ему попало на глаза, была черная миска на столе. В ней снова лежал серебряный талер, блестящий, как будто только с фабрики. Студент не хотел верить глазам, думал, что это какой-то морок, но потом отважился достать монету из миски. И действительно – это был самый настоящий талер. Кто его туда положил? Ведь во всем доме не было ни одной живой души! Удивительное дело!

В конце концов студент решил, что, наверное, ему помогает какой-то добрый дух. Он был легкомысленным и вполне довольным своей судьбой, поэтому не колебался, взял талер и ушел. Забот о пропитании у него больше не было. У него еще остались деньги от прошлого дня, талер за день он не потратил. Он был уверен, что каждое утро найдет в миске талер. И действительно – находил.

Он хорошо питался, и у него оставалось столько, что можно было купить себе новую одежду и не ходить таким оборванцем. В доме Фауста ему жилось приятно. Он все убрал и привел в порядок, при этом в доме нашлось много удивительных вещей и механических устройств. И когда потом он уговорил своих приятелей, чтобы они

пришли его навестить, ведь ему иногда было тоскливо одному в большом доме, он смог показать им много удивительного. Фигуру человека с бубном, стоящую у входа, которая сама начала бить в бубен, едва кто-то нажимал на дощечку возле нее; каменную деву при входе в сад, которая, когда гость нажимал на рычаг в стене, поливала каждого, кто ступил на садовую дорожку; большой стол с отшлифованной доской из зеленого мрамора, по которой вольно плавала туда-сюда ладья с гребцами, как по водной глади; ключ в двери в одну из комнат, который каждому, кто до него дотрагивался, посылал сильный удар, сопровождаемый синими искрами. Спустил он и удивительную лестницу из лаборатории в спальню, завел гостей наверх, они все там оглядели, только черную миску спрятал он от них между бумагами. Не увидели гости и дыру в потолке, ее студент уже давно завесил тканью, которая свисала с потолка, будто бы для украшения. Наконец показал студент своим гостям и железные двери во дворе, открыл их, там начинался какой-то тайный ход. Студент рассказал, что он там уже однажды был, что ход этот ведет к новоместской ратуше, но далеко идти он не хотел, потому что боялся.

Приятели студента восхищались всем этим, некоторые завидовали ему, но никто из них не хотел бы там поселиться. Они боялись, что их может постичь судьба доктора Фауста, и удивлялись тому, что их товарищ не ведает страха.

А он действительно ничего не боялся. Он смеялся над всеми предостережениями и говорил: с какой стати ему бояться дьявола, если он ничего плохого не делает? Действительно, студент не делал ничего плохого, только каждый день брал из миски талер. Но это в конце концов было не к добру. Это и еще другая вещь – книги доктора Фауста. В свободное время из любопытства начал он изучать книги, которые нашел наверху в лаборатории. Он понял их тайнопись и узнал, что та большая книга на пульте полна заклинаний, служащих для общения со злыми духами.

Потом студент привык к хорошей жизни, начал тратить больше и больше, получать талер в день уже ему было мало. И вот он подумал: а что, если вместо серебряного талера в миске лежала бы золотая монета, да не одна, а чтобы этих золотых была полная миска каждое утро? Вот это была бы жизнь! Ведь эти духи могли бы это сотворить!

И студент, обуреваемый жадой злата, решил, что он вызовет духа, который бы ему помог осуществить его желание.

После этого несколько дней студент не показывался среди приятелей, с которыми обычно сживал в корчме на Скотном рынке. А ведь он засиживался там до глубокой ночи, был самым развеселым из них, пил больше всех, а теперь вдруг отстранился. Они этому удивлялись и однажды вечером решили, что надо бы его утром проведать.

Пришли студенты утром к дому Фауста, но напрасно дергали звонок, который при входе очень громко звенел, – никто не пришел открыть им двери. Тут один из них придумал, что надо перелезть через ограду и через сад пройти к входной двери. У них это получилось. Они вошли в дом и поднялись в покои. Вошли в спальню, но постель была застлана, а студента нигде не было. Самый смелый из студентов вспомнил, как спустить лестницу из лаборатории, и сам первый забрался по ней наверх. Но едва очутившись в лаборатории, он вскрикнул от ужаса. Что он увидел? В лаборатории все было перевернуто и разбросано, пульт с большой книгой валялся на полу, все вокруг было в вечном воске и огарках. В комнате очень пахло серой, а в потолке зияла огромная черная дыра. Испуганный студент ни минуты не сомневался по поводу случившегося, о чем немедленно сказал остальным. После этого все молниеносно сбежали.

Все были уверены, что студент вызвал злого духа, и тот с ним через ту черную дыру в потолке улетел в ад.

Долгое время после этого никто не отваживался войти в этот дом. Но в конце концов нашелся покупатель, который очень дешево приобрел прекрасный дом, велел унести из него все, что оставалось после доктора Фауста, починил крышу, и с тех пор люди жили там совершенно спокойно.

Об основании Пражского града

В прежние времена, когда на Вышеграде обитала княгиня Либуше, по обоим берегам Влтавы простиралась леса на холмах, спускающихся к реке. Княгиня из Вышеграда могла хорошо видеть все русло, по которому река двигалась к северу, и лесистые берега на двух сторонах. Она поняла, что на холме, на левом берегу, находилось

место, самой природой созданное для основания крепости, а в низине по обоим берегам реки могло бы расположиться поселение, из которого однажды воздвигнется город, глава земли Чешской.

И послала Либуше своих людей, чтобы в лесу на холме приготовили они место для строительства. Были между ними мужья мудрые и опытные. Они нашли место, удобное для крепости, вершину, поднимающуюся над долиной, по которой протекал ручей, впадающий в реку. Вершина эта напоминала «хребет дельфина или морской свиньи», как писал старый летописец.

Предание повествует и о том, как возникло имя города. Княгиня Либуше пожелала, чтобы люди ее обратили внимание на человека, работающего в тех местах, если таковой найдется. По тому, какую работу будет выполнять тот человек, хотела она назвать будущий город. И действительно – посланцы княгини обнаружили там наверху двух человек, которые обтесывали ствол дерева.

– Что вы тут делаете? – спросил предводитель вышеградцев.

– Мы тут неподалеку в лесу поставили бревенчатую избу, а теперь нужно обтесать для нее порог^[22].

Предводитель тут же послал гонца на Вышеград, чтобы доложить княгине, кого они нашли. Либуше выслушала гонца и обратилась к тем, кто был в зале:

– Так и назовем мы крепость и город при ней – Прага.

Об этом говорит предание. Однако более вероятным кажется происхождение имени города от работ, которые потребовалось провести на лесистом холме прежде, чем начать строительство. В первую очередь нужно было выпалить и выкорчевать часть леса на холме. Выкорчевать – выпражить: отсюда и Прага. Есть и иные догадки о происхождении этого имени, но это кажется наиболее правдоподобным.

Княгиня Либуше, наделенная провидческим даром, предсказала городу, который основала, великую славу. Глаза ее, смотрящие в будущее, видели огромный город, прославленный во всем свете.

Строительство крепости быстро продвигалось. Первоначально была она деревянной, сложенной из бревен. И стены, окружавшие крепость, тоже были бревенчатыми. На южной и западной стороне, там, где крепость была меньше всего защищена своим природным положением, выкопали широкий и глубокий ров; для лучшей защиты

там к тому же оставили и часть леса. Так на возвышенности над рекой возникла новая крепость, названная Прага, которая вскоре стала главной резиденцией предводителей Чешской земли. Она затмила славу Вышеграда, хотя в Вышеграде чешские князья еще временами останавливались.

О Пражском граде

Стобашенную Прагу, как ее корона, украшает крепость (Пражский град) на возвышенности на левом берегу Влтавы, некогда бывшая местом жительства чешских королей. Заложена она была в стародавние времена и поначалу была небольшой и деревянной, сложенной из бревен. Когда чехи научились строить из камня, Пражский град был перестроен. Так было уже во времена Болеслава, о чем свидетельствует запись еврейского путешественника Ибрагима, сына Якова, который в то время находился в Праге.

Первый христианский чешский князь Борживой приказал выстроить в крепости храм Девы Марии, по всей видимости, он находился там, где ныне располагается второй двор града. Храм Девы Марии, первый Пражский костел, стоял до XIII века, пока его не снесли, перестраивая град. Потом там появились новые два костела – Святого Вита и Святого Иржи (Георгия).

Разными были судьбы Пражского града в течение веков. Были между чешскими правителями те, кто возвеличивал град, но были и те, кто приводил его в запустение. Вероятно, в самое плачевное состояние пришел Пражский град во времена правления Яна Люксембургского. Король этот продал много ценностей из града, когда ему не хватало денег на его заграничные вояжи. Сын Яна, Карл IV, возвеличил Чешскую землю, и особенно Прагу, он повелел снова отстроить полуразрушенный и разграбленный град, а на месте старого дворца выстроить новый.

Из окон своего дворца император Карл любил смотреть на Прагу, раскинувшуюся под ним, им же возвеличенную и расширенную. Однажды, за год перед его смертью, случилось так, что император заплакал, стоя у окна и задумчиво любуясь городом. Удивились этому все, кто был рядом, – дворяне и его сыновья Вацлав и Зигмунд. Но никто не отважился отвлечь императора от его размышлений. Лишь

через какое-то время предводитель дворянства набрался смелости, приблизился к императору и учтиво спросил:

– Ваша императорская милость, мой высочайший повелитель, о чем изволите плакать?

Тут император Карл, оторванный от своих мыслей, взглянул на предводителя заплаканными глазами и со вздохом ответил:

– Было мне явлено Господом Богом, что оба моих сына не будут любить и почитать Чешскую землю, которую так люблю и почитаю я. Узнал я также, что один из моих сыновей изуродует и мой прекрасный город, который я поставил во главу всей империи. И поверь, если бы я знал, кто именно из них способен на такое, сам бы отсек ему голову.

Предводитель оглянулся на остальных, которые стояли поодаль, но заметил, что никто не слышал слов императора, и сказал он своему господину:

– На все Божья воля, Ваша императорская милость! Даст Бог, все обернется добром. Ведь разве можно представить, чтобы сыновья замыслили что-то недоброе против земли, которую унаследуют, чтобы хотели они разрушить что-то в городе, который отец их возвысил до такой славы!

И император ответил:

– Дай Бог, чтобы не случилось этого!

Но все же случилось именно так. И разрушителем стал император Зигмунд, которого чехи не хотели видеть своим королем за то, как он поступил с Мастером Яном Гусом. После смерти брата своего Вацлава подступил он к Праге как неприятель, чтобы покорить город. В конце концов 7 мая 1420 года Пражский град был отдан во власть короля без ведома Пражской общины. Пражане осадили град, но Зигмунд все же занял его уже 30 июня и, несмотря на явное неприятие чешского народа, 28 июля велел короновать себя Чешским королем, через четырнадцать дней после проигранной битвы на Витковой горе у Праги. Самым плохим для Пражского града было то, что у Зигмунда не было денег для выплат солдатам. Все ценности, собранные Вацлавом на Карлштайне, Крживоклате и в других местах, были уже исчерпаны. И тут Зигмунд не постыдился прямо в день коронации и назавтра изъять все драгоценное убранство в костеле Св. Вита и все ценности в монастыре Св. Иржи. Со всех картин и статуй снято было

золото, вывезена вся церковная утварь. Император Зигмунд обещал, что все вернет, да так, что станет еще лучше прежнего, как только в стране воцарится мир и покой, но исполнения этого обещания никто не дождался. Не было в стране покоя во время его правления.

Замечательно прославил Пражский град король Владислав II, оставивший о себе прекрасную память – Вацлавский зал, произведение прекрасного зодчего Бекеша из Лоу. И преемник Вацлава Фердинанд I много построил в Пражском граде. В его время возник в 1541 году на Малой Стране огромный пожар, захвативший и град, и принес немалый ущерб. Но самое славное время со времен императора Карла настало для Пражского града, когда там основался император Рудольф II, любитель и почитатель искусств.

Век за веком шло время. Опустел Пражский град, заброшенный габсбургскими властителями. И только во ту пору, когда власть вернулась в руки чешского народа и на Пражском граде стал обитать глава самостоятельного государства Чешского, народный избранник, возвысился он к новой славе.

О храме Святого Вита

Из группы строений Пражского града выше всего поднимаются башни храма Св. Вита, создающие неповторимый образ Градчан. Сегодняшний храм Св. Вита – творение многих веков; его происхождение берет начало во времена княжения Вацлава Святого.

С языческих времен на территории Пражского града находилась святыня бога Свантовита, известная по всей чешской земле. Из близких и из далеких мест приходили к ней люди, чтобы принести Свантовиту жертву. Особенно милы были языческому богу черные петухи. Святой Вацлав видел, что, несмотря на принятие христианства, люди продолжали поклоняться богу Свантовиту, хоть и делали это тайно, поэтому он повелел выстроить христианский храм там, где стояла языческая святыня. Вероятно, из-за сходства звучания имен христианский храм был посвящен святому Виту, мученику. Освещения костела, во время которого храм получил от немецкого короля Йиндржиха I часть мощей Св. Вита, Вацлав не дождался. Язычество в Чехии убывало, а люди, привыкшие к паломничеству на Пражский град, ходили теперь в храм Св. Вита, куда перенесено было

из Болеславы тело мученика Вацлава. И как раньше приносили жертвы Свантовиту, так потом жертвовали Святому Виту, которого изображали в виде юноши, имеющего при себе петуха, и почитаем он был как хранитель урожая, подобно Свантовиту. Привычка приносить в храм Святого Вита в качестве жертвы петухов, пироги и вино удержалась до конца XVIII века.

В этот маленький храм, который при основании Пражского епископата в 973 году стал епископским, перенесены были и останки св. епископа Войтеха, которые Бржетислав I в 1039 году привез в Прагу после польской казни. В храме Св. Вита и по сей день хранится епископская перчатка.

Об основании Вышеграда

Над Влтавой, у самого входа ее в Прагу, высится как страж скала, подножие которой омывают волны. На скале той стояла крепость (град), в которой жили чешские князья раньше, чем в Пражском граде. Воевода Крок, живший в крепости Будче, решил найти себе более удобное место. Он послал своих людей, указал им направление пути: когда доедут до реки, там и искать удобное для крепости место. Его посланцы пустились в путь, добрались до реки, вброд перешли на другой берег. Там над водой высилась выступающая из леса скала, возвышающаяся над всей окрестностью. Они нашли дорогу лесом и обошли скалу, поднявшись на нее с другой стороны. Место показалось им пригодным, дальше они уже не искали, вернулись в Будеч, их предводитель сообщил Кроку:

– Воевода, мы выполнили волю твою. Боги помогли нам найти место, где ты мог бы основать крепость.

После чего посланник описал это место, и Крок согласился, что оно могло бы быть пригодным. Он без промедления отправился туда со своей дружиной и с работниками. Оставшись доволен, он приказал валить лес и из стволов поваленных деревьев строить деревянную крепость, обширную, с просторными строениями, большими дворами, где мог бы с семьей и челядью жить в удобстве, где было бы место для парадов и приемов, для принесения жертв богам, но также и к собранию людей в случае войн. Крепость эта была ограждена

бревенчатыми стенами, ее окружали глубокие и широкие рвы, выкопанные там, где к скале было легче подступиться.

Поскольку крепость эта стояла высоко над рекой, назвали ее Вышеград. На крепостном дворе росла липа, под липой стоял каменный трон, на нем восседал воевода Крок, когда нужно было рассудить споры и когда держал совет со своими близкими, дворянами и владыками. Слава Вышеграда шла по всей земле, соседи из чужих земель знали, что он крепкий, что там господствует мудрый воевода, заботящийся о своем народе.

Когда после смерти воеводы Крока было нужно, чтобы народ выбрал нового правителя, не было потомка-мужчины. Князь оставил после себя трех дочерей: Кази, Тету и Либуше. Все они были одаренными, каждая по-своему. Кази, самая старшая, владела лекарским искусством. Она хорошо разбиралась в травах, имеющих целительную силу, знала, где они растут и когда их собирать, она могла излечить любые недуги и помочь затянуться ранам; знала сильные заговоры, которыми возвращала людям жизнь и здоровье. Слухи о ней шли далеко. Вторая дочь, по имени Тета, знала, как служить добрым и злым богам, как им поклоняться и приносить жертвы. Знала она и песни, которые пели во время богослужений, и всему этому учила народ. Самая младшая из дочерей, Либуше, была самой мудрой из них. Она умела разрешать споры, ее советы всегда были самыми верными, в этом она превосходила даже мудрого отца своего, Крока. Кроме того, обладала она даром предвидения и могла предсказывать будущее. Поэтому советники, дворяне, владыки и весь народ единодушным решением выбрали себе княгиней Либуше. И та потом продолжала жить на Вышеграде.

О сильном Бивойе

У самых стен Вышеградских стоял во времена Либуше высокий лес, который оттуда тянулся далеко по равнине, широкий и густой. Но тут и там стали появляться деревеньки, окруженные небольшими полями, отвоеванными тяжелым трудом у леса. В дремучих лесах жило огромное количество зверей, были там олени и серны, а также лисы, куницы, волки, медведи. Охотники из крепости и в деревнях непрестанно занимались отловом зверей: себе на пользу и для

предотвращения убытков своему имуществу и жизни. В лесных чащах обитали там дикие звери, часто приходившие к жилищам людей, уничтожавшие урожай на полях и нападавшие на человека.

И таких зверей должны были охотники уничтожать ради безопасности деревень в том краю.

Самым смелым охотником Вышеграда считался молодой владыка Бивой, сын Судивоя. Он выделялся мощной фигурой, необыкновенной силой и обращением с оружием. Он любил охотиться в одиночку, вооружаться луком и копьем, с мечом за поясом. Он преследовал зверя и смело вставал на его пути. Так погубил он жестоких хищников без счета. У деревни Бивоя бродил когда-то дикий кабан-одиночка, зверь огромный и злой. Никто из тех, кто встречал его в лесу, не мог от него спастись; на каждого нападал дикий зверь и многих людей ранил и убил. Вот за ним-то и охотился владыка Бивой, желая избавить деревню от жестокого хищника. Но напрасно. Зверь будто бы избегал смелого охотника.

И вот однажды, бродя по лесу, увидел Бивой куницу на дереве. Он положил копье наземь, взял лук, стрелу, натянул тетиву и готов был уже выстрелить в куницу на верхушке дерева. Тут из ближайших зарослей раздался храп и на Бивоя выскочил оттуда дикий кабан. Бивой отбросил лук и хотел схватить копье. Но на это не было времени. Зверь, нагнув голову, мчался на огромной скорости на охотника, у которого не оставалось даже времени, чтобы вытащить меч из-за пояса. И тогда встал он против кабана с голыми руками, а когда хищник подбежал, чтобы клыками пронзить охотника, тот схватил его за кожу у ушей, стянул ее пальцами и с огромной силой перебросил мечущегося зверя через голову на спину. Как ни изворачивался кабан, как ни пытался, не мог он освободиться из рук Бивоя. А Бивой не долго думал, что сделает с неожиданной добычей. Вышеград был рядом, и Бивой пошел туда, желая принести дикого зверя княгине Либуше, добычу необыкновенную. Нелегко было нести на спине такое бремя, ухватившись только за его кожу, кабан бешено дергался, но Бивой шел с ним к Вышеграду твердой поступью.

Когда пришел Бивой на подворье Вышеграда, со всех сторон сбежался народ на это удивительное зрелище. И княгиня Либуше, у которой в то время жила ее сестра Кази, привлеченная шумом и криками, вышла вместе с сестрой на подворье. Обе сестры немало

удивились силе Бивоя и добыче, которую он живьем принес на Вышеград. Им было интересно, как и всему народу, что смелый охотник сделает с диким зверем. Кази боялась за Бивоя, она хотела сказать Либуше, чтобы та велела вооруженным мужчинам убить кабана на спине владыки. Но тут же Бивой поднял зверя рукой и, перебросив его через голову вперед, ударил его оземь с такой силой, что зверь остался лежать без движения. После этого Бивой вытащил меч из-за пояса и мощным ударом пронзил кабана, у которого из груди фонтаном забила кровь. Это был тот самый зверь, которых так долго устрашал жителей деревень вокруг Вышеграда.

Сделав это перед лицом княгини Либуше и ее сестры, Бивой низко поклонился и попросил принять его добычу в дар. Либуше похвалила Бивоя за его силу и смелость, и Кази к ней присоединилась с похвалой. Потом Бивой был награжден красивым поясом, богато украшенным серебром. Но самой дорогой ему наградой было то, что он снискал приязнь сестры княгини Кази.

По приглашению Либуше Бивой остался на Вышеграде, где в честь него был устроен праздник. Часто потом приходил Владыка на Вышеград, когда узнавал, что там живет сестра Либуше; в конце концов он осмелился попросить однажды руки княжны Кази и получил ее. Славная свадьба была на Вышеграде. Смелый владыка Бивой переехал потом в крепость своей супруги, в Казин.

О вышеградском кладе

Княгиня Либуше, когда начала расширять и украшать отцовскую крепость, велела также выломать глубоко в скале, на которой высился Вышеград, подземные залы и камеры. Там был уложен и клад, который начала собирать Либуше. Чешская земля обладала огромным количеством металлов, о чем сама княгиня, наделенная ясновидческой силой духа своего, поведала чехам. Она указала, где надо делать рудники и шахты для добычи драгоценных руд. Так нашли золото в Йилове, серебро – на Бржезовых горах. Йиловские рудники содержали огромное богатство золота, которое привозили на Вышеград. Когда однажды собрали вместе все золото, добытое в Йилове за год, Либуше, подивившись этому богатству, захотела узнать, сколько все это золото весит. И встала она вместе с мужем своим, князем Пржемыслом, на

одну сторону больших весов, а на другую сторону положили добытое червонное золото. Так и узнали, что годовая добыча золота весом была тяжелее, чем княгиня и князь, вместе взятые. Тогда Либуше решила принести богам жертву в благодарность и приказала отлить из золота идола в виде сидящей человеческой фигуры.

Но еще раньше, чем это произошло, была совершена достойная удивления находка месторождения золота в Чехии. Однажды пас пастух стадо на горе, называемой Кржесна. И там, между камнями, вдруг заметил что-то блестящее. Приглядевшись, увидел он мощную золотую жилу, выступающую из земли. Он постарался раскопать ее, насколько это было возможно, и отломил кусок. Тут ему пришлось в голову отнести эту диковинку княгине Либуше на Вышеград. И отправился он на следующий день в путь, а золото нес завернутым в платок, пробирался он через леса и луга, через горы и доли, пока не достиг Влтавы, а по ее берегу дошел к подножию Вышеграда. Потом он подошел к крепостным воротам. Когда он там заявил, что несет дар княгине, его впустили и провели во дворец к Либуше. И поклонился низко пастух, не отваживаясь посмотреть в глаза княгине.

Либуше ласковым голосом обратилась к пастуху, сказав, чтобы он не боялся и поведал, о чем он хочет просить. Только тогда осмелился он сказать, какую сделал находку и что хочет он вручить ее как свой дар княгине. Тут вынул он из платка кусок золота, которому княгиня немало удивилась. Она приняла дар, но приказала за него щедро наградить пастуха, так что из Вышеграда он уходил радостный.

Позже снова случилось так, что горняк, добывавший неподалеку от Липните серебряную руду, наткнулся в скале на особенно богатую рудную жилу, и целое сплетение нитей рыжего металла нашел он под камнями, а копая дальше, наткнулся на большой кусок серебра, по форме напоминающий коня. Такая необычная находка была присоединена к кладу Либуше.

Так увеличивался клад, уложенный в подземной зале, который хранила княгиня Либуше для своего потомства. Никто о нем не знал, кроме нескольких старых верных слуг; когда они умерли, клад стал скрыт для всех людей, кроме Пржемысла, которому княгиня показала клад сразу после свадьбы. Но Пржемысл никому о нем не рассказал, даже после смерти Либуше, уважая ее волю. И так клад остался и до нынешних времен скрытым в глубине Вышеградской скалы, и явится

он только тогда, когда в земле Чешской настанет самое большое горе, за которым последуют голод и мор, грозящий погубить все чешское племя. Вот тогда принесет клад Либушин народу ее спасение.

Говорили также о кладе в скале, что раз в году в полночь Страстной пятницы доступ к кладу открывается. И тогда, если увидит его человек богобоязненный, сможет взять что захочет, главное, надо потом уходить не оглядываясь, что бы ни делалось за спиной. Случилось однажды, что один набожный человек, идя мимо Вышеградской скалы в ночь Страстной пятницы, увидел в скале открытый вход. Он спустился по темной лестнице туда, откуда что-то слабо светилось. По дороге слышал он за собой странные голоса, зовы и страшные крики. Но он не испугался и смело шел вперед. Так он вошел в небольшой зал, там стоял большой железный сундук, от которого исходил свет. А на сундуке увидел тот человек черного пса и черного петуха, которые дрались между собой. Он смотрел на них, и вдруг ему показалось, что слышит он за спиной голос своего брата, который его зовет. Он оглянулся – и в тот же миг все исчезло. Когда тот человек опомнился от испуга, оказалось, что он снова стоит перед Вышеградской скалой, но входа в нее уже не было.

К вышеградскому кладу относилась и

Золотая колыбелька Либуши

Речь идет о той самой колыбельке, в которую положили ее сына-первенца. Это была уникальная драгоценность благодаря золоту, из которого она сделана, и благодаря искусной работе. Для колыбельки Либуше выбрала другую судьбу, она не хотела прятать ее в подземном зале вместе с другими драгоценностями. Однажды она приказала вынести ее из кладовой и отнести к подножию Вышеградской скалы.

Стояла там княгиня со своими девушками над водой, смотрела на бегущие волны, и ей казалось, что годы и столетия плывут перед нею, стремясь в море вечности вместе с судьбами ее народа. Казалось ей, будто видит она в волнах все, что ждет народ чешский в будущем. Видела она тяжкие времена, злые годы войн и иные разорения и беды, которые выпадут на долю чехов. Но хотя сердце ее сжималось от тех грустных картин, не теряла Либуше веры в лучшее будущее. И вот приказала она поставить колыбельку там, где берег сливается с

бездонной глубиной. Она нагнулась над колыбелькой, будто благословляя ее, и промолвила:

– В холодное ложе Влтавы хочу опустить тебя, колыбелька моего младенца, чтобы столетиями была ты укрыта от всех глаз. Но однажды придет время, когда ты сама поднимешься на поверхность. И будет это тогда, когда после времен бед и страданий взойдет солнце покоя и любви на родине нашей, когда настанет утро славных веков. Вот тогда ты и появишься, потому что судьбой решено, что оберегала ты того, кто народ свой и землю свою поведет к благим и славным временам.

После этих слов столкнула княгиня колыбельку с берега в воду, и та погрузилась в бездонную глубину.

Прошли годы, столетия, чехи претерпели много зла, а колыбелька все еще покоится под Вышеградской скалой. Но однажды всплыла она, и было это, когда у чешской королевы родился сын, последний из рода Пржемысла. Это был тот, которого чехи потом называли Отцом родины. И сказывают, что по мере того, как рос королевич Карл, золотая колыбелька росла вместе с ним, пока не превратилась в золотое ложе. Это ложе попало в замок Карлштейн, и там правитель, приходя отдохнуть после многих своих забот и дел, ложился на него.

После смерти Карла ложе исчезло из Карлштейна, говорят, что снова погрузилось оно в глубину влтавских вод под Вышеградом. Но говорят, настанет время, когда колыбелька опять поднимется из волн.

Приложения

Прозаические переводы

Клад

I

На пригорке между буками маленький костел с низкой башней; из той башни слышны звуки в лесу и в соседней деревеньке. Но это не нежный звук маленького колокола, теряющийся уже вблизи, это темное гроыхание била, зовущего людей в храм Богоматери.

И из деревеньки во славу Божью тянется толпа народу, деревенские богобоязненные люди – ведь сегодня как раз Великая пятница.

В храме тихо: голые стены, алтарь покрыт черным траурным покрывалом, на покрывале крест, а хор поет о страстях Христовых.

А что это там белеет в лесу, в черном лесу за ручьем? Какая-то деревенская женщина что-то несет в объятых. Идет женщина быстрым шагом, празднично одетая, там, на той стороне, за потоком, – малыша на руках несет она. Бежит женщина, вниз к воде сбегает, спешит в храм Богоматери – тут, вблизи лесной сторонки, костел на пригорке. Вот она ускоряет свой шаг: ветерок доносит до нее пение из костела: хор как раз поет о последних муках Христа.

Бежит, бежит она возле скалы: «Что это? Могу ли я верить своим глазам? Что со мной?» Она остановилась, огляделась, быстро побежала назад, опять остановилась, опять огляделась вокруг: «Там тот лес, здесь сучья, там идет дорога полем – ведь не могла я заблудиться! Боже, что со мной делается! Почему же я ничего тут не узнаю, как тут все изменилось!» Опять стоит, опять оглядывается, удивленно протирает глаза рукой: «Боже, какая тут перемена!»

Тут, где от дремучей чащи до костела всего триста шагов, где по дороге лежал огромный камень, что же теперь предстает ее взору? Вот он, вот он, тот камень, а за ним целая скала, будто от веку тут и стояла. И видит женщина за камнем вход, лестницу, ведущую под землю, а там, в глубине, горит какой-то пламень, ясно-белый, словно бы свет месяца, а разгораясь, кажется медным, словно заходящее солнышко.

Смотрит женщина на это пламя, делает шаги к входу, заслоня ладонью глаза, глядит в это светлое место: «Боже, как там светит!» Она делает еще шаг, протирая глаза рукой: «Как там дивно что-то

светится! Что это может быть?» Страшно ей идти дальше, стоит она у порога, заглядывает внутрь.

Стоит она, стоит, смотрит без устали туда, откуда видится свет, а любопытство подгоняет ее, и вот – шаг за шагом – она идет все дальше. Шаг за шагом – и чем дальше идет женщина, тем сильнее сияние. Она рукой закрывает лицо: прямо смотреть уже невозможно. И видит она, видит то, что никто из людей не видел: столько красы, столько блеска и в небесах не увидишь!

Тут двери открыты в самый-самый прекрасный зал, стены его светятся золотом, потолок выложен рубинами, держат его колонны из хрустала, а по обеим сторонам дверей, на мраморном полу – кто не видел, не поверит – два светильника горят, и в свете их видно: у левого светильника висит гора серебра, словно лунный свет вверх струится, у правого светильника – гора золота, излучающая солнечный свет. Пылают огни, пылает зал: и куда клад тут останется пламенеть негасимым пламенем, ничто не сможет погасить эти огни.

Женщина стоит на пороге, ослепленная видением, стоит ослепленная, боясь поднять глаза, не может взглянуть на пламя. На левой руке несет она младенца, правой рукой трет глаза; и когда немного приходит в себя, осмелев, так в душе своей сама с собой говорит: «Милый Боже, сколько нужды я претерпеваю на этом свете, сколько голода! Я должна влачить нищую жизнь, а здесь такие драгоценности! Столько серебра, столько золота лежит в этом подземном тайнике! Мне бы только горстку из той громады – и была бы я богата, и была бы самой счастливой, я и мое дитя!»

И она думает, чувствуя опасность; потом осеняет себя крестным знаменем и идет туда, где сияет белое пламя. Идет и поднимает кусок серебра, потом опять кладет его на место, снова поднимает и опять кладет; вновь поднимает и рассматривает его блеск и оценивает его тяжесть – и положит ли назад? Нет, уже в фартуке лежит слиток. А она становится смелее: «Конечно, это перст Божий указал мне этот клад, это Он захотел меня облагодетельствовать, и я бы согрешила, если бы пренебрегла этими дарами!»

Говоря так себе, женщина ставит мальчика на землю и, опустившись на колени, набирает в фартук куски серебра: «Конечно, это перст Божий, Он нас хочет обогатить!» Берет, берет из кучи,

фартук уже полный, она едва может встать, но еще, сняв платок, набирает и в него серебра. И когда уже хочет оттуда уйти: ах, здесь же еще сын. Как же взять и его на руки, двухлетнего малыша? Но не высыпать же свое счастье, она же не сможет жить без этих сокровищ!

Глядь, мать серебро уносит! Дитя дрожит: «Мама! – зовет. – Мама! Мама!» Хватается за нее ручонками. «Молчи, сыночек! Молчи, молчи, мальчик! Только немножко тут подожди, мама быстро возвратится!»

И бежит, бежит из зала, через поток, к лесу спешит женщина. И вот через минутку спешит она назад без поклажи, и вся потная, запыхавшаяся вновь оказывается у цели.

Ветерок легонько веет, из костела доносится пение хора, который по-прежнему поет о страстях Христовых.

Женщина вбегает в зал и видит дитя. Ребенок смеется, увидев ее, хлопает в ладошки: «Ха-ха, мама! Ха-ха, мама!»

Но женщина на это не обращает внимания, она бежит в противоположную сторону, ей милее блеск металла, из металлов – милее всего золото. Она, встав на колени, расстилает фартук, набирает из кучи слитки и укладывает золото в фартук. Он уж полон – она едва встает, – но еще и в платок набирает! О как сердце ее скачет, как счастьем своему рада!

И когда мать уносит золото, дитя тянется к ней, тянется и жалобно плачет: «Мама, мама! Ах, ах, мама!», хватая ее ручонками. «Молчи, сыночек! Молчи, молчи, мальчик! Подожди еще совсем немного». И, наклонившись к ребенку, вытягивает рукой из фартука две денежки, и денежкой о денежку звенит: «Эй, гляди, что есть у мамочки! Дзынь-дзынь! Слышишь, как дзынькает?» И хоть дитя все плачет, ее сердце от радости скачет.

И снова лезет она в фартук, и вытягивает полную горсть золота, и кладет младенцу на колени: «Эй, глядь, что тебе дает мамочка! Молчи, сыночек! Молчи, молчи, мальчик: дзынь-дзынь! Слышишь, как дзынькает! Подожди совсем немножко, скоро мамочка вернется, играй, играй, мое дитяtko, подожди совсем капельку!»

И бежит, бежит из зала, на дитя не оглянувшись, вот уже зал остался позади, приближается к потоку, через поток, сторонкой несет она дорогой клад к лесу, и вот уже стоит с ним перед хижиной.

«Эй ты, хижина убогая, скоро я с тобой распрощаюсь! Что теперь меня к тебе привязывает? Нет в тебе нужды! Уйду я прочь из этих темных лесов, от отцовской худой крыши, в другом месте буду счастлива, в другом месте будет мое жилище! Пойду, пойду из этого края, радостной будет моя дорога, пойду туда, где счастье мое зреет, в большой город, куплю себе землю, замки, чтить меня будут как госпожу, счастливо оставаться, хижинка, здесь, не буду я больше жить в тебе! Я уж не та бедная вдова, что батрачит днем и ночью, вон что у меня в фартуке...» И с этими словами радостно она опускает глаза – лучше бы и не глядела! Побледневшая от испуга, трясаясь от страха, чудом не потеряв сознание, видит она – ох, что она видит, сама тому едва верит! Двери настежь открывает, бежит к сундуку, в который уложила серебро, срывает крышку – ой, что видит! Именем веры всех добрых людей, какой опять удар! Вместо серебра – лишь камни, в платке и в своем фартуке – ох, ужасное знаменье – вместо золота лишь глина чавкает, вся размазанная!

Недостойна была она счастья, не заслужила благословенья.

II

Растерзанная, переживая боль утраты, вдруг чувствует она удар в сердце, отчаянно вскрикивает, объятая ужасом, вскрикивает так, что хижина трясется: «Ах, дитя, дитя мое дорогое!» «Дитя – дорогое-дорогое-дорогое!» – зашумело в густом лесу. И в ужасном предчувствии бежит женщина – ах, не бежит, летит, летит, как птица, лесом, склонами, там, где нашла обманные сокровища, к холму, на котором стоит костел.

От костела ветер веет, но пеня больше не слышно, хор уже не поет об Иисусовых страстях.

А когда примчалась она к скале – ха-ха! – что же она видит! Среди диких зарослей, в трехстах шагах от костела, огромный камень перегораживает дорогу! А где же зал? Исчез! Исчезла и скала на дороге, как будто никогда ее и не было. Ха, как женщина испугалась, в какой пришла ужас, зовет, ищет, как бежит по пригорку, через заросли, смертельно бледная! Ха, эти отчаянные взоры, губы синие, как у мертвеца, плядь, как бежит через заросли, как падает вниз! «Горе, горе! Здесь ничего нет!» Тело, разорванное сучьями, ноги, исколотые терном, – но все напрасно, не найти ей вход!

И снова она в ужасе, снова охвачена ужасной тоской: «Ах, кто мне вернет мое дитя! Ах, дитя мое, где ты, где ты?!»

«Глубоко я под землею! – слышен тихий голосок, который доносится до нее сквозь шум ветра. – Меня не увидеть глазами, не услышать ушами. Тут под землей хорошо, мне ничего не нужно, ни есть, ни пить, лишь бы играть с кусками золота в мраморной палате! Нет здесь ни дня, ни ночи, здесь спать не нужно, я все играю и играю, все монетки собираю!»

Женщина снова ищет – напрасно, отчаянно бросается на землю, рвет волосы на голове, окровавленная, бледная как смерть.

«Ах мне горе! Горе! Горе! Где же мое родное дитячко? Как мне тебя найти, мой милый?» И плач ее несется в глубину леса: «Милый! Милый!»

III

День проходит, другой проходит, дни становятся неделями, из недель выходит месяц, вот и лето набрало силу.

На пригорке между буками маленький костел с низкой башней, каждый день слышатся звуки его колокола в лесу и в соседней деревушке. Тут, наверху, когда с утра к службе колокол зазвонит, пред иконой Богоматери набожный крестьянин клонит чело. Ай, кто знает ту особу с лицом, склоненным к земле? Погасли свечи на алтаре, а она все молится. Кажется, что она не дышит, лицо и губы посинели, ах, кто же так тихо молится, кто это? «Не знаю, могу лишь догадываться». Когда после богослужения закрываются двери храма, можно увидеть ее среди буков, как идет она с пригорка, бредет, бредет потихоньку по дорожке, выющейся среди зарослей, мимо серой скалы, где торчит огромный камень. Тут вздыхает преглубоко, лицо закрывает ладонями: «Ах, дитя мое!» – и глаза ее заливаются горячими слезами.

Это несчастная женщина из хижины, всегда грустная, всегда бледная, всегда в тяжелой задумчивости; с утра до темноты никогда не светел ее взор, ночью тоска не дает ей спать, а на рассвете с болью оставляет она свое ложе:

«Ах, дитя мое родное! Горе мне, грешной! Ах, какое горе! Господи, помилуй меня, грешную, прости!»

Минуло лето, минули осень и зима – не успокоилась тоска в ее сердце, не исчезли слезы в глазах, а как выше солнце стало, разогревши землю снова, не вернулась к ней улыбка, все еще вдова рыдает.

IV

Слышишь? Сверху между буков, из костела с башней низкой, слышны колокола звуки в лесу и в соседней деревушке. Глянь-ка, кверху, к Божьей славе торопится из деревни шумная толпа, это деревенский богобоязненный люд, а сегодня как раз Великая пятница.

Нежно веет ветер вешний, он приносит пение хора. Снова поют в костеле о страстях Иисуса.

А на той стороне потока женщина приближается из леса, что сегодня сдерживает ее шаги? Ах, горькая память о том дне год назад связывает ее шаги! Ближе, ближе подходит она, и вот оказывается у той скалы.

И глядь! Что явилось глазу? Тут, где от диких зарослей до костела триста шагов, камень, открывающий вход в гору, камень, стоящий на дороге, камень, и целая та скала, как будто от века тут стояла.

И женщина пугается этого, от ужаса шевелятся ее волосы, всей тяжестью ложатся на нее ее горе и ее вина. Но, боясь, она не медлит, но в страхе и в надежде прыгает вглубь, бежит бегом в знакомый зал, под скалу.

И глядь, двери в прекрасный зал открыты, золотом светятся стены, потолок выложен рубинами, под ним колонны из хрустала, и по обеим сторонам дверей на мраморном полу полыхают два светильника: над серебром по левую сторону поднимается вверх лунное сияние, над золотом, с правой стороны, солнце светит непрестанно.

С ужасом приближается женщина, в страхе и надежде оглядывается вокруг. Неужто притягивает ее серебро, золото? Ах, она на это и не смотрит!

«Ха-ха, мама! Ха-ха, мама!» Это же ее родное дитячко, тот, по которому она страдала весь год! Вот оно – хлопает в ладошки!

Дыхание женщины остановилось, трясется она от ужаса, и, отчаянно торопясь, хватаят она дитя в объятия, выносит из зала.

И треск-треск! «У-ууу!» – это земля гудит по ее пятам, грозный грохот, вихрь поднялся, земля трясется, рев и вой, пожар разгорелся за

ее спиной. «Ах, Матерь Божья, помоги!» – в тоске призывает женщина, боясь опянуться.

И глядь! Как все снова изменилось! Тихо все, и вот из зарослей виден камень у дороги, все спокойно, как и раньше, от входа в пещеру – ни следа; а в костеле хор закончил пение о страстях Христовых.

У женщины захватывает дух, она трясется от ужаса и отчаянно спешит унести свое дитя оттуда, несет, несет, прижимая крепко к себе, бежит, едва хватает духу, хоть и далеко за ней скала, бежит по той стороне потока, там, где лес, замедляя шаги только перед своей бедной хижинкой.

Ох, какую горячую благодарность возносит она Богу! Посмотрите, как льются ее слезы! Как прижимает она к себе дитя, целуя его лоб, ручки, губки, и снова прижимает его к груди, как вся от счастья сияет!

И глядь! Что там блещет в коленках младенца? Что звенит? Красное золото! То золото, что год назад она положила ребенку на фартучек, чтобы поиграло с ним дитя.

Но женщине оно не мило, столько горя она пережила из-за него! Ах, стоило оно ей много слез! И хоть благодарна она Богу за этот дар, но дороже всего то, что может она прижать к себе свое дитя. Горек ее опыт: очень мало значит золото, важнее всего – дитя родное!

V

Уж давно тот костел разрушен, колокол замолчал навсегда, там, где когда-то росли буки, догнивают лишь их корни.

Старец еще помнит те преданья, хотя иные совсем забыты, и если спросить у людей, они укажут места, где все это произошло.

Если вечером морозным соберется молодежь вокруг старика, он с радостью расскажет о вдове и вдовьем кладе.

Свадебные рубашки

Пробило одиннадцать, а девушка все молится перед образом Матери Божьей. Молится, плачет, тоскует:

«Господи! Где мой батюшка? Уже на могилке его травка растет! Господи! Где моя матушка? Там лежит, возле батюшки, сестры тоже нет, брат убит на войне. Был у меня, несчастной, милый, жизнь бы отдала за него, но он отправился в чужие края и до сих пор не вернулся.

Собирался в дальние края, утешал меня, слезы утирал, говорил, чтобы я лен посеяла, а пока он растет, вспоминала бы его каждый день, через год сделала бы изо льна нити, через два – из нитей соткала бы полотно, а на третий год рубашки бы ему и себе сшила-вышила. И когда рубашки будут готовы, можно будет сплести мне свадебный веночек.

И вот – рубашки уже готовы, вышиты, сложены, уже скоро цветочки завянут на моем свадебном веночке, а о милом моем – ни слуху ни духу, три года – ни одной весточки, жив ли, здоров ли, только Боженька о том знает!

Дева Мария, Ты одна можешь помочь мне! Верни мне милого из чужих краев, единственного моего, ненаглядного, верни мне милого! А если нет, то лучше забери мою жизнь: она мне и так без него не мила! Пресвятая Дева Мария! Пожалей меня, помоги!»

И только она так помолилась, как образ на стене ожил, словно кивнул. Девушка вскрикнула испуганно. А тут и лампадка, что едва горела, вспыхнула и погасла. Может быть, от сквозняка? Или это – злое знамение?

Вдруг послышались шаги и в окошко постучали: тук-тук-тук!

– Спишь, мое сердечко, или бдишь? Это я, твой милый, здесь! Помнишь ли еще меня или другой в твоём сердце?

– Ах, мой милый! Я только о тебе и думаю! И сейчас о тебе молилась!

– Ну, оставь теперь молитвы, выходи, пойдем, пойдем, проводишь меня: месяц как раз освещает дорогу, по которой я пришел за своей невестой!

Девушка говорит жениху:

– Ах, Боже правый! Что ты такое говоришь! Куда мы пойдем ночью! Ветер воет, пусто вокруг, подожди, когда утро настанет!

– День – ночь, ночь – день? Какая разница? – отвечает жених. – Пойдем сейчас. Днем мне сон веки смыкает. Пойдем, пока петухи не проснулись, я должен с тобой навек соединиться. Не медли, выходи, уже на рассвете ты будешь моей супругой!

Ночь была темна, светил месяц, вокруг – ни души, только девушка и друг ее рядом.

Отправились они в путь: жених впереди, она за ним. И вдруг по всей деревне собаки завыли, как по покойнику.

– Какая дивная ночь, – говорит жених, – в это время мертвые встают из гроба, ты ничего не боишься, милая моя?

– Чего же мне бояться? Ты со мной. А око Божье надо мной. Скажи мне милый, живы ли твой отец и мать и рады ли будут нашей свадьбе?

– Не спрашивай, не спрашивай, милая, иди скорее за мной, все сама увидишь. А что это у тебя в правой руке?

– Это мой молитвенник.

– Выбрось его прочь! Эти молитвы тяжелее, чем могильная плита. Выбрось! Легче будет поспевать за мной!

Взял жених из рук ее книжку, выбросил и разом миновали они десять миль! А дорога-то шла по скалам, по чаще лесной, где дикие звери выли, словно предупреждали о скором несчастье.

А жениху хоть бы что! Он вперед, она за ним, по камням, скалам, белые ножки ее разбиваются о камни, кровь на них остается.

– Дивная ночь, ясная, – снова говорит жених, – в это время мертвые с живыми встречаются, ты ничего не боишься, милая моя?

– Чего же мне бояться? Ты со мной, а рука Господа надо мной, скажи мне, мой милый, а готов ли твой домик, чиста ли светличка, весела ли? И близко ли от дома костел?

– Не спрашивай, не спрашивай, милая, скоро все сама увидишь, иди скорее, время бежит, а дорога еще дальняя. А что у тебя за поясом?

– Это мои четки.

– Ха, эти четки, как кольцо змеи вокруг тебя! Они дышать тебе не дают, выбрось их прочь, мы спешим!

Схватил он четки, выбросил, и одолели они сразу двадцать миль.

А дорога шла низиной, через воды, луга, и жабы кричали в болоте, как по покойнику.

А жених все бежит вперед и вперед, а она уже еле поспевает за ним, осока режет ее бедные ножки, и трава на всем пути окрашена ее кровью.

– Дивная ночь, ясная, – произносит жених, – в это время живые спешат к гробу, ты ничего не боишься, милая моя?

– Ах, не боюсь, ведь ты со мной, а воля Божья надо мной. Дай только отдохнуть чуть-чуть, дыхание ослабло, ноги дрожат, в сердце словно ножи вонзились!

– Поспеши, девочка моя, ведь скоро мы уже там будем! Гости ждут, ждет угощение, а время летит, как стрела. А что у тебя там на шее за веревочка? И что на той веревочке?

– Это крестик от моей матушки.

– Ха-ха! Это проклятое золото, углы у креста острые, колют тебя, выбрось его, полетишь, словно птица.

Сорвал он крестик с ее шеи и выбросил, и одолели они одним махом тридцать миль!

И вот перед ними на широкой равнине высится строение с высокими окнами и башня с колоколом над крышей.

– Вот мы и пришли, милая моя! Ничего не видишь?

– Ах, Боже! Это же костел!

– Нет, не костел, это моя крепость!

– Твоя крепость? Это кладбище и ряд крестов?

– Это не кресты, это мой сад! А ну-ка, милая моя, давай-ка, прыгай через ту стену!

– О, нет! Оставь меня! Жуток и ужасен твой взгляд, дыхание твое – как яд, а сердце словно твердый лед!

– Не бойся ничего, милая моя, у меня весело, всего много! И мяса достаточно, хоть и без крови. Но сегодня впервые будет иначе! А что у тебя в узелке, милая моя?

– Рубашки, которые я сшила.

– Нам больше двух и не нужно: одна тебе, другая мне.

Он взял у нее узелок и с хохотом бросил его на могилу за оградой.

– Ничего не бойся, смотри на меня и прыгай за узлом через забор, – велел он невесте.

– Но ты же всю эту тяжкую дорогу бежал передо мной, прыгни и сейчас первым, – отвечала ему она.

Жених перескочил через ограду, не думая о предательстве с ее стороны. Перескочил, а девушки снаружи не видать, только белая ее одежда мелькнула неподалеку. Бежит она, надеется укрыться в убежище.

Увидела маленький домик с низенькой дверкой, скользнула туда, закрыла дверь на запор, огляделась: комнатка – как клеть, без окон, лунный свет сквозь щели пробивается. И видит она: в центре на дощатом помосте – мертвец.

А снаружи звуки раздаются: целый полк могильных тварей собрался, шумят, стучат, песни страшные воют. Тут в дверь раздался страшный стук, друг ее кричит снаружи: «Поднимайся, умерший, открой мне затвор!»

И мертвый открыл глаза, поднял голову, огляделся...

– Боже Святой, помоги! Не отдай меня дьявольской силе! А ты, мертвый, ляг и не вставай! Пошли тебе Господь Бог вечный покой! – взмолилась девушка.

Тогда мертвый положил голову и закрыл глаза, как раньше.

Но снова раздался страшный стук в дверь, еще громче кричит ее друг:

– Поднимайся, мертвец, отодвинь засов!

И от этого стука, от этого голоса мертвый снова поднимается и разворачивает свое тело к двери.

– Господи Иисусе Христе, Спаситель душ! Смилуйся надо мной! – молится девушка. А мертвому велит: – А ты, мертвец, не вставай, лежи, да поможет тебе Господь Бог, и мне тоже!

И мертвец снова лег и вытянулся, как прежде.

Но вновь снаружи: бух-бух-бух! У девушки в глазах потемнело и в ушах зазвенело!

– Вставай, мертвец, и отдай мне ту, живую!

Ах, беда, беда ей, несчастной! Покойник встает в третий раз и огромные свои мутные глаза поворачивает в сторону полумертвой от страха девушки.

– Дева Мария! Не покидай меня! И Сына своего моли обо мне! Негодно я Тебе молилась, прости мне мои прегрешения! Мария, Матерь Божия, освободи меня от злой силы!

И вдруг совсем рядом раздался крик петуха, а за ним словно целая дружина петухов закукарекала.

Тут мертвый, как стоял, так и повалился наземь, а снаружи воцарилась тишина, ни криков, ни топота. И злого ее друга не слышать.

Утром люди пришли на литургию и остолбенели в ужасе: наверху пустой гроб, в покойнице дрожащая девушка, а на каждой могиле по лоскуту от новых свадебных рубашек!

Хорошо ты, девушка, сделала, что о Боге думала, а злого друга отвергла. Иначе с телом твоим белым, прекрасным случилось бы то же,

что с теми рубашками!

Примечания К. Я. Эрбена к «Букету»

Букет

Баллада о происхождении цветка под названием «материнская душа» основана на сказаниях, передающихся в бывшем округе Клатовском, в Чехии, и, без сомнения, восходит к значению самого слова – материнская душа, душа матери; это же растение также именуется в польском: *matierza duzcka* или *matierzanka*, а в южнославянском вообще: *materina dusica*. В старославянском языке этот цветок называется «душица». Это слово до сих пор сохранилось в русском языке – душица.

Клад

Сказание это известно и в других уголках Европы, отличаясь лишь в мелочах. В старой чешской литературе находим его в тексте легенды о Св. папе Клименте. Траян, римский император, велел утопить Св. Климента в море, привязав его за шею к морскому якорю. Легенда повествует, что каждый год, в день его кончины, вплоть до седьмого дня, море расступается на три мили, и путники, идущие посуху, могут увидеть там призрачный мраморный храм, а в нем тело Св. Климента в прекрасной гробнице. Туда, в храм, на седьмой день расступившегося моря, пришла к гробу одна женщина с малышом. Ребенок уснул, а море неожиданно начало реветь, возвращаясь в свои пределы. Женщина в испуге, вместе с другими людьми, забыв о сыне, убежала на берег, но, осознав это, принялась жалобно звать дитя и, плача, долго ждала, не вынесет ли море на берег тело ее мертвого ребенка. Поняв, что потеряла дитя, вернулась она домой и целый год провела в тоске. Потом, через год, когда море снова расступилось, она раньше других побежала к гробу Св. Климента и обнаружила свое дитяtko на том самом месте, где его тогда оставила спящим. Она разбудила его, прижала к себе с великой радостью и спросила: что с ним происходило весь этот год? И дитя ответило: «Не знаю, был ли это год, я спал одну ночь».

«Хор поет об Иисусовых мученьях» – в народе существует поверье, что в Страстную неделю, в то время, когда в храмах оплакивают муки Христа, открываются земные клады, на чем и основана эта баллада.

Свадебные рубашки

Это сказание распространено в Чехии в двух отличных друг от друга вариантах, конечно, есть в нем и следы народных песен, которые поют чехи. В одной из них мертвец побуждает девушку идти за ним такими словами:

Вставай, дорогая, вставай, собирайся,
Час мой уходит, скорей одевайся;
мой конь очень быстрый, летит как стрела,
промчится он с нами сто миль до утра.

Сказания и песни народные, повествующие о том, что мертвец встает из гроба и приходит за девушкой, которую любил, пока был жив, или же за своей сестрой, имеются почти у всех славян, а также у других народов. У сербов есть песня, в которой умерший Йован приехал на похоронном коне за своей сестрой Елицей. Словаки повествуют о том, как девушка вызвала своего мервого дружка, варя в каше голову мертвеца, которая во время варки издавала звуки: «Пойдем, пойдем, пойдем!» У малороссов также есть подобная песня, как эта сербская. Русское сказание переделал в балладу В. Жуковский, так же как А. Мицкевич для своей баллады использовал сказание польское или литовское. Немецкая Ленора, написанная Бюргером, – вообще общеизвестна. В народной шотландской песне говорится, как мертвый Вильям пришел за своей милой Маргарет, а старая британская песня говорит о брате, павшем в бою, а потом ночью увезшем свою несчастную сестру Гвеннолейк на тот свет. Это удивительное распространение данного сказания между народами, чьи языки очень отличаются друг от друга, объясняется ее древним происхождением. Близки к нему сказания об упырях и оборотнях, которых очень много как у славян, так и у других европейских народов.

А решила б по-другому,
так пришла б к концу дурному:
не рубашек ключья были —
тела ключья на могиле!

В словенском сказании с девушкой подобным образом хочет расправиться упырь, которому девушка, желая от него избавиться, отдает свою шубку. Когда наступает полночь, упырь сначала сжирает шубку, а потом идет за девушкой, которая разговорами задерживает его снаружи до тех пор, пока не прокукарекает петух.

Полудница

Как полночь, так и полдень, по народным преданиям, имеют своих злых духов, обладающих губительной силой с одиннадцати до двенадцати часов. Дневных злых духов называют «поледница» или «полудница», а то и просто – «лесная нимфа». Потому и не любят в полдень ходить по лесу, чтобы лесная нимфа не устроила так, что человек заблудится.

Золотая прялка

Это предание находится также в собрании сказок Божены Немцовой, в первой части. Кроме того, мы можем видеть подобный сюжет среди южнорусских сказок.

«Поддай, сынок, живой воды».

Живая вода означает собственно воду – летнюю, текущую; мертвая же вода – вода зимняя, лед.

Живой воде в славянских преданиях приписывается такая сила, что любое тело, пусть даже превратившееся в прах, снова оживает, как только будет погружено в нее. По преданиям, если кто-то выльет живую воду в море, море загорелось бы огнем. В русских преданиях разница между живой и мертвой водой описывается так: мертвая вода действует на рассеченные части тела так, что они срастаются, живая же вода после этого возвращает телу жизнь. Эти предания основаны на том, что обычной воде приписывали особую силу: укрепляющую и оживляющую.

«Вррр – ты злую нить прядешь».

В данном случае совершенное убийство открывается с помощью пения веретена. Обычно в преданиях Чехии, Польши и Малороссии о преступлении сообщает вырезанная из дерева вербы свистулька.

Сочельник

Ни один день года не сопровождается у славян всевозможными гаданиями так, как Рождественский сочельник. Отец семейства, мать семейства, юноша и девушка – каждый стремится с помощью разных гаданий узнать, что сулит им наступающий год. Способы рождественских гаданий различны, их такое количество, что невозможно перечислить. Одно из гаданий, которое у нас весьма распространено, описывается в этой балладе.

«Пироги хозяину,
коровам корм в кормушку»

и так далее...

Отцу семейства вечером в Сочельник дарится специальный пирожок или булочка, которая символизирует пожелание хозяину на будущий год обильного урожая и всяческого благоденствия. Остатки рождественского ужина даются коровам в кормушку, чтобы они хорошо доились. Петуху хозяйка дает дольку чеснока, чтобы он был бойким, а курам бросают горсть гороха, чтобы несли много яиц. Рыбьи кости, оставшиеся от ужина, закапывают под фруктовыми деревьями, чтобы будущий год принес много плодов. А тем, кто в этот день с утра до вечера соблюдает строгий пост, обещают, что ночью они увидят золото или золотых поросят.

«Ни ведьмы лихие...»

Ведьма – от слова «видеть» и «ведать» (знать), то есть «ведьмы» – «вещуњи», «прорицательницы».

Голубок

«Сидит на дубочке
белый голубочек».

В народных песнях и славянских сказаниях говорится, что душа человека, который безвинно умер или умер, покаявшись перед смертью в своих грехах, чаще всего воплощается в белого голубя, тогда как души нераскаявшиеся принимают цвет темный, души же преступников, злодеев обращаются в воронов.

Загоржево ложе

Это предание известно в Чехии, в Польше и у лужичан. В Чехии у разбойника имя Загорж, в Польше – Мадей, а у лужицких сербов – Липскулян. Содержание этого предания указывает на его происхождение во времена раннего христианства.

«Отдайте в объятья его адской деве».

Чешские летописцы сообщают о реально существовавшем орудии пыток – «железной деве». Такая «железная дева» стояла некогда в Белой башне в Праге.

«...две белых голубки в небо взлетели».

См. примечание к балладе «Голубок».

Водяной

Как повествуют славянские сказания и сказания других народов, сказочные существа, живущие в воде, несут на себе печать жестокости. Если они не могут отомстить человеку, то мстят представителям своего собственного рода. Существует сказание, подобное тому, что изложено в балладе. В нем говорится о лешем, который, похитив девушку, женился на ней и семь лет держал ее у себя, никуда не отпуская, а когда девушка от него убежала, из мести растерзал их общее дитя. Подобный сюжет о водяном изложен в народной песне у лужичан.

«Ярче месяцу светить,
пусть сшивает крепче нить.

Шью себе я боты
для любой работы».

В народных поверьях говорится, что по ночам водяной сидит на дереве у воды и шьет себе боты (башмаки).

«Сваты были – черны раки,
а подружки – рыбки».

Сваты, о которых говорит жена водяного (по-чешски – starosvati), – шаферы, свидетели на свадьбе со стороны жениха, ведущие невесту к алтарю.

Говорят, что, помимо всего прочего, водяного можно распознать между людьми по такому признаку: у него всегда с левой стороны одежды капает вода.

Существует также поверье, что водяной собирает души утонувших людей в горшочки и хранит в своем подводном царстве. Связано это поверье с тем, что иногда со дна глубоких прудов и озер поднимаются наверх большие пузыри, как будто внизу разбился горшочек и душа тут же вылетела на волю.

По преданиям, у водяного и его детей зеленые волосы.

В сказаниях о водяных часто говорится, что если водяной отпускает человека с того света на этот, то обязательно наставляет ни в коем случае не обнимать и не целовать на земле своих близких, потому что из-за поцелуев и объятий он забудет свое подводное прошлое и все, что было под водой мило.

Верба

Это сказание кажется мне самым важным уже потому, что подобных нет ни среди славянских сказаний, ни среди сказаний других народов. Есть сказки, в которых человек превратился в дерево или в какую-то другую вещь, или, наоборот, есть сказания, в которых душа человека ночью выходит из человеческого тела в виде мыши, птицы или змеи, а тело лежит мертвое, пока душа в него не вернется, но чтобы человек делил жизнь с деревом или иным предметом, да так, чтобы они друг без друга не могли продолжать существование и в случае гибели одной из составляющих другая не могла бы продолжать свое существование, – пример такого сказания только один. Происходит это сказание из бывшего края Быдзовского.

«Слово мощное поможет».

Под «мощным словом» понимается заклинание, или заговор (incantatio, Zauberspruch), которому в устном народном творчестве придают огромное значение.

«Что Судьба кому-то скажет,
Людское слово не развяжет».

По преданиям, когда рождается младенец, ночью к нему приходят три Судьбицы (вестницы судьбы), определяющие его будущую судьбу. Одна говорит: «Из него будет то-то». Другая говорит: «Нет, не так, а будет из него то-то». А третья уже решает, что выбрать. Хорваты называют их Rojenice.

«Сидит бабка у ворот,
из миски в миску воду льет».

Гадание на воде относится к самым распространенным славянским гаданиям.

Вестница

Со стародавних времен чехи обращались к пророчествам, касающимся земли Чешской. Уже мать рода Пржемыслов, княгиня Либуша, описывается в хронике летописца Косьмы вестницей своего народа, а в XVI веке было издано несколько пророческих книг о Чешской земле, из которых две, а именно пророчество Сибиллы и пророчество слепого юноши, сохранились в памяти народной и до наших дней. Кроме того, есть немало небольших по объему преданий и настоящих пророчеств, сохранившихся в отдельных районах земли Чешской, в которых описываются будущие судьбы нашей родины. Уже много лет собирал я такие небольшие пророческие предания и задумал воплотить их в единую поэму, однако ко времени издания я не смог успеть воплотить свой замысел в жизнь. Поэтому я представляю шесть отрывков будущей поэмы, каждый из которых является цельным произведением.

«Я видела мужа на бреге Белины».

Это предание происходит из бывшего края Быдзовского. Оно основано на записи в летописи Косьмы в передаче Гайка. Гаек повествует, что, когда послы от Либуши пришли к Пржемыслу

Стадицкому, они нашли его на поле, идущего за плугом, который тянули волю. Когда послы передали то, что велела им Либуша, Пржемысл остановился, воткнул рукоятку кнута в землю, потом отвязал волов и сказал: «Идите туда, откуда вы вышли!» Волю поднялись, будто взлетев, и опустились возле деревни Стадицы на скалу, которая тут же за ними закрылась. Кнут же, воткнутый в землю, дал три высоких ростка с зелеными листьями и с орехами. Пока послы, которые уселись вместе с Пржемыслом на перевернутый плуг, ели хлеб, запивая водой, они обнаружили, что два ростка засохли, а третий стал расти вверх. Пржемысл, видя их удивление, сказал: «Не удивляйтесь, но знайте, что из моего рода многие начнут владычествовать, но только один господин останется на земле вашей. И если бы ваша госпожа так не спешила, всегда был бы у вас богатый урожай, но раз мне не дали допахать мое поле, будет порой в стране голод».

Не удивительно, что эти последние слова остались жить в сердцах простых людей, и они порой повторяли: «Если бы Пржемысл тогда до конца вспахал то поле!» Вероятно, отсюда со временем возникло предание о том, что придет когда-то князь, который допашет то поле, и земля чехов станет счастливой. С этим преданием удивительно корреспондирует морская легенда о короле Ечминке, которого ожидали как воплощение Святоплука, надеясь, что с его приходом настанет в Моравии золотой век. Оба этих предания имеют одинаковый смысл.

«Скалу я видала над бурной рекою».

Это предание является своего рода дополнением к известным пророчествам Либуши об основании Праги и о Св. Вацлаве и Св. Войтехе. По преданию, около Вышеграда были волшебные Либушины сады, которые возносились, как в легенде о садах Семирамиды. Внизу, под Вышеградской скалой, где ныне находится самая глубокая впадина реки Влтавы, находилась любимая купальня Либуши. Предание повествует, что однажды Либуша стояла на пороге своей купальни и, наблюдая за течением реки, предсказала несчастья, которые произойдут на земле Чешской. Она не могла этого предотвратить, но взяла золотую колыбельку сына-первенца и погрузила ее в воду, сказав, что колыбелька всплывет на поверхность,

как только родится тот, кто должен сделать Чешскую землю вновь счастливой. И это дитя будет лежать в колыбельке, которая всплывет из глубин Влтавы. Известно, что чешские летописцы с XV века называют спасителем Чешской земли императора Карла IV, называют его отцом родины, поскольку при нем земля Чешская была счастлива и славна, как никогда прежде.

«и, повинувась судьбе предреченной...»

Речь идет именно об императоре Карле IV. Это подтверждается и позднейшими народными преданиями об императоре Карле IV, в которых мы опять встречаемся с колыбелькой, которая росла вместе с ним, из колыбельки младенца превращаясь в ложе взрослого императора в милом его сердцу замке в Карповой Тыне. Это после смерти императора никому не позволило улечься: каждый, кто пытался лечь на императорское ложе, неизменно был сброшен наземь.

Вышеописанное предание о золотой колыбельке под Вышеградом было известно уже Гормайеру, который издал его 30 лет тому назад.

«Видела храм я над Орлицей речкой...»

Это предание происходит из Костельца над Орлицей в бывшем краю Градецком, где еще несколько лет назад стояла та отмеченная судьбой сосна, и на коре ее было много вырезанных крестов. Смысл этого предания заключается в том, что благо вернется на землю Чешскую, когда народ станет богобоязненным и обратится к Божьим ценностям: к вере, любви и надежде. «О Боже, святая Троица!» – начало старой церковной песни.

«Не сокрушайтесь о собственном роке...»

Это предание существует в разных областях Чехии. Храм с тремя входами знаменует христианскую веру в Чехии, и эти три входа знаменуют религиозную рознь, которая принесла столько несчастий стране. Но в наших нынешних обстоятельствах три входа в храм могут обозначать наш литературный язык, в который вливаются народы Чехии, Моравии и Словакии.

«Вы, кто отцов своих славных деянья...»

Половина героя на постаменте у Пражского моста – это остаток статуи на Малой Стране по направлению к Старому Месту. Когда эта статуя была еще в целостности и сохранности, она являла собой усатого рыбака в полном облачении с открытым забралом. Правая рука его опиралась на длинный обнаженный железный меч, который доставал ему до самых усов. Левой рукой он держал щит со Староместским гербом, у ног же его лежал лев, которого можно увидеть и сегодня (как и щит). Староместский герб был утвержден в 1475 году императором Фридрихом III, из этого мы делаем вывод, что эта статуя относится к времени после названной даты. Статуя эта была в юрисдикции моста. Эту юрисдикцию император Карл IV даровал Старому Месту. Простой народ называл эту статую Брунцвик, благодаря льву и мечу, памятуя о Брунцвике из хроник, переведенных с немецкого на чешский. Этот герой изображался тоже с мечом и рядом со львом.

При обороне Праги от шведов в 1648 году вражеская пуля повредила верхнюю половину статуи (до пояса), остались только живот и ноги, как это можно увидеть и по сей день. Эта нижняя половина героя и стала предметом последней части «Вестницы». Главный смысл этой части и заключается в том, что самолюбие, господствующее ныне, не может иметь под собой почвы, пока не появятся честные сердца и здравомыслие.

Примечания составителя и переводчика

Сборник баллад К. Я. Эрбена «Букет» («Kytice») относится к величайшим произведениям чешской и мировой поэзии. Баллады из «Букета» входят в программу курса чешской литературы в средней школе, и вряд ли найдется чех, который не учил наизусть «Полудницу» или не знает несколько строк из первого, программного стихотворения сборника, названного, как и вся книга, «Букет».

Появление «Букета» стало не только событием в литературном мире того времени, оно стало актом гражданского мужества, плотком той самой живой воды, о которой столько писал поэт и которой буквально напитаны строки его стихов.

Дело в том, что после революции 1848 года славянские языки были признаны в Австро-Венгрии равноправными с немецким языком. Но это завоевание мало кому нравилось в правящих кругах, ведь в нем был выражен дух свободы, с которой не могли смириться чиновники. Не прошло и трех лет, как признанное равноправие было отменено премьер-министром А. Бахом. Наступил так называемый период баховской реакции. Начались репрессии, увольнения. Казалось, общественная жизнь остановилась, замерла. И вот среди этой тишины и молчания раздался голос Эрбена: в 1853 году в свет выходит его «Букет» – подлинный шедевр чешской поэзии.

Эрбен, знаменитый собиратель славянского фольклора, не просто пересказал некие народные предания. На основе народного творчества он создал собственные поэтические шедевры, как в русской литературе это сделал А. С. Пушкин со своими сказками и балладами на темы народных преданий (например, «Жених»).

В сборник «Букет» Эрбен включил следующие баллады:

Букет

Молодая мать умирает, оставив после себя сироток. Дети тоскуют по матери, приходят на ее могилку, зовут и плачут. Мать, слыша из другого мира зов детей, присылает им свой привет: могила покрывается цветочками, которые так и называли – материнская душа (душица). Поэт собирает букет из этих цветков, мечтая послать их туда, где живут дети, помнящие свою мать.

Это стихотворение глубоко символично, оно напитано любовью к славянскому миру и желанием объединить братьев и сестер – славян памятью об их общей матери.

Клад

Страстная пятница. Молодая бедная вдова бежит с двухлетним младенцем на руках в костел. На пути ее встает скала, которую она никогда прежде не видела. В ней – невиданный клад. Она собирает серебро и золото, оставляет ребенка в скале одного, чтобы отнести богатства домой, торжествуя и гордясь тем, что теперь она богата. Возвратившись за ребенком, она видит, что от скалы не осталось и следа, сыночек исчез, а вместо клада остались лишь глина и камни. Год она проводит в отчаянии, ужасе, слезах, молитвах. Через год, в Страстную пятницу, она вновь идет в храм и обнаруживает ту же скалу. В ней она находит утраченное дитя таким, каким она оставила его год назад. Она убегает с ребенком, а скала за ней рушится. Никакие клады ей не нужны. Главный обретенный ею клад – ее дитя.

Как указывал сам Эрбен, сюжет баллады основан на народных поверьях о том, что один раз в год (обычно в Страстную пятницу или в Вербное воскресенье) открываются клады земные.

Свадебные рубашки

Девушка, оставшаяся сиротой, молится ночью перед иконой Богоматери о том, чтобы ее жених вернулся к ней – какой бы он ни был. В полночь жених к ней является и уводит ее из родного дома за собой, в свой дом, чтобы там зажить наконец вместе. Она бежит за ним, взяв с собой свадебные рубашки, которые сшила и вышила, ожидая милого. Они двигаются с невероятной скоростью, одолевая десятки миль. По дороге жених заставляет девушку выбросить молитвенник, четки, крестик. Он приводит ее на кладбище, где беснуется нечистая сила. Девушка запирается в покойнице и призывает молитвой Божию помощь. Крик петуха останавливает действие злых сил. Утром народ, идущий к мессе, находит девушку, живую и невредимую, а на могилах – ключья разодранных свадебных рубашек.

Баллада носит назидательный характер: не о том девушка так настойчиво просила Богородицу. Потому и настрадалась, когда ее молитва была исполнена.

Полудница (или Поледница)

Мать готовит к полудню обед, спешит, торопится, а ребенок не дает ей ничего сделать, плачет, кричит, отбрасывает от себя игрушки. Чтобы припугнуть младенца, мать зовет Полудницу – страшное потустороннее существо, уносящее в полдень детей. Полудница действительно является на зов и тянет к себе ребенка. Мать прижимает его к себе, не отдает и падает без чувств. Пришедший на обед муж находит жену на полу без сознания, крепко прижавшую к себе сына. Мать жива, но дитя задушено.

В этой полной ужаса балладе очень кратко и емко изображены детали крестьянского быта, вплоть до детских игрушек, вплоть до семейной расстановки сил: муж добывает пропитание, а обязанность жены – приготовить ко времени еду, навести порядок в избе, присмотреть за ребенком (детьми). Время от одиннадцати до полудня было тяжким и для пахаря, который трудился с раннего утра (обычно с 5 часов), и для его жены, на которой лежало все хозяйство. Некоторых от страха за несделанную работу охватывало умопомешательство. (В русской литературе находим яркий пример подобного помешательства в рассказе А. П. Чехова «Спать хочется».)

Золотая прялка

Дорничка должна выйти замуж за короля, но мачеха убивает ее, чтобы выдать за короля собственную дочь. Правда выходит наружу благодаря прялке, убийство наказано. Дорничку оживляет волшебный старичок.

Сочельник

В Сочельник, то есть день перед Рождеством, Мария и Гана отправляются к озеру, чтобы там устроить гадание и узнать свое будущее. Гане является молодой Вацлав, а Мария видит гроб и черный крест. Гадание сбывается.

В оригинале баллада называется «Щедрый день». «Щедрый день» и «Щедрый вечер» – так и в дореволюционной России называли Сочельник, день перед Рождеством.

В русской литературе мы встречаем немало описаний святочных гаданий. Это и гадание Светланы в балладе В. А. Жуковского «Светлана». Предсказание, к радости Светланы, оказывается ложным.

В пятой главе романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» находим подробные описания гаданий:

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины:
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.

.....

Гадает ветреная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратимо;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг Татьяне...
И я – при мысли о Светлане
мне стало страшно – ...

В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» есть сцена гадания Наташи и Сони: «На Наташином столе стояли еще с вечера приготовленные Дуняшей зеркала...»

Голубок

Молодая вдова, только похоронив мужа, тут же готовится к новой свадьбе. Жизнь ее проходит весело и радостно, пока не увидит она белого, жалобно воркующего голубочка на могиле покойного мужа. Белый голубок – символ невинной, чистой души – напомнит ей о ее вине. Не выдержав чувства вины, женщина топится в реке.

Загоржево ложе^[23]

Молодой путник, чей отец в заблуждении пообещал душу своего сына адским силам, с молитвой отправился в лес, потому что настала пора выполнять обещание, данное отцом. Он молится, а на дороге его подстерегает убийца путников Загорж. Он уже готовится убить юношу, но оставляет его в живых после того, как тот обещает ему рассказать об аде. Проходит много времени. Загорж размышляет об аде. Ему является путник, обещавший рассказать ему, как там все устроено. Он исполняет свое обещание и повествует о страшном Загоржевом ложе, предназначенном разбойнику. Убийца в ужасе принимается каяться, он делает это денно и нощно, стоя на коленях, умоляя небо о милости. Через девяносто лет светлый старец приходит к Загоржу и сообщает, что душа того вымолена. Они оба умирают. После их смерти ввысь летят два белых голубка.

Это предание известно в Чехии, в Польше и у лужичан. В Чехии у разбойника имя Загорж, в Польше – Мадей, а у лужицких сербов – Липскулян. Содержание этого предания указывает на его происхождение во времена раннего христианства.

«Отдайте в объятья его адской деве».

Чешские летописцы сообщают о реально существовавшем орудии пыток – «железной деве». Такая «железная дева» стояла некогда в Белой башне в Праге.

«Две белых голубки в небо взлетели».

См. примечание к балладе «Голубок».

Текст этой баллады К. Я. Эрбена сравнивают с текстом четвертой части поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» – «О двух великих грешниках», поскольку и «Загоржево ложе», и «О двух великих грешниках» посвящены теме искупления тяжких грехов. Что

подталкивает грешника к раскаянию и искуплению? У Эрбена движущей силой раскаяния выступает страх, родившийся в душе злодея после рассказа праведника о путешествии в ад. У Некрасова к раскаянию привело пробуждение совести разбойника («совесть Господь пробудил»). У Эрбена путь к отпущению тяжких грехов – многолетний пост и непрестанная молитва. У Некрасова – отпущение прежних разбойничьих грехов происходит благодаря очередному убийству «великого грешника». И в раскрытии этой темы обозначается коренное различие народной ментальности и выбора будущих путей:

Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр-атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан,
Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,
Вождь Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесть Господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать – не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под раkitой зарыл.

И прегрешения отмаливать
К гробу Господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стает.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и ночью всевышнего
Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился Бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек: «Не без Божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда за труд;
Только что рухнет дерево —
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище:
Дуб – три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвой,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет,
Годы идут – подвигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул – и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слышал
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..
Господу Богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

Водяной

Водяной утаскивает в свое водное царство девушку, пришедшую стирать к озеру. Она становится женой водяного, рождает ему сына, но очень тоскует по матери. Ничего не мило ей в доме мужа-водяного. Она неустанно просит его отпустить ее свидеться с матушкой. Наконец водяной уступает, отпускает ее, но с условием, что она не будет обнимать и целовать мать. Ребенка он оставляет себе как залог возвращения жены в подводное царство. Дочь не выполняет повеления водяного, она в объятиях матери забывает обо всем и ни в коем случае не хочет возвращаться к водяному, хотя тот приходит и стучит в двери и окна дома. В отместку он убивает их дитя.

Водяной – очень популярный герой чешских детских сказок, как страшных, полных ужаса, так и смешных, забавных. В представленном сборнике сказаний западных славян читатель не раз встретится с водяным – во всех его проявлениях.

Верба

Одна из самых совершенных, трогательных и поэтичных баллад. Муж не может понять, почему его любимая жена, днем полная жизни, ночью лежит без движения, совершенно как мертвая. Она просит его оставить все как есть и принять данность судьбы, но он не смиряется, идет к бабке-колдунье, которая ему открывает, что днем душа его жены находится в ее теле, а ночью переселяется в вербу у реки. Муж идет к реке и срубает вербу, бросая ее в воду. Он не подозревал о том, что жена его и верба являются единым целым. Убив вербу, он убивает жену. Об этом он узнает, вернувшись домой. Он вновь бежит к реке и

сквозь шелест веток различает голос жены, которая просит его сплести из веточек вербы колыбельку, которая будет укачивать ее деточек.

Лилия

Молодая девушка умирает и просит похоронить ее вдали от людской суеты. Ее хоронят в лесу, на ее могиле расцветает лилия, которую находит молодой охотник. Он приказывает выкопать цветок и посадить его в своем саду. По ночам лилия оживает и превращается в прекрасную девушку. Обнаружив это, принц женится на ней, пообещав охранять ее от лучей солнца, к которым она очень чувствительна. У них рождается ребенок. Принц должен на время уехать на войну. Вернувшись, он не находит свою жену в живых. В этом виновата его мать, которая погубила невестку.

Эта баллада в первом издании «Букета» отсутствовала. К. Эрбен добавил ее во второе издание, вышедшее в 1861 году. Видимо, с этим связано, что примечания автор к балладе не оставил.

Дочернее проклятье

Стихотворение представляет собой диалог матери и дочери. Мать не понимает, что происходит с дочерью, почему она выглядит такой несчастной. Та открывает ей, что родила втайне младенца и убила его, а теперь ищет способ убить себя. Напоследок она оставляет матери свое проклятье за то, что та слишком много позволяла ей гулять, слишком много давала свободы.

Вещунья^[24]

Вещунья пророчит будущее народу и подчеркивает, что столько лет уже прошло с тех пор, как Либуша и Святоплук произнесли свои мудрые слова, а народ до сих пор не понял их важность.

В настоящем сборнике представлены следующие баллады:

«Букет», «Клад», «Свадебные рубашки», «Полудница», «Голубок», «Водяной», «Верба», «Лилия», «Дочернее проклятье».

Для удобства читателей большие по объему баллады приводятся не только в стихотворном переводе, но и в прозаическом пересказе.

К. Эрбена называют основоположником западнославянского хоррора по большей части благодаря балладам из «Букета», в которых действительно содержится много жестокого, страшного и темного, но всегда рядом со светлым, нежным. Зло представлено потусторонними силами. У людей всегда есть возможность покаяния и исправления. В противном случае – наказания не миновать и будет оно суровым.

Некоторые баллады из «Букета» положил на музыку Антонин Дворжак. Речь идет о симфонических поэмах: «Водяной», «Полудница», «Букет», «Золотая прялка» и «Голубок».

Композитор Витезслав Новак создал кантату «Свадебные рубашки».

В начале 70-х годов XX столетия в знаменитом Пражском театре «Семафор» был поставлен легендарный спектакль «Букет» (реж. Йиржи Сухи).

В 2000 году режиссер Ф. А. Брабец выпустил фильм «Букет», который содержит экранизацию шести баллад: «Водяной», «Свадебные рубашки», «Полудница», «Букет», «Золотой коловрат» и «Голубок».

В 2014 году в Москве вышел роман Галины Артемьевой «Колыбелька из прутиков вербы», в повествование которого вплетены баллады Эрбена из «Букета» – «Свадебные рубашки», «Верба» и «Лилия».

Вестница

Либуше – мифическая чешская княжна, дочь князя Крока, обладавшая даром предвиденья.

Пржемысл Пахарь – по традиции считается основателем рода Пржемысловичей. (На переломе XI и XII вв. это зафиксировано в

Чешской хронике летописца Косьмы.) Его выбрала в мужа Либуше и послала к нему послов.

Карел Яромир Эрбен

Предисловие к славянской хрестоматии

Издавая Славянскую хрестоматию, я имел двойной замысел. Во-первых, я хотел облегчить возможность нашей молодежи простым практическим способом ознакомиться со всеми основными различиями в языках и письменности великого славянского народа, который населяет необъятное пространство различных земель – от Баварских гор и за Уралом, от Афона до Северного Ледовитого океана, управляется разными правительствами и ныне насчитывает около 80 миллионов душ.

Народ этот различается в целом:

А) Своим положением в Славянском мире:

– восточные,

– южные и

– западные.

Б) Языками – по классификации П. Шафарика, речевыми группами:

а) русский язык с тремя наречиями: великорусским, малоросским и белорусским;

б) болгарский;

в) иллирийский, также с тремя наречиями: сербским, хорватским и каринтийско-словенским;

г) польский с кашубским диалектом;

д) чешский с двумя наречиями: чешско-моравским и угорско-словацким;

е) сербско-лужицкий с наречиями верхнелужицким и нижнелужицким.

Эти наречия в свою очередь подразделяются на различные диалекты, а дальше – на несчетное количество говоров.

О местонахождении и письменности каждого языка и каждого наречия, диалекта и говора подробно говорит П. Й. Шафарик в

«Славянской этнографии» (Прага, 1842 г.), в работе пока что уникальной и непревзойденной. Однако тот, кто хочет подробно изучить особенности наречий чешско-словацкого языка и их отличия друг от друга, может ознакомиться с «Основами диалектологии чешско-словацкой» А. В. Шембера (Вена, 1864 г.).

В) Славянская письменность делится на две группы, из которых одна, наследующая греческое вероисповедание (русские, болгары, часть сербов и черногорцев), использует кириллическое письмо, а другая (сербские католики и все остальные славяне) – латинское.

Составляя хрестоматию, я выбирал простонародные славянские сказки и сказания, исходя из того, что в них, передаваемых людьми из уст в уста, лучше всего отражаются различия и особенности того или иного славянского наречия. Конечно, мне пришлось встретиться с немалыми трудностями, потому что многие собиратели народных сказок и сказаний уклонялись от языковедческой стороны, считая для себя главным составить сборник для забавного чтения, а также потому, что некоторые ветви славянских наречий пока еще вообще не изучены и не имеют изданных собраний народного творчества. По этой причине я обязан и благодарен некоторым людям, которые с необычайной любезностью помогли мне своими работами и советами:

– господину профессору Лавровскому за его собрание некоторых старинных русских преданий из древних рукописей и его работу в области изучения малороссийского языка;

– господину К. Павлову за его исследования болгарского творчества;

– господину доктору Ф. Ценову за исследования кашубских рукописей;

– господину викарию М. Горнику – за верхнелужицкое собрание;

– господину учителю Х. Копфу – за нижнелужицкое;

– господину священнику Б. М. Кулде и господину профессору Ф. Лепаржу – за работы по изучению моравских наречий.

Горячую благодарность приношу также господину Александру Хильфердингу из Петрограда и господину доктору Й. Ф. Новаковскому из Варшавы, которые оказали мне неоценимую помощь своими бесценными опубликованными собраниями, один – русскими, другой – польскими.

При подготовке материалов я обратил внимание на близость друг к другу и естественное положение славянских наречий. В чешском языке я столкнулся с домажлицким диалектом, который, однако, сейчас исчезает: образованная молодежь его игнорирует и через несколько лет он, судя по всему, исчезнет, как произошло с восточночешским диалектом (его пример указан в Диалектологии А. Шембера), от которого сохранились только едва заметные следы. Из Чехии я перешел к Моравии и Словакии, наблюдая в обеих этих землях некоторые диалекты, частью изучая личные записи, частью – уже изданные собрания. С чешским языком крепко связано через старочешский язык верхнелужицкое наречие, тогда как нижнелужицкое наречие приближается к языку польскому. Язык кашубский, который в скором времени, вероятно, ожидает грустная судьба былых полабских славян, является, скорее всего, диалектом польского языка, хотя он территориально и ближе к чешскому, чем к польскому. В белорусском наречии соединен польский язык с великорусским; малоросское же наречие гораздо ближе к чешскому, чем белорусское, хотя и отличается в некоторых диалектах, из которых только три четко выделяются, а именно: галицийское, черниговское и южнорусское. Как белорусское наречие к востоку, так и малоросское к северу, сливаются эти языки опять же с наречием великорусским, следы которого можно наблюдать в шести губерниях. На основе великорусского наречия возник также нынешний литературный русский язык, который через древнерусский язык очень близок к чешскому языку и тесно связан с языком болгарским. Болгарский язык в свою очередь на северо-западе сливается с сербским языком, который в своем хорватском наречии около Вараждина очень близко подходит к чешскому языку. Иллирийское, или каринтийско-словенское, наречие на юге географическим положением ближе всего к чешскому языку, однако своими формами гораздо дальше от современного чешского языка, чем язык польский и кашубский.

Что касается правописания некоторых славянских наречий, мне казалось нежелательным что-либо менять в том, что зафиксировали местные писатели, поскольку каждый из них хорошо знаком со своим наречием. Различие в правописании одних и тех же слов в некоторых наречиях объясняется также тем, что в некоторых из них (например, малоросском, сербском) используют кириллицу, а в угорско-словацком

– латиницу. Причина различного правописания одинаковых слов заключается в том, что некоторые писатели обращали прежде всего внимание на происхождение слова, тогда как иные прежде всего основывались на том, как слово произносится.

С замыслом обеспечить нашей молодежи возможность научиться остальным славянским наречиям я, составляя хрестоматию, соединил и другой замысел, а именно: собрать в книге воедино все самое лучшее из сказок и сказаний простонародных, самое значительное по содержанию и совершенное по форме, что пока появилось у славян. Я хотел собрать разноцветный букет из простонародных славянских сказаний во всем их натуральном цвете. При этом я стремился, чтобы одна и та же история, хоть и рассказанная на другом наречии, не повторялась.

Конечно, надлежало бы привести литературный обзор славянских сказок и сказаний, которые уже были изданы, но по некоторым причинам в настоящее время я должен отложить это до иного случая, который, бог даст, скоро наступит. Пока достаточно обозначить в содержании хрестоматии, кто записал ту или иную ее часть или откуда она взята.

Не могу также утаить, что эту хрестоматию из простонародных сказок и сказаний народных я считаю только первой частью, которую дополнит часть вторая, а именно хрестоматия из простонародных славянских песен. Если мне удастся издать и эту часть, большей частью уже составленную, тогда я буду считать мой скромный труд полным и окончательным.

Моим молодым друзьям, господину Й. Ранеку и господину А. Патеру, которые любезно помогали мне при чтении корректур хрестоматии, выражаю сердечную благодарность.

В Праге, на день Св. Йозефа, 1865 г.

Карел Яромир Эрбен

Из предисловия к «Народному сообществу»

Совсем недавно, еще в начале этого столетия, простонародные байки, сказки и сказания считались чем-то лишенным смысла, их называли никчемными выдумками старых бабок и нянек для развлечения неразумных людей долгими зимними вечерами или убаюкивания беспокойных детей перед сном. Те, кто вставал под знамена безупречной образованности во времена Йозефа II, считал неуклонной потребностью и своей святой обязанностью от всего сердца ненавидеть и по возможности подавлять все эти, как тогда именовалось, яловые, то есть бесплодные, порождения грубой, необразованной фантазии.

Однако, когда с течением времени из этой самолюбивой образованности постепенно возникла настоящая, истинная тяга к науке и к истине, люди, которые занимались изучением своего народа, начали размышлять и исследовать вопрос о том, действительно ли байки и сказания являются случайным и бесполезным недавним вымыслом простого народа или в них содержится более старое и глубокое ядро. И наконец, каково их происхождение и где их истоки?

Что касается первого вопроса, обнаружилось, что одни и те же байки и сказания, часто под разными покровами, можно найти в весьма отдаленных друг от друга местах, причем не только на расстоянии ста миль, но и у разных народов, которые или относятся к одному племени, или хотя бы соседствуют друг с другом, так что это сходство никак не может быть чисто случайным, скорее всего, эти произведения имели какой-то общий, но далекий и прадавний источник и происхождение.

Дальнейшие исследования и более внимательное рассмотрение известных произведений устного народного творчества разных языческих народов, как древних, так и более поздних, а именно: индов, греков, германцев, чудов – привело к убеждению, что те самые простые наши сказки и сказания являются остатками прастарых религиозных повестей, в которых наши языческие предки отразили неодолимое влияние на человека сил природы; выразили почтение к богам со всем их воздействием на разные стороны жизни человека, поскольку были они причиной благоприятных и пагубных событий, смены лета и зимы, дня и ночи, жизни и смерти. В течение, очевидно, нескольких тысяч лет непрерывно переходили они из поколения в поколение часто под маской, очень изменяющей их первоначальный

облик. В сказках этих содержится глубокая природная правда и серьезные народные религиозные нравоучения.

Сказания были главной формой предысторической жизни каждого народа, они отражали все стороны его тогдашнего бытия: его религию, его общественное и домашнее устройство, его труды, забавы, песни и все его вымыслы. В туманном царстве старых сказок скрываются зачатки всеобщей народной истории. Судья Крок со своими дочерьми и пахарь Пржемысл, первые в нашей отечественной истории выдающиеся личности, укрытые туманом старых народных сказаний. И, однако, в позднейших исторических былинах, как, например, в былинах об Илье Муромце, о королевиче Марке, о Зденке Засмуцком и его Бланицких рыцарях и т. д., элементы сказки так переплетаются с действительностью, что невозможно с уверенностью отделить одно от другого. Языческими сказаниями пронизана и христианская религия, они остались в виде многих легенд и обрядов. Так, например, святой Йиржи, двенадцатилетний отрок, который убивает дракона и спасает королевскую дочь от смерти, является тем же образом старых народных сказок, который встречается во многих наших сказаниях в различных видах: это, к примеру, и солнце весны, что после двенадцатимесячного цикла убивает дракона или зимнего беса, освобождая девственную природу.

Именно прастарые языческие сказания ослабляют влияние просвещения Нового времени на нашу жизнь, поскольку они зародились, выросли и живут в народной среде в виде поверьев, предрассудков, обычаев, поговорок и других привычек. Хотим мы того или не хотим, но, сами того не ведая, мы все проникнуты сказаниями наших далеких языческих предков. Так, например, желая кому-то «доброе утро» или «добрый день» и т. п., то есть выражая словом желание, чтобы случилось так, как мы говорим, мы и не подозреваем, что этот способ приветствия происходит еще с языческих времен, что иллюстрируется сказками, в которых словам приписывается действенная сила. Когда мы произносим поговорку «Черт напал на бога», желая сказать, что равный сразился с равным, мы и понятия не имеем о том, что мы высказали основное религиозное положение языческих наших предков о двух равных себе по силе и возможностях богах – добром и злом, и т. д.

Приступаем ко второму вопросу: откуда ведут свое начало простонародные сказки и сказания? По каким скрытым причинам в предысторические времена они неизбежно возникали и развивались у каждого народа, показывая простоту действительной жизни в удивительном царстве невозможного? Мы должны признать, что пока еще никому не удалось разрешить этот вопрос уверенно и окончательно.

Есть три способа, с помощью которых ученые мужи старого и нового века пытаются объяснить происхождение народных сказаний и доискаться до их ядра, а именно:

а) исторический – на котором настаивали древнегреческие эпикурейцы и некоторые их новейшие французские и немецкие последователи, доказывающие, что устное народное творчество есть обожествленная история, то есть что языческие боги были некогда реальными людьми, жившими на земле, со временем и с добавлением к их жизнеописаниям фантастических историй поднятые до уровня богов;

б) символический – считающий сказания плодом буйной фантазии, которая очеловечила и обожествила силы природы. Этот подход, которого придерживались и древнегреческие стоики, и их нынешние, особенно немецкие, последователи, был широко распространен, а ныне в Европе вообще господствует, как самый верный. Некоторые приписывают происхождение символических сказаний каким-то давним мудрецам, использовавшим их при обучении, или поэтам, писавшим их с развлекательной целью, или князьям – с целями религиозными, иные же полагают, что сказания целиком вышли из народа, который смелой разговорной символикой обрисовал обожествленные силы природы;

в) филологический, или языковый. Происхождение сказаний приписывается исключительно влиянию устной речи и ее изменениям, что является причиной несовершенства или недостаточного богатства исконного языка. Для сторонников такого подхода сказания – не что иное, как ошибочно понятые предания, которые пришли из предысторических судеб вследствие языковых недопониманий. Сказочные сказания породили потом сказочную веру и сказочные истории. Приверженцами этого подхода являются немец Гейне и русский Щепкин.

Мы уверены, что ни один из этих способов сам по себе недостаточен для объяснения всех народных сказаний какого угодно народа, но каждый из них на своем месте и в определенных обстоятельствах может быть верным и пригодным. Однако в славянском устном народном творчестве второй и в определенной мере третий способ может быть успешно использован, а первый, скорее всего, не годится. Ныне нет еще полной уверенности, откуда берут начало наши народные сказания, пока мы должны удовольствоваться осознанием того, что происходят они из времен предысторических, что в основе своей относятся они к религиозным воззрениям наших языческих предков, к уважению всемогущей природы.

Прага, февраль 1869 г.

Адольф Вениг

Предисловие к «Чешским сказаниям»

Исследуя собрание сказаний из разных краев Чешской земли, видим, что некоторые из них похожи друг на друга. Это, прежде всего, истории о существах сверхъестественных, населяющих луга, леса, горы и воды наших краев. Так, есть у нас много повестей о водяном, которые в совершенно разных вариантах встречаются в разных уголках нашей земли. Также много у нас сказаний о кладах, спрятанных в земле или в скале, открывающейся раз в году, в Вербное воскресенье или в Страстную пятницу, при чтении Страстей Господних.

Из-за притеснений крестьян от злых хозяев во времена барщины возникли многочисленные сказания о наказанных угнетателях, которые умерли противоестественной смертью и не обрели покой в могиле, а потому по ночам объезжают свою местность. Многие из таких сказаний мало чем отличаются друг от друга.

Очень много сказаний о чертях, появляющихся на земле, чтобы завладеть душой человека, причем человеку удается обхитрить черта. Читатели «Чешских сказаний» могут сравнить, например, «Сказание

о Чертовой скале под Тиржовом» в первой книге со сказаниями «О Чертовой стене у Смржова» и «О Чертовых камнях у Ландшперка»; все эти сказания возникли потому, что люди хотели объяснить происхождение тех или иных скальных образований.

Авторы народных сказаний, как и народных песен, нам неизвестны. Некоторые из них наверняка возникли на основе реальных событий или историй, которые из-за своей необычности пробудили особое внимание и были восприняты как действие сверхъестественных сил. Чем больше времени проходило от события как такового, тем больше изменений претерпевало повествование.

Если позднее некоторые писатели использовали устное предание в своих книгах, разумеется, многое в повествованиях менялось, приобретая новый изящный облик. Но случалось и так, что много лет спустя сказание вновь возвращалось в сферу устного народного творчества, иногда даже кажется, что писатель сам вымыслил сказание, которое потом так понравилось простым читателям, что они со временем освоили, а потом по-своему пересказывали. Так что иногда действительно трудно разобраться, где народное творчество, а что взято народом из чтения книг. Так же как и некоторые песни, считающиеся народными, возникли не в народе, и о них известно, кто написал слова и кто сложил музыку. Но песня так полюбилась, что живет среди простого народа.

Многие сказания о явлениях и существах сверхъестественных наверняка являются плодами возбужденного воображения людей и имеют реальную основу, так, например, блуждающие огоньки действительно появляются в некоторых местах, это самовозгорающиеся болотные газы. Светящийся трухлявый ствол старого дерева стал поводом для возникновения сказания об огненном человеке. Выдру или другого водного зверя, прыгнувшего с берега в воду, или рыбу, взметнувшуюся над водой, испуганный человек принимал за водяного. Таким образом, можно многие повествования объяснить совершенно естественным путем.

Нас занимали сказания как плоды народного поэтического творчества, причем сказания претерпели изменения бóльшие, чем народные песни. С течением времени рассказчики народных сказаний умерли, так что многие истории сохранились только благодаря тому, что были записаны и опубликованы в журналах или в книгах. Поэтому

они и будут жить дальше, когда уже не останется никого, кто помнит их из простонародных повествований.

Примечания

1

Имеется в виду душица, в дословном переводе – материнский прощальный привет (*здесь и далее примечания переводчика*).

2

Полудница – полуденная ведьма, похищающая детей в полдень.

3

«Щедрый день, Щедрый вечер» – традиционное славянское обозначение дня и вечера перед Рождеством.

4

Miserere mei, Deus, secundum magnam misericordiam Tuam – 50-й псалом: Помилуй мя, Боже, по великой милости Твоей...

5

Прастарый – самый древний.

6

Имя королевича переводится как «неожиданный».

7

Имя героя сказки составлено из слов «печь» и «валиться» и обозначает «печной лежебока».

8

Русины – восточнославянский народ, проживающий в Закарпатье, Восточной Словакии, Сербской Воеводине, Юго-Восточной Польше, Венгрии и Северо-Западной Румынии.

9

Первая славянская сказка о сотворении мира обнаружена была в Галиции, это была песня-колядка, которую поют на Рождество. *(Прим. К. Я. Эрбена.)*

10

Кужель, кудель – деревянная палочка, сквозь которую пропускается веретено; веретено – приспособление для ручного прядения пряжи.

11

Was? – Что? *(Нем.)*

12

Ага – титул военачальников и начальников некоторых групп придворных слуг (в султанской Турции), а также форма вежливого обращения, иногда в сочетании с именем к старшему и уважаемому человеку – употребляется в Закавказье, Средней Азии и Турции.

13

Василиск – существо, описываемое во многих источниках. В Библии василиск – одно из названий самой ядовитой змеи. Самая большая опасность василиска для человека – это его смертельный взгляд.

14

Героиня баллады обращается к св. Петронилле, чей день католики отмечают 31 мая.

15

Мартин Лютер (10 ноября 1483 г. – 18 февраля 1546 г.) – христианский богослов, инициатор Реформации, основной переводчик Библии на немецкий язык. Его именем названо одно из направлений протестантизма. Лютер объявил несостоятельным католический догмат о том, что церковь и духовенство являются необходимыми посредниками между Богом и человеком.

16

Дробечек – в переводе с чешского «крошечка», «малютка».

17

Дожинки – старинный народный праздник в день окончания жатвы.

18

Радгошь – гора в Моравско-Силезских Besкидах (Чехия), завершающая Пустевенский хребет, высота горы 1129 м над уровнем моря, это седьмая по высоте гора Моравско-Силезских Besкид. В наши дни на вершине Радгошти находится крест (установлен в 1805 г.); капелла святых Кирилла и Мефодия 1896–1898 гг., их памятник, 1931 г., и телевизионная вышка.

19

Горная вершина Княгиня (1256 м над уровнем моря) – одна из самых высоких гор Besкид. В наши дни Княгиня – Чертова мельница является протяженным заповедником в Моравско-Силезских Besкидах.

20

Бечва – горная река в Моравско-Силезских Besкидах.

21

Месса окончена (*лат.*).

22

Порог – по-чешски «праг» (pra'h). По преданию, от этого слова и пошло имя столицы Чехии – Praha.

23

Текст дается только в прозаическом переводе.

24

Текст дается только в прозаическом переводе.